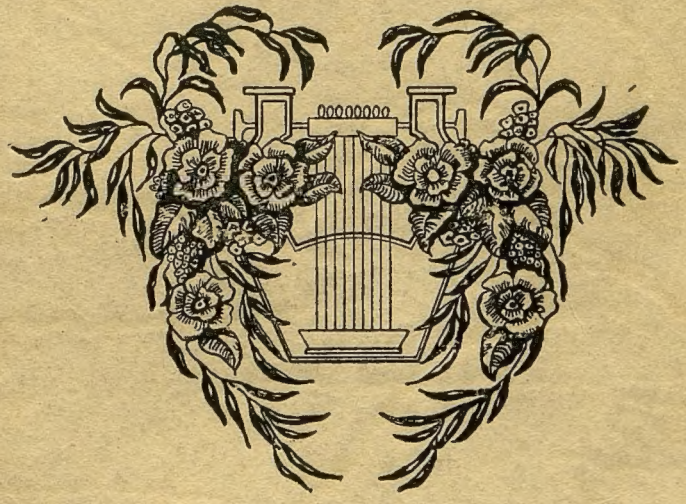
С—Ф
П-91

ПУШКИНЪ
И
ЕГО ВРЕМЯ



ХАРБИНЪ
1938

7

СФ-3843

Настоящая книга отпечатана въ типографіи «Заря» въ количествѣ одной тысячи ста шестидесяти экземпляровъ, изъ коихъ шестнадцать экземпляровъ именныхъ и сорокъ четыре нумерованныхъ напечатаны на бумагѣ лучшаго качества и въ увеличенномъ форматѣ.

С-Ф
П91

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПУШКИНСКІЙ КОМИТЕТЪ
при Бюро по дѣламъ Россійскихъ эмигрантовъ въ Маньчжурской Имперіи

А-7197 | Museum of Russian Culture SAN FRANCISCO

ПУШКИНЪ И ЕГО ВРЕМЯ

АЛЬБОМЪ АВТОТИПІЙ
СЪ СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

Составленъ проф. К. І. ЗАЙЦЕВЫМЪ,
П. А. КАЗАКОВЫМЪ и П. И. САВОСТЬЯНОВЫМЪ

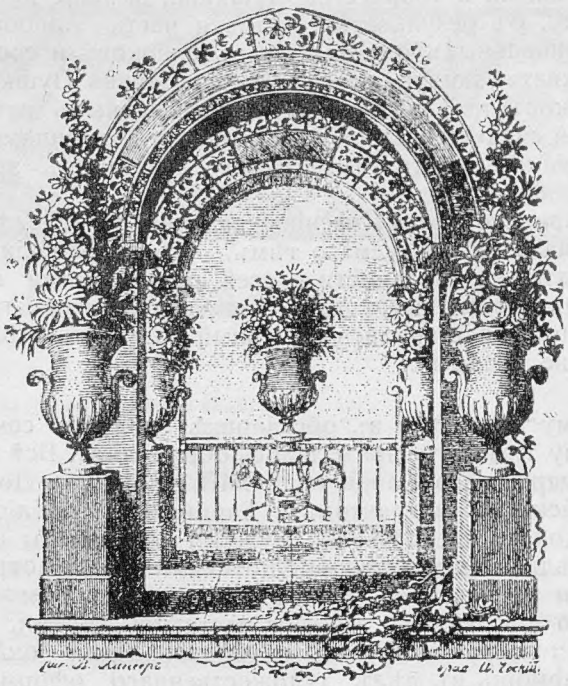
Подъ общею редакціею проф. К. І. ЗАЙЦЕВА

17288 | Museum of Russian Culture SAN FRANCISCO | 9/21-83

ХАРБИНЪ
1938

ОБЛОЖКА ИСПОЛНЕНА ПО ОРИГИНАЛЬНОМУ РИСУНКУ
Е. К. КАЛАБАНОВСКОЙ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ГА РФ
Инв. № С-Ф 3843



ПРѢДИСЛОВІЕ

Толчкомъ къ изданію настоящей книги послужила Пушкинская выставка, устраивавшаяся Пушкинскимъ Комитетомъ въ февралѣ прошлаго года. Выставка была организована по иниціативѣ Члена Пушкинскаго Комитета П. И. Савостьянова и состояла, въ главной своей части, изъ репродукцій (преимущественно фотографій) картинъ, гравюръ, портретовъ, рисунковъ и рукописей, сопровожденныхъ соотвѣтственнымъ цитатнымъ текстомъ, подобраннымъ также П. И. Савостьяновымъ. Цѣлью выставки, по мысли ея устроителей, являлось приблизить Пушкина и его эпоху къ нашему времени, давъ посѣтителю выставки зрительное представленіе о важнѣйшихъ этапахъ жизни Пушкина, раскрывавшихся выставкою послѣдовательно, и о связанныхъ съ Пушкинымъ лицахъ и мѣстахъ, и тѣмъ оживить столь обычное въ настоящее время, особенно у молодежи, книжно-отвлеченное знаніе русскаго прошлаго.

Выставка съ успѣхомъ выполнила свое назначеніе, и возникъ вопросъ: нельзя ли впечатлѣніе отъ нея, пусть сильное, но однократное и неповторимое, закрѣпить, попытавшись придать выставкѣ форму длящуюся, постоянную, — «книжно-альбомную»?

Приступъ къ работѣ поставилъ сразу же новые вопросы, возбудилъ новые планы, раздвинулъ границы предположеннаго первоначально... Родилась мысль, — воспользовавшись тѣмъ зрительнымъ впечатлѣніемъ, которое будетъ даваться намѣчаемою коллекціею автотипій, восполнить это впечатлѣніе не бѣгло-иллюстраціоннымъ текстомъ выставки, а текстомъ повѣствовательно-объяснительнымъ, дающимъ нѣкое упорядоченное знаніе. Въ этихъ цѣляхъ понадобилось не только во много разъ увеличить цитатный матеріалъ, при нѣсколько иномъ подборѣ и оформленіи рисунковъ Альбома, но и сопроводить почти всѣ рисунки соотвѣтственными связными очерками, на фонѣ коихъ рисунки и цитаты только и могли получить свой настоящій смыслъ.

При работѣ надъ текстомъ составители прежде всего старались возможно полнѣе изложить фактическія обстоятельства, отвѣчающія рисункамъ, но нерѣдко имъ приходилось попутно останавливаться и на особыхъ темахъ, существенно важ-

ныхъ для пониманія жизни и творчества Пушкина, внѣшне пріурачивая ихъ къ тому или иному рисунку. Въ результатѣ текстовая часть Альбома превратилась въ сплошную цѣпь оригинальныхъ описательныхъ очерковъ и соотвѣтствующихъ имъ коллекцій цитатъ, охватывающую въ цѣломъ всю жизнь Пушкина. Характеристики друзей и современниковъ, по необходимости выдѣленныхъ изъ общей жизнеописательной цѣпи, были сведены къ двумъ большимъ группамъ, по признаку ихъ преимущественной или исключительной принадлежности къ эпохамъ, — александровской или николаевской.

Выполненіе предпринятой отвѣтственной задачи потребовало отъ составителей упорнаго труда, немало осложняемаго тѣмъ, что харбинскія книжныя богатства, при относительной ихъ значительности и всей отзывчивости ихъ обладателей, далеко не давали составителямъ всего даже элементарно нужнаго. Подготовка книги къ печати и печатаніе ея растянулись на цѣлый годъ; въ юбилейномъ 1937 году Альбомъ выпустить не удалось...

* *
*

Работа по Альбому протекала въ обстановкѣ полнаго сочувствія со стороны всѣхъ тѣхъ, къ кому Комитету приходилось обращаться. Всѣ запрошенныя библіотеки, а именно: Коммерческаго Собранія, ХСМЛ, Общества Домовладѣльцевъ, Бюро по дѣламъ Россійскихъ Эмигрантовъ и Харбинская Библіотека Южно-Маньчжурской желѣзной дороги предоставили нужныя для работы книги въ распоряженіе Комитета, а завѣдывающіе этими библіотеками немало потрудились надъ дачею нужныхъ справокъ и разысканіемъ нужныхъ матеріаловъ. Значительное количество книгъ было передано для работы также и частными лицами, обладающими иной разъ весьма цѣнными собраніями. Рядъ «добровольцевъ» оказалъ составителямъ существеннѣйшую помощь въ дѣлѣ художественнаго оформленія и техническаго выполненія изданія. Комитетъ особенно благодаритъ г-жу Е. К. Калабановскую, украсившую Альбомъ оригинальнымъ рисункомъ для обложки, и г-жу С. С. Фесюнову, много потрудившуюся надъ свѣркою цитатнаго матеріала. Правленіемъ Общества Домовладѣльцевъ съ готовностью было предоставлено при Библіотекѣ Общества постоянное мѣсто для встрѣчъ и совмѣстной работы составителей. Бухгалтерская сторона дѣла лежала на В. М. Церцвадзе, любезно выполнявшемъ казначейскія обязанности во всѣхъ начинаніяхъ Пушкинскаго Комитета.

Въ осуществленіи предпринятаго изданія Комитетъ встрѣтилъ полную поддержку со стороны Бюро по дѣламъ Россійскихъ Эмигрантовъ, не только авансировавшаго необходимыя суммы, но и взявшаго на себя покрытіе нѣкоторыхъ накладныхъ расходовъ. Необходимо, въ частности, подчеркнуть исключительное содѣйствіе, оказанное Комитету начальникомъ финансоваго отдѣла Бюро г. М. Н. Гордѣевымъ, фактически взявшимъ на себя издательскія функціи. Нельзя не помянуть также добрымъ словомъ бывшаго секретаря Комитета, нынѣ покойнаго М. В. Калямина, при которомъ было начато настоящее изданіе.

Особо должна быть отмѣчена великодушная поддержка, оказанная дѣлу изданія Альбома бывшимъ Замѣстителемъ Городского Головы г. Коичи Эхара, который, по рекомендаціи друга Пушкинскаго Комитета г. Кокичи Фурусава, пожертвовалъ 200 іенъ со спеціальною цѣлью удешевленія Альбома для русскихъ школьниковъ. Это пожертвованіе даетъ Комитету возможность предоставить учащимся значительное количество экземпляровъ Альбома по цѣнѣ далеко ниже себѣстоимости.

Центральный Пушкинскій Комитетъ свидѣтельствуетъ всѣмъ перечисленнымъ лицамъ и учрежденіямъ свою горячую признательность.

Въ работѣ по подготовкѣ къ печати и въ печатаніи Альбома Пушкинскій Комитетъ считаетъ себя обязаннымъ также нижеслѣдующимъ (перечисленнымъ по алфавиту) лицамъ: Л. А. Блашкевичу, К. М. Вакуленко, Б. П. Веригину, М. А. Винниковой, В. В. Войнюшу, П. П. Гаряеву, В. А. Ивашкевичъ, Е. С. Кауфману, г. С. Кинъ, И. Н. Кобзаревой, Л. И. Лебедевой, Н. Н. Меди, Н. Г. Мызникову, И. Ѳ. Назарову, М. А. Серебрякову, М. К. Скамони, М. С. Тюнину, К. П. Чесноковой, А. В. Шиверской, В. И. Шуману, Е. Л. Ягелловичъ и А. Ю. Языкову, которыхъ Комитетъ проситъ принять его глубокую благодарность.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Предисловіе 5
Необходимыя для пользованія Альбомомъ свѣдѣнія 9
Указатели 10-14

Раздѣлъ I. РОДЪ ПУШКИНА. ДѢТСТВО. Стр. 17—30.

Рис. 1-2. Гербъ дворянскаго рода Пушкиныхъ. Предки Пушкина со стороны отца въ XII-XIX вв. 19-20
Рис. 3-6. А. П. Ганнибалъ. И. А. Ганнибалъ. С. Л. Пушкинъ. Н. О. Пушкина 21-22
Рис. 7-9. Метрическая запись о рожденіи Пушкина. Пушкинъ ребенкомъ. Домъ Клюгиныхъ . 23-24
Рис. 10-13. В. Л. Пушкинъ. О. С. Пушкина. Л. С. Пушкинъ. Сельцо Захарово . . . 25-26
Рис. 14. Няня Арина Родіоновна 27-28
Рис. 15. Пушкинъ ребенкомъ. *(Гравюра Е. Гейтмана).* 29-30

Раздѣлъ II. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА. Стр. 31—104.

ЛИЦЕЙ.

Рис. 16. Императоръ Александръ I 33-34
Рис. 17. Императрица Елизавета Алексѣевна 35-36
Рис. 18-19. Императорскій Царскосельскій Лицей. Рекреаціонный залъ 37-38
Рис. 20-21. Пожаръ Москвы. Въѣздъ Императора Александра I въ Парижъ. 39-40
Рис. 22. Лицеистъ Пушкинъ на актѣ 1815 года 41-42
Рис. 23-24. Большое царскосельское озеро. Одинъ изъ уголковъ парка 43-44
Рис. 25-26. Е. П. Бакунина. Мадригалъ Е. П. Бакуниной 45-46
Рис. 27-29. Пушкинъ-лицеистъ. Е. А. Энгельгардтъ. Г. Р. Державинъ 47-48
Рис. 30. Пушкинъ въ послѣдніе годы пребыванія въ Лицеѣ 49-50

ПО ОКОНЧАНІИ ЛИЦЕЯ — С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Рис. 31-33. П. Я. Чаадаевъ. Е. С. Семенова. Невскій проспектъ 1820-хъ годовъ 51-52
Рис. 34-37. Домъ Карамзиныхъ въ Царскомъ селѣ. А. И. Тургеневъ. Кн. П. А. Вяземскій. В. А. Жуковскій 53-54
Рис. 38. Н. М. Карамзинъ 55-56
Рис. 39. Пушкинъ. *(Портретъ Ж. Вивьена).* 57-60

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ — КАВКАЗЪ — КРЫМЪ.

Рис. 40-42. И. Н. Инзовъ. Рисунокъ Пушкина, изображающій И. Н. Инзова. «Колоссъ двуглавый». 61-62
Рис. 43-44. Кн. М. Н. Волконская. Пушкинъ съ Раевскими на южномъ берегу Крыма . 63-64
Рис. 45-47. Домъ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ. «Пушкинскій гротъ» въ Гурзуфѣ. Пушкинъ на Ай-Петри въ Крыму 65-66
Рис. 48-51. Любимый кипарисъ Пушкина въ Гурзуфѣ. Пушкинъ у скалъ Аю-Дага. Фонтанъ слезъ. Пушкинъ въ Бахчисараѣ 67-68

КИШИНЕВЪ — ОДЕССА.

Рис. 52-53. Домъ Инзова въ Кишиневѣ. Кишиневскій пейзажъ, зарисованый Пушкинымъ . 69-70
Рис. 54-56. Автопортретъ Пушкина «въ черномъ фулярѣ». П. И. Пестель. Одинъ изъ рисунковъ Пушкина въ черновикахъ «Цыганъ» 71-74
Рис. 57-59. В. Л. Давыдовъ. И. Д. Якушкинъ. «Пушкинскій гротъ» въ Каменкѣ . . . 75-76
Рис. 60-61. Видъ Одессы съ моря. Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ . . 77-78
Рис. 62-65. Гр. М. С. Воронцовъ. Гр. Е. К. Воронцова. А. Н. Раевскій. Кн. В. Ѳ. Вяземская . 79-80
Рис. 66. «Прощай, свободная стихія!» 81-82

ССЫЛКА — МИХАЙЛОВСКОЕ.

Рис. 67-68. Усадьба Пушкиныхъ въ с. Михайловскомъ. Пушкинъ въ деревнѣ . . . 83-84
Рис. 69-70. Пушкинъ и няня. Помѣщичій домъ въ Тригорскомъ 85-86
Рис. 71-73. Н. М. Языковъ. А. Н. Вульфъ. Рѣка Сороть 87-88
Рис. 74-75. Наводненіе 7 ноября 1824 года. Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца . 89-90
Рис. 76-78. А. П. Кернъ. Старая береза въ тригорскомъ паркѣ. «Диванъ Онѣгина» . . 91-92
Рис. 79-80. Пушкинъ за работой. Пушкинъ въ Михайловскомъ (Посѣщеніе Пущина) . . 93-94

ДРУЗЬЯ И СОВРЕМЕННИКИ.

Рис. 81-84. И. И. Пущинъ. Бар. А. А. Дельвигъ. Св. кн. А. М. Горчаковъ. В. К. Кюхельбекеръ 95-98
Рис. 85-88. Е. А. Баратынскій. К. Н. Батюшковъ. И. А. Крыловъ. П. А. Плетневъ . . . 99-100
Рис. 89-92. А. С. Шишковъ. И. И. Дмитріевъ. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Н. С. Мордвиновъ 101-102
Рис. 93-96. А. С. Грибоѣдовъ. Д. В. Давыдовъ. К. Ѳ. Рылѣевъ. А. А. Бестужевъ-Марлинскій . 103-104

Раздѣлъ III. НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА. Стр. 105—190.

Рис. 97-98. 14-ое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ. Камера декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ 107-108
Рис. 99-100. Фельдъегерь. Николаевскій дворецъ въ Кремлѣ 109-110
Рис. 101. Императоръ Николай I. *(Портретъ Доу)* 111-114

ОТЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ ИЗЪ ССЫЛКИ ДО ПУТЕШЕСТВІЯ НА КАВКАЗЪ.

Рис. 102-103. Кремль въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка. Видъ въ Кремлѣ 115-116
Рис. 104-106. Домъ А. А. Ренкевича на Собачьей площадкѣ. С. А. Соболевскій. Гостиная въ «нащокинскомъ домикѣ» 117-118
Рис. 107-108. Большой театръ въ Москвѣ. Гулянье подъ Новинскимъ 119-120
Рис. 109-112. Кн. З. А. Волконская. Адамъ Мицкевичъ. Д. В. Веневитиновъ. М. П. Погодинъ. 121-122
Рис. 113. Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацію Мицкевича въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской 123-124
Рис. 114-116. С. Ѳ. Панина. Е. Н. Ушакова. Благородное Собраніе 125-126
Рис. 117. Пушкинъ. *(Портретъ В. А. Тропинина)* 127-128
Рис. 118-120. А. А. Оленина и ея подруги. А. Н. Олениныъ. Н. И. Гнѣдичъ 129-130
Рис. 121-122. Балъ у графини Закревской. Сенатская площадь 131-132
Рис. 123-124. Пушкинъ. *(Портретъ О. А. Кипренскаго)*. Факсимиле изъ стихотворенія «Козлову» 133-134
Рис. 125. Н. Н. Пушкина невѣстой 135-136
Рис. 126-127. Пушкинъ *(миніатюра В. А. Тропинина)* и родители Наталіи Николаевны — Н. А. и Н. И. Гончаровы *(миніатюры* Voiltier) 137-138

ПУТЕШЕСТВІЕ НА КАВКАЗЪ.

Рис. 128-130. Ген. А. П. Ермоловъ. Автопортретъ Пушкина «въ карантинѣ Гуммранскомъ». Монастырь на Казбекѣ 139-140
Рис. 131-134. Гр. И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій. Н. Н. Раевскій-младшій. Дарьяльское ущелье. Пушкинъ во время путешествія въ Эрзерумъ 141-142

ОТЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ СЪ КАВКАЗА ДО ЖЕНИТЬБЫ.

Рис. 135-136. Домъ Гончаровыхъ въ Москвѣ. Общій видъ с. Болдина 143-146
Рис. 137-139. Помѣщичій домъ въ Берновѣ. Старый домъ въ Малинникахъ. Ротонда въ усадьбѣ Архангельскаго 147-148
Рис. 140-142. Домъ князей Вяземскихъ въ Остафьевѣ. Пушкинская комната въ Остафьевѣ. Кн. П. А. Вяземскій 149-150
Рис. 143. Филаретъ, митрополитъ московскій 151-154

ОТЪ ЖЕНИТЬБЫ ДО ДУЭЛИ.

Рис. 144. Н. Н. Пушкина. *(Портретъ Гау)* 155-156
Рис. 145-147. Дача Пушкина въ Царскомъ Селѣ. «Разбитая кружка». Видъ царскосельскаго спуска 157-160
Рис. 148-149. Гусары при штурмѣ Варшавы. Марсово Поле 161-162
Рис. 150-151. А. О. Россетъ-Смирнова. Дворцовая набережная 163-164
Рис. 152-153. Книжная лавка Смирдина. Старое зданіе Московскаго Университета . . 165-166
Рис. 154-156. Пушкинъ въ 1830-хъ гг. Павильонъ Адмиралтейства. Аничковъ дворецъ . 167-168
Рис. 157. «Мѣдный Всадникъ» 169-170
Рис. 158-161. П. В. Нащокинъ. В. А. Нащокина. А. С. Пушкинъ. *(Портретъ К. П. Мазера)* Н. Н. Пушкина. *(Портретъ К. П. Мазера)*. 171-174
Рис. 162-164. Пушкинъ. *(Рис. В. А. Серова)*. Пушкинъ у Михайловскихъ сосенъ. Уголокъ гостиной въ Тригорскомъ 175-176
Рис. 165-167. Пушкинъ. *(Гравюра Райта)*. Пушкинъ. *(Портретъ П. Соколова)*. Пушкинъ у Гоголя. 177-178

ДРУЗЬЯ И СОВРЕМЕННИКИ.

Рис. 168. В. А. Жуковскій. *(Портретъ К. П. Брюллова)*. 179-180
Рис 169-172. Н. В. Гоголь. М. Н. Загоскинъ. И. И. Козловъ. И. И. Лажечниковъ . . . 181-182
Рис. 173-176. Гр. А. Х. Бенкендорфъ. Н. И. Гречъ. Ѳ. В. Булгаринъ. Н. А. Полевой . . 183-184
Рис. 177-180. А. В. Кольцовъ. В. Г. Бенедиктовъ. В. Ѳ. Одоевскій. Гр. Д. И. Хвостовъ . . 185-186
Рис. 181-184. Гр. М. Ю. Віельгорскій. М. И. Глинка. В. А. Тропининъ. О. А. Кипренскій . 187-188
Рис. 185-188. А. С. Хомяковъ. А. И. Полежаевъ. М. Ю. Лермонтовъ. Ѳ. И. Тютчевъ. . . 189-190

Раздѣлъ IV. ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА. Стр. 191—214.

Рис. 189-190. Пушкинъ. *(Портретъ И. Л. Линева)*. Факсимиле изъ стихотворенія «Памятникъ» 193-196
Рис. 191-194. Бар. Ж. Дантесъ-Геккеренъ. Бар. Л. де-Геккеренъ. К. К. Данзасъ. Пистолеты сохранившіеся отъ дуэли 197-198
Рис. 195-196. Конецъ дуэли. «Послѣдняя дуэль Пушкина» 199-200
Рис. 197-199. Раненаго Пушкина привозятъ домой. В. И. Даль. Домъ на Мойкѣ, въ которомъ умеръ Пушкинъ 201-204
Рис. 200. Императоръ Николай I. *(Портретъ Ф. Крюгера)*. 205-206
Рис. 201. Пушкинъ въ гробу 207-208
Рис. 202-204. Маска Пушкина. *(Снимокъ)*. Маска Пушкина. *(Рис. Э. Жуковской)*. Видъ на Адмиралтейство отъ старсй Исаакіевской церкви 209-210
Рис. 205-206. Перевозъ тѣла Пушкина въ Святыя Горы. Святогорскій Успенскій монастырь 211-212
Рис. 207. Могила и надгробный памятникъ Пушкина 213-214

Перечень использованной литературы о Пушкинѣ. 216

НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ АЛЬБОМОМЪ СВѢДѢНІЯ.

Альбомъ представляетъ собою 85 листовъ съ рисунками, расположенными по хронологическому признаку. Каждому листу рисунковъ предшествуетъ пояснительный текстъ. На лицевыхъ (нечетныхъ) страницахъ помѣщены краткія характеристики отдѣльныхъ лицъ, фактическія справки или сжатые очерки на темы, связанныя съ рисунками. Авторами этой части текста являются составители.

На оборотныхъ (четныхъ) страницахъ сгруппированы цитаты изъ произведеній или изъ переписки друзей и современниковъ Пушкина, изъ изслѣдованій о Пушкинѣ (носящихъ характеръ «источниковъ»), а равно изъ литературнаго наслѣдія самого Пушкина.

Для удобства пользованія объяснительнымъ текстомъ, надъ названіями рисунковъ, симметрично ихъ расположенію, поставлены номера. Эти же номера читатель найдетъ и надъ текстомъ, составленнымъ изъ цитатъ, на оборотныхъ страницахъ.

Пояснительный текстъ лицевой, а равно и цитаты оборота относятся иногда не къ одному, а къ нѣсколькимъ рисункамъ, что въ такихъ случаяхъ обозначается, какъ общее правило, соотвѣтственнымъ расположеніемъ текста. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда представлялось желательнымъ расширить пояснительный текстъ, листъ рисунковъ сопровождается не двумя, а четырьмя страницами текста.

Цитаты, относящіяся къ отдѣльнымъ рисункамъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Въ заголовкахъ цитатъ изъ Пушкина проставлены только *НАЗВАНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЙ*, выдѣленныя титульными буквами. Сокращенія въ цитатахъ обозначены, какъ обычно, многоточіями. Въ поэтическихъ произведеніяхъ, при пропускахъ строкъ или строфъ, длинныя многоточія замѣнялись небольшимъ междустрочнымъ просвѣтомъ. Курсивъ въ скобкахъ — составителей.

На лицевыхъ страницахъ, въ цѣляхъ экономіи мѣста, абзацы во многихъ случаяхъ замѣнены большими тире.

Помимо оглавленія, представляющаго собою планъ Альбома и полистовый перечень всѣхъ рисунковъ, Альбомъ снабженъ нѣсколькими указателями.

УКАЗАТЕЛИ

1. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОВРЕМЕННИКОВЪ ПУШКИНА.

ОБОЗНАЧЕНІЯ:

«РТ◇ номеръ» — показываетъ, что подъ этимъ номеромъ имѣются, относящіеся къ данному лицу: 1) Рисунокъ, 2) Текстъ къ рисунку на лицевой и 3) Оборотъ ◇;
«РТ номеръ» — показываетъ, что подъ этимъ номеромъ имѣются относящіеся къ данному лицу: 1) Рисунокъ и 2) Текстъ на лицевой;
«Р номеръ» — показываетъ, что имѣется только Рисунокъ (безъ всякаго сопроводительнаго текста);
«Т номеръ» — показываетъ, что въ Текстѣ подъ рисункомъ съ этимъ номеромъ имѣется упоминаніе о данномъ лицѣ;
«Стр. номеръ» — упоминаніе о лицѣ на данной страницѣ (не среди цитатъ);
«*Номеръ курсивомъ*» — упоминаніе о лицѣ въ цитатѣ за этимъ номеромъ.

Основной текстъ о лицѣ, чье изображеніе имѣется въ Альбомѣ, надлежитъ искать прежде всего подъ обозначеніями: РТ◇ и РТ.

Александра Ѳеодоровна, императрица Т 156; стр. 157, 161, 163; *33, 347, 356, 511, 514, 531, 532, 551, 553, 690, 691.*

Александръ I, императоръ РТ◇ 16, 21, 75; Т 17, 18, 20, 38, 39, 66, 89, 92, 109, 143; *51, 55—58, 145, 150, 153, 154, 278, 329, 336, 348, 432.*

Андро А. А. см. Оленина А. А.

Арендтъ Т 197—200; *632, 669, 683, 684.*

Арина Родіоновна РТ◇ 14, 69; Т 15, 99, 143; стр. 83, 119; *274, 339, 375—377, 500, 640.*

д'Аршіакъ РТ 195-196; Т 194, 197, 199; *662—664.*

Байронъ Т 54, 143; *1, 170, 171, 326, 381, 390, 457, 599.*

Бакунина РТ◇ 25; РТ 26; Т 23.

Баратынскій РТ◇ 85; Т 71, 104, 113, 136, 144; *144, 197, 383, 396, 427, 484, 505, 714.*

Барклай де-Толли Т 91; *606.*

Батюшковъ РТ◇ 86; Т 5, 21, 22, 38, 39, 74, 85, 87, 90, 120; *11, 69, 141, 321, 594.*

Бенедиктовъ РТ◇ 178.

Бенкендорфъ РТ◇ 173; Т 135, 200; стр. 133, 158, 211; *263 (сноска), 264 (сноска), 342, 343, 346, 403, 406, 407, 595, 634, 644, 682, 706.*

Бестужевъ РТ◇ 96; Т 141-142; стр. 107; *98, 130, 211, 220, 302, 319, 325, 345, 715.*

Булгаринъ РТ◇ 175; Т 136, 174; *10 (+ сноска), 301 (сноска), 346, 384, 543, 607.*

Веневитиновъ РТ◇ 111; РТ 113; Т 104, 185; *362, 382, 383, 387.*

Віельгорскій Мих. Юрьевичъ РТ◇ 181; Т 74, 106, 199; *33, 265, 624б, 625, 656, 677, 678.*

Волконская З. А. РТ 109; РТ◇ 113; стр. 63.

Волконская М. Н. см. Раевская М. Н.

Воронцова Е. К. РТ◇ 63; Т 64, 66, 183; стр. 77, 83; *227, 235, 240.*

Воронцовъ М. С. РТ◇ 62; Т 40-41, 45-46, 63, 64, 66; стр. 77; *228, 229, 231, 232, 235, 239.*

Вревская Е. Н. см. Вульфъ Е. Н.

Вульфъ Ал. Ник. РТ◇ 72; Т 70, 71, 125, 481; стр. 175; *246, 404, 572.*

Вульфъ Анна Ник. Т 70; *561.*

Вульфъ Евпр. Ник. Т 6, 70; стр. 175; *251, 436, 481, 657.*

Вяземская В. Ѳ. РТ◇ 65; Т 25, 66, 70, 100, 101, 135, 201; стр. 115; *235, 238, 463, 465, 504, 621, 656, 676.*

Вяземскій П. А. РТ◇ 36; 140-142; РТ 113; Т 10, 22, 30, 34, 35, 38, 39, 42, 65, 66, 79, 94, 101, 106, 110, 114, 116, 119, 125, 135, 143, 145, 152, 176, 188, 193, 199—201, 204; стр. 69, 107, 115, 119, 131, 161, 163, 193; *10 (сноска), 27, 28, 33, 115, 116, 125, 132—134, 139, 211, 215, 218, 227—229, 233, 235, 248, 254, 271, 285, 295, 309, 310, 348, 385, 399, 444, 449, 458, 462—464, 475, 504, 527, 533, 534, 540, 547, 569, 593, 594, 612, 621, 624б, 656, 658, 667, 672, 673, 675, 680, 683, 701, 714.*

Галичъ Т18; *78.*

Ганнибалъ А. П. (Ибрагимъ) РТ◇ 3; Т 2, 157; *6, 7, 22, 430, 484.*

Ганнибалъ И. А. РТ◇ 4.

Ганнибалъ М. А. Т 13, 14, 15; стр. 211; *16, 30, 38, 500.*

Ганнибалъ О. А. Т 6, 14; стр. 83, 211; *9.*

Геккеренъ де Луи РТ◇ 192; Т 197, 200; стр. 194 *656, 661, 690, 691.*

Глинка М. И. РТ◇ 182; Т 119; *266, 625.*

Гнѣдичъ РТ◇ 120; Т 32, 152, 170; *69, 111, 160, 196, 206, 353, 410, 411, 580, 594.*

Гоголь РТ◇ 167; Р 169; Т 30, 38, 42, 71, 86, 101, 106, 136, 168; стр. 158, 163; *286, 357, 410, 452, 484, 489, 501, 521, 541.*

Голицына А. И. *138, 139.*

Гончарова А. Н. Т 127; *443, 563, 568.*

Гончарова Е. Н. Т 127, 191; *443, 563, 651, 675, 691.*

Гончарова Н. И. РТ◇ 126, 127; РТ 135; Т 129, 137-138; *432—434, 462, 465—467, 510, 565.*

Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.

Гончаровъ Н. А. РТ◇ 126, 127; РТ 135.

Гончаровъ С. Н. Т 127; *681.*

Горчаковъ А. М. РТ◇ 83; Т 80; *41.*

Гречъ РТ◇ 174; Т 170, 175; стр. 133; *78, 314, 642, 666.*

Грибоѣдовъ РТ◇ 93; Т 175, 182; *113, 296, 299, 446, 715*

Давыдовъ В. Л. РТ 57; *208.*

Давыдовъ Д. В. РТ◇ 94; Т 141-142, 199; *447, 484, 545.*
Даль РТ 198; Т 157, 199; стр. 194; *677—679.*
Данзасъ РТ◇ 193; РТ 195-196; Т 194, 197; стр. 211; *647, 661, 662, 668—670, 672, 682, 684, 717.*
Дантесъ-Геккереиъ Ж. РТ◇ 191; РТ 195-196; Т 110, 127, 192, 194, 197, 199, 200, 204; стр. 193; *622, 651, 662, 675, 681, 688, 689, 691, 696, 703.*
Дельвигъ А. А. РТ◇ 82; Т 29, 30, 76, 79, 80, 85, 88, 96, 99, 101, 113, 123, 136, 137-138, 144, 176, 182; стр. 107, 131, 157; *48, 73, 144, 174, 186, 216, 226, 239, 255, 266, 299, 335, 349, 378, 401, 421, 423, 427, 458, 480, 505.*
Державинъ РТ◇ 22, 29; Т 18, 168; стр. 161; *197, 283, 326, 410, 484, 505, 609.*
Дмитріевъ РТ◇ 90; Т 5, 10, 38; *11, 40, 152, 484, 552, 612.*
Елизавета Алексѣевна, императрица РТ◇ 17; Т 25, 118, 184.
Ермоловъ РТ◇ 128; Т 131; *159, 368.*
Жуковскій РТ◇ 37, 168; Т 22, 30, 34, 35, 38, 39, 79, 86, 104, 113, 125, 140, 152, 153, 170, 171, 178, 182, 188, 197, 199—204, 207; стр. 107, 157, 161, 163, 199, 211; *11, 33, 52, 75, 88, 102, 114, 117, 127—129, 135, 154, 222, 233, 283, 307, 321, 328, 334, 354, 357, 410, 420, 427, 430, 436, 484, 499, 505, 508, 511, 512, 516, 521, 529, 533—535, 540, 542, 566, 597, 600, 609, 611, 612, 614, 617, 623, 624б, 631, 634, 640, 644, 672, 677—679, 687, 693, 694, 700.*
Загоскинъ РТ◇ 170; Т 113.
Загряжская Е. И. Т 137; *439—441, 553.*
Загряжская Н. К. Т 137; *440, 444.*
Закревская РТ 121.
Ильичевскій Т 18, 34; *87.*
Инзовъ РТ◇ 40-41, 52-53; Т 28, 39, 44, 65; стр. 77; *150, 154, 159, 187, 217, 232.*
Карамзина Е. А. РТ 34; Т38, 45-46, 70, 166, 167; стр. 133; *430, 462, 464, 569, 668, 674.*
Карамзинъ Н. М. РТ◇ 38; РТ 34; Т 2, 5, 10, 30, 35, 36, 39, 45-46, 90, 140, 168, 176, 200; стр. 107; *3, 6, 11, 15, 151—154, 272, 310, 312, 446, 455, 484, 488, 612.*
Катенинъ Т 39; *24, 82, 111—113, 142, 296, 628.*
Каченовскій Т 153; *546, 547.*
Кернъ А. П. РТ◇ 76; Т 11, 25, 70, 82, 111, 119, 182; стр. 131; *284, 378, 418, 421, 422, 426, 561.*
Кипренскій РТ◇ 184; Т 123; *274, 411, 418, 457, 543.*
Кирѣевскій П. В. стр. 158; *383, 595.*
Козловъ РТ◇ 171; Т 38; *266, 269, 350.*
Кольцовъ РТ◇ 177.
Корфъ Т 5, 27, 30, 81, 156, 173, 200; *45, 64, 136.*
Кошанскій Т 18; *61, 64, 283.*
Крыловъ РТ◇ 87; Т 119, 170, 204; *410, 411, 484, 594, 609, 704.*
Кукольникъ Т 176; *702.*
Куницынъ Т 18, 23; *58, 76, 104.*
Кутузовъ РТ◇ 91; Т 143; стр. 161; *56, 524, 529.*
Кюхельбекеръ РТ◇ 84; Т 28; *82, 89 (сноска), 96, 332, 333, 345, 590.*
Лажечниковъ РТ◇ 172; Т 21.
Лермонтовъ РТ◇ 187; Т 127; *648, 676, 698, 699.*
Малиновскій В. Ѳ. Т 18; *57, 59, 283.*
Малиновскій И. В. Т 18, 25, 30, 81; *717.*
Маркова-Виноградская А. П. см. Кернъ А. П.
Михаилъ Павловичъ, великій князь стр. 131, 202; *651, 658, 701.*
Мицкевичъ РТ◇ 110; РТ 113; Т 50, 104, 136, 157; стр. 63, 133, 161; *341, 383, 385, 389, 427, 484, 557.*
Мордвиновъ Н. С., адмиралъ, графъ РТ◇ 92.
Надеждинъ Т 31, 101, 111.
Наумова Ек. Н. см. Ушакова Ек. Н.
Нащокина В. А. РТ 153; Т 207; стр. 153; *550, 559, 655, 681, 716.*
Нащокинъ П. В. РТ◇ 106; РТ 158; Т 15, 193, 207; стр. 157, 193; *505, 507, 518, 548, 560, 563, 568, 569, 636, 655, 681, 716, 718.*
Нессельроде Т39, 66; *154, 234, 690.*
Николай I, императоръ РТ◇ 101, 200; Т 55, 6[illegible], 86, 92, 95, 96, 99, 100, 117, 128, 131, 135, 13[illegible], 143, 156, 168, 173, 185; стр. 107, 119, 131, 133, 157, 161, 163, 193, 211; *10, 33, 110, 117, 334, 336, 341, 371, 403—405, 407, 475, 485, 499, 517, 518, 531, 532, 542, 549, 550, 553, 603, 640, 644, 651, 694, 697, 706.*
Одоевскій В. Ѳ. РТ◇ 179; Т 84, 113; *89 (сноска), 623, 624б, 625.*
Оленина А. А. РТ◇ 118; *534.*
Олининъ А. Н. РТ◇ 119; Т 76, 118, 120, 182; *594.*
Орлова Е. Н. см. Раевская Е. Н.
Орловъ М. Ѳ. Т 21, 59; стр. 69; *191, 203.*
Осипова П. А. Т 70, 72, 76, 77, 78, 99, 137-138; стр. 83, 119, 133, 157, 175; *238, 243, 250, 252, 260, 266, 269, 351, 428, 481, 564, 707.*
Павлищева О. С. РТ◇ 11; Т5, 14, 15, 105, 136, 156; стр. 83, 131, 175; *16, 20, 21, 28, 38, 39, 420, 513, 514, 562, 567, 640.*
Панаевъ Т 179; *543, 614, 698.*
Панина С. Ѳ. см. Пушкина С. Ѳ.
Паскевичъ РТ◇ 131; *449, 528.*
Пестель РТ◇ 55; стр. 69, 107.
Плетневъ П. А. РТ◇ 88; Т 39, 82, 85, 88, 136, 144, 145, 152, 157, 171, 197, 199, 202; стр. 157, 163; *24, 131, 135, 140, 269, 297, 466, 467, 470, 474, 488, 505, 508, 509, 512, 535, 542, 573, 591, 592, 594, 613, 643, 678.*
Погодинъ РТ◇ 112; РТ 113; Т 101, 104, 136; *329, 363, 402, 554, 584, 626.*
Полевой К. А. *365, 370, 429.*
Полевой Н. А. РТ◇ 176; Т 117, 139, 178; *316, 365, 495, 614.*
Полежаевъ РТ◇ 186.
Пушкина Н. Н. РТ◇ 125; РТ 144, 145, 161; Т 25, 106, 115, 116, 126, 127, 135, 136, 156, 180, 191, 192, 197, 199, 200, 201, 204; стр. 63, 157, 175, 193, 194, 199, 211; *367, 439—443, 459—463, 466, 468, 469—471, 473, 476—478, 482, 484, 499, 502—504, 506—507, 508, 510—516, 545, 547, 549, 551—553, 558, 560—563, 565, 568—569, 571, 621, 622, 629, 634, 651, 655, 657, 671, 676, 679, 680, 683, 684 686; 718.*
Пушкина Н. О. РТ◇ 6; Т 2, 4, 11, 156, 207; стр. 83, 175, 211; *6, 11, 16, 18, 28, 113, 418, 485, 561, 640.*
Пушкина О. С. см. Павлищева О. С.
Пушкина С. Ѳ. РТ◇ 114; Т116.
Пушкинъ В. Л. РТ◇ 10; Т 5, 36, 80, 139; стр. 115; *40, 41, 125.*
Пушкинъ Л. С. РТ◇12; Т 6, 14, 45-46, 74, 80, 106, 125, 136, 182; стр. 69, 77; *16, 19, 159, 168, 186, 198, 230, 247, 280, 457, 529, 561, 599, 624а, 640, 713.*
Пушкинъ С. Л. РТ◇ 5; РТ 2, 7; Т 22, 123, 135, 136, 168, 197, 200, 201, 207; стр. 83, 131, 211; *12, 15, 22, 28, 77, 113, 137, 238, 420, 442, 463, 469, 563, 640, 668, 672, 677, 686, 694, 700, 706, 708, 713.*
Пущинъ РТ◇ 80, 81; Т 25, 30, 82, 139; стр. 131; *41, 42, 51, 57, 59, 61, 64, 76, 87, 95, 97, 100, 145, 150, 323, 324, 345, 717.*
Раевская Ек. Н. Т 45-46; стр. 69; *170, 171, 191.*

Раевская М. Н. РТ◇ 43-44; Т 45-46; *159, 170, 330, 386, 387.*
Раевскій А. Н. РТ◇ 64; Т45-46, 63; *170, 191, 231, 454.*
Раевскій Н. Н. младшій РТ◇ 132; Т 44, 45-46, 79, 134; *159, 170, 171, 457.*
Раевскій Н. Н. старшій Т 42, 44, 45-46, 57, 59, 64, 66; *156, 159, 164, 170, 454.*
Ризничъ стр. 77; *213 (сноска).*
Россетъ А. О. см. Смирнова А. О.
Россетъ, Арк. Ос. Т 100, 192, 201; *515, 695, 697.*
Ростопчина Т 105; стр. 119; *374.*
Рылѣевъ РТ◇ 95; Т 38. 79, 96; *211, 329, 345.*
Семенова РТ 32; *111, 112.*
Сенковскій Т 94, 175; *543.*
Смирдинъ РТ◇ 152; стр. 158.
Смирнова (Россети) А. О. РТ◇ 150; Т 15. 30, 70, 74, 100, 125, 143, 167, 185, 187, 200, 201; стр. 193; *33, 109, 200, 202, 307, 345, 353, 354, 356, 430, 436, 449, 453, 499, 500, 511, 512, 531, 532, 549, 557, 566, 579, 593, 596, 603, 625, 631, 640, 663, 679, 682, 683, 688, 691.*
Смирновъ Н. М. Т 100, 125, 167, 183, 201; стр. 163, 175, 193; *460, 549, 639, 640, 645, 650.*
Соболевскій РТ◇ 104. 105; Т 15, 117, 152, 183; стр. 115; *383, 398, 530, 543, 624б, 626, 716.*
Соллогубъ Т 63, 105, 181, 187; *263, 410, 580, 619.*
Спасскій Т 198. 199; *666, 669, 672.*
Сперанскій *49, 143, 594.*
Тропининъ РТ◇ 183; Т 105. 117; *398.*
Тургеневъ А. И. РТ◇ 35; Т 22, 34, 38, 39, 42, 80, 92, 113, 125, 143, 201, 207; стр. 157, 161, 163, 199, 211; *141, 228, 232, 484, 500, 527, 593, 657, 659, 664, 671, 674, 677, 684, 685, 704, 707.*
Тютчевъ РТ◇ 188; Т 168; *484.*
Ушакова Ек. Н. РТ◇ 115; Т 116; *460.*
Филаретъ, митрополитъ РТ 143; Т 22, 89; *347, 348, 350, 492—494, 501.*
Хвостовъ РТ◇ 180.
Хитрово Т 70, 143; стр. 131, 161, 193; *494, 502, 503, 529, 704.*
Хомяковъ РТ◇ 185; РТ 113; Т 157; стр. 107; *383, 430, 500.*
Чаадаевъ РТ◇ 31; РТ 113; Т45-46; стр. 69, 161; *83, 92, 189, 210, 314.*
Шевыревъ Т 22, 85, 104, 113, 116, 153; *361, 362, 383, 405, 530, 614, 626.*
Шишковъ РТ◇ 89; Т 29, 92, 119; *296.*
Энгельгардтъ РТ◇ 28; Т22, 23, 30; *45, 104, 150, 290.*
Языковъ Н. М. РТ◇ 71; Т 14, 31, 72, 77, 85, 105; стр. 158, 175; *37, 243, 246, 253, 257—260, 279, 340, 541, 582, 629.*
Якушкинъ РТ 58; *209, 210.*

---

2. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Въ перечнѣ приведены краткія наименованія и номера рисунковъ; подробныя наименованія см. въ текстѣ. *Исправленія:* Въ самомъ текстѣ Альбома, — въ названіи рис. 110 напечатано; *Портретъ К. Мордасевича,* слѣдуетъ читать: *По портрету Ванковича (1828 г.);* въ названіи рис. 206 слѣдуетъ читать: *Рисунокъ В. Полякова.*

Айвазовскій, И. К. Пушкинъ на Ай-Петри . 47
Айвазовскій, И. К. Пушкинъ съ Раевскими на южномъ берегу Крыма. . . . 44
Айвазовскій, И. К. Пушкинъ у скалъ Аю-Дага 49
Алексѣевъ, Ѳ. Я. Наводненіе 7 ноября 1824 г. 74
Бакунина, Е. П. Автопортретъ . . . 25
Бальменъ, де. Балъ у графини Закревской 121
Бахъ, А. А. Пушкинъ-лицеистъ . . . 27
Бенуа, А. Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца во время наводненія . . 75
Бестужевъ, Н. А. Портретъ В. Л. Давыдова 57
Бетанкуръ. Разбитая кружка 146
Борель. Лицейскій рекреаціонный залъ . 19
Борель. Раненаго Пушкина привозятъ домой 197
Боровиковскій, В. Л. Императрица Елизавета Алексѣевна 17
Брызгаловъ, А. Портретъ Д. В. Веневитинова 111
Брызгаловъ, А. Портретъ И. И. Козлова . 171
Брюлловъ, А. П. Н. Н. Пушкина невѣстой 125
Брюлловъ, К. П. Портретъ В. А. Жуковскаго 168
Брюлловъ, К. П. Портретъ И. А. Крылова. 87
Ванковичъ. Адамъ Мицкевичъ 110
Василевскій. Портретъ Г. Р. Державина . 29
Васнецовъ, А. М. Домъ Гончаровыхъ въ Москвѣ. 135
Васнецовъ, А. М. Домъ А. А. Ренкевича на Собачьей площадкѣ въ Москвѣ . . 104
Васнецовъ, В. М. Портретъ А. С. Хомякова. 185
Венеціановъ, А. Г. Портретъ Н. В. Гоголя. 169
Венеціановъ, А. Г. Портретъ Н. М. Карамзина 38
Вернэ, Ф. Портретъ А. М. Горчакова . . 83
Вивьенъ, Ж. Пушкинъ 39
Воробьевъ, М. Н. Дворцовая набережная . 151
Воробьевъ, М. Н. Николаевскій дворецъ . 100
Вуалтье. Портретъ Н. А. Гончарова. . . 126
Вуалтье. Портретъ Н. И. Гончаровой. . . 126
Галактіоновъ, С. Ф. Марсово поле . . 149
Гампельнъ, К. А. А. Оленина и ея подруги 118
Гау, В. Н. Н. Пушкина 144
Ге, Н. Н. Пушкинъ въ Михайловскомъ . 80
Гейтманъ, Е. Пушкинъ ребенкомъ . . 15
Геллеръ, И. И. Пушкинъ и няня . . . 69
Гопвудъ. Фельдмаршалъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ 91
Горбуновъ, К. А. Портретъ А. В. Кольцова 177
Доу. Портретъ М. С. Воронцова . . . 62
Доу. Портретъ А. П. Ермолова 128
Доу. Императоръ Николай I 101
Доу. Портретъ Н. С. Мордвинова. . . . 92
Жуковская, Э. Маска Пушкина 203
Изабэ. Портретъ З. А. Волконской. . 109
Кипренскій, О. А. Автопортретъ 184
Кипренскій, О. А. Портретъ К. Н. Батюшкова 86
Кипренскій, О. А. Портретъ Д. В. Давыдова 94
Кипренскій, О. А. Пушкинъ 123
Кипренскій, О. А. Портретъ К. Ѳ. Рылѣева 95
Кипренскій, О. А. Портретъ А. С. Шишкова 89
Киселевъ. Портретъ И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго 131
Киселевъ, А. Сельцо Захарово 13
Клодтъ, М. П. Пушкинъ у Гоголя . . . 167
Козловъ, А. А. Пушкинъ въ гробу . . . 201

Кольманъ. 14-го декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ 97
Кондратенко, Г. П. Домъ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ 45
Крамской, И. Н. Портретъ А. С. Грибоѣдова 93
Крихуберъ. Бар. Луи де-Геккеренъ . . 192
Крюгеръ, Ф. Императоръ Николай I . . 200
Кузьминъ, Н. Пушкинъ за работой . . 79
Лангеръ, В. П. Виньетка къ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» . . . . . стр. 5
Лангеръ, В. П. Царскосельское озеро . 23
Лангеръ, В. П. Одинъ изъ уголковъ царскосельскаго парка 24
Ланглуа. Пожаръ Москвы 20
Лермонтовъ, М. Ю. Гусары при штурмѣ Варшавы 1831 года 148
Линевъ, И. Л. Портретъ Пушкина . . 189
Мазеръ, К. П. А. С. Пушкинъ . . . 160
Мазеръ, К. П. Н. Н. Пушкина . . . 161
Максимовъ, В. М. Няня Арина Родіоновна 14
Максимовъ, В. М. Пушкинъ у Михайловскихъ сосенъ 163
Манцони, Л. Видъ Одессы съ моря въ 1824 году 60
Местръ де, К. Портретъ Н. О. Пушкиной. 6
Мясоѣдовъ, Г. Г. Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацію Мицкевича въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской . . 113
Наумовъ, А. А. Перевозъ тѣла Пушкина въ Святыя Горы 205
Наумовъ, А. А. Послѣдняя дуэль Пушкина 196
Орлова-Мочалова, М. Н. Дача Пушкина въ Царскомъ Селѣ 145
Орловскій, А. О. Л. С. Пушкинъ . . . 12
Орловскій, А. О. Фельдъегерь . . . 99
Патерсонъ. Видъ на Адмиралтейство отъ старой Исаакіевской церкви. . . 204
Патерсонъ. Сенатская площадь . . . 122
Перовъ, В. Г. Портретъ М. Ю. Лермонтова 137
Песоцкій. И. Н. Инзовъ. 40
Поляковъ, В. Святогорскій монастырь. . 206
Пэншонъ. Императоръ Александръ I . . 16
Райтъ. Пушкинъ 165
Реми. Портретъ А. О. Россетъ-Смирновой . 150
Рѣпинъ, И. Е. Лицеистъ Пушкинъ на актѣ 1815 года 22
Рѣпинъ, И. Е. Пушкинъ въ 1830-хъ г. . 154
Рѣпинъ, И. Е. и Айвазовскій, И. К. «Прощай, свободная стихія!» 66
Рѣпинъ, Н. П., декабристъ. Камера декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ . . 98
Свѣшниковъ, В. М. Домъ Карамзиныхъ . 34
Соколовъ, П. Портретъ В. А. Жуковскаго 37
Соколовъ, П. Ѳ. Пушкинъ 166
Судковскій, Р. Г. Дарьяльское ущелье . 133
Суреньянцъ, В. Пушкинъ въ Бахчисараѣ . 51
Сѣровъ, В. А. Пушкинъ 162
Сѣровъ, В. А. Пушкинъ въ деревнѣ . . 68
Тиммъ, В. Ѳ. В. Булгаринъ 175
Тиммъ, В. Н. И. Гречъ 174
Тропининъ, В. А. Автопортретъ . . . 183
Тропининъ, В. А. Пушкинъ 117
Тропининъ, В. А. Пушкинъ. *Миніатюра* . 126
Тырановъ, А. В. Портретъ И. И. Лажечникова 172
Фальконетъ, М. Монументъ Императора Петра Великаго въ С.-Петербургѣ . 157
Чичаговъ, К. Конецъ дуэли 195
Шевалье. Е. А. Баратынскій 85
Щедринъ, С. Ѳ. Царскосельскій «спускъ» 147

3. ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ И АВТОГРАФОВЪ ПУШКИНА.

А. РИСУНКИ.

Автопортретъ «въ черномъ фулярѣ» . . 54
Автопортретъ изъ «Ушаковскаго альбома», стр. 15
Автопортретъ писанный «въ карантинѣ Гуммранскомъ» 129
Автопортретъ «во время путешествія въ Арзрумъ» 134
В. Ѳ. Вяземская 65
П. А. Вяземскій 142
И. Н. Инзовъ 41
Кишиневскій пейзажъ 53
П. И. Пестель 55
Рисунокъ къ «Цыганамъ» 54
Ек. Н. Ушакова 115

Б. АВТОГРАФЫ.

Мадригалъ Е. П. Бакуниной 26
Подпись Пушкина 117
Изъ стихотворенія «Козлову» . . . 124
Изъ стихотворенія «Памятникъ» . . 180

4. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПУШКИНА.

Номера цитатъ, рисунковъ, текстовъ къ рисункамъ и страницъ, гдѣ цитируется данное произведеніе, выдѣлены *курсивомъ*. Номера, набранные простымъ шрифтомъ, обозначаютъ лишь наличіе упоминанія о произведеніи. Произведенія, только упоминаемыя, но ни разу не цитированныя, какъ общее правило, въ указатель не входятъ. — Номера безъ литеръ относятся къ цитатамъ (на оборотныхъ страницахъ). Литерныя обозначенія тѣ же, что и въ указателѣ № 1 (см. стр. 10).

Аквилонъ. Стр. *194*.
Анекдотъ о Байронѣ. Т *54*, *143*.
Аріонъ. Стр. *107*.
Бакуниной. РТ *26*.
Баратынскій. *300*.
Баратынскому изъ Бессарабіи. *197*.
Бахчисарайскій фонтанъ. *162*, *175*, *176*, *178*; стр. 63.
Боже, Царя храни. *44*, 45.
Борисъ Годуновъ. 135, 272, 342, 343, 353, 361, 382, 427, 644; Т 45-46, 79, 117, 152; стр. 83.
Бородинская годовщина. *526*, 530—532, 644; стр. 161.
Брату. *29*.
Брожу ли я вдоль улицъ. *213*.
Вечерня отошла давно. *194*.
Вновь я посѣтилъ. *574*; Т *64*; стр. 175.
Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ. *330*.
Волконской, кн. З. А. *388*.
Воображаемый разговоръ съ Александромъ I. *47*; Т *40-41*.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. (1814). РТ◇ *22*; *68*, *70*, 80; Т 19, 30, 37.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. (1829). *522*.

Встрѣча съ Кюхельбекеромъ. *332.*
Второе посланіе къ цензору. *313.*
Вульфу. А. Н. *257.*
Въ Альбомъ И. И. Пушину *277.*
Въ Альбомъ А. О. Россети. 535. *537.*
Въ отдаленіи отъ васъ. *393.*
Герой. Т *101.*
Гнѣдичу. *415.*
Графу Олизару. *163.*
Давыдову. Д. В. *322.*
Два чувства дивно близки намъ. Стр. *213.*
26 мая 1828 года. *491;* Т 143.
19 октября. (1825). *46, 63, 275, 282, 289, 294;* Т 25, *64, 83.*
19 октября 1836. *50, 58, 66;* стр. *194.*
Дельвигу. *281.*
Демонъ. *223;* Т 64, 143, 179.
Деревня. 145, 210; Т *16.*
Державина видѣлъ я только однажды. *73.*
Дневникъ. *49, 201, 352, 353, 528, 550, 551, 611, 646;* Т *31,* 122, *156.*
Друзьямъ. *311;* Т 101.
Евгеній Онѣгинъ. *7, 8, 71, 79, 91, 112, 120, 162,* 212, 215. *224, 225, 245,* 297, *331, 359, 362,* 381, *397, 425, 437;* Т *25, 49,* 56, 64, 70, 79, 84, *88, 116, 122,* 125, 136, *194;* стр. *63, 115.*
Если жизнь тебя обманетъ. *251.*
Ея глаза. *409, 534.*
Желаніе. *173.*
Жуковскому. *121.*
Замѣтка о холерѣ. Т *72.*
И такъ я щастливъ былъ. *88.*
Исторія Пугачевскаго бунта. 315 316, 330, 355; Т 90, 94, 136.
Кавказскій плѣнникъ. 160. *161. 448;* Т 42. *59,* 128, 152.
Кавказъ. *456.*
Каковъ я прежде былъ. *417.*
Каменный гость. Т *125,* 136.
Канонъ въ честь М. И. Глинки. *6246.*
Кинжалъ. 151. 210, 644; стр. 107.
Клеветникамъ Россіи. *525,* 530. 644; Т 180; стр. 161.
Когда въ объятія мои. Т *144.*
Когда за городомъ. Т *207.*
Козлову. РТ *124;* Т *171.*
Коль ты къ Смирдину войдешь. *543.*
Красавица. Т *144.*
Къ Б*** (Баратынскому). *301.*
Къ Батюшкову. *304.*
Къ живописцу. 85, *86,* 87.
Къ Жуковскому. *75, 122, 127.*
Къ морю. *237;* Т 179.
Къ Н***. 357, *358;* Т 101.
Къ нянѣ. *377.*
Къ Овидію. *192;* стр. *69.*
Къ портрету Вяземскаго. *118.*
Къ портрету Жуковскаго *123.*
Къ портрету Чаадаева. *106.*
Къ сестрѣ. *25.*
Къ Чаадаеву. *107.*
Къ Языкову. *255.*
Къ *** (А. П. Керн). 266, *267,* Т 76.
Любимецъ моды легкокрылой. *627.*
Любовь одна веселье жизни хладной. *90.*
Матеріалы для исторіи Петра Великаго. 517, 556, 558. *559,* 572, 644; Т 112. 167.
Мицкевичъ. *379;* Т 110.
Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ. *111;* Т 32.
Монастырь на Казбекѣ. *451;* Т 130, 452.
Мордвинову. *318.*
Моя родословная. *5, 10.*
Мысли на дорогѣ. *360, 366;* стр. *115.*
Мѣдный всадникъ. *261, 262, 264;* Т 74, 75, 136. *154, 155, 157;* стр. *161.*
На возвращеніе Государя Императора. *43.*
На переводъ Иліады. Т *120.*
На тихихъ берегахъ Москвы *195.*
На холмахъ Грузіи. Стр. *63.*
Надпись къ бесѣдкѣ. *84.*
Наперсница волшебной старины. *34.*
Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ. *638.*
Начало сказки «Конекъ Горбунокъ». Стр. *198.*
Не пой, красавица, при мнѣ *165.*
О Борисѣ Годуновѣ. *272.*
О выходѣ Иліады. *412.*
О дворянствѣ. *4.*
О Дельвигѣ. *283.*
О «Демонѣ». Т *143.*
О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ святымъ мѣстамъ. 496.
О некрологіи Раевскаго. *454.*
О ничтожествѣ литературы русской. *555, 637.*
О предисловіи господина Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова. *308,* 309.
О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности. *305.*
О романѣ Загоскина. *598.*
О статьяхъ кн. Вяземскаго. *487.*
Объ «Исторіи русскаго народа» Полевого. *495, 610.*
«Объ обязанностяхъ человѣка», сочиненіе Сильвіо Пеллико. *498;* Т 143.
Объясненіе о стихотвореніи «Полководецъ». *317.*
Осеннее утро. *91.*
Осень. *244, 273, 570;* Т *136.*
Осиповой, П. А. *250.*
Остатки автобіографіи. *126.*
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны. 51, 52, *53.*
Отвѣтъ Туманскому. *392.*
Отрывки изъ лицейскихъ записокъ. *88.*
Отрывки изъ романа въ письмахъ. *2.*
Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы. *531,* 532.
Памятникъ. РТ *190;* стр *194.*
Передъ гробницею святой. *524,* 529; Т *91;* стр. 161.
Погасло дневное свѣтило. *169,* 385.
Позволь душѣ моей. *26.*
Полководецъ 317. 605, 606; Т 91.
Полтава. *166,* 353, 644; Т 122, 157; стр. 63.
Полюбуйтесь же вы, дѣти. *528.*
Пора, мой другъ, пора! Стр. *194.*
Посланіе къ Вяземскому. *119.*
Посланіе къ Горчакову. *288.*
Посланіе къ Юдину. *31.*
Послѣдніе цвѣты. *252.*
Пріютъ любви. *172.*
Про себя. *105.*
Проклятый городъ Кишиневъ. *199.*
Пророкъ. 353, 499, 500.
Птичка. *166.*
Путешествіе въ Арзрумъ. *320.* 322, *446, 450;* Т *130—133.*
Пушкину. В. Л. *23.*
Пущину. *276.*
Пѣвецъ Давидъ. *219.*
Пѣснь о бѣщемъ Олегѣ. 311; стр. 69.
Радищевъ. *Черновикъ.* Т *101.*
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ. Т *125;* стр. *63.*
Разлука. *291.*
Родословная моего героя. *3.*
Рославлевъ. *67;* Т 170.
Русланъ и Людмила. 115. *124,* 140, 143, 382, 625; Т 152, 182; стр. 158.
Слеза. *89.*
Собраніе сочиненій Георгія Конискаго. *497;* Т 143.
Сожженное письмо. *240.*
Сонъ. *32;* 33
Стансы. Въ надеждѣ славы и добра. Т *101.*
— Въ часы забавъ *493,* 501; Т 143.
Статьи и замѣтки, 1830. *1, 6, 9.*
Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева. Т *79.*
Стою печаленъ. *719.*
Странствіе Онѣгина. *167, 213, 253, 438;* Т *110.*
Ты правъ, мой другъ. Т *27.*
Фонтану Бахчисарайскаго дворца. *177.*
Царское Село. *81.*
Царскосельская статуя. Т *146.*
Цыганы. *205,* 211, 266, 323, 324, 394; Т 56, 181.
Чаадаеву. (1821). *92, 108, 189;* стр. 69.
Элегическій отрывокъ. *459;* Т 135.

АВТОПОРТРЕТЪ А. С. ПУШКИНА
ИЗЪ «УШАКОВСКАГО» АЛЬБОМА

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

РОДЪ ПУШКИНА
ДѢТСТВО

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № С-Ф3843

Рис. 1.

Гербъ дворянскаго рода Пушкиныхъ.

Изъ «Общаго Гербовника», тома V.

Присвоеніе и употребленіе Русскимъ дворянствомъ извѣстныхъ геральдическихъ эмблемъ начинается въ Россіи въ XVI вѣкѣ. Дворянскіе гербы, какъ постоянные геральдическіе символы р о д а, появляются со второй половины слѣдующаго XVII вѣка, къ каковому времени и относится образованіе родового герба Пушкиныхъ. По уничтоженіи мѣстничества, Палата родословныхъ дѣлъ приступила, по повелѣнію царя Ѳеодора Алексѣевича, къ составленію первой Русской родословной книги, извѣстной подъ названіемъ «Бархатной». Для внесенія въ нее «честныхъ и старыхъ родовъ» требовались положительныя доказательства, въ числѣ коихъ достаточнымъ почиталось давнее употребленіе герба. Явленный гербъ закрѣплялся за родомъ.

Рис. 2.

Предки Пушкина со стороны отца въ XII—XIX вв.

По Родословной росписи Пушкиныхъ и другихъ потомковъ Радши, изданной Родословной Комиссіей Союза Русскихъ Дворянъ въ Парижѣ, въ 1933 году.
(La Noblesse de Russie, Tome D, La Descendance de R a t c h a, Paris, 1933).

Со стороны отца Пушкинъ принадлежалъ къ старинному боярскому роду, родоначальникомъ котораго считаютъ выходца «изъ нѣмецъ» Р а д ш у. Потомство Григорія П у ш к и приводилось въ древнѣйшихъ Русскихъ генеалогіяхъ и значилось также и въ «Бархатной» книгѣ. По знатности, Пушкины принадлежали къ аристократіи, имѣвшей въ XVII вѣкѣ право на полученіе чина окольничаго: такихъ родовъ было 15. Родоначальникомъ Пушкина со стороны матери является Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, знаменитый «арапъ Петра Великаго».—Чуть ли не шестисотлѣтняя давность рода Пушкиныхъ, принадлежность къ нему лицъ, имена которыхъ были увѣковѣчены историческими актами и встрѣчались у Карамзина, какъ бы ощущеніе самой исторіи въ семейныхъ преданіяхъ—все это съ дѣтства давало обильный матеріалъ для живой и творческой мысли Пушкина. Пушкинъ хорошо зналъ исторію своего рода, гордился ею, любилъ ее вспоминать и неоднократно возвращался къ ней въ своихъ литературныхъ планахъ.

◇ *РИС. 1* ◇

1. «СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ», 1830.

Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона... Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа.

2. «ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА ВЪ ПИСЬМАХЪ», 1830.
(Письмо Владиміра къ другу въ Петербургъ).

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода — именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

3. «РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ», черновой варіантъ, 1833.

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена,
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина...

4. «СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ», 1832.

Что такое потомственное дворянство? — Сословіе народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами, касательно собственности и частной свободы... — Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе? — Нужно. — Чему учится дворянство? — Независимости, храбрости, благородству, чести вообще. — Не суть ли сіи качества природныя? — Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить. — Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе? — Нужны, и дворянство — la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

◇ *РИС. 2* ◇

5. «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ», 1830.

Мой предокъ Радша мышцой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный —
Иванъ IV — пощадилъ.
Вонлись Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ...

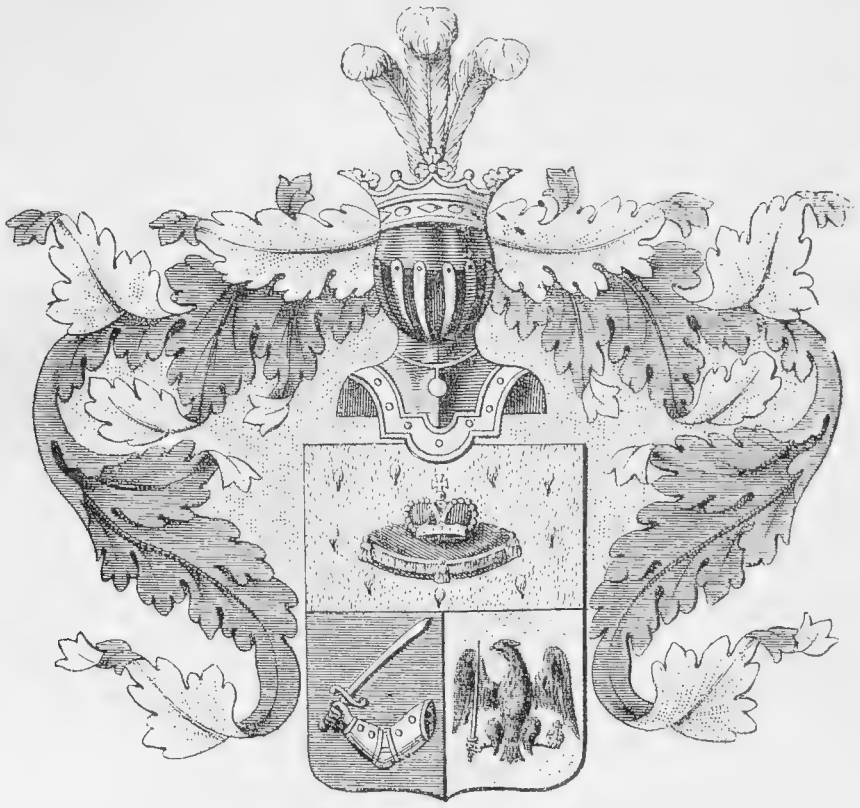
6, «СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ», 1830.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шереметевы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою объ избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ I, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ уличенъ былъ въ заговорѣ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери Графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера... Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III...

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ Польскою Королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи именованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ. Но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника.

7. «ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ», 1833.

До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу съ руками, связанными за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плакалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лаганъ, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.



XII вѣкъ. ПРЕДКИ ПУШКИНА ЗА СЕМЬ ВѢКОВЪ XIX вѣкъ

1. ... ИЛЬДЯТИНЪ. Жилъ въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ. Отецъ Радши.

2. ... РАДША. Родился около 1200 г. Боярин Вел. Кн. Александра Невскаго. Убитъ въ бою въ 1268 г. За то онъ крещенъ Стефаномъ.

3. АЛЕКСА СТЕПАНОВИЧЪ. Старшій сынъ Радши.

4. .. ГАВРИЛА АЛЕКСИЧЪ. Отличился въ битвѣ на Невѣ съ Тевтонскимъ Орденомъ 15 іюля 1240 г.

5. .. ИВАНЪ МОРГУНЯ ГАВРИЛОВИЧЪ.

6. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

7. ГРИГОРІЙ ПУШКА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Жилъ въ Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка.

8. .. КОНСТАНТИНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПУШКИНЪ. Родоначальникъ младшей линіи рода Пушкиныхъ.

9. .. ГАВРИЛА КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

10. .. ИВАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ.

11. ... МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

12. ... СЕМЕНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

13. ... ТИМОѳЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ. Голова.

14. ... ПЕТРЪ ТИМОѳЕЕВИЧЪ. Воевода.

15. .. ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Стольникъ. Середина XVII вѣка.

16. .. ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Стольникъ. Конецъ XVII вѣка.

17. .. АЛЕКСАНДРЪ НЕТУЧИНЪ. Служилъ въ Преображенскомъ полку.

18. .. ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Служилъ въ Семеновскомъ полку.

19. .. СЕРГѢЙ ЛЬВОВИЧЪ. Служилъ въ Измайловскомъ полку.

20. .. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Рис. 3.

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ.

1689? — 1781.

Прадѣдъ Пушкина со стороны матери; сынъ владѣтельнаго абиссинскаго князя сѣверной части Абиссиніи, находившагося въ вассальной зависимости отъ турокъ. — Маленькимъ мальчикомъ, во время одного изъ турецкихъ нападеній, Ибрагимъ попалъ заложникомъ (аманатомъ) въ Константинополь и оттуда былъ привезенъ графомъ Саввою Рагузинскимъ въ Москву, прямо «въ домъ» Петра Великаго. Ибрагима окрестили и дали имя Петра, но мальчикъ не принялъ новаго имени и называлъ себя Абрамомъ Петровымъ. Фамилію Ганнибалъ принялъ много позднѣе, въ 30-хъ годахъ. Обучался во Франціи инженерному и артиллерійскому дѣлу; въ 1823 году вернулся въ Россію. Занималъ послѣдовательно по своей спеціальности рядъ отвѣтственныхъ должностей, являясь виднымъ государственнымъ дѣятелемъ своего времени. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго. Въ 1746 году былъ пожалованъ Императрицею Елисаветою Петровною крупнымъ имѣніемъ въ Псковской губерніи, въ составъ котораго входило также и сельцо Михайловское.

Рис. 4.

Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ

1736? — 1801.

Старшій сынъ Абрама Петровича; дядя и опекунъ матери Пушкина. Комендантъ Наварина, за взятіе котораго и за участіе въ Чесменскомъ бою былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. Генералъ-цейхмейстеръ морской артиллеріи, главный командиръ строенія крѣп. Херсонъ и генералъ-поручикъ.- Въ царскосельскомъ паркѣ Пушкину, несомнѣнно, была хорошо знакома колонна, воздвигнутая гамъ при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ честь побѣдъ нашъ турками графа Г. Г. Орлова. На этой колоннѣ, среди другихъ надписей, Пушкинъ могъ прочитать: «Крѣпость Наваринъ сдалась бригадиру Ганнибалу».

Рис. 5.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ.

1771 — 1848.

Рисунокъ гуашью неизвѣстнаго художника.

Отецъ поэта. Служилъ въ Измайловскомъ полку и былъ типичнымъ гвардейскимъ офицеромъ конца екатерининскаго царствованія. Въ 1798 году, послѣ женитьбы и рожденія дочери, вышелъ, въ чинѣ майора, въ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ служилъ по гражданской части. Былъ владѣльцемъ «нижегородской деревни» с. Болдина съ 1500 душъ, а потомъ и с. Михайловскаго и, слѣдовательно, обладалъ значительнымъ достаткомъ, но «домъ Пушкиныхъ,—по свидѣтельству барона Корфа,—представлялъ всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана». Знатокъ французскаго языка и французской литературы, салонный весельчакъ и острословъ, С. Л. соперничалъ на этомъ поприщѣ со своимъ старшимъ братомъ, Василіемъ Львовичемъ. Поддерживая литературныя связи (въ его домѣ бывали Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, К. Н. Батюшковъ и др.), способствовалъ пробужденію и развитію литературнаго вкуса у Пушкина, но воспитаніемъ сына, равно какъ и другихъ дѣтей, не занимался. Остался далекимъ для поэта человѣкомъ и въ позднѣйшее время, когда очень гордился его славою. Въ бытность Пушкина въ Михайловскомъ, когда послѣдній очутился подъ надзоромъ С. Л., отношенія отца съ сыномъ настолько обострились, что привели къ рѣзкому столкновенію. Затѣмъ Пушкинъ примирился съ отцомъ и послѣдніе годы своей жизни находился въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Сергѣй Львовичъ горько оплакивалъ трагическую смерть сына.

Рис. 6.

Надежда Осиповна Пушкина.

1779 — 1836.

Съ миніатюры на слоновой кости, рисованной гр. Ксавье де Местромъ.

Дочь Осипа Абрамовича Ганнибала; мать поэта; со своимъ мужемъ состояла въ дальнемъ родствѣ, приходясь ему внучатною племянницею. «Красавица-креолка», женщина взбалмошная и безпорядочная, отдававшая много времени свѣтскимъ интересамъ, Н. О. мало занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей. Пушкинъ, самъ обладая нелегкимъ характеромъ, не мало натерпѣлся въ дѣтствѣ отъ характера матери; къ тому же любимцемъ матери, которому всегда оказывалось предпочтеніе, былъ младшій братъ Пушкина, Левъ. Сближеніе матери со старшимъ сыномъ произошло только послѣ женитьбы Пушкина и особенно замѣтно въ послѣдній годъ жизни Н. О. — «Когда она была больна нѣсколько мѣсяцевъ, — пишетъ бар. Е. Н. Вревская, — Александръ Сергѣевичъ ухаживалъ за нею съ такой нѣжностью и удѣлялъ ей отъ малаго своего состоянія съ такой охотою, что она узнала свою несправедливость... Послѣ похоронъ онъ былъ чрезвычайно разстроенъ и жаловался на судьбу, что она его и тутъ не пощадила, давъ ему такое короткое время пользоваться нѣжностью матери, которой до того времени онъ не зналъ». Н. О. скончалась въ С.-Петербургѣ 29 марта 1836 года, во время Великой Заутрени, подъ пѣніе «Христосъ Воскресе». Пушкинъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Н. О. была похоронена въ Святогорскомъ монастырѣ, куда Пушкинъ проводилъ ея тѣло и гдѣ приготовилъ себѣ мѣсто рядомъ съ могилою матери.

◇ *РИС. 3 и 4* ◇

8. «ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ», 1833.

18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленною головою и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскучa безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елисавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генералъ-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія.

9. «СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ», 1830.

Старшій сынъ *(Аннибала)*, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ разпоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній. Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ, (коего) настоящее имя его было Январій, но прабабушка моя (родомъ шведка) не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. Шорнъ шортъ, говорила она, дѣлать мнѣ шорна репять и даетъ имъ шертовскъ имя. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, родного брата дѣду отца моего...

10. «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ», 1830.

(Поводомъ къ сочиненію «Родословной» послужила замѣтка Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ», въ которой сообщалось, будто «шкиперъ» (т. е. Петръ Великій) однажды «доказывалъ» своему помощнику (Меньшикову), «что онъ купилъ негра (Ибрагима Ганнибала) за бутылку рому!»). — Императоръ Николай I, освѣдомленный объ этомъ, поручилъ передать Пушкину; «такія низкія и подлыя оскорбленія, которыми его угостили, безчестятъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ произноситъ. Единственное оружіе противъ нихъ есть презрѣніе; вотъ все, что я сдѣлалъ бы на его мѣстѣ...».

Рѣшилъ Фигляринъ *, сидя дома,
Что черный дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ,
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, — а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь чесменскихъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ.

◇ *РИС. 5* ◇

11. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

Отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ, былъ человѣкъ отъ природы добрый, но вспыльчивый... Вообще С. Л. не любилъ заниматься серьезными дѣлами по дому, воспитанію и хозяйству, предоставивъ все это супругѣ своей Надеждѣ Осиповнѣ. Съ другой стороны, С Л-чъ былъ душою общества, неистощимъ въ каламбурахъ, остротахъ и тонкихъ шуткахъ. Онъ любилъ многолюдныя собранія. Связи его были довольно обширны... Въ числѣ посѣтителей его были: Карамзинъ, Батюшковъ, Дмитріевъ, и молодой Пушкинъ, который всегда внимательно прислушивался къ ихъ сужденіямъ и разговорамъ, зналъ корифеевъ нашей словесности не по однимъ произведеніямъ ихъ, но и по живому слову... Самъ С. Л. былъ извѣстенъ, какъ острякъ и человѣкъ необыкновенно находчивый въ разговорахъ. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ писалъ на немъ стихи такъ легко, какъ французъ, и дорожилъ этою способностью. Чрезвычайно любезный въ обществѣ, онъ торжествовалъ особенно въ играхъ (jeux de societé), требующихъ бѣглости ума и остроты, и былъ необходимымъ человѣкомъ при устройствѣ праздниковъ, собраній и особенно домашнихъ театровъ, на которыхъ онъ отличался искусствомъ игры и декламаціи.

◇ *РИС. 6* ◇

12. Л. Н. Павлищевъ (племянникъ Пушкина), «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ».

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою и въ свѣтѣ прозвали ее «прекрасною креолкою». По своему знанію французской литературы и свѣтскости она совершенно сошлась со своимъ мужемъ. Надежда Осиповна очаровывала общество красотою, остроуміемъ и веселостью... По характеру своему она рѣзко отличалась отъ С. Л-ча; никогда не выходя изъ себя, не возвышая голоса, она умѣла дуться по днямъ, мѣсяцамъ и даже годамъ. Такъ, разсердясь за что-то на Александра Сергѣевича, которому въ дѣтствѣ доставалось отъ нея гораздо больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, она играла съ нимъ въ молчанку круглый годъ, проживая подъ одною кровлею...

* Прозвище, данное Булгарину Вяземскимъ.

Рис. 7.

Метрическая запись о рожденіи Пушкина.

По фотографіи, заснятой П. К. Остроумовымъ изъ метрической книги Московской Церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ.

«Во дворѣ Коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его маэора Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ. Крещенъ іюня 8 дня. Воспріемникъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, кума мать означеннаго Сергія Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина». — Пушкинъ родился 26 мая 1799 года, въ четвергъ, въ день Вознесенія.

Рис. 8.

Пушкинъ ребенкомъ

Портретъ работы неизвѣстнаго художника, пріобрѣтенный въ 1928 году Пушкинскимъ Домомъ. Акварель.

По нахожденіи, считался «подлиннымъ, современнымъ и притомъ самымъ раннимъ» портретомъ Пушкина. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ его подлинности, нѣкоторыми оспариваемой, слѣдуетъ замѣтить, однако, что портретъ этотъ даетъ намъ изображеніе Пушкина юнымъ подросткомъ, примѣрно тѣхъ же лѣтъ, что и на извѣстной гейтмановской гравюрѣ (*см. рис. 15*), перерисованной съ неизвѣстнаго, но безусловно подлиннаго оригинала. Гравюра Е. Гейтмана появилась въ свѣтъ впервые въ 1822 году, приложенная къ первому изданію «Кавказскаго Плѣнника», но многіе пушкинисты справедливо полагаютъ, что Пушкинъ изображенъ на гравюрѣ въ возрастѣ не болѣе 12 — 14 лѣтъ. Иные даже прямо указываютъ, что этотъ портретъ не можетъ быть отнесенъ позднѣе, чѣмъ къ 1811 году. «Къ этому же времени (*къ сборамъ въ Лицей*), — говоритъ Левъ Виноградовъ, — передъ предстоявшей шестилѣтней разлукой родителей съ сыномъ, слѣдуетъ пріурочить, по психологическимъ и бытовымъ соображеніямъ, зарисовку перваго портрета Александра Сергѣевича. Подлинникъ его не дошелъ до насъ и намъ даже неизвѣстно, кто изъ знакомыхъ Пушкинымъ рисовальщиковъ (Монфоръ, Молинари, Ксавье де Местръ или кто другой изъ самоучекъ) изобразилъ его полнощекимъ, какъ херувимы Рафаэля, мальчикомъ, подпирающимъ правую щеку кулачкомъ, въ рубашонкѣ и плащѣ черезъ лѣвое плечо. Впослѣдствіи, въ 1822 году, портретъ этотъ былъ перерисованъ граверомъ г. Е. Гейтманомъ и долго сопровождался молвой, будто онъ написанъ то ли «наизусть, безъ натуры, К. П. Брюлловымъ», то ли учителемъ рисованія въ Лицеѣ С. Г. Чириковымъ»... — Предположеніе Виноградова о времени зарисовки перваго портрета Пушкина можетъ быть отнесено, съ равнымъ основаніемъ, и къ портрету, помѣщенному здѣсь, на слѣдующей страницѣ.

Рис. 9.

Домъ Клюгиныхъ на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ.

Съ фотографіи П. К. Остроумова.

Домъ этотъ къ моменту открытія памятника Пушкину въ Москвѣ (1880 г.) былъ признанъ домомъ, стоящимъ на мѣстѣ, гдѣ родился Пушкинъ, т.е. тамъ, гдѣ стоялъ ранѣе домъ И. В. Скворцова. На домѣ была утверждена, по приговору Московской Городской Думы, памятная мраморная доска. Правильность этого предположенія впослѣдствіи стала оспариваться; по изысканіямъ послѣднихъ лѣтъ домъ И. В. Скворцова стоялъ не здѣсь, а на мѣстѣ другого дома, также по Нѣмецкой улицѣ, принадлежавшаго до революціи Ананьину. Самыя строенія, гдѣ жили Пушкины, сгорѣли въ 1812 году.

◇ *РИС. 7* ◇

13. П. И. Бартеневъ, «Русск. Арх.», 1880.

Родившись 26 мая, Пушкинъ, по общему обычаю, считался именинникомъ въ ближайшій ко дню его рожденія день того святого, именемъ котораго онъ названъ: 2 іюня память Александра, архіепископа Константинопольскаго.

14. В. А. Жуковскій — Пушкину, 1 іюня 1824 года.

Завтра твой Ангелъ.

◇ *РИС. 8* ◇

15. С. Л. Пушкинъ (отецъ поэта). «Біографическая замѣтка».

Въ самомъ младенчествѣ отецъ *Пушкина*, показалъ большое уваженіе къ писателямъ. Не имѣя шести лѣтъ, онъ уже понималъ, что Николай Михайловичъ Карамзинъ — не то, что другіе. Однимъ вечеромъ Ник. Мих. былъ у меня, сидѣлъ долго, — во все время Александръ, сидя противъ него, вслушивался въ его разговоры и не спускалъ съ него глазъ. Ему былъ шестой годъ.

16. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращеніемъ къ движенію онъ приводилъ мать въ отчаяніе... Она не могла скрыть предпочтительной любви сперва къ дочери, а потомъ къ меньшому сыну... Надежда Осиповна заставляла его бѣгать и играть со сверстниками, трудомъ побѣждая и лѣность его и молчаливость... Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ. Маріи Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его.

17. Марья Ѳедоровна, крестьянка сельца Захарова, дочь Арины Родіоновны, няни Пушкина.

Смирный былъ ребенокъ; тихій такой, что Господи! Все съ книжками бывало... Нешто съ братцами когда поиграютъ, а то нѣтъ, съ крестьянскими не баловалъ... Тихіе были, уваженіе были дѣти.

18. Л. Н. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ».

Въ этомъ семействѣ перебывалъ легіонъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Изъ нихъ выбираю несноснаго, капризнаго самодура Русло да достойнаго его преемника Шеделя, въ рукахъ которыхъ находилось обученіе дѣтей всѣмъ почти наукамъ. Изъ нихъ Русло нанесъ оскорбленіе юному своему питомцу Александру Сергѣевичу, расхохотавшись ему въ глаза, когда ребенокъ написалъ стихотворную шутку «La Tolyade» въ подражаніе «Генріадѣ». Изображая битву между карлами и карлицами, Пушкинъ прочелъ гувернеру начальное четырехстишіе. Русло довелъ Пушкина до слезъ, осмѣявъ безжалостно всякое слово этого четырехстишія, и, имѣя самъ претензію писать стихи не хуже Корнеля и Расина, разсудилъ, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надеждѣ Осиповнѣ, обвиняя ребенка въ лѣности и праздности. Разумѣется, въ глазахъ Надежды Осиповны дитя оказалось виноватымъ, а самодуръ правымъ, и она наказала сына... Оскорбленный ребенокъ разорвалъ и бросилъ въ печку стихи свои, а Русло возненавидѣлъ со всѣмъ пыломъ африканской своей крови.

19. Л. С. Пушкинъ (братъ поэта), «Біографическое извѣстіе».

Страсть къ поэзіи проявилась въ немъ съ первыми понятіями: на восьмомъ году возраста, умѣя уже читать и писать, онъ сочинялъ на французскомъ языкѣ маленькія комедіи и эпиграммы на своихъ учителей... Ребенокъ проводилъ безсонныя ночи и таикомъ въ кабинетѣ отца пожиралъ книги одну за другою. Пушкинъ былъ одаренъ памятью неимовѣрною и на одиннадцатомъ году уже зналъ наизусть всю французскую литературу.

20. О. С. Павлищева (сестра поэта), въ передачѣ П. И. Бартенева.

Учился Пушкинъ небрежно и лѣниво; но зато рано пристрастился къ чтенію, любилъ читать Плутарховы біографіи, Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, и забирался въ библіотеку отца, которая состояла преимущественно изъ французскихъ классиковъ, такъ что впослѣдствіи онъ былъ настоящимъ знатокомъ французской словесности и исторіи и усвоилъ себѣ тотъ прекрасный французскій слогъ, которому въ письмахъ его не могли надивиться природные французы.

21. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

Когда наняли англичанку (миссъ Бели) для Ольги Сергѣевны, Пушкинъ учился по-англійски, но плохо, а по-нѣмецки и вовсе не учился. Была у нихъ гувернантка нѣмка, да и та почти никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ. Вообще ученіе подвигалось медленно. Возлагая всѣ свои надежды на память, молодой Пушкинъ повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не зналъ, когда начинали экзаменъ съ него; заливался слезами надъ четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понималъ. Особенно дѣленіе, говорятъ, стоило ему многихъ слезъ и трудовъ. Но съ девятаго года начала развиваться у него страсть къ чтенію, которая и не покидала его во всю жизнь.

◇ *РИС. 9* ◇

22. Н. П. Бочаровъ, «Извѣстія Моск. Гор. Думы», 1880, вып. XXII.

Современному москвичу Елохово и Нѣмецкая улица кажутся мѣстностью весьма, отдаленною отъ центра. Ему можетъ теперь показаться, что родители Пушкина были настолько бѣдны, что должны были, въ видахъ экономіи, остановиться въ столь отдаленной части города. Между тѣмъ въ то время эта мѣстность, по чистотѣ и опрятности, составляла «шикъ» Москвы. Въ XVIII в. Нѣмецкая слобода была долгое время для Москвы тѣмъ, чѣмъ съ самаго начала текущаго столѣтія былъ для нея Кузнецкій мостъ, когда нѣмецкое вліяніе начало смѣняться французскимъ. Богатые вельможи и профессора университета любили также селиться въ этой мѣстности.

Рис. 10.

Василій Львовичъ Пушкинъ.

1770—1830.

Съ современной гравюры.

Дядя поэта. Извѣстный стихотворецъ и салонный каламбуристъ, знатокъ иностранныхъ языковъ и французской поэзіи. Собственникъ замѣчательной библіотеки, сгорѣвшей въ московскомъ пожарѣ 1812 года. Обладалъ небольшимъ, но несомнѣннымъ дарованіемъ и изысканнымъ вкусомъ и былъ подлиннымъ энтузіастомъ литературы. Несмотря на разницу въ лѣтахъ, не только примыкалъ, подобно И. И. Дмитріеву и Н. М. Карамзину, къ молодому литературному кружку «арзамасцевъ», но являлся его дѣятельнымъ членомъ, имѣя прозвище «старосты Арзамаса». «На похоронахъ его были депутаціи всей литературы, всѣхъ школъ, всѣхъ партій», — записалъ потомъ въ своей «Записной книжкѣ» кн. П. А. Вяземскій. Пушкинъ, хотя и подтрунивалъ, вмѣстѣ съ друзьями, надъ нѣкоторыми смѣшными чертами внѣшности и характера В. Л., но самъ признавалъ, что его «съ музами сосваталъ «дядюшка-поэтъ».

Рис. 11.

Ольга Сергѣевна Пушкина.

1797—1868.

Съ современной литографіи.

Сестра поэта, въ замужествѣ Павлищева. Первый критикъ творческихъ опытовъ Пушкина и сама сочинительница русскихъ и французскихъ стиховъ, пьесокъ, акростиховъ и эпиграммъ. Въ юношескіе годы находилась въ тѣсной дружбѣ съ поэтомъ, но потомъ была разобщена съ нимъ жизнью, не утрачивая, однако, дружеской связи. Когда О. С. безъ вѣдома родителей и противъ воли ихъ вышла замужъ за Н. И. Павлищева, на долю Пушкина выпало примирить любящую чету со своею семьею и, по порученію Над. Ос., благословить (совмѣстно съ А. П. Кернъ) новобрачныхъ. Н. И. Павлищевъ никогда не былъ близкимъ Пушкину человѣкомъ. Извѣстіе о смерти брата потрясло О. С. столь сильно, что она заболѣла нервною горячкою. О. С. была человѣкомъ глубоко религіознымъ, что особенно сильно проявилось къ концу ея жизни; ея стихотворенія, относящіяся къ этому времени, замѣчательны по силѣ высказаннаго въ нихъ религіознаго чувства. За два года до смерти, больная, слабая, почти ослѣпшая старуха, О. С. писала:

Зачѣмъ не бьетъ мой часъ желанный,
Зачѣмъ дышу, страдаю я?
Зачѣмъ у гроба клиръ печальный
Не молитъ Бога за меня?

Не потому ль что искупаю
Страданьемъ счастіе дѣтей?
Да будетъ такъ! Благословляю
Тяжелый крестъ судьбы моей...

Рис. 12.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

1806—1852.

Рисунокъ А. О. Орловскаго.

Младшій братъ поэта, любимецъ родителей, особенно матери, повѣса, человѣкъ добродушный и способный, но разсѣянный и лѣнивый.—Пушкинъ относился къ брату съ отеческою нѣжностью и товарищескою простотою. По свидѣтельству племянника А. А. Дельвига, Л. С. «писалъ хорошіе стихи, и не будь онъ братомъ такой знаменитости, его стихи обратили бы въ то время на себя общее вниманіе». Одно время Л. С. былъ ближайшимъ помощникомъ Пушкина по дѣламъ печатанія, но, при всей своей любви къ старшему брату, оказался столь неспособнымъ къ дѣловому сотрудничеству, что вызвалъ даже длительное охлажденіе къ себѣ съ его стороны. Съ 1827 года Л. С. служилъ на военной службѣ. Во время трагической кончины Пушкина находился на Кавказѣ и былъ глубоко потрясенъ безвременною смертью брата. Окончилъ свою жизнь въ Одессѣ, членомъ портовой таможни, незадолго до смерти женившись на Е. А. Загряжской. Знавшій Л. С. по Одессѣ Н. Г. Тройницкій отмѣчаетъ замѣчательную его образованность, тонкое знаніе русскаго языка и феноменальную память. Тройницкій же даетъ и интересное описаніе наружности Л. С.: «Онъ былъ рыжеватый, съ просѣдью, съ баками, верхняя губа выдавалась впередъ и обличала негритянское происхожденіе. Онъ былъ довольно плотный, росту ниже средняго, ходилъ переваливаясь и разставляя ноги, какъ и его великій братъ, который былъ выше его ростомъ».

Рис. 13.

Сельцо Захарово или Захарьино.

Съ картины А. Киселева, писанной въ 1870-хъ г.г.

Подмосковная Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, бабушки Пушкина, пріобрѣтенная ею вскорѣ послѣ рожденія старшаго внука; расположена среди холмовъ у р. Захаровки. Здѣсь, до отъѣзда въ Лицей, Пушкинъ проводилъ послѣдніе годы своего дѣтства, впервые соприкасаясь съ русскою природою и народнымъ бытомъ. По сосѣдству съ Захаровымъ находилось богатое шереметевское село Вяземы, хранившее память прежняго владѣльца, Бориса Годунова, при которомъ тамъ была построена церковь и вырыты пруды. При старинной церкви Вяземъ остался памятникъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ Пушкиныхъ — могила маленькаго брата Пушкина, Николая, скончавшагося 30 іюля 1807 года, когда самому поэту было всего 8 лѣтъ. Во всю послѣдующую жизнь Пушкинъ посѣтилъ Захарово только разъ, передъ женитьбою; объѣхавъ любимыя мѣста, овѣянныя воспоминаніями дѣтства, онъ съ грустью замѣтилъ жившей тогда въ Захаровѣ дочери своей няни: «все наше разрушено, Марья, все поломали, все заросло...»

◇ *РИС 10* ◇

23. Пушкинъ — В. Л. Пушкину. 181[illegible].

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса...

«Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

«Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ Вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ».

24. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 9 сент. 1830 г., изъ Болдина.

Бѣдный дядя Василій, — знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня, потеревалъ, потомъ помолчавъ: «как скучны статьи Катенина!» И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre á la bouche!

◇ *РИС. 11* ◇

25. «КЪ СЕСТРѢ», 1814.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой...

И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой...

26. «ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ», 181[illegible].

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть:
Скучая жизнію, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть:
Ты помнишь, милая, — зарею нашихъ лѣтъ.
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!

27. Князь П. А. Вяземскій — О. С. Пушкиной, 1825.

Насъ случай свелъ, но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой;
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня...

Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ живѣй.
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

◇ *РИС. 12* ◇

28. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

Пушкинъ иногда сердился на брата за его стихотворческія нескромности, мотовство, нѣкоторую невоздержность и распущенность въ поведеніи, но онъ нѣжно любилъ его родственной любовью брата, съ примѣсью родительской строгости... Левъ или какъ слылъ онъ до смерти, Левушка, питалъ къ Александру нѣкоторое восторженное поклоненіе. Въ любовь его входила, можетъ быть, и частичка гордости. Онъ гордился тѣмъ, что былъ братомъ его, и такая гордость не только простительна, но и естественна, и благовидна. Онъ чувствовалъ, что лучи славы брата нѣсколько отсвѣчиваютъ и на немъ, что они освѣщаютъ и облегчаютъ путь ему... Какъ бы то ни было, но въ немъ поэтическое чувство было сильно развито. Онъ былъ совершенно грамотенъ, вкусъ его въ дѣлѣ литературы былъ вѣренъ и строгъ. Онъ былъ остеръ и своеобразенъ въ оборотахъ рѣчи, живой и стремительной. Какъ братъ его, былъ онъ нѣсколько смуглый арабъ, но смахивалъ на бѣлаго негра. Тотъ и другой были малаго роста, въ отца. Вообще въ движеніяхъ, въ пріемахъ ихъ было много отцовскаго. Но африканскій отпечатокъ матери видимымъ образомъ отразился на нихъ обоихъ. Другого сходства съ ней они не имѣли. Одна сестра ихъ, Ольга Сергѣевна, была въ мать, и кстати, гораздо благообразнѣе и красивѣе братьевъ своихъ.

29. «БРАТУ», 1822.

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной:
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ и милыхъ заблужденій...
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!

◇ *РИС. 13* ◇

30. Н. В. Бергъ, «Сельцо Захарово», 1851.

На 33 верстѣ отъ Москвы, по Смоленской дорогѣ, есть поворотъ изъ села Вяземъ, направо, въ сельцо Захарово. Здѣсь провелъ первые годы своего дѣтства Пушкинъ... По бокамъ дома были въ то время флигеля, и въ одномъ изъ нихъ помѣщались дѣти съ гувернанткой, братья А. С-ча и онъ. Впослѣдствіи флигеля, по ветхости, сломаны, а домъ остался почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ при Ганнибаловыхъ... Мы осмотрѣли небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку отъ дома, почти у самыхъ воротъ. Посрединѣ ея стоялъ прежде столъ, со скамьями кругомъ. Здѣсь, въ хорошіе лѣтніе дни, Ганнибаловы обѣдывали и пили чай.

31. «ПОСЛАНІЕ КЪ ЮДИНУ», 1815.

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселой садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темной рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумятъ...

Рис. 14.

Няня Арина Родіоновна.

† 1828.

Картина В. Максимова.

Знаменитая Арина Родіоновна, нячя Пушкина, была крестьянкою изъ села Кобрина, въ 60 вер. отъ Петербурга, принадлежавшаго нѣкогда дѣду Пушкина, О. А. Ганнибалу. Въ 1799 году, при продажѣ Кобрина, перешедшаго отъ мужа къ Маріи Алексѣевнѣ Ганнибалъ, она, вмѣстѣ со своими дѣтьми, получила отъ своей госпожи вольную, но не пожелала ею воспользоваться и до конца своихъ дней осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она вынянчила сначала сестру поэта Ольгу, затѣмъ его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва. Ни отецъ, ни мать, какъ извѣстно, не играли сколько-нибудь крупной роли въ дѣтской жизни поэта. Въ душѣ ребенка царили двѣ старыя женщины — бабушка Марія Алексѣевна и ея крѣпостная, Арина Родіоновна, няня Пушкина. Первая была живою хроникою старины; вторая — необыкновенною сказочницею, которую маленькій Саша слушалъ съ восторгомъ и замираніемъ сердца. На долю этихъ двухъ женщинъ, особенно Арины Родіоновны, выпала счастливая судьба привить своеобразной, замкнутой, но страстной и нѣжной душѣ маленькаго Пушкина любовь и вкусъ ко всему родному русскому въ то время, какъ кругомъ и думали, и говорили по-французски.

Объ отношеніяхъ няни и Пушкина сохранился характерный разсказъ современника Пушкина, михайловскаго кучера: «какъ только Пушкинъ вставалъ, бѣжалъ къ нячѣ и спрашивалъ: «здорова ли, мама!» Онъ все ее «мама» называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она была изъ-за Гатчины, съ Суйды, гдѣ пѣвкомъ говорятъ): «батюшка ты, за что же ты меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать?» И ужъ чуть старуха занеможетъ тамъ, что ли, онъ ужъ все за ней». Арина Родіоновна дѣлила съ Пушкинымъ дни его изгнанія въ Михайловскомъ, являясь его всегдашнею вѣрною «подругою», горько тосковавшею по своемъ любимцѣ послѣ его отъѣзда въ Москву. По словамъ сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина по Михайловскому, Осиповыхъ, Арина Родіоновна была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая. Она нѣжно и глубоко любила своего «неуимчиваго», «любезнаго друга», не стѣсняясь обращаться къ нему, когда слѣдовало, со словомъ укоризны и неизмѣнно трезожась о немъ своимъ предачнымъ и благороднымъ сердцемъ. Пушкинъ любилъ няню съ дѣтства и до конца ея жизни, какъ родную. Скончалась Арина Родіоновна въ возрастѣ болѣе 70 лѣтъ въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомицы, О. С. Павлищевой. Мѣсто погребенія ея осталось неизвѣстнымъ.

«Родіоновна принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра, — пишетъ лучшій біографъ Пушкина, П. В. Анненковъ; — соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостью — оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и въ годы возмужалости и славы бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ зналъ такъ много, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны». — Въ своихъ стихахъ Пушкинъ не разъ обращался мыслью къ своей нянѣ, какъ при ея жизни, такъ и послѣ смерти. Другъ Пушкина, поэтъ Н. М. Языковъ, узнавшій и полюбившій Арину Родіоновну за время своего пребыванія въ Тригорскомъ, въ 1826 году, также посвятилъ ей два большихъ стихотворенія.

◇ *Рис. 14* ◇

32. «СОНЪ», 1816.

Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало:
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ, изъ глины,
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Сбманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрынней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

33. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 г.г.

Императрица спросила у меня: будутъ-ли у меня сегодня вечеромъ мои поэты? Я отвѣтила, что у меня назначено чтеніе на понедѣльникъ... Государь высказалъ желаніе придти,... дѣйствительно пришелъ... говорилъ съ Пушкинымъ о его бѣдной Аринѣ Родіоновнѣ (она тогда умерла и поэтъ очень жалѣлъ ее)...

Сверчокъ былъ очень въ духѣ; Асмодей *(Вяземскій)* — веселъ, добрый Жуковскій — счастливъ; Вьельгорскій болталъ for a wonder, Великій Князь былъ забавенъ.

Государь говорилъ о старыхъ русскихъ слугахъ и о стихахъ, гдѣ Пушкинъ упоминаетъ о своей бабушкѣ и старой нянѣ. Государь просилъ Пушкина прочесть ихъ. Онъ прочелъ и, разумѣется, очень плохо — по своей привычкѣ, въ галопъ. Государь заставилъ его повторить и сказалъ ему:

— Какіе восхитительные, мелодичные стихи!

34. «НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ», 1821.

Напepсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль
Которую сама заворожила!

35. И. С. Аксаковъ, рѣчь 1880 г.

Отъ отрочества до самой могилы, этотъ блистательный, прославленный поэтъ, ревностный посѣтитель гусарскихъ пировъ и великосвѣтскихъ гостиныхъ, «нашъ Байронъ» притомъ, какъ любили его называть многіе, не стыдился всенародно, въ чудныхъ стихахъ, исповѣдывать свою нѣжную привязанность — не къ матери (это было бы еще не странно, такъ и многіе поэты дѣлали), а къ «мамушкѣ», къ «нянѣ», и съ глубоко-искреннею благодарностью величать въ ней первоначальную свою Музу... Такъ вотъ кто первая вдохновительница, первая Муза этого великаго художника и перваго истинно-русскаго поэта, это — няня, это простая русская деревенская б а б а!... Точно припавъ къ груди матери-земли, жадно въ ея разсказахъ пилъ онъ чистую струю народной рѣчи и духа. Да будетъ же ей, этой нянѣ, и отъ лица русскаго общества вѣчная благодарная память!

36. Ап. Григорьевъ, «Сочиненія», 1876.

О, сказки Ирины Родіоновны, — пробивавшіяся въ натурѣ нашего поэта сквозь всѣ искусственныя произрастанія, — вы хранили такую свѣтлую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича, что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ...

37. Н. М. Языковъ, «На смерть няни А. С. Пушкина», 1830.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней...

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана объ стаканъ!

Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила.
Напрасно! Взялъ свое Тскай,
Шумнѣй удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!

Ты разскажи намъ: въ дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать!
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы... Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

———

Рис. 15.

Пушкинъ ребенкомъ.

Гравюра Е. Гейтмана.

Въ поэтическомъ развитіи Пушкина-ребенка два фактора имѣли опредѣляющее значеніе: русская народная поэзія, оживавшая въ повѣствованіяхъ няни и бабушки, и французская письменность, воплощавшаяся отцовскою библіотекою. Самъ Пушкинъ впослѣдствіи такъ говорилъ объ этомъ времени Александрѣ Осиповнѣ Смирновой: «Въ мое время читали можетъ быть слишкомъ много; моя сестра въ пятнадцать лѣтъ прочла Новую Элоизу; въ двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ поступить въ Лицей, я прочелъ все, что было въ библіотекѣ моего отца. До семи лѣтъ я былъ тяжелъ, молчаливъ, мало развитъ; едва научившись читать, я сталъ размышлять, сравнивать и сдѣлался болтливъ. Я былъ снѣдаемъ любопытствомъ, я хотѣлъ все прочесть, все знать. До семи лѣтъ моей единственной литературой были сказки моей бабушки и моей няньки Арины; вотъ почему я переложилъ ихъ въ стихи; Стенька Разинъ былъ моимъ первымъ героемъ и я мечталъ о немъ, когда мнѣ не было восьми лѣтъ». Если вліяніе народной поэзіи по глубинѣ и стойкости было гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ вліяніе французской письменности, то непосредственное воздѣйствіе на поэтическое сознаніе ребенка принадлежитъ французской литературѣ, навязчиво звучавшей въ устахъ пушкинскаго окруженія и, въ частности, въ устахъ роднаго отца поэта.

До конца своихъ дней Пушкинъ пользовался французскимъ языкомъ, какъ роднымъ, и даже иногда находилъ на немъ точное и быстрое выраженіе лучше, чѣмъ на русскомъ языкѣ: этимъ онъ всецѣло обязанъ своему дѣтству. Первые опыты поэтическаго творчества были сдѣланы Пушкинымъ на французскомъ языкѣ. По свидѣтельству П. И. Бартенева, и Нащокинъ, и Соболевскій, ближайшіе друзья Пушкина, утверждали со словъ поэта, что первые свои стихи, поэму «La Tolyade», Пушкинъ написалъ восьми лѣтъ на французскомъ языкѣ. Когда онъ перешелъ на русскій языкъ, стиль его писаній отвѣчалъ свѣтской модѣ: не даромъ ребенокъ постоянно вслушивался въ бесѣды взрослыхъ, ловя налету каждое острое слово, каждый стихъ, каждую эпиграмму. М. Н. Макаровъ разсказываетъ, какъ однажды у Бутурлиныхъ, «множество жившихъ у графини молодыхъ дѣвушекъ окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтобы онъ написалъ для нихъ что-нибудь». Кто-то прочелъ «катренъ» поэта и такъ привелъ въ замѣшательство ребенка, что тотъ успѣлъ только сказать: ah, mon Dieu! — и выбѣжалъ.

Единодушны отзывы объ острой воспріимчивости Пушкина въ этомъ возрастѣ, о его живости, легкой возбудимости и не по лѣтамъ развитой способности не лазить въ карманъ за отвѣтомъ. Мнѣнія о наружности мальчика расходятся, но, повидимому, вопросъ о «бѣлокурости» поэта въ этомъ возрастѣ разрѣшается собственнымъ его отзывомъ во французскомъ стихотвореніи «Mon portrait», написанномъ черезъ нѣсколько лѣтъ (1814 г.), гдѣ Пушкинъ говоритъ: «Мой станъ со станомъ высокихъ, увы, не можетъ равняться; у меня свѣжій цвѣтъ лица; волосы
мои бѣлокуры, а голова курчава».

◇ РИС. 15 ◇

38. Е. П. Яньчова, «Разсказы бабушки, записанные Д. Благово», 1885.

Въ 1809 или 1810 году Пушкины жили гдѣ-то за Разгуляемъ, у Елохова моста... Я туда ѣздила со своими старшими дѣвочками на танцовальные уроки, которые онѣ брали съ Пушкиной дѣвочкой; бывали тутъ и другіе, кто, — не помню хорошенько. Пушкины жили весело и открыто, и всѣмъ домомъ завѣдывала больше старуха Ганнибалъ (*Марія Алексѣевна*), очень умная, дѣльная и разсудительная женщина; она умѣла домъ вести, какъ слѣдуетъ, и она также больше занималась и дѣтьми: принимала къ нимъ маизелей и учителей и сама учила. Старшій внукъ ея Саша былъ большой увалень и дикарь, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, со смуглымъ личикомъ, не скажу, чтобы приглядньімъ, но съ очень живыми глазами, изъ которыхъ искры такъ и сыпались. Иногда мы пріѣдемъ, а онъ сидитъ въ залѣ въ углу, огороженъ кругомъ стульями: что-нибудь накуролесилъ и за то оштрафованъ, а иногда и онъ съ другими пустится въ плясы, да такъ какъ очень онъ былъ неловокъ, то надъ нимъ кто-нибудь посмѣется, вотъ онъ весь покраснѣетъ, губу надуетъ, уйдетъ въ свой уголъ и во весь вечеръ его со стула никто тогда не стащитъ: значитъ, его за живое задѣли, и онъ обидѣлся; сидитъ одинешенекъ. Не разъ про него говаривала Марья Алексѣевна: «Не знаю, матушка, что выйдетъ изъ моего старшаго внука: мальчикъ уменъ и охотникъ до книжекъ, а учится плохо, рѣдко когда урокъ свой сдастъ порядкомъ; то его не расшевелишь, не прогонишь играть съ дѣтьми, то вдругъ такъ развернется и расходится, что его ничѣмъ и не уймешь; изъ одной крайности въ другую бросается, нѣтъ у него средины. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, ежели онъ не перемѣнится». Бабушка, какъ видно, больше другихъ его любила, но журила порядкомъ: «вѣдь экой шалунъ ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебѣ своей головы». Не знаю, каковъ онъ былъ потомъ, но тогда глядѣлъ рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось.

39. П. В. Анненковъ, «Пушкинъ въ александровскую эпоху», 1874.

Знавшіе дѣла семьи единогласно свидѣтельствуютъ, что когда, въ 1811 году, пришло время молодому Пушкину ѣхать въ Петербургъ для поступленія въ Лицей, онъ покинулъ отеческій кровъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, если исключимъ дружескую горесть по сестрѣ, которую онъ всегда любилъ.

40. П. И. Бартеневъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1854.

Лѣтомъ 1811 г. дядя Василій Львовичъ повезъ его (*Пушкина*) въ Петербургъ. Еще и теперь нѣкоторые помнятъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ 12-лѣтнимъ племянникомъ, посѣщалъ московскаго пріятеля своего, тогдашняго министра юстиціи И. И. Дмитріева; разъ, собираясь читать стихи свои, — вѣроятно, въ родѣ «Опаснаго Сосѣда», — онъ велѣлъ племяннику выйти изъ комнаты; рѣзвый, бѣлокурый мальчикъ, уходя, говорилъ со смѣхомъ: «Зачѣмъ вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышалъ».

41. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858. (Въ С.-Петербургѣ, на пріемныхъ экзаменахъ въ Царскосельскій Лицей).

1811 года, въ августѣ, числа рѣшительно не помню, дѣдъ мой, адмиралъ Пущинъ повезъ меня и двоюроднаго моего брата Петра, тоже Пущина, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому. Старикъ, слишкомъ 80-тилѣтній, хотѣлъ непремѣнно самъ представить министру своихъ внучатъ, записанныхъ по его же просьбѣ въ число кандидатовъ Лицея, новаго заведенія, которое самымъ своимъ названіемъ поражало публику въ Россіи...

Дѣдушка нашъ Петръ Ивановичъ насилу взошелъ на лѣстницу, въ залѣ тотчасъ сѣлъ, а мы съ Петромъ стали по обѣ стороны возлѣ него, глядя на нашу братью, уже частью тутъ собранную... У меня разбѣжались глаза: кажется, я не былъ изъ застѣнчиваго десятка, но тутъ какъ-то потерялся — глядѣлъ на всѣхъ и никого не видалъ. Вошелъ какой-то чиновникъ съ бумагой въ рукѣ и началъ выкликать по фамиліямъ. — Я слышу: Александръ Пушкинъ — выступаетъ живой мальчикъ, курчавый, быстроглазый, тоже нѣсколько сконфуженный. По сходству ли фамилій или по чему другому, несознательно сближающему, только я его замѣтилъ съ перваго взгляда. Еще вглядывался въ Горчакова, который былъ тогда необыкновенно миловиденъ... Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкинъ, привезшій Александра, подозвалъ меня и познакомилъ съ племянникомъ. Я узналъ отъ него, что онъ живетъ у дяди на Мойкѣ, недалеко отъ насъ. Мы положили часто видаться. Пушкинъ въ свою очередь познакомилъ меня съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ.

Скоро начали вызывать насъ по одиночкѣ въ другую комнату, гдѣ въ присутствіи министра начался экзаменъ, послѣ котораго всѣ постепенно разъѣзжались. Все кончилось довольно поздно.

При всякой возможности я отыскивалъ Пушкина, иногда съ нимъ гулялъ въ Лѣтнемъ Саду; эти свиданія вошли въ обычай, такъ что если нѣсколько дней меня не видать, Василій Львовичъ, бывало, мнѣ пеняетъ: онъ тоже привыкъ ко мнѣ, полюбилъ меня...

42. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ высказываться и важничать, какъ то очень часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками... Все научное онъ считалъ ни во что и какъ будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ и пр. Въ этомъ даже участвовало его самолюбіе, — бывали столкновенія очень неловкія... Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтенія, и тутъ же внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли...

Среди дѣла и бездѣлья незамѣтнымъ образомъ прошло время до октября. Въ Лицеѣ все было готово, и намъ велѣно было съѣзжаться въ Царское Село.

Е. Гейтманъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА

Рис. 16.

Императоръ Александръ I Павловичъ Благословенный.

1777—1801—1825.

Портретъ худ. Пэншона.

Старшій сынъ Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, любимый внукъ Императрицы Екатерины II; вступилъ на престолъ въ 1801 году послѣ трагической гибели своего отца въ условіяхъ, которыя наложили тяжкій и неизгладимый отпечатокъ на его мягкую и сложную душу. Отдавъ въ юности дань модному свободомыслію и сохранивъ на всю жизнь слѣды его вліянія, оказался вынужденнымъ выполнять трудное призваніе Россійскаго самодержца, требовавшее жесткой руки и подчиненія историческимъ традиціямъ, далекимъ отъ иноземныхъ понятій свободы.

Мечтатель-идеалистъ на тронѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій реальный политикъ; свѣтскій человѣкъ, болѣзненно чувствительный къ внѣшнему впечатлѣнію, оказываемому имъ на людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая религіозная натура, тяготѣющая къ мистицизму; человѣкъ колеблющійся и слабый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способный проявить и желѣзную настойчивость въ проведеніи своихъ начинаній, и неколебимую твердость, граничащую съ героизмомъ, какъ это было въ эпоху нашествія французовъ *; ученикъ швейцарца Лагарпа, чувствовавшій себя болѣе европейцемъ, чѣмъ русскимъ, и испытывавшій нѣкоторое отталкиваніе отъ наиболѣе типическихъ русскихъ людей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ своего народа, сумѣвшій въ 1812 году стать выразителемъ его чувствъ и его воли и заслуживший титулъ Благословеннаго; человѣкъ мнительно-властолюбивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явно тяготившійся своимъ положеніемъ неограниченнаго монарха,—Императоръ Александръ I являлъ собою примѣръ душевной раздвоенности, наложившей на весь его, во многихъ отношеніяхъ плѣнительный обликъ печать загадочности, донынѣ не истолкованной: горячій споръ о «посмертной» судьбѣ его, связанной съ трогательнымъ и назидательнымъ образомъ старца Ѳедора Кузьмича, служитъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Отношеніе Пушкина къ Императору Александру I было измѣнчиво и чрезвычайно сложно. Первоначальное восторженное увлеченіе, въ которомъ неразрывно были соединены мотивы патріотически-монархическіе, особенно сильные въ атмосферѣ подъема 1812 года, съ дѣйствіемъ на юную душу поэта ни съ чѣмъ не сравнимаго личнаго обаянія Государя, смѣнилось въ теченіе немногихъ лѣтъ настроеніемъ обратнымъ. Здѣсь опять таки неразличимы мотивы наноснаго, столь моднаго послѣ возвращенія изъ заграничныхъ походовъ политическаго радикализма съ отрицательнымъ дѣйствіемъ на поэта извѣстной двусмысленности духовнаго облика и поведенія Императора, каковая и была ядовито, а порой и злобно, изображаема Пушкинымъ въ нѣкоторыхъ его эпиграммахъ и стихотворныхъ характеристикахъ. Съ годами Пушкинъ отошелъ отъ обѣихъ крайностей и, не утративъ нѣкоторой враждебности къ Государю, въ самые послѣдніе годы его царствованія способенъ былъ говорить о немъ съ извѣстною объективностью. Впрочемъ, до конца своихъ дней Пушкинъ, повидимому, не задумывался особенно глубоко надъ необыкновенною личностью Императора Александра I. Что касается отношенія Императора къ Пушкину, то оно было исполнено подлиннаго великодушія, отрицать которое не въ силахъ былъ и самъ Пушкинъ. Характерно, что, по свидѣтельству кн. Васильчикова, Императоръ, прочтя ходившее по рукамъ стихотвореніе Пушкина «Деревня» (въ которомъ имѣются знаменитыя строки: «Увижу-ль я народъ освобожденный и рабство, падшее по манію Царя»), сказалъ: «поблагодарите Пушкина за прекрасныя чувства, порождаемыя его стихами».

---

* Современный историкъ Александра I, Морисъ Палеологъ, сказалъ о немъ: «Упорство Александра спасло Россію и привело къ Парижу».

◇ *РИС. 16* ◇

43. «НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ», 1815.

ТЕБѢ, нашъ храбрый ЦАРЬ, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ высшимъ алтаремъ,
ТЫ браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну СВОЮ родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца,
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..

44. «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ», 1816.

(Гимнъ былъ написанъ къ 19 октября, дню празднованія основанія Лицея, и былъ пропѣтъ на праздникѣ лицеистами на мотивъ англійскаго гимна «God save the King»).

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Тамъ громкой слазою
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань —
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

45. Баронъ М. А. Корфъ. «Записки».

Онъ (*Императоръ Александръ*) никогда не говорилъ съ нами, ни въ массѣ, ни съ кѣмъ-нибудь порознь. Только лѣтомъ 1816 и 1817 г. г. когда мы пѣвали у Энгельгардта на балконѣ, Государь подходилъ къ садовой рѣшеткѣ и, облокотясь, слушалъ наше пѣніе. Балконъ былъ обтянутъ парусиной, изъ-за которой Царя не было видно, но лицеисты по колыханію парусины догадывались, что онъ тутъ, и пѣли «Боже, Царя храни» по англійской мелодіи...

Нашъ Агамемнонъ, миротворецъ Европы, низложитель Наполеона, сіялъ во всемъ величіи, какое только доступно человѣку.

46. «19 ОКТЯБРЯ 1825 ГОДА», черновой варіантъ, 1825.

О други, съ мѣстъ! Вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте,
Но за кого жъ?.. О други! угадайте?
Ура, нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.

47. («ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I»), 1825.

Когда бы я былъ Царь, то позвалъ бы А. П. и сказалъ ему: А. С., вы сочиняете (прекрасные) стихи... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы... — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ («*Свободѣ*»)?.. — Скажите, неужели вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ Король Галліи или Имп.-Австр. съ вами не такъ бы поступили. За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ... — В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ... — Но вы же и Аѳей? вотъ это ужъ никуда не годится. — (Чѣмъ-же я Аѳей), В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣш. властителей, по вашъ послѣдній поступокъ со мною... и смѣло ссылаюсь на ваше собственное сердце — противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей... — Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе? — (Хотя бы то была и правда), это не было бы оскорбительно В. В-ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ разсчетахъ... Я бы тутъ... (А. Пушк.) тутъ бы разгорячился и наговорилъ мнѣ много лишняго (хоть отчасти правда); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ (элич.) поэму *Ермакъ* или *Кочумъ*...

48. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, январь 1826, изъ Михайловскаго.

Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ исключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавая ему полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ...

49. «ДНЕВНИКЪ», 2 апр. 1834 г.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго... — Сперанскій у себя очень любезенъ. — Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи Зла и Блага. Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

50. «19 ОКТЯБРЯ 1836».

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ Онъ,
Вознесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ...

———

MUSEUM OF RUSSIAN CULTURE INC
2450 SUTTER STREET
SAN FRANCISCO 15, CALIFORNIA

Рис. 17.

Императрица Елизавета Алексѣевна.

1779—1826.

Портретъ В. Л. Боровиковскаго.

Супруга Александра I. Дочь маркграфа баденъ-дурлахскаго Карла Людвига; племянница первой супруги великаго князя Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексѣевны. Пятнадцатилѣтнею дѣвочкою была выбрана Императрицею Екатериною II въ невѣсты любимому шестнадцатилѣтнему ея внуку и стала, въ согласіи съ его склонностью, его женою въ сентябрѣ 1793 года. Испытавъ безмятежное супружеское счастье въ короткіе годы, протекшіе отъ замужества до смерти Екатерины II, Елизавета Алексѣевна многое пережила въ теченіе остальной жизни, обнаруживъ замѣчательную твердость характера и мужество, какъ въ тягостный моментъ воцаренія Александра, такъ и въ грозный годъ французскаго нашествія, когда она рѣшительно поддержала непримиримый патріотизмъ Государя и тѣмъ заслужила благодарную память Россіи.

Женщина образованная и начитанная, умная и тактичная, одаренная красотою и восхитительнымъ голосомъ, Императрица Елизавета Алексѣевна не имѣла склонности къ свѣтской жизни и весьма рано стала уклоняться отъ внѣшнихъ почестей и блеска, посвящая досуги чтенію, изученію языковъ и благотворительности. На пособія нуждающимся она тратила все, что только могла сберечь изъ крупныхъ, лично ей назначенныхъ ей средствъ. Въ 1812 году подъ ея покровительствомъ образовалось женское патріотическое общество. Слабая здоровьемъ, она стала угасать къ концу царствованія Императора Александра I. Поѣздка въ Таганрогъ, окончившаяся трагически для Александра I, была мотивирована необходимостью обезпечить Императрицѣ пользованіе мягкимъ климатомъ. Раннею весною 1826 года Елизавета предприняла обратный путь, но въ дорогѣ, въ Белевѣ, тихо, во снѣ, скончалась. Всѣ ея средства получили благотворительное назначеніе. Сама Императрица никакого формальнаго выраженія своей послѣдней волѣ не давала, говоря, по своей необыкновенной скромности, что ничего съ собою въ Россію не привезла и потому не считаетъ себя вправѣ чѣмъ-либо распоряжаться.

◇ *РИС. 17* ◇

51. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858. (На открытіи Лицея).

Когда кончилось представленіе виновниковъ торжества, Царь, какъ хозяинъ, отблагодарилъ всѣхъ, начиная съ министра, и пригласилъ императрицъ осмотрѣть новое его заведеніе. За царской фамиліей двинулась и публика. Насъ между тѣмъ позели въ столовую къ обѣду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрѣвъ заведеніе, гости Лицея возвратились къ намъ въ столовую и застали насъ усердно трудящимися надъ супомъ съ пирожками. Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Императрица Марія Ѳеодоровна попробовала кушанье... Императрица Елизавета Алексѣевна тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденною своею привѣтливостью ко всѣмъ; она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать пріятное слово. Тутъ, можетъ быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней...

52. П. П. Каверинъ, Тетрадь 1824-1830 г. г. (Замѣтка относится къ 1819 году).

Императрица Елизавета спрашивала Жуковскаго, который въ то время Александрѣ Ѳеодоровнѣ (*женѣ Великаго Князя Николая Павловича*) по-русски уроки давалъ, отчего Пушкинъ, сочиняя хорошо, — ничего не напишетъ для нея. Пушкинъ послалъ «На лирѣ скромной, благородной» и проч.

53. «ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ», 1819.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И симъ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Но, признаюсь, подъ Геликономъ
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ,

Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтною красой.

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

54. «Де-Сталь» «Воспоминанія». (По пріѣздѣ въ Россію, 1812 г.

Сначала я была представлена императрицѣ Елисаветѣ, и она показалась мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея обращеніе крайне сдержанно, но то, что она говоритъ, полно жизни, и ея чувства и мнѣнія почерпнули силы и пылкости у самаго источника великодушныхъ мыслей. Слушая ее, я была взволнована чѣмъ-то невыразимымъ, совершенно не зависѣвшимъ отъ ея высокаго положенія, но обусловленнымъ гармоніей ея жизни: давно уже я не встрѣчала сочетанія мощи и добродѣтели...

55. Императрица Елизавета Алексѣевна своей матери, незадолго до Бородинской битвы.

Дорогая и добрая мама, я увѣрена, что вы въ Германіи плохо освѣдомлены о томъ, что происходитъ у насъ. Можетъ быть васъ уже увѣрили, что мы бѣжали въ Сибирь, а между тѣмъ мы и не помышляли Петербурга. Мы готовы ко всему, исключая переговоровъ. Чѣмъ болѣе Наполеонъ будетъ продвигаться впередъ, тѣмъ менѣе онъ долженъ думать о возможности мира. Это единодушное мнѣніе Императора и всей націи, во всѣхъ слояхъ общества... Это то, на что не разсчитывалъ Наполеонъ; онъ въ этомъ ошибся, какъ и во многомъ другомъ. Каждый шагъ, сдѣланный имъ въ этой огромной Россіи, приближаетъ его къ пропасти; посмотримъ, какъ онъ перенесетъ зиму.

56. Императрица Елизавета Алексѣевна своей матери, послѣ оставленія Кутузовымъ Москвы.

Въ данный моментъ мирные переговоры явились бы смертнымъ приговоромъ для Россіи: Императоръ и не думаетъ объ этомъ. Болѣе того: онъ бы и не могъ. Если Наполеонъ предполагалъ, что взятіемъ Москвы онъ уничтожитъ націю, то онъ жестоко ошибался: наоборотъ, онъ только разжегъ патріотизмъ и страсти въ русскомъ народѣ. Итакъ, война будетъ продолжаться. Армія Кутузова, прекрасно расположенная въ окрестностяхъ дороги, по которой прошелъ непріятель, ждетъ только подходящаго момента для наступленія. Я могу поручиться, что воля Императора непоколебима и рѣшеніе его останется неизмѣннымъ даже въ томъ случаѣ, если С.-Петербургъ постигнетъ судьба Москвы. Императоръ все равно не допускаетъ и мысли о позорномъ мірѣ.

Рис. 18.

Императорскій Царскосельскій Лицей.

Со старинной литографіи.

Высшее закрытое учебное заведеніе; было образовано по личной иниціативѣ Императора Александра I, съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы». Преподавались въ Лицеѣ предметы «приличные важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужные для благовоспитаннаго юноши». Принимались въ Лицей «отличнѣйшіе воспитанники дворянскаго происхожденія», въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Курсовъ установлено было два, начальный и окончательный, каждый по три года. Лицей былъ размѣщенъ въ заново отремонтированномъ четырехэтажномъ флигелѣ Дворца, построенномъ въ 1791 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, для своихъ внуковъ, дѣтей Цесаревича Павла Петровича. Торжественное открытіе Лицея состоялось 19 октября 1811 года. Съ той поры эта дата стала священною для лицеистовъ: неизмѣнно она сопровождалась традиціоннымъ товарищескимъ чествованіемъ Лицея.

Первымъ директоромъ Лицея былъ В. Ф. Малиновскій, человѣкъ замѣчательныхъ душевныхъ качествъ. Его смерть была тяжелымъ ударомъ для Пушкина, который былъ привязанъ къ нему не только какъ къ директору, но и какъ къ отцу своего ближайшаго друга, лицеиста И. В. Малиновскаго. «Передъ незасыпанною могилою они поклялись въ вѣчной дружбѣ», — разсказывала впослѣдствіи дочь И. В. Малиновскаго.

Лицей не далъ Пушкину глубокаго систематическаго и, въ частности, серьезнаго классическаго образованія, но обезпечилъ обильную пищу широкимъ умственнымъ и, особенно, литературнымъ запросамъ. Нельзя не подчеркнуть напряженной «издательской» дѣятельности первыхъ лицеистовъ и неутихавшей литературно-творческой горячки, захватывавшей не только учащихся, но и учащихъ. Первое мѣсто на лицейскомъ Парнасѣ было не сразу занято Пушкинымъ: съ нимъ конкурировалъ Илличевскій, о которомъ товарищи писали, — «о, безсмертный Илличевскій, межъ поэтами ты тузъ».

Изъ преподавателей на Пушкина оказали вліяніе: А. П. Куницынъ, ученикъ Геттингенскаго университета, читавшій логику, философію права и психологію, проповѣдывавшій на своихъ лекціяхъ естественное право и обличавшій крѣпостничество («онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень, поставленъ имъ краеугольный камень, имъ чистая лампада зажжена», — писалъ впослѣдствіи Пушкинъ); Н. Ф. Кошанскій, преподававшій латынь, древнюю литературу, русскій языкъ и риторику, человѣкъ образованный и достойный, но литературный старовѣръ; А. И. Галичъ, преподаватель словесности, сохранившій подъ мантіей германской учености простоту и живость, переходившія въ товарищескія отношенія съ учениками, горячо его любившими и дѣлившимися съ нимъ своими литературными опытами.

Рис. 19.

Лицейскій рекреаціонный залъ.

Рисунокъ Бореля въ «Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея на 1856-57 годъ».

Повидимому, въ юношѣ, сидящемъ на стулѣ, художникъ хотѣлъ изобразить Пушкина. — Рекреаціонный залъ помѣщался въ третьемъ этажѣ дворца, гдѣ находились классы и библіотека и гдѣ протекала вся учебная жизнь Лицея. Торжество открытія Лицея, 19 октября 1811 года, происходило въ этомъ залѣ. Здѣсь же, черезъ три съ небольшимъ года, 8 января 1815 года, на торжественномъ публичномъ экзаменѣ (см. рис. 22), Пушкинъ, въ присутствіи Державина, читалъ свое знаменитое стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ».

57. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Настало наконецъ 19-е октября, день, назначенный для открытія Лицея. Этотъ день, памятный намъ, первокурснимъ, не разъ былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ незабвенныхъ его для насъ стихахъ, знакомыхъ больше или меньше и всей читающей публикѣ.

Торжество началось молитвой. Въ придворной церкви служили обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ. Мы на хорахъ присутствовали при служеніи. Послѣ молебна духовенство со святой водою пошло въ Лицей, гдѣ окропило насъ и все заведеніе.

Въ Лицейскомъ залѣ, между колоннами, поставленъ былъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотой бахромой. На этомъ столѣ лежала Высочайшая грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стола, стояли мы въ три ряда; при насъ — директоръ, инспекторъ и гувернеры; по лѣвую — профессора и другіе чиновники Лицейскаго управленія. Остальное пространство залы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, было все уставлено рядами креселъ для публики... Когда все общество собралось, министръ пригласилъ Государя.

58. «19 ОКТЯБРЯ 1836».

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей....

59. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Несознательно для насъ самихъ мы начали въ Лицеѣ жизнь совершенно новую, иную отъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія, за вечернимъ чаемъ, какъ теперь помню, входитъ директоръ и объявляетъ намъ, что получилъ предписаніе министра, которымъ возбраняется выѣзжать изъ Лицея, а что роднымъ дозволено посѣщать насъ по праздникамъ. Это объявленіе категорическое, которое, вѣроятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило насъ всѣхъ своею неожиданностью... Теперь, разбирая безпристрастно это непріятное тогда намъ распоряженіе, невольно сознаешь, что въ немъ-то и зародышъ той неразрывной, отрадной связи, которая соединяетъ первокурсныхъ Лицея. На этомъ основаніи, вѣроятно, Лицей и былъ такъ устроенъ, что по возможности были соединены всѣ удобства домашняго быта съ требованіями общественнаго учебнаго заведенія.

60. С. Д. Комовскій, лицейскій товарищъ Пушкина, «Записка».

Будучи 12 лѣтъ отъ роду, Пушкинъ не только зналъ на память всѣ лучшія творенія французскихъ поэтовъ, но даже самъ писалъ довольно хорошіе стихи на этомъ языкѣ. Упражненія въ словесности французской и россійской были всегда любимѣйшія его занятія, въ которыхъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику.

61. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

При самомъ началѣ — онъ нашъ поэтъ. Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 811-мъ году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 12-го.

62. М. С. Пилецкій, лицейскій надзиратель по учебной и нравственной части, Оффиціальный отзывъ, 1812 г.

Пушкинъ (Александръ), 13 лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя, нежели основательныя дарованія, болѣе пылкой и тонкой, нежели глубокой умъ. Прилежаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не сдѣлалось его добродѣтелью... Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаетъ нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣнчивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе; познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою перемѣною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости.

63. «19 ОКТЯБРЯ», 1825.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Срослался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ — Царское Село...

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна, въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза!
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Рис. 20.

Пожаръ Москвы.

Картина полк. Ланглуа.

Въ тотъ самый часъ, 2 сентября 1812 года, когда Наполеонъ у Дорогомиловской заставы ожидалъ городской депутаціи, Москва уже горѣла. У Лобнаго мѣста, гдѣ скопилась огромная толпа народа, стоялъ въ воздухѣ нестерпимый чадъ отъ горѣвшихъ москательныхъ лавокъ... Къ вечеру столица горѣла уже во многихъ мѣстахъ: горѣла Нѣмецкая слобода, Рогожская, Замоскворѣчье. Съ особою силою пожаръ распространился въ ночь съ 3 на 4 сентября, т. е. на вторыя сутки послѣ входа французовъ. — Наполеонъ не ожидалъ такого способа сопротивленія. «Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ, — писалъ онъ въ письмѣ Александру I, — Ростопчинъ сжегъ ее: 400 человѣкъ зажигателей схвачены на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что дѣйствовали по приказанію губернатора и оберъ-полиціймейстера... Три четверти домовъ сгорѣли... Поступокъ ужасный и безсознательный!..». — Въ дѣйствительности, Ростопчинъ не организовывалъ пожара; пожаръ родной столицы, съ сотнями святынь, дорогихъ сердцу каждаго Русскаго, былъ осуществленъ безъ единой руководящей воли, безъ плана, безъ сговора, — неудержимымъ порывомъ оставшихся въ Москвѣ Русскихъ. — «Москву жегъ огонь небесный, — говорилъ современникъ и свидѣтель пожара, патріотическій писатель С. Глинка; — потомство не станетъ изъ пучинъ пожара выкликать имена. Взглянувъ въ объемъ 1812 года, оно скажетъ: Москва горѣла и должна была сгорѣть. Трубы были вывезены; огни бивачные пылали на улицахъ; гасить ихъ никто не подряжался. Въ стѣнахъ Москвы воевали и голодъ, и страхъ, и огонь, и пожаръ». — Значеніе московскаго пожара далеко не сразу было понято. Знаменитый де Местръ былъ однимъ изъ немногихъ, которые это уразумѣли немедленно; онъ сказалъ: «Пламя Москвы сожгло счастье Наполеона. Даже Ришелье, съ наущенія Макіавелли, не могъ бы придумать ничего болѣе рѣшительнаго, чѣмъ эта страшная мѣра». Нравственное величіе русскихъ людей, по отношенію къ непріятельскому вторженію, поражало свидѣтелей. Стендаль, знаменитый французскій писатель, бывшій въ составѣ арміи Наполеона, писалъ, что оставленіе жителями Смоленска, Гжатска, Москвы представляетъ самое удивительное моральное явленіе нашего вѣка. Огромное впечатлѣніе произвелъ пожаръ Москвы на Александра. Въ разговорѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ въ Берлинѣ, въ 1818 году, Императоръ сказалъ: «Пожаръ Москвы осѣтилъ мою душу и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога».

Рис. 21.

Въѣздъ Императора Александра I въ Парижъ.

19 марта 1814 года.

Съ современной акватинты, изданной Бовіе въ Парижѣ.

Смѣлое движеніе союзныхъ войскъ на Парижъ, въ виду достаточно сильной наполеоновской арміи, и штурмъ его, предпринятые по настоянію Императора Александра, явились рѣшающими событіями въ борьбѣ союзныхъ державъ съ Наполеономъ. Взятіе Парижа рѣшило судьбу и Франціи, и Бонапарта. Въ кровопролитномъ штурмѣ Парижа, 18 марта, союзники потеряли 8.400 человѣкъ, въ томъ числѣ 6.000 русскихъ. 19-го марта маршалъ Мармонъ подписалъ капитуляцію, составленную ген. М. Ѳ. Орловымъ (будущимъ пріятелемъ Пушкина).

«Покореніе Парижа являлось необходимымъ достояніемъ нашихъ лѣтописей. Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницею, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди Парижа», — заявилъ въ день 19 марта Императоръ Александръ Коленкуру, отвергая наполеоновское предложеніе мира. Вступленіе союзныхъ войскъ въ городъ происходило исключительно торжественно и великолѣпно. Населеніе столицы встрѣчало чужеземныя войска не какъ завоевателей, а какъ избавителей, съ энтузіазмомъ. Стояла прекрасная погода, и парижскіе бульвары были покрыты разряженною, какъ въ праздники, толпою. Предшествуемый прусскою гвардейскою и нашею легкою гвардейскою кавалеріею и сопровождаемый свитою въ числѣ болѣе тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй, Александръ, на свѣтло-сѣромъ Эклипсѣ, слѣдовалъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. За ними шли австрійскіе гренадеры, русскій гренадерскій корпусъ, гвардейская пѣхота и три кирасирскихъ дивизіи съ артиллеріею. Горожане, никѣмъ не препятствуемые, стремились къ Императору Александру, чтобы поцѣлозать руки, обнять колѣни, прикоснуться къ нему. Воздухъ оглашался радостными криками и поздравленіями.

Въ рядахъ войскъ, вступившихъ въ Парижъ, находились поэтъ К. Н. Батюшковъ, принимавшій участіе въ двухъ кампаніяхъ противъ Наполеона и раненый въ 1807 году подъ Гейльбергомъ, и будущій писатель И. И. Лажечниковъ, бѣжавшій въ 1812 году изъ родительскаго дома для поступленія въ армію.

◇ РИС. 20 ◇

64. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Жизнь наша лицейская слилася съ политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго Лицея; мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвою, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза была тутъ пролита. Когда начались военныя дѣйствія всякое воскресеніе кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ. Читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и пріучали слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное.

65. Баронъ М. А. Корфъ, «Записки».

Эффектъ войны 1312 года на лицеистовъ былъ необыкновенный... Весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно черезъ Царское Село шли войска. Подъ осень насъ самихъ стали собирать въ походъ. Явился Малыгинъ (царскій портной) примѣрять намъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху. Лицеи собирались перевести въ Архангельскъ или въ Петрозаводскъ, такъ какъ ждали французовъ въ Петербургъ.

66. «19 ОКТЯБРЯ 1836».

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь Наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умираль
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла враговъ,
И зарево Московскихъ озарило
Его полкамъ готовые снѣга.

67. «РОСЛАВЛЕВЪ». Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. 1831.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи...

Однажды утромъ я гуляла въ саду; возлѣ меня шелъ Синекуръ. — Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи, мы пошли къ ней навстрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила.—«Москва взята!», сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. «Благородные, просвѣщенные французы, — продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія,— ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже два дня». — «Что вы говорите, — закричалъ Синекуръ, — не можетъ быть». «Дождитесь ночи, — отвѣчала она сухо, можетъ быть увидите зарево». — «Боже мой! Онъ погибъ, — сказалъ Синекуръ. — Какъ, развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ отступать сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: Русскіе, Русскіе зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушіе. Теперь все рѣшено; ваше отечество вышло изъ опасности; что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ Императоромъ!».— Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. «Неужели, — сказала она, — Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы—нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ Россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу». Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія мленія за Отечество.

68. «ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ», 1814.

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ.
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, кр'са Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни;
Москва! сколь Русскому твой зракъ унылый
страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей.
Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ.
Чертоги пали богатѣи.

◇ РИС. 21 ◇

69. К. Н. Батюшковъ — Н. И. Гнѣдичу, 27 марта 1814 г., изъ Парижа.

Наконецъ мы въ Парижѣ. Теперь вообрази себѣ море народу на улицахъ. Окна, заборы, кровли деревья бульвара, все все покрыто людьми обоихъ половъ. Все машетъ руками, кивастъ головами, все въ конвульзіи, все кричитъ: «Да здравствуетъ Александръ, да здравствуютъ русскіе! Да здравствуетъ Вильгельмъ, да здравствуетъ Императоръ Австріи! Да здравствуетъ Людовикъ, да здравствуетъ король, да здравствуетъ миръ!». Кричитъ, пѣтъ воетъ, ревetъ. «Покажите намъ прекраснаго, великодушнаго Александра».— Вотъ онъ, господа, въ зеленомъ мундирѣ, съ орденомъ Пруссіи»... «Да здравствуетъ Александръ, да здравствуютъ русскіе, да здравствуютъ сѣверные герои!».

Государь, среди волнъ народа, остановился у полка Елисейскихъ. Мимо него прошли войска въ совершенномъ устройствѣ. Народъ былъ въ восхищеніи, а мой казакъ, кивая головою, говорилъ мнѣ «Ваше Благородіе, они съ ума сошли».

70. «ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ», 1814.

Въ Парижѣ Россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ унынiи, какъ степь въ полнощной мглѣ,
А онъ — несетъ врагу не гибель — но спасенье
... И благотворный миръ землѣ.

Рис. 22.

ЛИЦЕИСТЪ ПУШКИНЪ НА АКТѢ 1815 ГОДА ДЕКЛАМИРУЕТЪ свое стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» въ присутствіи Державина.

8 января 1815 года.

Картина И. Е. Рѣпина.

За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидятъ: Державинъ, министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій, архимандритъ Филаретъ (будущій митрополитъ), попечитель учебнаго округа Уваровъ, директоръ Лицея Энгельгардтъ, командиръ Царскосельскихъ гусаръ Левашевъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Въ публикѣ — родители поэта. Вниманіе зрителей сразу останавливается на двухъ фигурахъ — Пушкина и Державина. Передъ послѣднимъ, какъ бы воочію совершается чудо, и онъ приподнимается, зорко всматриваясь въ юнаго поэта, вслушиваясь въ декламируемые имъ стихи.

Экзаменаціонное выступленіе Пушкина находится въ центрѣ цѣлаго періода его поэтическаго творчества. Съ двѣнадцати лѣтъ Пушкинъ «началъ (по свидѣтельству С. Д. Комовскаго) ребяческую охоту свою — писать одни французскіе стихи — переводить на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву». Путемъ самостоятельнаго чтенія, сотрудничества съ товарищами и классной работы, Пушкинъ быстро раздвигаетъ горизонтъ, овладѣвая отчасти другими европейскими литературами, отчасти литературою античною, а главное — литературою русскою. Въ этой послѣдней онъ, подъ вліяніемъ дяди и первыхъ своихъ литературныхъ друзей (В. А. Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, А. И. Тургенева), занимаетъ опредѣленное мѣсто, выступая даже въ борьбѣ «арзамасцевъ» съ «шишковистами». Не слѣдуетъ, впрочемъ, искать у Пушкина слѣдовъ какого бы то ни было «направленчества». «Весь Парнасъ русскій, — писалъ въ 1841 году С. П. Шевыревъ, — начиная отъ Ломоносова, до непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина, участвовалъ въ его образованіи. Онъ есть общій питомецъ всѣхъ славныхъ писателей русскихъ и онъ достойный и полный результатъ въ прекрасныхъ формахъ языка отечественнаго». Можно установить нѣкоторыя безспорныя вліянія на ранняго Пушкина, какъ то Батюшкова и Жуковскаго, но было бы задачею безнадежною пытаться опредѣлять удѣльный вѣсъ всѣхъ воздѣйствій на Пушкина русской литературы. «Кто можетъ химически разложить воду Волги, найти въ ней Оку или Каму? — спрашивалъ еще Бѣлинскій. — Муза Пушкина приняла произведенія предшествующихъ поэтовъ и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ... Въ Жуковскомъ, какъ и въ Державинѣ, нѣтъ Пушкина, но и весь Жуковскій, какъ и весь Державинъ, въ Пушкинѣ».

«Тѣмъ людямъ, которые застали Пушкина въ полномъ могуществѣ его творческой дѣятельности, трудно представить себѣ надежды и степень удовольствія, какія возбуждены были въ публикѣ его первыми опытами, — говоритъ П. В. Анненковъ. — Стихъ Пушкина, уже подготовленчый Жуковскимъ и Батюшковымъ, былъ въ то время еще неправиленъ, очень небреженъ, но лился изъ подъ пера автора, повидимому, безъ малѣйшаго труда... Казалось, языкъ поэзіи былъ его природный языкъ». Замѣчательно развита была уже тогда способность Пушкина говорить звукомъ голоса, къ которому онъ въ данный моментъ внутреннимъ слухомъ прислушивался, не лишая его притомъ неповторимаго пушкинскаго тембра и тѣмъ придавая ему оригинальную прелесть. Эта способность сказалась и въ экзаменаціонныхъ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ», въ которыхъ явственно слышится, въ преображенномъ видѣ, торжественный звукъ державинской лиры. Надо ли удивляться тому впечатлѣнію, которое произвело выступленіе юноши Пушкина не только на публику, но и на великаго старца, сохранившаго огонь въ сердцѣ своемъ до гробовой доски?

71. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», *гл. 8, II.*

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

72. «ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ», *1814.*

О громкой вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный,
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя и ужасы военны:
Страдать — есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря!
. . . . . .
Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ; летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря;
Ихъ цѣль — иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за Царя.

73. «ДЕРЖАВИНА ВИДѢЛЪ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ», *1833.*

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать ему руку, руку — написавшую «Водопадъ»... Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ *. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

* См. рис. 29.

74. *В. П. Гаевскій, «Современникъ», 1863.*

Державинъ, выслушавъ это произведеніе, въ которомъ чувствовалось ему что-то родственное, растроганный сказалъ: «я не умеръ» и хотѣлъ обнять своего преемника.

75. «КЪ ЖУКОВСКОМУ», *1817.*

И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

76. *И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.*

Всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доскѣ и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ: — «Что жъ вышло? Чему равняется иксъ?» — Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: — «Нулю!» — «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо и Карцову, что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ его поэзіей. Пушкинъ охотнѣе всѣхъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Куницына, и то совершенно по-своему: уроковъ никогда не повторялъ, мало что записывалъ, а чтобы переписывать тетради профессоровъ (печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало), у него и въ обычаѣ не было: все дѣлалось à livre ouvert.

На публичномъ нашемъ экзаменѣ Державинъ, державнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго нашего поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для Русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, его ужъ не было: онъ убѣжалъ!..

77. *С. Л. Пушкинъ, «Отеч. Записки», 1841.*

За обѣдомъ (въ день экзамена), на который я былъ приглашенъ графомъ А. К. Разумовскимъ, бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія, графъ, отдавая справедливость молодому таланту, сказалъ мнѣ: — «Я бы желалъ однако же образовать сына вашего въ прозѣ». — «*Оставьте его поэтомъ*», — отвѣчалъ ему за меня Державинъ съ жаромъ, вдохновенный духомъ пророчества.

78. «ДНЕВНИКЪ», *17 марта 1834 г.*

Тутъ (у Греча) я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ».

Рис. 23.

Большое царскосельское озеро.

Рисунокъ В. П. Лангера. Литографія 1820 г.

Въ началѣ XVIII столѣтія на мѣстѣ Царскаго Села находилась финская деревенька Саари-Мойсъ, что означаетъ верхняя мыза. Императоръ Петръ Великій подарилъ ее сначала князю А. Д. Меньшикову, а потомъ своей супругѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Мѣстность стала называться Саарскою мызою или Саарскимъ Селомъ. Саарское пользовалось большою любовью Императрицы Елизаветы Петровны, но высшей степени расцвѣта оно достигло при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, украсившей его и новыми дворцами, и памятниками. Отчасти по созвучію, отчасти вслѣдствіе пребыванія въ немъ Двора, мѣстечко стало называться Царскимъ Селомъ, обратившись въ 1808 году въ городъ. — Царское Село было колыбелью поэзіи Пушкина; его поэтическое вдохновеніе невольно питалось здѣсь впечатлѣніями окружавшей его богатой исторической обстановки. При открытіи Лицея, А. П. Куницынъ говорилъ своимъ будущимъ ученикамъ: «Вамъ повѣданы будутъ славныя дѣла героевъ, поражавшихъ враждебныя страны. На сихъ зыбкихъ равнинахъ вамъ показаны будутъ слѣды вашихъ родоначальниковъ». — Двѣнадцать видовъ очаровательныхъ уголковъ тогдашняго царскосельскаго парка оставилъ намъ одинъ изъ талантливыхъ художниковъ-иллюстраторовъ начала XIX вѣка, лицеистъ второго выпуска Валеріанъ Платоновичъ Лангеръ, воспитывавшійся въ Лицеѣ одновременно съ Пушкинымъ.

Центральнымъ мѣстомъ царскосельскаго парка является Большое озеро — любимое мѣсто прогулокъ Пушкина. Съ береговъ озера открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на царскосельскій дворецъ. Здѣсь «близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ», стала впервые являться Пушкину его муза; тутъ лицеисты перваго выпуска вмѣстѣ съ семействами директора Лицея Энгельгардта и барона Вельо, катались на конькахъ; сюда, переживая волненія своей первой любви, приходилъ Пушкинъ, послѣ отъѣзда Е. П. Бакуниной, искать «слѣдовъ, оставленныхъ ногой ея прекрасной». Возлѣ этого озера ежедневно прогуливался онъ и впослѣдствіи, уже женатый и счастливый, живя въ 1831 году на дачѣ въ домѣ Китаева. Изъ водъ озера возвышается одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ Царскаго, воздвигнутый въ 1778 году въ память побѣдъ русскаго флота надъ турецкимъ подъ Чесмою (1770 г.). Круглая колонна изъ сѣраго олонецкаго мрамора, съ тремя корабельными носами и кормами увѣнчана большимъ бронзовымъ орломъ — символомъ Россіи, ломающимъ рога луны — символа Турціи.

Рис. 24.

Одинъ изъ уголковъ царскосельскаго парка.

Рисунокъ В. П. Лангера. Литографія 1820 г.

Первоначально царскосельскій садъ былъ изъ стриженыхъ аллей, — «боскетный», на манеръ версальскаго парка. Позднѣе, къ концу вѣка, излюбленнымъ стилемъ садовъ сталъ «англійскій», то есть природный, состоящій изъ группъ деревьевъ и газоновъ, натуральныхъ, не геометрическихъ формъ. Съ воцареніемъ Императрицы Екатерины II и съ подчиненіемъ Царскаго Села управленію И. И. Бецкаго, было приступлено, въ 1770 году, къ расширенію Большого Сада въ англійскомъ стилѣ. Садъ украсился прихотливыми извивами ручейковъ, гладкими озерами съ островками, живописными лужайками и холмами, поэтическими руинами и «хижинами», прелестными павильонами.

◇ *РИС. 23 и 24* ◇

79. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 8, I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

80. «ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ», 1814.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы Росской храмъ?

Не се-ль Елизіумъ полнощный,
Прекрасной Царско-сельской садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя со вздохомъ Россъ вѣщаетъ:

«Исчезло все, Великой нѣтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ,
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились;
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улились.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, по-носенъ

И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски Исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О вы, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

81. «ЦАРСКОЕ СЕЛО», 1817.

Веди, веди меня подъ липовыя сѣни,
Всегда любезныя моей свободной лѣни,
На берегъ озера, на тихій скатъ холмовъ!..
Да вновь увижу я холмы густыхъ луговъ,
И дряхлый пукъ деревъ, и свѣтлую долину,
И злачныхъ береговъ знакомую картину,
И въ тихомъ озерѣ, средь блещущихъ зыбей,
Станицу гордую спокойныхъ лебедей.

82. В. К. Кюхельбекеръ — своей племянницѣ, А. Г. Глинкѣ, въ 30-хъ годахъ.

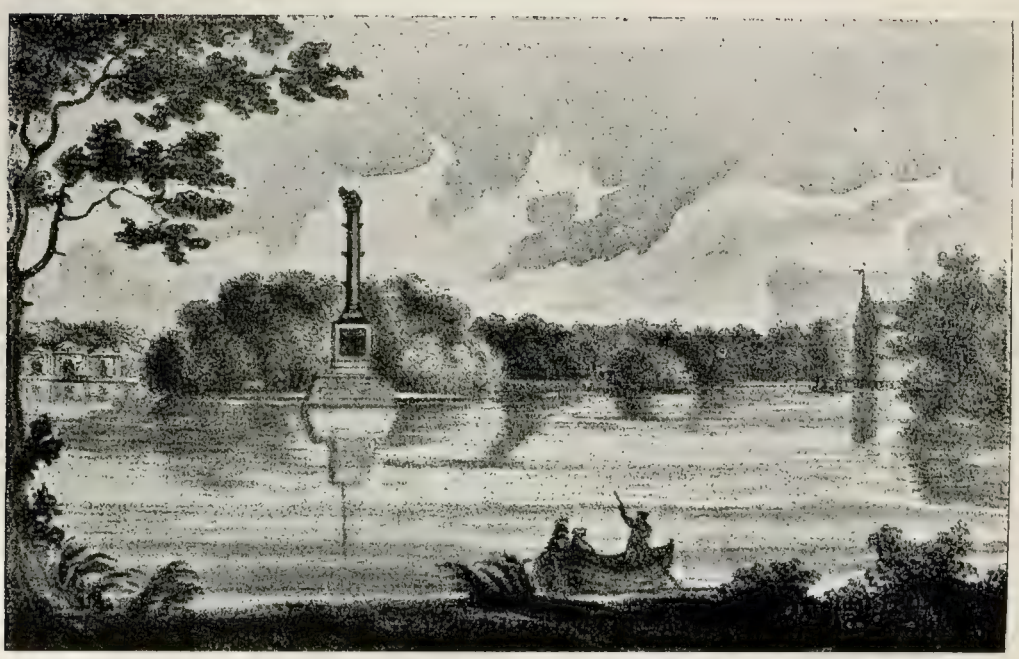
Были ли Вы ужъ въ Царскомъ Селѣ? Если нѣтъ, то посѣтите же когда-нибудь моихъ пенатовъ, т. е. прежнихъ... Мнѣ бы смерть какъ хотѣлось, чтобъ вы посѣтили Лицей, а потомъ мнѣ написали, какъ его нашли. Въ наше время бывали въ Лицеѣ и балы, и представь, твой старый дядя тутъ же подплясывалъ, иногда не въ тактъ, что весьма бѣсило любезнаго друга его Пушкина, который впрочемъ ничуть не лучше его танцовалъ, но воображалъ, что онъ по крайней мѣрѣ двоюродный братъ Госпожи Терпсихоры, хотя онъ съ нею и не въ близшемъ родствѣ, чѣмъ Катенинъ со мною, у котораго была привычка звать меня: мой дорогой кузенъ. Кромѣ Лицея, для меня незабвенна Придворная Церковь, гдѣ нерѣдко мои товарищи пѣвали на хорахъ. Голоса ихъ и понынѣ иногда отзываются въ слухѣ моемъ. Да что же и не примѣчательно для меня въ Царскомъ Селѣ? Въ Манежѣ мы учились ѣздить верхомъ; въ саду прогуливались; въ кондитерской украдкой лакомились; въ Директорскомъ домѣ противъ самаго Лицея привыкали нѣсколько къ свѣтскому обращенію и къ обществу дамъ. Словомъ сказать, тутъ нѣтъ мѣста, нѣтъ почти камня, ни дерева, съ которымъ не было сопряжено какое-нибудь воспоминаніе, драгоцѣнное для сердца всякаго бывшаго воспитанника Лицея.

83. М. И. Жихаревъ, «П. Я. Чаадаевъ», 1871.

Во время пребыванія Чаадаева съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, между офицерами полка и воспитанниками недавно открытаго Царскосельскаго Лицея образовались непрестанныя, ежедневныя и очень веселыя отношенія. То было, какъ извѣстно, золотое время Лицея... Воспитанники постоянно пропадали въ садахъ державнаго жилища, промежду его живыми зеркальными водами, въ тѣнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ, иногда даже въ переходахъ и различныхъ помѣщеніяхъ самаго Царскаго дворца... Шумныя скитанія щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоцѣнными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорѣе сдѣлались цѣлью его вѣрнаго, мѣткаго, исполненнаго симпатичнаго благоволенія охарактеризованія. Юныхъ разгульныхъ любомудрцевъ онъ сейчасъ же прозвалъ «философами-перипатетиками». Прозваніе было принято воспитанниками съ большимъ удовольствіемъ, но ни одинъ изъ нихъ не сблизился столько съ его творцомъ, сколько тотъ, кому впослѣдствіи было суждено сдѣлаться національнымъ сокровищемъ, лучшею гордостью и лучезарнымъ украшеніемъ Россіи.

84. «НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ», 1816.

Съ благоговѣйною душой
Приближься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту.
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ пламенномъ погасъ,
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.



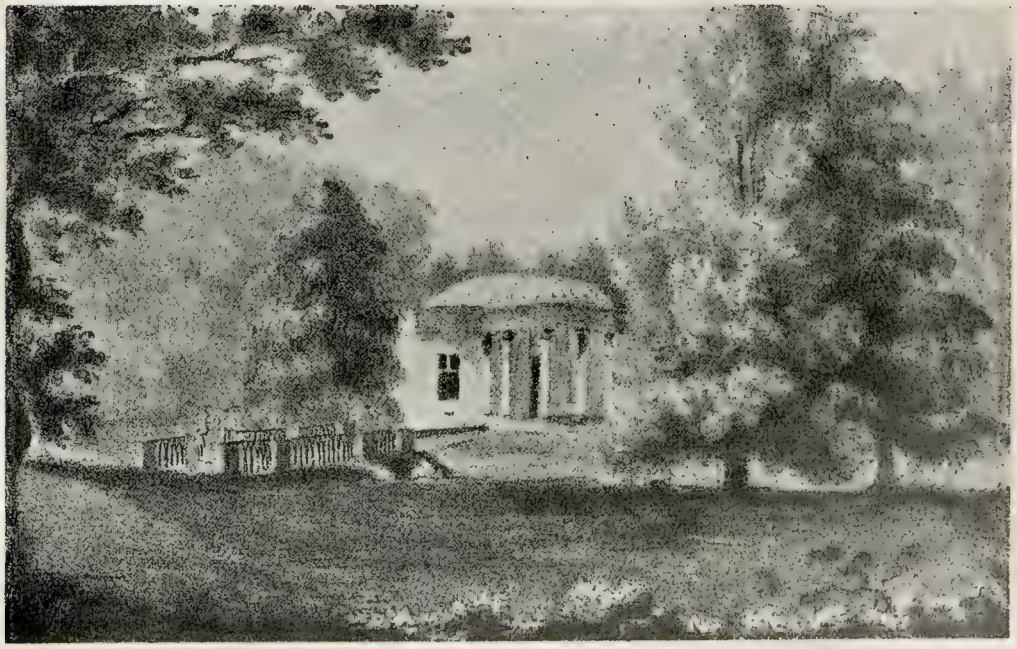


Рис. 25.

Екатерина Павловна Бакунина.

1795 — 1869.

Автопортретъ.

Юная фрейлина Императрицы Елизаветы Алексѣевны; сестра товарища Пушкина по Лицею. — Семейство Бакунинхъ находилось въ Царскомъ зиму 1815 и лѣто 1816 гг. Часто навѣщая брата, Бакунина была постоянною посѣтительницею лицейскихъ баловъ и вызывала неизмѣнное поклоненіе всей лицейской семьи. Прелестная, изящная и талантливая дѣвушка, Е. П. Бакунина была «первою любовью» Пушкина; «страдали» по ней и его ближайшіе друзья, Пущинъ и Малиновскій. Однако, ни одинъ изъ вздыхателей не былъ удостоенъ сколько-нибудь серьезной благосклонности. По скромности своей, Е. П. не стремилась кружить головы своимъ поклонникамъ и прошла въ жизни Пушкина и его лицейскихъ тозарищей легкою и свѣтлою тѣнью.—Біографія Бакуниной проста. Немолодою дѣвушкою, въ 1834 году, она вышла замужъ за отставного гвардіи капитана, помѣщика А. А. Полторацкаго, двоюроднаго брата А. П. Кернъ, и жила потомъ съ нимъ «вдали отъ суетнаго свѣта», пользуясь тѣмъ «смиреннымъ счастіемъ», которое съ такою любовью и такимъ благоговѣніемъ способенъ былъ описывать Пушкинъ. Е. П., вѣроятно, и не догадывалась, какое сильное чувство внушила она молодому поэту. Свою «первую любовь» Пушкинъ помнилъ всю жизнь: онъ какъ бы таилъ въ себѣ ея ароматъ и съ радостью вызывалъ ее въ своей поэтической памяти. Кромѣ цѣлаго ряда лицейскихъ стихотвореній, непосредственно связанныхъ съ переживавшимся Пушкинымъ первымъ чувствомъ, плѣнительный образъ Бакуниной появляется неоднократно и впослѣдствіи, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ поэта. Пушкинъ вспоминаетъ съ Пущинымъ «какъ мы одну всѣ трое полюбили» («19 октября 1825 года», рукопись). О ней думаетъ, когда во второй главѣ «Евгенія Онѣгина» пишетъ: «Она поэту подарила младыхъ восторговъ первый сонъ, и мысль о ней одушевила его цѣвницы первый стонъ». Въ томъ же романѣ, въ первоначальной редакціи восьмой главы, воспоминанію о Бакуниной посвящена строфа:

«Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ,
Въ тѣ дни... Въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье первыхъ мукъ узналъ...».

Когда уже рѣшена была женитьба Пушкина на Н. Н. Гончаровой, Пушкинъ писалъ своему вѣрному другу, Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской, переплетая литературно-критическіе мотивы съ личными признаніями: «первая любовь всегда есть дѣло чувства» — и, со свойственною ему манерою прикрывать движенія души шутками, тутъ же прибавлялъ: «чѣмъ она глупѣе, тѣмъ восхитительнѣе воспоминанія она оставляетъ».

Рис. 26.

Мадригалъ Е. П. Бакуниной.

24 ноября (день св. Екатерины) 1815 года.

Автографъ Пушкина.

Мадригалъ былъ написанъ и поднесенъ Пушкинымъ Бакуниной, въ день ея именинъ. Хранился долгіе годы у ея дѣтей и внуковъ и увидѣлъ свѣтъ впервые почти сто лѣтъ спустя, лишь въ 1913 году.

«Напрасно воспѣвать мнѣ ваши именины
При всемъ усердіи послушности моей.
Вы не милѣе въ день святой Екатерины
За тѣмъ, что никогда нельзя быть васъ милѣй».

◇ *РИС. 25* ◇

85. С. Д. Комовскій, лицейскій товарищъ Пушкина, «Записка».

Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его, фрейлина Екатерина Павловна Бакунина. Она часто навѣщала брата своего и пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе привели въ всеобщій восторгъ всю лицейскую молодежь. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи «Къ живописцу», которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія.

86. «КЪ ЖИВОПИСЦУ», 1815.

Дитя Харитъ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою Царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой
И той, которою дышу,
Рукой любовника шастливой
Внизу я имя подпишу.

87. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

(Въ стихотвореніи «Къ живописцу») Пушкинъ проситъ живописца *(лицеиста Илличевскаго)* написать портретъ Е. П. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи — выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!

88. «ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ», 29 ноября 1815 г.

Итакъ, я шастливъ былъ; итакъ, я наслаждался.
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щастливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ: поутру мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ея не видно было! Наконецъ, я потерялъ надежду; вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!..

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ;
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!
Жуковскій.

Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало милой Бакуниной! Но я не видѣлъ ея 18 часовъ, ахъ! Какое положеніе, какая мука! Но я былъ щастливъ пять минутъ.

*89. «СЛЕЗА», 1815. **

Вчера за чашей пуншевою
Съ Гусаромъ я сидѣлъ
И молча, съ мрачною душою,
На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Гусаръ мой вопросилъ: —
«Еще по ней ты, слава Богу,
«Друзей не проводилъ».

Къ груди поникнувъ головою
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ! ужъ нѣтъ ея со мною!..»
Вздохнулъ и — замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
«Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ,
«Стыдись!» Онъ закричалъ.

«Оставь, Гусаръ! Ахъ, сердцу больно!..
«Ты, знать, не горевалъ!»
Увы, одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!..

90. «ЛЮБОВЬ ОДНА ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ», 1816.

Любовь одна — веселье жизни хладной!
Любовь одна — мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не виденъ и конецъ.

Стократъ блаженъ кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.

91. «ОСЕННЕЕ УТРО», 1816.

Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
У берега, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ.
Уже нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее, — лишь гласъ уединенной,
Пустыхъ долинъ откликнулся вдали,
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;
Его струи медлительно текли, —
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной.
Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою...

---

* Это стихотвореніе было напечатано впервые въ 1824 г. въ «Мнемозинѣ» Кюхельбекера и кн. Одоевскаго въ видѣ романса, съ музыкою лицейскаго товарища Пушкина М. Л. Яковлева. По свидѣтельству освѣдомленнаго В. П. Гаевскаго, оно было посвящено Бакуниной. *Ред.*

Напрасно воспѣвать мнѣ ваши имянины
При всемъ усердiи послушности моей;
Вы не милѣй въ день святой Екатерины.
Затѣмъ что никогда нельзя быть васъ милѣй

АП

Рис. 27.

Пушкинъ-лицеистъ.

Верхняя часть памятника Пушкину, въ Лицейскомъ садикѣ, въ Царскомъ Селѣ. Скульптура Р. Р. Баха.

Памятникъ былъ заложенъ 26 мая 1899 года, въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія поэта.—Въ первые годы Лицея особаго лицейскаго сада не существовало. Мѣсто, отведенное подъ него, входило въ церковную ограду. Тамъ «дико росло нѣсколько березъ, — пишетъ графъ М. А. Корфъ (однокашникъ Пушкинъ), — и туда никогда не ступала наша нога». Но Пушкинъ не разъ бывалъ здѣсь подъ старыми березами ограды...

«Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
«Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
«И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
«Уединенное волненье».

Рис. 28.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

1775 — 1862.

Директоръ Лицея въ послѣдніе годы пребыванія въ немъ Пушкина. Уроженецъ г. Риги, человѣкъ практически-экономическаго или, какъ тогда говорили, «камеральнаго» образованія, оказавшій еще до назначенія въ Лицей значительные успѣхи не только на педагогическомъ, но и на бюрократическомъ поприщахъ, а впослѣдствіи составившій себѣ извѣстное имя, какъ писатель по вопросамъ, главнымъ образомъ, экономіи сельскаго хозяйства (былъ сотрудникомъ знаменитаго экономиста Шторха и редакторомъ сельско-хозяйственной газеты).

Внимательный, ровный, но нѣсколько холодный, хорошо воспитанный и стремившійся привить свѣтскій лоскъ также и своимъ питомцамъ,—онъ далеко не во всѣхъ лицеистахъ встрѣтилъ сочувствіе и даже вызвалъ противъ себя глухую оппозицію, въ составѣ которой находился и Пушкинъ, быть можетъ угадывавшій нѣкоторое недружелюбіе и недовѣріе къ себѣ со стороны директора. «Его сердце холодно и пусто, — писалъ Энгельгардтъ послѣ двухмѣсячнаго знакомства съ Лицеемъ въ оффиціальномъ отзывѣ о Пушкинѣ,—можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце». Впрочемъ, эта взаимная отчужденность не помѣшала написать Пушкину въ 1817 году въ записной книгѣ у своего директора: «Пріятно мнѣ думать, что увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ счастливѣйшимъ годомъ жизни, вы скажете: въ Лицеѣ не было неблагодарныхъ. — Александръ Пушкинъ». Впослѣдствіи Энгельгардтъ оцѣнилъ Пушкина и сдѣлалъ, въ частности, все отъ него зависѣвшее, чтобы отвести отъ Пушкина грозу, закончившуюся отправленіемъ поэта на югъ, подъ надзоръ къ генералу Инзову. Однако, близости, подобной той, которая была между Энгельгардтомъ и нѣкоторыми любимѣйшими товарищами Пушкина, какъ Пущинъ и Кюхельбекеръ, находившимися въ постоянной перепискѣ со своимъ бывшимъ директоромъ, у Пушкина никогда съ Энгельгардтомъ не было.

Рис. 29.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

1743 — 1816.

Гравюра Пожалостина съ портрета Василевскаго.

Выйдя изъ мелкопомѣстной семьи и получивъ образованіе на мѣдныя деньги, Державинъ, пройдя суровую школу жизни, сумѣлъ постепенно выработать изъ себя величайшаго русскаго поэта XVIII вѣка и сдѣлать, вопреки нѣкоторымъ очень труднымъ сторонамъ своего характера и, въ частности, незаурядному «правдолюбію», блестящую административную карьеру, которая не пресѣклась и при преемникахъ Екатерины II. Геніальный поэтъ и выдающійся государственный дѣятель, Державинъ, въ своемъ лицѣ поэта-вельможи, являлъ характерныя черты неповторимаго въ своемъ первобытномъ размахѣ екатерининскаго времени. Давъ въ литературномъ отношеніи екатерининскому вѣку свое имя, Державинъ и въ александровскую эпоху сохранилъ безспорное литературное первенство, хотя и занялъ мѣсто убѣжденнаго и непреклоннаго защитника старины, возглавляя «Бесѣду Любителей Русскаго Слова», вдохновлявшуюся его другомъ, адмираломъ А. С. Шишковымъ. Пушкинъ, не являясь ученикомъ Державина, не могъ, однако, какъ и вся современная ему поэтическая молодежь, не испытывать обаянія того, про кого онъ сказалъ въ 1817 году: «Царей пѣвецъ избранный, крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный». Къ оцѣнкѣ творческой личности Державина Пушкинъ вернулся впослѣдствіи и высказалъ о ней рядъ сужденій, мѣткихъ, хотя и парадоксально заостренныхъ.— По смерти Державина, Дельвигъ, въ своемъ стихотвореніи «На смерть Державина», именуетъ владѣтелемъ «громкой» державинской лиры семнадцатилѣтняго Пушкина:

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится,
О Пушкинъ,
О, Пушкинъ, нѣтъ ужъ великаго: рыдаетъ Муза
надъ прахомъ...
Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою?
Кто — Пушкинъ.

Молися Каменамъ! и я за друга молю васъ, Каменьі!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты.

◇ *РИС. 27* ◇

92. «ЧААДАЕВУ», 1821.

Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнившіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни ..

93. С. Д. Комовскій, лицейскій товарищъ Пушкина, «Записка».

Не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреаціонной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви ему *(Пушкину)* приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголъ комнаты, отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное. Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, Пушкинъ былъ вообще не очень сообщителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически.

94. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 8, черновой варіантъ.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ украдкой Апулея,
А Цицерона проклиналъ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ;

Когда французомъ называли
Меня задорные друзья,
Когда начальники вѣщали,
Что буду вѣкъ повѣсой я...

Когда тревожить начинала
Мнѣ душу смутная печаль;
Когда таинственная даль
Мои мечтанья увлекала..:

◇ *РИС. 28* ◇

95. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Съ назначеніемъ Энгельгардта въ директоры нашъ лицейскій нашъ бытъ принялъ иной характеръ: онъ съ любовью принялся за дѣло. При немъ по вечерамъ устроились чтенія въ залѣ (Энгельгардтъ отлично читалъ). Въ домѣ его мы знакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога Лицея, находили пріятное женское общество. Лѣтомъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя прогулки, по окрестностямъ; зимой для развлеченія ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ, завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и пріѣзжавшіе родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть.

96. Б. А. Шторхъ, лицеистъ одного изъ первыхъ выпусковъ.

Въ недѣлю разъ въ домѣ директора Лицея Е. А. Энгельгардта бывали вечернія собранія, на которыя, кромѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ онъ приглашалъ и воспитанниковъ. Помимо доставленія лицеистамъ нравственнаго развлеченія, Энгельгардтъ, приглашая ихъ на свои вечера, имѣлъ въ виду пріученіе молодыхъ людей къ хорошему обществу и обхожденію въ кругу благовоспитанныхъ дамъ и дѣвицъ. Дельвигъ и Кюхельбекеръ были частыми посѣтителями вечеровъ; Пушкинъ очень рѣдкимъ; наконецъ, года за два до выпуска, онъ и вовсе прекратилъ свои посѣщенія.

97. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Для меня осталось неразрѣшенною загадкою, почему всѣ вниманія директора Энгельгардта и его жены отвергались Пушкинымъ: онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ Энгельгардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волновала. Тутъ крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ сказать...

◇ *РИС. 29* ◇

98. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, май 1825 г., изъ Михайловскаго.

Кумиръ Державина, $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовой, донынѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ наряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на См. Мещ., ода къ Зубову недавно открыта... Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, — а какъ онъ льстилъ?

О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньи
Пророча я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

99. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, іюнь 1825 г., изъ Михайловскаго.

По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка, — (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Чтожъ въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія: читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника .. Его геній думалъ по-татарски, — а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу...

Рис. 30.

Пушкинъ въ послѣдніе годы пребыванія въ Лицеѣ.

Портретъ (цвѣтными карандашами), принадлежавшій директору Лицея Е. А. Энгельгардту.

Во время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ, въ характерѣ его, съ рѣзкостью, быть можетъ, большею, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ пріобрѣлъ больше власти надъ собою, обозначились нѣкоторыя трудныя черты: быстрая возбудимость, осложняемая мнительностью и потому легко порождающая чувства раздраженія и обиды, тяжко переживаемыя и доставляющія подлинное нравственное страданіе; вспыльчивость, доходящая до бѣшенства; смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью; и, наконецъ, страсть къ острословію, находившаяся, какъ Пушкинъ самъ высказывалъ, у него въ крови и способная, въ отдѣльныхъ случаяхъ, не только выводить его за предѣлы нравственно допустимаго, но и вызывать у него — буквально одновременно съ проявленіемъ чувствъ уваженія и любви къ кому-либо, — неудержимое стремленіе найти и высказать что-либо обидное и смѣшное о томъ же лицѣ. У лицеистовъ сохранилась память о сценѣ между Пушкинымъ и Энгельгардтомъ, когда, послѣ интимно довѣрчивой бесѣды со своимъ директоромъ, Пушкинъ тутъ же набросалъ на него каррикатуру, сопровождавшуюся злою эпиграммою. Подобныя черты могли отталкивать отъ Пушкина, и его обликъ рисовался порою людямъ, его окружавшимъ, въ далеко непривлекательномъ видѣ: примѣромъ этого можетъ служить не только отзывъ о Пушкинѣ Энгельгардта, но и отзывъ товарища Пушкина по Лицею, умнаго, но холоднаго барона М. А. Корфа,—отзывъ существенно отрицательный. Стоило, однако, перейти какую-то невидимую внутреннюю грань въ отношеніяхъ съ нимъ, какъ привлекательныя стороны пушкинскаго облика выступали съ такою силою, что влекли къ нему сердца неудержимо. Рѣдко кто способенъ былъ вызывать къ себѣ такое сильное чувство любви, какъ Пушкинъ. И самъ онъ, какъ мало кто, былъ открытъ благородному и безкорыстному чувству дружбы. Достаточно вспомнить отношенія Пушкина къ Дельвигу, Пущину, Малиновскому...

Въ лицейскій періодъ обнаружились еще два свойства, отличавшихъ Пушкина: способность учиться налету и созерцанно необыкновенный умъ. Пушкинъ не обладалъ усидчивостью, но надо поражаться тому, какъ много онъ собралъ знаній и какъ прочно ихъ усвоилъ въ лицейское время. Помогала ему въ этомъ не только замѣчательная, безошибочная память, но и исключительный умъ. Стихъ Пушкина, обращенный къ гусару Н. Н. Каверину, о томъ, «что умъ высокій можно скрыть безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ», можно съ полнымъ правомъ отнести къ самому поэту. Впрочемъ, для друзей, особенно старшихъ, умъ Пушкина не былъ сокрытъ этимъ «покрываломъ» и являлся предметомъ изумленія.—По свидѣтельству А. О. Смирновой, Жуковскій, видя, какъ Гоголь записывалъ въ книжку слова Пушкина, сказалъ ему: «Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ. И прекрасно дѣлаешь... Когда ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ, какъ тридцатилѣтній человѣкъ; умъ его созрѣлъ гораздо раньше, чѣмъ его характеръ. Это поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ Лицеѣ».

Пушкинъ увидѣлъ себя въ печати впервые въ іюлѣ 1814 года, когда въ № 13 карамзинскаго «Вѣстника Европы» подъ иниціалами «А. Н. к. ш. п.» появилось его стихотвореніе «Къ другу-стихотворцу». Это стихотвореніе было прислано въ журналъ анонимно, и редакція въ № 8 помѣстила слѣдующее обращеніе: «Отъ издателя. Просимъ сочинителя присланной въ «Вѣстникъ Европы» пьесы подъ названіемъ «Къ другу-стихотворцу», какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ: не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики». За тою же подписью, которая была составлена изъ согласныхъ буквъ фамиліи поэта, поставленныхъ въ обратномъ порядкѣ, а также за подписью «1...14-16» (порядковые номера буквъ: А. Н. П.), были въ 1814 году помѣщены въ томъ же журналѣ всего пять стихотвореній. Полное имя Пушкина появилось въ печати только въ 1815 году, въ журналѣ «Россійскій Музеумъ», гдѣ за подписью «Александръ Пушкинъ» были напечатаны «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», сопровождавшіяся слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ».

◇ *РИС. 30* ◇

100. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Пушкинъ, съ самаго начала, былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго существа среди людей. Не то, чтобы онъ разыгрывалъ какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими-нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, нелозкими колкостями самъ ставилъ себя въ затруднительное положеніе, не умѣя потомъ изъ него выйти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ отношеніяхъ. Я, какъ сосѣдъ (съ другой стороны его номера была глухая стѣна), часто, когда всѣ уже засыпали, толковалъ съ нимъ вполголоса черезъ перегородку о какомъ-нибудь вздорномъ случаѣ того дня; тутъ я видѣлъ ясно, что онъ по щекотливости всякому вздору приписывалъ какую-то важность, и это его волновало... Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ, не проявляясь впрочемъ свойственною ей иногда пошлостью. Чтобы полюбить его настоящимъ образомъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ.

101. П. В. Анненковъ, «Пушкинъ въ александровскую эпоху», 1874.

Нравственныя страданія, какъ и пылкія страсти, посѣтили Пушкина очень рано. Онъ проводилъ ночи въ разговорахъ, черезъ стѣнку, съ другомъ своимъ, оставив имъ намъ эти свѣдѣнія... Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, по словамъ его, надѣленъ былъ отъ природы весьма воспріимчивымъ и впечатлительнымъ сердцемъ, на зло и наперекоръ которому шелъ весь образъ его дѣйствій, — заносчивый, рѣзкій, напрашивающійся на вражду и оскорбленія. А между тѣмъ способность къ быстрому отвѣту, немедленному отраженію удара или принятію наиболѣе выгоднаго положенія въ борьбѣ часто ему измѣняла. Извѣстно, какой огромной долей злого остроумія, желчнаго и ядовитаго юмора обладалъ Пушкинъ, когда, сосредоточась въ себѣ, вступалъ въ обдуманную битву съ своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и даръ мгновеннаго, удачнаго выраженія никогда не составляли отличительнаго его качества. Пушкинъ не всегда оставался побѣдителемъ въ столкновеніяхъ съ товарищами, имъ же и порожденныхъ, и тогда, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ оскорбленнымъ самолюбіемъ, сознаніемъ собственной вины и съ негодованіемъ на ближнихъ, возвращался онъ въ свою комнату и, перебирая всѣ жгучія впечатлѣнія дня, выстрадывалъ вторично всѣ его страданія до капли.

102. Ф. Ф. Вигель, «Записки», 1891.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго Лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безызвѣстности... На выпускъ же молодого А. С. Пушкина смотрѣли члены «Арзамаса», какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія; особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ «Арзамасѣ», казался счастливъ, какъ будто самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необуздано, и мнѣ даже больно было смотрѣть, какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего мнѣ казались противны. Спросятъ: былъ ли и онъ тогда либераломъ? Да какъ же не быть восемнадцатилѣтнему мальчику, который только что вырвался на волю, съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ и кипучею африканскою кровью въ жилахъ, и въ такую эпоху, когда свободомысліе было въ самомъ разгарѣ. Я не спросилъ тогда, за что его назвали «Сверчкомъ», теперь нахожу это весьма кстати, ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, если бъ я могъ дописаться до того счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали. Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ; другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, что въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе—его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

103. Подпись ПУШКИНА подъ коллективнымъ письмомъ лицеистовъ къ инспектору Лицея С. С. Фролову, 4 апр. 1817 г.

Егаза Пушкинъ.

104. СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александръ Пушкинъ, въ теченіе шестилѣтняго курса обучался въ семъ заведеніи и оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ и Священной Исторіи, въ Логикѣ и Нравственной Философіи, въ Правѣ Естественномъ, Частномъ и Публичномъ, въ Россійскомъ или Гражданскомъ и Уголовномъ Правѣ *хорошіе*; въ Латинской Словесности, въ Государственной Экономіи и Финансахъ *весьма хорошіе;* въ Россійской и Французской Словесности также и Фехтованіи *превосходные;* сверхъ того занимался Исторіею, Географіею, Статистикою, Математикою и Нѣмецкимъ языкомъ. Во увѣреніе чего и дано ему отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея сіе свидѣтельство съ приложеніемъ печати. Царское Село, Іюня 9 дня 1817 года. Директоръ Лицея Егоръ Энгельгардтъ. Конференцъ-секретарь профессоръ Александръ Куницынъ.

105. «ПРО СЕБЯ», 1818.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю,
Исполню ли — Богъ вѣсть.

———

РАЗДѢЛЪ II

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА
ПО ОКОНЧАНІИ ЛИЦЕЯ — С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Іюнь 1817 — Май 1820

Рис. 31.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

1793 — 1856.

Съ гравюры изъ собранія Д. А. Ровинскаго.

Знаменитый мыслитель-публицистъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ XIX вѣка, пріобрѣвшій широкую извѣстность по опубликованіи въ «Телескопѣ» Надеждина своего «Философическаго письма», но особенно оцѣненный лишь послѣ смерти. Будучи еще блестящимъ гусаромъ, познакомился съ лицеистомъ Пушкинымъ и своими бесѣдами оказалъ на него вліяніе гораздо большее, чѣмъ всѣ профессорскія лекціи. Въ 1820 году способствовалъ спасенію Пушкина отъ грозившей ему ссылки. Пушкинъ долго находился подъ обаяніемъ оригинальнаго характера и необыкновеннаго ума Чаадаева, скрытаго порою подъ маскою свѣтской надменности. «Получилъ письмо отъ Чаадаева, — читаемъ мы въ отрывкѣ дневника 1821 года.— Другъ мой, упреки твои несправедливы и жестоки; никогда тебя я не забуду. Твоя дружба мнѣ заключила счастье, — одного тебя можетъ любить душа моя». Въ Михайловское, среди вещей, необходимыхъ для жизни, Пушкинъ проситъ прислать ему портретъ Чаадаева. Въ многочисленныхъ посланіяхъ къ Чаадаеву можно прослѣдить внутренній ростъ Пушкина.—Духовно созрѣвая, Пушкинъ не могъ, въ конечномъ счетѣ, не ощутить тѣхъ свойствъ природы и міровоззрѣнія Чаадаева, которыя впослѣдствіи вызвали по адресу «плѣнившаго идола строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ» страстныя, обличительныя строки Н. М Языкова:

«Почтенныхъ предковъ сынъ ослушной,
«Всего чужого гордый рабъ!»

Безрадостному краснорѣчію Чаадаева и его угрюмой, хотя и вдохновенной логикѣ Пушкинъ противупоставилъ трезвый, духовно-просвѣтленный патріотизмъ, нашедшій законченное, хотя и лапидарное выраженіе въ послѣднемъ письмѣ поэта къ его ослѣпленному гордынею отчаянія другу. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что Чаадаевъ въ самый годъ смерти Пушкина писалъ: «Можетъ быть, преувеличеніемъ было опечалиться на минуту о судьбѣ народа, изъ нѣдръ котораго вышли могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина».—Своимъ вліяніемъ на Пушкина Чаадаевъ очень гордился.

Рис. 32.

Екатерина Семеновна Семенова.

1786 — 1847.

Знаменитая актриса, дочь крѣпостной дѣвушки помѣщика Путяты и учителя Кадетскаго корпуса Жданова, который и помѣстилъ ее въ Театральное училище. Женщина очень красивая, съ чертами лица, поражавшими классическою правильностью, Семенова обладала превраснымъ голосомъ и въ свои роли вкладывала большую силу чувства и искреннее увлеченіе. Семенова явилась на рубежѣ двухъ теченій нашей драматической литературы, когда подражательность французскимъ трагедіямъ стала отживать свой вѣкъ, а романтическая драма только начала нарождаться. Въ развитіи этого новаго направленія большую роль сыграли трагедіи Озерова, успѣху которыхъ много способствовала блестящая игра Семеновой. Вмѣстѣ съ нею и для нея много потрудился Н. И. Гнѣдичъ. Онъ перерабатывалъ для русской сцены знаменитыя трагедіи, — въ томъ числѣ шекспировскаго «Леара», въ которомъ Семенова съ огромнымъ успѣхомъ играла Корделію, — и занимался съ нею прохожденіемъ ролей и искусствомъ чтенія. Юный Пушкинъ былъ плѣненъ «единодержавною Царицею» русской трагической сцены и подарилъ ей набросанныя имъ въ 1819 году «Замѣчанія объ Русскомъ Театрѣ». Семенова оставила сцену въ 1826 году, выйдя замужъ за сенатора князя И. А. Гагарина, и переселилась затѣмъ въ Москву. Ея уходъ со сцены вызвалъ слѣдующія строки въ записной книжкѣ Пушкина (1820—21 гг.):

«Ужель умолкъ волшебный гласъ
«Семеновой, сей чудной музы,
«И славы русской лучъ угасъ?»

Домъ Гагариныхъ въ Москвѣ посѣщали многіе прежніе поклонники Семеновой, въ томъ числѣ и Пушкинъ, который преподнесъ ей экземпляръ «Бориса Годунова» съ надписью:

«Княгинѣ Е. С. Гагариной отъ Пушкина,
«Семеновой— отъ сочинителя».

Рис. 33.

Невскій проспектъ 1820-хъ годовъ.

Съ рѣдкой современной гравюры.

Вырвавшись изъ Лицея, Пушкинъ попалъ въ вихрь удовольствій и развлеченій, которыми жила столичная свѣтская молодежь того времени, отдыхая отъ войны и вызванныхъ ею потрясеній. Современники свидѣтельствуютъ, что никогда не бывало такого оживленія и блеска въ свѣтской жизни. Пушкинъ охотно присоединился къ «счастливой семьѣ младыхъ повѣсъ», гдѣ не было никакихъ условностей и никакой связанности свѣта. Этотъ кружокъ, — «Зеленая лампа», — группировался около театра, который переживалъ тогда лучшія времена своего расцвѣта. Члены кружка сходились на спектакляхъ, ухаживали за актрисами, проникали за кулисы, а послѣ спектаклей собирались у Никиты Всеволожскаго, гдѣ за веселымъ ужиномъ обмѣнивались театральными новостями, писали рецензіи, даже сочиняли для бенефисовъ водевили.

◇ *РИС. 31* ◇

106. «КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА», 1817.

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ— Периклесъ,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарской.

107. «КЪ ЧААДАЕВУ», 1818.

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

108. «ЧААДАЕВУ», 1821, Кишиневъ.

Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее созѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь...

О, скоро ли, мой другъ настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель...

109. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Онъ *(Чаадаевъ)* честный и порядочный человѣкъ, и я его очень люблю. Но это Алкивіадъ, находящій счастье въ удовлетвореніи своего честолюбія. Быть можетъ, это еще счастье, что честолюбіе можетъ удовлетворить сорокалѣтняго человѣка. Можно позавидовать ему.

110. Пушкинъ—П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г., изъ С.-Петербурга.

Положа руку на сердце, развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи?... Хотя я лично сердечно привязанъ къ Императору, но далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя. Какъ писатель я раздраженъ; какъ человѣкъ съ предразсудками я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, или имѣть другую исторію, кромѣ исторіи нашихъ предковъ, такой, какъ намъ Богъ послалъ.

◇ *РИС. 32* ◇

111. «МОИ ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ РУССКОМЪ ТЕАТРѢ». 1819.

Говоря объ Русской трагедіи, говоришь о Семеновой—и, можетъ быть, только объ ней. Одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собой. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная французская актриса Жоржъ и вѣчно восторженный поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства, которое поняла она откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный, пріятный и часто порывы истиннаго вдохновенія, все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія несчастнаго Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измѣренныя строки Лобанова; въ ея устахъ понравились намъ славянскіе стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусомъ и гармоніей. Въ пестрыхъ переводахъ, составленныхъ общими силами и которые, по нещастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову и Геній Актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрекается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы.

112. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 1, XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

113. А. М. Каратыгина-Колосова, извѣстная трагическая актриса, «Воспоминанія».

Готовясь къ дебюту подъ руководствомъ князя Шаховского, я иногда встрѣчала Пушкина у него въ домѣ. Князь съ похвалою отзывался о дарованіи этого юноши, не особенно красиваго собою, рѣзваго, вертляваго, почти мальчика. «Сашу Пушкина» онъ рекомендовалъ своимъ гостямъ покуда только — какъ сына Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; лишь черезъ пять лѣтъ, для этого «Саши» наступила пора обратной рекомендаціи и о родителяхъ его говорили: «они отецъ и мать Пушкина»; ихъ озарилъ отблескъ славы геніальнаго сына. Знакомцы князя Шаховского: А. С. Грибоѣдовъ, П. А. Катенинъ, А. А. Жандръ ласкали талантливаго юношу, но покуда относились къ нему какъ старшіе къ младшему; онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и какъ бы гордился ихъ пріязнью...

Наконецъ, онъ познакомился съ нами и сталъ довольно часто посѣщать насъ. Мы съ матушкой отъ души его полюбили. Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ, «Саша Пушкинъ», бывая у насъ, смѣшилъ насъ рѣзвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубки гарусу въ моемъ вышиваньи; разбросаетъ карты въ гранъ-пасьянсѣ, раскладываемомъ матушкою... «Да, уймешься ли ты, стрекоза — крикнетъ, бывало, моя Евгенія Ивановна, — перестань, наконецъ!». Саша минуты на двѣ притихнетъ, а тамъ опять начинаетъ проказничать. Какъ-то матушка пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: «отстричь ему когти»,—такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку,—сказала она мнѣ, взявъ ножницы,—а я остригу». Я взяла Пушкина за руку, но онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стенать, жаловаться, что его обижаютъ, и до слезъ разсмѣшилъ насъ... Однимъ словомъ, это былъ сущій ребенокъ...

Рис. 34.

Домъ Карамзиныхъ въ Царскомъ Селѣ.

Рисунокъ В. М. Свѣшникова.

Бывшій «Кавалерскій» домъ на Садовой улицѣ. Ранѣе, въ лицейскіе годы Пушкина, Карамзины жили въ одномъ изъ домиковъ Китайской деревни, у Александровскаго парка, но къ 1820 году они поселились уже здѣсь. — Знакомство Пушкина съ Н. М. Карамзинымъ относится къ 1816 году, когда историкъ привезъ первые восемь томовъ своей исторіи Государю. «Мы надѣемся, — писалъ лицеистъ Илличевскій, — что онъ посѣтитъ нашъ Лицей, и наша надежда основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма интересуется». — «Разсказываютъ, — пишетъ Е. К. Гротъ, — что Карамзинъ, прочитавъ въ Лицеѣ какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: «Въ немъ зрѣетъ великій поэтъ». — Со времени переѣзда Карамзиныхъ въ Царское Село, домъ ихъ становится мѣстомъ постоянныхъ посѣщеній Пушкина. «Карамзинъ, принимавшій Пушкина часто въ кабинетѣ своего царскосельскаго дома, прочитывалъ ему страницы своего труда, бесѣдовалъ съ нимъ объ отечественной исторіи и выслушивалъ мнѣнія юноши съ снисхожденіемъ и свойственнымъ ему добродушіемъ» (П. В. Анненковъ). По окончаніи Лицея Пушкинъ продолжалъ часто бывать у Карамзиныхъ. «Жуковскій, Пушкинъ, братъ и я ѣздили пить чай въ Царское Село, и исторіографъ прочелъ намъ прекрасную рѣчь», — пишетъ А. И. Тургеневъ. — Связь съ Пушкинымъ Жуковскаго, Вяземскаго и Тургенева неотрывна отъ дома Карамзиныхъ, какъ общаго центра.

Рис. 35.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

1785 — 1846.

Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, воспитанникъ геттингенскаго университета, находившійся въ дружескомъ общеніи и интенсивной перепискѣ съ лучшими представителями русской и европейской культуры; знатокъ русской исторіи и собиратель иностранныхъ документовъ, оказавшій большія услуги Карамзину. Служилъ могучимъ проводникомъ литературныхъ идей и, внимательно слѣдя за европейскою мыслью, былъ какъ бы представителемъ ея въ Россіи; что же касается до русской литературы, то тутъ А. И. являлся, — по выраженію Вяземскаго, — «посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ ея при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ». Пользуясь своими связями и видным положеніемъ и будучи человѣкомъ рѣдкой доброты, А. И. неизмѣнно за кого-то хлопоталъ, кому-то покровительствовалъ («арзамасскій хлопотунъ»). А. И. опредѣлялъ Пушкина въ Лицей и всю жизнь опекалъ его, вмѣстѣ со своимъ другомъ и однокашникомъ Жуковскимъ. Онъ же проводилъ и тѣло Пушкина въ Святогорскій монастырь. Пушкинъ глубоко любилъ и уважалъ А. И.; въ 1821 году, Пушкинъ писалъ ему изъ Кишинева:

«вѣрьте, что, гдѣ бъ я ни былъ, душа моя,
какова ни есть, принадлежитъ вамъ».

Рис. 36.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

1792 — 1878.

Съ гравюры 1820-хъ гг.

Замѣчательный писатель, поэтъ и критикъ, ставшій, несмотря на разницу и въ положеніи и въ лѣтахъ, очень рано интимнымъ другомъ Пушкина (знакомство Вяземскаго съ Пушкинымъ началось весною 1816 г., когда онъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ и В. Л. Пушкинымъ, посѣтилъ Пушкина въ его лицейской кельѣ) и поддерживавшій поэта до самой его смерти. Весь жизненный путь Пушкина былъ пройденъ имъ въ близкомъ общеніи съ Вяземскимъ: ни съ кѣмъ, въ частности, Пушкинъ не состоялъ въ такой оживленной перепискѣ, какъ съ Вяземскимъ. Взаимная личная симпатія ихъ соединялась съ необыкновенно сильнымъ литературно-интеллектуальнымъ тяготѣніемъ другъ къ другу. Человѣкъ большого и оригинальнаго ума и высокаго душевнаго строя, Вяземскій способенъ былъ, какъ мало кто, понимать и цѣнить Пушкина. Къ тому же онъ «принадлежалъ къ числу людей, которые, разъ полюбивъ человѣка, уже на всю жизнь остаются ему вѣрны» (П. И. Бартеневъ). То, что Вяземскій писалъ о Пушкинѣ и при жизни его и послѣ смерти, принадлежитъ до настоящаго времени къ лучшему, что когда-либо было написано о великомъ поэтѣ, какъ по проницательности и глубинѣ мысли, такъ и по силѣ и теплотѣ чувства.

Рис. 37.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

1783 — 1852.

Портретъ П. Соколова (1817 г.).

Знаменитый русскій поэтъ обратилъ вниманіе на Пушкина въ 1815 году, когда въ Москвѣ до него дошли «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». «Вотъ у насъ настоящій поэтъ», сказалъ онъ А. П. Елагиной. Вернувшись въ Петербургъ, онъ подарилъ Пушкину книжку своихъ стиховъ. Пушкинъ записалъ это событіе. «Жуковскій былъ тогда наверху своей славы, — говоритъ П. И. Бартеневъ. — Его читали всѣ, царская семья его ласкала. Безъ всякаго оттѣнка зависти сдружился онъ, полюбилъ, какъ родного, вдохновеннаго юношу, радовался его успѣхамъ, былъ снисходителенъ къ его страстямъ, берегъ его и заботился. Недаромъ Пушкинъ называлъ его своимъ Ангеломъ-Хранителемъ».

◇ *РИС. 35* ◇

111. А. И. Тургеневъ — В. А. Жуковскому, 12 ноября 1817 г.

Посылаю посланіе ко мнѣ Пушкина-Сверчка, котораго я ежедневно браню за его лѣность и нерадѣніе о собственномъ образованіи. Къ этому присоединились и вкусъ къ площадному волокитству и вольнодумство, тоже площадное 18-го столѣтія. Гдѣ же пища для поэта? Между тѣмъ онъ разоряется на мелкой монетѣ. Пожури его.

115. А. И. Тургеневъ — кн. П. А. Вяземскому. 25 февраля 1820 г.

Пушкинъ почти кончилъ свою поэму. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него: увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и по крупнымъ шалостямъ.

116. Кн. П. А. Вяземскій. «Записныя книжки».

Александръ Тургеневъ былъ натуры электрической. Въ немъ встрѣчались и нѣмецкій педантизмъ, и французское любезное пустомысліе: все это на чисто русскомъ грунтѣ. Онъ былъ умственный космополитъ. Онъ мало читалъ — но съ удивительно острымъ умомъ, съ смѣтливостью и угадчивою проницательностью онъ сметывалъ сливки съ книги: онъ пронюхивалъ ее, смыслъ ея, содержаніе... Но былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ являлся онъ далеко не дилетантомъ, а развѣ пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ тружеником. Это — кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она... Послѣ тревожной жизни онъ сосредоточилъ всѣ свойства и стремленія свои въ одномъ чувствѣ любви и сострадалія къ ближнему. Это чувство никогда не было ему чуждо, но здѣсь оно очистило, заглушило и поглотило всѣ другія побужденія, замыслы и ненасытныя желанія... Для пополненія очерка нельзя не упомянуть о другой страсти его: не было никогда и не будетъ б о р з о п и с ц а ему подобнаго. Онъ былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціею, Германіею, Англіею и другими государствами. И письма его — большею частью образцы слога живой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ неутомимымъ и безъ-забытнымъ перомъ его. Русскимъ языкомъ въ особенности владѣлъ онъ, какъ немногимъ изъ присяжныхъ писателей удается владѣть имъ. Этого еще мало: при обширной разнообразной перепискѣ онъ еще велъ про себя одного подробный дневникъ.

117. В. А. Жуковскій — Императору Николаю Павловичу, 22 іюля 1831 г.

Въ прежнее время, когда пылкая молодость сводила Пушкина съ прямого пути, никто болѣе Тургенева не старался его укрощать и наводить на прямую дорогу.

◇ *РИС. 36* ◇

118. «КЪ ПОРТРЕТУ кн. П. А. ВЯЗЕМСКАГО», 1820.

Судьба свои дары явить хотѣла въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

119. «НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ КЪ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ», черновой набросокъ, 1822.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой,
И блескомъ колкихъ словъ и шутками богатой, —
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ.
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить Аѳинской игривой...

120. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 7, XLIX.

У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ...
И близъ него, ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

◇ *РИС. 37* ◇

121. Пушкинъ — В. А. Жуковскому, лѣтомъ 1817 г., Царское Село.

Штабсъ-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

122. «КЪ ЖУКОВСКОМУ», 1817.

А ты, природою на пѣсни обреченной,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молніямой струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!..

123. «КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО», 1818.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

124. «РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА», пѣснь IV, 1820.

Поэзіи чудесный геній.
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель
И музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!

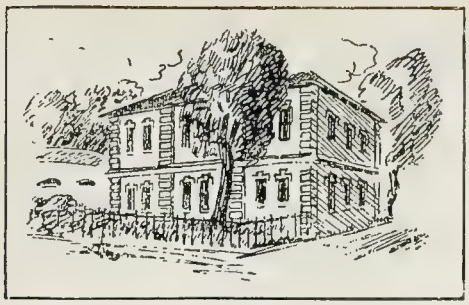


Рис. 38.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

1766 — 1826.

Портретъ А. Г. Венеціанова.

«Карамзинъ представляетъ явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ исполнилъ долгъ, ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ принесъ другіе пять», — говорилъ Гоголь. Заслуги Карамзина, дѣйствительно, огромны. Онъ приблизилъ къ жизни русскій литературный языкъ и въ значительной мѣрѣ былъ его создателемъ. Онъ приблизилъ къ жизни русскую литературу и въ значительной мѣрѣ создалъ русскаго читателя. Онъ познакомилъ русскую публику съ Европою. Онъ открылъ русскому обществу русскую исторію. Онъ же былъ создателемъ политическаго міровоззрѣнія, въ которомъ пріятіе европейской политической культуры сочеталось съ уваженіемъ къ русскому самобытному политическому укладу. Вліяніе его представляло нѣчто единственное въ нашемъ прошломъ, причемъ шло оно, все возрастая, и захватывало, какъ Государя, такъ и русское образованное общество. Исторія Государства Россійскаго плѣнила всѣхъ. — «Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи, — писалъ Рылѣевъ. — Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться: тиранству ли Іоанна или дарованію нашего Тацита». — «И я такъ плакалъ въ восхищеньи, когда скрижаль твою читалъ, и геній твой благословлялъ въ глубокомъ сладкомъ умиленьи», — писалъ Батюшковъ. — «Такъ Русь святая намъ святѣй, когда Карамзина читаемъ», — сказалъ Козловъ.

Вліяніе Карамзина подкрѣплялось нравственнымъ ореоломъ, окружавшимъ его личность. «Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли?—пишетъ Жуковскій А. И. Тургеневу.—Но любовь его есть счастье». — «Мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать, — пишетъ онъ же И. И. Дмитріеву. — Я благодаренъ ему за счастье особеннаго рода: за счастье знать и (что еще болѣе) чувствовать ему настоящую цѣну. Это болѣе, нежели что-нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется К а р а м з и н ы м ъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго. Я желаю быть ему подобнымъ въ стремленіи къ хорошему». — Свою нравственную силу Карамзинъ не утрачивалъ и передъ лицомъ монарха. Онъ рѣшительно опротестовалъ въ особой запискѣ, поданной Императору Александру, готовность его расширить территорію Польши въ ущербъ русскимъ историческимъ землямъ. Онъ въ замѣчательной, и по мыслямъ, и по краснорѣчію изложенія, «Запискѣ о древней и новой Россіи» изобразилъ свое политическое кредо, которое отнюдь не во всемъ соотвѣтствовало идеаламъ Императора Александра, и вручилъ его Государю. Кн. П. А. Вяземскій послѣ смерти Карамзина писалъ Жуковскому: «чувство, которое имѣли къ Карамзину живому, остается теперь безъ употребленія. Не къ кому изъ земныхъ приложить его. Любимъ, уважаемъ иныхъ, но все же нѣтъ той полноты чувства. Онъ былъ какимъ-то животворнымъ, лучезарнымъ средоточіемъ круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона въ современной исторіи, смерть Байрона въ мірѣ поэзіи, смерть Карамзина въ русскомъ быту — оставили по себѣ бездну пустоты, которую намъ завалить уже не придется»... О глубинѣ почтенія, вызывавшагося образомъ Карамзина, можно судить по словамъ Императора Николая Павловича, сказаннымъ Жуковскому послѣ смерти Пушкина: «Я во всемъ съ тобой согласенъ, кромѣ сравненія твоего съ Карамзинымъ. Для Пушкина я готовъ все сдѣлать, но я не могу сравнить его въ уваженіи съ Карамзинымъ, тотъ умиралъ, какъ ангелъ».

Жена Карамзина, Е к а т е р и н а А н д р е е в н а, единокровная сестра кн. П. А. Вяземскаго, также была человѣкомъ замѣчательнымъ. Женщина на видъ строгая и даже суровая, она по существу была очень сердечною и отзывчивою. Послѣ смерти Карамзина ея домъ остался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ культурныхъ центровъ Петербурга. «Трудно объяснить, откуда исходило то обаяніе, благодаря которому, какъ только вы переступали порогъ салона Карамзиныхъ, вы чувствовали себя свободнѣе и оживленнѣе, мысли становились смѣлѣе, разговоръ живѣй и остроумнѣй, — сообщаетъ А. Ф. Тютчева. — Серьезный и радушный пріемъ Екатерины Андреевны, неизмѣнно разливавшей чай за большимъ самоваромъ, создавалъ ту атмосферу доброжелательства и гостепріимства, которой мы всѣ дышали въ большой красной гостиной. Но умной и вдохновенной рукозодительницей и душой этого гостепріимнаго салона была несомнѣнно Софія Николаевна, дочь Карамзина отъ его перваго брака съ Елизаветой Ивановной Протасовой, скончавшейся при рожденіи этой дочери». Пушкинъ, безгранично почитая Карамзина, питалъ глубокое уваженіе и любовь къ Екатеринѣ Андреевнѣ и былъ друженъ со всею семьею, особенно съ Софіей Николаевной. Объ Екатеринѣ Андреевнѣ Пушкинъ думалъ въ самые отвѣтственные моменты своей жизни: онъ искалъ узнать ея мнѣніе послѣ своей помолвки, звалъ ее на смертномъ одрѣ и просилъ ея послѣдняго напутственнаго благословенія.

◇ РИС 38 ◇

125. В. Л. Пушкинъ — Пушкину, 17 апр. 1816 г.

Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ (*Карамзинъ*) въ началѣ Маія отправляется въ Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ.

126. «(ОСТАТКИ АВТОБІОГРАФІИ)», 1825.

Чувство выздоровленія — одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хотя это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своею прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили...

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина... Ноты Русской исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію .. Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

127. «КЪ ЖУКОВСКОМУ», 1817.

Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ...

128. Пушкинъ — В. А. Жуковскому, 29 ноября 1824 г., изъ Михайловскаго.

Ты увидишь Карамзиныхъ — тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

129. Пушкинъ — В. А. Жуковскому, 17 августа 1825 г., изъ Михайловскаго.

Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какая жизнь! это животрепещуще, какъ вчерашняя газета, писалъ я Раевскому.

130. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г., изъ Михайловскаго.

Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучиваются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.

131. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 2 марта 1826 г., изъ Михайловскаго.

Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты.

132. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 10 іюня 1826 г., изъ Михайловскаго.

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю, — глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сервантами и подлецами? Ахъ, милый... слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій — такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти? Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь, это будетъ тринадцатый томъ Русской Исторіи, Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все...

133. Кн. П. А. Вяземскій — Пушкину, 1826 г.

Все русское просвѣщеніе начинается, вертится и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозой: вотъ прекрасный предметъ. Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ твоихъ записокъ.

134. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 9 ноября 1826 г., изъ Михайловскаго.

Сейчасъ перечелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать.

135. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 28 октября 1830 г., изъ Болдина.

Что моя трагедія (*«Борисъ Годуновъ»*)? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: «Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому». Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. И такъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

Драгоцѣнной для Россіянъ
памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ
А. Пушкинъ.

———

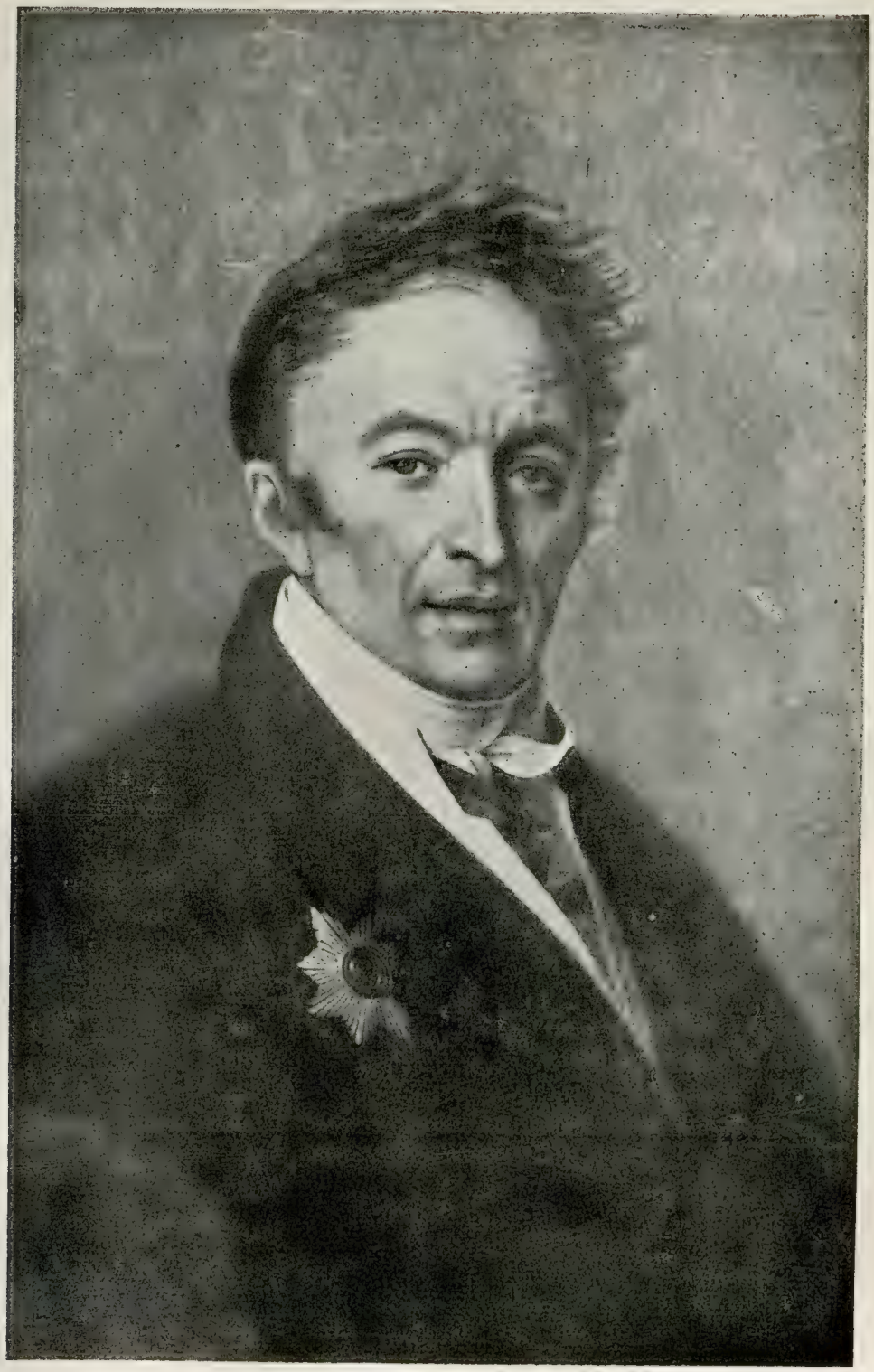


Рис. 39.

Пушкинъ.

Портретъ Ж. Вивьена.

Ранѣе считался произведеніемъ Ж. Верне (по иниціаламъ подписи: J. V.); по послѣднимъ разысканіямъ принадлежитъ художнику Жану Вивіену, или, какъ его звали въ Москвѣ, Ивану Осиповичу Вивіену, причемъ высказывается предположеніе, что портретъ долженъ быть отнесенъ ко времени пребыванія Пушкина въ Москвѣ, послѣ возвращенія изъ Михайловскаго.

Оказавшись внѣ стѣнъ Лицея, Пушкинъ предался со всею безудержностью своей натуры радостямъ и соблазнамъ свѣтской холостой жизни, омрачаемой лишь ограниченностью средствъ, иногда больно уязвляющею самолюбіе молодого человѣка. «Пушкинъ числился въ иностранной коллегіи, не занимаясь службой. Сіе кипучее существо въ самые кипучіе годы жизни, можно сказать, окунулось въ ея наслажденія... Онъ былъ уже славный мужъ по зрѣлости своего таланта и вмѣстѣ милый, остроумный мальчикъ, не столько по лѣтамъ, какъ по образу жизни и поступкамъ своимъ. Онъ умѣлъ быть совершенно молодъ въ молодости, т. е. постоянно веселъ и безпеченъ» (Ф. Ф. Вигель).—Но неустанно, даже въ первые два наиболѣе бурныхъ года, идетъ внутренній ростъ и поэтическое созрѣваніе Пушкина.

Онъ напряженно работаетъ надъ своимъ стихомъ. Въ 1818 году приходитъ онъ къ П. А. Катенину, поэту только въ наши дни извлеченному изъ забвенія, но въ то время слывшему авторитетомъ въ литературномъ мастерствѣ, и, подавая ему трость, говоритъ: «побей, но выучи». Онъ учится у Жуковскаго. Быстро перерастаетъ онъ всѣхъ своихъ современниковъ, вызывая у нихъ чувство изумленія. «Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣніе», пишетъ въ томъ же году Жуковскій кн. П. А. Вяземскому. «Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе — городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ», пишетъ тогда же Вяземскій А. И. Тургеневу. По свидѣтельству П. В. Анненкова, относящемуся къ тому же времени, Батюшковъ, прочитавъ «Посланіе къ Юрьеву», судорожно сжалъ въ рукахъ листъ бумаги, на которомъ оно было написано, и проговорилъ: «о, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» Добрые геніи-опекуны Пушкина, — Вяземскій, Тургеневъ, Жуковскій, — становятся съ нимъ на положеніе равныхъ. По свидѣтельству Плетнева, «вышедши изъ Лицея, Пушкинъ былъ для Жуковскаго пріятнѣйшимъ необходимымъ существомъ. Они, какъ первоклассные поэты, понимали другъ друга вполнѣ. Имъ весело было раздѣлять другъ съ другомъ каждую мысль. Никто не могъ вѣрнѣе вынести приговора о новомъ планѣ, о счастливомъ стихѣ, какъ они вмѣстѣ». Даже строгій Н. М. Карамзинъ, подготавливая вступительную рѣчь въ Академію, знакомитъ съ нею, наряду съ Жуковскимъ и братьями Тургеневыми, юношу Пушкина. Появленіе «Руслана и Людмилы» подводитъ окончательную черту. Въ лицѣ Жуковскаго русская литература склоняетъ голову передъ новымъ свѣтиломъ; на портретѣ своемъ, подаренномъ Пушкину, Жуковскій дѣлаетъ слѣдующую надпись: «Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму «Русланъ и Людмила». 1820 марта 29. Великая Пятница».

Проходя школу литературную, Пушкинъ одновременно формируетъ и политическое свое міровоззрѣніе. Глубоко укорененное въ немъ и никогда не покидавшее его и впослѣдствіи влеченіе къ свободѣ, пріобрѣтаетъ подъ вліяніемъ молодости и моды характеръ обличительной и даже революціонной фразы, облеченной въ форму хлесткой остроты или плѣнительнаго стиха. Пушкинскія эпиграммы и вольнолюбивыя и обличительныя стихотворенія ходятъ по рукамъ и, наконецъ, привлекаютъ вниманіе правительства. Какъ разъ въ то время, когда самъ поэтъ начинаетъ изнемогать въ окружающей его обстановкѣ («Петербургъ душенъ для поэта: я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу», пишетъ Пушкинъ въ мартѣ 1820 г. Вяземскому), надъ его головою собирается гроза, которая, благодаря хлопотамъ друзей и великодушію Государя, кончается относительно безобидною мѣрою: высылкою Пушкина подъ надзоръ старика Инзова. Пушкину дается на руки письмо министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде генералу Инзову, датированное 4 мая 1820 года и носящее собственноручную помѣтку Государя: «Быть по сему». Письмо это, которое читатель найдетъ на оборотѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сердечно отнесся Государь къ «казусу» Пушкина и какъ горячо было желаніе его и его ближайшихъ сотрудниковъ рѣшить этотъ «казусъ» съ пользою для геніальнаго, но неуравновѣшеннаго молодого поэта.

◇ РИС. 39 ◇

136. Гр. М. А. Корфъ, «Записка».

По выпускѣ изъ Лицея всѣмъ выпускнымъ воспитанникамъ было назначено жалованіе: титулярнымъ совѣтникамъ по 800 р. асс., коллежскимъ секретарямъ по 700, впредь до поступленія на штатныя мѣста съ высшими окладами. Пушкинъ *(выпущенный коллежскимъ секретаремъ)* получилъ его, какъ всѣ.

137. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

Пушкинъ былъ опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностр. Дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря. Напрасно прежде этого добивался онъ у отца позволенія вступить въ военную службу, въ гусарскій полкъ, гдѣ уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерійскимъ офицеромъ была его ученическая мечта. Сергѣй Львовичъ отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одинъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ.

138. П. И. Бартеневъ, «Моск. Вѣд.», 1855.

Служба въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а всего болѣе родственныя и общественныя связи отца открыли молодому Пушкину входъ въ лучшіе кружки большого свѣта. Сюда относятся родственныя отношенія и знакомства его съ графами Бутурлиными и Воронцовыми, съ князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковымъ и проч. Такъ, извѣстно по преданію, что въ ту пору своей жизни Пушкинъ появлялся на блестящихъ вечерахъ и балахъ у графа Лаваля. Супруга сего послѣдняго, любительница словесности и всего изящнаго, съ удовольствіемъ видала у себя молодого поэта, который однако и въ то время уже тщательно скрывалъ въ большомъ обществѣ свою литературную извѣстность и не хотѣлъ ничѣмъ отличаться отъ обыкновенныхъ свѣтскихъ людей, страстно любя танцы и балы. Такъ знаемъ еще, что во второй половинѣ 1817 года онъ нерѣдко посѣщалъ одну знатную даму, которая привлекла его вниманіе страннымъ образомъ жизни и занятій своихъ, стремительностью характера и мечтательностью *(Княгиня Евдокія — Авдотья Ивановна Голицына, род. въ 1780 г.)*.

139. Кн. П. А. Вяземскій, «Полное собраніе сочиненій», т. 8, 1878—1887.

Княгиня Голицына была очень красива, и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности... Домъ ея, на Большой Милліонной, былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ. Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей скороизмѣнчивой моды. Во всемъ отражалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ: хотѣлось бы сказать—въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея, вообще туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то — не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно бы было думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные.

140. П. А. Плетневъ, «Сочиненія», т. I.

Три года, проведенные имъ въ Петербургѣ по выходѣ изъ Лицея, отданы были развлеченіямъ большого свѣта и увлекательнымъ его забавамъ. Отъ великолѣпнѣйшаго салона вельможъ до самой нецеремонной пирушки офицеровъ, вездѣ принимали Пушкина съ восхищеніемъ, питая и собственную и его суетность этою славою, которая такъ неотступно слѣдовала за каждымъ его шагомъ. Онъ сдѣлался идоломъ преимущественно молодыхъ людей, которые въ столицѣ претендовали на отличный умъ и отличное воспитаніе. Такая жизнь заставила Пушкина много утратить времени въ безъдѣйствіи. Но всего вреднѣе была та мысль, которая навсегда укоренилась въ немъ, что никакими успѣхами таланта и ума нельзя человѣку въ обществѣ замкнуть круга своего счастья безъ успѣховъ въ большомъ свѣтѣ.

Большую часть дня утромъ писалъ онъ свою поэму *(«Руслана и Людмила»)*, а большую часть ночи проводилъ въ обществѣ, довольствуясь кратковременнымъ сномъ въ промежуткахъ сихъ занятій.

141. К. Н. Батюшковъ — А. И. Тургеневу, 10 сент. 1818 г.

Не худо бы Сверчка *(Пушкина)* запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ; потомство не отличитъ его отъ двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство... Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши!

142. П. А. Катенинъ, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1852.

Пришелъ ко мнѣ слуга доложить, что меня ожидаетъ гость: Пушкинъ. Зная только графа В. В. Пушкина, я подумалъ: не онъ ли? Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, молоденькой, небольшой ростомъ; тутъ я догадался и по галлереѣ пошелъ къ себѣ.

Гость встрѣтилъ меня въ дверяхъ, подавая въ руки толстымъ концомъ свою палку и говоря: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей, но выучи».—«Ученаго учить,—портить», отвѣчалъ я, взялъ его за руку и повелъ въ комнаты; черезъ четверть часа всѣ церемоніи кончились, разговоръ оживился, время незамѣтно прошло, я пригласилъ остаться отобѣдать; пришли еще кой-кто, такъ что новый знакомецъ ушелъ уже позднимъ вечеромъ. Желая быть учтивымъ и расплатиться визитомъ, я спросилъ: гдѣ онъ живетъ? Но ни въ первый день, ни послѣ, никогда не могъ отъ него узнать; онъ упорно избѣгалъ посѣщеній. Самъ, напротивъ, полюбилъ меня съ перваго раза, очень часто запросто посѣщалъ, и едва ли эта первая эпоха нашего знакомства была не самая лучшая и для обоихъ пріятная.

◇ *РИС. 39 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

143. М. М. Сперанскій—дочери, 16 окт. 1820 г., изъ Тобольска.

Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ *(Пушкинъ)* дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья геніевъ. Не отчаивайся, вкусъ придетъ; онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я также какъ и ты замѣтилъ этотъ метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности.

144. В. Эртель, «Выписка изъ бумагъ дяди Александра», 1832.

(1818—1819). Дельвигъ обѣщалъ на-дняхъ зайти за мною и отвести къ Пушкину, который въ это время по болѣзни не могъ выходить изъ комнаты... Пушкинъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста... Мы взошли на лѣстницу, слуга отворилъ двери, и мы вступили въ комнату. У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человѣкъ въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ермолкою на головѣ. Возлѣ постели, на столѣ лежали бумаги и книги. Въ комнатѣ соединялись признаки жилища молодого свѣтскаго человѣка съ поэтическимъ безпорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ Пушкинъ продолжалъ писать нѣсколько минутъ; потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зналъ, кто пришелъ, подалъ обѣ руки моимъ товарищамъ *(Дельвигу и Баратынскому)* со словами: «Здравствуйте, братцы!»... Сужденія Пушкина были вообще кратки, но мѣтки, и, даже когда онѣ казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было доказать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его была большая наклонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его, и думаю, что онъ способенъ возвыситься до той истинно-поэтической иронія, которая подъемлется надъ ограниченною жизнью смертныхъ и которой мы столько удивляемся въ Шекспирѣ.

145. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! Въ Россію скачетъ...» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ, которыя вездѣ повторялись. Напримѣръ, однажды въ Царскомъ Селѣ Захаржевскаго медвѣженокъ сорвался съ цѣпи отъ столба, на которомъ устроена была его будка, и побѣжалъ въ садъ, гдѣ могъ встрѣтиться глазъ на глазъ, въ темной аллеѣ, съ Императоромъ, если бы на этотъ разъ не встрепенулся его маленькій шарло и не предостерегъ бы отъ этой опасной встрѣчи. Медвѣженокъ, разумѣется, тотчасъ былъ истребленъ, а Пушкинъ при этомъ случаѣ не обинуясь говорилъ: «Нашелся одинъ добрый человѣкъ, да и тотъ медвѣдь!» Такимъ же образомъ онъ во всеуслышаніе въ театрѣ кричалъ: «Теперь самое безопасное время—по Невѣ идетъ ледъ!» Въ переводѣ: нечего опасаться крѣпости.

146. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

Физическая организація молодого Пушкина, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился, какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанія, до ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля.

147. П. В. Анненковъ, «Пушкинъ въ александровскую эпоху, 1874.

Въ семействѣ Пушкиныхъ сохранился такой анекдотъ о немъ. Однажды на упреки семейства въ излишней распущенности, которая могла имѣть для него роковыя послѣдствія, Пушкинъ отвѣчалъ: «безъ шума никто не выходилъ изъ толпы!»

148. П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина».

Друзья Пушкина единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Онъ самъ, нѣсколько позднѣе, съ упрекомъ говорилъ о современныхъ ему литераторахъ: «мало у насъ писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются».

149. Ѳ. Н. Глинка, «Удаленіе Пушкина изъ Петербурга», 1866.

Разъ утромъ выхожу я изъ своей квартиры и вижу Пушкина, идущаго мнѣ навстрѣчу. Онъ былъ, какъ и всегда бодръ, и свѣжъ; но обычная (по крайней мѣрѣ, при встрѣчахъ со мною) улыбка не играла на его лицѣ, и легкій оттѣнокъ блѣдности замѣчался на щекахъ. Пушкинъ заговорилъ первый. — «Я шелъ къ вамъ посовѣтоваться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ піесахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой-то неизвѣстный человѣкъ и давалъ ему пятьдесятъ рублей, прося дать ему почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги... Теперь,—продолжалъ Пушкинъ, немного озабоченный. — меня требуютъ къ Милорадовичу! Я не знаю, какъ и что будетъ, и съ чего съ нимъ взяться?.. Вотъ я и шелъ посовѣтоваться съ вами»... Мы остановились и обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе я сказалъ ему: «Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь, и безъ всякаго опасенія. Положитесь безусловно на благородство его души: онъ не употребитъ во зло вашей довѣренности».

150. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858. (По возвращеніи Пущина изъ отлучки въ Петербургъ).

Узнаю, что въ одно прекрасное утро полицеймейстеръ пригласилъ Пушкина къ графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генералъ-губернатору. Когда привезли Пушкина, Мило-

радовичъ приказываетъ полицеймейстеру ѣхать въ его квартиру и опечатать всѣ бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему:—«Графъ, вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите мнѣ дать перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу». Милорадовичъ, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнулъ «Ah, c'est chevaleresque!» и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные свои стихи и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія.

Вотъ все, что я дознался въ Петербургѣ. Ѣду потомъ въ Царское Село къ Энгельгардту, обращаюсь къ нему съ тѣмъ же тревожнымъ вопросомъ *(о судьбѣ Пушкина)*.

Директоръ разсказалъ мнѣ, что Государь (это было послѣ того, какъ Пушкина уже призывали къ Милорадовичу, чего Энгельгардтъ до свиданія съ Царемъ и не зналъ) встрѣтилъ его въ саду и пригласилъ съ нимъ пройтись.

«Энгельгардтъ, — сказалъ ему Государь,—Пушкина надобно сослать въ Сибирь; онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла».

Директоръ на это отвѣтилъ: «Воля Вашего Величества, но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника; въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще большія на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, Государь, лучше вразумитъ его».

Не знаю, вслѣдствіе ли этого разговора, только Пушкинъ не былъ сосланъ, а командированъ отъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ на службѣ, къ генералу Инзову, начальнику колоній Южнаго Края.

151. П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ въ Южной Россіи», со словъ гр. Д. Н. Блудова.

Узнавъ о грозящей опасности, Пушкинъ пришелъ къ Карамзину, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и наставленія.—«Можете ли вы,—сказалъ Карамзинъ,—по крайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіе года ничего не напишете противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ ему слово и сдержалъ его: не раньше 1821 г. прислалъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои «Кинжалъ».

152. Н. М. Карамзинъ—И. И. Дмитріеву, 7 іюня 1820 г.

Пушкина простили, дозволили ему ѣхать въ Крымъ. Я просилъ объ немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось будетъ разсудительнѣе, по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово на *два года*.

153. Н. М. Карамзинъ—кн. П. А. Вяземскому, 17 мая 1820 года.

Пушкинъ, бывъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія въ адъ.

154. Гр. К. В. Нессельроде—ген.-лейт. И. Н. Инзову, 4 мая 1820 г.

Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ покинулъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремленіе къ независимости. Этотъ ученикъ уже въ раннемъ возрастѣ проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ Лицеѣ были быстры, его умъ возбуждалъ удивленіе, но его характеръ, повидимому, ускользнулъ отъ вниманія наставниковъ. Онъ вступилъ въ свѣтъ, сильный пламеннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принциповъ до тѣхъ поръ, пока опытъ не дастъ намъ истиннаго воспитанія. Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ,—какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть превосходствомъ своихъ дарованій... Нѣсколько стихотвореній, а въ особенности Ода на свободу обратили на г. Пушкина вниманіе правительства. Наряду съ величайшими красотами замысла и исполненія это послѣднее стихотвореніе обнаруживаетъ опасныя начала, почерпнутыя въ той анархической системѣ, которую люди неблагонамѣренные называютъ системой правъ человѣка, свободы и независимости народовъ. Тѣмъ не менѣе, г.г. Карамзинъ и Жуковскій, узнавъ объ опасности, угрожающей молодому поэту, поспѣшили преподать ему свои совѣты, привели его къ признанію своихъ заблужденій и взяли съ него торжественное обѣщаніе навсегда отъ нихъ отказаться. Его покровители полагаютъ, что его раскаяніе искренне... и что можно сдѣлать изъ него прекраснаго слугу государства или по крайней мѣрѣ писателя первостепеннаго... Поэтому Государь, удовлетворяя желаніямъ его покровителей, откомандировалъ молодого Пушкина на югъ... Благоволите просвѣтить неопытнаго юношу, внушая ему, что достоинства ума безъ достоинства сердца являются почти всегда гибельнымъ преимуществомъ, и что весьма многіе примѣры показываютъ, что люди одаренные прекраснымъ геніемъ, но не искавшіе въ религіи и нравственности охраны противъ опасныхъ уклоненій, были причиной несчастій, какъ для самихъ себя, такъ и для своихъ согражданъ. Судьба его будетъ зависѣть отъ успѣха вашихъ добрыхъ совѣтовъ.

Рис. 40.

Иванъ Никитичъ Инзовъ.

1768 — 1845.

Литографія Песоцкаго.

Рис. 41.

Рисунокъ Пушкина,
изображающій
ген. И. Н. Инзова.

Генералъ И. Н. Инзовъ былъ намѣстникомъ Бессарабской области, когда, въ 1820 году, къ нему въ подчиненіе былъ направленъ Пушкинъ. Человѣкъ исключительной доброты и нравственной чистоты, Инзовъ отечески отнесся къ поэту и тѣмъ сыгралъ весьма благодѣтельную роль въ жизни Пушкина. Самъ будучи аскетически добродѣтельнымъ, онъ сумѣлъ понять добрыя стороны пушкинской души и простить грѣхи пылкаго пушкинскаго темперамента. Пушкинъ сердечно привязался къ старику, но по достоинству оцѣнилъ его только въ Одессѣ, попавъ подъ начало къ гр. Воронцову. «Инзовъ меня очень любилъ, и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ скуки ради французскіе журналы... Генералъ Инзовъ добрый и почтенный старикъ, онъ русскій въ душѣ... онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя», — писалъ Пушкинъ въ 1825 году въ «Воображаемомъ разговорѣ съ Императоромъ Александромъ». — «Маститому старцу надлежало умѣрять порывы и вмѣстѣ успокаивать пылкое воображеніе поэта, — писалъ въ воспоминаніяхъ объ Инзовѣ А. С. Стурдза (1847). — «Иванъ Никитичъ въ этомъ успѣлъ, привязалъ къ себѣ Пушкина, снискалъ довѣренность его и ни разу не раздражилъ его самолюбія. Впослѣдствіи Пушкинъ, переселясь въ Одессу, при каждомъ случаѣ вспоминалъ объ Иванѣ Никитичѣ съ чувствомъ сыновняго умиленія. Этому я свидѣтель». — Шла молва, что Инзовъ былъ побочнымъ сыномъ Императора Павла I; она ни на что не опиралась, кромѣ слабаго сходства между обоими. Сходство это можетъ быть обнаружено и на рисункѣ Пушкина.

Рис. 42.

«Колоссъ двуглавый».

Видъ на Эльбрусъ съ Машука.

По фотографіи Ѳ. Г. Береншгама.

Лицезрѣніе Кавказа, куда Пушкинъ неожиданно попалъ изъ Екатеринослава вмѣстѣ съ семьею ген. Н. Н. Раевскаго, весьма расширило кругъ «впечатлѣній бытія» Пушкина. «Судьба, какъ нарочно, — писалъ впослѣдствіи, въ 1835 году, Гоголь, — забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ». Результатомъ кавказскихъ впечатлѣній явилась поэма «Кавказскій Плѣнникъ». «Пушкинъ былъ увлеченъ двумя предметами, — писалъ четверть вѣка спустя Бѣлинскій, — поэтическою жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ и потомъ элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа, съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзіею... Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцѣнною кровью сыновъ ея и подвигами ея героевъ».

Пушкинъ ощущалъ двойственность своей поэмы. «Характеръ Плѣнника неудаченъ, — писалъ онъ въ 1821 году В. П. Горчакову; — это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка... Черкесы, ихъ обычаи и нравы, занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre». Мѣтко уловилъ Бѣлинскій и паѳосъ браннаго дѣла и бранной славы, которымъ отмѣченъ «Кавказскій Плѣнникъ» и который былъ чуждъ даже ближайшимъ друзьямъ Пушкина: кн. П. А. Вяземскій жаловался Тургеневу на послѣдніе стихи повѣсти, являющіеся своего рода гимномъ завоеванію Кавказа, и тѣмъ обнаружилъ разномысліе съ Пушкинымъ, которое съ еще большею силою проявилось много лѣтъ спустя въ польскомъ вопросѣ.

◇ *РИС. 40 и 41* ◇

155. Ф. Ф. Вигель, «Записки», 1891.

Нерѣдко Инзовъ, разговаривая со мною, вздыхалъ о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней взаимной любви. Сношенія ихъ однако сдѣлались сколько странными, столько и трогательными и забавными. Съ первой минуты прибывшаго созсѣмъ безъ денегъ молодого человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жительствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой минуты послѣдней ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія, какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ не былъ онъ причастенъ, накидывалъ онъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе чѣмъ съ начальникомъ, сдѣлался онъ смѣлъ и шутливъ, никогда не дерзокъ; а тотъ готовъ былъ все ему простить... Иногда же, когда дитя его распроказничается, то болѣе для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, чѣмъ для наказанія, сажалъ его подъ арестъ, т. е. нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать, съ какимъ нѣжнымъ уваженіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ.

156. Ген. И. Н. Инзовъ — почтъ-директору К. Я. Булгакову, іюнь 1820 г.

Разстроенное его *(Пушкина)* здоровье въ сіи молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ коемъ онъ, по молодости, находится, требовали съ одной стороны, помощи, а съ другой — безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ который въ проѣздъ свой черезъ Екатеринославль охотно взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу И. А. Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранитъ и не назоветъ баловствомъ: онъ — малой, право, доброй, жаль, только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа навсегда останется скорлупою.

157. Ген. И. Н. Инзовъ на секретный запросъ Министра иностранныхъ дѣлъ гр. Каподистріи, 28 апр. 1821 г.

Коллежскій секретарь Пушкинъ, живя въ одномъ домѣ со мною, ведетъ себя хорошо и при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ не оказываетъ никакого участія въ сихъ дѣлахъ. Я занялъ его переводомъ на россійскій языкъ составленныхъ по-французски молдавскихъ законовъ и тѣмъ, равно другими упражненіями по службѣ, отнимаю способы къ праздности. Онъ, побуждаясь тѣмъ же духомъ, коимъ исполнены всѣ парнасскіе жители къ ревностному подражанію нѣкоторымъ писателямъ, въ разговорахъ своихъ со мною обнаруживаетъ иногда піитическія мысли. Но я увѣренъ, что лѣта и время образумятъ его въ семъ случаѣ и заставятъ признать неосновательность умозаключеній, посѣянныхъ чтеніемъ вредныхъ сочиненій и принятыми правилами нынѣшняго столѣтія.

158. Ген. И. Н. Инзовъ — Командующему Императорской квартирой кн. Волконскому, 1 дек. 1821 г.

Г. Пушкинъ, состоящій при мнѣ, ведетъ себя изрядно. Я занимаю его письменною корреспонденціею на французскомъ языкѣ и переводами съ русскаго на французскій; ибо, по малой опытности его въ дѣлахъ, не могу довѣрять ему иныхъ бумагъ; относительно же занятій его по масонской ложѣ, то по неоткрытію таковой не можетъ быть оныхъ, хотя бы и желаніе его къ тому было.

◇ *РИС. 42* ◇

159. Пушкинъ — брату, 24 сент., 1820 г., изъ Кишинева.

Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкой оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ ними ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь. — Я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца живу я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятиголоваго Бешту, Машука, Желѣзной Горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними... Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками. Вѣчно веселыми, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ...

160. Пушкинъ — Н. И. Гнѣдичу, 24 марта 1821 г. изъ Кишинева.

Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.

161. «КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ», 1820-21.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Рис. 43.

Княгиня Марія Николаевна Волконская,
урожденная Раевская.
1806 — 1863.

Рис. 44.

Пушкинъ съ Раевскими на южномъ берегу Крыма.
Картина И. К. Айвазовскаго.

Въ Екатеринославѣ Пушкина, мрачно настроеннаго и мучающагося лихорадкою, которую онъ схватилъ, купаясь въ Днѣпрѣ, нашелъ его близкій петербургскій другъ, лейбъ-гусаръ Николай Раевскій. Онъ предложилъ Пушкину присоединиться къ его семьѣ, направлявшейся на Кавказскія Минеральныя Воды, и Пушкинъ, съ разрѣшенія ген. Инзова, полубольной, отправился вмѣстѣ съ ними. Быстро поправившись, Пушкинъ провелъ, вмѣстѣ съ Раевскими, на Водахъ и въ Крыму нѣсколько безмятежныхъ мѣсяцевъ. За это время Пушкинъ сблизился со всею семьею Раевскихъ, но въ жизнь его вошла, пусть незамѣтно для посторонняхъ, но отъ этого лишь болѣе сильно, одна изъ младшихъ дочерей ген. Н. Н. Раевскаго. Марія, бывшая шестью годами моложе Пушкина.

Впослѣдствіи М. Н. вышла замужъ за князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, декабриста, и послѣдовала за нимъ въ ссылку, хотя и не сочувствовала его идеямъ. Ея отецъ, на своемъ смертномъ одрѣ, назвалъ Марію «самою удивительною женщиною», которую ему пришлось знать. О присущемъ ей очарованіи можно получить представленіе по слѣдующимъ двумъ отзывамъ о ней. Зинаида Волконская, жена брата С. Г. Волконскаго, писала Маріи: «Твой высокій станъ встаетъ передо мною, какъ великая мысль, и мнѣ кажется, что твои граціозныя движенія создаютъ мелодію, какую древніе приписывали небеснымъ звѣздамъ. У тебя глаза, волосы и цвѣтъ лица, какъ у дочери Ганга». Блестящій полякъ, кіевскій предводитель дворянства, графъ Густавъ Олизаръ, дѣлавшій ей предложеніе и получившій отказъ, всю жизнь не могъ забыть ея и подъ конецъ дней своихъ писалъ: «Если родилось въ душѣ моей что-нибудь благородное, возвышенное, поэтическое, этимъ я обязанъ той любви, которую внушила мнѣ Марія Раевская, княгиня Волконская, теперь нерчинская изгнанница, раздѣляющая горькій жребій своего мужа, та Беатриче, которой было посвящено дантовское чувство, до какого могъ возвыситься мой поэтическій духъ. Благодаря ей, вѣрнѣе, благодаря любви къ ней, я пріобрѣлъ сочувствіе перваго русскаго поэта и дружбу нашего лауреата Адама *(Мицкевича)*». Польскій поэтъ гостилъ у Олизара въ его замкѣ, когда тотъ въ уединеніи переживалъ свое сердечное горе, и увѣковѣчилъ чувства своего друга въ сонетѣ «Аю-Дагъ».

Пушкинъ пережилъ трагедію едва ли не болѣе сильную, чѣмъ впечатлительный Олизаръ. Марія Раевская была однимъ изъ глубочайшихъ и притомъ тщательно скрывавшихся сердечныхъ увлеченій Пушкина — его «утаенная любовь», по ставшему общеупотребительнымъ выраженію П. Е. Щеголева, которому первымъ удалось разобрать въ одномъ изъ черновиковъ пушкинскаго посланія «Полтавы» строку «Сибири хладная пустыня» и тѣмъ установить адресатъ этого скорбно-вдохновеннаго посланія, отдѣленнаго долгими девятью годами отъ перваго любовнаго порыва. По правдоподобной догадкѣ проф. Г. Я. Трошина любовь Пушкина къ Маріи Раевской жила въ его душѣ вплоть до того момента, какъ онъ окончательно рѣшилъ связать свою судьбу съ Н. Н. Гончаровой. О Раевской Пушкинъ говоритъ въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» (Олизаръ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо указываетъ: «Пушкинъ написалъ свою прелестную поэму для Маріи Раевской»); о ней же упоминаетъ въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ»: «Одна была — предъ ней одной дышалъ я чистымъ упоеньемъ любви поэзіи святой»; ее вспоминаетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», въ строкахъ: «Я долго былъ плѣненъ ею... Но былъ ли я любимъ; и кѣмъ, и гдѣ, и долго ли?.. зачѣмъ вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!..»; къ ней же возвращается мыслью въ чудесномъ стихотвореніи «Не пой, красавица, при мнѣ»; и, наконецъ, платитъ своей «утаенной» любви послѣднюю дань въ стихахъ:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мутитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — оттого,
Что не любить оно не можетъ.

◇ РИС. 13 ◇

162. Кн. М. Н. Волконская (Раевская). «Записки».

Мнѣ вспоминается, какъ во время это... путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, съ нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидѣвъ море, мы приказали остановиться, вышли изъ кареты и всей гурьбой бросились любоваться моремъ. Оно было покрыто волнами, и, не обозрѣвая, что позадъ шелъ за нами, я стала забавляться тѣмъ, что бѣгала за волной, а когда она настигала меня, я убѣгала отъ нея; какъ вдругъ тѣмъ, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего объ этомъ не сказала и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ, что эта картинка была очень граціозна, и, поэтизируя дѣтскую шалость, написалъ прелестные стихи; мнѣ было тогда лишь 15 лѣтъ.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться нилихъ ногъ устами!

Позже, въ поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ» онъ сказалъ:

. . . ея очи
Яснѣе дня,
Чернѣе ночи.

Въ сущности, онъ обожалъ только свою музу и поэтизировалъ все, что видѣлъ.

163. «ГРАФУ ОЛИЗАРУ», черновой набросокъ. 1824.

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою...
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ.
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ, гордостью пылая,
Любовь народнаго врага.
Но огнь поэзіи чудесной
Сердца враждебныя дружитъ...
При пѣсняхъ (радости) небесной
Вражда взаимная молчитъ,
И возстаютъ благословенья,
И на сердца нисходитъ миръ...

164. Кн. М. Н. Волконская — брату Александру. 8 марта 1826 г., по полученіи извѣстія объ арестѣ мужа.

Я недавно узнала объ арестѣ Сергѣя; это разбило мое сердце; состояніе моего здоровья этому много способствовало; въ другой моментъ я бы перенесла его съ большею философіею. Не его арестъ меня огорчаетъ, не наказаніе, которое насъ ожидаетъ, но то, что онъ далъ себя увлечь и кому же? Низкимъ изъ людей, презираемымъ его соперомъ, его братьями и его женою, потому что я не скрыла отъ него моего мнѣнія.

165. «НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНѢ», 1828.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

166. «ПОЛТАВА», 1828. Посвященіе.

Тебѣ — но голосъ музы тайной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній з укъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

◇ РИС. 41 ◇

167. «СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА», 1830.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Міръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Рис. 45.
Домъ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ.
Картина Г. П. Кондратенки.

Рис. 46.
« Пушкинскій гротъ » въ Гурзуфѣ.
Съ фотографіи.

Во времена Пушкина Гурзуфъ, или Юрзуфъ былъ небольшою живописною татарскою деревушкою, раскинувшеюся на склонахъ скалистаго холма, обрывающагося къ морю. Послѣ покоренія Крыма, Гурзуфъ сначала принадлежалъ князю Г. А. Потемкину, потомъ герцогу Ришелье, бывшему при Императорѣ Александрѣ I генералъ-губернаторомъ Одессы и Новороссійскаго края, а послѣ него перешелъ графу М. С. Воронцову. — Домъ этотъ, какъ самый лучшій, былъ отведенъ путешествующей семьѣ Раевскихъ.

Главою этой семьи былъ Николай Николаевичъ Раевскій (1771 — 1829), родственникъ графа А. Н. Самойлова и кн. Г. А. Потемкина, знаменитый боевой генералъ, герой 1812 года, человѣкъ легендарной храбрости, независимаго характера и незауряднаго ума. Пушкинъ писалъ о немъ впослѣдствіи брату Льву: — «я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простою прекрасною душою». Свои многочисленныя путешествія и походы ген. Раевскій совершалъ часто въ сопровожденіи семьи, состоявшей въ то время изъ жены, человѣка мало замѣчательнаго, двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Съ младшимъ сыномъ, Николаемъ, Пушкинъ встрѣчался еще въ Царскомъ Селѣ у Чаадаева и Карамзиныхъ, когда Пушкинъ былъ лицеистомъ, а Раевскій лейбъ-гусаромъ, и сразу съ нимъ сблизился на почвѣ литературныхъ интересовъ. Въ эту эпоху Николай Раевскій оказалъ Пушкину какія-то «важныя услуги, вѣчно незабвенныя».

Со старшимъ братомъ, Александромъ, Пушкинъ познакомился позже, но гораздо сильнѣе почувствовалъ его вліяніе. Какъ и всѣ, Пушкинъ ожидалъ отъ него блестящаго будущаго; онъ «будетъ болѣе, чѣмъ извѣстенъ», — писалъ онъ брату. Ожиданія эти не оправдались: человѣкъ большого ума, отравленнаго ѣдкимъ скептицизмомъ, Александръ Раевскій оказался замѣчателенъ, лишь какъ живой образецъ того модная уже въ тѣ времена типа, который получилъ свое художественное воплощеніе впервые въ образѣ Онѣгина. Пока Пушкинъ не выросъ самъ изъ этихъ настроеній, вліяніе на него Александра Раевскаго было могущественнымъ. — Изъ дочерей, Елена, хрупкая и болѣзненная семнадцатилѣтняя дѣвушка, и особенно Екатерина, двумя годами старшая Пушкина, произвели на него замѣтное впечатлѣніе. О послѣдней онъ писалъ, какъ о «женщинѣ необыкновенной» и взялъ ее впослѣдствіи за образецъ при созданіи образа Марины Мнишекъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Но наиболѣе сильное и глубокое значеніе въ жизни Пушкина получила, какъ мы знаемъ, одна изъ младшихъ дочерей Раевскаго, Марія.

На Минеральныя воды ѣздили съ отцомъ младшія дочери, Марія и Софія. Мать съ двумя старшими дочерьми ожидала ихъ въ Гурзуфѣ.

Рис. 47.
Пушкинъ на Ай-Петри въ Крыму.
Картина И. К. Айвазовскаго.

Ай-Петри — гора Св. Петра, скалистая вершина Яйлы, на южномъ берегу Крыма, между Ялтою и Алупкою.

◇ *РИС. 45* ◇

168. Пушкинъ — брату Л. С. Пушкину, 24 сент. 1820 г., изъ Кишинева.

Съ полуострова Тамани, древняго Тмутороканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ К е р ч ь... Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Ю р з у ф ъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю... Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ останозился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Р а е в с к а г о... Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, — любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго.

169. «ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТИЛО», 1820, Черное море.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

170. П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ въ Южной Россіи».

Это былъ довольно большой двухэтажный домъ, съ двумя балконами, одинъ на море, другой въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Тутъ семья Раевскаго вся была въ сборѣ, кромѣ сына Александра, который остался на Кавказѣ. Путешественниковъ ожидали въ Гурзуфѣ супруга Раевскаго и двѣ отлично образованныя и любезныя дочери, Екатерина Николаевна, старшая всѣмъ, и Елена Николаевна, высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазами. Братъ Николай скоро познакомилъ съ ними своего молодого пріятеля. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Кромѣ того, Байронъ былъ почти ежедневнымъ его чтеніемъ: Пушкинъ продолжалъ учиться по-англійски, съ помощью Раевскаго-сына... Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ со старшею Раевскою о литературѣ. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны.

171. Я. К. Гротъ, со словъ Ек. Н. Орловой (Раевской).

Николай Раевскій (*сынъ*) страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное свѣдѣніе, будто Пушкинъ учился въ Юрзуфѣ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ такому сближенію. По ея замѣчанію, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью Н. Н. Раевскаго въ Юрзуфѣ читалъ Байрона, и что, когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали наверхъ къ Катеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ первый познакомилъ Пушкина съ поэзіей Шенье.

◇ *РИС. 46* ◇

172. «ПРІЮТЪ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ», 1824.

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной;
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ шумъ протяжной.

◇ *РИС. 47* ◇

173. «ЖЕЛАНІЕ», 1821.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ прибрежныя стремнины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

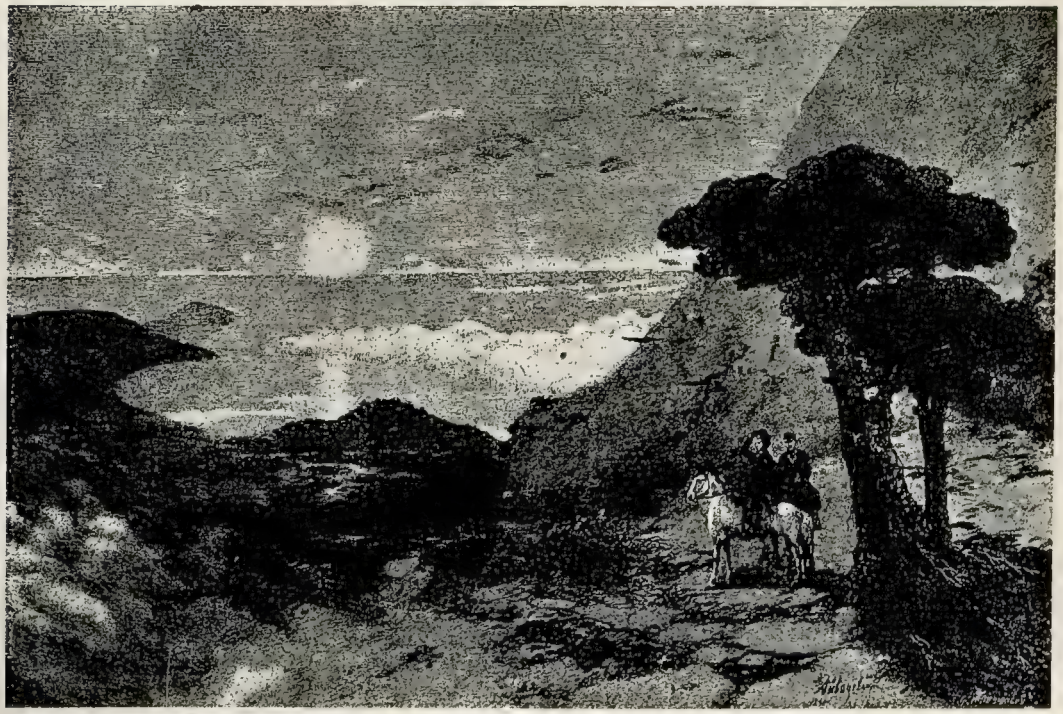


Рис. 48.

Любимый кипарисъ Пушкина въ Гурзуфѣ.

Съ фотографіи (1907 г.).

Одною изъ рѣдкихъ чертъ богатой пушкинской натуры являлась способность его привязываться къ вещамъ, любить ихъ, какъ живыя. Отсюда, такъ много осталось намъ, — въ воспоминаніе, — «любимыхъ» мѣстъ и предметовъ поэта. — Жизнь Пушкина, говоритъ В. В. Розановъ, была «прогулкою въ Саду Божіемъ, гдѣ онъ указывалъ человѣчеству: «А вотъ е щ е что можно любить»... «или — вотъ это...». «Но оглянитесь, развѣ т о — х у ж е?...».

Рис. 49.

Пушкинъ у скалъ Аю-Дага въ Крыму.

Картина И. К. Айвазовскаго.

Гора Аю-Дагъ, по татарски «Медвѣдь-гора», отвѣсными обрывами низвергается въ Черное море на южномъ берегу Крыма, между Алуштою и Ялтою. На выступахъ къ морю видны многочисленныя развалины, въ томъ числѣ древней греческой церкви Константина и Елены. — На картинѣ Айвазовскаго Пушкинъ изображенъ у скалъ Аю-Дага, какъ бы погруженнымъ въ поэтическія мечтанія, во власти своей «вѣтреной подруги» музы:

«Какъ часто по брегамъ Тавриды
«Она меня во мглѣ ночной
«Водила слушать шумъ морской,
«Немолчный шопотъ Нереиды,
«Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
«Хвалебный гимнъ Отцу міровъ».

Рис. 50.

Фонтанъ слезъ въ Бахчисарайскомъ дворцѣ.

Съ рѣдкой литографіи.

Воспѣтый Пушкинымъ и Мицкевичемъ «Фонтанъ слезъ» помѣщается внутри бахчисарайскаго дворца (Ханъ-сарая). Въ немъ небольшая струя воды переливается, по-очереди, черезъ пятнадцать карманчиковъ, переходя изъ одного въ другой по мѣрѣ заполненія. По надписи, имѣющейся на фонтанѣ, онъ носитъ названіе райскаго источника «Сельсебійль», который по Корану наполняетъ души падшихъ за Исламъ. Въ надписи есть слова: «кто будетъ утолять жажду, тому кранъ языкомъ своимъ скажетъ хронограмму: приди, пей воду чистую, она приноситъ исцѣленіе. Годъ сооруженія фонтана, какъ ясно изъ хронограммы, относится къ 1176 году гежры, т. е. къ 1756 году нашего лѣтоисчисленія. Фонтанъ раньше находился у мавзолея, въ которомъ была погребена одна изъ женъ хана Крымъ-Гирея Диллара Бикечъ. До сихъ поръ не выяснено, кто была по національности Диллара: грузинка, гречанка или полька. Легенда, связавшая ее съ именемъ Маріи Потоцкой, остается до сихъ поръ неразгаданной.

Рис. 51.

Пушкинъ въ Бахчисараѣ.
(На ханскомъ кладбищѣ).

Съ картины В. Суреньянца.

Противъ главнаго входа въ зданіе бахчисарайскаго дворца находится старинная ханская мечеть, къ которой примыкаетъ окруженное каменной оградой ханское кладбище. Здѣсь погребены члены ханскихъ семействъ и нѣкоторыя почитаемыя лица, тѣла же самихъ хановъ покоятся въ двухъ восьмиугольныхъ тюрбе съ куполами мавританскаго стиля. Изъ 114-ти надгробныхъ надписей старѣйшая относится къ 1592 году нашего лѣтоисчисленія. Пушкинъ былъ здѣсь въ первой половинѣ августа 1820 года.

◇ *РИС. 48* ◇

174. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу. декабрь 1824 г., изъ Михайловскаго.

Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прикрѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzarone. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его, и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти...

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе — самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?

◇ *РИС. 49* ◇

175. «БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ», 1822.

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мои жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріятная краса,
И струй и тополей прохлада. —
Все чувство лучника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

◇ *РИС. 50* ◇

176. «БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ», 1822.

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Въ углу дворца уединенный,
Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда;
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

177. «ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА», 1824.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключь отрадной!
Журчи, журчи струею мнѣ былъ...
Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ;
Хвалу странѣ прослылъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ...

◇ *РИС. 51* ◇

178. «БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ», 1822.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!.. но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..
Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша
Средь опустѣлаго гарема?

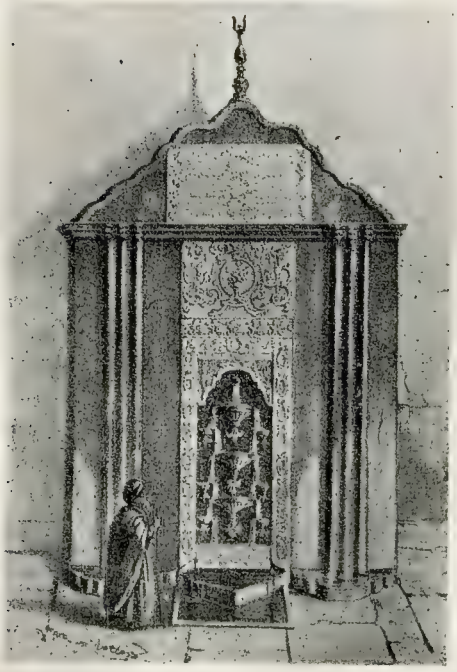


Рис. 52.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ.

Около 1840 г.

Рис. 53.

Кишиневскій пейзажъ, зарисованный Пушкинымъ изъ окна своей комнаты въ домѣ Инзова.

1 апрѣля 1821 года.

Въ половинѣ сентября 1820 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, куда къ тому времени была переведена канцелярія ген. И. Н. Инзова. Въ домѣ, отведенномъ городомъ для жительства намѣстника, Инзовъ предоставилъ Пушкину двѣ небольшія комнаты. Домъ находился въ Старомъ Городѣ и принадлежалъ молдавскому боярину Доничу, но до конца своего существованія сохранилъ названіе «дома Инзова», а холмъ, на которомъ онъ стоялъ совершеннымъ особнякомъ, назывался «Инзовой горой». О видѣ, открывавшемся съ этого холма, Н. В. Бергъ писалъ въ 1855 г.: «изъ оконъ, которыя принадлежали ему *(Пушкину)*, самый лучшій видъ въ городѣ. Мѣсто очень высоко... Вдали горы съ бѣлѣющимися кое-гдѣ домиками какого-то села. Говорятъ, прежде, около Инзова дома былъ огромный садъ и службы. Теперь не осталось ничего. Домъ стоитъ отдѣльно, одинъ-одинешенекъ, и подлѣ него двѣ сироты — акаціи...».

Кишиневскій періодъ занимаетъ особое мѣсто въ жизни Пушкина. Избытокъ молодыхъ силъ влекъ его къ излишествамъ; ложность положенія толкала къ эксцентрическимъ выходкамъ; удальство тянуло къ риску. Достаточно назвать однѣ дуэли. «Онѣ пріобрѣли всеобщую извѣстность и удостоились чести быть перечисленными въ нашей печати, — пишетъ П. В. Анненковъ, — но сколько еще ссоръ, грубыхъ расправъ, рискованныхъ предпріятій, оставшихся безъ послѣдствій и не сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ! Пушкинъ въ это время ставилъ на карту не только жизнь, но и гражданское свое положеніе... Пушкинъ дивился подчасъ упорному благорасположенію судьбы и давалъ зарокъ друзьямъ обходиться съ нею осторожнѣе и не посылать ей безпрестанно вызовы, но это уже было внѣ его власти. Ко всѣмъ другимъ побужденіямъ нарушать обѣтъ присоединилась у него еще одна нравственная особенность. Онъ не могъ удержаться отъ соблазна идти навстрѣчу опасности... Ему нужно было дать исходъ природной отвагѣ и удали. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобы не разгорѣлись глаза его и не выступила краска на лицѣ, а передъ всякимъ дѣломъ, гдѣ нуженъ былъ рискъ, онъ становился тотчасъ спокоенъ, веселъ, простъ». — Пушкинъ мечтаетъ о военной службѣ и военныхъ подвигахъ. «Если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи», — пишетъ онъ 21 августа 1821 года. «Предметы гордыхъ пѣснопѣній, — надѣется онъ, — разбудятъ мой уснувшій геній». Но въ бездѣйствіи соблазны являлись для него непреоборимыми: «непостижимое волненье меня къ лукавому влекло»..

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ кишиневскому періоду относятся многія творенія Пушкина, законченныя и незаконченныя, которыя находятся въ разительномъ противорѣчіи съ легкомысленными и даже кощунственными произведеніями, вышедшими тогда же изъ подъ его пера. Изъ законченныхъ вещей достаточно назвать стихотворенія «Чаадаеву», «Къ Овидію», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и изумительную по высотѣ душевной настроенности «Музу» («Въ младенчествѣ моемъ она меня любила»). Среди набросковъ осталось нѣсколько религіозно окрашенныхъ отрывковъ (см. стр. 73, *194-195*). Но, быть можетъ, самымъ удивительнымъ является тонъ, который иногда появляется въ кишиневскихъ письмахъ Пушкина. Можно ли, въ частности, повѣрить, что авторомъ вдумчиво-попечительныхъ писемъ къ брату и о братѣ является тотъ Пушкинъ, котораго Вяземскій въ этотъ періодъ прозываетъ «Бѣсъ-арабскій»? — Сдвигъ происходитъ и въ политическомъ міровоззрѣніи Пушкина: онъ начинаетъ излечиваться отъ того, что уже въ Одессѣ назоветъ «либеральнымъ бредомъ». Болѣе или менѣе тѣсное знакомство съ будущими декабристами и съ людьми, съ ними связанными (среди нихъ первое мѣсто и по близости къ Пушкину и по интеллектуальной значительности занималъ мужъ Ек. Н. Раевской, блестящій генералъ М. Ѳ. Орловъ), и даже встрѣча съ умнымъ и волевымъ П. И. Пестелемъ не смогли увлечь поэта дальше обычныхъ для него въ то время поэтико-политическихъ вольностей и экстравагантностей.

◇ РИС. 52 и 53 ◇

179. Со словъ кишиневскихъ старожиловъ, «Русск. Арх.», 1899.

«Инзова Гора» въ то время была одною изъ живописнѣйшихъ мѣстностей города. Прекрасный садъ, засаженный преимущественно фруктовыми деревьями, привлекалъ туда много гуляющей публики. Тамъ были даже весьма рѣдкостныя растенія, какъ-то апельсиновыя и померанцовыя деревья...

180. П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ въ Южной Россіи».

Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, слѣва, направо отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшетками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшій въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка Быкъ, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе — каменоломни молдаванъ, и еще лѣвѣе новый городъ. Вдали горы съ бѣлѣющимися домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя воскомыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, — вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая, или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его Никитѣ...

181. Со словъ бади-Тодоре, молдаванина, слуги Инзова, «Русск. Арх.», 1893.

Комнатки, отведенныя для Пушкина, не отличались особенною обстановкою. Постель его всегда была измята, а потолокъ раскрашенъ какими-то особенными пятнами. Это объясняется тѣмъ, что Пушкинъ имѣлъ обыкновеніе лежать на кровати и стрѣлять изъ пистолета хлѣбнымъ мякишемъ въ потолокъ, стараясь выдѣлывать на немъ всевозможные узоры. По словамъ бади-Тодоре, жившаго при домѣ Инзова, Пушкинъ вставалъ на разсвѣтѣ и, вооружившись карандашомъ и книжечкою, долго, безъ устали, гулялъ по саду и заходилъ далеко въ поля. Походитъ, походитъ онъ часъ-другой, присядетъ на какой-нибудь пень или камень, напишетъ немного и опять ходитъ. Это наблюдалось лѣтомъ; зимою Пушкинъ по утрамъ приказывалъ вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнатѣ, шлепая турецкими туфлями. Походитъ, походитъ, такъ же, какъ и въ саду, затѣмъ присядетъ, попишетъ немного и опять начинаетъ ходить. По временамъ Пушкинъ до того увлекался работой, что его никакъ нельзя было оторвать отъ нея къ завтраку или обѣду. Когда ему мѣшали, онъ страшно сердился, въ особенности разъ, когда за Пушкинымъ послали одного молодого парня; не успѣлъ еще тотъ переступить порогъ и передать порученіе, какъ Пушкинъ, съ крикомъ и сжатыми кулаками, набросился на него и навѣрное побилъ бы, если бы тотъ своевременно не убѣжалъ. Послѣ этого Пушкинъ жаловался Инзову и просилъ разъ навсегда не безпокоить его во время занятій, хотя бы онъ долженъ былъ остаться безъ обѣда. Поэтому, когда впослѣдствіи кого-нибудь изъ прислуги посылали за Пушкинымъ, то они предварительно подкрадывались къ окну и высматривали, что Пушкинъ дѣлаетъ: если онъ работалъ, то никто изъ прислуги не рѣшался переступить порогъ.

182. А. М. Фадѣевъ, «Воспоминанія», «Русск. Арх.», 1891.

Въ Кишиневѣ Инзовъ всегда приглашалъ меня останавливаться у него въ домѣ. Домъ былъ не особенно великъ, и во время моихъ пріѣздовъ меня помѣщали въ одной комнатѣ съ Пушкинымъ... Онъ цѣлыя ночи не спалъ, писалъ, возился, декламировалъ и громко мнѣ читалъ свои стихи. Лѣтомъ онъ разоблачался совершенно и производилъ всѣ свои ночныя эволюціи въ комнатѣ во всей наготѣ своего натуральнаго образа.

183. Разсказъ современника, «Югъ», Одесса, 1882.

Въ ту эпоху, когда жилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ, греческое возстаніе было въ полномъ разгарѣ; знаменитая «Этерія», избравшая своимъ символомъ т р е х ц в ѣ т н о е знамя, агитировала въ пользу возстанія очень дѣятельно. — Пушкинъ... однажды подшутилъ надъ Инзовымъ. Дѣло въ томъ, что Инзовъ только что сшилъ себѣ лѣтній енгулышалевый сюртукъ, но такъ какъ матеріи не хватило, то въ спинѣ добавили матеріи зеленаго цвѣта; воротникъ и обшлага, конечно, были красные. Увидавъ Инзова въ такомъ костюмѣ, Пушкинъ вдругъ воскликнулъ: «ваше превосходительство, что вы дѣлаете, что это такое?» — «А? Что такое?» — испугавшись, поспѣшно спросилъ Инзовъ. — «Да, вѣдь, вы Этерію собою изображаете!» — отвѣчалъ поэтъ. — «Да, что ты, братецъ, съ ума, что ли, сошелъ?» — отвѣчалъ генералъ. — «Да какъ же, у васъ три цвѣта на одномъ сюртукѣ?» — сказалъ Пушкинъ. Добродушный Иванъ Никитичъ разсмѣялся и тѣмъ дѣло кончилось.

184. Кн. П. И. Долгоруковъ, «Дневникъ», 1822.

Вмѣсто того, чтобы придти въ себя и восчувствовать, сколь мало правила, имъ *(Пушкинымъ)* принятыя, терпимы могутъ быть въ обществѣ, онъ всегда готовъ у Намѣстника, на улицѣ, на площади, всякому на свѣтѣ доказать, что тотъ подлецъ, кто не желаетъ перемѣны правительства въ Россіи.

185. Прапорщикъ Ф. Н. Лугининъ, служившій въ Кишиневѣ одновременно съ Пушкинымъ. «Дневникъ», 11 іюня 1822 г.

Въ Кишиневѣ садовъ и оранжерей мало, и оттого въ половинѣ іюня нѣтъ огурцовъ; плоды — вишни, черешни, сливы, абрикосы, персики, апельсины, клубники, малины, земляники — ничего болѣе нѣтъ, также арбузы и дыни... Мѣстоположеніе гористо, много колодцевъ. Лѣсу и ручейковъ мало. Климатъ — отъ 10 до 3 часовъ жарко и несносно, бываетъ градусовъ до 30. Прочее время прохладно, ночи свѣжи. Въ мартѣ мѣсяцѣ бываетъ зелень. Зимы бываютъ рѣдко холодныя — часто бываютъ большіе вѣтра, земля плодородна, когда нѣтъ засухи, — очень способна къ разведенію садовъ, но здѣсь до этого не охотники. Губернаторъ здѣсь Инзовъ, вице-губернаторъ Крупенскій. Молдаване ходятъ мало пѣшкомъ. Ѣздятъ болѣе всего парами, экипажи хорошо разрисованы золотомъ. Хлѣбъ болѣе бѣлой, народъ ѣстъ все мамалыгу — изъ проса; пашутъ на волахъ — телѣги здѣсь ужасно высоки, никогда не мажутъ и скрыпъ ужасный. Ночью въ Кишиневѣ безпрестанный крикъ, чтобы береглись отъ огня, и вопросъ — кто идетъ. Собакъ тьма и ихъ, стараясь перевести, бьютъ. Много винограду бываетъ, какъ говорятъ. Я до сихъ поръ ѣмъ только вишни, черешни. Хлѣба у мужиковъ нѣтъ, но мамалыга; дровъ нѣтъ и топятъ навозомъ и тростникомъ.

---

1. Avril
30 mars.
Harting.

Рис. 54.

Автопортретъ Пушкина

«въ черномъ фулярѣ».

Относится къ 1820-21 гг. Здѣсь мы не видимъ еще типичныхъ для позднѣйшаго періода бакенбардовъ, которыми Пушкинъ «обросъ» въ Михайловскомъ въ 1825 г. Среди другихъ подобныхъ набросковъ Пушкина автопортретъ «въ черномъ фулярѣ» выдѣляется особенно четкимъ и вѣрнымъ контуромъ профиля. — Пушкинъ бессарабскаго періода лучше всего характеризуется пушкинскими же словами, сказанными имъ въ 1830 году о Байронѣ; они полностью могутъ быть отнесены къ самому Пушкину, что въ свое время было отмѣчено уже П. В. Анненковымъ. «Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ. Если самъ онъ хранитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому-нибудь своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія, часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями».

Рис. 55.

Павелъ Ивановичъ Пестель.

1793 — 1826.

Рисунокъ Пушкина (1826 г.).

Одинъ изъ главныхъ вдохновителей и руководителей резолюціоннаго движенія, приведшаго къ декабрьскому бунту 1825 года; человѣкъ неназытнаго честолюбія и властолюбія, съ диктаторскими задатками; обладатель блестящихъ способностей и ума большого, но наклоннаго къ доктринерству; авторъ политическаго трактата «Русская Правда», замѣчательнаго, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ впервые получила ясное выраженіе «народническая» аграрная программа, основанная на признаніи за крестьянами «права на землю» изъ общаго земельнаго фонда.

Находясь въ заключеніи, Пестель проявилъ раскаяніе и просилъ Государя о помилованіи. «Послѣ амнистіи мое существованіе будетъ даромъ его *(Государя)* великодушія и, слѣдовательно, должно будетъ состоять только изъ вѣрности и полной и исключительной преданности личности и семейству Его Величества. Это математически вѣрно»,— писалъ онъ ген. Левашеву изъ крѣпости 12 января 1826 года. Осужденный за умыслъ на цареубійство, Пестель былъ приговоренъ къ смертной казни и, въ числѣ пяти декабристовъ, относительно которыхъ Государь не счелъ возможнымъ воспользоваться правомъ смягченія наказанія, былъ казненъ 13 іюля 1826 года. Пушкинъ познакомился съ Пестелемъ въ Кишиневѣ, въ апрѣлѣ 1821 года, почти въ самые дни основанія Южнаго общества, оцѣнилъ его умъ, но симпатіи къ нему не почувствовалъ. «Когда Пушкинъ въ первый разъ увидѣлъ Пестеля, то разсказывая о немъ, говорилъ, что онъ ему не нравится, и что, несмотря на его умъ, который онъ искалъ высказывать философическими сентенціями, никогда бы съ нимъ не могъ сблизиться» (Липранди).

Рис. 56.

Одинъ изъ рисунковъ Пушкина

въ черновикахъ «Цыганъ»

Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2369, листъ 46.

Черновики «Цыганъ» находятся въ трехъ тетрадяхъ Пушкина, хранившихся ранѣе въ Румянцевскомъ музеѣ. Начало поэмы записано въ 2369-ой тетради, между черновиками второй и третьей главъ «Евгенія Онѣгина». Настоящій рисунокъ находится въ началѣ рукописи; нарисованы медвѣдь и два шатра, въ одномъ изъ которыхъ женщина кормитъ грудью ребенка; на предшествующей страницѣ набросана программа «Цыганъ». Основнымъ матеріаломъ для поэмы послужили личныя впечатлѣнія и переживанія Пушкина, кочевавшаго вмѣстѣ съ цыганскимъ таборомъ въ Бессарабіи, о чемъ дошло до насъ нѣсколько болѣе или менѣе легендарныхъ разсказовъ (одинъ изъ нихъ приведенъ на стр. 74. *201*). — Пушкинъ не былъ художникомъ, но былъ замѣчательнымъ рисовальщикомъ: его бѣглые наброски, исполненные своеобразной графической прелести, поражаютъ иногда смѣлостью линіи и портретною изобразительностью.

Рукописи Пушкина испещрены рисунками.

◇ *РИС. 54* ◇

186. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г., изъ Кишинева.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями — и братьями не только по африканской нашей крови.

187. М. М. Поповъ, «Русск. Стар.», 1874.

Пушкинъ не измѣнился на югѣ: былъ попрежнему уменъ, вѣтренъ, насмѣшливъ и безпрестанно впадалъ въ проступки, какъ ребенокъ. Старикъ Инзовъ любилъ его, но жаловался, что ему съ этимъ шалуномъ столько же хлопотъ, сколько заботъ по службѣ. Обритый, послѣ болѣзни, Пушкинъ носилъ ермолку Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный, и еще въ ермолкѣ, — онъ производилъ фуроръ. Пушкинъ былъ предметомъ любопытства и разсказовъ на югѣ и по всей Россіи.

188. В. П. Горчаковъ, «Москвитянинъ», 1850.

Нерѣдко по вечерамъ мы сходились у подполковника Липранди, который своею особенностью не могъ не привлекать Пушкина. Въ пріемахъ, дѣйствіяхъ, разсказахъ и образѣ жизни подполковника много было чего-то поэтическаго; не говоря уже о его сложностяхъ, остротѣ ума и свѣдѣніяхъ, Липранди поражалъ насъ то изысканною роскошью, то вдругъ презрѣніемъ къ самымъ необходимымъ потребностямъ жизни, словомъ, онъ какъ-то умѣлъ соединять прихотливую роскошь съ недостатками. Послѣднее было слишкомъ знакомо Пушкину. Не имѣя навыка къ разсчетливой и умѣренной жизни и стѣсняемый ограниченностью средствъ, Пушкинъ по временамъ также долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать. Молодость и почти кочевая жизнь его, видимо, облегчали затрудненія; къ тому же Пушкинъ съ каждымъ днемъ ожидалъ перемѣны своего назначенія; ему казалось, что удаленіе его въ южный край Россіи не могло долго продолжаться. Нерѣдко при воспоминаніи о царскосельской жизни своей Пушкинъ какъ бы въ дѣйствительности переселялся въ то общество, гдѣ расцвѣтала первоначальная поэтическая жизнь его. Въ эти минуты Пушкинъ иногда скорбѣлъ; и среди этой скорби воля разсудка уступала впечатлѣнію юнаго сердца; но Пушкинъ недолго оставался юношею, опытъ уже холодѣлъ надъ нимъ; это вліяніе опыта, смиряя порывы, съ каждымъ днемъ уменьшало его безпечность.

189. «ЧААДАЕВУ», 1821.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ трезоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ — пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня — предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья.
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья.
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись...

190. П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи». (Конецъ 1821 года).

Однажды Пушкину пришлось играть съ однимъ изъ братьевъ Зубовыхъ, офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ замѣтилъ, что Зубовъ играетъ навѣрное, и, проигравъ ему, по окончаніи игры, очень равнодушно и со смѣхомъ сталъ говорить другимъ участникамъ игры, что вѣдь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти разнеслись, вышло объясненіе, и Зубовъ вызвалъ Пушкина драться. Противники отправились на т. наз. *Малину*, виноградникъ за Кишиневымъ... По свидѣтельству многихъ, на поединокъ съ Зубовымъ Пушкинъ явился съ черешнями, и завтракалъ ими, пока тотъ стрѣлялъ. Зубовъ стрѣлялъ первымъ и не попалъ. — «Довольны вы?» — спросилъ его Пушкинъ, которому пришелъ чередъ стрѣлять. Вмѣсто того, чтобы требовать выстрѣла, Зубовъ бросился съ объятіями. — «Это лишнее», — замѣтилъ ему Пушкинъ и, не стрѣляя, удалился.

191. Е. Н. Орлова — брату А. Н. Раевскому. 12 ноября 1821 г.

Пушкинъ больше не корчитъ изъ себя ж е с т о к а г о, онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно.

23 ноября.

Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его т перешній конекъ — вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера. Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ, и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предпріимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія. Я хотѣла бы видѣть, какъ бы ты сцѣпился съ этими спорщиками.

192. «КЪ ОВИДІЮ, 26 дек. 1821 г.

Суровый славянинъ, — я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчизой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, вѣснопѣнья,

И ихъ печальныя картины позѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣнило втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи:
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь;
На скиескихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, — а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой: —
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!..
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной, —
Брегозъ забвенія остаря хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.

Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, — участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брегу Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ взѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

193. И. П. Липранди, «Русск. Арх.», 1866.
(Декабрь 1821 г. Поѣздка Пушкина съ подполк. И. П. Липранди по Бессарабіи).

(Въ Измаилъ). Я возвратился въ полночь, засталъ Пушкина на диванѣ съ поджатыми ногами, окруженнаго множествомъ лоскутковъ бумаги. Онъ подобралъ все кое-какъ и положилъ подъ подушку... Опорожнивъ графинъ Систовскаго вина, мы уснули. Пушкинъ проснулся раньше меня. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что онъ сидѣлъ на вчерашнемъ мѣстѣ, въ томъ же положеніи, созершенно еще не одѣтый, и лоскутки бумаги около него. Въ этотъ моментъ онъ держалъ въ рукѣ перо, которымъ какъ бы билъ тактъ, читая что-то; то понижалъ, то подымалъ голову. Увидѣвъ меня проснувшимся же, онъ собралъ свои лоскутки и сталъ одѣваться.

194. «ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО», черновой набросокъ, 1821.

Вечерня отошла давно;
Уже и самъ Игуменъ строгій
Свои молитвы прекратилъ
И кости ветхія склонилъ,
Перекрестясь на одръ убогій.
Повсюду сонъ и тишина;
Но въ церковь дверь отворена,
И озаряетъ лучъ лампады
И темну живопись иконъ,
И ихъ богатые склады,
И раздастся въ тишинѣ
То тяжкій вздохъ, то шопотъ темной,
И мрачно дремлетъ въ вышинѣ
Старинной сводъ, глухой и темной...

195. «НА ТИХИХЪ БЕРЕГАХЪ МОСКВЫ», черновой набросокъ, 1822.

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ нерубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи ..

196. Пушкинъ — Н. И. Гнѣдичу, 13 мая 1822 г., изъ Кишинева.

Знаете ли трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

197. «БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ», 1822.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна...

198. Пушкинъ — брату, 21 іюля 1822 г., изъ Кишинева.

Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери... Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи — ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобы ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

199. Пушкинъ — Ф. Ф. Вигелю въ Кишиневъ, дек. 1823 г., изъ Одессы.

Проклятый городъ Кишиневъ.
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на старый кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ
И не найдутъ твоихъ слѣдовъ!..

◇ *РИС. 54, 55 и 56 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

200. А. О. Смирнова. «Записки», 1826—1845 гг. (Пушкинъ объ античномъ міросозерцаніи).

Есть у древнихъ комедіи малопристойныя, есть у нихъ поэты вольные и циничные, но все же они неизмѣримо менѣе развратны, чѣмъ нѣкоторые французы; а подъ вліяніемъ этихъ французовъ я и написалъ поэму, которая мутитъ мнѣ сердце и рукопись которой я очень желалъ бы уничтожить: ее переписали, такъ какъ я не предназначалъ ее для публики. Мнѣ попадались списки ея, которые я отбиралъ и жегъ. Эта поэма тяготитъ мою совѣсть. А мысль о созданіи этой вещи, о которой я не могу вспомнить безъ краски стыда, зародилась во мнѣ при чтеніи гнуснаго произведенія Вольтера о Жаннѣ Д'Аркъ...

◇ *РИС. 55* ◇

201. «ДНЕВНИКЪ», 9 апр. 1821 г., Кишиневъ.

Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Мое сердце матеріалистично, — сказалъ онъ, — но мысль моя протестуетъ противъ этого. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которые я знаю...

202. А. О. Смирнова. «Записки». 1826—1845 гг. (Разговоръ Пушкина со Смирновой).

Я на дняхъ прочелъ очень глубокую мысль по-французски: «*вѣра есть награда борьбы*», и это столько же борьба съ нашими страстями, какъ и съ нашими сомнѣніями. Пестель разъ мнѣ сказалъ: «Разумъ мой этому противится, но сердце мое — матеріалистъ». Это меня отъ него отдалило. Слишкомъ часто думаютъ, что сомнѣнія всегда дѣло разума; сердце сомнѣвается столько же, такъ какъ на немъ отражаются наши печальнѣйшія страсти, наши недостойнѣйшія слабости.

203. И. П. Липранди, «Русск. Арх.», 1866.

Однажды за столомъ у М. Ѳ. Орлова, Пушкинъ, какъ бы не зная, что этотъ Пестель сынъ иркутскаго губернатора, прославившагося свирѣпостью, спросилъ: «не родня ли онъ сибирскому злодѣю?» Орловъ, улыбнувшись, погрозилъ ему пальцемъ.

◇ *РИС. 56* ◇

204. З. К. Ралли-Арборе, со словъ Ек. Зах. Стамо, «Изъ семейныхъ преданій о Пушкинѣ».

Однажды, — разсказывала мнѣ тетушка Екатерина Захарьевна,—твой отецъ (*Конст. Зах. Ралли*) собрался посѣтить одно изъ отцовскихъ имѣній — Долну. Между этимъ имѣніемъ и другимъ, Юрченами, въ лѣсу находится цыганская деревня... Пушкинъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Долну, а оттуда они потомъ проѣхали лѣсомъ въ Юрчены и, конечно, посѣтили лѣсныхъ цыганъ. Таборъ этотъ имѣлъ старика *були-башу* (старосту), извѣстнаго своимъ авторитетомъ среди цыганъ; у старика були-баши была красавица-дочь. Ее звали Земфирой; она была высокаго росту, съ большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одѣвалась Земфира по-мужски, носила цвѣтные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Богатое ожерелье изъ старыхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даромъ не одного изъ ея поклонниковъ. Пушкинъ до того былъ пораженъ красотою цыганки, что упросилъ твоего отца остаться на нѣсколько дней въ Юрченахъ. Они пробыли тамъ болѣе двухъ недѣль, — ушли въ цыганскій таборъ, который откочевалъ къ Варзарештамъ... Недѣли черезъ двѣ наши молодые люди вернулись. Братъ разсказалъ намъ, что Ал. Серг-чъ бросилъ его и настоящимъ-таки образомъ поселился въ шатрѣ були-баши. По цѣлымъ днямъ онъ и Земфира бродили въ сторонѣ отъ табора, и братъ видѣлъ ихъ держащимися за руки и молча сидящими средь поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Пушкинъ не зналъ, конечно, ни слова по-цыгански, такъ что они оба, вѣроятно, объяснялись болѣе пантомимами. Если бы не ревность Пушкина, который заподозрѣлъ Земфиру въ нѣкоторой склонности къ одному молодому цыгачу, — говорилъ братъ намъ, — то эта идиллія затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конецъ. Въ одно раннее утро Пушкинъ проснулся въ шатрѣ були-баши одинъ-одинешенекъ. Земфира исчезла изъ табора. Оказалось, что она бѣжала въ Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкинъ; однако, ея тамъ не оказалось, — благодаря, конечно, цыганамъ, которые предупредили ее... Отецъ твой писалъ Пушкину въ Одессу про дальнѣйшую судьбу его героини: Земфиру зарѣзалъ ея возлюбленный цыганъ.

205. «ЦЫГАНЫ», 1824.

Эпилогъ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавой
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами дрезнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное таердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изранными шатрами
Живутъ мучительные сны...

Рис. 57.

Василій Львовичъ Давыдовъ.

1792—1855.

Съ портрета, писаннаго декабристомъ Н. А. Бестужевымъ.

Участникъ наполеоновскихъ войнъ, гусарскій полковникъ въ отставкѣ; декабристъ; человѣкъ добрый и безхарактерный, впечатлительный и увлекающійся, но незаурядный по уму и образованію. Сынъ владѣлицы Каменки Е. Н. Давыдовой, единоутробный братъ ген. Н. Н. Раевскаго, В. Л. былъ, по своей общительной натурѣ, душою этой гостепріимной усадьбы, гдѣ онъ поселился съ 1820 года. «Демагогическіе споры» и «вольнолюбивыя» бесѣды текли на его половинѣ. — На рисункѣ В. Л. изображенъ въ малороссійскомъ нарядѣ, въ которомъ онъ любилъ щеголять у себя въ деревнѣ. В. Л. окончилъ жизнь въ ссылкѣ, въ Красноярскѣ, окруженный большою семьею. — Извѣстно посланіе къ нему Пушкина, на которомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ на какомъ бы то ни было другомъ его произведеніи, сказалось слѣдующее утвержденіе П. В. Анненкова: «Ни передъ кѣмъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась передъ его глазами и служила какъ бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія».

Рис. 58.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

1796—1857.

Декабристъ; авторъ «Записокъ», пріобрѣвшихъ широкую популярность и дѣйствительно очень интересныхъ, не только по фактическому своему составу, но, главнымъ образомъ, какъ правдивое, искреннее, съ незаурядnымъ литературнымъ блескомъ написанное свидѣтельство о тѣхъ настроеніяхъ, которыми жила современная Якушкину передовая военная молодежь, пріобщившаяся во время иностранныхъ походовъ къ культурѣ Запада и обуреваемая мысью о переносѣ ея основъ въ Россію. Якушкинъ выдѣлялся своею нарочитою ненавистью къ крѣпостничеству. Знамениты его попытки освободить крестьянъ (безъ земли), не встрѣтившія сочувствія ни со стороны крестьянъ, ни со стороны правительства, и оставшіяся безрезультатными. Въ ссылкѣ Якушкинъ не утратилъ жажды дѣятельности, занимаясь естественными науками, математикою, педагогикою; въ Ялуторовскѣ имъ была открыта школа для мальчиковъ по ланкастерской системѣ. Въ 1856 году Якушкинъ вернулся въ Россію и на слѣдующій годъ скончался.

Въ Каменкѣ, которая посѣщалась Якушкинымъ съ политическою цѣлью, было устроено въ присутствіи Пушкина засѣданіе, на которомъ обсуждался вопросъ объ образованіи тайнаго общества, это засѣданіе тутъ же было объявлено шуточнымъ, чѣмъ экспансивный Пушкинъ былъ, по свидѣтельству Якушкина, очень взволнованъ и опечаленъ.

Рис. 59.

«Пушкинскій гротъ» въ Каменкѣ.

Съ фотографіи.

Каменка, Чигиринск. у., Кіевск. губ., — знаменитое имѣніе Е. Н. Давыдовой, по первому мужу Раевской, матери ген. Н. Н. Раевскаго. Здѣсь, въ привольномъ изобиліи открытой барской жизни, собиралась многочисленная родня хозяевъ и ихъ друзья. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Пушкинъ, связь котораго съ семьею Раевскихъ поддерживалась въ Кишиневѣ черезъ генерала М. Ѳ. Орлова. Въ Каменку Пушкинъ пріѣзжалъ въ 1820 и 21 годахъ. — Свободомысліе и вольнолюбіе царили въ этой средѣ. Пушкинъ отдавалъ дань этимъ настроеніямъ, откликаясь иногда на нихъ пламенными революціонными стихами. Повидимому, именно въ Каменкѣ, Пушкинъ скорѣе всего могъ быть втянутымъ въ дѣло подготовлявшейся революціи. Промыслъ оградилъ его отъ грозившей ему опасности. Каменка вошла въ его біографію, лишь какъ мѣсто горячихъ споровъ, мимолетныхъ увлеченій и, какъ всегда и вездѣ, упорнаго литературнаго труда. Здѣсь дописалъ онъ «Кавказскаго Плѣнника». Вспомнимъ заключительныя строки поэмы:

«Взошла заря. Тропой далекой
«Освобожденный плѣнникъ шелъ,
«И передъ нимъ уже въ туманахъ
«Сверкали русскіе штыки,
«И откликались на курганахъ
«Сторожевые казаки.

20 февраля 1821 г., Каменка».

◇ *РИС. 57, 58 и 59* ◇

206. Пушкинъ — Н. И. Гнѣдичу, 1 дек. 1820 г., изъ Каменки.

Теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенію, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ.

207. А. М. Лобода, «Пушкинъ въ Каменкѣ», «Кіевск. Университ. Извѣстія», 1899.

Въ какомъ домѣ жилъ Пушкинъ *(въ Каменкѣ)*, неизвѣстно; но два мѣста въ Каменкѣ особенно связаны съ именемъ его: гротъ и бильярдная. Старожилы Каменки увѣряютъ, будто до побѣлки въ гротѣ можно было видѣть немало разныхъ надписей и стихотвореній, въ томъ числѣ и пушкинскихъ.

208. А. М. Лобода. «Пушкинъ въ Каменкѣ», «Кіевск. Университ. Извѣстія», 1899.

Въ Каменкѣ, какъ извѣстно, Пушкинъ окончилъ «Кавказскаго Плѣнника» и писалъ его, по разсказамъ гг. Давыдовыхъ, въ бильярдной, растянувшись на бильярдѣ. Работалъ онъ, не отрываясь отъ бумаги, и однажды былъ такой случай: Пушкина позвали обѣдать; онъ велѣлъ лакею принести рубашку, чтобы переодѣться къ обѣду, а самъ продолжалъ писать; лакей принесъ рубашку, Пушкинъ пишетъ; лакей въ выжидательной позѣ стоитъ съ рубашкой. Пушкинъ не обращаетъ на него вниманія и пишетъ, пишетъ.

Пушкинъ въ Каменкѣ, повидимому, не отличался большою аккуратностью; по крайней мѣрѣ, сохранилось преданіе, что Вас. Львовичъ Давыдовъ по уходѣ Пушкина запиралъ двери, чтобы никто изъ прислуги не разобралъ листиковъ съ набросками и стихами его.

209. И. Д. Якушкинъ, «Записки».

Пушкинъ былъ очень взволнованъ. Онъ передъ тѣмъ увѣрился, что тайное общество или существуетъ или тутъ же получитъ свое начало, и онъ будетъ членомъ его, но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла одна шутка, онъ взялъ разукрашенный и сказалъ со слезами на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ какъ теперь, я уже видѣлъ жизнь мою облагороженной и высокую цѣль передъ собою и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ.

210. И. Д. Якушкинъ, «Записки».

Въ обществѣ Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ не было ничего рѣшительно обиднаго для него. Иногда онъ корчилъ пихача, вѣроятно, вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей въ Царскомъ Селѣ, при этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло. За то, заходилъ ли разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ находить красоты, какихъ другіе не замѣчали. Я ему прочелъ его Noël: «Ура! въ Россію скачетъ», и онъ очень удивился, какъ я его знаю, а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія, «Деревня», «Кинжалъ», «Четырехстишіе къ Аракчееву», «Посланіе къ П. Я. Чаадаеву» и много другихъ, были не только извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизусть.

211. Кн. П. А. Вяземскій, статья о «Цыганахъ» (1827 г.), приписка 1875 года.

Натура Пушкина была болѣе открыта къ сочувствіямъ, нежели къ отвращеніямъ. Въ немъ было больше любви, нежели негодованія; болѣе благоразумной терпимости и здравой оцѣнки дѣйствительности и необходимости, нежели своевольнаго враждебнаго увлеченія. На политическомъ поприщѣ, если бы оно открылось передъ нимъ, онъ безъ сомнѣнія былъ бы либеральнымъ консерваторомъ, а не разрушающимъ либераломъ. Такъ называемая либеральная, молодая пора его поэзіи не можетъ служить опроверженіемъ моихъ словъ. Во-первыхъ, эта пора сливается съ порою либерализма, которыми, какъ повѣтріе, схватилъ многихъ изъ тогдашней молодежи. Нервное, впечатлительное созданіе, какимъ обыкновенно родится поэтъ, еще болѣе, еще скорѣе, чѣмъ другіе, бываетъ подвержено дѣйствію повѣтрія. Многіе изъ тогдашнихъ такъ называемыхъ либеральныхъ стиховъ его были болѣе отголоскомъ того времени, нежели отголоскомъ, исповѣдью внутреннихъ чувствъ и убѣжденій его. Онъ часто былъ Эоловa арфа либерализма на пиршествахъ молодежи, и отзывался тѣми вѣяніями, тѣми голосами, которые налетали на него. Не менѣе того, онъ былъ искренень, но не былъ сектаторомъ въ убѣжденіяхъ или предубѣжденіяхъ своихъ, а тѣмъ болѣе не былъ сектаторомъ чужихъ убѣжденій. Онъ любилъ чистую свободу, какъ любить ее должно, какъ не можетъ не любить ее каждое молодое сердце, каждая благорожденная душа. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый свободолюбивый человѣкъ былъ непремѣнно и готовымъ революціонеромъ. — Политическіе сектаторы двадцатыхъ годовъ очень это чувствовали и примѣнили такое чувство и понятіе къ Пушкину. Многіе изъ нихъ были пріятелями его, но они не находили въ немъ готоваго соумышленника и, къ счастью его самого и Россіи, они оставили его въ покоѣ. Этому соображенію и разсчету ихъ можно скорѣе приписать спасеніе Пушкина отъ крушеній 25-го года, нежели желанію, какъ многіе думаютъ, сберечь дарованіе его и будущую литературную славу Россіи. Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ, вѣроятно, признавали себя такими же вкладчиками въ сокровищницу будущей русской литературы, какъ и Пушкина, но это не понѣшало имъ самонадѣянно поставить всю эту литературу на одну карту, на карту политическаго: быть или не быть.

Рис. 60.

Видъ Одессы съ моря въ 1824 году.

Рисунокъ тушью Л. Манцони.

Рис. 61.

Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ,
въ 1823 году (бывш. Сикаръ).

«Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и Итальянская опера напомнили мнѣ старину и ей-Богу обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь — мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. — Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически — и выѣхавъ оттуда навсегда — о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни», — такъ описывалъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату свой переѣздъ въ Одессу, гдѣ суждено ему было провести годъ бурной жизни, наполненной и душевными волненіями и трудами напряженнаго творчества. «Пушкинъ опять предался свѣтской жизни, — разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ времени Л. С. Пушкинъ, — но болѣе одушевленной, болѣе поэтической, чѣмъ та, которую онъ велъ въ Петербургѣ. Любовь овладѣла сильнѣе его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интригъ, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга и отчаянія». Сердцемъ Пушкина овладѣли двѣ женщины: графиня Воронцова (см. рис. 63) и Амалія Ризничъ, жена мѣстнаго негоціанта. Мучительная, темнымъ блескомъ горѣвшая любовь Пушкина къ Амаліи Ризничъ, уѣхавшей въ маѣ 1824 года къ себѣ на родину, въ Италію, и тамъ умершей, отразилась въ трехъ болѣе позднихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ Пушкина: «Разставаніе», «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальной». Какъ всегда, волненія крови не мѣшали Пушкину работать напряженно. Тотъ же Л. С. пишетъ: «Въ Одессѣ Пушкинъ писалъ много; читалъ еще больше. Тамъ онъ написалъ три первыя главы «Онѣгина». Онъ горячо взялся за него и каждый день имъ занимался. Пушкинъ просыпался рано и писалъ обыкновенно нѣсколько часовъ, не вставая съ постели. Пріятели часто заставали его, то задумчиваго, то помирающаго со смѣху надъ строфой своего романа. Одесская осень благотворно дѣйствовала на его занятія».

Изъ современниковъ, общавшихся съ Пушкинымъ въ Одессѣ, показательную характеристику его далъ Ф. Ф. Вигель, вообще извѣстный суровостью своихъ отзывовъ: «Разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождалъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, свѣлыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ. Безпечность, съ которою онъ смотрѣлъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное.. Бывало, посреди пустого, забавнаго разговора, изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая новая мысль, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Часто со смѣхомъ, пополамъ съ презрѣніемъ, говорилъ онъ мнѣ о шалунахъ-товарищахъ его въ петербургской жизни, съ нѣжнымъ уваженіемъ о педагогахъ, которые были къ нему строги въ Лицеѣ. Мало-помалу открылъ я весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантія цинизма». — П. В. Анненковъ говоритъ о Пушкинѣ одесскаго періода: «Къ эпохѣ 1823—1824 гг. относится возникшее стремленіе Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать такъ живописно, что онъ походитъ на стекольщика, разоряющагося на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ... Пушкинъ успѣлъ выучиться на югѣ по-англійски и по-итальянски и много читалъ на обоихъ языкахъ. Къ концу пребыванія Пушкина въ Одессѣ знакомые его замѣтили нѣкоторую осторожность въ его сужденіяхъ, осмотрительность въ принятіи мнѣній. Первый пылъ молодости пропалъ: Пушкину было уже 25 лѣтъ».

◇ *РИС. 60 и 61* ◇

212. К. П. Зеленецкій, «Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ». 1854.

Въ Одессѣ Пушкинъ жилъ сначала въ Hôtel du Nord, на Итальянской улицѣ, нынѣ домъ Сикара. Тутъ, по свидѣтельству П. С. Пущина, писалъ онъ своего Онѣгина, на лоскуткахъ бумаги, полураздѣтый, лежа въ постелѣ. Однажды, когда онъ описывалъ театръ, ему замѣтили: не вставитъ ли онъ въ это описаніе своего обычая наступать на ноги пробираясь въ креслахъ. Пушкинъ вставилъ стихъ: «Идетъ межъ креселъ по ногамъ». Потомъ Пушкинъ жилъ на Ришельевской ул., на углу ея съ Дерибасовскою, въ верхнемъ этажѣ дома, принадлежавшаго сперва барону Рено, а потомъ его дочери княгинѣ Кантакузеной. Окна дома выходятъ на обѣ улицы, и угольный балконъ принадлежалъ поэту, который налѣво съ него могъ видѣть и море. Почти на глазахъ у него былъ театръ. Далѣе къ театру, на другомъ углу того же квартала, помѣщалось Казино, о которомъ упоминаетъ онъ въ Онѣгинѣ, при описаніи Одессы, и въ которомъ сиживалъ онъ иногда въ своемъ кишиневскомъ архалукѣ и фескѣ.

213. «СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА», 1829.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной ..
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильный
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой:
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали...

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля, —
Съ крутого берега сѣбгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ востóчной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Cazino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный,
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Глядишь, — и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій:
Пора намъ въ Опéру скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей,
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do re-mi-sol?

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью попеременъ ..

Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

214. И. П. Липранди, «Русск. Арх.», 1866. (Въ февралѣ 1824 года).

Дней черезъ десять, я пріѣхалъ опять въ Одессу съ Н. С. Алексѣевымъ, и тотчасъ послалъ дать знать Пушкину... Въ часъ мы нашли Пушкина еще въ кровати, съ поджатыми, по обыкновенію, ногами, и что-то пишущимъ. Онъ былъ очень не въ духѣ... Въ эту мою поѣздку въ Одессу, гдѣ пробылъ я недѣлю, я началъ замѣчать, но безотчетно, что Пушкинъ былъ недоволенъ своимъ пребываніемъ относительно общества, въ которомъ онъ вращался.

215. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г., изъ Одессы.

Что до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ, — дьявольская разница. Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. (*Въ черновикѣ*: Пишу его съ упоеніемъ, что уже давно со мною не бывало).

216. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, 16 ноября 1823 г., изъ Одессы.

Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго бычка?... Скучно, моя радость! Вотъ припѣвъ моей жизни.

217. Пушкинъ — ген. И. Н. Инзову, послѣ 8 дек. 1823 г., изъ Одессы.

Я посылаю вамъ, генералъ, 360 рублей, которые я вамъ долженъ уже такъ давно... Чувствую себя сконфуженнымъ и униженнымъ, что не могъ до сихъ поръ заплатить этого своего долга; причина, — что я подыхалъ отъ нищеты.

Maure Ali.

* Амалія Ризничъ.

Рис. 62.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

1782—1856.

Портретъ Доу.

Получивъ блестящее воспитаніе въ Лондонѣ, гдѣ его отецъ былъ посломъ, сдѣлалъ выдающуюся военную и административную карьеру: въ 1815 году командовалъ во Франціи оккупаціоннымъ корпусомъ, остававшимся тамъ до 1818 года; окончилъ службу въ 1853 г. генералъ-фельдмаршаломъ и намѣстникомъ Кавказа. Во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. — Характеръ графа Воронцова, не былъ, повидимому, на уровнѣ его дарованій. Своимъ чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ онъ оскорбилъ Пушкина и какъ поэта и какъ представителя древняго дворянскаго рода, чѣмъ вызвалъ со стороны Пушкина рядъ острыхъ и обидныхъ, но далеко не во всемъ справедливыхъ эпиграммъ. Своимъ удаленіемъ изъ Одессы Пушкинъ былъ обязанъ Воронцову.

Рис. 63.

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова.

1792—1880.

Жена гр. М. С. Воронцова. «Елизавета Ксаверьевна была одною изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени, — пишетъ гр. Соллогубъ. — Все ея существо было проникнуто такой мягкой, очаровательной, женственной граціей, такой привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ Воронцову». Пушкинъ сохранилъ о ней благоговѣйное воспоминаніе, вещественно подкрѣпленное перстнемъ-«талисманомъ», имъ воспѣтымъ. Благоговѣйное воспоминаніе сохранила на всю жизнь о Пушкинѣ и графиня. Ежедневно читала она его произведенія. «Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ сподрядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго» (Бартеневъ).

Рис. 64.

Александръ Николаевичъ Раевскій.

1795—1868.

Старшій сынъ генерала Н. Н. Раевскаго, ставшій полковникомъ въ 22 года. Познакомившись съ А. Н. на Минеральныхъ Водахъ и проживъ съ нимъ годъ въ Одессѣ, въ тѣснѣйшемъ общеніи, Пушкинъ испыталъ сильное, хотя и мимолетное, вліяніе со стороны этого любопытнаго человѣка, ставшаго было одно время для Пушкина «учителемъ нравственности». Отецъ такъ характеризовалъ своего страннаго сына: «Я ищу въ немъ проявленія любви, чувствительности и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости... У него умъ наизнанку... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить». «И вотъ въ атмосферу этого то ума, — говоритъ М. О. Гершензонъ, — какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, погрузился Пушкинъ. И случилось то, что всегда случается въ такихъ случаяхъ: умный побѣдилъ мудраго и, какъ всегда, на минуту». — Своеобразный характеръ этой дружбы Пушкинъ изобразилъ и въ «Онѣгинѣ» и въ «Демонѣ».

Въ Одессѣ А. Н. сыгралъ печальную роль въ судьбѣ Пушкина. Самъ давно увлеченный графинею Е. К. Воронцовою, онъ лукаво использовалъ любовь къ ней Пушкина, направляя на поэта ревнивую подозрительность мужа. Именно А. Н. имѣлъ Пушкинъ въ виду, когда въ стихотвореніи «19 октября 1825 года» писалъ: «Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной, но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ». О немъ же, очевидно, думалъ Пушкинъ, когда, гораздо позже, въ 1835 году, въ стихотвореніи «Вновь я посѣтилъ», вспоминалъ «о дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой за жаръ души довѣрчивой и нѣжной».

Рис. 65.

Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская.

1790—1886.

Рисунокъ Пушкина.

Жена кн. П. А. Вяземскаго. — Великосвѣтскій блескъ, столь цѣнимый Пушкинымъ, В. Ѳ. сочетала съ тонкою интеллектуальною культурою, а нѣкоторую легкость языка («княгиня Вѣтрона», называлъ ее Пушкинъ) — съ неподражаемою женственностью и съ качествами прекрасной жены и заботливой матери. Что-то материнское было и въ ея отношеніяхъ къ Пушкину; только внезапная болѣзнь помѣшала ей впослѣдствіи быть посаженною матерью Пушкина.

Мастерской портретъ В. Ѳ. находимъ въ «Запискахъ» Ф. Ф. Вигеля: «При неистощимой веселости ея нрава никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности... Она прятала ее передъ свѣтомъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только къ нашему полу. Всѣ влюбленные казались ей смѣшны. Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась... Небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Чистый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ ней восхищалъ, ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрилася разговоръ ея». Такой же описываетъ ее въ Баденъ-Баденѣ гр. С. Д. Шереметьевъ, хотя В. Ѳ. была въ то время почти столѣтнею старухою: «съ олахаломъ, съ подушками, съ памятною всѣмъ тростью въ рукахъ и въ старомодномъ чепцѣ, который она охотно снимала среди оживленнаго разговора, полная юношескаго пыла, неподдѣльной веселости и остроумія».

◇ РИС. 62 ◇

218. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому. 1824 г., изъ Одессы.

На Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему, что не онъ, а меценатство вышло изъ моды. Никто не захочетъ великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи. Это обветшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима.

219. «ПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ БЫЛЪ РОСТОМЪ МАЛЪ», 1824.

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ же Голіаѳа,
Который былъ и генералъ,
И положеньемъ выше графа.

220. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, конецъ апрѣля 1825 г., изъ Михайловскаго.

У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ.

◇ РИС. 63 ◇

221. П. В Анненковъ. «Пушкинъ въ александровскую эпоху», 1874.

Преданія той эпохи упоминаютъ о женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ во власти, съ которой управляла мыслію и существованіемъ поэта (*графинѣ Е. К. Воронцовой*). Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про себя одного тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни.

222. Пушкинскій Музей Императорскаго Александровскаго Лицея. Описаніе пушкинскаго перстня, 1899.

Золотой принадлежавшій Ал. С. Пушкину перстень съ рѣзнымъ восьмиугольнымъ сердоликомъ. Еврейская надпись на немъ гласитъ: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа (пресвятого Іосифа стараго), да будетъ благословенною его память». Написано сокращенно: «Симха бенъ Р. Іосифъ старый п. б.». Исторія этого перстня видна изъ приложенной къ нему записки И. С. Тургенева: «Перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгиней Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе «Талисманъ») и подарилъ его на смертномъ одрѣ поэту Жуковскому ...

◇ РИС. 64 ◇

223. «ДЕМОНЪ», 1823.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.

224. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 1. XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій охлажденный умъ.

*225. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 1, XLVI, **черновой варіантъ**.*

Мнѣ было грустно, тяжко, больно.
Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ.
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ;
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ;
Открылъ я жизни бѣдный кладъ
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ.

226. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, январь 1826 г., изъ Михайловскаго.

Я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобы было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня.

◇ РИС. 65 ◇

227. Кн. В. Ѳ. Вяземская — мужу, князю П. А. Вяземскому изъ Одессы.

4 іюля 1824 г.

Я пытаюсь приручить его къ себѣ, какъ сына, но онъ непослушенъ, какъ пажъ; если бы онъ былъ менѣе дуренъ собою, я дала бы ему имя «Керубино»; право онъ только и дѣлаетъ, что ребячества... это свернетъ ему шею, не сегодня, такъ завтра.

7 іюля.

Съ Пушкинымъ мы въ очень хорошихъ отношеніяхъ; онъ ужасно смѣшонъ. Я его бранила, какъ будто бы онъ былъ моимъ сыномъ. Ты знаешь, что онъ подалъ въ отставку?

11 іюля.

Я дала твои письма Пушкину. Онъ всегда смѣется, какъ сумасшедшій. Я начинаю любить его дружески. Не бойся. Я считаю его добрымъ, но несчастья ожесточили его умъ; ко мнѣ онъ относится дружески, и это меня трогаетъ; онъ приходитъ даже въ дурную погоду, и хотя ему скучно, но я нахожу, что это очень мило съ его стороны. Онъ откровенно говоритъ со мною о своихъ непріятностяхъ, какъ и своихъ страстяхъ. Такъ время и проходитъ... Я взбираюсь на огромные камни, выдавшіеся въ море и смотрю, какъ волны разбиваются у моихъ ногъ; но иногда, когда онѣ слишкомъ быстро набѣгаютъ, у меня не хватаетъ храбрости дождаться девятой волны. Я тогда спасаюсь, бѣгу скорѣе волнъ, потомъ опять возвращаюсь. Намъ съ гр. Воронцовой и Пушкинымъ случалось дождаться этой волны и тогда она насъ такъ обливала, что приходилось итти домой и переодѣваться... Вчера я стояла подъ сильнымъ дождемъ на берегу моря и вмѣстѣ съ Пушкинымъ смотрѣла, какъ вѣтеръ треплетъ судно.

Рис. 66.

«Прощай, свободная стихія!».

Картина И. Е. Рѣпина и И. К. Айвазовскаго.

Пребываніе Пушкина на Югѣ Россіи, хотя и называется часто «ссылкою», не можетъ почитаться такозою: находясь подъ попечительнымъ надзоромъ великодушнаго Инзова, Пушкинъ могъ изъ Екатеринослава уѣзжать на Кавказъ и въ Крымъ вмѣстѣ съ семьею Раевскихъ, а затѣмъ, осѣвъ въ Кишиневѣ и числясь на службѣ, отдавать все свое время свободному труду и развлеченіямъ; не былъ онъ и здѣсь привязанъ къ мѣсту своей осѣдлости, часто совершая путешествія въ предѣлахъ края. Перемѣщеніемъ изъ Кишинева въ Одессу Пушкинъ былъ обязанъ помощи своихъ вліятельныхъ друзей-опекуновъ, которые считали, что въ Кишиневѣ онъ можетъ пропасть «отъ тоски, скуки, и нищеты», и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись найти въ графѣ Воронцовѣ, человѣкѣ большой европейской культуры, достойнаго начальника мужающему великому русскому поэту. Они полагали, что онъ окажется способнымъ съ должною широтою отнестись къ своеобразію положенія и особенностямъ характера Пушкина. Въ Одессѣ Пушкинъ также пользовался свободою почти неограниченною, но, въ силу разныхъ обстоятельствъ, которыя не всегда можно поставить въ вину Воронцову, онъ оказался не въ ладахъ со своимъ новымъ начальникомъ, совершенно не желавшимъ брать на себя роль благодѣтельнаго и всепрощающаго наставника и терпѣть поэтическія вольности Пушкина и его вниманіе къ своей женѣ.

Въ мартѣ 1824 года Воронцовъ отправилъ въ Петербургъ донесеніе, въ которомъ просилъ убрать Пушкина изъ Одессы, чѣмъ, по его мнѣнію, поэту была бы оказана лучшая услуга, ибо ему кружатъ голову почитатели, «между тѣмъ какъ онъ пока только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца лорда Байрона». Забезпокоившіеся друзья просили Пушкина быть осторожнѣе, а между тѣмъ до свѣдѣнія полиціи дошло письмо, адресованное, вѣроятно, Вяземскому и получившее огласку. Въ немъ Пушкинъ писалъ, что «беретъ уроки чистаго Аѳеизма», со ссылкою на «Англичанина, глухого философа, единственнаго умнаго Аѳея, котораго я еще встрѣтилъ» (докторъ Гутчисонъ, домашній врачъ въ домѣ Воронцовыхъ). Второго мая, въ письмѣ Нессельроде Воронцовъ вновь повторилъ свою просьбу «избавить» его отъ Пушкина; «это, можетъ быть, превосходный малый и хорошій поэтъ, — писалъ Воронцовъ, — но мнѣ не хотѣлось бы имѣть его дольше ни въ Одессѣ, ни въ Кишиневѣ». Въ томъ же мѣсяцѣ Воронцовъ приказалъ Пушкину вмѣстѣ съ другими чиновниками отправиться въ уѣзды «на саранчу». Пушкинъ послѣ нѣкотораго сомнѣнія покорился, но, вернувшись, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Тѣмъ временемъ, злосчастное письмо, съ упоминаніемъ объ урокахъ «чистаго Аѳеизма», дошло до Государя. Въ связи съ новымъ ходатайствомъ Воронцова, оно рѣшило судьбу Пушкина. Вмѣсто просимой отставки Пушкинъ былъ вовсе уволенъ отъ службы, и его предложено было «удалить въ имѣніе родителей въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства».

29 іюля Пушкина вызвали въ канцелярію одесскаго градоначальника и объявили, что на слѣдующій день онъ долженъ выѣхать на сѣверъ. Это рѣшеніе, какъ снѣгъ на голову, упало на Пушкина. Со словъ княгини Вяземской Бартеневъ сообщаетъ, что Пушкинъ «впопыхахъ прибѣжалъ къ княгинѣ Вяземской съ дачи Воронцовыхъ, безъ шляпы и перчатокъ, такъ что за ними посылали человѣка». 30 іюля Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы и 9 августа былъ въ Михайловскомъ. Такъ начались дни пушкинской ссылки, которой суждено было кончиться лишь съ воцареніемъ Николая I.

◇ *РИС. 66* ◇

228. Кн. П. А. Вяземскій — А. И. Тургеневу, 31 мая 1821 г.

Поговорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ? Непремѣнно надобно бы ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ точно хочетъ остепениться, а скука и досада — плохіе совѣтчики.

229. Кн. П. А. Вяземскій — Пушкину, апрѣль-май 1824 г.

Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и перо. Не играй своимъ будущимъ... Въ случаѣ непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ... Да къ тому же, признаюсь откровенно, я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова.

230. Пушкинъ — брату, 13 іюня 1824 г., изъ Одессы.

Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно.

231. Ф. Ф. Вигель. «Записки».

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, встревоженный Пушкинъ вбѣжалъ ко мнѣ сказать, что ему готовится величайшее неудовольствіе. Въ это время нѣсколько самыхъ низшихъ чиновниковъ изъ канцеляріи генералъ-губернаторской, равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія ползающей по степи саранчи; въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничего не могло быть для него унизительнѣе... Для отвращенія сего добрѣйшій Казначеевъ *(начальникъ канцеляріи)* медлилъ исполненіемъ, а между тѣмъ тщетно ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора. Я тоже зайкнулся было на этотъ счетъ; куда тебѣ! Воронцовъ поблѣднѣлъ, губы задрожали, и онъ сказалъ мнѣ: «Любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались въ прежнихъ пріязненныхъ отношеніяхъ, не упоминайте мнѣ никогда объ этомъ мерзавцѣ!». А черезъ полъ-минуты прибавилъ: «также и о достойномъ другѣ его Раевскомъ». Послѣднее меня удивило и породило во мнѣ много догадокъ.

232. Пушкинъ — А. И. Тургеневу, 14 іюля 1824 г., изъ Одессы.

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда, — но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удалюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риѳмой.

233. Кн. П. А. Вяземскій — В. А. Жуковскому, 7 іюля 1824 г.

Пишутъ, что Пушкинъ снова напроказничалъ, вслѣдствіе чего снова проситъ объ отставкѣ, но навѣрное ея не получитъ. Пишутъ, что нельзя не сожалѣть Пушкина, но что онъ кругомъ виноватъ: рѣдко встрѣтишь такую вѣтреность и такую наклонность къ злословію; сердце у него доброе, но онъ очень склоненъ къ мизантропіи; онъ избѣгаетъ не общества, а людей, которыхъ боится; это объясняютъ его несчастьями и отношеніями къ нему родителей.

234. Увѣдомленіе гр. К. В. Нессельроде, отъ 8 іюля 1284 г.

Высочайше повелѣно находящагося въ Вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Колл. Секр. Пушкина уволить вовсе отъ службы.

235. Княгиня В. Ѳ. Вяземская — мужу, изъ Одессы, 19 іюля 1824 г.

Почему ты такъ туманно пишешь о дѣлѣ Пушкина? Воронцова нѣтъ, и мы ничего не знаемъ. Какъ дѣло могло получить плохой оборотъ? Онъ виноватъ только въ ребяческихъ выходкахъ, да еще въ томъ, что разсердился, и это понятно, что его отпразили отыскивать саранчу... А когда вернулся сталъ проситься въ отставку... Вотъ и все...

27 іюля.

Мы все еще не знаемъ, что ждетъ Пушкина. Даже графиня, хотя она, какъ и ты, знаетъ, что онъ долженъ покинуть Одессу. Ея мужъ просто сказалъ, что Пушкину нечего дѣлать въ Одессѣ, но мы не знаемъ, чѣмъ это кончится.

4 августа.

Я была въ ужасномъ состояніи изъ-за высылки Пушкина. Меня одолѣли черныя мысли.

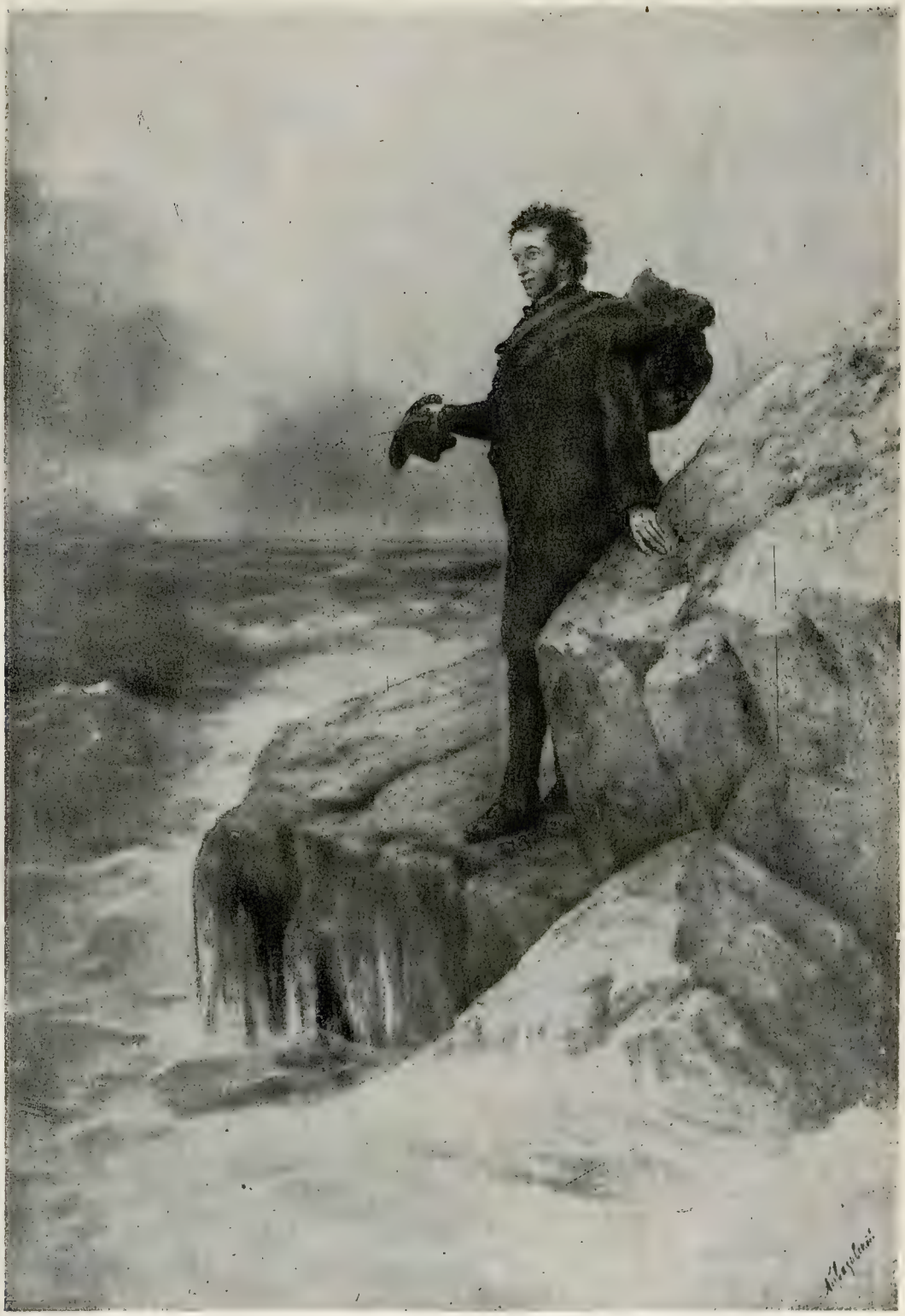
236. Одесскій градоначальникъ — въ донесеніи Новороссійскому генералъ-губернатору, отъ 29 іюля 1824 г.

Пушкинъ завтрашній день отправляется отсюда въ городъ Псковъ по данному отъ меня маршруту черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ... На прогоны къ мѣсту назначенія, по числу верстъ 1.621, на три лошади, выдано ему денегъ 389 р. 4 к.

237. «КЪ МОРЮ», 1824.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный,
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ...

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.



РАЗДѢЛЪ II

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА
ССЫЛКА — МИХАЙЛОВСКОЕ
Августъ 1824 — Сентябрь 1826

Рис. 67.

Усадьба Пушкиныхъ въ с. Михайловскомъ.

По литографіи 1840-хъ гг.

Рис. 68.

Пушкинъ въ деревнѣ.

Рисунокъ В. А. Сѣрова.

Село Михайловское находится въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи; ранѣе было собственностью Ганнибаловъ и перешло въ родъ Пушкиныхъ, по женской линіи, черезъ мать поэта, Надежду Осиповну, послѣ смерти ея отца, Осипа Абрамовича Ганнибала. Господскій домъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ середину между тянувшимися въ обѣ стороны службами; передъ домомъ, съ южной стороны, былъ небольшой скверъ, а съ другой — извилистая рѣка Сороть. — Необыкновенно хороши окрестности Михайловскаго, особенно сосновые лѣса, съ маленькими прозрачными озерами, холмы съ извилистыми песчаными дорогами и тропинками, хорошъ весь этотъ просторъ не уныло пологой равнины, а богатой своею суровою роскошью сѣверной природы. Здѣсь было гдѣ часами ходить пѣшкомъ и цѣлые дни пропадать верхомъ на лошади.

Пушкинъ уже бывалъ въ Михайловскомъ, первый разъ въ 1817, второй — въ 1819 году, вмѣстѣ съ родителями своими, которые въ ту пору лѣто проводили въ псковскомъ своемъ имѣніи, но тогда сельская жизнь не понравилась молодому поэту. «Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери, — записалъ Пушкинъ въ 1824 году. — Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу». Впослѣдствіи Пушкинъ измѣнилъ свое мнѣніе: нигдѣ онъ такъ хорошо не работалъ, какъ осенью, въ сельскомъ уединеніи, а къ Михайловскому онъ былъ привязанъ всею душою. Но если именно въ этотъ свой пріѣздъ, когда Пушкинъ пробылъ въ Михайловскомъ два съ лишнимъ года, онъ пріобрѣлъ вкусъ къ деревнѣ, то первое время ссылки онъ переживалъ очень болѣзненно, мечтая о бѣгствѣ не только изъ деревенскаго заточенія, но, если нужно, и изъ Россіи. Даже семья Осиповыхъ, которую онъ такъ потомъ полюбилъ, казалась ему «непривлекательной». — Остро чувствовалась разлука съ графинею Е. К. Воронцовою. П. В. Анненковъ сообщаетъ, со словъ О. С. Павлищевой, что «когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенной точно каббалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ брата — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ былъ оскорбленъ положеніемъ поднадзорнаго, въ которое онъ былъ поставленъ. Тяжесть этого положенія усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ, что надзоръ порученъ было осуществлять отцу поэта, человѣку къ такой роли совершенно не приспособленному. Въ результатѣ между отцомъ и сыномъ произошло рѣзкое столкновеніе, со временемъ совершенно забытое (хотя и давшее поэту психологическій матеріалъ для знаменитой сцены «Скупого рыцаря»), но тогда рѣзко выездшее Пушкина изъ состоянія равновѣсія. Во второй половинѣ ноября С. Л. отказался отъ взятаго имъ на себя политическаго надзора за сыномъ и со всею семьею уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ въ Михайловскомъ Пушкина одного. Съ этого момента начинается знаменитый періодъ пушкинской жизни, исполненный чтенія, творческаго труда и спокойнаго сельскаго досуга въ обществѣ любимой няни и въ дружескомъ общеніи съ семьею Осиповыхъ, сосѣдей изъ Тригорскаго.

«Утро Пушкинъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ,—пишетъ П. В. Анненковъ,—созданію и пріуготовительнымъ его трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью,—эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: онъ не покидалъ постели или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и, въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды, приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ, между прочимъ, неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Разъ, возвращаясь изъ сосѣдней деревни верхомъ, обдумалъ онъ всю сцену Димитрія с Мариной въ «Годуновѣ». Какое-то обстоятельство помѣшало ему положить ее на бумагу тотчасъ же по пріѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты прежней сцены изгладились изъ памяти его. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этою сценою, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ».

◇ *РИС. 67* ◇

238. Пушкинъ — кн. В. Ѳ. Вяземской, французскій черновикъ, октябрь 1824 г., изъ Михайловскаго.

Прекрасная и добрая княгиня Вѣра, очаровательный и благородный другъ. Я не стану благодарить васъ за ваше письмо: слова были бы слишкомъ холодны и слишкомъ слабы, чтобы выразить мое умиленіе и мою благодарность. Ваша сладостная дружба удовлетворила бы всякую душу, менѣе эгоистическую, чѣмъ моя. Меня, какой я есть, она одна утѣшаетъ отъ многихъ огорченій и одна могла утишить яростную скуку, которая снѣдаетъ мое идіотское существованіе. Что я предвидѣлъ, то и случилось. Мое пребываніе среди моей семьи только удвоило огорченія, достаточно реальныя. Меня упрекали за мою ссылку, утверждали, что я проповѣдую аѳеизмъ сестрѣ и брату. Отецъ имѣлъ слабость взять на себя обязанности, которыя ставятъ его въ самое ложное положеніе по отношенію ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я провожу верхомъ и въ полѣ все время, когда я не въ постели. Все, что напоминаетъ мнѣ о морѣ, вызываетъ у меня грусть, шумъ фонтана буквально доставляетъ мнѣ страданіе; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать отъ бѣшенства, но слава Богу: небо у насъ сивое, а луна — точная рѣпа. Что до моихъ сосѣдей, то мнѣ пришлось только постараться оттолкнуть ихъ отъ себя съ самаго начала; они мнѣ не докучаютъ; я пользуюсь у нихъ репутаціей Онѣгина, и вотъ — я пророкъ въ своемъ отечествѣ. Я видаю часто только добрую старую сосѣдку *(П. А. Осипову)*, слушаю ея патріархальные разговоры; ея дочери, довольно непривлекательныя во всѣхъ отношеніяхъ, играютъ мнѣ Россини, котораго я выписалъ. Лучшаго положенія для окончанія моего поэтическаго романа нельзя и желать, но скука — холодная муза, и поэма не подвигается.

239. Бар. А. А. Дельвигъ — Пушкину, 28 сент. 1824 г., изъ Петербурга.

Великій Пушкинъ, маленькое дитя! Иди, какъ шелъ, т. е. дѣлай, что хочешь; но не сердись на мѣры людей, и безъ тебя довольно напуганныхъ! Общее мнѣніе для тебя существуетъ и хорошо мститъ. Я не видалъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели бы ты пріѣхалъ въ Петербургъ, бьюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами нашими, какъ ты. Чего тебѣ недостаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ. Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради. Употреби получше время твоего изгнанія...

240. «СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО», 1825.

Прощай, письмо любви, прощай! Она вслѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Минуту!.. вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ
Вьясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ... О Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

241. А. Д. Скоропостъ, заштатный псаломщикъ, по записи послушника Святогорскаго монастыря Владимірова, «Русск. Арх.», 1892.

Пушкинъ, за время этихъ двухъ лѣтъ, дома велъ жизнь однообразную; все, бывало, пишетъ что-нибудь или читаетъ разныя книги. Къ нему изрѣдка пріѣзжали его знакомые, иногда приходили монахи изъ монастыря, а если онъ когда выходилъ гулять, то всегда одинъ и обязательно всегда пѣшкомъ. Онъ любилъ гулять около крестьянскихъ селеній и слушалъ крестьянскіе разсказы, шутки и пѣсни. Въ свое домашнее хозяйство онъ не входилъ никогда, какъ будто это не его дѣло, и не онъ хозяинъ. Во время бывшихъ въ Святогорскомъ монастырѣ ярмарокъ, Пушкинъ любилъ ходить, гдѣ болѣе было собравшихся старцевъ (нищихъ). Онъ, бывало, вмѣшается въ ихъ толпу и поетъ съ ними разныя припѣвки, шутитъ съ ними и записываетъ, что они поютъ, а иногда даже переодѣвался въ одежду старца и ходилъ съ нищими по ярмаркѣ... На ярмаркѣ его всегда можно было видѣть тамъ, гдѣ ходили или стояли толпою старцы, а иногда онъ ходилъ задумавшись, какъ будто кого или чего ищетъ.

242. И. И. Лапинъ, торговецъ изъ г. Опочки, «Дневникъ».

1825 годъ... 29 маія въ Св. Горахъ былъ о девятой пятницы *(на Святогорской ярмаркѣ)*... издѣсь имѣлъ щастіе видѣть Александру Сергѣевича Г-на Пушкина, которой нѣкоторымъ образомъ удивилъ странною своею одеждою, а на прим. У него была надѣта на головѣ соломенная шляпа — въ ситцевой красной рубашкѣ, опоясовши голубою ленточкою съ желѣзною въ рукѣ тростію съ предлинными чор. бакинбардами, которыя болѣе походятъ на бороду такъ же съ предлинными ногтями съ которыми онъ очищалъ шкорлупу въ апельсинахъ и ѣлъ ихъ съ большимъ апетитомъ я думаю около 1/2 дюж.

◇ *РИС. 68* ◇

243. Н. М. Языковъ, «П. А. Осиповой», 1827.

На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый;
Спѣша въ Тригорское, одинъ —
Вольтеръ и Гете и Расинъ —
Являлся Пушкинъ знаменитый...

244. «ОСЕНЬ», 1830.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолiи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.

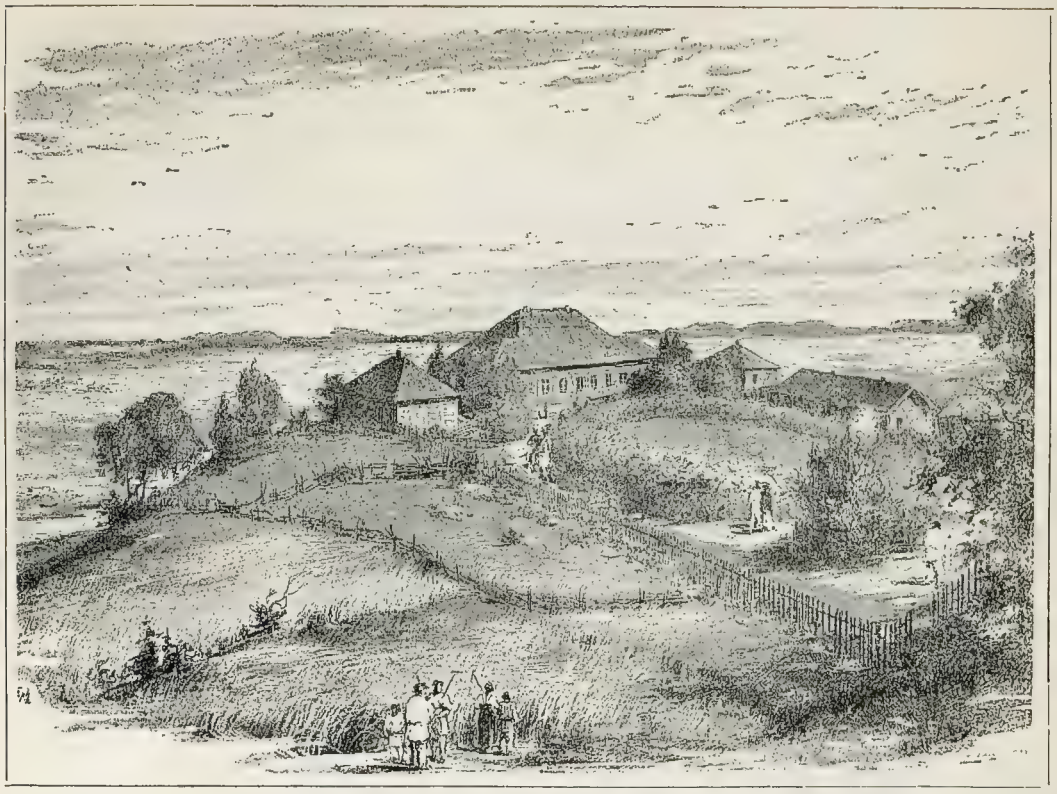


Рис. 69.

Пушкинъ и няня.

Картина И. И. Геллера.

Пушкина связывала съ его нянею не только нѣжная дружба: въ бесѣдахъ съ нею онъ черпалъ знаніе и родного языка и народнаго эпоса. Народный языкъ глубоко цѣнился Пушкинымъ. «Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не выражающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій»,—писалъ онъ. — «Вслушивайтесь въ простонародное нарѣчіе, молодые писатели. — вы въ немъ можете научиться многому, что не найдете въ нашихъ журналахъ. Читайте простонародныя сказки, молодые писатели —чтобы видѣть свойства русскаго языка». — «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка. Критики наши напрасно ими презираютъ». — Въ бумагахъ Пушкина сохранились записи сказокъ, слышанныхъ имъ отъ няни. О степени близости пушкинскаго стихотворнаго текста къ этимъ записямъ свидѣтельствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ записи сказки о Царѣ Салтанѣ: «Что за чудо? — говоритъ Мачеха, — вотъ это чудо, у моря лукоморья стоитъ дубъ, на дубѣ томъ золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ».

Рис. 70.

Помѣщичій домъ въ Тригорскомъ.

Съ фотографіи.

Тригорское находилось въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Владѣлица помѣстья, вдова Прасковья Александровна Осипова (по первому мужу Вульфъ), ея дочери отъ перваго брака — Анна Николаевна и Евпраксія Николаевна, ея падчерица Александра Ивановна Осипова, ея племянница Анна Ивановна Вульфъ и пріѣзжавшая гостить Анна Петровна Кернъ — такозъ былъ мѣнявшійся составъ этого женскаго царства, если не считать младшихъ дочерей П. А. — Маріи и Екатерины, бывшихъ тогда еще дѣвочками. Мужской элементъ представлялся лишь иногда сыномъ хозяйки А. Н. Вульфомъ. П. А. Осипова была старше Пушкина лѣтъ на пятнадцать. Она «была женщина очень стойкаго нрава и характера, — говоритъ П. В. Анненковъ,— но Пушкинъ имѣлъ на нее почти безграничное вліяніе». П. А. сразу сумѣла оцѣнить и полюбить Пушкина, войдя въ число женщинъ-друзей наравнѣ съ Ек. Андр. Карамзиною, В. Ѳ. Вяземскою, А. О. Россетъ-Смирновою и Е. М. Хитрово.

«Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой, Анна и Евпраксія, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ «Онѣгина» не подлежитъ сомнѣнію... По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея .. представляла совсѣмъ другой типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому ничего не искала въ ней, кромѣ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собою и комплиментовъ, словно ждала чего-то болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Евпраксія Николаевна была душою веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ; она играла передъ нимъ аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первою во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій... Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: на долю энтузіазма и самоотверженія пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изрѣдка выкупались счастливыми минутами довѣрія и признательности, между тѣмъ какъ равнодушію оставалась лучшая доля постояннаго вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанія»...

«Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный длинный одноэтажный домъ, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день съ утра до ночи... Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіатскаго разврата Кишинева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь сѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь» (П. В. Анненковъ).

◇ *РИС. 69* ◇

245. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 4, XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ
Подругѣ юности моей...

246. Н. М. Языковъ, «Къ нянѣ А. С. Пушкина», 1827.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,—
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены,—
Всегда, привѣтами сердечной доброты,
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ знойсмъ лѣта,
Водилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавши,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ;
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ.
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной,
И легкіе часы летѣли безъ заботно!

247. Пушкинъ — брату, октябрь 1824 г., изъ Михайловскаго.

Знаешь ли ты мои занятія? До обѣда пишу записки. Обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ. Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!

248. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 25 янв. 1825 г., изъ Михайловскаго.

Я одинъ-одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь — я совралъ — ты будешь ими очень доволенъ.

249. Пушкинъ — Д. М. Княжевичу (?), декабрь 1824 г., изъ Михайловскаго.

Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ — скучно, да нечего дѣлать... Уединеніе мое совершенно. праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ и то вижу его довольно рѣдко, цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; она — единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно.

◇ *РИС. 70* ◇

250. «П. А. ОСИПОВОЙ», 1825.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

251. «ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЪ», 1825.

(Евпр. Никол. Вульфъ).

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

252. «ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ», 1825.

(П. А. Осиповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

253. «СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА», 1829.

О, гдѣ бъ судьба ни назначала
Мнѣ безыменный уголокъ,
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ ни закала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бъ ни сулила,
Гдѣ бъ ни ждала меня могила,
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей..
Вдали, одинъ, среди людей,
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ.

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы,
И въ рощѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы, —
Пріютъ, сіяньемъ музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И воды Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И вѣтру въ даръ, на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

Рис. 71.

Николай Михайловичъ Языковъ.

1803—1846.

Изъ собранія А. Ф. Онѣгина. Портретъ относится къ 1841 году.

Замѣчательный поэтъ, который, наравнѣ съ Баратынскимъ, можетъ, по таланту своему, быть поставленнымъ къ Пушкину ближе другихъ современниковъ. Первый періодъ его творчества лучше всего характеризуется словами Ив. Кирѣевскаго: «праздникъ сердца», «просторъ души и жизни». «звучная восторженность». Баратынскій говорилъ о «безсмертной свѣжести» Языкова. Гоголь писалъ: «Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу: море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая, какъ кремень, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну, — выражается у него съ силой неестественной... Имя Языкову пришлось ему недаромъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью».

Съ возрастомъ Языковъ испытываетъ переломъ. Онъ выписываетъ «Христіанское чтеніе»; проситъ прислать ему лучшій толковникъ Библіи, мотивируя свою просьбу словами: «къ 1 января 1832 года моя муза должна преобразиться: я перейду изъ кабака — прямо въ церковь. Поэта и Бога вспомнить». Вторая половина жизни Языкова окрашена яркимъ славянофильствомъ. Съ Пушкинымъ Языковъ сблизился черезъ товарища своего по Дерптскому университету, Вульфа, у котораго гащивалъ во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. Языковъ не во всемъ понималъ и не всегда по достоинству цѣнилъ Пушкина, хотя и писалъ ему въ отвѣтъ на его посланіе:

«Какъ тароватому царю
«За чинъ почетный благодаренъ
«Его не стоющій бояринъ,
«Такъ я тебя благодарю».

Пушкинъ съ своей стороны необыкновенно высоко цѣнилъ талантъ Языкова и при каждомъ удобномъ случаѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ это подчеркивалъ.

Рис. 72.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ.

1805—1881.

Сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, сосѣдъ Пушкина по Михайловскому и товарищъ Языкова по университету; пріятель и собутыльникъ обоихъ поэтовъ; человѣкъ живыхъ литературныхъ интересовъ и остраго ума, сынъ своего времени по увлеченію Байрономъ и Наполеономъ и человѣкъ восемнадцатаго вѣка по холодной развращенности, отразившейся въ его дневникѣ. — Пушкинъ соприкасался съ Вульфомъ одною изъ многочисленныхъ граней своей кипучей натуры, Вульфъ же цѣнилъ Пушкина на свой аршинъ. Онъ низвелъ его всерьезъ до уровня «тверского Ловеласа», какъ однажды шуточно подписался въ письмѣ къ Вульфу Пушкинъ, называя въ томъ же письмѣ самого Вульфа «петербургскимъ Вальмономъ» (по имени героя знаменитаго романа «Опасныя связи»).

Впрочемъ, какъ видно изъ «Замѣтки о холерѣ», написанной Пушкинымъ въ 1831 году, Вульфъ привлекалъ его и другими своими свойствами. Между поэтомъ и «дерптскимъ студентомъ» бывали серьезныя бесѣды: «Въ концѣ 1826 года я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои холодные поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи). — Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе въ ожиданіи собственной прозѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «cholera-morbus» подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ... Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ (Псковской) губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно, одни въ Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мнимою всей Европы...»

Рис. 73.

Рѣка Сороть.

Съ фотографіи.

«Ширь и даль безъ конца; красавица зеркальная Сороть съ чистымъ песчанымъ дномъ; густой садъ съ вѣковыми деревьями; длинный одноэтажный господскій домъ, съ чуднымъ видомъ на разстилающіяся поля и деревушки, съ мостомъ черезъ Сороть... Очень красива часть сада, спускающаяся къ рѣкѣ». (В. П. Острогорскій, «Пушкинскій уголокъ земли» 1893).

◇ РИС. 71 ◇

254. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому. 9 ноября 1826 г., изъ Михайловскаго.

Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ.

255. «КЪ ЯЗЫКОВУ», 1821. Михайловское.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!..

Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобой,
И Музъ возвышенный пророкъ.
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.

256. Н. М. Языковъ, «А. С. Пушкину», 1825.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе царской головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я.
Два сына Руси православной,
Два первенца полночныхъ музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ..

Съ челомъ возвышеннымъ стою,
Передъ скрижалью вдохновеній,
И вольность нашихъ наслажденій,
И берегъ Сороти пою!

◇ РИС. 72 ◇

257. Пушкинъ — А. Н. Вульфу, 20 сент. 1824 г. изъ Михайловскаго.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой —
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.

258. Н. М. Языковъ, «А. Н. Вульфу», 1827.

Повѣрь, товарищъ, сладко мнѣ
О мирной думать сторонѣ,
Гдѣ я, разгульный и свободной,
Завѣтнымъ преданный мечтамъ,
Бродилъ рѣки голубоводной
По величавымъ берегамъ.
Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ.
Все свято: Пушкинъ, ты, да я —
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія!..
Туда, туда, туда! Но свѣту
Въ цари поставленъ гнѣвный рокъ...

◇ РИС. 73 ◇

259. Н. М. Языковъ, «Тригорское», 1826.

Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой —
Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоитъ;
На той горѣ, среди лощинъ,
Передъ лазоревымъ прудкомъ,
Бѣлѣется веселый домъ,
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Пріютъ свободнаго поэта,
Непобѣжденнаго судьбой! —
Благоговѣю предъ тобой, —
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебѣ привѣтъ!..
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ ..

260. Н. М. Языковъ, «П. А. Осиповой», 1827.

Благодарю Васъ за цвѣты:
Они священны мнѣ; порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты;
Онѣ плѣнительно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ, въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣнивой,
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта,
И вдохновеннаго поэта
Къ груди кипучей прижималъ!
И нынѣ, съ грустію утѣшной,
Мои желанія летятъ
Въ тотъ край возвышенныхъ отрадъ
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златого мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы —
Пріютъ прохлады въ лѣтній зной...

И ту площадку, гдѣ въ тиши
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила —
Осепокъ сердца и души.

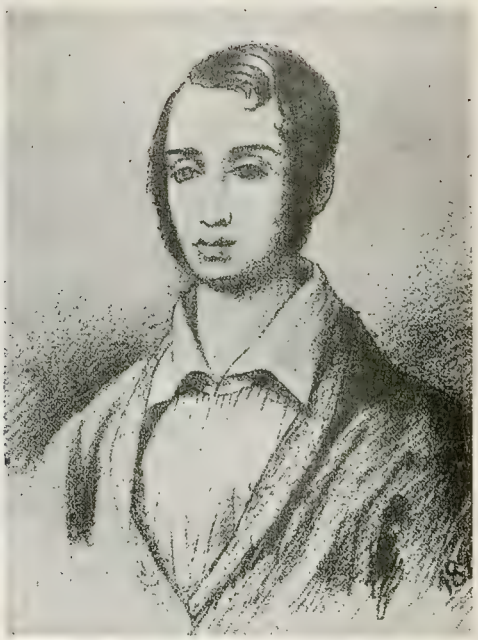


Рис. 74.

Наводненіе 7 ноября 1824 года въ Петербургѣ.

Картина Ѳ. Я. Алексѣева.

Наводненіе 7 ноября 1824 года произвело на Пушкина огромное впечатлѣніе. «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, — писалъ Пушкинъ брату 4 декабря того же года. — Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ *Инвалидѣ* на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ асессоромъ Панаевымъ».

Много лѣтъ спустя, въ 30-хъ гг. А. О. Россетъ-Смирнова читала Пушкину, по его просьбѣ, отрывки изъ своего дневника, въ которомъ она описывала это наводненіе, будучи воспитанницею Екатерининскаго института. Вотъ это безхитростное описаніе: «Мы окончили урокъ исторіи Франціи и собирались обѣдать, когда одна изъ горничныхъ вбѣжала въ старшій классъ. Она кричала и дрожала, какъ листъ. Всѣ кинулись къ окнамъ; вода поднялась такъ высоко, что барки переполненныя народомъ прибивало къ институтской рѣшеткѣ... Всѣмъ приказали итти наверхъ, нижній этажъ уже былъ въ водѣ. Горничныя плакали, онѣ очень боялись, а мы нисколько не боялись. Мы знали, что если бы намъ угрожала опасность, то Императрица-мать сама пріѣхала бы за нами. Утромъ она написала maman Брейткопфъ: «Успокойте моихъ дѣтокъ, я ихъ не забываю». Намъ прочитали ея письмо. Послѣ обѣда мы отправились въ нашу церковь и молились за умирающихъ и потонувшихъ. Было очень торжественно; всѣ были въ полномъ сборѣ. Потомъ намъ позволили смотрѣть въ окно. Во дворѣ гр. Шереметева плавали барки; кормили женщинъ и дѣтей. М-ль де Вальшъ намъ разсказывала, что графъ пріютилъ множество несчастныхъ, они провели ночь у него въ домѣ. Всего страшнѣе были пушечные выстрѣлы. Уже наканунѣ весь вечеръ палили изъ пушекъ. Вѣтеръ бушевалъ. Шелъ проливной дождь. На черной водѣ, покрытой пѣною, плавала мебель и трупы животныхъ. Одна изъ классныхъ дамъ видѣла даже плывущій гробъ. Государь былъ очень огорченъ этимъ несчастьемъ; сколько бѣдняковъ погибло, многіе утонули, другіе были совершенно разорены; одинъ караульный былъ унесенъ со своею будкою, но его спасли. Императрица-мать пріютила сиротъ. Она была такъ занята, что цѣлую недѣлю не пріѣзжала въ институтъ, чего еще никогда не случалось. Когда наступила ночь, направленіе вѣтра измѣнилось и намъ пришли объявить, что опасность миновала. Тогда оказалось возможнымъ спасти много народа; около девяти часовъ вечера вѣтеръ уже не задувалъ факеловъ. Я никогда не забуду этого дня; точно на морѣ слышался шумъ отъ воды, отъ криковъ, отъ проливного дождя и ревущаго вѣтра. Даже на улицахъ были волны».

Когда въ воображеніи Пушкина наводненіе ассоціировалось съ образомъ Мѣднаго Всадника? Какія литературныя впечатлѣнія могли быть запечатлѣнными въ его памяти, связанныя съ образомъ Петра? Нельзя не обратить вниманія на разсказъ, слышанный имъ отъ гр. М. Ю. Віельгорскаго, о фантастическомъ видѣніи маіора Батурина, и на отрывокъ изъ «Прогулки въ Академію Художествъ» Батюшкова. Вліянія эти наглядно отразились на знаменитой поэмѣ Пушкина, вдохновленной наводненіемъ 1824 года и впослѣдствіи написанной имъ въ Болдинѣ.

Рис. 75.

Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца во время наводненія.

Рисунокъ Александра Бенуа.

Въ описаніи этого наводненія у В. И. Берха, на котораго ссылается Пушкинъ въ предисловіи къ «Мѣдному Всаднику», мы находимъ: «Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ... Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около 2-хъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ, для поданія помощи и ободренія жителей».

◇ *РИС 74 и 75* ◇

261. «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ», вступленіе, черновой варіантъ, 1833.

Была ужасная година;
О ней начну простой разсказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ мрачное преданье,
Сердца печальныя, для васъ
Тогда же далъ я обѣщанье
Стихамъ довѣрить мой разсказъ.

262. «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ», часть I, 1833.

Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла:
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь, —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы, —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

263. В. А. Соллогубъ, «Воспоминанія».

Это было 7 ноября 1824 года. Не разъ случалось намъ просыпаться ночью отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Намъ объясняли, что, когда вода поднимается, съ крѣпости даются сигналы для предупрежденія жителей. Въ ночь съ 6-ое на 7-ое ноября канонада почти не умолкала. Къ утру въ домѣ началась бѣготня. Мы наскоро одѣлись и побѣжали въ пріемныя, выходившія окнами на набережную. Ничего я страшнѣе никогда не видывалъ. Это былъ какой-то сѣрый хаосъ, за которымъ туманно очерчивалась крѣпость. Дождь косо разносился порывами бѣшено завывающаго вѣтра. Въ гранитную набережную били черные валы, съ брызгами бѣлой пѣны... И вдругъ въ глазахъ нашихъ набережная исчезла. Отъ крѣпости до нашего дома забурлило, заклокотало одно сплошное судорожное море и хлынуло потокомъ въ переулокъ... Особенно занимало насъ теченіе воды по Мошкову переулку. Оно неслось стремительно, волнообразно, мутно и по немъ плыли самые разнообразные предметы возбуждавшіе наше дѣтское вниманіе. Плыли ведра, ушаты, бочки, мебель, гробы и простые надгробные кресты, смытые съ Смоленскаго кладбища. На другой день разсказывали, что передъ Зимнимъ дворцомъ плыла будка и что въ будкѣ находился часовой. Увидавъ стоявшаго у окна Государя, часовой сдѣлалъ будто бы на караулъ и былъ спасенъ... Государь лично заботился о погибавшихъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и я былъ тому свидѣтелемъ. Кто-то изъ слугъ нашихъ крикнулъ, что на Невѣ тонутъ суда. Мы бросились къ окнамъ на Неву и увидали страшное зрѣлище. Передъ ожесточеннымъ натискомъ бури неслись въ туманномъ коловоротѣ разваливавшіяся барки съ сѣномъ. Вѣтеръ разметывалъ сѣно во всѣ стороны цѣлыми глыбами, барки разламывались на куски, и мы ясно видѣли, какъ посреди крушенія какія-то тѣни стояли на колѣняхъ и подымали руки къ небу. И видя это, мы тоже стали на колѣна и тоже начали молиться. Спасеніе казалось невозможнымъ. Вдругъ слѣва, по направленію отъ дворца къ погибавшимъ показались два, разсѣкавшіе воду, казенные катера. У кормы перваго сидѣлъ окутанный въ сѣрую шинель генералъ. * Спасеніе посылалъ Государь. Съ другой стороны подоспѣвала порожняя барка, на которую царскій гонецъ пересаживалъ ожидавшихъ смерть, въ то время, когда ихъ исковерканныя суда распадалиись на части...

264. «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ», часть I, 1833.

Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ, вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать». Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Влизались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы **
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

265. П. И. Бартеневъ, «Русск. Арх.», 1877.

Мысль о Мѣдномъ Всадникѣ пришла Пушкину вслѣдствіе разсказа, который былъ переданъ ему извѣстнымъ графомъ М. Ю. Віельгорскимъ. Въ 1812 году, когда опасность вторженія грозила и Петербургу, государь Александръ Павловичъ предположилъ увезти статую Петра Великаго, и на этотъ предметъ статсъ-секретарю Молчанову было отпущено нѣсколько тысячъ рублей. Въ пріемную къ кн. А. Н. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то майоръ Батуринъ. Онъ добился свиданія съ княземъ, другомъ царевымъ, и передалъ ему, что его, Батурина, преслѣдуетъ одинъ и тотъ же сонъ. Онъ видитъ себя на Сенатской площади. Ликъ Петра поворачивается. Всадникъ съѣзжаетъ со скалы своей и направляется по петербургскимъ улицамъ къ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда Александръ Павловичъ. Батуринъ, влекомый какою-то чудною силою, несется за нимъ и слышитъ топотъ мѣди по мостовой. Всадникъ въѣзжаетъ на дворъ Каменноостровскаго дворца, изъ котораго выходитъ къ нему навстрѣчу задумчивый и озабоченный Государь. «Молодой человѣкъ, до чего довелъ ты мою Россію? — говоритъ ему Петръ Великій. — Но покамѣстъ я на мѣстѣ, моему городу опасаться нечего». Затѣмъ всадникъ поворачиваетъ назадъ... Пораженный разсказомъ Батурина, кн. Голицынъ, самъ сновидецъ, передаетъ сновидѣніе Государю, и въ то время, какъ многія государственныя сокровища и учрежденія перевозятся во внутрь Россіи, статуя Петра Великаго оставлена въ покоѣ...

---

* Ген.-адъют. графъ А. Х. Бенкендорфъ.

** Гр. М. А. Милорадовичъ и ген.-адъют. графъ А. Х. Бенкендорфъ.

Рис. 76.

Анна Петровна Керн.

Силуэтъ 1825 г.

Племянница П. А. Осиповой, урожд. Полторацкая, выданная молоденькою дѣвушкою за человѣка значительно старшаго ея, генерала Е. Ѳ. Керна. Бѣгло познакомилась съ Пушкинымъ въ 1819 году у Слепушихъ, но не обратила на него тогда вниманія, будучи увлечена блестящимъ оленинскимъ кружкомъ, а затѣмъ встрѣтилась съ поэтомъ въ Тригорскомъ въ 1825 году. На Пушкина значительное впечатлѣніе произвело уже первое мимолетное знакомство. Оно озарилось новымъ огнемъ въ Тригорскомъ, и Пушкинъ выразилъ свои чувства, и прошлыя, и настоящія, въ незабвенномъ стихотвореніи «Я помню чудное мгновенье»...

«Доколѣ будетъ звучать и изучаться русскій языкъ, —говоритъ одинъ изъ изслѣдователей Пушкина,— посланіе «Къ А. П. Кернъ» будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смягчать, трогать и умилять человѣческія сердца... Это такой дивный гимнъ въ честь возрождающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ посланіемъ «Къ А. П. Керн» Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте—Беатриче» (Н. И. Черняевъ).

Стихотвореніе это отвѣчало, конечно, подлинному чувству поэта, но, тѣмъ не менѣе, нельзя назвать любовь Пушкина къ А. П. Керн ни серьезною, ни глубокою. Не дѣлала себѣ на этотъ счетъ иллюзій и сама А. П., женщина живого и наблюдательнаго ума, но едва ли глубокая душою.—Сохранились ея воспоминанія, рисующія не только Пушкина, но и ближайшее его окруженіе, съ которымъ А. П. Керн соединяли многочисленныя связи. Въ частности, А. П. была въ тѣсной дружбѣ съ семействомъ Дельвига.

Рис. 77.

Старая береза въ Тригорскомъ паркѣ.

По фотографіи.

Въ тригорской усадьбѣ, «за прудомъ, на громадномъ пространствѣ раскинутъ великолѣпный садъ, — описываетъ М. М. Семевскій въ «Прогулкѣ въ Тригорское» (1866 г.). — Тутъ указали мнѣ залъ, такъ называемую площадку, тѣсно обсаженную громадными липами; въ этомъ залѣ, лѣтъ 30 назадъ, молодежь танцовала. Полюбовался я горкою среди сада, верхъ которой вѣнчается вѣтвистымъ дубомъ; по четыремъ угламъ этой насыпной горки стояли ели, подъ которыми лежизали Пушкинъ и Языковъ; ели тѣ еще при жизни ихъ были срублены по распоряженію Праск. Ал-ны, такъ какъ онѣ будто бы мѣшали расти роскошному дубу. Пушкинъ жалѣлъ объ этихъ деревьяхъ.

Недалеко виднѣются жалкіе остатки нѣкогда краснваго домика, съ большими стеклами въ окнахъ. Это баня; здѣсь жилъ Языковъ въ пріѣздъ свой въ Тригорское, здѣсь ночевывалъ и Пушкинъ. Вотъ и береза, раздвинувшая свои стволы такъ, что среди ихъ образовалось кресло; здѣсь сиживалъ тоже Пушкинъ, въ дупло этого дерева поэтъ опустилъ пятачокъ на память; неподалеко кустарникъ барбарисовый, въ середину котораго Пушкинъ однажды впрыгнулъ, да насилу выпѣзъ оттуда. Сзади же остался небольшой прудокъ. На берегу его стояла береза, — Прасковья Ал-на вздумала ее срубить, но Пушкинъ выпроси ъберезъ жизнь. «Любопытно,—замѣтила М. И. Осипова,—что в годъ смерти Пушкина въ березу ту ударила молнія».

А вотъ и спускъ къ рѣкѣ Сороти; на высокомъ, зеленомъ, въ высшей степени живописномъ берегу этой рѣки, въ саду, та именно «горка», о которой такъ часто вспоминаетъ Языковъ въ своихъ стихахъ. Надъ самой рѣкой была ива, купавшая вѣтви свои въ волнахъ Сороти и весьма нравившаяся Пушкину. Теперь ея нѣтъ».

Рис. 78.

«Диванъ Онѣгина» въ Тригорскомъ.

(Рѣка Сороть).

По фотографіи.

Паркъ въ Тригорскомъ кончается крутымъ обрывомъ надъ рѣкою Соротью. У этого обрыва, подъ сѣнью сросшихся въ одинъ стволъ липы и клена стоитъ «диванъ Онѣгина». — Серебряной лентой вьется прозрачная Сороть, за нею волнами разстилается поле; налѣво высокая «Савкина гора», которую когда то мечталъ купить у П. А. Осиповой Пушкинъ, чтобы построить себѣ на ней домъ; направо по холмамъ идетъ дорога въ Михайловское, къ густому сосновому бору.

◇ РИС. 76 ◇

266. А. П. Керн, «Воспоминанія».

Мы сидѣли за обѣдомъ. Вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большою, толстою палкою въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше, и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien-loups. Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень нерозенъ въ обращеніи; то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то несносно любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту. Онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятно волновало его... Однажды явился онъ въ Тригорское со своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ Цыганъ. Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаевала отъ наслажденія; онъ имѣлъ голосъ пѣвучій, мелодическій, какъ онъ говоритъ про Овидія въ своихъ «Цыганахъ»: «и голосъ, шуму водъ подобный». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія тетушка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался тому и мы поѣхали.

Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ... Пріѣхавши въ Михайловское мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый запущенный садъ; «пріютъ задумчивыхъ дріадъ», съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно...

На другой день я должна была уѣхать въ Ригу. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ II главы Онѣгина въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье»... Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что промелькнуло у него въ головѣ тогда, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ «Сѣверныхъ цвѣтахъ». Мих. Ив. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя.

Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлою южною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной, и проч.

Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку.

267. Къ [illegible] (А. П. Керн), 1825.

Я помню чудное мгновенье :
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

268. А. П. Керн, «Воспоминанія».

Живо воспринимая добро, Пушкинъ, однако, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало въ нихъ остроуміе, блескъ и внѣшняя красота. Кокетливое желаніе ему понравиться не разъ привлекало вниманіе поэта гораздо болѣе, чѣмъ истинное и глубокое чувство, имъ внушенное. Самъ онъ почти никогда не выражалъ чувствъ; онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ былъ сыномъ своего вѣка. Острое, красное словцо, la repartie vive—вотъ, что несказанно тѣшило его... Причина того, что Пушкинъ скорѣе очаровывался блескомъ, нежели достоинствомъ и простотою въ характерѣ женщинъ, заключалась, конечно, въ его невысокомъ мнѣніи о нихъ, бывшемъ совершенно въ духѣ того времени.

269. Пушкинъ—П. А. Плетневу, 5 авг. 1825 г., изъ Михайловскаго.

Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая: небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее услышать!

◇ РИС. 78. ◇

270. П. В. Анненковъ. «Пушкинъ въ александровскую эпоху», 1874.

Не одна хозяйка Тригорскаго, искренне привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнью. Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта, — и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ.

Рис. 79.

Пушкинъ за работой.

Рисунокъ Н. Кузьмина.

Годы, проведенные Пушкинымъ въ Михайловскомъ, въ ссылкѣ, были годами напряженной работы и быстраго и полнаго расцвѣта. «Я чувствую, что душа моя созрѣла развернулась — я могу творить», — пишетъ Пушкинъ въ 1825 году Н. Н. Раевскому. Уже «Цыганы» свидѣтельствуютъ о созрѣваніи поэта: Пушкинъ овладѣваетъ своимъ «демономъ». Впрочемъ, значеніе въ этомъ смыслѣ «Цыганъ» и, въ частности, словъ «оставь насъ, гордый человѣкъ», истолкованныхъ впослѣдствіи Достоевскимъ, какъ ключъ къ пониманію Пушкина, современникамъ не было ясно. Жуковскій писалъ Пушкину: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое? Какъ жаль, что мы розно». Пушкинъ отвѣчалъ: «Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ созѣтовъ—или хоть присутствія—оно вдохновеніе... Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія—какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ». А еще позже, въ 1831 году, Пушкинъ, развивая эту мысль, напишетъ: «Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству, не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, воспалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ анатомія не есть убійство».

Громаднымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи было созданіе «Бориса Годунова», что прекрасно понималъ Пушкинъ. «Я не умру, это невозможно — писалъ онъ Жуковскому, — Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился». «Трагедія моя кончена,—писалъ онъ позже Вяземскому, — я перечелъ ее вслухъ, одинъ, билъ въ ладоши и кричалъ: ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!» Продолжалось писаніе и «Евгенія Онѣгина»: первыя шесть главъ были кончены въ Михайловскомъ. Мимолетная мысль родила прелестную поэму-шутку «Графъ Нулинъ». Создано было и много вещей мелкихъ, но значительныхъ. Пушкинъ выполнялъ завѣтъ, какъ бы предначертанный ему Жуковскимъ въ письмѣ, написанномъ осенью 1824 года: «На все, что съ тобою случилось и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ: поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты богачъ, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженнаго несчастія и *обратить въ добро* заслуженное; ты болѣе, нежели кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ вся твоя мораль, все твое возможное счастіе и всѣ вознагражденія».

Рис. 80.

Пушкинъ въ Михайловскомъ.
(Посѣщеніе Пущина).

Картина худ. Н. Н. Ге.

Посѣщеніе поэта въ его опальномъ уединеніи явилось со стороны И. И. Пущина актомъ гражданскаго мужества. «Какъ! Вы хотите къ нему ѣхать? Развѣ вы не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ — и полицейскимъ и духовнымъ?» — удивился А. И. Тургеневъ. Почти одинаковыя предостереженія выслушалъ онъ и отъ В. Л. Пушкина, который со слезами на глазахъ просилъ расцѣловать племянника. Даже Левъ Сергѣевичъ опасался пріѣхать къ брату, и Пушкинъ съ горечью писалъ ему: «Твои опасенія насчетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ; а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдозательно, вовсе не въ духѣ нашего времени».

Послѣ Пущина пріѣзжалъ гостить къ Пушкину въ Михайловское Дельвигъ. Имѣлъ случай Пушкинъ видѣться также съ кн. А. М. Горчаковымъ, который пріѣхалъ въ гости къ дядѣ своему, Пещурозу, псковскому помѣщику, принявшему на себя, изъ любви къ Пушкину, надзоръ за послѣднимъ. Однако, не только свиданіе съ далекимъ Горчаковымъ, но и посѣщеніе Дельвига, наиболѣе близкаго къ Пушкину въ тѣ времена, не были такими «событіями» въ жизни поэта, какъ неожиданное появленіе, 11 января 1825 года, во дворѣ Михайловскаго саней Пущина.

◇ *РИС. 79* ◇

271. Кн. П. А. Вяземскій, «Сочиненія», т. 2.

Въ немъ *(Пушкинѣ)* глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила... Эта сила была любовь къ труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытѣснить изъ себя ощущенія, образы, чувства. Трудъ былъ для него святыня, купель, въ которой исцѣлялись язвы, обрѣтались благодать и свѣжесть, возстанавливались разслабленныя силы.

272. «О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ», Замѣтки о своихъ произведеніяхъ, 1831.

Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградою и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

273. «ОСЕНЬ», 1830.

И забываю міръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей...

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.

◇ *РИС. 80* ◇

274. И. И. Пущинъ, «Записки о Пушкинѣ», 1858.

Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ—почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ тридцать три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этою женщиной, впрочемъ она все поняла. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая,— чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, черезъ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами и пр. Во всемъ поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (онъ всегда съ самаго Лицея писалъ обглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пяльцевъ...

Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однако жъ ту же веселость; можетъ быть самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ дитя, былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи. Наружно онъ мало перемѣнился, обросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Анненковымъ *(Кипренскаго)*.

Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этою тогда рукописною комедіею, до того ему вовсе почти незнакомою. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ... Я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе...

Между тѣмъ время шло за полночь... Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ. Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «Прощай, другъ!»...

275. «19 ОКТЯБРЯ», 1825.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!

276. «ИВ. ИВ. ПУЩИНУ», 1826.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

РАЗДѢЛЪ II

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА
ДРУЗЬЯ И СОВРЕМЕННИКИ

Рис. 81.
Иванъ Ивановичъ Пущинъ.
1798—1859.

Лицейскій товарищъ Пушкина и ближайшій его другъ; «рыцарь правды», по выраженію кн. С. Г. Волконскаго; декабристъ. — «Ив. Ив. Пущинъ, со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, съ самыми благородными намѣреніями, былъ въ Лицеѣ любимцемъ всѣхъ товарищей. По выпускѣ онъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію; для пылкой души его, жаждавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время показалась, однако же, слишкомъ мертвою и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, съ намѣреніемъ возвыситься и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя еще почти никто изъ порядочныхъ людей. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили нашего любимца», — такъ писалъ бар. М. А. Корфъ, извѣстный своею холодностью, объ этомъ дѣловито-самоотверженномъ человѣкѣ, даровавшемъ Пушкина своею неизмѣнною любовью.

«Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, — пишетъ Пущинъ, — хотя въ иныхъ случаяхъ разно смотрѣли на вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи». Только о Пущинѣ и о Малиновскомъ вспомнилъ Пушкинъ на смертномъ одрѣ, сказавъ, что, будь они тутъ, ему бы легче было умирать. Вернувшись изъ ссылки, Пущинъ посѣтилъ вмѣстѣ съ дочерью Лицей и комнату Пушкина и отслужилъ панихиду объ упокоеніи своего друга.

Рис. 83.
Свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.
1798—1883.

Портретъ F. Vernet (1820 г.).

Товарищъ Пушкина по Лицею. Знаменитый государственный дѣятель, послѣдній канцлеръ Россійской Имперіи; баловень судьбы; красавецъ, одаренный блестящими способностями. Пушкинъ дружелюбно относился къ товарищу, привлекшему его вниманіе своею красотою еще на вступительномъ экзаменѣ. Горчаковъ платилъ ему тѣмъ же, но съ неодобреніемъ относился къ нѣкоторымъ уклонамъ пушкинской поэзіи: шуточная поэма «Монахъ» была имъ, какъ онъ самъ говорилъ, уничтожена; только недавно выяснилось, что она схоронена была въ архивахъ князя. Окончивъ Лицей первымъ, Горчаковъ отдался служебной карьерѣ, и пути его и Пушкина разошлись. — Пережившему всѣхъ своихъ товарищей Горчакову суждено было воплотить въ себѣ тотъ грустный образъ, который рисовался Пушкину въ 1825 году:

«Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
«Торжествовать придется одному?
«Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
«Докучный гость, и лишній, и чужой,
«Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
«Закроетъ глаза дрожащею рукой»...

Рис. 82.
Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.
1798—1831.

Товарищъ Пушкина по Лицею; ближайшій, рядомъ съ Пущинымъ, его другъ и горячій поклонникъ, первый постигшій величіе пушкинскаго генія и до конца своихъ дней остававшійся вѣрнымъ его культу. Поэтъ по натурѣ и глубокій знатокъ и цѣнитель словеснаго искусства, Дельвигъ по лѣни своей не занялъ мѣста въ русской литературѣ, на которое имѣлъ бы право. Впрочемъ, какъ сказала о немъ А. П. Елагина, онъ «умѣлъ изъ мерзкаго порока (лѣни) сдѣлать благородное, высокое качество души».

Благоуханіе нѣжной души Дельвига разлито и въ его письмахъ къ Пушкину. «Великій Пушкинъ, маленькое дитя», писалъ онъ ему разъ, а какъ-то закончилъ свое письмо словами: «Цѣлую крылья твоего генія, радость моя». — «Мочи нѣтъ, хочется Дельвига», писалъ съ своей стороны Пушкинъ брату въ 1825 году. — «Дельвигъ, живъ ли ты?» — взывалъ онъ къ нему тогда же. По свидѣтельству А. П. Кернъ, у Пушкина и Дельвига была привычка, встрѣчаясь, цѣловать другъ у друга руку. — «Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная, — писалъ Пушкинъ Плетневу въ январѣ 1831 г., послѣ смерти Дельвига; — изъ всѣхъ связей дѣтства, онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли».

Рис. 84.
Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.
1797—1846.

Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова.

Лицейскій товарищъ Пушкина; человѣкъ горячаго общественно-патріотическаго темперамента, стремившійся въ 1812 году пойти добровольцемъ, а 14 декабря оказавшійся на Сенатской площади. Писатель-романтикъ съ устремленіемъ къ народности и къ славянской старинѣ («архаистъ»), влюбленный въ литературу и обладавшій въ ней широкими познаніями; «живой лексиконъ» и «вдохновенный комментарій», по слову Пушкина; издатель (совмѣстно съ В. Ѳ. Одоевскимъ) журнала «Мнемозина», гдѣ печатался также и Пушкинъ. — Обладая нѣкоторыми смѣшными чертами, Кюхельбекеръ былъ обычнымъ предметомъ эпиграммъ, въ которыхъ не отставалъ и Пушкинъ, однажды доведшій его до дуэли съ собою. Это не мѣшало Пушкину горячо любить «Кюхлю», слѣды чего мы находимъ даже въ черновыхъ записяхъ поэта. «Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кхбр. 1 іюля—день счастливый». А въ концѣ 1824 года, набрасывая «Андре Шенье», Пушкинъ прерываетъ черновыя строфы замѣткою: «Кхбр—да сохранитъ тебя твой добрый геній подъ бурей». — Не является невѣроятнымъ предположеніе, что Пушкинъ взялъ отъ Кюхельбекера многое, рисуя образъ Ленскаго. Литературными интересами Кюхельбекеръ жилъ и въ заточеніи и въ ссылкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ его «Дневникъ».

◇ *РИС. 81* ◇

277. «ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ», 1817.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ сосиненья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла.... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О, милый, вѣченъ онъ!

— —

◇ *РИС. 82* ◇

278. Бар. А. А. Дельвигъ, «Шесть лѣтъ», Прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго Лицея.

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посвятилъ.
Прими жъ теперь на тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости твоей!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте сыны.

О, матерь, вняли мы призванью.
Кипитъ въ груди младая кровь;
Длань крѣпко съединилась съ дланью:
Связала ихъ къ тебѣ любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!..

279. Бар. А. А. Дельвигъ, «Н. М. Языкову».

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ воззышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.
Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.

280. Пушкинъ—брату, 30 янв. 1823 г., изъ Кишинева.

Дельвигъ, Дельвигъ!.. поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало: впередъ, маршъ!

281. «ДЕЛЬВИГУ», 1817.

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

282. «19 ОКТЯБРЯ», 1825.

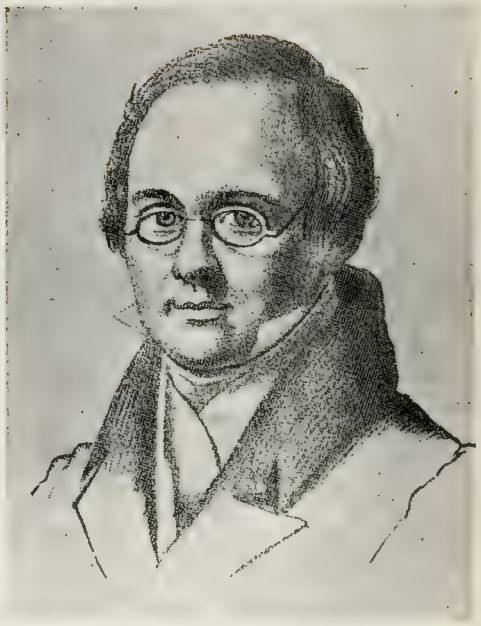
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ.
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества дѣтей музы къ намъ летали
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья, —
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья, —
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

283. «О ДЕЛЬВИГѢ», 1831.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя очевидцемъ тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ очень рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ, Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію.



◇ *РИС. 82 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу... Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

284. А. П. Маркова-Виноградская (Керн)— П. В. Анненкову.

Вы не можете себѣ представить, какъ баронъ Дельвигъ былъ любезенъ и пріятенъ, особенно въ семейномъ кружкѣ, гдѣ я имѣла счастье его часто видѣть... Я не встрѣчала человѣка любезнѣе и пріятнѣе его. Онъ такъ мило шутилъ, такъ остроумно, сохраняя серьезную физіономію, смѣшилъ, что нельзя не признать въ немъ истинный великобританскій юморъ.

Гостепріимный, великодушный, изысканный, онъ умѣлъ осчастливить всѣхъ его окружающихъ. Хотя Дельвигъ не былъ геніальнымъ поэтомъ, но названіе поэтическаго существа вполнѣ можетъ соотвѣтствовать ему, какъ благороднѣйшему изъ людей.

Его поэзія, его пѣсни — мелодія поэтической души.

Мнѣ кажется, Дельвигъ былъ однимъ изъ лучшихъ, примѣчательнѣйшихъ людей своего времени и если имѣлъ недостатки, то они были недостатками эпохи и общества, въ которомъ онъ жилъ. Я никогда не видала его скучнымъ или непріятнымъ, слабымъ или неровнымъ. Одинъ упрекъ только сознательно ему можно сдѣлать — это за лѣнь, которая мѣшала ему работать на пользу людей. Эта же лѣнь дѣлала его удивительно снисходительнымъ къ слугамъ своимъ, которые могли быть всѣмъ, что имъ угодно: и грубыми, и пренебрежительными; онъ на нихъ рукой махнулъ, и если бъ они вздумали на головахъ ходить, я думаю, онъ бы улыбнулся и сказалъ бы свое обычное: «Забавно»! Онъ такъ мило, такъ оригинально произносилъ это «забавно», что весело вспомнить. И замѣчательно, что иногда онъ это произносилъ, когда вовсе не было забавно...

285. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

Дельвига зналъ я мало. Болѣе зналъ я его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Едва ли не Дельвигъ былъ между пріятелями ближайшая и постояннѣйшая привязанность его. А посмотрѣть на нихъ: мало было въ нихъ общаго за исключеніемъ школьнаго товарищества и любви къ поэзіи. Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться въ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Когда пріѣзжалъ я на время въ Петербургъ, были мы съ нимъ, что называется, въ хорошихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь нерѣдко на пріятельскихъ обѣдахъ, вечеринкахъ. Но и тутъ казался онъ мнѣ мало доступенъ. Была ли это въ немъ застѣнчивость или нѣкоторая нелюдимость, объяснить я себѣ не могъ; но короткаго сближенія между нами не было. На сходкахъ нашихъ онъ мало вмѣшивался въ разговоръ, мало даже вмѣшиваясь въ нашу веселость. Во всякомъ случаѣ былъ онъ мало разговорчивъ: рѣчь его никогда не пѣнилась и не искрилась вмѣстѣ съ шампанскимъ виномъ, которое у всѣхъ насъ развязывало языкъ. Спрашивали одного англичанина, любитъ ли онъ танцовать. — «Очень люблю, отвѣчалъ онъ — но не въ обществѣ и не на балѣ, а дома одинъ или съ сестрой». Дельвигъ походилъ на этого англичанина. Однажды убѣдился я въ томъ и имѣлъ возможность оцѣнить его и понять нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно прозели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ... Тутъ разговорился онъ. Я отыскалъ въ немъ человѣка мыслящаго, здраво и самобытно обдумавшаго многое въ жизни...

286. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Дельвигъ, поэтъ-сибаритъ, который нѣжился всякимъ звукомъ своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпомъ своего напитка поэзіи, глоталъ его по каплѣ, какъ знатокъ винъ, присматриваясь къ цвѣту и обоняя самый запахъ.

◇ *РИС. 83* ◇

287. Кн. А. И. Урусовъ, со словъ кн. А. М. Горчакова, «Русск. Арх.», 1883.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на Пушкина, кн. Горчаковъ побудилъ его уничтожить одно произведеніе, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкинъ написалъ было поэму «Монахъ». Кн. Горчаковъ взялъ ее на прочтеніе и сжегъ, объявивъ, что это недостойно его имени.

288. «ПОСЛАНІЕ КЪ КН. А. М. ГОРЧАКОВУ». 1816.

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ не равной,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливой и славной —
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.

◇ *РИС. 83 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

289. «19 ОКТЯБРЯ», 1825.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

◇ *РИС. 84* ◇

290. Е. А. Энгельгардтъ, оффиціальный отзывъ о Кюхельбекерѣ.

Читалъ все и обо всемъ, имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли; чувство чести и добродѣтели проявляется у него иногда какимъ то донъ-кихотствомъ; онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности и, только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ, выходитъ изъ этого болѣзненнаго состоянія.

291. «РАЗЛУКА», 1817.

Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья!
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
. . . . . .
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

292. В. К. Кюхельбекеръ, «Къ Пушкину», 1818.

Счастливъ, о Пушкинъ, кому высокую душу Природа
Щедрая Матерь—дала, вѣрнаго друга—мечту,
Пламенный умъ и не сердце холодной толпы. Онъ всесиленъ
Въ мірѣ своемъ; онъ творецъ! Что ему низкихъ рабовъ
Мелкихъ, ничтожныхъ судей, одинъ на другого похожихъ,
Что ему ихъ приговоръ? Счастливъ, о милый пѣвецъ,
Даже безсильною завистью Злобы — высокій любимецъ,
Избранникъ мощныхъ Судебъ. Огненной мыслію онъ
Въ свѣтлое небо летитъ, всевидящимъ взоромъ читаетъ
И на челѣ и въ очахъ тихую тайну души! —

293. В. К. Кюхельбекеръ, «Мнемозина», ч. III, 1824.

Всего лучше имѣть поэзію народную... При основательнѣйшихъ познаніяхъ и большемъ, нежели теперь, трудолюбіи нашихъ писателей, Россія по самому своему географическому положенію, могла бы присвоить себѣ всѣ сокровища ума Европы и Азіи. Фердоуси, Гафисъ, Саади, Джами ждутъ русскихъ читателей. Но не довольно — повторяю — присвоить себѣ сокровища иноплеменниковъ: да создастся для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первой державою во вселенной. Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя — лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели, изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ, сбросятъ съ себя тѣсныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первыя, подаютъ великія надежды.

294. «19 ОКТЯБРЯ», 1825.

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

295. Пушкинъ—кн. П. А. Вяземскому, 10 авг. 1825 г., изъ Михайловскаго.

Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ, онъ человѣкъ дѣльный, съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ.

296. В. К. Кюхельбекеръ, Дневникъ, 17 янв. 1833 г.

Люблю и уважаю прекрасный талантъ Пушкина, но, признаться, мнѣ бы не хотѣлось быть въ числѣ его подражателей... Мы, кажется, шли съ 1820 года совершенно различными дорогами, онъ всегда выдавалъ себя за приверженца школы такъ называемыхъ очистителей языка, а я вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменемъ Шишкова, Катенина, Грибоѣдова, Шахматова.

297. П. А. Плетневъ—Я. К. Гроту, 1848 г.

Я прочелъ 2-ю главу Онѣгина. Это подало мнѣ поводъ разсказать, какъ мастерски въ Ленскомъ обрисовалъ Пушкинъ лицейскаго пріятеля своего Кюхельбекера.

298. В. К. Кюхельбекеръ, «19 октября 1836».

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грезъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ, это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты...

299. В. К. Кюхельбекеръ, «19 октября 1837».

Въ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ —
И вотъ опять Лицея день священный —
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши —
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно простираю руки къ нимъ...

Рис. 85.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

1800—1844.

Съ портрета на камнѣ Шевалье.

Крупнѣйшій, рядомъ съ Языковымъ, поэтъ пушкинской плеяды; «поэтъ для немногихъ», по отзыву Плетнева; поэтъ «уединенный», который «шелъ своей дорогой, одинъ и независимо», по слову Пушкина; обладатель «лица необщимъ выраженьемъ», по собственной характеристикѣ; ближайшій другъ Дельвига, ему обязанный ободреніемъ, столь при его мнительности необходимымъ. Начавъ съ подражанія Батюшкову, Баратынскій перешелъ къ поэзіи философической, исполненной глубокаго «метафизическаго» пессимизма («въ тягость роскошь мнѣ твоя, о безсмысленная вѣчность!»), чтобы подъ самый конецъ своихъ дней найти впервые въ своей лирѣ звуки духовнаго міра:

«Царь небесъ! успокой
«Духъ болѣзненный мой.
«Заблужденій земли
«Мнѣ забвенье пошли
«И на строгій тзой рай
«Силы сердцу подай».

Пушкинъ необыкновенно высоко цѣнилъ Баратынскаго и постоянно это отмѣчалъ. «Про Баратынскаго стихи при немъ нельзя было и говорить ничего дурного», вспоминалъ позже С. П. Шевыревъ. Баратынскій, ставившійся одно время въ мнѣніи общества рядомъ съ Пушкинымъ, не безъ внутренней горечи ощущалъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Пушкина, что наложило, повидимому, нѣкоторую печать на его отношеніе къ великому поэту.

Рис. 87.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

1768—1844.

Портретъ К. П. Брюллова.

Знаменитый баснописецъ, «нашедшій свою полочку» лишь послѣ двадцати лѣтъ ничѣмъ не замѣчательнаго литературнаго труда и сразу получившій огромную популярность. «Крыловъ ничего не читаетъ, кромѣ Всемірнаго Путешественника, расходной книги и календаря, а его будутъ читать и внуки наши... Этотъ человѣкъ — загадка великая», — сказалъ о немъ Батюшковъ. Онъ соединялъ безмятежную апатію съ острымъ и проницательнымъ умомъ, въ которомъ одновременно искрилось лукавство и сіяла просвѣтленная вѣрою мудрость. Поскольку преобладала послѣдняя, Крыловъ становился учителемъ жизни въ лучшемъ смыслѣ слова. «Мудрецъ игривый и глубокій, простосердечное дитя, и дочкамъ онъ давалъ уроки, и батюшекъ училъ шутя», — писалъ о немъ кн. Вяземскій. Пушкинъ очень высоко ставилъ Крылова и считалъ его «во всѣхъ отношеніяхъ самымъ народнымъ нашимъ поэтомъ». «Всѣ басни Дмитріева не стоятъ одной хорошей басни Крылова», — писалъ онъ Вяземскому. Крыловъ оцѣнилъ Пушкина сразу. О встрѣчѣ критикой «Руслана и Людмилы» Крыловъ писалъ:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
«Я критику прочелъ Руслана и Людмилы.
«Хоть у меня довольно силы,
«Но для меня ужасно, какъ тяжка».

Рис. 86.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

1787—1855.

Портретъ О. А. Кипренскаго.

Мастеръ стиха въ области по преимуществу «легкой», элегически-эпикурейской поэзіи, воплощавшей «очарозательную прелесть осязаемой существенности» (Гоголь). Предрасположенный наслѣдственно къ душевной болѣзни Батюшковъ и во внѣшности носилъ печать душевнаго надлома; «небольшого роста, молодой красивый человѣкъ съ нѣжными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и съ страннымъ взглядомъ разбѣгающихся глазъ», описываетъ его А. Блудова. — Не найдя счастья въ личной жизни, онъ во внутреннемъ мірѣ своемъ переживалъ постоянное раздвоеніе между чисто эстетическимъ воспріятіемъ дѣйствительности («Горацій просилъ, чтобы Зевесъ прекратилъ его жизнь, когда онъ учинится б е з ч у в с т в е н ъ к о з в у к а м ъ л и р ы. Я очень понимаю его») и живымъ чувствомъ долга нравственнаго («поэзія требуетъ всего человѣка») и гражданскаго (Батюшковъ провелъ три военныхъ кампаніи добровольцемъ). Послѣдніе годы сознательной жизни уразумѣлъ онъ тщету философіи и эпикурейской и стоической, но, постигая значеніе религіи, не нашелъ въ ней успокоенія и постепенно сталъ жертвою душевной болѣзни, отъ которой былъ освобожденъ только смертью, — черезъ три десятилѣтія, прожитыя на пенсію, дарованную Императоромъ Николаемъ. — Послѣдніе стихи К. Н. были записаны, по памяти, его другомъ и утѣшителемъ, Жуковскимъ, въ 1821 году:

«Ты помнишь, что изрекъ,
«Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
«Рабомъ родился человѣкъ,
«Рабомъ въ могилу ляжетъ,
«И смерть ему едва ли скажетъ,
«Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
«Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ».

Рис. 88.

Петръ Александровичъ Плетневъ.

1792—1862.

Извѣстный педагогъ, впослѣдствіи профессоръ словесности и, наконецъ, ректоръ Петербургскаго университета, вліятельный критикъ, соредакторъ Дельвига и Пушкина по «Сѣверномъ Цвѣтамъ» и преемникъ Пушкина по редактированію «Современника». Отличался отзывчивостью, мягкостью и благородствомъ, какъ въ личныхъ своихъ отношеніяхъ, такъ и въ своихъ критическихъ сужденіяхъ. Между Плетневымъ и Пушкинымъ существовала крѣпкая дружба; въ своихъ письмахъ Пушкинъ дѣлился съ нимъ всѣми своими литературными и житейскими планами и новостями. Плетневъ дружески помогалъ Пушкину въ изданіи нѣкоторыхъ его произведеній. «Вниманье дружбы возлюбя», Пушкинъ посвятилъ Плетневу 4-ую и 5-ую главы «Онѣгина».

«Прими собранье пестрыхъ главъ
«Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
«Простонародныхъ, идеальныхъ,
«Небрежный плодъ моихъ забавъ,
«Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
«Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
«Ума холодныхъ наблюденій
«И сердца горестныхъ замѣтъ».

◇ *РИС. 85* ◇

300. «БАРАТЫНСКІЙ», Критическія замѣтки. 1831.

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее.

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ.

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ.

Никто болѣе (Баратынскаго) не вложилъ чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

*301. «КЪ Б***», 1825.*

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, * сѣ-ей
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоилъ ** —прямой чухонецъ.

302. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, 12 янв. 1824 г., изъ Одессы.

Баратынскій — прелесть и чудо. Его «Признаніе» — совершенство.

303. Е. А. Баратынскій — Пушкину, 1826 г.

Пиши, милый Пушкинъ! — а я въ долгу не останусь, хотя пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ, съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ.

— —

◇ *РИС. 86* ◇

304. «КЪ БАТЮШКОВУ», 1814.

Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ —
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

305. «О ПРИЧИНАХЪ, ЗАМЕДЛИВШИХЪ ХОДЪ НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ», Мелкія замѣтки, 1824.

Батюшковъ, счастливый соперникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіанцевъ.

306. Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, «Альбомныя памяти».

Въ 1828 году я часто встрѣчался съ Пушкинымъ и однажды предложилъ ему вписать что-нибудь изъ своихъ стиховъ въ мой альбомъ. Онъ при мнѣ же вписалъ извѣстные стихи: *Муза*. На вопросъ мой: отъ чего эти пришли ему на память прежде всякихъ другихъ? — «Я ихъ люблю, отвѣчалъ Пушкинъ: они отзываютъ стихами Батюшкова».

* Произведеніе Баратынскаго «Эда».
** Булгаринъ, авторъ критики на «Эду».

307. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг., Пушкинъ о Батюшковѣ.

Батюшковъ былъ поэтъ по существу, онъ и кончилъ жизнь, какъ поэтъ. Есть что-то трагическое въ его концѣ, который глубоко меня трогаетъ. Торквато Тассо его лебединая пѣснь, и самъ онъ кончаетъ жизнь, какъ его герой. Послѣ Жуковскаго, кормильца моей юной Музы, я больше всѣхъ обязанъ Батюшкову. Греческая антологія Батюшкова научила меня очень многому и на скамьяхъ Лицея и позже.

◇ *РИС. 87* ◇

308. «О ПРЕДИСЛОВІИ ГОСПОДИНА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА», Журнальныя статьи, 1825.

Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ—представители духа обоихъ народовъ.

309. Кн. П. А. Вяземскій — Пушкину, 1825 г.

Статья твоя о Лемонтеѣ очень хороша... Но что такое за предстательство Крылова?.. Какъ ни говори, а въ умѣ Крылова есть все же что-то лакейское: лукавство, брань изъ-за угла, трусость передъ господами, все это перемѣшано вмѣстѣ. Можетъ быть, тутъ есть и черты народныя, но по крайней мѣрѣ не намъ признаваться въ нихъ и не намъ ими хвастаться передъ иностранцами.

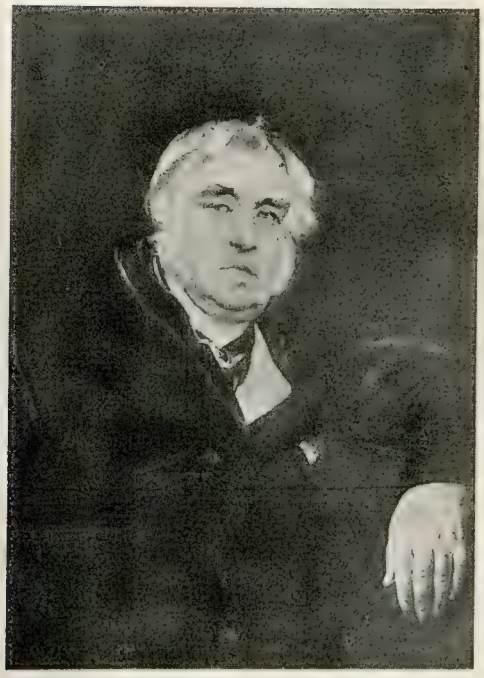
310. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, ноябрь 1825 г., изъ Михайловскаго.

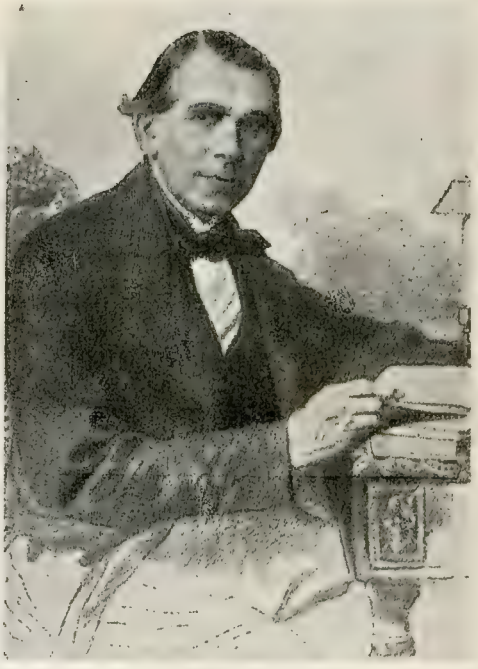
Ты уморительно критикуешь Крылова: «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума». Я назвалъ его представителемъ д у х а русскаго народа — не ручаюсь, чтобы онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша...

◇ *РИС. 88* ◇

311. П. А. Плетневъ, «Сѣверные цвѣты». (О «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ»).

Мы не успѣли еще открыть всѣхъ поэтическихъ сторонъ своего отечества, его исторіи, и особенно того способа, какъ имъ надо пользоваться въ поэзіи. Истинный геній... съ перваго раза чувствуетъ поэзію своего новаго предмета, поэзію его изложенія, не отнимая у него красотъ времени и мѣста. Это можно ясно видѣть, читая разсматриваемое нами новое произведеніе Пушкина. Оно должно быть образцомъ для всѣхъ покушающихся писать въ этомъ родѣ.





РАЗДѢЛЪ II

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА
ДРУЗЬЯ И СОВРЕМЕННИКИ

Рис. 89.
Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ.

1745—1841.

Портретъ О. А. Кипренскаго.

Крупный государственный дѣятель и вліятельный писатель; вдохновитель и учредитель «Бесѣды любителей Россійскаго слова», цитадели литературнаго старовѣрчества; краснорѣчивый защитникъ «архаизма» въ области русскаго языка, не признававшій за нимъ самостоятельнаго существованія внѣ языка славянскаго и пытавшійся практически возстановить «чистоту» русскаго языка путемъ производства новыхъ словъ отъ старыхъ корней; идеологъ воинствующаго національнаго, въ этомъ качествѣ призванный Императоромъ Александромъ I себѣ въ помощь въ 12-мъ году и составившій себѣ славу какъ авторъ знаменитыхъ патріотическихъ манифестовъ и воззваній того времени. Являя примѣръ исключительнаго личнаго безкорыстія, благородства и самоотверженія, Шишковъ въ отстаиваніи своихъ убѣжденій доходилъ до крайностей, выразившихся въ частности въ борьбѣ его съ митрополитомъ Филаретомъ, какъ сторонникомъ перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ. Пушкинъ отдалъ дань въ юности модному зубоскальству надъ крайностями шишковскаго «пуризма», но впослѣдствіи, когда Шишковъ былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, пылко привѣтствовалъ его. Избраніе Пушкина въ члены Россійской академіи (7 января 1833 г.) состоялось по предложенію Шишкова, бывшаго въ то время ея президентомъ.

Рис. 90.
Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

1760—1837.

Извѣстный поэтъ, по преимуществу баснописецъ; противникъ высокопарнаго жанра (огромное впечатлѣніе произвела его сатира «Чужой толкъ»), приблизившій поэзію къ жизни и въ этомъ отношеніи стоящій, въ исторіи русскаго языка, рядомъ со своимъ другомъ, нѣсколько его младшимъ, Н. М. Карамзинымъ. «Говоритъ, какъ пишетъ, а пишетъ такъ же сладостно, остро и краснорѣчиво, какъ говоритъ», — замѣтилъ о немъ Батюшковъ. Рано отойдя отъ литературы, продолжалъ находиться въ ближайшемъ общеніи съ литературнымъ міромъ и, занимаясь государственною службою, въ которой очень преуспѣвалъ и достигъ сановнаго положенія, до конца своихъ дней жилъ литературными интересами. Пушкинъ не переоцѣнивалъ достоинствъ Дмитріева, какъ писателя, но относился къ нему съ большимъ, тщательно имъ подчеркиваемымъ уваженіемъ. При писаніи «Исторіи пугачевскаго бунта» Пушкинъ пользовался показаніями Дмитріева, бывшаго свидѣтелемъ казни Пугачева. Дмитріевъ зналъ Пушкина съ дѣтскихъ лѣтъ, такъ какъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ его отцомъ и дядею.

Рис. 91.
Фельдмаршалъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, свѣтлѣйшій князь Смоленскій.

1745—1813.

Гравюра Гопвуда.

Знаменитый военачальникъ, вошедшій въ русскую исторію, главнымъ образомъ, какъ Главнокомандующій русскими арміями въ Отечественную войну, смѣнившій вызывавшаго общее недовольство Барклая-де-Толли. — Пушкинъ глубоко задумывался надъ этими двумя замѣчательными людьми. Кутузовъ стоялъ въ его глазахъ чрезвычайно высоко, и, когда въ 1831 году Пушкинъ находился въ тревогѣ по случаю событій въ Польшѣ, мысль его летѣла къ почившему герою Отечественной войны, и, «передъ гробницей святой», онъ спрашивалъ его тѣнь:

«Явись — и данію своей
«Намъ укажи, въ толпѣ вождей
«Кто твой наслѣдникъ, твой избранной».

Личность Барклая и своими свойствами и трагическою судьбою своею также влекла къ себѣ Пушкина съ особенною силою, что и было имъ выражено въ прочувствованномъ стихотвореніи «Полководецъ» (1835 г.). Это стихотвореніе вызвало толки, и Пушкину пришлось печатно опровергать мнѣніе, будто его хвала Барклаю является порицаніемъ Кутузову.

Рис. 92.
Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

1754—1845.

Портретъ Доу.

Адмиралъ; членъ государственнаго совѣта; знаменитый государственный дѣятель и экономистъ временъ Александра I и Николая I, извѣстный своею безкорыстною преданностью государственнымъ интересамъ и твердостью въ отстаиваніи своихъ взглядовъ, весьма незаурядныхъ. Ученикъ Адама Смита и Бентама, съ послѣднимъ изъ которыхъ находился въ перепискѣ; свободолюбецъ-англоманъ и сторонникъ аристократическаго конституціонализма (по слову Пушкина «заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію»),—Мордвиновъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденнымъ протекціонистомъ, съ одной стороны, и «крѣпостникомъ», съ другой, считая, что Россія только медленно и постепенно можетъ стать страною крупной и мелкой земельной собственности. Записки Мордвинова, подававшіяся имъ правительству по разнымъ вопросамъ экономики и политики, составили ему громкую славу среди современниковъ, а обаятельность личнаго общенія создала друзей въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества: Мордвиновъ, будучи ближайшимъ другомъ Шишкова, могъ одновременно имѣть своимъ постояннымъ собесѣдникомъ маніакальнаго врага крѣпостного права, Н. И. Тургенева, будущаго декабриста, брата А. И. Тургенева. Пушкинъ почтилъ Мордвинова посланіемъ, хотя и не былъ лично съ нимъ близокъ.

◇ *РИС. 89* ◇

312. С. Т. Аксаковъ. «Воспоминанія о А. С. Шишковѣ».

Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшного и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ злоязычіе человѣческое. Но, откинувъ въ сторону всѣ тонкія разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго брата, нельзя не сознаться, что проходя обширное многозначительное поприще службы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ государства, начавъ съ Морского кадетскаго корпуса, гдѣ Шишковъ былъ при Екатеринѣ учителемъ, дойдя до высокаго поста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 году, — Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу; но и для достиженія этой святой цѣли никакихъ уступокъ онъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному царю лично не льстилъ: онъ искренно вѣрилъ, что цари отъ Бога, и былъ преданъ всею душою царскому сану, благоговѣлъ передъ нимъ. Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному царю; но, стоя на колѣнахъ, онъ говорилъ: «Не дѣлай этого, государь, это не хорошо». Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга нерѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Эту твердость называли упрямствомъ, изувѣрствомъ; но, Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени поболѣе этого упрямства, этой горячей ревности! На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ плѣнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ потому, что считалъ это увлеченіе вреднымъ; возсталъ одинъ противъ несмѣтнаго полчища поклонниковъ торжествующей новизны, сильныхъ и раздражительныхъ; онъ былъ осмѣянъ, униженъ, ненавидимъ, гонимъ общественнымъ мнѣніемъ большинства... но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Старовѣръ, гасильникъ, славянофилъ Шишковъ — открылъ, можетъ быть, глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово... Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насъ. Имя Шишкова, какъ литератора, какъ общественнаго и нравственнаго писателя, какъ государственнаго человѣка, какъ двигателя своей эпохи, — займетъ почтенное мѣсто на ея страницахъ, и потомство съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ мы, станетъ повторять стихи Пушкина...

313. «ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ», 1824.

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ,
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ:
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ Русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ...

Прим. ред.: Два стиха, набранные курсивомъ, были написаны золотыми буквами подъ бюстомъ А. С. Шишкова, стоявшимъ въ Академіи Наукъ.

314. Пушкинъ — Н. И. Гречу, 21 сент. 1821 г., изъ Кишинева.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чаадаеву: ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal; оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ.

◇ *РИС. 90* ◇

315. Пушкинъ — И. И. Дмитріеву, 14 февраля 1835 г., изъ С.-Петербурга.

Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо Вашего Высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не поставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Иванозича *(Пугачева)*, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скудостью, но и неблагодарностью: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

316. Пушкинъ — И. И. Дмитріеву, 26 апрѣля 1835 г., изъ С.-Петербурга.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю мою благодарность Вашему Высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

◇ *РИС. 91* ◇

317. «ОБЪЯСНЕНІЕ О СТИХОТВОРЕНІИ «ПОЛКОВОДЕЦЪ», 1836.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

◇ *РИС. 92* ◇

318. «Н. С. МОРДВИНОВУ», 1825.

Мордвиновъ! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго піита!...

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ, мутясь,
И увиваются, и плещутъ...

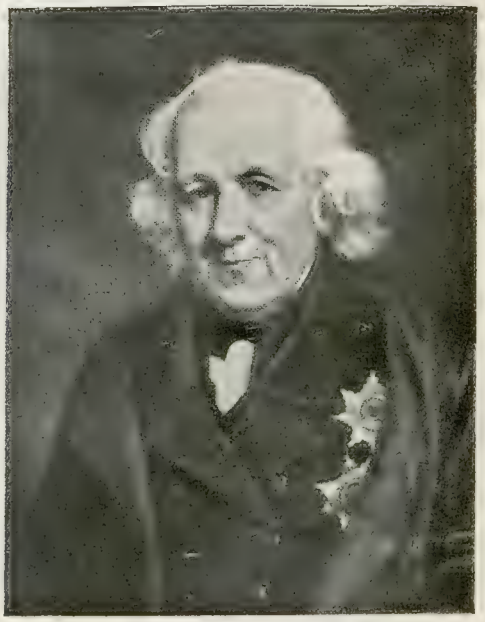


Рис. 93.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

1795—1829.

Портретъ И. Н. Крамского.

Геніальный авторъ «Горе отъ ума», не написавшій ничего значительнаго, кромѣ этой неувядающей комедіи. — Съ 1827 года занималъ постъ Россійскаго посланника въ Персіи, гдѣ и погибъ на подъемѣ блистательной карьеры, которую не оборвало даже обвиненіе въ близости къ декабристамъ. Помимо литературнаго дарованія, Грибоѣдовъ отличался рѣдкою широтою образованія и былъ страстнымъ и глубокимъ музыкантомъ; принадлежа къ старой школѣ («архаистовъ»), чувствовалъ особую любовь къ Библіи. О Грибоѣдовѣ, еще непризнанномъ, Пушкинъ говорилъ: «Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одной егерской ротой, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Рис. 94.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

1784—1839.

Портретъ О. А. Кипренскаго.

Знаменитый партизанъ 1812 года, военный писатель и поэтъ, членъ «Арзамаса» (съ прозвищемъ «Армянинъ»). Своей удалой, «гусарской» поэзіей («проказливая лира») оказалъ воздѣйствіе на юнаго Пушкина (по словамъ кн. Вяземскаго, Пушкинъ говорилъ, что подражаетъ Давыдову «въ крученіи стиха»), чтобы затѣмъ подчиниться поэтическому вліянію своего молодого друга. Давыдовъ и какъ поэтъ и какъ военный писатель принималъ дѣятельное участіе въ пушкинскомъ «Современникѣ». Пушкинъ особенно цѣнилъ «неподражаемый» языкъ Давыдова: «Сенковскому учить тебя русскому языку — все равно, что езнуху учить Потемкина», — писалъ онъ ему въ 1835 году, узнавъ, что Сенковскій позволяетъ себѣ «исправлять» слогъ Давыдова. Услугами Давыдова Пушкинъ пользовался при составленіи «Исторіи пугачевскаго бунта».

Рис. 95.

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

1795—1826.

Аквар. рис. О. А. Кипренскаго.

Поэтъ-декабристъ, казненный за участіе въ бунтѣ. Человѣкъ строптивый, страстный и обладавшій пламеннымъ гражданскимъ темпераментомъ, Рылѣевъ вложилъ эти чувства въ свою поэзію, въ которой, начавъ съ Думъ, «составленныхъ изъ общихъ мѣстъ», постепенно шелъ впередъ, пріобрѣтя въ «Войнаровскомъ» «слогъ истинно повѣствовательный» и многое обѣщая въ будущемъ (Пушкинъ). Впрочемъ, поэзія не была для него цѣлью жизни: Рылѣевъ жаждалъ подвига и влекъ къ нему другихъ. «Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія, глаза его горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ силы и огня» (А. В. Никитенко). Въ заточеніи въ душѣ Рылѣева произошелъ переломъ: онъ примирился съ Государемъ и со своею судьбою, проникшись глубокою вѣрою.

«Весь міръ, какъ смрадная могила!
«Душа изъ тѣла рвется вонъ.
«Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
«Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
«Приникни на мое моленье,
«Вонми смиренію души,
«Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
«А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
«И духъ отъ тѣла разрѣши».

Нельзя безъ глубокаго волненія читать его послѣднее письмо къ женѣ, написанное передъ казнью — такимъ миромъ душезнымъ, такою неколебимою вѣрою проникнуто оно.

Рис. 96.

Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій.

1797—1837.

Блестящій офицеръ; романистъ и критикъ, нынѣ забытый, но въ свое время гремѣвшій на всю Россію («Пушкинъ прозы!»); писалъ подъ псевдонимомъ «Марлинскаго», по имени мѣстечка Марли подъ Петергофомъ, гдѣ, въ бытность Бестужева юнкеромъ, стоялъ его эскадронъ. Лучшую характеристику далъ о бѣ самъ въ письмѣ къ брату Павлу въ 1833 году: «Рѣдко можно найти въ одномъ человѣкѣ, какъ во мнѣ, столько здраваго смысла и столь безумнаго воображенія вмѣстѣ. Правда, я предаюсь иногда глупостямъ по разсчету и, разъ приложивъ фитиль къ затравкѣ, кто удержитъ ядро? Вотъ я! Прибавь къ этому избытокъ силъ физическихъ и агентозъ природы; и ты поймешь меня». А. А. находился въ рядахъ декабристовъ, но поплатился только ссылкою, въ теченіе которой испыталъ значительный внутренній сдвигъ, примирившій его съ Государемъ и приблизившій его къ Церкви — правда, не въ такой мѣрѣ, чтобы до конца раздѣлить консервативное политическое міровоззрѣніе Пушкина. Въ 1829 году А. А. былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ и погибъ, 7 іюля 1837 года, при высадкѣ на мысъ Адлеръ, уже будучи георгіевскимъ кавалеромъ и прапорщикомъ. Съ Пушкинымъ онъ былъ связанъ дружбою скорѣе ума, чѣмъ сердца, которая выразилась въ оживленной перепискѣ. Вмѣстѣ съ Рылѣевымъ издавалъ журналъ «Полярная Звѣзда», въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ. А. А. остро ощутилъ смерть Пушкина, въ которой почувствовалъ знакъ и своей скорой смерти.

◇ *РИС. 93* ◇

319. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, январь 1825 г., изъ Михайловскаго.

Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу... Слушая комедію, я не критиковалъ, а наслаждался.

320. «ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ», 1829.

Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. — Откуда вы? — спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — *Грибоѣда.* — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно... Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.

◇ *РИС. 94* ◇

321. М. В. Юзефовичъ, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1880.

Въ бывшихъ у насъ литературныхъ бесѣдахъ, я разъ сдѣлалъ Пушкину вопросъ, всегда меня занимавшій: какъ онъ не поддался тогдашнему обаянію Жуковскаго и Батюшкова и, даже въ самыхъ первыхъ своихъ опытахъ, не сдѣлался подражателемъ ни того, ни другого? Пушкинъ мнѣ отвѣчалъ, что этимъ онъ обязанъ Денису Давыдову, который далъ ему почувствовать еще въ Лицеѣ возможность быть оригинальнымъ.

322. «Д. В. ДАВЫДОВУ», 1836.

(*При посылкѣ «Исторіи пугачевскаго бунта»*).

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я старую Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной
И тутъ — о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ. *

---

* За два года до этого посланія, Давыдовъ писалъ Пушкину: «созѣстно мнѣ посылать тебѣ мои пустыя сердечныя бредни, но, если прикажешь, я исполню волю моего парнасскаго отца и командира».

◇ *РИС. 95* ◇

323. К. Ѳ. Рылѣевъ — Пушкину, 1825 г.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ и по мыслямъ. Пущинъ познакомитъ насъ короче.

324. Пушкинъ — К. Ѳ. Рылѣеву, 25 янв. 1825 г., изъ Михайловскаго.

Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились.

325. Пушкинъ — А. А. Бестужеву, 21-24 марта 1825 г., изъ Михайловскаго.

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ да болѣе, болѣе!

326. К. Ѳ. Рылѣевъ — Пушкину, 1825 г.

Пушкинъ, ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій, и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе. Прощай, чудотворецъ.

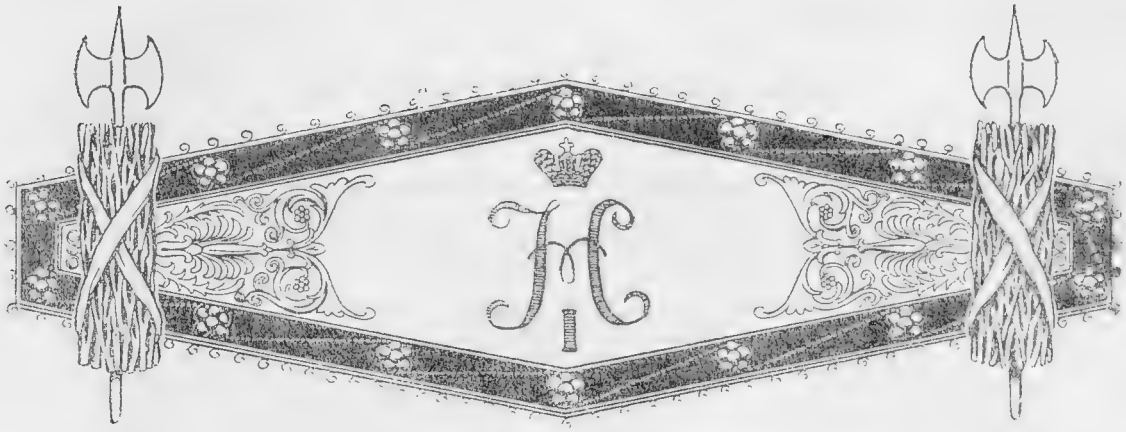
327. К. Ѳ. Рылѣевъ — Пушкину, 1825.

Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ...

◇ *РИС. 96* ◇

328. А. А. Бестужевъ-Марлинскій, «Московскій Телеграфъ», 1833.

Еще Русь отзывалась грустными напѣвами Жуковскаго, еще передъ очами нашими носились туманные образы его поэзіи, еще сердце теплилось его неземною любовью, его отрадными надеждами замогильными, когда блеснулъ Александръ Пушкинъ, рѣзвый, дерзкій Пушкинъ, почти ровесникъ своему вѣку и вполнѣ родной своему народу. Овладѣвъ языкомъ, овладѣвъ страстями до глубины души, онъ скоро могъ сказать вниманію публики: мое! Сначала причудливый какъ Потемкинъ, онъ бросалъ жемчугъ свой въ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; но, заплативъ дань Лафару и Парни, расхлаживъ съ Донъ-Жуаномъ, Пушкинъ сбросилъ долой плащъ Байрона и въ послѣднихъ твореніяхъ явился горцъ и самобытенъ.



РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА

Рис. 97.
14-ое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ.
Рисунокъ Кольмана.

Рис. 98.
Камера декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ.
Рисунокъ декабриста шт.-кап. Н. П. Рѣпина, 1829 г.
Налѣво, на кровати, съ книгою—И. А. Анненковъ; на переднемъ планѣ, стоитъ—Крюковъ; направо, сидятъ—князь А. И. Барятинскій и баронъ А. Е. Розенъ (съ трубкою).

То, что произошло 14 декабря на Сенатской площади въ Петербургѣ, по мѣткому выраженію кн. П. А. Вяземскаго, «было, такъ сказать, критикою вооруженной рукой на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, то-есть Исторію Государства Россійскаго». Это понималъ прекрасно Карамзинъ: «Я,—писалъ онъ — мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ». Въ какую бездну была бы опрокинута Россія, если бы мятежъ не былъ подавленъ, стали сознавать очень быстро сами мятежники — отчасти уже на площади, отчасти въ казематахъ, когда имъ пришлось отдавать отчетъ въ содѣянномъ Царю и своей совѣсти. Знали ли они, что творили? Даже вождь декабристовъ, радикальный Пестель испытывалъ страхъ передъ возможной революціей; извѣстно, что онъ говорилъ о «происшествіяхъ, бывшихъ во Франціи во время революціи», какъ объ «ужасныхъ». «Какіе безумцы! Они не знаютъ ни отечества своего, ни духа народнаго», воскликнулъ Хомяковъ. «Обычно сапожники дѣлаютъ революцію, чтобы стать господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками», горько съострилъ умиравшій въ Парижѣ Ростопчинъ. «Народъ безмолствовалъ» во время этого барскаго штурма самодержавія; если солдаты участвовали въ немъ, то лишь подчиняясь начальникамъ, которые прибѣгали къ обману, играя на вѣрноподданническихъ чувствахъ русскаго человѣка.

Пушкинъ принадлежалъ къ средѣ, которая 14 декабря оказалась на площади. Пусть по характеру своему былъ онъ далекъ отъ революціи; пусть раньше, чѣмъ кто-либо изъ его друзей, онъ сталъ понимать безнадежность и вредоносность безотвѣтственнаго радикализма, которымъ самъ бравировалъ: «декабризмъ» былъ неотъемлемою частью личной жизни Пушкина. «Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда;— писалъ Пушкинъ Вяземскому въ 1826 году, — но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова». «Въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся твои стихи», сообщалъ Пушкину Жуковскій. «Кто изъ молодыхъ людей не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою?» — спрашивалъ декабристъ Штейнгель. «Рукописныхъ экземпляровъ вольнодумческихъ сочиненій Пушкина и прочихъ столько по полкамъ, что это насъ самихъ удивляло», показывалъ на слѣдствіи А. Бестужевъ. По приказу Государя: «изъ дѣла вынуть и сжечь всѣ возмутительныя стихи», были во множествѣ уничтожены копіи пушкинскихъ стихотвореній. Въ дѣлахъ сохранился лишь «Кинжалъ», на оборотѣ коего имѣлись важныя показанія: эти стихи «съ Высочайшаго соизволенія помаралъ военный министръ А. Татищевъ». Если иныя «возмутительныя» стихотворенія и не принадлежали Пушкину,—все равно, его перу приписывалось все, что носило печать таланта.—Будь Пушкинъ 14 декабря въ Петербургѣ, онъ, въ силу чувства лояльности къ товарищамъ своей молодости, очутился бы вѣрнѣе всего на Сенатской площади: только случайность помѣшала ему быть въ столицѣ. Свое чудесное спасеніе Пушкинъ воспѣлъ въ стихотвореніи «Аріонъ»:

«Лишь я, таинственный пѣвецъ,
«На берегъ выброшенъ грозою,
«Я гимны прежніе пою,
«И ризу влажную мою
«Сушу на солнцѣ, подъ скалою».

Когда возстаніе свершилось, Пушкинъ проявилъ къ нему двойственное отношеніе: остался лично вѣренъ своимъ друзьямъ-декабристамъ на всю жизнь, но отнесся съ полною объективностью къ событію. «Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія приговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого Государя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни — какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира», писалъ онъ изъ Михайловскаго Дельвигу. Зная о своей непричастности къ заговору, онъ ходатайствовалъ черезъ друзей о разрѣшеніи вернуться, и, возлагая надежды на новаго Государя, подалъ ему соотвѣтственное прошеніе. Тяжесть приговора надъ декабристами поразила Пушкина и нѣсколько оттолкнула отъ Императора Николая; только личная встрѣча примирила Пушкина съ Государемъ, уже на всю жизнь. Съ этого момента Пушкинъ окончательно становится тѣмъ «либеральнымъ консерваторомъ», какимъ онъ остался до конца своихъ дней, сохраняя при этомъ, однако, неизмѣнную, нѣжную любовь къ своимъ сосланнымъ друзьямъ и непрестанно обращаясь къ нимъ мыслью.

◇ *РИС. 97 и 98* ◇

329. М. П. Погодинъ. «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ».

Вотъ разсказъ Пушкина, не разъ слышанный мною при посторонникъ лицахъ. Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра I и происходившихъ вслѣдствіе сего колебаніяхъ о престолонаслѣдіи дошло до Михайловскаго около 10 декабря. Пушкину давно хотѣлось увидѣться съ его петербургскими пріятелями. Разсчитывая, что при такихъ важныхъ обстоятельствахъ не обратятъ строгаго вниманія на его непослушаніе, онъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ... Онъ положилъ заѣхать сперва на квартиру къ Рылѣеву, и отъ него запастись свѣдѣніями. Итакъ, Пушкинъ приказываетъ готовить повозку, а слугѣ собираться съ нимъ въ Питеръ; самъ же ѣдетъ проститься съ тригорскими сосѣдками. Но вотъ, на пути въ Тригорское, заяцъ перебѣгаетъ черезъ дорогу; на возвратномъ пути, изъ Тригорскаго въ Михайловское—еще разъ заяцъ! Пушкинъ въ досадѣ пріѣзжаетъ домой; ему докладываютъ, что слуга, назначенный съ нимъ ѣхать, заболѣлъ вдругъ сѣлою горячкою. Распоряженіе поручается другому. Наконецъ, повозка заложена, трогаются отъ подъѣзда. Глядь, въ воротахъ встрѣчается священникъ, который шелъ проститься съ отъѣзжающимъ бариномъ. Всѣ эти встрѣчи не подъ силу суевѣрному Пушкину; онъ возвращается отъ воротъ домой и остается у себя въ деревнѣ.

«А вотъ каковы были бы послѣдствія моей поѣздки, — прибавлялъ Пушкинъ. — Я разсчитывалъ пріѣхать въ Петербургъ поздно вечеромъ, чтобы не огласился слишкомъ скоро мой пріѣздъ, и, слѣдовательно, попалъ бы къ Рылѣеву прямо на совѣщаніе 13 декабря. Меня приняли бы съ восторгомъ; вѣроятно, я попалъ бы съ прочими на Сенатскую площадь, и не сидѣлъ бы теперь съ вами, мои милые!»

330. Кн. М. Н. Волконская. «Записки».

Во время добровольнаго изгнанія насъ, женъ сосланныхъ въ Сибирь, онъ былъ полонъ самаго искренняго восхищенія: онъ хотѣлъ передать мнѣ свое «Посланіе къ узникамъ» для врученія имъ, но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ передалъ его Александринѣ Муравьевой. Вотъ оно:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
«Храните гордое терпѣнье:
«Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
«И думъ высокое стремленье.

«Несчастью вѣрная сестра,
«Надежда въ мрачномъ подземельѣ
«Разбудитъ бодрость и веселье;
«Придетъ желанная пора.

«Любовь и дружество до васъ
«Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
«Какъ въ ваши каторжныя норы
«Доходитъ мой свободный гласъ;

«Оковы тяжкія падутъ,
«Темницы рухнутъ — и свобода
«Васъ приметъ радостно у входа,
«И братья мечъ вамъ отдадутъ».

Пушкинъ говорилъ мнѣ: «я хочу написать сочиненіе о Пугачевѣ. Я отправлюсь на мѣста, перевалю черезъ Уралъ, проѣду дальше и приду просить у васъ убѣжища въ Нерчинскихъ рудникахъ». Онъ написалъ свою прекрасную книгу, которая привела всѣхъ насъ въ восхищенье, но въ нашъ край такъ и не попала.

331. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», отрывокъ изъ 10-й главы, уничтоженной Пушкинымъ, но возстановленной по зашифрованному черновику.

Все это были заговоры
Между лафитомъ и клико,
Куплеты, дружескіе споры,
И не входила глубоко
Въ сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,
Забавы взрослыхъ шалуновъ...

332. «ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ». 1827.

15 октября 1827 г.—Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ прочитать я первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, — сказалъ я хозяйкѣ. — «Да», отвѣчала она: «ихъ нынче отвозятъ назадъ». — Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ съ черной бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ — и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостію на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ къ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

333. В. К. Кюхельбекеръ—Пушкину, 12 февраля 1836 г.

Мой долгъ прежде всѣхъ лицейскихъ товарищей вспомнить о тебѣ въ минуту, когда считаю себя свободнымъ писать къ вамъ; долгъ, потому что и ты же болѣе всѣхъ прочихъ помнилъ о вашемъ затворникѣ... Мнѣ особенно пріятно было, что ты, поэтъ, болѣе нашихъ прозаиковъ заботишься обо мнѣ: это служило мнѣ вмѣсто яснаго опроверженія всего того, что господа люди хладнокровные и разсудительные обыкновенно взводятъ на грѣшныхъ служителей стиха и риемы. У нихъ поэтъ и человѣкъ не дѣльный одно и то же; а вотъ же Пушкинъ оказался другомъ гораздо болѣе дѣльнымъ, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ.

— ——

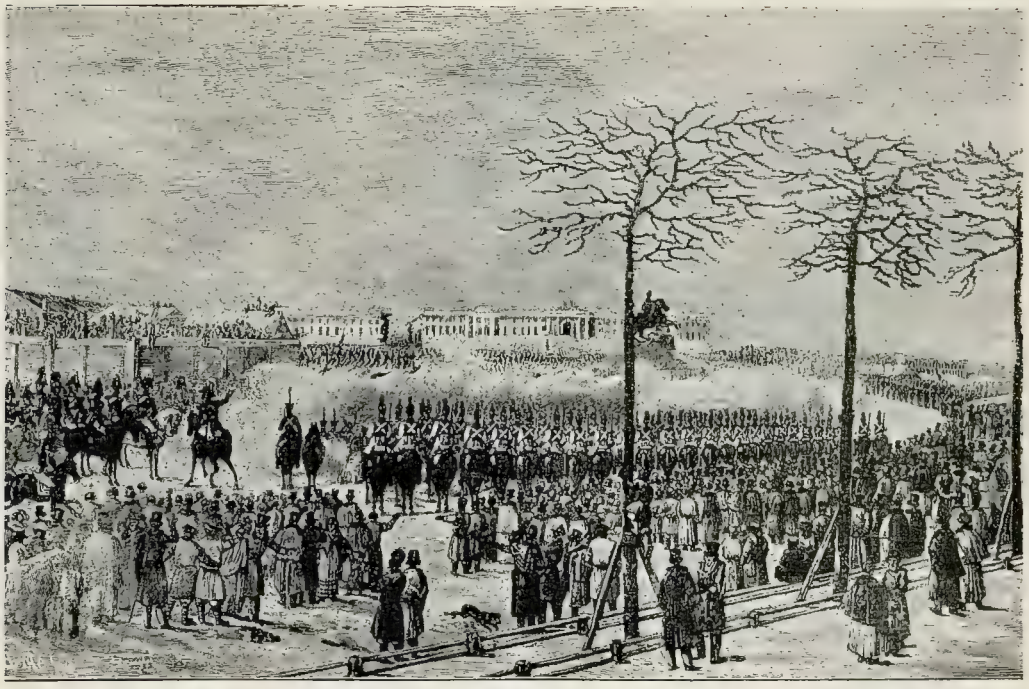


Рис. 99. Сентябрь 1826

Фельдъегерь.

Картина А. О. Орловскаго.

Еще въ маѣ 1826 года Пушкинъ обратился къ молодому Императору Николаю I съ ходатайствомъ о разрѣшеніи выѣхать изъ Михайловскаго для лѣченія въ Москву, Петербургъ или чужіе края. Въ концѣ августа, въ дни коронаціонныхъ торжествъ, Императоръ вспомнилъ о просьбѣ Пушкина и приказалъ доставить его въ Москву, для чего за нимъ былъ посланъ спеціальный фельдъегерь Вальшъ. Третьяго сентября Вальшъ былъ въ Псковѣ, а пятаго въ Михайловскомъ неожиданно появилась телѣжка съ чиновникомъ отъ псковскаго губернатора фонъ-Адеркаса. Перепугалъ всѣхъ, а особенно няню Арину Родіоновну, губернаторскій посланецъ, далъ Пушкину только переодѣться и захватить деньги, доставилъ его въ Псковъ. «Я предполагаю, что мой неожиданный отъѣздъ съ фельдъегеремъ поразилъ васъ такъ же, какъ и меня,—писалъ Пушкинъ изъ Пскова П. А. Осиповой.—Вотъ фактъ: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъегеря. Мнѣ даютъ его для вящшей безопасности. Послѣ любезнѣйшаго письма барона Дибича зависитъ только отъ меня очень этимъ возгордиться. Я ѣду прямо въ Москву, гдѣ разсчитываю быть 8 числа текущаго мѣсяца: какъ только буду свободенъ, со всею поспѣшностью возвращусь въ Тригорское, къ которому отнынѣ сердце мое привязано навсегда». Путь въ Москву былъ совершенъ съ «молніеобразною», по тогдашнимъ понятіямъ, быстротою. 8-го сентября утромъ Пушкинъ съ фельдъегеремъ уже въѣзжалъ въ Москву, направляясь прямо въ Кремль.

Рис. 100.

Николаевскій дворецъ въ Кремлѣ.

Рисунокъ М. Воробьева.

Здѣсь произошло первое свиданіе Императора Николая I съ Пушкинымъ. Большого Кремлевскаго дворца тогда еще не было. Знаменательная встрѣча состоялась 8 сентября 1826 года, т. е. въ тотъ же день, когда Пушкинъ прибылъ въ Москву. — «По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ былъ введенъ прямо въ кабинетъ Государя; дверь замкнулась, и, когда снова отворилась, Пушкинъ вышелъ со слезами на глазахъ бодрымъ, веселымъ, счастливымъ. Государь его принялъ, какъ отецъ сына, все ему простилъ, все забылъ, обѣщалъ покровительство свое», позднѣйшее объ этомъ свиданіи, въ своихъ «Памятныхъ замѣткахъ» хорошо освѣдомленный Н. М. Смирновъ (мужъ А. О. Россетъ-Смирновой). Самъ Пушкинъ о встрѣчѣ съ Государемъ разсказывалъ такъ (въ передачѣ А. Г. Хомутовой): «Фельдъегерь вырвалъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня привели въ кабинетъ Императора, который сказалъ мнѣ: — «Здравствуй, Пушкинъ, дозоленъ ты своимъ возвращеніемъ?» Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:—«Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?» — «Непремѣнно, Государь, всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога». — «Довольно ты подурачился, — возразилъ Императоръ, — надѣюсь, теперь ты будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ». По разсказу Арк. Ос. Россета, Императоръ Николай во время аудіенціи спросилъ между прочимъ Пушкина: «Что же ты теперь пишешь?» — «Почти ничего, Ваше Величество: цензура очень строга». «Зачѣмъ же ты пишешь такое, чего не пропускаетъ цензура?» — «Цензура не пропускаетъ и самыхъ невинныхъ вещей: она дѣйствуетъ крайне неразсудительно». — «Ну, такъ я самъ буду твоимъ цензоромъ, — сказалъ Государь.—Присылай мнѣ все, что напишешь». Княгиня В. Ѳ. Вяземская разсказывала впослѣдствіи, что помнитъ только заключительныя слова бесѣды Пушкина съ царемъ, который сказалъ: «Ну, теперь ты не прежній Пушкинъ, а мой Пушкинъ».

Въ 1937 году польскія «Литературныя Вѣдомости» (№ 52—53) перепечатали забытый отрывокъ изъ воспоминаній графа Ю. Ф. Струтынскаго, содержащій обстоятельный разсказъ Пушкина о свиданіи его съ Государемъ. По свидѣтельству Струтынскаго, Пушкинъ разсказывалъ ему, съ какимъ враждебнымъ настроеніемъ шелъ онъ къ Царю... «И что же? Все исчезло, испарилось, лопнуло, какъ мыльный пузырь, когда я увидѣлъ его, когда онъ со мной заговорилъ. Вмѣсто гордаго деспота... я увидалъ подлиннаго монарха во всемъ ореолѣ рыцарскаго благородства... я услышалъ мягкій упрекъ, высказанный полнымъ снисходительности и глубокаго пониманія голосомъ. «И ты, — сказалъ мнѣ государь, — и ты врагъ своего императора? Ты? Ты, котораго Россія покрыла славой? Пушкинъ! Пушкинъ! Такъ не можетъ быть, Такъ не должно быть!» — Я онѣмѣлъ отъ удивленія и неожиданности. Слова замерли на устахъ. Императоръ молчалъ, а мнѣ казалось, что голосъ его еще звучитъ въ моихъ ушахъ»... Такъ описываетъ, со словъ Пушкина, начало этой исторической бесѣды Струтынскій. — «Въ тотъ же день на балу у маршала Мармона, герцога Рагузскаго, королевско-французскаго посла, — передаетъ П. И. Бартеневъ, — Государь подозвалъ къ себѣ графа Блудова и сказалъ ему: — «Знаешь, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи». На вопросительное недоумѣніе Блудова, Николай Павловичъ назвалъ Пушкина».

◇ *РИС. 99 и 100* ◇

334. Пушкинъ—В. А. Жуковскому, январь 1826 г., изъ Михайловскаго.

Мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ Государемъ; не хочу охмелить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я къ заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; не оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которыя, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно. Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю — не стѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc... Кажется, можно сказать Царю: Ваше Величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли, наконецъ, позволить ему вернуться?

335. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу, половина января 1826 г., изъ Михайловскаго.

Никогда я не провозглашалъ ни возмущеній, ни революціи, — напротивъ. Какъ бы то ни было, я желалъ бы в п о л н ѣ и и с к р е н н о помириться съ правительствомъ, и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

336. ПРОШЕНІЕ ПУШКИНА НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ, 11 мая 1826 г., изъ Михайловскаго.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ, съ надеждою на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма, давно требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего, или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Александръ Пушкинъ.

337. Бар. И. И. Дибичъ—псковскому губернатору Б. А. фонъ-Адеркасу, 31 авг. 1826 г., Москва.

Секретно. Г. Псковскому гражданскому губернатору. По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшей просьбѣ, прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство, находящемуся во ввѣренной вамъ губерніи чиновнику 10 класса Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при присылаемомъ вмѣстѣ съ симъ нарочнымъ фельдъегеремъ. Г. Пушкинъ можетъ ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, не въ видѣ арестанта, но въ сопровожденіи только фельдъегеря; по прибытіи же въ Москву имѣетъ прямо явиться къ дежурному генералу главнаго штаба.

338. Б. А. фонъ-Адеркасъ—Пушкину, 3 сент. 1826 г., Псковъ.

Сей часъ получилъ я прямо изъ Москвы разрѣшеніе по всеподданнѣйшему прошенію вашему. Я не отправляю къ вамъ фельдъегеря, который остается здѣсь до прибытія вашего, прошу васъ поспѣшить пріѣхать сюда и прибыть ко мнѣ.

339. Разсказъ тригорскихъ помѣщицъ, по записи М. И. Семевскаго.

1 или 2 сентября 1826 г. Пушкинъ былъ у насъ; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкинъ былъ особенно веселъ. Часу въ одиннадцатомъ вечера, сестры и я проводили Пушкина въ Михайловское... Вдругъ рано, на разсвѣтѣ, являетъ я къ намъ Арина Родіоновна, няня Пушкина. Она прибѣжала, вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лицо и плечи; она плакала навзрыдъ. Изъ разспроса оказалось, что вчера вечеромъ, незадолго до прихода А. С-ча, въ Михайловское прискакалъ какой-то не то офицеръ, не то солдатъ. Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель, и черезъ полчаса его уже не было. — «Что же взялъ этотъ офицеръ какія-нибудь бумаги съ собою?» — «Нѣтъ, родные, никакихъ бумагъ не взялъ, и ничего въ домѣ не ворошилъ; послѣ только я сама кой-что поуничтожила».—«Что такое?» — «Да сыръ этотъ проклятый, что А. С. кушать любилъ, а я такъ терпѣть его не могу, и духъ-то отъ него, отъ сыра-то этого нѣмецкаго, — такой скверный».

340. Пушкинъ—Н. М. Языкову, 9 ноября 1826 г., изъ Михайловскаго.

Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ —мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная.

341. Адамъ Мицкевичъ, «Біографическое и литературное извѣстіе о Пушкинѣ», «Le Globe», 1837.

Впервые русскій Императоръ бесѣдовалъ о литературѣ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ... Царь побуждалъ поэта продолжать свою работу, онъ даже позволилъ ему печатать все, что тотъ пожелаетъ, не обращаясь въ цензуру. Такъ Пушкинъ создалъ прецедентъ на пользу свободы печати: исторія не должна забывать, что онъ былъ первымъ воспользовавшимся ею въ Россіи. Въ этомъ случаѣ Императоръ обнаружилъ рѣдкую мудрость: онъ сумѣлъ оцѣнить поэта, онъ отгадалъ, что Пушкинъ слишкомъ уменъ, чтобы злоупотребить исключительной привилегіей, и слишкомъ великодушенъ, чтобы не сохранить признательнаго воспоминанія о такой высокой милости.

Рис. 101.
Императоръ Николай I.
Портретъ Доу, гравюра Робинзона.

Взаимоотношенія между Императоромъ Николаемъ I и Пушкинымъ были весьма сложны. Далеко не всѣ стороны характера Пушкина были привлекательны въ глазахъ Царя, и не во всемъ понятенъ и близокъ былъ Царь поэту. Несомнѣнно одно: Царь не только цѣнилъ Пушкина; онъ любилъ и уважалъ его, и тѣмъ же платилъ ему Пушкинъ. Что больше всего привлекало въ Царѣ поэта? Присущія натурѣ Императора высокія нравственныя черты: благородство, рыцарство, прямота, мужество, доходящее до героизма. Пушкинъ не разъ даетъ выходъ своимъ чувствамъ въ стихахъ. Въ 1826 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возстанія декабристовъ и суда надъ ними, онъ пишетъ:

«Въ надеждѣ славы и добра
«Впередъ гляжу я безъ боязни:
«Начало славныхъ дней Петра
«Мрачили мятежи и казни.
«Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
«Во всемъ будь пращуру подобенъ:
«Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
«И памятью, какъ онъ, незлобенъ».

Еще болѣе выразительно стихотвореніе «Друзьямъ», на которомъ верховнымъ цензоромъ было написано: «Это можно распространять, но нельзя печатать». Но наибольшій интересъ представляетъ одно стихотвореніе, которое, отвѣчая на вопросъ, какой видъ героизма кажется Пушкину высшимъ, прикровенно даетъ характеристику Государя. Это—стихотвореніе «Герой», напечатанное впервые въ «Телескопѣ» Надеждина безъ подписи автора. Оно имѣетъ эпиграфомъ вопросъ Пилата: «Что есть истина?» и представляетъ діалогъ между Другомъ и Поэтомъ, имѣющій цѣлью истолковать этотъ вопросъ примѣнительно къ одному эпизоду, связанному съ личностью Наполеона. Поэтъ изъ всѣхъ «избранныхъ славой» отдаетъ первенство Наполеону и, на вопросъ Друга: «Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ своею чудною звѣздой?» — отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, не у Счастія на лонѣ
«Его я вижу, не въ бою,
«Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
«Не тамъ, гдѣ на скалу свою
«Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
«Осмѣянъ прозвищемъ Героя,
«Онъ угасаетъ недвижимъ,
«Плащемъ закрывшись боевымъ;
«Не та картина предо мною:
«Одровъ я вижу длинный строй,
«Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
«Клейменный мощною Чумой,
«Царицею Болѣзней. Онъ,
«Не-бранной смертью окруженъ,
«Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
«И хладно руку жметъ Чумѣ,
«И въ погибающемъ умѣ
«Рождаетъ бодрость... Небесами
«Клянусь: кто жизнію своей
«Игралъ предъ сумрачнымъ Недугомъ,
«Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
«Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
«Каковъ бы ни былъ приговоръ
«Земли слѣпой»!

На замѣчаніе Друга, будто исторія (имѣются въ виду воспоминанія Бурьена) опровергаетъ эту легенду, раздаются знаменитыя слова:

«Да будетъ проклятъ Правды свѣтъ,
«Когда Посредственности хладной,
«Завистливой, къ соблазну жадной
«Онъ угождаетъ праздно. — Нѣтъ,
«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
«Насъ возвышающій обманъ.
«Оставь Герою сердце; что же
«Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!»

Затѣмъ слѣдуетъ непонятная на первый взглядъ реплика Друга, на которой и обрывается стихотвореніе, одно слово: «Утѣшься...». Подъ нимъ стоитъ помѣта: «29 сентября 1830 г. Москва», дающая ключъ ко всему стихотворенію. Пушкина не было въ это время въ Москвѣ: онъ былъ въ Болдинѣ. Но что произошло въ этотъ день въ Москвѣ? — Въ холерную столицу пріѣхалъ Государь, явивъ тѣмъ примѣръ героизма, отвѣчающаго образу Наполеона въ чумныхъ бараках Яффы. «Утѣшься...», говоритъ Другъ: тебѣ не нужно искать «возвышающаго обмана»; пусть «Яффа» оказалась легендою, — «Москва», посѣщеніе ея въ холеру Императоромъ есть правда! — Тайна этого истолкованія была открыта публикѣ непосредственно послѣ смерти Пушкина М. П. Погодинымъ, обнародовавшимъ слѣдующее письмо къ нему Пушкина: «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукой переписанное». «Въ этомъ стихотвореніи самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидятъ, какія чувства питалъ къ нему Пушкинъ, не хотѣвшій, однако жъ, продираться со льстецами», писалъ Погодинъ кн. П. А. Вяземскому, при посылкѣ стихотворенія. «Только по смерти Пушкина, — писалъ Гоголь, — обнаружились его истинныя отношенія къ Государю и тайны двухъ его лучшихъ сочиненій («Герой» и «Къ Н»). Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно... Пушкинъ высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго. Вотъ отчего такъ гордо затрепетало его сердце, когда услышалъ онъ о пріѣздѣ Государя въ Москву во время ужасовъ холеры, — черта, которую едва ли показалъ кто-либо изъ вѣнценосцевъ и которая вызвала у него эти замѣчательные стихи».—Показательно, что въ черновикѣ статьи Пушкина о Радищевѣ имѣется такая запись: «Нынѣ царствующій Императоръ чаще другихъ удостаиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г. во время заразы принадлежитъ будущему историку».

Взаимоотношенія Царя и Поэта, конечно, давали Пушкину не однѣ только радости, но ни разу Пушкинъ не усумнился въ благородствѣ Царя: онъ при всѣхъ условіяхъ выдѣлялъ его личность, возлагая отвѣтственность за то, что вызывало порою негодованіе поэта, на царское окруженіе.

342. Императоръ Николай I, резолюція на запискѣ А. Х. Бенкендорфа о «Борисѣ Годуновѣ», 1826.

Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, если-бъ онъ нужнымъ очищеніемъ переплавилъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ наподобіе Вальтера Скотта.

343. Пушкинъ — А. Х. Бенкендорфу, 3 янв. 1827 г., изъ Москвы.

Согласенъ, что она болѣе сбивается на исторический романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать многое сказанное написанное.

344. «ДРУЗЬЯМЪ». 1828.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царя
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку.
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

345. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Пушкинъ разсказалъ мнѣ о своемъ свиданіи съ бѣднымъ Кюхельбекеромъ, котораго онъ засталъ на почтовой станціи, когда его перевозили въ Динабургъ. Онъ сказалъ: «При первомъ благопріятномъ случаѣ буду просить Государя о снисхожденіи къ нему. Ссылка въ Якутскъ лучше этой тюрьмы и была бы уже милостью; я много о немъ думаю»... Затѣмъ онъ говорилъ мнѣ о Пушкинѣ, Рылѣевѣ, о Бестужевыхъ, объ Одоевскомъ и обѣщалъ дать мнѣ стихи, написанные Одоевскимъ и Рылѣевымъ въ крѣпости; священникъ передалъ имъ Рылѣевой. Бѣдный Аріонъ былъ очень опечаленъ, хотя и спасся самъ отъ крушенія; въ заключеніе онъ прочиталъ мнѣ наизусть французскіе стихи объ Аріонѣ:

Юный Аріонъ, изгнанникъ изъ сердца страхъ,
Причалъ къ берегамъ Коринѳа;
Минерва любитъ этотъ тихій берегъ,
Періандръ достоинъ тебя;
И глаза твои узрятъ тамъ мудреца,
Возсѣдающаго на королевскомъ престолѣ.

Онъ прибавилъ: «Тотъ, кто говорилъ со мною въ Москвѣ, какъ отецъ съ сыномъ въ 1826 году, и есть этотъ мудрецъ». Какъ онъ оригиналенъ; послѣ этихъ словъ лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «Аріонъ присталъ къ берегу Коринѳа».

346. Императоръ Николай I — гр. А. Х. Бенкендорфу, 22 марта 1830 г.

Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и, если возможно, запретить ему журналъ.

347. А. Я. Булгаковъ, «Русск. Арх.», 1901.

(О пріѣздѣ Императора Николая I въ Москву, 8 сентября 1830 г.).

Подъѣхавъ къ дому генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына, Государь не велѣлъ никому трогаться съ мѣста, а только показать одному дорогу къ князеву кабинету. Онъ по своему обыкновенію долго нѣжиться и работать въ постелѣ, недавно всталъ, былъ въ халатѣ со всемъ передъ зеркаломъ маленькимъ, чистилъ ротъ. Вообрази же себѣ удивленіе князя, увидѣвшаго въ зеркалѣ лицо Государя, за нимъ стоявшаго... Онъ вскочилъ со стула испуганный. Первыя слова Государя были: «Надѣюсь, князь, что всѣ въ Москвѣ такъ же здоровы, какъ вы?» — послѣ чего и сталъ разспрашивать князя обо всемъ. Потомъ Его Величество поѣхалъ къ Иверской Божіей Матери, гдѣ молился, стоя на колѣняхъ. Несмѣтная толпа народа сопровождала обожаемаго царя до дворца, гдѣ Его Величество изволилъ переодѣться, принять Филарета и, надѣвъ ленту, пойти въ соборъ. Тутъ встрѣтилъ его митрополитъ со словами: «Благословенъ грядый на спасеніе града сего»... Столица казалась пустой, мертвой, — вдругъ ожившая; забыли о холерѣ и самые трусы: всѣ однимъ заняты — неожиданнымъ прибытіемъ Государя.. Государь-то какой Ангелъ! Всѣмъ извѣстно, какъ онъ любитъ Императрицу и дѣтей своихъ, — онъ оставляетъ непринужденно все, что сердцу его дорого, цѣнно, чтобы летѣть въ Москву, которую ему описали жертвою смертоносной лютой заразы. Это будетъ въ исторіи написано золотыми буквами.

348. Кн. П. А. Вяземскій, «Дневникъ», 6 ноября 1830 г.

Пріѣздъ Государя въ Москву есть точно прекраснѣйшая черта. Тутъ есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновеніе, и преданность, и какое-то христіанское и царское рыцарство, которое очень къ лицу Владыкѣ. Странное дѣло, мы встрѣтились мыслями съ Филаретомъ въ рѣчи его

Государю. На дняхъ въ письмѣ къ Муханову, я говорилъ, что изъ этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видѣли царей въ сраженіи. Моро былъ убитъ при Александрѣ, это хорошо, но тутъ есть военная слава, есть point d'honneur, нося военный мундиръ и не скидывая его никогда, показать себя иногда военнымъ лицомъ. Здѣсь нѣтъ никакого упоенія, нѣтъ славолюбія, нѣтъ обязанности. Выѣздъ Царя изъ города, объятаго заразой, былъ бы напротивъ естественъ и не подлежалъ бы осужденію; слѣдовательно, пріѣздъ Царя въ таковой городъ есть точно подвигъ героическій. Тутъ ужъ не близь Царя — близь смерти, а близь народа — близь смерти.

349. Бар. А. А. Дельвигъ, «Утѣшитель», 13 окт. 1830 г.

Москва уныла: смерти страхъ
Престольный градъ опустошаетъ;
Но кто въ нее, взвивая прахъ,
Навстрѣчу ужаса влетаетъ?
Петровъ потомокъ, царь, какъ онъ
Безстрашный духомъ, скорбный сердцемъ,
Летитъ, услыша Русскихъ стонъ,
Вѣнчаться душъ ихъ самодержцемъ.

350. И. И. Козловъ, «Высокопреосвященному Филарету», 1830.

Когда долгъ страшный, долгъ священный,
Нашъ Царь такъ свято совершалъ,
А ты, нашъ Пастырь вдохновенный,
Съ крестомъ въ рукахъ Его встрѣчалъ, —

Ему небесъ благоволенье
Изрекъ ты именемъ Творца,
Предъ Нимъ да жизнь и воскресенье
Текутъ и радуютъ сердца!

Да вновь дни свѣтлые проглянутъ,
По вѣрѣ пламенной даны,
И полумертвые возстанутъ,
Любовью царской спасены.

351. Пушкинъ—П. А. Осиповой, 29 іюня 1831 г., изъ Царскаго Села.

Времена очень грустны. Эпидемія свирѣпствуетъ въ Петербургѣ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Нелѣпые слухи получили распространеніе. Говорили, что врачи отравляютъ народъ. Двое изъ нихъ были убиты бѣснующейся толпой. Императоръ явился посреди бунтовщиковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». — Мужества и дара слова ему не занимать; на этотъ разъ бунтъ былъ усмиренъ; но безпорядки потомъ возобновились. Быть можетъ, придется прибѣгнуть къ вооруженной силѣ.

352. «ДНЕВНИКЪ», 26 іюля 1831 г. (Отклики на событія 1831 года).

Вчера Государь Императоръ отправился въ военныя поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ распиской одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто бы онъ и лѣкаря отравливали людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ Государя.

Однако же сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ Царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, — и Царской голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ Государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Такіе разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

353. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Я спросила Государя, какія части «Бориса» нравятся ему всего болѣе? Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Сцена, гдѣ Борисъ даетъ совѣты сыну, совѣты отца-государя, сцена монаха Пимена и сцена въ саду между Мариной и Дмитріемъ». Онъ спросилъ меня, какую поэму Пушкина я предпочитаю; я сказала: «Пророка» изъ мелкихъ вещей и «Полтаву» изъ крупныхъ. Онъ попросилъ меня прочесть «Пророка», что я и сдѣлала, а затѣмъ онъ сказалъ: — Я забылъ это стихотвореніе, оно дивно-прекрасно, *это* настоящій *Пророкъ*.

Я сказала ему, что Пушкинъ почерпнулъ его въ книгѣ пророка Исаіи, дополнивъ собственными мыслями библейскій текстъ и что онъ постоянно читаетъ Библію по славянски. Государь воскликнулъ: «Какъ онъ правъ, какая тамъ поэзія, не говоря уже ни о чемъ другомъ, псалмы, пророки, книга Іова, Евангеліе — все это такая поэзія, до которой далеко величайшимъ поэтамъ. Я также очень люблю Дѣянія Апостоловъ; что же касается до Апокалипсиса, то признаюсь вамъ, что я въ немъ не особенно много понимаю, но это также высоко-поэтично: помните ли этотъ текстъ: «*И бысть въ небѣ безмолвіе веліе*».

Государь оживился, предметъ разговора его занималъ, затѣмъ онъ заговорилъ со мною о «Полтавѣ», сказавъ: — «Я съ вами согласенъ, это шедевръ и вы знаете, что Петръ Великій мой герой! Стихи «Полтавы» дивные, это такъ же грандіозно, какъ Иліада. Я остался очень доволенъ переводомъ Гнѣдича, теперь слѣдовало бы перевести Одиссею, совѣтую вамъ читать Гомера».

Послѣ ужина Его Величество сказалъ мнѣ: «Не забудьте передать Пушкину, что я жду стиховъ и передайте ему мой привѣтъ».

---

* Стихотвореніе было напечатано впервые въ «Литературной Газетѣ», безъ подписи автора.

354. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Пушкинъ былъ на седьмомъ небѣ, что случайно утромъ встрѣтилъ Государя въ Лѣтнемъ саду. Онъ шелъ вдоль Фонтанки между Петровскимъ дворцомъ и Цѣпнымъ мостомъ. Увидѣвъ Пушкина, Государь подозвалъ его и сказалъ: «Поговоримъ!» Въ саду никого не было. Въ разговорѣ Его Величество сказалъ ему: «Ты знаешь, что я всегда гуляю рано утромъ и здѣсь ты меня часто будешь встрѣчать, — но это между нами». Пушкинъ понялъ и послѣ этого встрѣчалъ Государя нѣсколько разъ (все случайно). Вернувшись домой, онъ записывалъ ихъ разговоры. Пушкинъ *считалъ долгомъ чести* доложить объ этомъ Государю и обѣщалъ передъ смертью сжечь эти замѣтки. Государь отвѣтилъ: «Ты умрешь послѣ меня, но во всякомъ случаѣ благодарю тебя. Про наши бесѣды говори только с *людьми вѣрными*, напр. съ Жуковскимъ. Иначе скажутъ, что ты хочешь влѣзть ко мнѣ въ довѣріе, что ты ищешь милостей и хочешь интриговать, а это тебѣ повредитъ. Я знаю, что у тебя намѣренія хорошія, но у тебя есть недоброжелатели. Всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я разговариваю и кого отличаю, считаютъ интриганами. *Мнѣ извѣстно все, что говорятъ*». Пушкинъ разрѣшилъ мнѣ записать все, что онъ мнѣ разсказалъ, прося никому не говорить объ этомъ, кромѣ Жуковскаго, которому онъ самъ все говоритъ.

355. «ДНЕВНИКЪ», 28 февр. 1834 г.

Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева. Мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными).

356. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг. (Пушкинъ о Государѣ).

Знаете ли что всего болѣе поразило меня въ первый разъ за обѣдней въ дворцовой церкви, разукрашенной позолотой, болѣе подходящей для убранства бальной залы, чѣмъ церкви. Это, что Государь молился за этой оффиціальной обѣдней такъ же, какъ и она (Императрица), и всякій разъ, что я видѣлъ его за обѣдней, онъ молился; онъ тогда забываетъ все, что его окружаетъ. Онъ также несетъ свое иго и свое тяжкое бремя, свою страшную отвѣтственность и чувствуетъ ее болѣе, чѣмъ это думаютъ. Я много разъ наблюдалъ за царской семьей, присутствуя на службѣ; мнѣ казалось, что только они и молились. Вы знаете все, что я думаю о немъ (Государѣ), и сколько я ему преданъ и какое питаю къ ней благоговѣйное уваженіе.

357. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьми». Письмо къ В. А. Жуковскому, 1846.

Какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! И какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ, — чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ; многомного, если оно достигнетъ того, до чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ... При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! Это внутреннее существо — силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое, между прочимъ, ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ Императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: *Къ Н****. Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но Государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ «Иліаду» и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ ея была величественная ода...

*358. «КЪ Н***».*

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ ли, пророкъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбилъ ли ты свои скрижали?
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

РАЗДѢЛЪ III

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА
ОТЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ ИЗЪ ССЫЛКИ ДО ПУТЕШЕСТВІЯ НА КАВКАЗЪ
Сентябрь 1826 — Май 1829

Рис. 102.

Кремль въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка.

Съ современной акварели.

Рис. 103.

Видъ въ Кремлѣ въ началѣ XIX вѣка.

Историческій музей въ Москвѣ.

«Въ самое то время, когда царская фамилія и весь дворъ, пребывавшіе тогда въ Москвѣ по случаю коронаціи, съѣзжались на балъ къ французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, въ великолѣпный домъ кн. Куракина на Старой Басманной, нашъ поэтъ направлялся въ домъ жившаго по сосѣдству (близъ Новой Басманной) дяди своего Василія Львовича, оставивши пока свой багажъ въ гостиницѣ дома Часовникова (нынѣ Дубицкаго), на Тверской. Одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей Пушкина (*С. А. Соболевскій*), узнавши на балѣ у французскаго посла, отъ тетки его Е. Л. Солнцевой, о неожиданномъ его пріѣздѣ, отправился къ нему для скорѣйшаго свиданія въ полной бальной формѣ, въ мундирѣ и башмакахъ» (М. Н. Лонгиновъ).

По пріѣздѣ, Пушкинъ, конечно, сейчасъ же отправился къ Вяземскимъ. Князя не было въ Москвѣ. «Пріѣздъ Пушкина въ Москву въ 1826 году, — вспоминалъ впослѣдствіи сынъ Вяземскихъ, Павелъ,—произвелъ сильное впечатлѣніе, не изгладившееся изъ моей памяти до сихъ поръ. — «Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ!» — раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ — дѣти, учителя, гувернантки — всѣ бросились въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты, взглянуть на героя дня.. И дѣтская комната, и дѣвичья съ 1824 года были неувядаемымъ разсадникомъ легендъ о похожденіяхъ поэта на берегахъ Чернаго моря. Мы жили тогда въ Грузинахъ, цыганскомъ предмѣстьѣ Москвы, — на сельско-хозяйственномъ подворьѣ П. А. Кологривова, вотчима моей матери». Къ послѣднимъ днямъ коронаціонныхъ торжествъ пріѣхалъ въ Москву и Вяземскій. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ бросился къ нему, но не засталъ дома, и когда ему сказали, что князь уѣхалъ въ баню, Пушкинъ явился туда, такъ что первое мѣсто ихъ свиданія послѣ многолѣтней разлуки было въ номерной банѣ (Бартеневъ).

Взрослымъ человѣкомъ Пушкинъ увидѣлъ Москву впервые. Впечатлѣніе, произведенное древнею русскою столицею на поэта было громадно, и оно уже никогда не изгладится изъ его памяти.

«Но вотъ, ужъ близко. Передъ ними
«Ужъ бѣлокаменной Москвы
«Какъ жаръ крестами золотыми
«Горятъ старинныя главы.
«Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
«Когда церквей и колоколенъ,
«Садовъ, чертоговъ полукругъ
«Открылся предо мною вдругъ!
«Какъ часто въ горестной разлукѣ,
«Въ моей блуждающей судьбѣ,
«Москва, я думалъ о тебѣ!
«Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
«Для сердца русскаго слилось!
«Какъ много въ немъ отозвалось!»

Впослѣдствіи, задумавъ написать литературную отповѣдь на знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева, Пушкинъ набросалъ въ одной изъ главъ своихъ «Мыслей на дорогѣ» обстоятельную бытовую характеристику Москвы, какъ она ему рисовалась въ ея измѣнившемся послѣ московскаго пожара видѣ. «Многое перемѣнилось, — пишетъ Пушкинъ, — со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...» И затѣмъ идетъ описаніе Москвы, которое читатель найдетъ на оборотѣ.

◇ *РИС. 102 и 103* ◇

359. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 7, XXXVII — XXXVIII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнюю гордится славой.
Напрасно мечталъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы коленопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ. —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой.
Подавай! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ, ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы;
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

Москва! Москва!...

360. «МЫСЛИ НА ДОРОГѢ», 1833 - 1834.

Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее Боярство, Вельможи оставившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего Русскаго Дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая Гвардейская молодежь налетала туда же изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка, и вездѣ была толпа. Въ залѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды... вошли въ пословицу. Невинныя странности Москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись, какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домикъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами, подъ золочеными зонтиками. * Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. ** Третій на запятки четвероместныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. *** Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло. Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: стары, какъ улицы. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ Гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона, — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ — и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ Англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травой, а бывало установленныхъ миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ... Во флигелѣ живетъ Нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ Двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или Саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое гдѣ — и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который всякому, ты знаешь радъ; и князю Петру Ильичу, и Французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы дастъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ». Хлестова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!..

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два серда не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ...

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ Университетъ по предначертанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской... Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

---

* Графъ Воронцовъ, на Неглинной ул.
** Старый князь Гагаринъ.
*** Богачъ и чудакъ П. А. Демидовъ.

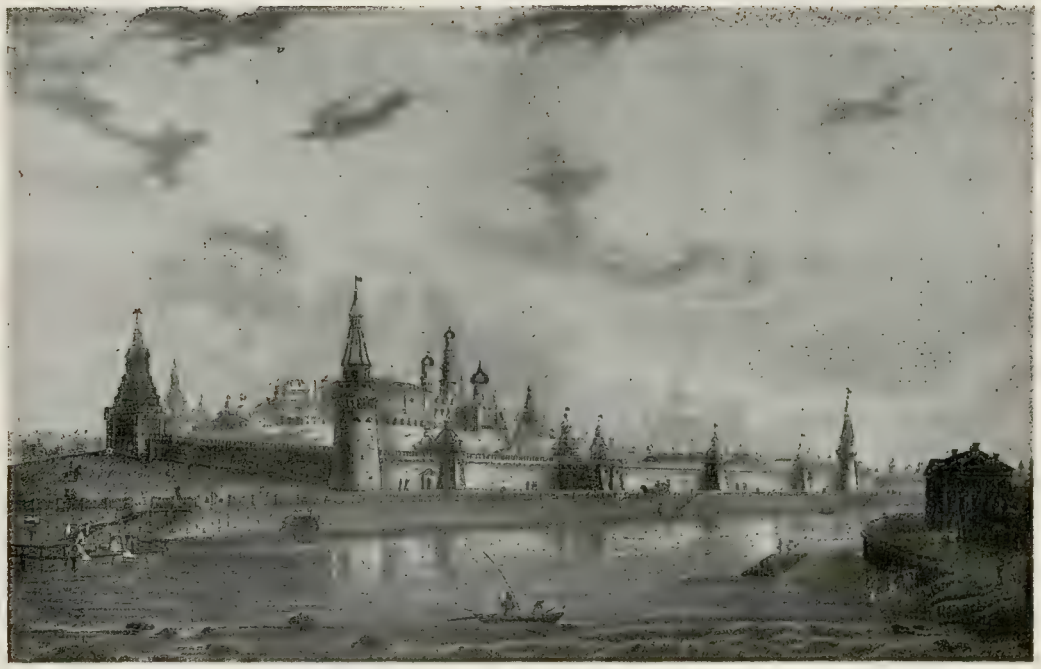


Рис. 104.

Домъ А. А. Ренкевича на Собачьей площадкѣ въ Москвѣ.
Сохранился.

Рисунокъ А. М. Васнецова 80-хъ гг. XIX вѣка.

Здѣсь одно время жилъ С. А. Соболевскій, у котораго останавливался Пушкинъ въ 1826 и 1827 гг. — Посѣтивъ этотъ домъ сорокъ лѣтъ спустя и вспоминая свою жизнь въ немъ съ Пушкинымъ, Соболевскій писалъ Погодину: «Мы ѣхали съ Лонгиновымъ черезъ Собачью площадку: сравнявшись съ угломъ ея, я показалъ товарищу домъ Ренкевича, въ которомъ жилъ я, а у меня Пушкинъ... Сравнялись съ прорубленною мною дверью на переулокъ *(Борисоглѣбскій)* — видимъ на ней вывѣску: продажа вина... Вылѣзли изъ возка и пошли туда. Домъ совершенно не измѣнился въ расположеніи: вотъ моя спальня, мой кабинетъ, та общая гостиная, въ которую мы сходились изъ своихъ половинъ, и гдѣ засѣдалъ Александръ Сергѣевичъ въ самоѣдскомъ ергакѣ. Вотъ гдѣ стояла кровать его; вотъ гдѣ такъ нѣжно возился и нянчился онъ съ маленькими датскими щенятами. Вотъ гдѣ собирались Веневитиновъ, Кирѣевскій, Шевыревъ, Рожалинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, вы, я... и другіе мужи, вотъ гдѣ болталось, смѣялось, вралось и говорилось умно!» — На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: «Помню, помню живо этотъ знаменитый уголокъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1826 и 1827 гг., помню его письменный столъ, между двумя окнами, надъ которымъ висѣлъ портретъ Жуковскаго съ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя»...

Рис. 105.

Сергѣй Александровичъ Соболевскій.
1803—1870.

Человѣкъ прекрасно образованный, значительную часть жизни проведшій въ путешествіяхъ и подружившійся со многими замѣчательными людьми (особенно извѣстна его связь съ Проспероме Мериме); обладатель великолѣпной библіотеки; знаменитый острословъ, не заботившійся о своей славѣ («неизвѣстный сочинитель всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ», по слову графини Ростопчиной); кутила и хлѣбосолъ,—Соболевскій былъ однимъ изъ ближайшихъ къ Пушкину людей. С. А. любилъ Пушкина и былъ преданъ ему безгранично; «Московскій юноша, пріятель, обожатель, бирючъ и gastfreund Пушкина», — какъ характеризовалъ его Языковъ. Сестра Пушкина говорила, что безъ С. А. «Александръ жить не можетъ». По свидѣтельству Бартенева, Пушкинъ «повѣрялъ ему свои произведенія до ихъ выхода въ свѣтъ, принималъ его совѣты, дорожилъ его замѣчаніями, его тонкимъ умѣньемъ подмѣтить слабую или смѣшную сторону, въ самомъ ли ходѣ изложенія, въ оттѣнкѣ ли слова, или въ отдѣльныхъ выраженіяхъ». А. А. Мухановъ и гр. В. А. Соллогубъ считали, что только С. А. способенъ былъ удержать Пушкина отъ его послѣдней дуэли: такъ велико было вліяніе младшаго друга на поэта. Къ несчастью въ эти роковые мѣсяцы С. А. былъ за-границею.

С. А. могъ бы многое разсказать о Пушкинѣ, но не могъ рѣшиться писать свои воспоминанія, считая себя неспособнымъ справиться съ этою отвѣтственною задачею. «Мнѣ слѣдуетъ,— говорилъ онъ, —быть осторожнымъ и скромнымъ, ибо вѣдаю, сколь непріятно было бы Пушкину, если бы кто сообщилъ современникамъ то, что писалось для немногихъ или что говорилось, или не обдумавшись, или для остраго словца, или въ минуту негодованія въ кругу хорошихъ пріятелей». Кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній, записанныхъ съ его словъ П. И. Бартеневымъ и статьи: «Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина», имъ ничего о Пушкинѣ не оставлено. Соболевскому мы обязаны знаменитымъ портретомъ Тропинина.

Рис. 106.

Гостиная въ «нащокинскомъ домикѣ».

По реконструкціи худ. А. А. Галяшкина.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ былъ однимъ изъ ближайшихъ, если не самымъ близкимъ другомъ Пушкина во вторую половину его жизни. Познакомился съ нимъ Пушкинъ еще въ лицейскіе годы, когда Нащокинъ былъ однокашникомъ брата Пушкина, Льва, по лицейскому пансіону Гауеншильда. Въ 1826 году, въ Москвѣ они встрѣтились вторично, чтобы стать неразрывными друзьями до конца жизни.

«Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Нащокинъ, служившій въ царскосельскихъ гусарахъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онѣ у него бывали и не требуя отдачи. Друзьями его были, между прочимъ, кн. Вяземскій, гр. Вielьгорскій, а впослѣдствіи Гоголь. Нащокинъ привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, но врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу» (Поливановъ). Пушкина особенно привлекала къ Нащокину его горячая и широкая душа и тонкій художественный вкусъ. Цѣнилъ онъ его и какъ разсказчика; извѣстно, что онъ началъ редактировать его воспоминанія.

Нащокинъ былъ знаменитъ своими причудами. Одною изъ нихъ былъ миніатюрный стеклянный двухъэтажный домикъ, гдѣ вся обстановка, вплоть до щеточекъ и мѣлковъ на карточныхъ столахъ, была художественно выполнена по особому заказу, частично даже въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ; стоила эта двухъаршинная игрушка отъ 40 до 50 тысячъ рублей. Объ этомъ-то фортепьяно, «на которомъ играть можно будетъ пауку», писалъ Пушкинъ Наталіи Николаевнѣ въ декабрѣ 1831 года.

◇ *РИС. 104 и 105* ◇

361. Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 1899.
Отзывъ С. П. Шевырева.

Онъ жилъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Соболевскимъ на Собачьей Площадкѣ... Здѣсь въ 1827 г. читалъ онъ своего «Бориса Годунова»; вообще читалъ онъ чрезвычайно хорошо... Въ Москвѣ объявилъ онъ свое живое сочувствіе тогдашнимъ молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его новая художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе искусства, были написаны стихи «Чернь».

362. А. И. Кошелевъ, «Записки».

Въ Архивъ (Мин-ва Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ) почти одновременно поступили, кромѣ Ив. Кирѣевскаго, Дм. и Алексѣя Веневитиновы, Титовъ, Шевыревъ, Мельгуновъ, С. Мальцевъ, Соболевскій, двое кн. Мещерскихъ, кн. Трубецкой, Озеровъ и другіе хорошо образованные московскіе юноши. Служба наша главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцовъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ, начальство было очень мило, оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ, но затѣмъ мы вздумали писать сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединились въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не разсказывать своего плана для продолженія. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ «блестящей» московской молодежи и званіе «архивнаго юноши» (слозечко Соболевскаго) сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина.

«Архивны юноши толпою
«На Таню чопорно глядятъ
«И про нее между собою
«Неблагосклонно говорятъ».

363. М. П. Погодинъ, «Русск. Арх.», 1870.

Въ 1827 г., когда мы издавали «Московскій Вѣстникъ», Пушкинъ далъ мнѣ напечатать эпиграмму: «Лукъ звенитъ» *(На А. Н. Муравьева)*. Встрѣтясь со мною чрезъ два дня по выходѣ книжки, онъ сказалъ мнѣ: «А какъ бы намъ не поплатиться за эпиграмму». — Почему? — «Я имѣю предсказаніе, что долженъ умереть отъ бѣлаго человѣка или отъ бѣлой лошади. Муравьевъ можетъ вызвать меня на дуэль, а онъ не только бѣлый человѣкъ, но и лошадь».

364. А. Н. Муравьевъ, «Знакомство съ русскими поэтами», 1871.
(Слова С. А. Соболевскаго, сказанныя имъ Муравьеву по поводу эпиграммы Пушкина).

«У Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее, и онъ обращался ко всякаго рода гадальщицамъ. Одна изъ нихъ, предсказала ему, что онъ долженъ остерегаться высокаго бѣлокураго молодого человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суевѣренъ, и потому, какъ только случай сведетъ его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать: не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искусить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ».

365. Кс. А. Полевой, «Записки», 1888 г.
(Осенью 1826 г., Пушкинъ съ Соболевскимъ въ гостяхъ у Н. А. Полевого).

Передъ конторкой, на которой обыкновенно писалъ Николай Алексѣевичъ, стоялъ человѣкъ, немного превышавшій эту конторку, худощавый, съ рѣзкими морщинами на лицѣ, съ широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щекъ и подбородка, съ тучей кудрявыхъ волосъ. Ничего юношескаго не было въ этомъ лицѣ, выражавшемъ угрюмость, когда оно не улыбалось. Онъ былъ не веселъ этотъ вечеръ, молчалъ, когда рѣчь касалась современныхъ событій, почти презрительно отзывался о новомъ направленіи литературы, о новыхъ теоріяхъ... Пушкинъ нѣсколько развеселился бутылкой шампанскаго (тогда необходимая принадлежность литературныхъ бесѣдъ) и даже диктовалъ Соболевскому комическіе стихи въ подражаніе Виргилію. Тутъ я видѣлъ, какъ богатъ былъ Пушкинъ средствами къ составленію стиховъ: онъ за нѣсколько строкъ ужъ готовилъ мысль или созвучіе и находилъ прямое выраженіе, не замѣчимое другими. И это шутя, между разговоромъ!

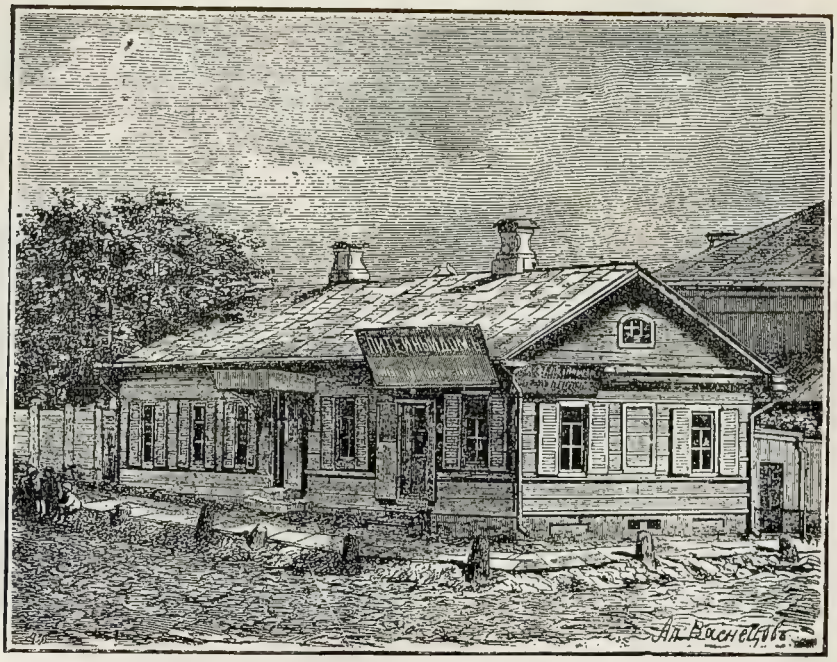
366. «МЫСЛИ НА ДОРОГѢ», 1833.

Собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, козго библіотекой я привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непроходимость нравственно-сатирическихъ романовъ. «Постой,—сказалъ мнѣ Соболевскій:—есть у меня для тебя книжка». Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія: «Прошу беречь ее»,—сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ... Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». СПБ. 1790, съ эпиграфомъ:
«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй».
Телемахида. Книга XVIII, ст. 514.

◇ *РИС. 106* ◇

367. Пушкинъ—женѣ, 8 дек. 1831 г., изъ Москвы.

Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ Воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! Онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку...



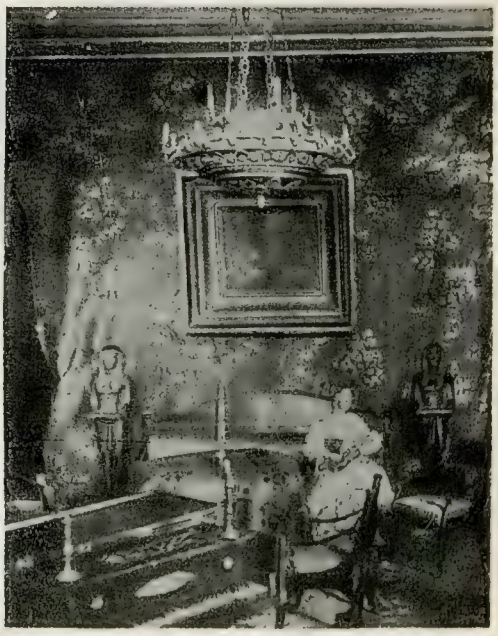


Рис. 107.

Большой театръ въ Москвѣ.

Съ рѣдкой современной гравюры.

Рис. 108.

Гулянье подъ Новинскимъ въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка.

Современная гравюра.

Большой театръ, называвшійся тогда Петровскимъ, былъ только что отстроенъ (къ декабрю 1825 года). — Въ періодъ происходившихъ въ Москвѣ коронаціонныхъ торжествъ спектакли проходили въ театрѣ съ особеннымъ блескомъ. Въ непрерывныхъ празднествахъ, которыми щеголяли другъ передъ другомъ коренные москвичи и съѣхавшаяся своя и иностранная знать, казалось все должна была заслонять эффектная и могучая фигура молодого Государя. Однако, первое появленіе Пушкина въ театрѣ сопровождалось совершенно исключительнымъ энтузіазмомъ, охватившимъ всѣхъ присутствовавшихъ, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ современники.

Новинское — одно изъ излюбленныхъ москвичами мѣстъ гулячій того времени. Здѣсь устраивались разнообразнѣйшія увеселенія для всѣхъ сословій и состояній. Но особенно блестящимъ и красочнымъ было катанье: только купцы ѣздили на парахъ, дворянство же иначе не выѣзжало, какъ цугомъ четверикомъ или шестерикомъ, съ форейторами и ливрейными лакеями на запяткахъ. «Тутъ увидите вы,— говоритъ современный обозрѣватель, — и юность, и старость, и блескъ моды, и туманъ безвкусія, и богатство, и чванство, — словомъ, увидите всю Москву въ оригиналѣ, въ лицахъ, во всей красѣ ея. Найдете ли въ другомъ мѣстѣ такое сближеніе всѣхъ состояній, такую сцену или театръ, гдѣ мужикъ веселился бы наряду съ генераломъ, служанка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей барыни, ученый, профессоръ вблизи фабричнаго работника, богатый купецъ наряду съ мелкимъ торгашемъ. Это такое зрѣлище, котораго нельзя купить за деньги, нельзя представить на заказъ, нельзя видѣть нигдѣ, кромѣ Новинскаго». Поэтесса московскихъ аристократическихъ салоновъ гр. Е. П. Ростопчина (невѣстка знаменитаго Московскаго Главнокомандующаго 1812 года) впервые увидѣла Пушкина на такомъ гуляньи въ 1826 году, описавъ эту встрѣчу въ стихахъ *(ц. 374)*.

Пушкинъ быстро утомился въ Москвѣ. Его потянуло въ Михайловское, откуда такъ трогательно писала ему няня (см. на оборотѣ). «Вотъ ужъ недѣля, какъ я въ Москвѣ, и не нашелъ еще времени написать вамъ; это доказываетъ, какъ я занятъ,—сообщалъ Пушкинъ Осиповой.—Императоръ принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Въ Москвѣ шумъ и празднества, такъ что я усталъ отъ нихъ, и начинаю вздыхать о Михайловскомъ, то-есть о Тригорскомъ; я разсчитываю уѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли». Свое намѣреніе Пушкинъ привелъ въ исполненіе. 9 ноября, уже изъ Михайловскаго, онъ писалъ Вяземскому: «Вотъ, я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно... Деревня мнѣ пришла какъ-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей-Богу, пріятнѣе щекочетъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и проч. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ... Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться».

◇ *РИС. 107 и 108* ◇

368. Ел. Н. Киселева (Ушакова), въ передачѣ ея сына Н. С. Киселева.

Впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки, можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ Дворянскаго собранія, когда вошелъ въ него А. П. Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разнеслась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли были обращены на одного человѣка, стоявшаго между рядами и окруженнаго густой толпой.

369. Н. В. Путята, «Изъ записной книжки», 1899.

Когда Пушкинъ, только что возвратившійся изъ изгнанія, вошелъ въ партеръ Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говоръ, произнесшій его имя: всѣ взоры, все вниманіе обратились на него. У разъѣзда толпились около него и издали указывали его по бывшей на немъ свѣтлой пуховой шляпѣ. Онъ стоялъ тогда на высшей ступени своей популярности.

370. Кс. А. Полевой, «Живоп. обозр.», 1837.

Надобно было видѣть участіе и вниманіе всѣхъ при появленіи Пушкина въ обществѣ!.. Когда въ первый разъ Пушкинъ былъ въ театрѣ, публика глядѣла не на сцену, а на своего любимца-поэта.

371. В. В. Измайловъ—Пушкину, осень 1826 г.

Завидую Москвѣ — она короновала Императора, теперь коронуетъ поэта... Извините, я забываюсь. Пушкинъ достоинъ тріумфовъ Петрарки и Тасса.

372. А. Я. Булгаковъ—К. Я. Булгакову, 11 марта 1827 г., изъ Москвы.

Зима наша жить куда, т. е. новая. Морозъ, и снѣгу болѣе теперь, нежели когда-либо, а были зимы такіе весенніе, что я поэта Пушкина видѣлъ на бульварѣ въ одномъ фракѣ.

373. П. Л. Яковлевъ—А. Е. Измайлову, 21 марта 1827 г., изъ Москвы.

Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются, отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ древле къ великому Ареопагу сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ, Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ сказалъ.. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностію: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе; впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и попрежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію.

374. Е. П. Ростопчина, «Стихотворенія».

Вдругъ все стѣснилось, и съ волненьемъ
Однимъ стремительнымъ движеньемъ
Толпа рванулася впередъ.
И мнѣ сказали... «онъ идетъ!»
Онъ, нашъ поэтъ, онъ, наша слава,
Любимецъ общій. Величавый
Въ своей особѣ небольшой,
Но смѣлый, ловкій и живой,
Прошелъ онъ быстро предо мной.

375. Арина Родіоновна—Пушкину, 30 января 1827 г., изъ Михайловскаго.

(Писано подъ ея диктовку деревенскимъ грамотѣемъ).

Имѣю честь поздравить васъ съ прошедшимъ новымъ годомъ, и желаю я тебѣ, любезному моему благодѣтелю, здравія и благополучія, а я васъ увѣдомляю, что я была въ Петербургѣ, и объ васъ никто не можетъ знать, гдѣ вы находитесь, и твои родители объ васъ соболѣзнуютъ, что вы къ нимъ пріѣдете.. Любезный другъ, я цалую ваши ручки съ позволенія вашего сто разъ и желаю вамъ то, чего и вы желаете, и пребуду къ вамъ съ искреннимъ почтеніемъ Арина Родивоновна.

376. Арина Родіоновна—Пушкину, 6 марта 1827 г., изъ Михайловскаго.

Любезной мой другъ Александръ Сергѣевичъ, я получила ваше письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна; вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ и ваши милости ко мнѣ... Пріѣзжай, мой Ангелъ, къ намъ въ Михайловское,—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы онъ далъ намъ свидѣться... Прощайте, мой батюшка, Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвирку вынула и молебенъ отслужила: поживи, дружочекъ, хорошенько, — самому слюбится. Я, слава Богу, здорова, цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родивоновна.

*377. «КЪ НЯНѢ», * 1827, Москва.*

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня,
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
То чудится тебѣ...

---

* Настоящій черновой отрывокъ является, по мнѣнію П. В. Анненкова, отвѣтомъ на послѣднее письмо няни.

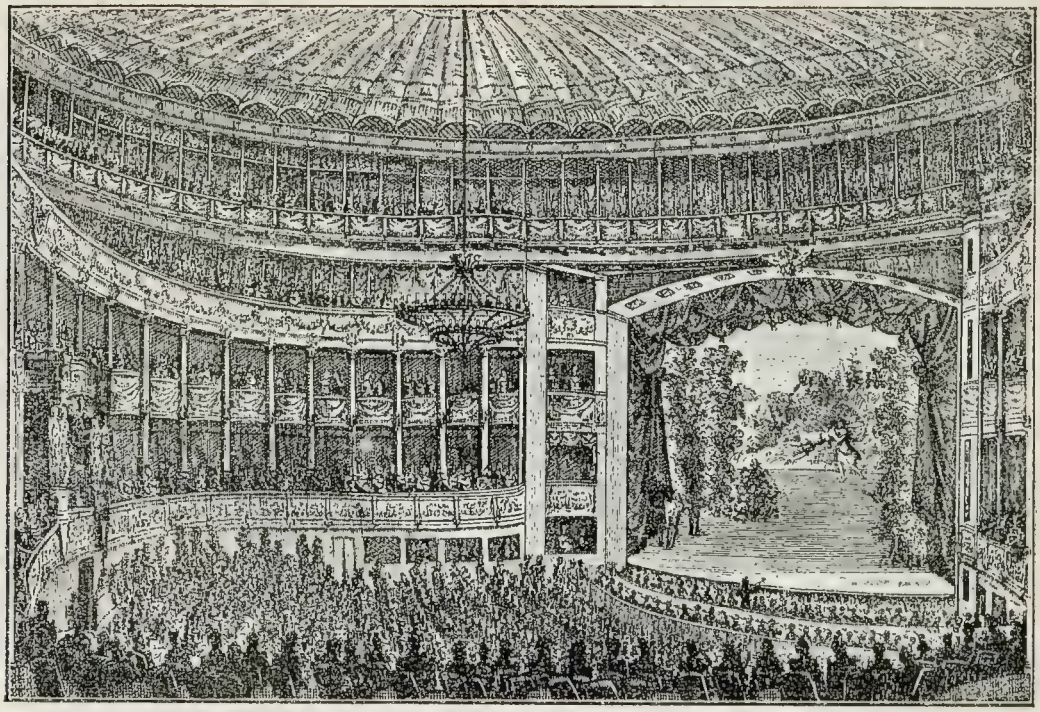


Рис. 109.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская.

1792—1862.

Миніатюра Isabey.

Дочь извѣстнаго мецената и дипломата кн. А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, француженка по воспитанію, вышла замужъ за кн. Никиту Григорьевича Волконскаго и послѣ ряда лѣтъ блистательнаго кочевья заграницею, гдѣ въ ея салонахъ Парижа и Вѣны любилъ бывать Императоръ Александръ I, обосновалась въ 1824 году въ Москвѣ. Впервые начавъ здѣсь серьезно изучать родной языкъ, мечтала о созданіи русскаго національнаго музея и обнародованіи памятниковъ русской старины, для чего проектировала образованіе спеціальнаго общества. Обладая разносторонними дарованіями, и литературными, и музыкальными (ей принадлежатъ слова и музыка кантаты «На смерть Александра I»), и отличаясь красотою, живостью и необыкновенною впечатлительностью, сумѣла стать центромъ притяженія московской культурной элиты (см. также рис. 113). — Въ 1829 году переѣхала въ Римъ, чтобы больше никогда не возвращаться въ Россію. Перейдя въ католичество, умерла подвижницею.

Рис. 110.

Адамъ Мицкевичъ.

1798—1855.

Портретъ К. Мордасевича.

Великій польскій поэтъ, проведшій рядъ лѣтъ въ Россіи. Сближенію его съ русскими литературными кругами способствовалъ Вяземскій. «Мицкевичъ принадлежитъ къ малому числу избранныхъ, коимъ предоставлено счастливое право быть представителями славы своихъ народовъ», писалъ онъ въ предисловіи къ своему переводу сонетовъ Мицкевича. Пушкинъ познакомился съ Мицкевичемъ въ Москвѣ въ 1826 году, но сдружился съ нимъ позднѣе въ Петербургѣ. «Я знакомъ съ Пушкинымъ, и мы часто встрѣчаемся, — писалъ Мицкевичъ въ мартѣ 1827 года. — Онъ въ бесѣдѣ очень остроуменъ, читалъ много и хорошо, хорошо знаетъ новую литературу, о поэзіи имѣетъ чистое и возвышенное понятіе». «Они знакомы были недолго, но много, и стали друзьями тому назадъ нѣсколько дней», писалъ въ 1828 году Вяземскій женѣ.

Пушкинъ относился съ огромнымъ уваженіемъ къ Мицкевичу, и тотъ платилъ ему тѣмъ же. «Души ихъ,—говорилъ Мицкевичъ въ одномъ стихотвореніи о себѣ и Пушкинѣ, — возвышаются надъ земными препятствіями, какъ двѣ родственныя альпійскія скалы, хотя ихъ и навѣки раздѣлила струя воды». Пушкинъ не разъ поминалъ въ своихъ стихахъ Мицкевича, какъ пѣвца Крыма. Такъ, въ путешествіи Онѣгина мы читаемъ: «Межъ тѣмъ Мицкевичъ вдохновенный и посреди прибрежныхъ скалъ свою Литву воспоминалъ». Замѣчателенъ по силѣ и благородству чувства отрывокъ: «Онъ между нами жилъ», являющійся отвѣтомъ на оскорбительный отзывъ Мицкевича-эмигранта, враждебнаго Россіи, о Пушкинѣ-патріотѣ. — Смерть Пушкина примирила Мицкевича съ памятью поэта и вызвала сочувственный его откликъ. Возникла даже легенда о желаніи Мицкевича драться съ Дантесомъ на дуэли.

Рис. 111.

Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ.

1805—1827.

Съ портрета А. Брызгалова.

Безвременно погибшій молодой «любомудръ», поэтъ и литераторъ. — «Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи», писалъ о немъ въ 1829 году Н. И. Надеждинъ. Этотъ — по слову Погодина — «дивный юноша» былъ воплощеніемъ «романтическаго» поэта, изображеніе коего оставлено намъ самимъ Веневитиновымъ:

«Тебѣ знакомъ ли сынъ богозъ,
«Питомецъ музъ и вдохновенья,
«Узналъ ли бъ межъ земныхъ сыновъ
«Ты рѣчь его, его движенья?
«Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
«Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
«Но ясный лучъ высокихъ думъ
«Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ...
«Его мечты, его желанья,
«Его боязни, ожиданья —
«Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
«Въ душѣ заботливо хранитъ
«Онъ неразгаданныя чувства»...

Д. В. глубоко почиталъ Пушкина, съ которымъ сблизился по изданію журнала «Московскій Вѣстникъ». Ему же выпала честь привлечь интересъ Пушкина къ Гете, прямымъ слѣдствіемъ чего явилась, вѣроятно, «Сцена изъ Фауста». Пушкинъ былъ сильно опечаленъ смертью юноши; «какъ вы допустили его умереть», говорилъ онъ А. П. Кернъ, съ которою Д. В. былъ близко знакомъ.

Рис. 112.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

1800—1875.

Знаменитый историкъ и публицистъ, пробовавшій свои силы и въ области литературы. На всѣхъ этихъ поприщахъ горячо поддержанъ былъ Пушкинымъ, который оцѣнилъ въ угловатомъ кабинетномъ работникѣ большую и оригинальную силу, а въ области литературы былъ готовъ, какъ это часто съ нимъ случалось, рѣзко переоцѣнить дарованія своего друга. Погодинъ, съ своей стороны, отдавалъ Пушкину должное, безкорыстно преклоняясь передъ его геніемъ, но хорошо понимая и все практическое значеніе сотрудничества его въ редактируемомъ имъ «Московскомъ Вѣстникѣ», которому Пушкинъ явно покровительствовалъ. Вмѣстѣ съ Погодинымъ Пушкинъ собирался разрабатывать Исторію Петра Великаго.

◇ *РИС. 110* ◇

378. А. П. Керн, «Воспоминанія».

На вечера къ Дельвигу являлся и Мицкевичъ. Вотъ кто былъ постоянно любезенъ и пріятенъ. Какое безподобное существо! Намъ было всегда весело, когда онъ пріѣзжалъ. Не помню, встрѣчался ли онъ часто съ Пушкинымъ, но знаю, что Пушкинъ и Дельвигъ его уважали и любили. Да что мудренаго? Онъ былъ такъ мягокъ, благодушенъ, такъ ласково приноравлялся ко всякому, что всѣ были отъ него въ восторгѣ. Часто онъ усаживался подлѣ насъ, разсказывалъ намъ сказки, которыя онъ тутъ же сочинялъ, и былъ занимателенъ для всѣхъ и каждаго.

379. «МИЦКЕВИЧЪ», 1834.

..... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ... О, Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

◇ *РИС. 111* ◇

380. Д. В. Веневитиновъ, «Стихотворенія».

Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной...

И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой,
И, можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И къ небу, съ пѣснью прорицанья,
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

381. Д. В. Веневитиновъ, «Объ «Евгеніи Онѣгинѣ», 1826.

Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходнѣе первой. Въ ней совсѣмъ уже исчезли слѣды впечатлѣній, оставляемыхъ Байрономъ, и въ Сѣверной Пчелѣ напрасно сравниваютъ Онѣгина съ Чайльдъ-Гарольдомъ. Характеръ Онѣгина принадлежитъ нашему поэту и развитъ оригинально. Мы видимъ, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнью; но опытъ вселилъ въ немъ страсть мучительную, не ѣдкую и дѣятельную досаду, а скуку, наружное безстрастіе, свойственное русской холодности (мы не говоримъ русской лѣни). Для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если они пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не удивимся: — онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключеній, онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣнивo. О стихахъ ни слова. Если мы опоздали говорить о самомъ Онѣгинѣ, то хвалить стихи Пушкина и подавно поздно.

◇ *РИС. 112* ◇

382. М. П. Погодинъ, «Русск. Арх.», 1865.

Октября 12, (1826 г.) по утру, спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является. Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе *(«Бориса Годунова», только что привезеннаго тогда Пушкинымъ изъ Михайловскаго)*, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе, при одномъ воспоминаніи... Мы просто, какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше вниманіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать о Стенькѣ Разинѣ, предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ».

383. М. П. Погодинъ, «Русск. Арх.», 1865.

Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено—«Московскій Вѣстникъ». Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ, бывшемъ Хомякова... Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Кирѣевскіе, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, В. Оболенскій, Соболевскій... Нечего описывать, какъ веселъ былъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній. Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адъюнктъ греческой словесности, добрѣйшій человѣкъ, какой только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подскочилъ послѣ обѣда къ Пушкину и, взъерошивая свой хохолокъ — любимая его привычка — воскликнулъ: «Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ, и мнѣ кажется, что я — милліонъ. Вотъ вы кто!» Всѣ захохотали и закричали: «Милліонъ, милліонъ!»

384. Пушкинъ — М. П. Погодину, 1 іюля 1828 г., изъ Петербурга.

Надобно, чтобы нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ... Должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности... Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Ѳедорова.

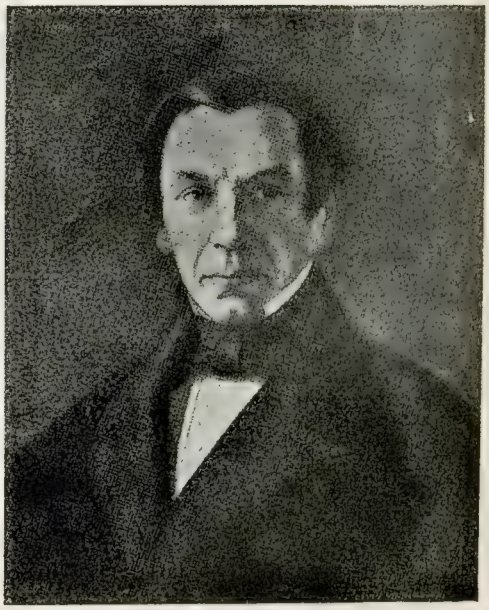


Рис. 113.

Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацію Мицкевича въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской.

Картина Г. Г. Мясоѣдова.

Московскій салонъ княгини Зинаиды Волконской вошелъ въ исторію эпохи. И хозяйка дома, съ ея разнообразными дарованіями, ея артистическимъ шармомъ и драгоцѣнными свойствами души, привлекавшими къ ней людей самаго различнаго душевнаго строя, и самый ея домъ, исполненный внѣшняго блеска и того очарованія, которое сообщалось ему характеромъ общества, его посѣщавшаго, избраннаго по признаку ума и таланта— все вмѣстѣ сообщало салону Волконской ореолъ необыкновенный. «Домъ ея былъ, какъ небесный замокъ музыкальнаго міра: ногою ступишь на порогъ — раздаются созвучія; до чего ни дотронешься — тысяча словъ гармонически откликнется. Тамъ стѣны пѣли, тамъ мысли, чувства, разговоры, движенія — все было пѣніе», — такъ писалъ А. И. Тургеневу въ 1833 году несклонный вообще къ энтузіазму кн. П. А. Вяземскій.

Не только музыка господствовала въ домѣ Зинаиды Волконской; и искусство слова царило тамъ, вдохновлявшееся тою же хозяйкою дома. «Эта замѣчательная женщина съ остатками красоты, — пишетъ А. Н. Муравьевъ, — и на склонѣ лѣтъ хотѣла играть роль Коринны, и дѣйствительно была нашей русской Коринной. Она писала прозой и стихами. Все дышало граціей и поэзіей въ необыкновенной женщинѣ, которая вполнѣ посвятила себя искусству... Пушкинъ и Вяземскій, Баратынскій и Дельвигъ были постоянными посѣтителями *(Волконской);* Кн. В. Ѳ. Одоевскій, столько же преданный музыкѣ, какъ и поэзіи, который издавалъ въ то время свою Мнемозину, не пропускалъ ни одного ея вечера; бывалъ тутъ и пріятный авторъ отечественныхъ романовъ М. Н. Загоскинъ; степенные Раичъ, Шевыревъ и Погодинъ, хотя и не любители большого свѣта, не чуждались однако ея блистательнаго круга: такъ умѣла она все собирать воедино... Но былъ одинъ юный даровитый поэтъ вродѣ Андре Шенье, котораго влекло къ ней не одно лишь блистательное общество; горящій чистою, но страстною любовью, ей посвящалъ онъ звучные меланхолическіе свои стихи и безвременно сошелъ въ могилу, хотя княгиня, дружная съ его семействомъ, оказывала ему нѣжную пріязнь. Много обѣщалъ въ будущемъ молодой Веневитиновъ, и его ранняя кончина была большой утратой для поэзіи». Пушкинъ былъ постояннымъ гостемъ Волконской, не только отдавая дань царившему въ ея домѣ салонному служенію музамъ, но принимая живое участіе и въ свѣтскихъ забавахъ. Это смѣшеніе, какъ видно изъ его писемъ, не всегда было для него выносимо. Существуетъ разсказъ (С. Шевырева), что Пушкинъ однажды на настойчивыя просьбы прочесть что-нибудь, прочелъ у Волконской свою «Чернь» и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: «въ другой разъ не станутъ просить».

На картинѣ Мясоѣдова можно узнать рядъ знаменитостей эпохи. Позади декламирующаго Мицкевича на переднемъ планѣ сидитъ кн. П. А. Вяземскій, справа отъ Мицкевича сидитъ у колонны А. С. Хомяковъ, съ нимъ рядомъ кн. Зинаида Волконская, у края стола — Пушкинъ, позади него стоитъ М. П. Погодинъ, нѣсколько дальше за круглымъ столикомъ сидитъ Д. В. Веневитиновъ, въ самой глубинѣ комнаты, прислонившись къ стѣнѣ, стоитъ въ знаменитой своей позѣ П. Я. Чаадаевъ. — «Мицкевичъ былъ не только великій поэтъ, но и великій импровизаторъ», — говоритъ Вяземскій, описывая импровизацію Мицкевича въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго,— поэтъ на нѣсколько минутъ, такъ сказать, уединился во внутреннемъ святилищѣ своемъ. Вскорѣ выступилъ онъ съ лицомъ, озареннымъ пламенемъ вдохновенія, было въ немъ что-то тревожное и прорицательное. Слушатели въ благоговѣйномъ молчаніи были также поэтически настроены... Импровизація была блестяща. Жуковскій и Пушкинъ, глубоко потрясенные этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзіи, были въ восторгѣ». Г. Г. Мясоѣдовъ на своей картинѣ, очевидно, имѣлъ въ виду изобразить подобную импровизацію великаго польскаго поэта. Интересно отмѣтить, что однажды (30 апрѣля 1828 г., въ Петербургѣ) Мицкевичъ импровизировалъ по-французски у Пушкина. «Удивительное дѣйствіе производитъ эта импровизація, — писалъ по этому поводу Вяземскій. — Самъ онъ былъ весь растревоженъ и всѣ мы слушали съ трепетомъ и слезами».

◇ РИС. 113 ◇

385. Кн. П. А. Вяземскій, «Полн. собр. соч.».

Въ Москвѣ домъ Зинаиды Волконской былъ изящнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. Тутъ соединялись представители большого свѣта, сановники и красавицы, молодежь и возрастъ зрѣлый, люди умственнаго труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все въ этомъ домѣ носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. Бывали въ немъ чтенія, концерты, дилетантами и любительницами представленія итальянскихъ оперъ. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя забыть впечатлѣнія, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контральто и одушевленною игрою въ роли Танкреда, въ операѣ Россини. Помнится и слышится еще, какъ она въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништою:

«Погасло дневное свѣтило,
«На море синее вечерній палъ туманъ».

Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію краска вспыхивала въ лицѣ его. Въ немъ этотъ дѣтскій и женскій признакъ сильной впечатлительности былъ несомнѣнно выраженіемъ внутренняго смущенія, радости, досады, всякаго потрясающаго ощущенія. Нечего и говорить, что Мицкевичъ съ самаго пріѣзда въ Москву былъ усерднымъ посѣтителемъ и въ числѣ любимѣйшихъ и почетнѣйшихъ гостей въ домѣ княгини Волконской... Вспоминая всю обстановку того времени, все это движеніе мыслей и чувствъ, кажется, переносишься не въ дѣйствительное минувшее, а въ какую-то баснословную эпоху.

386. Кн. М. Н. Волконская, «Записки».

Въ Москвѣ я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невѣстки, которая приняла меня съ такой нѣжностью и добротой, которыхъ я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманіемъ, любовью и состраданіемъ. Зная мою страсть къ музыкѣ, она пригласила всѣхъ итальянскихъ пѣвцовъ, которые были тогда въ Москвѣ, и нѣсколько талантливыхъ пѣвицъ. Прекрасное итальянское пѣніе привело меня въ восхищеніе, а мысль, что я слышу его въ послѣдній разъ, дѣлала его для меня еще прекраснѣе. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голосъ, а они какъ разъ пѣли тѣ вещи, которыя я изучила лучше всего, и я мучилась отъ невозможности принять участіе въ пѣніи. Я говорила имъ: «Еще, еще! Подумайте только, вѣдь я никогда больше не услышу музыки». Пушкинъ, нашъ великій поэтъ, тоже былъ здѣсь...

387. Д. В. Веневитиновъ, «Русск. Стар.», 1875.

27 декабря 1826 г. — Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевой. Она нехороша собою, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ. Эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина — больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсохъ въ ней.

Она чрезвычайно любитъ музыку. Въ продолженіе всего вечера она все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную потому, что у княгини З. много было, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески угодить ей. Отрывокъ изъ «Agnes» del Maestro Paer былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу кн. Зинаиды, а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ.

388. «КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ», (При посылкѣ «Цыганъ»), 1827.

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется, и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

389. Владиславъ Мицкевичъ, «Біографія Адама Мицкевича».

Одна изъ импровизацій Мицкевича вырвала у Пушкина такую похвалу: «Какой геній! Какой священный огонь! Что я передъ нимъ!»

390. Кн. З. А. Волконская — Пушкину, 29 октября 1826 г., изъ Москвы.

Возвращайтесь къ намъ. Въ московскомъ воздухѣ легче дышится. Великій русскій поэтъ долженъ писать или въ степяхъ или подъ сѣнью Кремля, а творецъ Бориса Годунова принадлежитъ городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человѣка, чей геній есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь намъ — то дикаремъ, то европейцемъ, — то Шекспиромъ или Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, — но всегда Русскимъ, переходитъ отъ лирики къ драмѣ, отъ пѣсенъ нѣжныхъ, любовныхъ, простыхъ, порою суровыхъ, романтическихъ или язвительныхъ, къ величественному и простодушному тону строгой исторіи.

До свиданія, скораго, надѣюсь.

Рис. 114.

Софья Ѳедоровна Панина,
урожденная Пушкина.
1805—1862.

Рис. 115.

Екатерина Николаевна Ушакова.
Рисунокъ Пушкина, съ надписью:
«Трудясь надъ образомъ прелестной».

Мысль о женитьбѣ глубоко захватила Пушкина въ Москвѣ. Сердцемъ его сначала овладѣла дальняя его родственница Софія Ѳедоровна Пушкина. Къ ней сватался онъ чрезъ своего пріятеля В. П. Зубкова, женатаго на ея старшей сестрѣ, и, получивъ обнадеживающій отвѣтъ, уѣхалъ въ деревню, откуда писалъ въ ноябрѣ Вяземскому: «Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... она велѣла». Задержавшись по дорогѣ въ Москву въ Псковѣ, Пушкинъ пишетъ Зубкову письмо, весьма показательное для его взгляда на себя и на бракъ (см. на оборотѣ). Но несерьезно было чувство Пушкина, и самъ онъ еще находился во власти мимолетныхъ страстей: увлеченный карточною игрою онъ остается въ Псковѣ до 20 декабря и, пріѣхавъ въ Москву, узнаетъ, что С. Ѳ. помолвлена за Панина, влюбленнаго въ нее уже два года. За Панина она и вышла замужъ въ январѣ 1827 года. Пушкинъ легко перенесъ этотъ ударъ.

Увлеченіе Ек. Н. Ушаковой было гораздо болѣе серьезнымъ. Гостепріимный и хлѣбосольный домъ Ушаковыхъ на Преснѣ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ сердцу Пушкина домовъ Москвы за время 1826—1830 гг. «Въ домѣ Ушаковыхъ Пушкинъ сталъ бывать съ зимы 1826-1827 годовъ, — сообщаетъ Л. Н. Майковъ. — Вскорѣ онъ сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ... Охотно бесѣдовалъ Пушкинъ со старухой Ушаковой и часто просилъ ее диктовать ему извѣстныя ей русскія народныя пѣсни и повторять ихъ напѣвы. Еще болѣе находилъ онъ удовольствія въ обществѣ ея дочерей. Обѣ онѣ были красавицы, отличались живымъ умомъ и чувствомъ изящнаго». «Екатерина Ушакова была въ полномъ смыслѣ красавица, — пишетъ П. И. Бартеневъ, — блондинка съ пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста средняго, густыя косы ниспадали до колѣнъ, выраженіе лица очень умное. Она любила заниматься литературой. Много у нея было жениховъ; но по молодости лѣтъ она не спѣшила замужъ. — Является въ Москву Пушкинъ, видитъ Екат. Ник. въ Благородномъ собраніи, влюбляется и знакомится. Завязывается полная сердечная дружба». Знамениты альбомы сестеръ Ушаковыхъ, наполненные карикатурами, рисунками и стихами Пушкина. Къ сожалѣнію два альбома Екатерины Николаевны уничтожены были впослѣдствіи М. Д. Наумовымъ, за котораго Ек. Н. вышла замужъ. Въ альбомѣ Елизаветы Николаевны Пушкинъ набросалъ въ 1829 году рядъ женскихъ именъ, получившій извѣстность подъ именемъ «Донъ-Жуанскаго списка», надъ расшифрованіемъ котораго съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ трудятся всѣ біографы Пушкина. Чувство Пушкина къ Ек. Ник. то вспыхивало, то замирало, въ зависимости отъ другихъ увлеченій поэта, и, наконецъ, умерло, когда окончательно созрѣла въ его сердцѣ любовь къ будущей женѣ. Что касается Ек. Ник., то она, по всѣмъ даннымъ, глубоко и искренно любила Пушкина.

Рис. 116.

Россійское Благородное Собраніе.

Со старинной гравюры.

На углу Большой Дмитровки и Охотнорядской площади въ Москвѣ стоитъ зданіе, богатое воспоминаніями о прошломъ. Это—Россійское Благородное Собраніе, нѣкогда домъ кн. Долгорукова-Крымскаго, перестроенный знаменитымъ архитекторомъ Матвѣемъ Казаковымъ. Собраніе славилось изумительнымъ по красотѣ и величію большимъ многоколоннымъ заломъ и являлось мѣстомъ баловъ старой дворянской Москвы, на которые, по словамъ Вяземскаго, собиралось до пяти тысячъ человѣкъ. Картину такого бала оставилъ намъ Пушкинъ въ 7-ой главѣ «Онѣгина». — С. П. Шевыревъ сообщаетъ, какъ въ Москвѣ «на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на нашего гостя, какъ въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно», а другой современникъ М. П. Розбергъ вспоминаетъ: «толпы народа ходили за славнымъ пѣвцомъ Эльборуса и Бахчисарая». Объ огромномъ успѣхѣ Пушкина у московскихъ дамъ говоритъ и кн. Шаликовъ въ своемъ «Дамскомъ Журналѣ»: «въ бытность поэта въ Москвѣ все или почти всѣ московскія дамы познакомились съ авторомъ «Онѣгина» лично».

«У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
«Красавицъ много на Москвѣ»...

Въ Собраніи встрѣтился Пушкинъ съ Екатериною Ушаковою; вѣроятно, здѣсь увидѣлъ на балу, всего во второй разъ въ жизни, Софи Пушкину, послѣ чего и рѣшилъ свататься за нее; здѣсь же встрѣчался Пушкинъ со своею «Мадонною» — Наташею Гончаровою.

◇ *РИС. 114* ◇

391. Пушкинъ — В. П. Зубкову, 1 дек. 1826 г., изъ Пскова.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, то есть познать счастье. Ты мнѣ говоришь, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость. Не мое личное счастье меня тревожитъ, — могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею *(С. Ѳ. Пушкиной)*, — я трепещу, лишь думаю о судьбѣ, быть можетъ, ее ожидающей, — я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь, — такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ — неровный, резкiй, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый, — вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье. Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ характеромъ до такой степени несчастнымъ? — Боже мой, до чего она хороша! И какъ смѣшно мое поведенiе по отношенiю къ ней. Дорогой другъ, постарайся изгладить дурное впечатлѣнiе, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я разумнѣе, чѣмъ кажусь съ виду... Мерекiе этотъ Пашинъ! Два года влюбленъ, а свататься собирается на Ѳоминой недѣлѣ, — а я вижу его разъ въ ложѣ, — въ другой разъ на балѣ, а въ третiй сватаюсь... Объясни же ей, что, увидѣвъ ее, нельзя колебаться, что претендуя увлечь ее, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ, что полюбивъ ее нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Пашинымъ скверинымъ и — жени меня.

392. «ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ», 1826.

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузiи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

◇ *РИС. 115* ◇

393. «ВЪ ОТДАЛЕНIИ ОТЪ ВАСЪ», 1827. (Ек. Н. Ушаковой).

Въ отдаленiи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ;
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

394. Е. С. Телешева, «Изъ дневника», 22 iюня 1827 г.

Вчерась мы обѣдали *(у Ушаковыхъ)*, а сегодня ожидаемъ ихъ къ себѣ. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ, намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо ужъ положилъ оружiе свое у ногъ ея, то-есть, сказать просто, влюбленъ въ нее. Это общая молва. Еще не видавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребыванiе свое въ Москвѣ только и занимался, что *(Ушаковою)*: на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только съ нею, а когда случалось, что въ собранiи *(Ушаковой)* нѣтъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу задумавшись и ничто уже не въ силахъ развлечь его!.. Знакомство же съ ними удостовѣрило меня въ справедливости сихъ слуховъ. Въ ихъ домѣ все напоминаетъ о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненiя, между нотами — «Черную шаль» и «Цыганскую пѣсню», на фортопiанахъ — его «Талисманъ» и «Колечку» (?), въ альбомѣ — нѣсколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ безпрестанно вертится имя Пушкина.

395. П. И. Бартеневъ, «Изъ записной книжки», «Русск. Арх.», 1912.

Послѣ продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него *(Пушкина)* замужъ. Въ это время въ Москвѣ жила извѣстная гадальщица. Пушкинъ не разъ высказывалъ желанiе побывать у этой гадальщицы, но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкинъ пришелъ къ Ушаковымъ и въ разговорѣ сообщилъ, что онъ былъ у гадальщицы, которая предсказала ему, что онъ «умретъ отъ своей жены»... Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказанiе забавливо и объявила Пушкину, что, такъ какъ онъ не послушался ея и былъ у гадальщицы, то она сомнѣвается въ силѣ его любви къ ней; а съ другой стороны, предвѣщанiе, хотя и несбыточное, все-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь чел вѣка, котораго она безгранично полюбитъ, если сдѣлается его женою: поэтому она и рѣшается отказать ему для него же самого. Когда Екатерина Николаевна умирала, то приказала дочери подать шкатулку съ письмами Пушкина и сожгла ихъ. Несмотря на просьбы дочери, она никакъ не желала оставить ихъ, говоря: «мы любили другъ друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умретъ съ нами».

◇ *РИС. 116* ◇

396. Т. П. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ», 1878.

Мы увидали Пушкина съ хоръ Благороднаго Собранiя. Внизу было многочисленное общество, средина котораго вдругъ сдѣлалось особаго рода движенiе. Въ залу вошли два молодые человѣка. Одинъ былъ блондинъ, высокаго роста; другой — брюнетъ, роста средняго, съ чрезвычайно кудрявыми волосами и выразительнымъ лицомъ. — «Смотрите, сказали намъ: — блондинъ—Баратынскiй, брюнетъ—Пушкинъ». Они шли рядомъ, имъ уступали дорогу. Въ концѣ залы Баратынскiй съ кѣмъ-то заговорилъ. Пушкинъ сталъ подлѣ бѣлой мраморной колонны, на которой былъ бюстъ Государя и облокотился на нее.

397. «ЕВГЕНIЙ ОНѢГИНЪ», гл. 7, LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мелканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкiе уборы,
Людьми пестрѣющiе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ. —
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ franty записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ;
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, погремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Рис. 117.

Пушкинъ.

Портретъ кисти худ. В. А. Тропинина.

1827 г.

Этотъ портретъ Пушкина былъ заказанъ В. А. Тропинину С. А. Соболевскимъ, который рѣшилъ имѣть у себя изображеніе Пушкина, удовлетворявшее его вкусу. Сеансы начались послѣ второго пріѣзда Пушкина въ Москву (изъ Пскова) 20 декабря 1826 г., когда Пушкинъ поселился у Соболевскаго на Собачьей Площадкѣ и оттуда ходилъ на квартиру къ художнику, на улицу Лѣнивку, въ домъ Писарезой: таково было непремѣнное условіе живописца. Къ концу апрѣля портретъ былъ конченъ. Въ майскомъ номерѣ «Московскаго Телеграфа» помѣщена была замѣтка: «Русскій живописецъ Тропининъ недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатѣ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительное, хотя намъ кажется, что художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живого изображенія лица поэта. Физіогномія Пушкина — столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе. Дѣйствительно: геній пламенный, ожиляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять выраженіе лица своего, которое составляетъ душу лица. Не оттого ли замѣчаютъ и такое несходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ». Журналъ Н. И. Полевого кончалъ замѣтку похвалой Тропинину, котораго «должно причислить къ числу тѣхъ артистовъ, которые дѣлаютъ честь отечеству своими необыкновенными талантами».

Во время пребыванія своего въ Москвѣ Пушкинъ отдавался не только свѣтскимъ удовольствіямъ и сердечнымъ увлеченіямъ. Съ горячностью отдавался онъ и общенію съ друзьями, старыми и новыми. — Пушкинъ воздавалъ должное культурнымъ качествамъ Москвы по сравненію съ Петербургомъ и, въ частности, цѣнилъ передовую молодежь, группировавшуюся около «Московскаго Вѣстника». — Онъ многое вынесъ изъ общенія съ нею, познакомившись черезъ нее съ новѣйшими теченіями германской литературы и философской мысли, о чемъ впослѣдствіи писалъ: «философія нѣмецкая... спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія». И все же Пушкину было тѣсно и душно среди этой молодежи. Недаромъ въ отрывкѣ, найденномъ П. И. Бартеневымъ, Пушкинъ характеризуетъ представителей ея въ слѣдующихъ саркастическихъ словахъ: «это одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ Московскомъ Университетѣ, служатъ въ Московскомъ архивѣ, они одарены убійственной памятью, все знаютъ и все читали, которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобы изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость».

Не могли не отражаться на настроеніи Пушкина сложность и трудность его новаго положенія, которыя начали сказываться съ первыхъ его свободныхъ шаговъ. Онъ читалъ въ кружкѣ, сначала довольно интимномъ, а потомъ значительно болѣе широкомъ, свою трагедію: это скромное проявленіе литературной самостоятельности вызвало подозрѣніе начальства! Кто-то пустилъ по рукамъ давно имъ написанное стихотвореніе, посвященное Андре Шэнье, въ части, опущенной при печатаніи, сдѣлавъ на немъ надпись: «На 14 декабря»: это вызвало цѣлое разбирательство въ полиціи! Все это были относительныя мелочи, но онѣ не могли не колоть человѣка и менѣе впечатлительнаго, чѣмъ Пушкинъ. Съ другой стороны, его отъ души идущая лояльность къ Императору и открытое восхищеніе имъ кое-кому изъ общества московскаго были непріятны, вызывая сомнѣнія въ искренности поэта и даже бросая тѣнь на его независимость. Но и помимо всѣхъ этихъ обстоятельствъ Пушкинъ не могъ не тяготиться Москвою: какъ ни дорога была ему старая русская столица, онъ былъ петербуржцемъ по воспитанію и симпатіямъ. Весною онъ отправился въ Петербургъ.

◇ РИС. 117 ◇

398. Н. В. Бергъ, со словъ В. А. Тропинина. «Русск. Арх.», 1871 г.

Соболевскій былъ недоволенъ приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какіе тогда появлялись. Ему хотѣлось сохранить изображеніе поэта, какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, и онъ просилъ извѣстнаго художника Тропинина нарисовать ему Пушкина въ домашнемъ его халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ. Кажись, дѣло шло также и объ изображеніи какого-то ногтя на рукѣ Пушкина, особенно отрощеннаго. Тропининъ согласился. Пушкинъ сталъ ходить къ нему.

399. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

1826-1827 г. Особенно памятна мнѣ одна зима или двѣ, когда не было бала въ Москвѣ, на который бы не приглашали Григ. Ал. Корсакова и меня. Послѣ присталъ къ намъ и Пушкинъ. Знакомые и незнакомые зазывали насъ и въ Нѣмецкую слободу, и въ Замоскворѣчье. Нашъ тріумвиратъ въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою, на подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именинный балъ.

400. Е. А. Сабанѣева, «Воспоминанія о быломъ», 1914.

Помню, что въ тѣ времена я не разъ носилась въ вихрѣ вальса съ Ал. Серг. Пушкинымъ. Веселое и беззаботное было время.

401. Пушкинъ — бар. А. А. Дельвигу. 2 марта 1827 г.

Ты пеняешь мнѣ... за нѣмецкую метафизику. Богъ видитъ, какъ я ненавижу и презираю ее. Да что дѣлать! Собрались ребята теплые, упрямые: попъ свое, а чортъ свое. Я говорю: «Господа, охота вамъ изъ пустого въ порожнее переливать — все это хорошо для нѣмцевъ, пресыщенныхъ уже положительными знаніями, но мы... «Московскій Вѣстникъ» сидитъ въ ямѣ и спрашиваетъ: «Веревка — вещь какая?»... А время вещь такая, которую съ никакимъ «Вѣстникомъ» не стану я терять. Имъ же хуже, если они меня не слушаютъ.

402. М. П. Погодинъ, «Дневникъ», 4 марта 1827 г.

Къ Пушкину. Декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно, и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости имъ говореннаго.

403. Гр. А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину, 30 сент. 1826 г., Москва.

М. Г. Александръ Сергѣевичъ. Я ожидалъ пріѣзда Вашего, чтобы объявить Высочайшую волю по просьбѣ Вашей, но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда Вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на Вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо. Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что Вы употребите отличныя способности Ваши на преданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію Ваше имя. Въ сей увѣренности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, Вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить Ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить Вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія. Сочиненій Вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ Вашихъ произведеній и цензоромъ. Объявляя Вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія Ваши, такъ и письма можете до представленія Его Величеству доставлять мнѣ: но, впрочемъ, отъ Васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

404. А. Н. Вульфъ, «Дневникъ».

Говоря о недостаткахъ нашего частнаго и общественнаго воспитанія, Пушкинъ сказалъ: «Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семъ предметѣ. Мнѣ бы легко написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сдѣлать добро. Однако, я между прочимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Несмотря на то, мнѣ вымыли голову».

405. Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 1899. Отзывъ С. П. Шевырева.

Москва неблагородно поступила съ Пушкинымъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ, въ наушничествѣ и шпіонствѣ передъ Государемъ. Это и было причиною, что онъ оставилъ Москву.

406. Пушкинъ — гр. А. Х. Бенкендорфу, 24 апр. 1827 г., изъ Москвы.

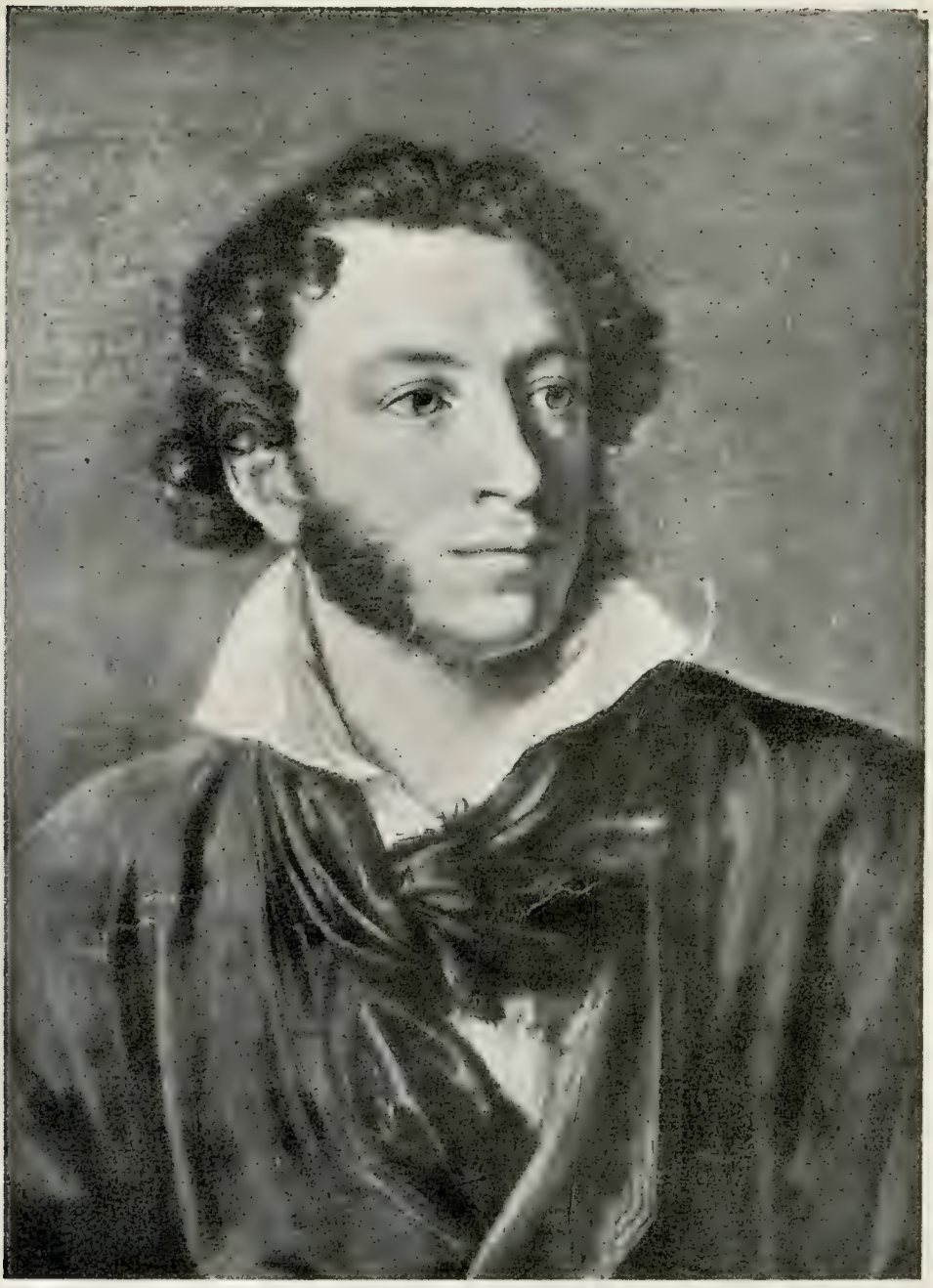
Семейныя обстоятельства требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ: пріемлю смѣлость просить на сіе разрѣшенія у Вашего Превосходительства.

407. Гр. А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину, 3 мая 1827 г., изъ Петербурга.

Его Величество, соизволяя на прибытіе Ваше въ С.-Петербургъ, Высочайше отозваться изволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано.

408. А. А. Мухановъ — Н. А. Муханову, 19 мая 1827 г., изъ Москвы.

Александръ Пушкинъ, отправляющійся нынче въ ночь, доставитъ тебѣ это письмо. Постарайся съ нимъ сблизиться; нельзя довольно оцѣнить наслажденіе быть съ нимъ часто вмѣстѣ, размышляя о впечатлѣніяхъ, которыя возбуждаются въ насъ его необычайными дарованіями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ, нежели въ женскомъ...



Александр Пушкинъ

Рис. 118.
Анна Алексѣевна Оленина и ея подруги.

Рисунокъ Карла Гампельна.

А. А. Оленина (1808—1888); на рисункѣ—крайняя слѣва.

Дочь А. Н. Оленина; «семнадцати лѣтъ А. А. была назначена фрейлиной къ Императрицамъ: Маріи Ѳеодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ; при Дворѣ она считалась одной изъ выдающихся красавицъ, выдѣляясь, кромѣ того, блестящимъ и игривымъ умомъ и особенно любовью ко всему изящному» (Устимовичъ). Увлеченіе ею Пушкина относится къ 1828 году, когда образъ Олениной вытѣснилъ было его московскія увлеченія. А. А. Оленина стала почти невѣстою Пушкина, а въ мысляхъ его—даже и женою. Въ рукописяхъ 1828 года постоянно попадаются анаграммы ея — «Etenna», «Aninelo» и даже— «Annette Pouchkine». Но свадьба не состоялась: Пушкинъ получилъ отказъ. Впослѣдствіи А. А. вышла замужъ за Ѳ. А. Андро. — «О Пушкинѣ м-мъ Андро говоритъ, что онъ былъ замѣчательно остроуменъ и веселъ только въ маленькомъ интимномъ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ; въ большомъ же обществѣ онъ, по слозамъ Анны Алексѣевны, казался напыщеннымъ,—желая привлечь вниманіе всѣхъ своимъ остроуміемъ и шутками. Онъ хотѣлъ «блистать»—пояснила мнѣ Анна Алексѣевна», сообщаетъ біографъ Олениной, П. И. Устимовичъ.

Рис. 119.
Алексѣй Николаевичъ Олениинъ.

1763—1843.

Директоръ Императорской Публичной Библіотеки (съ 1811 г.) и Президентъ Академіи Художествъ, человѣкъ широко образованный (обучался въ Страсбургскомъ университетѣ и Дрезденскомъ артиллерійскомъ училищѣ) и рано обратившій на себя вниманіе разносторонностью познаній (въ чинѣ поручика артиллеріи былъ уже членомъ Россійской Академіи Наукъ). Принадлежалъ по своимъ литературнымъ вкусамъ къ кружку старовѣровъ, но широтою своихъ интересовъ и благородствомъ своей доброжелательной натуры привлекалъ людей искусства независимо отъ направленія. «Ясныя симпатіи нарождающимся талантамъ составляютъ характерную черту олениискаго кружка, —говоритъ Л. Н. Майковъ.—которая рѣзко отдѣлила его отъ сторонниковъ Шишкова и доставила гостиной частнаго лица такое значеніе въ литературномъ мірѣ, какого не имѣла въ то время и сама Россійская Академія».

«Кружокъ Олениныхъ состоялъ, съ одной стороны, изъ представителей высшей аристократіи,—и писателей, художниковъ и музыкантовъ—съ другой; никакого раздвоенія въ этомъ кружкѣ не было; всѣ жили дружно, весело, душа въ душу; особенно весело проводилъ время олениискій кружокъ въ Пріютинѣ—такъ называлась дача Елизаветы Марковны около Петербурга за Охтой; дача эта отличалась прекраснымъ мѣстоположеніемъ: барскій домъ стоялъ здѣсь надъ самою рѣкою и прудомъ, окаймленными дремучими лѣсами. Изъ забавъ была здѣсь особенно въ ходу игра въ шарады, которая въ дарозитой семьѣ олениискаго кружка являлась особенно интересной; особенно умореленъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ героевъ своихъ басенъ. Между играми тутъ же часто читали молодые писатели свои произведенія, а М. И. Глинка разыгрывалъ свои произведенія» (Устимовичъ). — Пушкинъ появился впервые въ домѣ Олениныхъ еще въ 1819 году (встрѣча съ А. П. Кернъ), но особенно частымъ посѣтителемъ сталъ позднѣе, въ 1828 году. Въ памяти Вяземскаго Пріютино осталось связаннымъ съ Пушкинымъ: «Мы въ Пріютинѣ останозились, вспомнилъ я Пушкина, горѣлки, комары», читаемъ мы въ его «Записныхъ книжкахъ».

Рис. 120.
Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

1784—1833.

Знатокъ античной древности, поэтъ и литераторъ; членъ Россійской Академіи; страстный любитель театра и прекрасный чтецъ и декламаторъ. Не найдя счастья въ личной жизни («главный предметъ моихъ желаній—домашнее счастье... Но увы, я бездомень, я безроденъ», писалъ онъ въ интимныхъ наброскахъ), Гнѣдичъ цѣликомъ отдался дружбѣ (съ особенною нѣжностью относился онъ къ Батюшкозу) и литературѣ. Скромный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ и въ литературѣ не переоцѣнивалъ себя: «дары небогатые строго-скупой моей музы», говорилъ онъ о стихахъ своихъ, но тутъ же прибавлялъ съ гордостью: «жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра, ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ». Моральный обликъ Гнѣдича лучше всего характеризуется слѣдующею его фразою: «умомъ моимъ я не всегда былъ доволенъ: онъ нерѣдко увлекается; но душою —всегда: она ни разу меня не обманула». Эти свойства не мѣшали Н. И. быть человѣкомъ практически смѣтливымъ. — Дѣломъ жизни Гнѣдича былъ переводъ «Иліады», сдѣланный имъ, послѣ основательнаго изученія предмета, размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметромъ. Занимая должность библіотекаря Императорской Публичной библіотеки, Гнѣдичъ могъ выполнить этотъ громадный трудъ, лишь благодаря тому, что начальники его (гр. А. С. Строгановъ и А. Н. Олениинъ), по выраженію біографа Н. И. Гнѣдича, не столько службы требовали отъ него, сколько «Иліады». Помимо того, съ 1812 года и до самой смерти Гнѣдичъ получалъ пенсію 1000 руб. въ годъ отъ Вел. Кн. Екатерины Павловны.

Пушкина съ Гнѣдичемъ съ младыхъ лѣтъ связывали не только узы любви и уваженія, но и дѣловыя отношенія: Гнѣдичъ, поклонникъ пушкинскаго таланта, былъ однимъ изъ первыхъ издателей Пушкина. «На переводъ Иліады» Пушкинъ отозвался всѣмъ извѣстными великолѣпными словами, сказанными имъ гомеровскимъ языкомъ:

«Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
«Старца великаго тѣнь чую смущенной душой»,

◇ *РИС. 118* ◇

409. «ЕЯ ГЛАЗА», 1828.

Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!
Потупитъ ихъ съ улыбкой Лели —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!

◇ *РИС. 119* ◇

410. Гр. В. А. Соллогубъ, «Пережитые дни».

Президентъ Академіи художествъ и директоръ Императорской библіотеки А. Н. Оленинъ принадлежалъ къ исчезнувшему нынѣ типу начальниковъ-хлѣбосоловъ. И въ столичномъ домѣ его и на дачѣ художники и литераторы принимались, какъ члены его семьи. Тутъ какъ стараго ребенка баловали Крылочку, то-есть Крылова. Тутъ высокопарсовавалъ ходячій гекзаметръ Гнѣдичъ. Тутъ помню Лобанова, сочинителя забытыхъ трагедій. Тутъ я первый разъ увидѣлъ Пушкина, который былъ неравнодушенъ къ второй дочери хозяина, но не вмѣшивался въ наши игры и всегда хранилъ въ обществѣ нѣкоторую офиціальную серьезность, подобающую достоинству перваго русскаго поэта. Тутъ бывали Брюлловъ, Варнекъ, писавшій портреты хозяевъ, скульпторы, живописцы, археологи. Я смотрѣлъ на нихъ съ благоговѣніемъ, ловилъ каждое ихъ слово, ставилъ себѣ въ образецъ. Вообще начало благоговѣнія было присуще всѣмъ дѣятелямъ искусства той и даже позднѣйшей эпохи. Жуковскій благоговѣлъ передъ Державинымъ, Пушкинъ передъ Жуковскимъ, Гоголь передъ Пушкинымъ...

411. С. Уваровъ, «Домъ А. Н. Оленина», 1851.

Искусство и литература находили скромное, но постоянное убѣжище въ домѣ А. Н. Оленина. Этотъ достойный сановникъ былъ отъ природы страстный любитель искусствъ и литературы. При долговременной службѣ онъ все свободное время посвящалъ своимъ любимымъ предметамъ. Можетъ быть, ему недоставало вполнѣ этой быстрой, наглядной смѣтливости, этого уточненнаго чувства, столь полезнаго въ дѣлѣ художествъ, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось къ развитію отечественныхъ талантовъ, много содѣйствовала успѣхамъ русскихъ художниковъ. Кипренскій былъ имъ взысканъ и поощряемъ; конечно, Егоровъ, Шебуевъ, оба Брюлловы не забыли постояннаго о нихъ попеченія А. Н. Оленина. Сверхъ того, Оленинъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей русской археологіи...

Дому Оленина служила украшеніемъ его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ — она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ. Крыловъ особенно находилъ въ ней не только участіе друга, но даже и попечительность доброй матери. Онъ съ своей лафонтеновскою безпечностью нашелъ въ Елизаветѣ Марковнѣ другую г-жу де-Ласабліеръ. Вообще домъ Оленина немало содѣйствовалъ къ извѣстности Крылова, который Оленинымъ былъ представленъ ко двору и опредѣленъ въ Императорскую Публичную библіотеку. Лучшія произведенія Крылова были читаны въ первый разъ въ кругу друзей Оленина, къ числу которыхъ принадлежалъ Н. И. Гнѣдичъ, ревностный переводчикъ Гомера, чей замѣчательный трудъ и тщательное изученіе греческаго подлинника, къ сожалѣнію, не всегда встрѣчаютъ нынѣ достойную оцѣнку.

◇ *РИС. 120* ◇

412. «О ВЫХОДѢ ИЛІАДЫ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА», «Литер. Газета», 1830.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе, — съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами.

413. Н. И. Гнѣдичъ — Пушкину, въ отвѣтъ на замѣтку въ «Литер. Газетѣ».

Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что-либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко. Это лучше царскихъ перстней.

414. Н. И. Гнѣдичъ—Пушкину, 23 апр. 1832 г. (По прочтеніи Сказки о Царѣ Салтанѣ).

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира, —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра:
Ты — нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

415. Пушкинъ—Н. И. Гнѣдичу, 24 марта 1821 г., изъ Кишинева.

Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,—
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый ..
Избранникъ Феба! Твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны...

416. Н. И. Гнѣдичъ, «Пріютино», 1820.

Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
И спящее въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ
Я эхо сѣвера вечернею порою
Будилъ гармоніей Гомеровыхъ стиховъ.

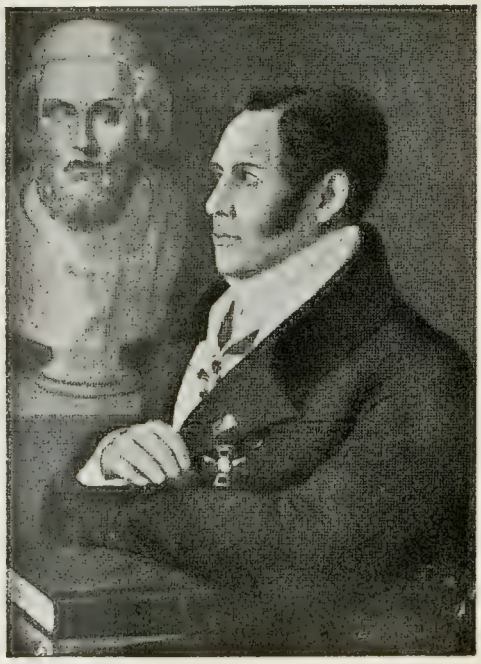


Рис. 121.

Балъ у графини Закревской.

Акварель графа де-Бальмена.

Графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, жена графа А. А. Закревскаго, николаевскаго сановника, впослѣдствіи московскаго генералъ-губернатора; среди свѣтскихъ красавицъ была отмѣчена Пушкинымъ, какъ «беззаконная комета среди расчисленныхъ свѣтилъ».

Рис. 122.

Сенатская площадь въ началѣ XIX вѣка.

Съ акварели Патерсона.

Пушкинъ чувствовалъ непреодолимое тяготѣніе къ высшему свѣту. «Большого свѣта блескъ и шумъ давно плѣняли юный умъ», — эти черновыя строчки изъ «Евгенія Онѣгина» имѣютъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Извѣстно, что и Пущинъ, и, въ болѣе поздніе годы, Дельвигъ старались отклонить Пушкина отъ этого увлеченія, въ основѣ коего у Пушкина лежало, прежде всего, сильно развитое въ немъ чувство собственнаго аристократизма. Стоитъ вспомнить запись въ «Дневникѣ» разговора его съ Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ, на вечерѣ у Е. М. Хитрово: «говоря о старомъ дворянствѣ я сказалъ: Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous... etc.» (Мы, будучи такими же добрыми дворянами, какъ Императоръ и Вы и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, жизнь высшаго общества съ его законченными формами, съ роскошью и изяществомъ обстановки, съ отсутствіемъ всего рѣзкаго, грубаго, вульгарнаго, безвкусно-криклизаго и жеманнаго, привлекала Пушкина, какъ художника. Пусть приходитъ порою сознаніе внутренней пустоты жизни, протекающей «въ тревогѣ пестрой и безплодной большого свѣта и двора»; пусть приходитъ все съ большею силою желаніе вырваться изъ этого круга. Все равно: если о юныхъ лѣтахъ своихъ Пушкинъ говорилъ: «во дни веселій и желаній я былъ отъ балозъ безъ ума», то и въ послѣдніе годы жизни не освободился онъ отъ чаръ свѣта; достаточно посмотрѣть какое мѣсто въ «Дневникѣ» занимаютъ записи о жизни аристократическо-придворной столицы.

Не удивительно, что попавъ въ Петербургъ, Пушкинъ отдался увлеченію свѣтомъ, ведя, вообще, разсѣянный образъ жизни. «Онъ легко знакомился, сближался, особенно съ молодыми людьми, велъ, позидимому, самую разсѣянную жизнь, танцовалъ на балахъ, волочился за женщинами, игралъ въ карты, участвовалъ въ пирахъ тогдашней молодежи, посѣщалъ разные слои общества», пишетъ о немъ одинъ современникъ. Съ семьею своею Пушкинъ помирился, но бывалъ тамъ рѣдко. «Александръ Пушкинъ былъ,—замѣчаетъ Вяземскій,—во многихъ отношеніяхъ внимательный и почтительный сынъ. Онъ готовъ былъ даже на нѣкоторыя самопожертвованія для своихъ родителей; но не въ его натурѣ было быть хорошимъ семьяниномъ: домашній очагъ не привлекалъ и не удерживалъ его. Онъ во время разлуки рѣдко писалъ къ родителямъ, рѣдко бывалъ у нихъ, когда живалъ съ ними въ одномъ городѣ. «Давно-ли видѣлъ ты отца?» — спросилъ его однажды NN. — «Недавно». — «Да какъ ты понимаешь это? Можетъ быть, ты недавно видѣлъ его во снѣ?» Пушкинъ былъ очень дозоленъ этой увертkой и, смѣясь, сказалъ, что для успокоенія совѣсти усвоитъ ее себѣ». Впрочемъ, родительскій очагъ не могъ дать Пушкину покоя: ему самому пришлось въ бытность его въ это время въ Петербургѣ выступить примирителемъ между родителями и сестрою, вышедшею замужъ помимо ихъ воли. Лучше всего чувствовалъ себя Пушкинъ въ Петербургѣ, конечно, въ домѣ своего любимаго товарища Дельвига, имѣвшаго на него самое благотворное вліяніе.

Какъ всегда, Пушкинъ и въ Петербургѣ много читалъ и работалъ. Однажды работа его захватила такъ, какъ это съ нимъ бывало обыкновенно только въ деревнѣ. Онъ запоемъ въ ненастную петербургскую осень, не переводя духу, написалъ «Полтаву». Объ этомъ разсказываетъ Ю. М. Юзефовичъ: «Изъ всѣхъ временъ года Пушкинъ любилъ болѣе всего осень, и чѣмъ хуже она была, тѣмъ для него было лучше. Онъ говорилъ, что только осенью овладѣвалъ имъ бѣсъ стихотворства, и разсказывалъ по этому поводу, какъ была написана имъ «Полтава». Это было въ Петербургѣ. Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему грезились даже во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ впотьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, стихи преслѣдовали его и туда, онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ наброска не оставалось и четвертой части. «Я видѣлъ у него черновые листы до того измаранные, что на нихъ ничего нельзя было разобрать: надъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось ни одного чистаго мѣста. Несмотря однако же, на такую работу, онъ кончилъ «Полтаву», помнится, въ три недѣли». «Зимой 1828 года, — разсказываетъ о томъ же А. П. Кернъ, — Пушкинъ писалъ «Полтаву» и полный ея поэтическихъ образовъ и гармоническихъ стиховъ, часто входилъ ко мнѣ въ комнату, повторяя послѣдній, написанный имъ стихъ; такъ онъ разъ вошелъ, громко произнося: «Ударилъ бой, Полтавскій бой!»

◇ *РИС. 121 и 122* ◇

417. «КАКОВЪ Я ПРЕЖДЕ БЫЛЪ», 1828.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу-ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль билася я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

418. Н. А. Мухановъ—А. А. Муханову, 15 іюля 1827 г., изъ Петербурга.

Пушкина я вовсе не вижу, встрѣчаю его иногда въ клубѣ, онъ здѣсь въ кругу шумномъ и веселомъ молодежи, въ которомъ я не бываю; впрочемъ, мы сошлись съ нимъ хорошо, не часто видимся, но видимся дружески, безъ церемоній... Съ Пушкина списалъ Кипренскій портретъ необычайно схожій.

419. А. П. Керн, «Воспоминанія».

Съ Пушкинымъ я опять увидѣлась въ Петербургѣ, въ домѣ его родителей, гдѣ я бывала почти всякій день и куда онъ пріѣзжалъ изъ своей ссылки въ 1827 году, проживъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ тогда веселъ, но чего-то ему недоставало... Тотчасъ по пріѣздѣ онъ усердно началъ писать, и мы его рѣдко видѣли. Онъ жилъ въ трактирѣ Демута (на набережной Мойки, гдѣ впослѣдствіи помѣщался Дононъ), его родители—на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста... Мать его Надежда Осиповна, горячо любившая дѣтей своихъ, гордилась имъ и была очень рада и счастлива, когда онъ посѣщалъ ихъ и оставался обѣдать. Она заманивала его къ обѣду печенымъ картофелемъ, до котораго Пушкинъ былъ большой охотникъ.

420. В. А. Жуковскій — А. А. Воейковой. 4 февраля 1828 г.

Пушкина, Ольга Сергѣевна, однимъ утромъ приходитъ къ брату Александру и говоритъ ему: Милый братъ, поди скажи нашимъ общимъ родителямъ, что я вчера вышла замужъ за... (не помню, кого). Братъ удивился, немного разсердился, но, какъ умный человѣкъ, тотчасъ увидѣлъ, что худой миръ лучше доброй ссоры, и понесъ извѣстіе къ родителямъ. Сергѣю Львовичу сдѣлалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкинъ замѣчаетъ, что отецъ его въ безпамятствѣ горя поднялъ споръ съ цырюльникомъ и началъ учить его, какъ пускать кровь, но тѣмъ и кончилъ, а теперь всѣ помирились.

421. А. П. Маркова-Виноградская (Керн)—П. В. Анненкову.

Я замѣтила... что въ немъ было до чрезвычайности развито чувство *благодарности:* самая малѣйшая услуга ему или кому-нибудь изъ его близкихъ трогала его несказанно. Такъ, я помню однажды потомъ батюшка мой, разговаривая съ нимъ на этой же квартирѣ Дельвига, коснулся этого событія, то-есть свадьбы его сестры, имъ нѣжно любимой, и сказалъ ему, указывая на меня: «А эта дура, въ одной рубашкѣ побѣжала черезъ Фонтанку». Въ это время Пушкинъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ моимъ на диванѣ, противъ меня, подмявши, по своему обыкновенію, ноги, и, ничего не отвѣчая, быстро схватилъ мою руку и крѣпко поцѣловалъ: краснорѣчивый протестъ противъ шуточнаго обвиненія сердечнаго порыва!

422. Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», 1899. Со словъ А. П. Керн.

Пушкинъ, узнавши о пріѣздѣ Дельвига *(7 окт. 1828 г., въ тотъ самый домъ, въ Петербургѣ, гдѣ жила и А. П. Керн)*, тотчасъ пріѣхалъ, быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и бросился въ его объятія; они цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другого. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ.

423. Бар. А. И. Дельвигъ, «Мои воспоминанія».

Пушкинъ въ дружескомъ обществѣ былъ очень пріятенъ и ко мнѣ съ самаго перваго знакомства очень привѣтливъ. Дельвигъ со всѣми товарищами по лицею былъ одинаковъ въ обращеніи, но Пушкинъ обращался съ ними разно. Съ Дельвигомъ онъ былъ вполнѣ друженъ и слушался, когда Дельвигъ его удерживалъ отъ излишней картежной игры и отъ слишкомъ частаго посѣщенія знати, къ чему Пушкинъ былъ очень склоненъ. Съ нѣкоторыми же изъ своихъ товарищей лицеистовъ, въ которыхъ Пушкинъ не видѣлъ ничего замѣчательнаго, и въ томъ числѣ съ М. Л. Яковлевымъ, обходился нѣсколько надменно, за что ему часто доставалось отъ Дельвига. Тогда Пушкинъ видимо на нѣсколько времени измѣнялъ свой тонъ и съ этими товарищами.

424. А. С. Андреевъ, «Встрѣча съ Пушкинымъ», передъ картиной К. П. Брюллова «Итальянское утро», 1827.

Пушкинъ о копіяхъ:—Да, это какъ стихи, подъ извѣстный кадансъ можно ихъ тысячи надѣлать, и всѣ они будутъ хороши. Я ударилъ объ наковальню русскаго языка, и вышелъ стихъ — и всѣ начали писать хорошо.—Въ это время онъ взглянулъ на Дельвига, и тотъ съ обычной своей скромностью и добродушіемъ потупилъ глаза, отвѣтилъ:—Да.

425. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 8, VI—VII, 1830.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій раутъ привожу:
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ, сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

Ей нравится порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ.
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ...

———

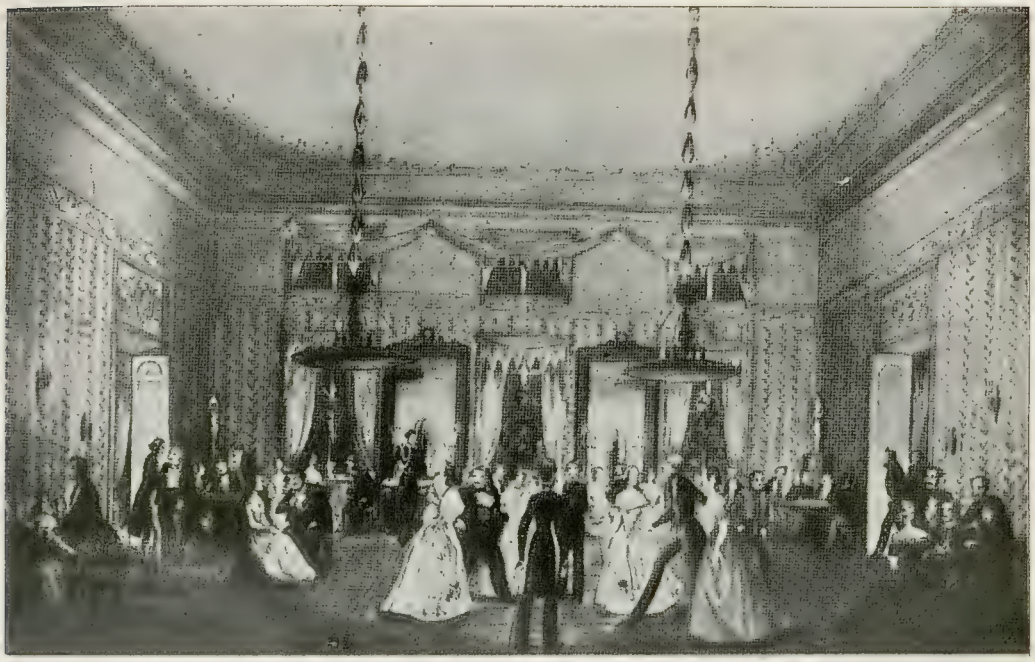


Рис. 123.
Пушкинъ.
Портретъ кисти худ. О. А. Кипренскаго.

Рис. 124.
Факсимиле Пушкина.
Изъ стихотворенія «КОЗЛОВУ», 1825.

«О нѣтъ! не даромъ Жизнь и Лира
«Мнѣ были ввѣрены Судьбой! — *А. П.*»

Портретъ написанъ знаменитымъ художникомъ О. А. Кипренскимъ въ 1827 году, по заказу друга Пушкина А. А. Дельвига, а послѣ смерти его былъ пріобрѣтенъ Пушкинымъ у вдовы Дельвига за 4.000 рублей. С. Л. Пушкинъ писалъ уже послѣ смерти поэта: «лучшій портретъ сына моего есть тотъ, который написанъ Кипренскимъ и гравированъ Уткинымъ». А. В. Никитенко, видѣвшій этотъ портретъ на выставкѣ картинъ въ Академіи Художествъ, отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ: — «Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія: этотъ портретъ писанъ Кипренскимъ».

Пребываніе Пушкина въ Петербургѣ такъ же мало удовлетворило его, какъ и возвращеніе въ Москву изъ ссылки. Уже лѣтомъ 1827 года онъ писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпость и глупость обѣихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ между обоими городами, я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ, что онъ предпочитаетъ — быть колесованнымъ или повѣшеннымъ — отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ». Это были не просто любезныя фразы по адресу близкой его сердцу хозяйки Тригорскаго. Въ началѣ 1828 года Пушкинъ готовъ былъ бѣжать изъ Петербурга: онъ порывался или уѣхать въ Парижъ, о чемъ онъ ходатайствовалъ передъ Бенкендорфомъ, или отправиться въ дѣйствующую армію, на войну съ Турціей. Не только въ первомъ, но и во второмъ его желаніи Пушкину было отказано, причемъ въ этомъ отказѣ играло роль не только нежеланіе подвергать поэта опасности, но и недовѣріе (въ частности со стороны В. Кн. Константина Павловича) къ политической благонадежности Пушкина. А между тѣмъ Пушкинъ самымъ искреннимъ и выразительнымъ образомъ проявлялъ свою лояльность. Напримѣръ, на обѣдѣ у Греча (6 декабря 1827 г.) онъ такъ восхищался куплетами А. Е. Измайлова: «Итакъ, молитву сотворя, — во-первыхъ — здравіе Царя», что, списавъ ихъ, повезъ Е. А. Карамзиной...

Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ не былъ въ состояніи сколько-нибудь долго оставаться въ Петербургѣ; онъ то возвращался въ Москву, то уѣзжалъ въ деревню. «Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Петербургъ, утомленіе и какая-то нравственная усталость нападаютъ на Пушкина; — говоритъ примѣнительно къ одному посѣщенію Пушкинымъ Петербурга П. В. Анненковъ — Онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая всегда являлась у него, какъ вѣрный признакъ отсутствія дѣятельности духовной». Но для людей тонкихъ и наблюдательныхъ духовный ростъ Пушкина обнаруживался съ очевидностью. Такъ, Мицкевичъ писалъ о Пушкинѣ этого періода:—«Пушкинъ увлекалъ, изумлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, былъ одаренъ необыкновенною памятью, сужденіемъ вѣрнымъ, вкусомъ утонченнымъ и превосходнымъ. Когда говорилъ онъ о политикѣ внѣшней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человѣка, заматерѣвшаго въ государственныхъ дѣлахъ и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентарныхъ преній. Я довольно близко и довольно долго зналъ русскаго поэта; находилъ я въ немъ характеръ слишкомъ впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренній, благородный и способный къ сердечнымъ изліяніямъ. Погрѣшности его казались плодами обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ: все, что было въ немъ хорошаго, вытекало изъ сердца. Въ этой эпохѣ онъ прошелъ только часть того поприща, на которое былъ призванъ: ему было тридцать лѣтъ. Тѣ, которые знали его въ это время, замѣчали въ немъ значительную перемѣну. Вмѣсто того, чтобы съ жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые нѣкогда занимали его исключительно, онъ нынѣ болѣе любилъ вслушиваться въ разсказы народныхъ былинъ и пѣсней и углубляться въ изученіе отечественной исторіи. Казалось, онъ окончательно покидалъ чуждыя области и пускалъ корни въ родную почву. Одновременно разговоръ его, въ которомъ часто прорывались задатки будущихъ твореній его, становился сбдуманнѣе и степеннѣе. Онъ любилъ обращать разсужденія на высокіе вопросы религіозные и общественные, о существованіи коихъ соотечественники его, казалось, и понятія не имѣли. Очевидно, поддавался онъ внутреннему преобразованію».

◇ *РИС. 123* ◇

426. А. В. Никитенко, «Моя повѣсть о самомъ себѣ».

8 іюня 1827 г. Я просидѣлъ у г-жи Кернъ до десяти часовъ вечера. Когда я уже прощался съ нею, пришелъ поэтъ Пушкинъ. Это человѣкъ небольшого роста, на первый взглядъ не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Если смотрѣть на его лицо, начиная съ подбородка, то тщетно будешь искать въ немъ, до самыхъ глазъ, выраженія поэтическаго дара. Но глаза непремѣнно остановятъ васъ: въ нихъ вы увидите лучи того огня, которымъ согрѣты его стихи. Объ обращеніи его и разговорѣ ничего не могу сказать, потому что я скоро ушелъ.

427. В. П. Гаевскій, «Дельвигъ», 1854.

Зиму и весну 1827—1828 г. Пушкинъ очень часто видался съ Дельвигомъ. По свидѣтельству жившаго въ то время у Дельвига роднаго его брата, Александра Антоновича, Пушкинъ бывалъ у нихъ почти всякій вечеръ... Бесѣды происходили обыкновенно въ кабинетѣ Дельвига. Пушкинъ сидѣлъ на диванѣ, по-турецки, съ ногами, Дельвигъ подлѣ него на креслѣ, а передъ нимъ на столѣ лежала бумага и карандашъ. Разговоры ихъ нерѣдко перемѣшивались экспромтами Пушкина, которые Дельвигъ немедленно записывалъ...

Литературныя чтенія въ обществѣ, весьма обыкновенныя въ то время, особенно часто бывали у Дельвига. Стихотворенія и прозаическія статьи, присылавшіяся Дельвигу для помѣщенія въ его альманахѣ (*«Сѣверные Цвѣты»*), прочитывались и обсуждались въ этой пріятельской бесѣдѣ; здѣсь же часто обыкновенно читались новыя произведенія Пушкина, Баратынскаго и Жуковскаго. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Пушкинъ читалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». При чтеніи присутствовалъ и Мицкевичъ. По совѣту Дельвига и Мицкевича, Пушкинъ исключилъ изъ своей трагедіи сцену между Григоріемъ и злымъ чернецомъ, предшествовавшую сценѣ между Пименомъ и Григоріемъ въ Чудовомъ монастырѣ. Исключенная сцена, по мнѣнію обоихъ поэтовъ, ослабляла впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена.

428. Пушкинъ—П. А. Осиповой, 24 янв. 1828 г., изъ Петербурга.

Сознаюсь вамъ, что мое существованіе въ Петербургѣ достаточно глупое, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или инымъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли я еще въ Михайловское. Однако, это было моимъ желаніемъ. Петербургская суета и шумъ стали мнѣ совершенно невыносимыми — я переношу ихъ съ нетерпѣніемъ. Я предпочитаю нашъ прекрасный садъ и прекрасные берега Сороти. Вы видите, что мои вкусы еще достаточно поэтичны, несмотря на скверную прозу моего нынѣшняго существованія.

429. Кс. А. Полевой, «Записки».

О Пушкинѣ любопытны всѣ подробности. Жилъ онъ въ гостиницѣ Демута, гдѣ занималъ бѣдный нумеръ, состоящій изъ двухъ комнатокъ, и велъ жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, онъ, когда былъ одинъ, читалъ, лежалъ въ постелѣ, а когда къ нему приходилъ гость, онъ вставалъ съ своей постели, усаживался за столикъ съ туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистилъ, обтачивалъ и приглаживалъ свои ногти, такіе длинные, что ихъ можно назвать когтями. Иногда заставалъ я его за другимъ столикомъ — карточнымъ... Жалко бывало смотрѣть на этого необыкновеннаго человѣка, распаленнаго грубою и глупою страстью! Зато онъ былъ удивительно уменъ и пріятенъ въ разговорѣ, касавшемся всего, что можетъ занимать образованный умъ. Многія его замѣчанія и сужденія невольно врѣзывались въ памяти.

Вообще, какъ критикъ, онъ былъ умнѣе на словахъ, нежели на бумагѣ. Иногда вырывались у него чрезвычайно мѣткія, остроумныя замѣчанія, которыя были бы некстати въ печатной критикѣ, но въ разговорѣ поражали своей истиною.

Самолюбіе его проглядывало во всемъ. Онъ хотѣлъ быть прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ аристократическому кругу.

Въ 1828 г. Пушкинъ былъ уже далеко не юноша, тѣмъ болѣе, что, послѣ бурныхъ годовъ первой молодости и тяжкихъ болѣзней, онъ казался по наружности истощеннымъ и увядшимъ; рѣзкія морщины виднѣлись на его лицѣ; но онъ все еще хотѣлъ казаться юношею. Разъ какъ то, не помню, по какому обороту разговора, я произнесъ стихъ его, говоря о немъ самомъ: — Ужель мнѣ *точно* тридцать лѣтъ? — Онъ тотчасъ возразилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! У меня сказано: Ужель мнѣ *скоро* тридцать лѣтъ? Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь съ юностью». Надобно замѣтить, что до *рокового термина* оставалось нѣсколько мѣсяцевъ!

430. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Незнакомецъ быстро прошелъ черезъ залу, въ гостиную, гдѣ сидѣли серьезные люди. Я замѣтила, что онъ отлично держится, закидываетъ голову назадъ, что у него густые, вьющіеся волосы, но не такіе длинные, какъ у Хомякова, и онъ не такой смуглый, какъ Хомяковъ. Я спросила Софи Карамзину, кто это пришелъ сейчасъ. Она отвѣтила: — «Маленькій, блѣдный, курчавый? Значитъ —Пушкинъ».

Мы рѣшили, что пора танцовать мазурку... Вошла Катерина Андреевна *(Карамзина)*, позвала меня и сказала: — Представляю вамъ Пушкина, онъ проситъ васъ на мазурку.

Я согласилась. Меня забавляло танцовать съ «африкосомъ» (выраженіе Жуковскаго о Пушкинѣ). У него голубые глаза съ сѣрымъ оттѣнкомъ; когда зрачки расширяются, то глаза кажутся черными. Странные глаза: они мѣняютъ цвѣтъ, глаза говорящіе. Его волосы вьются, но они не черные и не курчавые. Зубы — поразительной бѣлизны и, когда онъ смѣется, всѣ они видны. Губы полныя, но не очень толстыя. Въ немъ нѣтъ ничего негритянскаго. Воображаютъ, что онъ непремѣнно долженъ походить на негра, потому что его предокъ Ганнибалъ—негръ... Но Ганнибалъ не негръ, а абиссинецъ... Софи Карамзина говорила мнѣ, что Пушкинъ до двѣнадцати лѣтъ былъ блондиномъ и потемнѣлъ уже позже... У Пушкина прекрасныя руки съ очень тонкими пальцами. Онъ для танцевъ надѣлъ перчатки. Онъ простой, но элегантный; отлично держитъ себя, танцуетъ дурно, *очень дурно* и смѣется, какъ ребенокъ. У него грустная и добрая улыбка; голосъ очень пріятный: въ этомъ голосѣ есть что-то откровенное. Время отъ времени онъ насмѣшливо улыбается.

Вотъ каковъ Пушкинъ!

———

О нѣтъ! не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

А. П.

MUSEUM OF RUSSIAN CULTURE INC.
2450 SUTTER STREET
SAN FRANCISCO 15, CALIFORNIA

Рис. 125.

Наталія Николаевна Пушкина невѣстой.

Съ акварели А. Брюллова.

«Изъ наслажденій жизни
«Одной любви музыка уступаетъ;
«Но и любовь мелодія».

«Съ тѣхъ поръ, какъ Петрарка писалъ сонеты Лаурѣ, не будучи ея любовникомъ, всегда воображаютъ, что если поэтъ пишетъ стихи, заглавіе которыхъ — женское имя, то онъ пишетъ о своей любовницѣ; но эти поэмы всего чаще — просто гимны любви, воспѣвающіе Эросъ болѣе, чѣмъ женщину. Женское имя такъ же мало реально, какъ всѣ эти Хлои, Лидіи или Деліи XVIII вѣка. Это только названіе». Такъ говорилъ Пушкинъ и въ извѣстной мѣрѣ былъ правъ. Тѣмъ не менѣе біографія Пушкина особенно тѣснымъ образомъ связана съ его творчествомъ подъ угломъ зрѣнія «Эроса». — Отношеніе Пушкина къ женщинѣ не поддается однозначному опредѣленію: кажется, всѣ возможные оттѣнки человѣческой души нашли себѣ отраженіе и въ его жизни и въ его творчествѣ. Человѣкъ бурнаго темперамента, Пушкинъ растратилъ много душевныхъ силъ на женщинъ, и это, естественно, должно было отразиться на его обращеніи съ ними. Людямъ даже къ нему близкимъ иногда казалось, что онъ вообще неспособенъ глубоко и серьезно относиться къ женщинамъ. Такимъ было не только мнѣніе пріятеля Пушкина, холодно-развращеннаго А. Н. Вульфа, но отчасти и мнѣніе брата. Самъ Пушкинъ не разъ и въ стихахъ и въ прозѣ горько и жестко судилъ о женщинахъ. «И признакъ Бога, вдохновенье, для нихъ и чуждо и смѣшно», говорилъ онъ. Онъ сѣтовалъ на отсутствіе у нихъ литературныхъ интересовъ, вкуса къ поэзіи, указывалъ на то, что «природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго»...

«Когда на память мнѣ невольно
«Придетъ внушенный ими стихъ
«Я содрогаюсь, сердцу больно,
«Мнѣ стыдно идоловъ моихъ».

И вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ былъ способенъ и на рыцарское поклоненіе женщинѣ, и на чистую любовь, и на безкорыстную дружбу, а когда онъ находилъ у женщины пониманіе его литературныхъ и идейныхъ интересовъ, онъ всею душою отдавался общенію съ такой женщиной: яркимъ примѣромъ можетъ служить А. О. Россетъ-Смирнова.

Идеаломъ Пушкина неизмѣнно оставался образъ старозавѣтной семьи, основанной на бракѣ и требующей вѣрности, даже при отсутствіи любви. Вспомнимъ Татьяну въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и Машу въ «Дубровскомъ». Бракъ — священная форма любви. Это было не только литературнымъ убѣжденіемъ Пушкина, но стало догматомъ и его личной вѣры. Въ одномъ разговорѣ между Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ, Вяземскимъ и нѣкоторыми другими гостями А. О. Россетъ-Смирновой, по вопросу объ изображеніи любви въ литературѣ, «послѣднее слово, — пишетъ А. О. Россетъ-Смирнова, — осталось за Пушкинымъ, онъ сказалъ: «Да, только и остается, что любовь въ бракѣ, это верхъ человѣческаго достоинства въ любви»... Когда онъ уѣхалъ съ Тургеневымъ, мы переглянулись и мой мужъ замѣтилъ: «Увѣряютъ, что Пушкинъ человѣкъ безнравственный. Если онъ и не безупреченъ, какъ Жуковскій, — увлеченія его молодости, заходившія довольно далеко, не оставили на немъ никакихъ слѣдовъ. Душа осталась такой чистой потому, что сердце такъ открыто, совѣсть такъ чутка».—Не случайно Пушкинъ, несмотря на свою влюбчивость и свое непостоянство въ увлеченіяхъ, такъ настойчиво стремился связать свою свободу бракомъ. Но ни одна дѣвушка не способна была настолько поразить его воображеніе, чтобы увлеченіе, даже и страстное, могло обратиться въ прочную любовь: только Наталія Николаевна Гончарова своею несравненною красотою и нѣкоторыми обаятельными свойствами кроткаго и застѣнчиваго характера сумѣла, совсѣмъ того не желая, овладѣть душою геніальнаго поэта.

◇ *РИС. 125* ◇

431. А. П. Арапова (урожд. Ланская), «Н. Н. Пушкина-Ланская», «Новое Время», 1907.

Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой только минуло шестнадцать лѣтъ, когда они впервые встрѣтились съ Пушкинымъ на балу въ Москвѣ. Въ бѣломъ воздушномъ платьѣ, съ золотымъ обручемъ на головѣ, она въ этотъ знаменательный вечеръ поражала всѣхъ своей классической, царственной красотой. Ал. Сер. не могъ оторвать отъ нея глазъ. Слава его уже тогда прогремѣла на всю Россію. Онъ всюду являлся желаннымъ гостемъ; толпы цѣнителей и восторженныхъ поклонницъ окружали его, ловя всякое слово, драгоцѣнно сохраняя его въ памяти. Наталья Николаевна была скромна до болѣзненности; при первомъ знакомствѣ ихъ его знаменитость, властность, присущіе генію, — не то что сконфузили, а какъ-то придавили ее. Она стыдливо отзѣчала на восторженныя фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее въ глазахъ поэта.

432. С. Н. Гончаровъ, по записи П. И. Бартенева. «Русск. Арх.», 1881.

Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстого, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобы онъ съѣздилъ къ нимъ и испросилъ позволенія привезти Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе, что вся семья обращала на него большое вниманіе. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Изановной (матерью) у нихъ бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось прогозариваться о проявленіяхъ благочестія и объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго Государя она выражалась не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину напрямикъ не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр.

433. Пушкинъ — Н. И. Гончаровой, 1 мая 1829 г. (Передъ отъѣздомъ на Кавказъ.)

На колѣняхъ проливая слезы благодарности. — вотъ какъ долженъ бы я писать вамъ теперь, когда графъ Толстой привезъ мнѣ вашъ отвѣтъ: этотъ отвѣтъ — не отказъ, вы мнѣ позволяете надѣяться. Тѣмъ не менѣе, если я еще ропщу, если грусть и горечь примѣшиваются къ чувству счастья — не обвиняйте меня въ неблагодарности. Простите нетерпѣніе сердца больного и пьянаго отъ счастья. Я ѣду сейчасъ, я увожу въ глубинѣ души образъ небеснаго существа, обязаннаго вамъ существованіемъ.

434. Пушкинъ — Н. И. Гончаровой, первая половина апрѣля 1830 г., Москва.

Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, красоту ея только что начали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ ея руки. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ ту же ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, — зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея.

435. Кн. Пав. П. Вяземскій, «Собр. соч.».

Пушкинъ пораженъ былъ красотой Н. Н. Гончаровой съ зимы 1828-1829 года. Онъ, какъ самъ говорилъ, началъ помышлять о женитьбѣ, желая покончить жизнь молодого человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой-нибудь юноша могъ трепать его по плечу на балѣ и звать въ неприличное общество... Холостая жизнь и несоотвѣтствующее лѣтамъ положеніе въ свѣтѣ надоѣли Пушкину съ зимы 1828-1829 года. Устраняя напускной цинизмъ самого Пушкина и судя почеловѣчески, слѣдуетъ полагать, что Пушкинъ влюбился не на шутку около начала 1829 года.

436. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Пушкинъ попросилъ баронессу Клебекъ спѣть «Красный Сарафанъ» Цыганова. Пушкинъ очень любитъ этотъ романсъ.

— Онъ конечно, напоминаетъ тебѣ Тригорское и Евпраксію? — спросилъ его Жуковскій.

— Нисколько, отвѣтилъ Пушкинъ: онъ напоминаетъ мнѣ одинъ вечеръ въ Москвѣ, гдѣ была и моя жена; я уже былъ влюбленъ и мнѣ очень хотѣлось сказать ей: «Не говорите вашей матушкѣ того, что говоритъ въ этомъ романсѣ дѣвушка своей матери, потому что если вы не выйдете за меня, я уйду въ святогорскіе монахи, не буду писать стиховъ и русскія хрестоматіи очень много потеряютъ отъ этого... Вы же, какъ Татьяна, выйдете замужъ за генерала, и онъ будетъ гораздо ревнивѣе, чѣмъ я».

— И ты сказалъ? — спросилъ его Жуковскій.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Пушкинъ, побоялся... Впрочемъ, она тогда такъ ласково посмотрѣла на меня, что во мнѣ зародилась надежда...

437. «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», гл. 6, XLV. 1826.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

438. «СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА», 1829.

Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.
. . . . . .
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да *щей горшокъ, да самъ большой.*

———

Рис. 126.

Пушкинъ (миніатюра В. А. Тропинина)
и родители Наталіи Николаевны — Н. А. и Н. И. Гончаровы
(миніатюры Voiltier).

Этотъ миніатюрный портретъ Пушкина былъ подаренъ имъ своей невѣстѣ, Н. Н. Гончаровой. — Всѣ три миніатюры демонстрировались на Пушкинской выставкѣ, устраивавшейся Сергѣемъ Лифаремъ въ 1937 году, въ Парижѣ.

Рис. 127.

Имѣніе Гончаровыхъ Яропо́лецъ.

Съ фотографіи.

Дворянскій родъ Гончаровыхъ ведетъ начало отъ калужскаго куп̀ца Аѳанасія Абрамовича Гончарова (1699—1784). Человѣкъ предпріимчивый и энергичный, онъ, въ царствованіе Императора Петра Великаго, ему покровительствовавшаго, устроилъ фабрику паруснаго полотна, а нѣсколько позже и бумажную фабрику. Въ 1742 году онъ получилъ потомственное дворянство и право владѣть крѣпостными людьми. По самымъ крупнымъ размѣровъ его богатство достигло при Императрицѣ Екатеринѣ Великой; ему принадлежало тогда до 70-ти владѣній (имѣнія, фабрики, заводы, дома въ Москвѣ и проч.). Въ 1775 году «Полотняный заводъ», имѣніе Гончаровыхъ въ 16-ти верстахъ отъ Калуги, удостоился посѣщенія Императрицы, которая, по преданію, посѣтила въ роскошно убранномъ домѣ А. А. Гончарова. Въ 1778 году по его ходатайству Полотняный заводъ сталъ майоратомъ рода Гончаровыхъ. Другимъ извѣстнымъ имѣніемъ Гончаровыхъ было «Яропо́лецъ», Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда. Пушкинъ былъ здѣсь въ гостяхъ у тещи въ августѣ 1833 года. Постоянно упоминается Яропо́лецъ и въ письмахъ Пушкина къ Наталіи Николаевнѣ, проводившей въ немъ лѣто 1834 года. Благосостояніе семьи Гончаровыхъ было сильно подорвано внукомъ А. А. Гончарова, Аѳанасіемъ Николаевичемъ, неумѣренно склоннымъ къ роскоши и блеску. Къ нему, какъ къ главѣ гончаровской семьи, Пушкинъ ѣздилъ на «Полотняный заводъ», въ маѣ 1830 года, представляться, въ качествѣ жениха его внучки. Его единственный сынъ, Николай Аѳанасьевичъ, отецъ Наталіи Николаевны, съ 1823 года былъ боленъ неизлѣчимою душевною болѣзнью. Къ моменту женитьбы Пушкина Гончаровы были на грани разоренія, и Пушкину пришлось даже, чтобы не откладывать далѣе и такъ затянувшейся свадьбы, дать 11000 рублей на приданое невѣсты. По смерти Аѳанасія Николаевича, въ 1832 году, тяжелое бремя наслѣдства и упорядоченія благополучія семьи легло на старшаго изъ трехъ братьевъ Наталіи Николаевны — Дмитрія Николаевича (камеръ-юнкеръ; въ семьѣ его Н. Н., послѣ смерти Пушкина, прожила на Полотняномъ заводѣ безвыѣздно два года). Второй братъ, Иванъ былъ сослуживцемъ Лермонтова по Лейбъ-гусарскому полку; младшаго брата звали Сергѣемъ.

Наталія Изановна Гончарова происходила изъ стариннаго дворянскаго рода Загряжскихъ; она была женщиной сурово-религіозной, деспотически властной, отличалась претензіями на аристократизмъ, но въ то же время была мелочно строга по отношенію дѣтей и прислуги. Ведя весь домъ и хозяйство, она же руководила всѣмъ воспитаніемъ своихъ трехъ дочерей. «Оно, по ея понятіямъ, — говоритъ Т. П. Каратыгинъ — было безупречнымъ, такъ какъ въ основу его положены были основательное изученіе танцевъ и знаніе французскаго языка лучше своего роднаго; соблюденіе строжайшей нравственности и обрядовъ православной церкви служило дополненіемъ высокаго идеала московской барышни». Старшая изъ сестеръ Наталіи Николаевны — Екатерина, впослѣдствіи фрейлина, стала, какъ извѣстно, женою Дантеса-Геккерена, а средняя — Александра, жившая съ 1834 года въ семьѣ Пушкина, была изъ всей семьи Гончаровыхъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ. На ней въ послѣдніе годы лежало наблюденіе за дѣтьми и за хозяйствомъ Пушкиныхъ.

Необходимо упомянуть еще о двухъ родственницахъ Гончаровыхъ Е. И. и Н. К. Загряжскихъ. Первая изъ нихъ — Екатерина Изановна, родная сестра Наталіи Иванозны, была фрейлиной и пользовалась при Дворѣ большимъ вліяніемъ. Къ своей племянницѣ, Наталіи Николаевнѣ, она относилась съ особенною любовью, оплачивала ея дорогіе туалеты, дарила драгоцѣнности и рекомендовала ею въ петербургскомъ свѣтѣ. О ней писалъ Пушкинъ Наталіи Николаевнѣ, въ сентябрѣ 1835 года: «Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны». Пушкинъ высоко цѣнилъ Е. И., довѣряя ей всѣ подробности домашнихъ дѣлъ и заботъ. Въ ноябрѣ 1836 года Е. И. сыграла значительную роль въ устройствѣ брака Дантеса и влюбленной въ него Екатерины Николаевны, чѣмъ удалось аннулировать первый вызовъ Пушкина. — Наталія Кириллозна Загряжская приходилась Наталіи Ивановнѣ Гончаровой теткою по мужу и, будучи екатерининскою фрейлиною, являлась живою лѣтописью шести царствованій. Пушкинъ познакомился съ нею въ 1830 г., какъ будущій родственникъ. Ея разсказы показались ему настолько любопытными, что онъ записалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своемъ собраніи историческихъ анекдотовъ «Table-Talk» (Застольныя бесѣды).

◇ *РИС. 126* ◇

439. Пушкинъ — женѣ, 26 авг. 1833 г., изъ Москвы.

Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ среду поздно. Наталія Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка; безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ и о Катеринѣ Ивановнѣ *(Загряжской)*. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ. Ей очень хотѣлось бы, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки *(Малороссійскій гетманъ)*, къ которому ходилъ я на поклоненіе... Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Наталія Ивановна позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ, набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

440. Пушкинъ — женѣ, 11 іюня 1834 г., изъ Петербурга.

Сейчасъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня — тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское село, въ домъ кн. Кочубея съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду къ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная!

441. Пушкинъ — женѣ, 11 іюля 1834 г., изъ Петербурга.

Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала.

442. Пушкинъ — Н. И. Гончаровой, конецъ августа 1834 г., изъ Полотняныхъ Заводовъ.

Милостивая Государыня матушка Наталья Ивановна! Какъ я жалѣю, что на пути моемъ изъ Петербурга не заѣхалъ я въ Ярополецъ: я бы имѣлъ и счастіе съ Вами свидѣться, и сократилъ бы нѣсколькими верстами дорогу, и миновалъ бы Москву, которую не очень люблю, и въ которой провелъ нѣсколько лишнихъ часовъ. Теперь въ Заводахъ, гдѣ нашелъ всѣхъ моихъ, кромѣ Саши, здоровыхъ; — я оставляю ихъ еще на нѣсколько недѣль и ѣду по дѣламъ отца въ его Нижегородскую деревню, а жену отправляю къ Вамъ, куда и самъ явлюсь какъ можно скорѣе... Въ Петербургѣ видался я часто съ братомъ Ив. Ник., а Серг. Ник. и жилъ у меня почти до моего отъѣзда.

443. А. П. Арапова, «Новое Время», 1907.

Подозрительность и суровость Натальи Ивановны *(Гончаровой)* все росли съ годами... Всякій былъ бы вправѣ осуждать ее, что она хоронитъ лучшіе годы дочерей въ деревенской глуши Ярополька, и этихъ соображеній было достаточно, чтобы вымѣщать на непозвинныхъ дѣвушкахъ накипѣвшую горечь: якоремъ спасенія являлась Наталья Николаевна... Пушкинъ согласился выручить свояченицъ изъ тяжелаго положенія, принявъ ихъ обѣихъ подъ свой кровъ. Вѣроятно, этому рѣшенію много способствовало побужденіе прекратить одиночество, выпавшее на долю жены и въ первое время тоскливо переносимое его.

444. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная графиня Разумовская, занимала въ петербургскомъ обществѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Въ ней было много своеобразія, обыкновенной принадлежности людей (а въ особенности женщинъ) стараго чекана. Кто не зналъ этихъ барынь минувшаго столѣтія, тотъ не можетъ имѣть понятія объ обольстительномъ владычествѣ, которое присваивали онѣ себѣ въ обществѣ и на которое общество отвѣчало сознательнымъ и благодарнымъ покорствомъ.

Въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевыхъ, у которыхъ жила, Загряжская была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была, какъ эти старые семейные портреты, писанные кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Вы съ утонченнымъ и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ сказать, ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разсказовъ Натальи Кирилловны: онъ ловилъ при ней отголоски поколѣній и общества, которые уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ ней находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую... Нѣкоторыя драгоцѣнныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены.

◇ *РИС. 127* ◇

445. Н. И. Шамуринъ, «Допожарная Москва и подмосковныя».

Нѣтъ болѣе поэтической подмосковной, чѣмъ обветшалыя Ярополицы Гончаровыхъ. Имя Пушкина, бывавшаго здѣсь у родственниковъ своей жены, заставляетъ внимательнѣе относиться къ незамысловатому дому, утопающему въ густыхъ зарослях парка. Домъ Ярополицъ, выстроенный какимъ-нибудь доморощеннымъ классикомъ безъ претензій на художественное созершенство, относится къ самому концу 18 вѣка. Своеобразной особенностью Ярополицъ является высокая стѣна, на подобіе какой-то крѣпости или кремля, съ неуклюжими башнями на углахъ и у въѣздовъ, опоясывающая всю усадьбу. Парадныя комнаты Ярополицкой усадьбы — небольшія, тѣсныя и полутемныя благодаря окружающему домъ парку — заботливо украшены, но во всемъ разлита наивная старательность, добросовѣстное слѣдованіе за вкусомъ своего вѣка. Стѣны, расписанныя ландшафтами съ классическими храмами и руинами, барельефы надъ дверями, узорчатые карнизы, колонны въ залѣ, умѣстныя и логическія въ Останкинскомъ дворцѣ, въ низкомъ и уютномъ залѣ Ярополицъ отдаютъ всей чудаковатостью добраго стараго времени. Такая же «самодѣльная» церковь съ классическими колоннами, тяжелымъ куполомъ и громаднымъ мѣднымъ шаромъ подъ крестомъ, довершаетъ идиллическій характеръ Ярополицъ. Эстетика прошла мимо Ярополицъ, но бытовыя черты запечатлѣлись въ каждомъ уголкѣ, въ каждомъ камнѣ, съ большой выразительностью. Здѣсь чувствуется подлинная жизнь прошлаго, со всѣми ея странностями и особенностями.

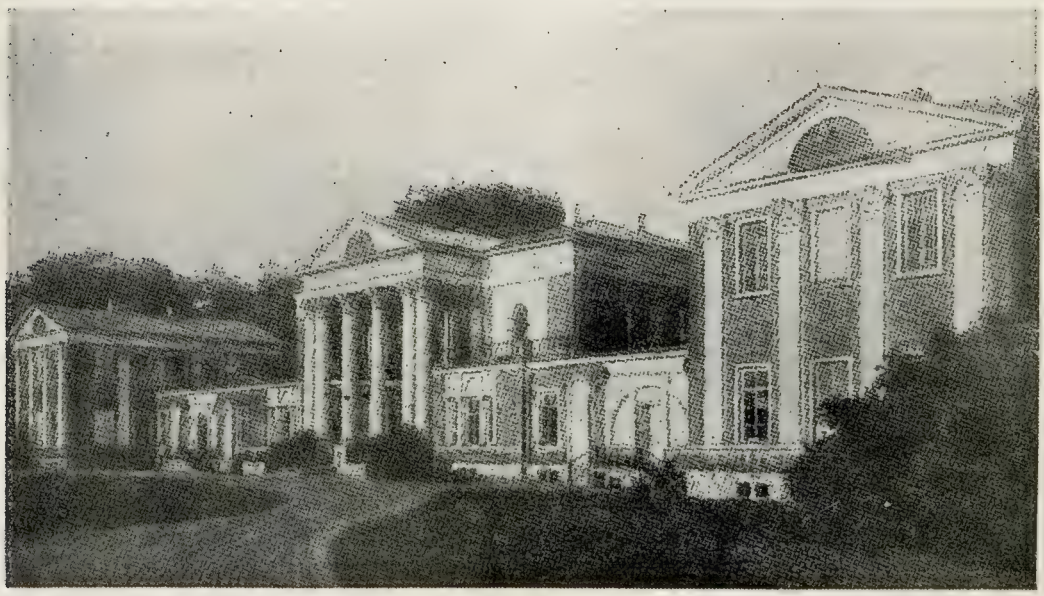


Рис. 128.

Генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

1772—1861.

Портретъ Доу.

Знаменитый государственный человѣкъ и военачальникъ, начавшій свою карьеру при Павлѣ I и кончившій свои дни въ эпоху Великихъ Реформъ, которыя онъ встрѣтилъ, какъ Свѣтлый Праздникъ; человѣкъ независимаго нрава, онъ въ цѣлѣ силъ оказался не у дѣлъ въ царствованіе Императора Николая I и прослылъ оппозиціонеромъ. Натура сложная, обладатель тонкаго изощреннаго ума и огромной физической силы, человѣкъ, воплощавшій въ себѣ самыя противоположныя крайности (его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ», писалъ о немъ Вигель), Ермоловъ долженъ былъ влечь къ себѣ интересъ Пушкина, и не пожалѣвшаго сдѣлать по дорогѣ на Кавказъ лишнихъ двѣсти верстъ, чтобы лично познакомиться съ героемъ Кульма и бывшимъ «проконсуломъ Кавказа», о которомъ самъ онъ писалъ въ эпилогѣ «Кавказскаго Плѣнника»: «Поникни снѣжною главой, смирись, Кавказъ, идетъ Ермоловъ». Въ бумагахъ Пушкина сохранился черновикъ письма его къ Ермолову отъ 1833 года, въ которомъ поэтъ, увлекавшійся тогда исторіей, обращался къ опальному генералу съ просьбою разрѣшить ему стать его «исторіографомъ», или издателемъ его записокъ.

Рис. 129.

Автопортретъ Пушкина,

«писанный имъ самимъ во время горестнаго его заключенія въ карантинѣ Гуммранскомъ 1829 года 28 іюля».

Путешествіе Пушкина на Кавказъ было отвѣтомъ на полуотказъ Гончарова. Оно означало нѣкій рубежъ его жизни: издаромъ Пушкинъ приблизился къ тридцатилѣтнему возрасту, который самъ считалъ критическимъ. Показательно впечатлѣніе, произведенное Пушкинымъ на наблюдателя, столкнувшагося съ нимъ на Кавказѣ, — М. В. Юзефовича, писавшаго: «Во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ Пушкина не было уже и слѣда прежняго разгульнаго повѣсы... Я помню, однажды одинъ болтунъ, думая, конечно, ему угодить, напомнилъ ему объ одной его библейской поэмѣ, и сталъ было читать изъ нея отрывокъ. Пушкинъ вспыхнулъ, на лицѣ его выразилась такая боль, что тотъ понялъ и замолчалъ. Послѣ Пушкинъ, коснувшись этой глупой выходки, говорилъ, какъ онъ дорого бы далъ, чтобы взять назадъ нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ еще въ первой легкомысленной молодости. И если въ немъ еще иногда прорывались наружу неумѣренныя страсти, то міровоззрѣніе его измѣнилось уже вполнѣ и безповоротно. Онъ былъ уже глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и одумавшимся гражданиномъ, понявшимъ требованія русской жизни и отрѣшившимся отъ иллюзій».

Рис. 130.

Монастырь на Казбекѣ.

Съ фотографіи.

Видъ монастыря надъ облаками вызвалъ у Пушкина не только нѣсколько прочувствованныхъ строкъ въ его прозаическомъ «Путешествіи въ Арзрумъ», но и замѣчательное стихотвореніе «Монастырь на Казбекѣ». Характерно, что Пушкинъ въ бытность его на Кавказѣ задумался надъ ролью христіанства въ дѣлѣ культурнаго овладѣнія Кавказомъ и посвятилъ этому вопросу въ «Путешествіи въ Арзрумъ» разсужденіе, привлекающее вниманіе. Послѣ описанія дикости черкесскаго быта Пушкинъ спрашиваетъ: «Что дѣлать намъ съ такимъ народомъ?» Отмѣтивъ мимоходомъ важность культурно-хозяйственнаго воздѣйствія, онъ продолжаетъ: «Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли мы исполняемъ долгъ христіанскій? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ отцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ сустныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро, тамъ и берется, гдѣ попадается...

Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ».

◇ *РИС. 128* ◇

446. «ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ», 1829.

Онъ *(Ермоловъ)* живетъ въ Орлѣ, близь коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ... Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ бездѣйствіе... Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось... Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что онъ не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ ни слова.

447. Ген. А. П. Ермоловъ — Д. В. Давыдову, май 1829 г.

Былъ у меня Пушкинъ. Я въ первый разъ видѣлъ его и, какъ можешь себѣ сообразить, смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ любопытствомъ. Въ первый разъ не знакомятся коротко, но какая власть высокаго таланта! Я нашелъ въ себѣ чувство, кромѣ невольнаго уваженія. Ему также, я полагаю, необыкновеннымъ показался простой пріемъ, къ каковымъ жизнь въ столицѣ его вѣрно не пріучила.

448. «КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ», 1821.

Эпилогъ.

Но се — Востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Свирѣпствуй, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

◇ *РИС. 129* ◇

449. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

«Это *(война)* ужасная необходимость, — сказалъ Пушкинъ, — но она даетъ поводъ къ высокимъ подвигамъ, подвигамъ храбрости, самоотверженія, патріотизма. Въ эти страшные часы въ этихъ подвигахъ проявляется чувство долга. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда былъ въ Эрзерумѣ съ Паскевичемъ. Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемѣна въ ихъ настроеніи до и послѣ дѣла, производили на меня сильное впечатлѣніе. Конечно, я видалъ битвы только издали, но не могу сказать, до чего трогали меня лица солдатъ, идущихъ на бой и возвращающихся оттуда, а также погребеніе. Ни хвастовства, ни фразерства нѣтъ въ нашихъ войскахъ». Вяземскій проворчалъ: «А ты совался на аванпосты? Паскевичъ прекрасно поступитъ, выпроводивъ тебя въ Тифлисъ».

◇ *РИС. 130* ◇

450. «ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ», 1829.

Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками.

451. «МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ», 1829.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Парилъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ...

452. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ козчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти строкахъ, и стихотвореніе оканчиваетъ онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ:

«Далекій вожделѣнный брегъ!
«Туда бъ, сказавъ «прости» ущелью,
«Подняться къ горной вышинѣ!
«Туда бъ, въ заоблачную келью,
«Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!»

Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности того и другого.

Рис. 131.
Графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій.
1782—1856.
Съ портрета Киселева (1828 г.).

Знаменитый полководецъ; интимный другъ Императора Николая Павловича, пользовавшійся его безграничнымъ довѣріемъ, смѣнившій на Кавказѣ генерала Ермолова, а впослѣдствіи прославившійся взятіемъ Варшавы. — Вотъ какъ Пушкинъ описываетъ встрѣчу съ нимъ на Кавказѣ: «Настала ночь. Мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь я имѣлъ честь быть представленъ графу Паскевичу. Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково». Въ другомъ мѣстѣ «Путешествія въ Арзрумъ», Пушкинъ, вспоминая Паскевича, говоритъ о «прославленномъ полководцѣ, ласково принявшемъ его подъ сѣнь своего шатра и находившемъ время, посреди своихъ великихъ заботъ, оказывать ему лестное довѣріе»...

«19 іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ.. Итакъ, война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ».

Рис. 133.
Дарьяльское ущелье.
Картина Р. Г. Судковскаго.

«Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Дарiальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же, и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Дарiала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Дарiалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія ворота, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Дріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ и проч. («Путешествіе въ Арзрумъ»).

Рис. 132.
Николай Николаевичъ Раевскій-младшій.
Род. 1802.

«Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи *(дозволенія пріѣхать на фронтъ)*, — повѣствуетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ». — Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти дальше. Я выѣхалъ на другой же день *(10 іюня)*... Я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевскаго. Я пріѣхалъ во время. Въ тотъ же день *(13 іюня)* войско получило повелѣніе идти впередъ,.. Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ не видѣлся». Встрѣча съ давнимъ другомъ, который, будучи 27-лѣтнимъ генераломъ, командовалъ Нижегородскимъ полкомъ, обѣщала поэту большую радость: извѣстно, какое сердечное влеченіе онъ испытывалъ къ Николаю Раевскому и какъ считался съ его мнѣніемъ въ литературныхъ вопросахъ. Однако, слѣдовъ этой радости мы не найдемъ въ лапидарномъ разсказѣ Пушкина. Мы узнаемъ лишь, что весь походъ онъ сдѣлалъ съ Раевскимъ и съ нимъ вмѣстѣ въѣхалъ въ Эрзерумъ.

Рис. 134.
Пушкинъ во время путешествія въ Эрзерумъ.
Автопортретъ (1829 г.).

Этому пушкинскому автопортрету прекрасно отвѣчаетъ картинное изображеніе поэта въ воспоминаніяхъ М. В. Юзефовича: «Пушкинъ носилъ и у насъ щегольской черный сюртукъ, съ блестящимъ цилиндромъ на головѣ; а потому солдаты, не зная кто онъ такой, и видя его постоянно при Нижегородскомъ драгунскомъ полку, которымъ командовалъ Раевскій, принимали его за полкового священника и звали драгунскимъ батюшкой».

Пушкинъ не былъ, однако, только зрителемъ. Въ военно-историческомъ изслѣдованіи Н. И. Ушакова, командовавшаго тогда отрядомъ, мы читаемъ: «Перестрѣлка 14 іюня 1829 г. замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ... Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-Су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Сѣмичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ, въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ передъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ».

◇ *РИС. 131* ◇

453. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

За ужиномъ я сидѣла съ нимъ рядомъ *(съ Паскевичемъ)*... Пушкинъ просилъ меня передать фельдмаршалу, что онъ былъ бы очень радъ его видѣть и что онъ проситъ назначить ему свиданіе. Когда я сказала это фельдмаршалу, онъ улыбнулся и спросилъ: «Такъ онъ простилъ мнѣ мое преступленіе?» — «Какое преступленіе?» — «Когда онъ былъ при арміи въ Эрзерумѣ, онъ безъ надобности рисковалъ своей жизнью,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—и я попросилъ его удалиться. Онъ тогда взбѣсился на меня; а между тѣмъ, еслибъ его тамъ убили, мнѣ, конечно, поставили бы это въ вину». Онъ прибавилъ, смѣясь. — «Я думаю, что правъ былъ я, а онъ виноватъ. Скажите ему, что каждый изъ насъ долженъ дѣлать свое дѣло. Я выигрываю сраженія, а онъ воспѣваетъ ихъ въ безподобныхъ стихахъ. Надѣюсь, что онъ не откажетъ дать мнѣ ихъ собраніе?»

◇ *РИС. 132* ◇

454. «О НЕКРОЛОГІИ РАЕВСКАГО», 1830.

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ «Некрологія генерала-отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго» *(старшаго)*, умершаго 16 сентября 1829 г. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ *(Александрѣ и Николаѣ)*, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

455. Пушкинъ — Н. Н. Раевскому, черновикъ, 1827 г., изъ Москвы.

Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: простодушіе, умилительная кротость, нѣчто младенческое и вмѣстѣ мудрое, усердіе, набожность къ власти Царя, данной ему Богомъ — совершенное отсутствіе суетности, пристрастія дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ... Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь живо постигнутое Карамзинымъ и отраженное въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что же вышло?..

◇ *РИС. 133* ◇

456. «КАВКАЗЪ», 1829.

Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ веселье:
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной.....
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

◇ *РИС. 134* ◇

457. М. В. Юзефовичъ, «Воспоминанія о Пушкинѣ», «Русск. Арх.», 1880.

Я жилъ *(въ одной палаткѣ)* съ братомъ Пушкина Львомъ, бокъ о бокъ съ нашимъ двадцатилѣтнимъ генераломъ *(Н. Н. Раевскимъ)*, при которомъ мы оба были адъютантами, но не въ адъютантскихъ, а въ дружескихъ отношеніяхъ. Я лежалъ въ пароксизмѣ лихорадки, бившей меня поазіятски; вдругъ я слышу, что кто-то подошелъ къ палаткѣ и спрашиваетъ: дома ли? На этотъ вопросъ Василій, слуга Льва Пушкина, отвѣчаетъ, открывая палатку: «Пожалуйте, Александръ Сергѣевичъ!» При этомъ имени я понялъ, что Пушкинъ, котораго мы ждали, пріѣхалъ. Когда онъ вошелъ, я приподнялся на кровати и сталъ, со стукомъ зубовъ, выражать сожалѣніе, что лихорадка мѣшаетъ мнѣ принять его, какъ бы я желалъ, въ отсутствіе его брата. Пушкинъ пустился съ своей стороны въ извиненія...

Какъ теперь вижу его, живого, простого въ обращеніи, хохотуна, очень подвижнаго, даже вертлявого, съ великолѣпными, большими, чистыми и ясными глазами, въ которыхъ, казалось, отражалось все прекрасное въ природѣ, съ бѣлыми, блестящими зубами, о которыхъ онъ очень заботился, какъ Байронъ. Онъ вовсе не былъ смуглъ, ни черноволосъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, а былъ вполнѣ бѣлокожъ и съ вьющимися волосами, каштановаго цвѣта. Въ дѣтствѣ онъ былъ совсѣмъ бѣлокуръ, какимъ и остался братъ его Левъ. Въ его обликѣ было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стихъ о самомъ себѣ: «потомокъ негровъ *безобразный*». Напротивъ того, черты лица у него были пріятныя, и общее выраженіе очень симпатичное. Его портретъ, работы Кипренскаго, похожъ безукоризненно. Въ одеждѣ и во всей его наружности была замѣтна свѣтская заботливость о себѣ...

Въ своемъ тѣсномъ кругу бывали у насъ съ Пушкинымъ откровенные споры. Я былъ ярый спорщикъ, онъ тоже. Раевскій любилъ насъ подзадоривать и стравливать. Однажды Пушкинъ, коснулся аристократическаго начала, какъ необходимаго въ развитіи всѣхъ народовъ; я же тогда щеголялъ демократизмомъ. Пушкинъ, наконецъ, съ жаромъ воскликнулъ: «Я не понимаю, какъ можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тѣмъ, что подъ выборной грамотой Михаила Ѳеоровича есть пять подписей Пушкиныхъ». Тутъ Раевскій очень смѣшнымъ сарказмомъ обдалъ его, какъ ушатомъ воды, и споръ нашъ кончился. Уже послѣ я узналъ, по нѣсколькимъ подобнымъ случаямъ, объ одной замѣчательной чертѣ въ характерѣ Пушкина: объ его почти невѣроятной чувствительности ко всякой насмѣшкѣ, хотя бы самой незинной и даже пошлой. Противъ насмѣшки онъ оказывался всегда почти безоружнымъ и безотвѣтнымъ. Ея впечатлѣніе поражало его иногда такъ глубоко, что оно не сглаживалось въ немъ во всю жизнь.

458. Бар. А. А. Дельвигъ—кн. П. А. Вяземскому, 30 авг. 1829 г.

Мы получили отъ Пушкина письмо изъ Арзерума, въ которомъ, пишетъ онъ, ему очень весело. Дѣла дѣлаетъ онъ тамъ довольно: ѣстъ, пьетъ и ѣздитъ съ нагайкой на казацкой лошади.

РАЗДѢЛЪ III

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА
ОТЪ ВОЗВРАЩЕНІЯ СЪ КАВКАЗА ДО ЖЕНИТЬБЫ
Сентябрь 1829—Февраль 1831

Рис. 135.
Домъ Гончаровыхъ въ Москвѣ, по Большой Никитской.
Не сохранился.

Рисунокъ А. М. Васнецова 80-хъ гг. XIX вѣка.

Осенью 1829 года Пушкинъ возвратился изъ путешествія на Кавказъ. Его ждали непріятности. Во-первыхъ, отъѣздъ его безъ Высочайшаго разрѣшенія былъ истолкованъ Государемъ, какъ дѣйствіе непозяльное, и Пушкину пришлось чрезъ гр. Бенкендорфа представлять извиненія. Главнымъ же обстоятельствомъ, приведшимъ его въ унынie, былъ пріемъ, сдѣланный ему Гончаровыми. Бартеневъ со словъ брата Натальи Николаевны, С. Н. Гончарова, такъ описываетъ появленіе Пушкина въ ихъ домѣ: «Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя, онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели». Пріемъ не былъ ласковымъ. Позднѣе, Пушкинъ писалъ Н. И. Гончаровой: «Сколько мученій ждало меня при моемъ возвращеніи. Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ мадемуазель N — такой равнодушный, такой невнимательный... У меня не хватило смѣлости объясниться, я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что я игралъ роль довольно смѣшную, я былъ робокъ въ первый разъ въ моей жизни, а въ людяхъ моихъ лѣтъ можетъ нравиться молодой особѣ въ возрастѣ вашей дочери не робость»...

Этотъ вызвавшій столько огорченій пріемъ происходилъ въ домѣ Гончаровыхъ, находившемся на углу Большой Никитской и Скарятинскаго переулка. Отсюда въ сезонъ 1828 года стали вывозить въ свѣтъ шестнадцатилѣтнюю красавицу Наташу. Очарованный ею Пушкинъ сталъ тогда же бывать у Гончаровыхъ; взелъ его сюда ихъ общій знакомый графъ Ѳ. И. Толстой — «американецъ». Въ этомъ домѣ, черезъ него же, Пушкинъ въ апрѣлѣ 1829 года первый разъ просилъ руки Наталіи Николаевны, и, впредь до самой женитьбы, мысли Пушкина оставались прикованными къ этому же скромному московскому дому. «Въ Петербургѣ тоска, тоска... — писалъ онъ въ ноябрѣ 1829 года С. Д. Киселеву. — Скоро ли, Боже мой, пріѣду изъ Петербурга въ Hôtel d'Angleterre (гостиница «Англія», на Тверской) мимо Карса!» (такъ Пушкинъ и Ушаковы прозвали Наталію Николаевну, намекая на ея неприступность). Пушкинымъ овладѣвало порою отчаяніе: онъ готовъ былъ бѣжать, куда угодно; объ этихъ настроеніяхъ его свидѣтельствуетъ «Элегическій отрывокъ» *(ц. 459)*.

Въ мартѣ 1830 года Пушкинъ снова въ Москвѣ. «Прямо изъ кибитки попалъ я въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу были Н. Гончарова и княгиня Вѣра», пишетъ Пушкинъ Вяземскому. «Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ Красавицы; теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ, — пишетъ онъ ему же нѣсколько позже. — Распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы». 6 апрѣля, въ первый день Пасхи, Пушкинъ сдѣлалъ второе предложеніе и получилъ согласіе. «Нѣтъ, ты меня не обманывала, — писалъ Вяземскій 26 апрѣля женѣ, — мы сегодня на обѣдѣ у Сергѣя Львовича выпили двѣ бутылки шампанскаго, у него попусту пить двухъ бутылокъ не будутъ. Мы пили здоровье женіховъ. Не знаю еще, радоваться ли, или нѣтъ счастью Пушкина, но меня до слезъ тронуло письмо его къ родителямъ, въ которомъ онъ проситъ благослозенія». Письмо это сохранилось только во французскомъ черновикѣ. Пушкинъ писалъ: «Дорогіе родители, я обращаюсь въ моментъ, который опредѣлитъ остатокъ моей жизни. Я хочу жениться на молодой особѣ, которую люблю годъ. Это Наталія Гончарова. Я имѣю согласіе ея и ея матери. Я прошу вашего благословенія не какъ пустой формальности, а съ глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что это благословеніе необходимо для нашего благополучія. Я надѣюсь, что послѣдняя половина моего существованія будетъ для васъ болѣе утѣшительной, чѣмъ моя печальная молодость». Отецъ отвѣчалъ сыну: «Да будетъ тысячу разъ благословенъ вчерашній день, когда мы получили твое письмо, милый Александръ. Онъ исполнилъ мое сердце радостью и признательностью. Да, другъ мой, именно такъ. Я уже давно не пролизалъ слезъ, столь сладкихъ, какъ при чтеніи этого письма». Розно черезъ мѣсяцъ послѣ предложенія состоялась помолвка. «Николай Афанасьевичъ и Наталія Ивановна Гончаровы имѣютъ честь объявить о помолвкѣ дочери ихъ Наталіи Николаевны съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ сего мая 6-го дня 1830 года», — значилось на пригласительномъ билетѣ. Но до свадьбы было еще далеко: начинается періодъ безпокойнаго жениховства, свидѣтелемъ котораго суждено было быть тому же дому на Никитской. Отсюда бѣжалъ Пушкинъ послѣ ссоры съ будущей тещей, рискуя разстройствомъ желанной свадьбы; сюда слалъ онъ невѣстѣ тревожныя письма, запертый въ Болдинѣ холерными карантинами: «будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ». Отсюда, наконецъ, набожная Наталія Ивановна возила жениха и невѣсту передъ самой свадьбой къ Иверской и по московскимъ соборамъ, и, отсюда же, 18 февраля 1831 года, выѣхала Наталія Николаевна въ свадебномъ поѣздѣ къ вѣнцу. Въ августѣ 1833 года, Пушкинъ, направляясь въ свое путешествіе на Волгу, еще разъ побывалъ въ этомъ домѣ, остановившись на антресоляхъ.

Косвенно связанъ этотъ домъ и съ однимъ изъ произведеній Пушкина, написаннымъ въ 1830 году: Адріанъ Прохоровъ дѣйствительно существовалъ, лавка его находилась почти рядомъ съ гончаровскимъ домомъ и Пушкинъ могъ часто видѣть въ окно и гробовую лавку и ея хозяина, о которомъ онъ даже упоминалъ въ одномъ изъ болдинскихъ писемъ къ невѣстѣ: «Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда Адріана, который отъ этого большіе барыши получаетъ».

Рис. 136.
Общій видъ с. Болдина.
Съ фотографіи.

Село Болдино — («Нижегородская деревня») была родовой вотчиной Пушкиныхъ, пожалованной одному изъ ихъ предковъ, принимавшему участіе въ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова, Ѳедору Ѳедоровичу Пушкину, еще въ 1619 году «за Московское осадное сидѣнье». Прадѣдъ поэта, Александръ Петровичъ, много заботился объ устройствѣ имѣнія и о его расширеніи. Отъ него оно перешло къ дѣду поэта Льву Александровичу (1723—1790). Не признавъ Екатерину I императрицею и сломавъ на томъ свою карьеру, онъ остался на всю жизнь «не у дѣлъ», проживая то въ Москвѣ, то въ деревнѣ. «Человѣкъ пылкій и жестокій», по отзыву своего внука-поэта, онъ, по выходѣ изъ крѣпости, съ какой-то бѣшеной энергіей началъ тратить свое состояніе, пока этому не сумѣла положить предѣлъ его вторая жена Ольга Васильевна, мать отца поэта. Его первая жена (урожденная Вейкова), заподозрѣнная имъ въ измѣнѣ съ французомъ-гувернеромъ, умерла въ домашней тюрьмѣ, куда онъ ее заключилъ, а француза, по словамъ Пушкина, онъ «весьма феодально повѣсилъ» на черномъ дворѣ. Осенью 1830 года, когда Пушкинъ готовился вступить въ бракъ, отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ выдѣлилъ ему изъ Болдина 200 душъ, которыя онъ и заложилъ за 38000 рублей. Пріѣхавъ въ Болдино для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ въ началѣ сентября этого года, Пушкинъ прожилъ здѣсь почти три мѣсяца, задержанный холерой и карантинами.

Осень была любимымъ временемъ года Пушкина.

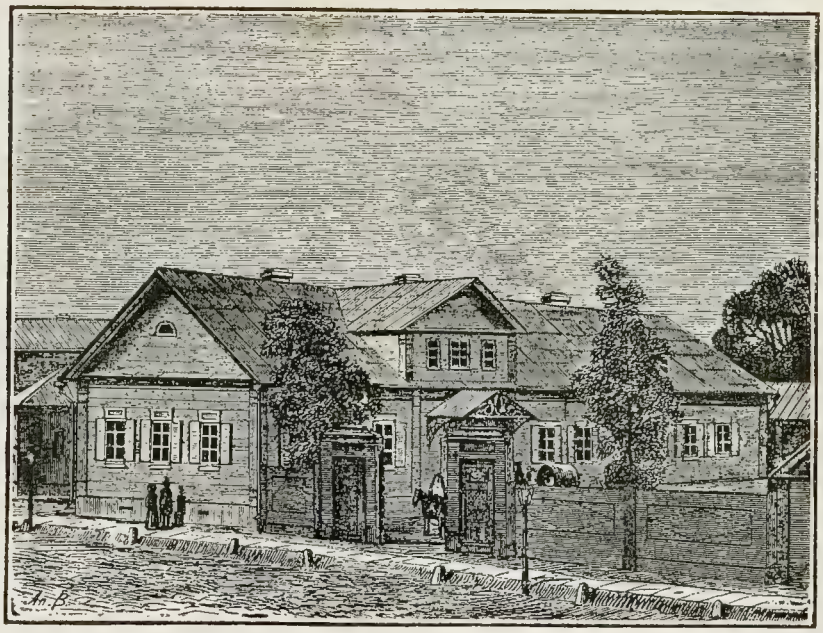
«И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
«Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
«Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
«Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
«Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
«Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
«Я снова жизни полнъ»...

Осенью всего лучше писалось Пушкину. «Я убѣжалъ въ деревню, почуя рифмы», писалъ онъ изъ Михайловскаго Погодину осенью 1827 года. «Дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна», писалъ онъ тому же Погодину, въ іюлѣ 1828 года. «Я ную осень и собираюсь засѣсть», писалъ Пушкинъ Гоголю въ августѣ 1831 года. — Совершенно необычный приливъ творчества испыталъ Пушкинъ знаменитою болдинскою осенью 1830 г. «Посылаю тебѣ, Баронъ, — писалъ Пушкинъ Дельвигу 4 ноября 1830 года,—вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, Холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ... Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе». А черезъ мѣсяцъ Пушкинъ писалъ Плетневу, уже изъ Москвы: «Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ, что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ую и 9-ую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все: (весьма секретное, для тебя единаго), написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется, и которыя напечатаемъ также anonyme, ибо Булгаринъ заругаетъ». Показательна хронологія написанныхъ произведеній: 5—10 ноября написанъ «Домикъ въ Коломнѣ», 12—14-го — «Выстрѣлъ», 20-го окончена «Метель», 23-го оконченъ «Скупой Рыцарь», а 26-го — «Моцартъ и Сальери»; этою же осенью написаны были и двѣ послѣднія главы «Евгенія Онѣгина». Изумительны не только количество и высокое качество написаннаго въ это время, но и та легкость, съ какой Пушкинъ переключался изъ одного настроенія въ другое: прозрачно-веселый разсказъ чередовался съ серьезными драмами и чистой лирикой.

Вторично Пушкинъ былъ въ Болдинѣ осенью 1833 года; разстройство имущественныхъ дѣлъ отца заставило его тогда, чтобы избавить своихъ родныхъ отъ полнаго разоренія, взять на себя заботу объ ихъ состояніи. Такъ какъ часть Болдина, оказавшагося тогда въ совершенно запущенномъ состояніи, принадлежала другимъ невыдѣленнымъ изъ него наслѣдникамъ, брату Льву и сестрѣ Ольгѣ, то Пушкину пришлось вступить по этому поводу въ непріятную для него переписку съ мужемъ сестры, Н. И. Павлищевымъ, добивавшимся своей доли доходовъ съ имѣнія. Раннею осенью этого года Пушкинъ получилъ разрѣшеніе отъ Государя отправиться въ поѣздку на мѣста, связанныя съ дѣятельностью Пугачева. 17 августа онъ выѣхалъ изъ Петербурга и послѣ мѣсячнаго непрерывнаго утомительнаго пути 18 сентября прибылъ въ Оренбургъ. Собравъ съ величайшею поспѣшностью необходимые ему матеріалы, Пушкинъ къ 1 октября пріѣзжаетъ въ Болдино, куда горячо стремится. Уже на пути изъ Оренбурга онъ пишетъ: «уже чувствую, что дурь на меня находитъ, я и въ колясскѣ сочиняю, что же будетъ въ постели?» Однако, послѣ прибытія въ желанное Болдино, имъ овладѣваетъ апатія. «Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты, — пишетъ онъ женѣ черезъ три недѣли. — Работаю лѣниво... хандра одолѣла».

Однако, едва отправлено было это письмо, какъ наступилъ переломъ въ настроеніи: Пушкинъ въ четыре дня заканчиваетъ поэму «Анджело» и въ три дня, внезапнымъ творческимъ порывомъ, создаетъ почти всего «Мѣднаго Всадника». Затѣмъ Пушкинъ написалъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» и «Сказку о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», закончилъ «Исторію Пугачевскаго бунта» и (вѣроятно) написалъ «Пиковую Даму». По свидѣтельству П. В. Анненкова, одновременно съ «Мѣднымъ Всадникомъ» написано и стихотвореніе «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума». Личныя помѣты поэта свидѣтельствуютъ объ окончаніи въ Болдинѣ двухъ балладъ (изъ Мицкевича): «Воевода» и «Будрысъ и его сыновья».

Осенью 1834 года Пушкинъ былъ въ Болдинѣ снова, ведя переговоры съ крестьянами и помѣщикомъ Безобразовымъ о продажѣ части имѣнія.



◇ *РИС. 135* ◇

459. «ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ», 23 дек. 1829 г.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи, —
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ .. Но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?...

460. Н. М. Смирновъ, «Памятныя замѣтки», «Русск. Арх.». 1822.

Всѣ думали, что Пушкинъ влюбленъ въ Ушакову; но онъ ѣздилъ, какъ послѣ самъ говорилъ, всякій день къ сей послѣдней, чтобы два раза въ день проѣзжать мимо оконъ Гончаровой.

461. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, въ началѣ марта 1830 г., изъ Петербурга.

Правда ли, что моя Гончарова выходитъ за архивнаго Мещерскаго? Что дѣлаетъ Ушакова, моя же? Собираюсь въ Москву.

462. Кн. П. А. Вяземскій, по записи П. И. Бартенева, «Русск. Арх.», 1888.

Зная, что Пушкинъ давно влюбленъ въ Гончарову, и увидавъ ее на балу у кн. Д. В. Голицына, Вяземскій поручилъ И. Д. Лужину, который долженъ былъ танцовать съ Гончаровой, заговорить съ нею и ея матерью мимоходомъ о Пушкинѣ съ тѣмъ, чтобы по ихъ отзыву довѣдаться, какъ они о немъ думаютъ. Мать и дочь отозвались благосклонно и велѣли кланяться Пушкину. Лужинъ поѣхалъ въ Петербургъ, часто бывалъ у Карамзиныхъ и передалъ Пушкину этотъ поклонъ.

463. Кн. П. А. Вяземскій — Пушкину, 26 апрѣля 1830 г., изъ Петербурга.

Я сейчасъ съ обѣда Сергѣя Львовича, и твои письма, которыя я тамъ прочелъ, убѣдили меня, что женъ меня не мистифицируетъ, и что ты точно женихъ Гряди, женихъ, въ мои объятія! А болѣе всего убѣдила меня въ истинѣ женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанскаго, которую отецъ твой розлилъ намъ при полученіи твоего послѣдняго письма. Я тутъ ясно увидѣлъ, что дѣло не на шутку. Я могъ не вѣрить письмамъ твоимъ, слезамъ его, но не могъ не повѣрить его шампанскому. Поздравляю тебя отъ всей души .. Я помню, что сравнивалъ я Апѣбѣеву avec une beauté classique, а невѣсту твою avec une beauté romantique. Тебѣ первому нашему романтическому поэту и слѣдовало жениться на первой романтической красавицѣ нынѣшняго поколѣнія.

464. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 2 мая 1830 г., изъ Москвы.

Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи, но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсѣмъ счастливому.

465. Пушкинъ — кн. В. Ѳ. Вяземской, конецъ августа 1830 г., изъ Москвы.

Я уѣзжаю, разсорившись съ г-жей Гончаровой. На другой день послѣ бала она сдѣлала мнѣ самую смѣшную сцену, какую только можно представить. Она мнѣ наговорила вещей, которыхъ я, по совѣсти, не могъ равнодушно слушать. Я еще не знаю, разстроилась ли моя свадьба, но поводъ къ этому налицо, и я оставляю двери широко раскрытыми.

466. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 31 авг. 1830 г., изъ Москвы.

Сейчасъ ѣду въ Нижній, то-есть въ Лукьяново, въ село Болдино. Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска! Жизнь жениха 30-тилѣтняго хуже «30-ти лѣтъ жизни игрока». Дѣла моей будущей тещи разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе намеки, ненадежныя примиренія, — словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время: здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню. Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго. Такъ-то, душа! Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостью.

467. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 9 дек. 1830 г., изъ Москвы.

Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу влюбленную на меня, и насилу съ ней сладилъ. — но слава Богу — сладилъ. Наконецъ прорвался я и сквозь карантины: два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но слава Богу, сладилъ и тутъ.

468. Пушкинъ — женѣ. 26 авг. 1833 г., изъ Москвы.

Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій — изъ ангресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Яропольца.

◇ *РИС. 136* ◇

469. Пушкинъ — Н. Н. Гончаровой, 9 сент. 1830 г., изъ Болдина.

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства, совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она — часть деревни въ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ.

470. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 9 сентября 1830 г., изъ Болдина.

Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись; пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня холера-морбусъ. Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ. При ней пиши сколько хочешь, — а невѣста пуще Цензора Щеглова языкъ и руки связываетъ... Сегодня получилъ отъ своей я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго. Приданое не уйдетъ. Зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не раньше мѣсяца... Ахъ мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня. Вообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верхомъ, сколько душѣ угодно, пиши дома, сколько вздумается — никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наго о ло всячины, и прозы, и стиховъ.

471. Пушкинъ — Н. Н. Гончаровой, 30 сент. 1830 г., изъ Болдина.

Вотъ я и со сѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Мнѣ объявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести четырнадцать дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи! Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути... Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только и видимъ это. Я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?

472. А. И. Звѣздинъ, «Дѣйствія Нижегородск. губ. уч. арх. ком.».

Изъ разспросовъ болдинскихъ старожиловъ объ образѣ жизни Пушкина мы узнали немного. Одинъ изъ нихъ, столѣтній старикъ, Михѣй Ивановичъ Сивохинъ, хорошо помнитъ, что курчавый баринъ, Александръ Сергѣевичъ, каждый день ѣздилъ верхомъ въ сосѣдніе Казаринскіе кусты и въ Кистеневскую рощу и записывалъ, «какія мѣстамъ званія, какіе лѣса, какія травы растутъ»; каждый день, по словамъ Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна.

473. Пушкинъ — Н. Н. Гончаровой, 11 окт. 1830 г., изъ Болдина.

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Я совсѣмъ потерялъ мужество и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ) нашей свадьбѣ не бывать... Мы окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится—до сватости.

474. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 28 октября 1830 г., изъ Болдина.

Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино, да жду погоды. — Ну, ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки, — да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать, — но до того доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь.

475. Пушкинъ — кн. П. А. Вяземскому, 5 ноября 1830 г., изъ Болдина.

Каковъ Государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье.

476. Пушкинъ — Н. Н. Гончаровой, 26 ноября 1830 г., изъ Болдина.

Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже зналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

477. Пушкинъ — женѣ, 30 октября 1833 г., изъ Болдина.

Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ — читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

478. Пушкинъ — женѣ, 6 ноября 1833 г., изъ Болдина.

Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши—для чего? — для тебя женка: чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c &c... Привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня.

479. Кириллъ Сем. Раевскій, болдинскій діаконъ; со словъ его сына записалъ А. И. Звѣздинъ.

Пушкинъ выѣзжалъ изъ Болдина въ тяжелой каретѣ, на тройкѣ лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которымъ предлагалось угощеніе въ домѣ. Въ послѣдній отъѣздъ изъ Болдина имѣлъ мѣсто такой случай. Когда лошади спустились съ горы и вбѣжали на мостъ, перекинутый черезъ рѣчку, — ветхій мостъ не выдержалъ тяжести и опрокинулся, но Пушкинъ отдѣлался благополучно. Сейчасъ же онъ вернулся пѣшимъ домой, гдѣ еще засталъ за веселой бесѣдой и закуской провожавшихъ его и попросилъ причтъ отслужить благодарственный молебенъ.

Рис. 137.

Помѣщичій домъ въ Берновѣ.

Съ фотографіи.

Рис. 138.

Старый домъ въ Малинникахъ, гдѣ жилъ Пушкинъ.

Съ фотографіи.

Помимо Михайловскаго, Тригорскаго и Болдина, въ жизни Пушкина заняла свое мѣсто группа расположенныхъ по сосѣдству имѣній, принадлежавшихъ семейству Вульфовъ. То были усадьбы: Малинники (Пр. А. Осиповой), Берново (Ив. Ив. Вульфа) и Павловское (Пав. Ив. Вульфа). Сюда неоднократно до женитьбы заѣзжалъ Пушкинъ на пути между Петербургомъ и Москвой отдохнуть и развлечься. «Хоть малиной не корми, да въ Малинники возьми», шутливо говорилъ онъ. Отсюда въ 1828 году писалъ онъ жизнерадостное письмо Дельвигу. Здѣсь онъ гостилъ въ началѣ 1829 года, о чемъ сохранился безхитростный разсказъ дочери берновскаго священника Смирнова. Сюда же заѣзжалъ онъ на пути изъ Арзрума послѣ перваго, столь неутѣшительнаго, свиданія съ Гончаровыми. Сохранилось описаніе и Бернова и Малинниковъ временъ, когда еще существовали дома, въ которыхъ живалъ Пушкинъ. Въ Берновѣ «барскую усадьбу отдѣляетъ отъ села обширный садъ, раскинувшійся на 12 десятинъ Садъ дѣлится на двѣ части,—собственно садъ изъ правильно разбитыхъ липовыхъ аллей и паркъ, похожій на лѣсъ. Прочно выстроенный каменный домъ потерпѣлъ мало измѣненій; въ немъ теперь до тридцати комнатъ, но въ пушкинскія времена верхній этажъ и мезонинъ были почему-то не отдѣланы; средняя комната нижняго этажа съ дверью въ садъ была гостиной. Въ берновскомъ паркѣ есть курганъ, названный, вѣроятно, въ честь Пушкина, Парнасомъ; вблизи его высятся вѣковыя деревья — есть ели и березы въ два обхвата». Въ Малинникахъ «старый помѣщичій одноэтажный домъ временъ Пушкина отлично сохранился, — гласитъ запись 1899 года,—онъ выстроенъ изъ корабельнаго лѣса. Посрединѣ широкое открытое крыльцо поддерживается колоннами изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, комнаты низкія, глубокія и мрачныя; кое-гдѣ остались еще потолки съ матицами; окна небольшія и ихъ мало (не очень давно подъемныя рамы замѣнены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, краснаго дерева, кресла жесткія, неудобныя, съ закругленными цѣльными деревянными спинками; на стѣнахъ висятъ два-три зеркала въ старинныхъ красивыхъ рамахъ краснаго дерева». — Въ 1923 году берновскій домъ въ стилѣ ампиръ еще существовалъ, но находился въ состояніи заброшенности и разрушенія... Въ Малинникахъ домъ къ этому времени рухнулъ.

Рис. 139.

Ротонда въ усадьбѣ Архангельскаго.

Съ фотографіи.

Владѣльцемъ Архангельскаго былъ знаменитый екатерининскій вельможа и богачъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, стоявшій, по замѣчанію И. И. Пущина, во главѣ тѣхъ, о комъ Грибоѣдовъ сказалъ въ «Горе отъ ума»: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ». Пушкинъ бывалъ его гостемъ въ Москвѣ и въ Архангельскомъ уже знаменитымъ поэтомъ, а въ дѣтствѣ, когда Пушкины жили въ Москвѣ у Харитонія въ Огородникахъ, будущій поэтъ гулялъ съ нянею и гувернерами въ знаменитомъ «Юсуповомъ саду», разбитомъ по типу версальскихъ садовъ, при московскомъ домѣ князя. «Архангельское обстраивалось въ серединѣ 80-хъ годовъ 18 вѣка, въ періодъ увлеченія русскихъ архитекторовъ смягченнымъ и утонченнымъ классицизмомъ, создавшимъ Екатерининскій стиль, переходную ступень къ суровому изяществу Empire'а. Одна изъ лучшихъ залъ въ домѣ — ротонда — излюбленная русской классической архитектурой круглая зала съ колоннами. Рѣдкая выдержанность во всемъ, начиная отъ дивной бронзовой люстры и кончая мебелью и ея разстановкой дѣлаетъ эту залу превосходнымъ декоративнымъ мотивомъ ранняго Empire'а. Въ эту эпоху лучшіе художники не гнушались дѣлать рисунки диванозъ и каминовъ, о разстановкѣ мебели также заботились, какъ и о разстановкѣ статуй въ паркѣ... Мѣткой орнаментаціей, изящнымъ поясомъ карниза, небольшимъ барельефомъ надъ дверями и между колоннами выдѣлялась архитектурная красота, оттѣнялась гармонія массъ. Въ этомъ отношеніи залы Архангельскаго — истинный шедевръ декоративнаго искусства конца 18 вѣка. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи усадьбы, имѣніе перешло къ князю Н. Б. Юсупову. Онъ уединился въ своемъ роскошномъ помѣстьѣ, собралъ превосходную библіотеку, большую коллекцію картинъ, одну изъ лучшихъ въ Москвѣ, и оставался чуждъ всѣмъ шумнымъ забавамъ московскаго барства» (Н. И. Шамуринъ).

Стихотвореніе «Къ Вельможѣ», написанное Пушкинымъ въ отвѣтъ на приглашеніе князя Юсупова побывать у него, вызвало нападки на поэта. Н. А. Полевой, въ «Телеграфѣ», обвинялъ Пушкина въ низкопоклонствѣ. Цензоръ С. Н. Глинка былъ даже уволенъ за пропускъ въ печать одной изъ рѣзкихъ статей Полевого. Этотъ эпизодъ оставилъ слѣдъ въ литературныхъ замѣткахъ Пушкина и вызвалъ сочувственный стихотворный откликъ дядюшки-поэта Василія Львовича. Безпощадная отповѣдь всѣмъ выпадамъ этого рода противъ Пушкина была впослѣдствіи дана Бѣлинскимъ.

480. Пушкинъ—бар. А. А. Дельвигу, ноябрь 1828 г., изъ Малинниковъ.

Здѣсь мнѣ очень весело. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать; мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ *(отецъ А. П. Кернъ)* ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «Дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! Не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею, —тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «Не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили.

481. Е. Е. Синицына, дочь берновскаго священника, по записи В. И. Колосова, «Русск. Стар.», 1888.

Въ Старицѣ на семейномъ балѣ у тогдашняго старицкаго исправника, В. И. Вельяшева, я встрѣтила въ первый разъ Пушкина. Я до этого времени ничего про Пушкина не слыхала, но онъ прямо бросился мнѣ въ глаза. Показался онъ мнѣ иностранцемъ, танцуетъ, ходитъ какъ-то по особому, какъ-то особенно легко, какъ-будто летаетъ. — «Это не русскій?» — спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. — «Ахъ, матушка! Это Пушкинъ, сочинитель, прекрасные стихи пишетъ», —отвѣчала она. Здѣсь мнѣ не пришлось познакомиться съ Александромъ Сергѣевичемъ.

Черезъ два дня поѣхали мы въ Павловское. Слѣдомъ за нами къ вечеру пріѣхалъ и Ал. Серг-чъ вмѣстѣ съ Ал. Н. Вульфомъ и пробыли въ Павловскомъ двѣ недѣли. Тутъ мы съ Александромъ Сергѣевичемъ сошлись поближе. На другой день сѣли за обѣдъ. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь столъ: «Ахъ, Боже мой! Клюквенный кисель». — «Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ ее поцѣловать!»—проговорилъ Пушкинъ, вскочивъ со стула. — «Ну, братъ, это ужъ ея дѣло»,—отвѣчалъ тотъ. — «Позвольте поцѣловать васъ»,—обратился онъ ко мнѣ. — «Я не намѣрена цѣловать васъ», — отвѣчала я, какъ вполнѣ благовоспитанная барышня. — «Ну, позвольте хоть въ голову»,— и, взявъ голову руками, пригнулъ и поцѣловалъ. П. А. Осипова, вмѣстѣ со своей семьей бывшая въ одно время съ Пушкинымъ въ Малинникахъ или Берновѣ, высказала неудовольствіе на то, что тутъ, наравнѣ съ ея дочерьми, вращается въ обществѣ какая-то поповна. — «Павелъ Ивановичъ, — говорила она,— всѣмъ открываетъ въ своемъ домѣ дорогу, вотъ какую-то поповну поставилъ на одной ногѣ съ нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только послѣ уже Фредерика Ивановна *(жена хозяина, Павла Ивановича)* разсказала мнѣ все это... «Прасковья Александровна осталась очень недовольна,— говорила она,—но спасибо Александру Сергѣевичу, онъ поддержалъ насъ.

Когда вслѣдъ за этимъ пошли мы къ обѣду, Ал. Серг-чъ предложилъ одну руку мнѣ, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксіи Николаевнѣ, бывшей въ однихъ лѣтахъ со мной. За столомъ онъ сѣлъ между нами и угощалъ съ одинаковой ласковостью какъ меня, такъ и ее... Вообще Ал. Серг-чъ былъ со всѣми всегда ласковъ, привѣтливъ и въ высшей степени простъ въ обращеніи. Часто вертѣлись мы съ нимъ и не въ урочное время.—«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли намъ съ вами для аппетиту протанцовать вальсъ-казакъ».—«Ну, вальсъ-казакъ-то мы съ вами Катерина Евграфовна, ужъ протанцуемъ!»—говаривалъ онъ до обѣда или во время обѣда или ужина.

Вставалъ онъ по утрамъ часовъ въ девять-десять и прямо въ спальнѣ пилъ кофе, потомъ выходилъ въ комнаты общія, иногда съ книгой въ рукахъ, хотя ни разу не читалъ стиховъ. Послѣ онъ обыкновенно или отправлялся къ сосѣднимъ помѣщикамъ, или, если оставался дома, игралъ съ Павломъ Ивановичемъ въ шахматы... Ал. Серг-чъ сильно горячился при этомъ... Много игралъ Пушкинъ также въ вистъ. По вечерамъ угощали часто Ал. Серг-ча клюквой, которую онъ особенно любилъ.

Пушкинъ былъ очень красивъ; ротъ у него былъ очень прелестный, съ тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящіе, густые и кудрявые, какъ у мерлушки, немного только подлиннѣе. Ходилъ онъ въ черномъ сюртукѣ. На туалетъ обращалъ онъ большое вниманіе. Въ комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ, у него было множество туалетныхъ принадлежностей, ногочистокъ, разныхъ щеточекъ и т. п.

482. Пушкинъ—женѣ, 24 августа 1833 г., изъ Павловскаго.

Пишу тебѣ изъ Павловскаго, между Берновымъ и Малинниками, о которыхъ, вѣроятно, я много тебѣ разсказывалъ. Вчера, своротя на проселочную дорогу къ Ярополецу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ, какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та уже подо мною не пляшетъ, не бѣсится...

483. В. Г. Бѣлинскій, «Сочиненія Александра Пушкина», посланіе «Къ Вельможѣ», 1844.

Это—полная, дивными красками написанная, картина русскаго XVIII вѣка. Нѣкоторые крикливые глупцы, не понявъ этого стихотворенія, осмѣливались въ своихъ полемическихъ выходкахъ бросить тѣнь на характеръ великаго поэта, думая видѣть лесть тамъ, гдѣ должно видѣть только въ высшей степени художественное постиженіе и изображеніе цѣлой эпохи въ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея представителей. Стихи этой пьесы — само совершенство, и вообще вся пьеса одно изъ лучшихъ созданій Пушкина; поэтъ, съ дивною вѣрностью изобразивъ то время, еще болѣе оттѣняетъ его черезъ контрастъ съ нашимъ.

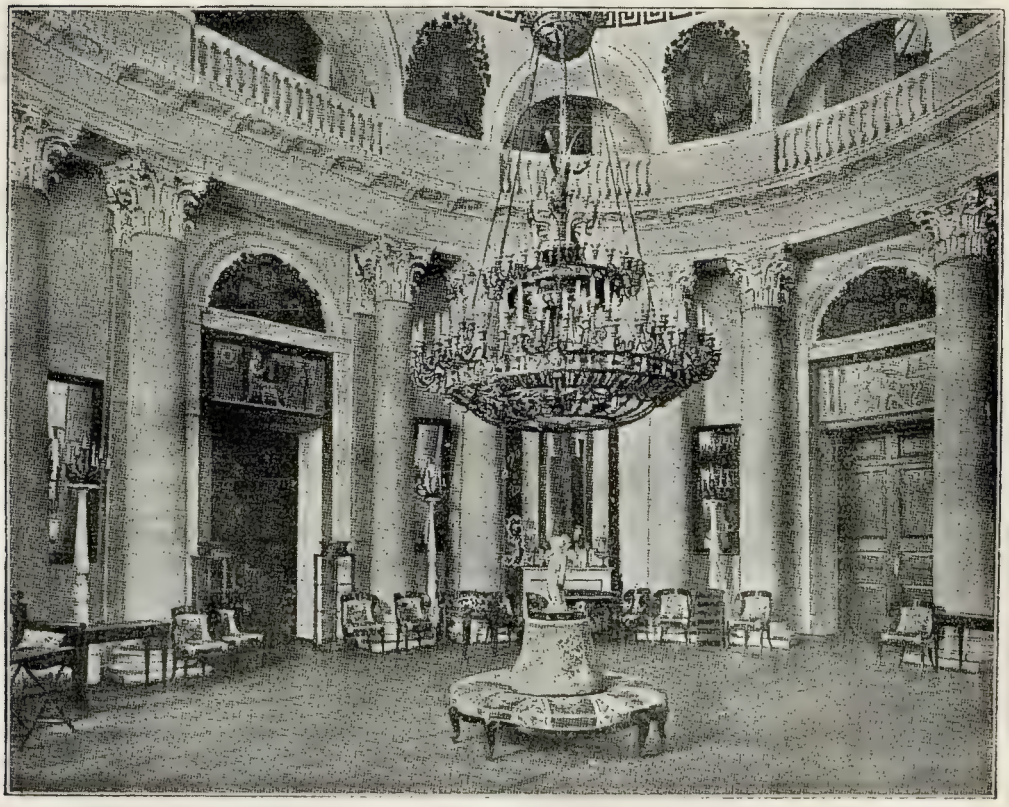


Рис. 140.

Домъ кн. Вяземскихъ въ Остафьевѣ.

Съ фотографіи.

Отъ станціи «Щербинка» Московско-Курской жел. дор. до Остафьева четыре версты... Обширный, спокойной архитектуры главный корпусъ дома съ двумя боковыми флигелями бѣлѣетъ среди темной зелени старыхъ деревьевъ. Сзади дома вѣковой паркъ. Старая липовая аллея примыкаетъ прямо къ срединѣ главнаго корпуса; эту аллею Пушкинъ назвалъ «Русскимъ Парнасомъ». Домъ былъ построенъ отцомъ кн. П. А. Вяземскаго, поэта и друга Пушкина, а послѣдними его владѣльцами были графы Шереметьевы. Незадолго до революціи 1905 года передъ Остафьевскимъ домомъ были поставлены памятники: Жуковскому, Вяземскому и Пушкину, — послѣдній работы скульптора Опекушина, автора памятника Пушкину въ Москвѣ. Четвертый памятникъ — Карамзину былъ поставленъ въ Остафьевѣ въ 1911 году.

Остафьево Вяземскихъ можетъ быть признано однимъ изъ самыхъ культурныхъ русскихъ помѣщичьихъ гнѣздъ: знаменитъ, въ частности, Остафьевскій архивъ, являющійся сокровищницею для всякаго изучающаго исторію русскаго общества XIX вѣка. Въ домѣ Вяземскихъ въ Остафьевѣ постепенно образовался настоящій музей.

Рис 141.

Пушкинская комната въ Остафьевѣ.

Рис. 142.

Кн. П. А. Вяземскій.

Рисунокъ Пушкина.

Послѣ возвращенія изъ ссылки, Пушкинъ уже не разставался надолго съ кн. П. А. Вяземскимъ. Вяземскій, будучи въ отставкѣ и даже какъ бы въ опалѣ, жилъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, но бывалъ и въ Петербургѣ. Въ 1828 году онъ былъ тамъ одновременно съ Пушкинымъ и съ нимъ вмѣстѣ просился на фронтъ, на Кавказъ. Это было время, когда въ настроеніи обоихъ друзей часто звучали ноты пессимизма, унынія, досады, доводившихъ до желанія вырваться изъ Россіи. Пушкинъ посѣщаетъ Вяземскаго въ Остафьевѣ впервые въ 1830 году. «Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры (декабрь 1830 года) навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ, — разсказываетъ Вяземскій. — Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною *(Вяземскій въ это время работалъ надъ біографіей Фонъ-Визина)*. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятеля и судилъ о трудѣ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика мѣткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще онъ больше хвалилъ, нежели критиковалъ... Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то-есть лучшую награду за свой трудъ». Сынъ П. А. Вяземскаго, кн. Павелъ объ этомъ посѣщеніи Пушкина впослѣдствіи вспоминалъ: «въ декабрѣ 1830 или январѣ 1831 года Пушкинъ навѣстилъ насъ въ Остафьевѣ. Я живо помню, какъ онъ во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ бы катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на: «я мѣщанинъ, я мѣщанинъ», «я просто русскій мѣщанинъ». Вторично Пушкинъ пріѣзжаетъ въ Остафьево совмѣстно съ Денисомъ Давыдовымъ. 18 февраля 1831 года Вяземскій расписывается на брачномъ «обыскѣ» Пушкина; онъ же былъ и посаженнымъ отцомъ его. Въ январѣ 1832 года, Вяземскій, снова поступивъ на службу по Министерству Финансовъ, обосновывается въ Петербургѣ, а затѣмъ перевозитъ туда и свою семью. Къ этому времени женатый Пушкинъ также прочно осѣдаетъ въ столицѣ. Друзья встрѣчаются часто. Въ послѣдующіе годы ихъ разлучитъ на нѣсколько мѣсяцевъ только поѣздка Вяземскаго заграницу, въ концѣ 1834 года, съ больною дочерью.

Пушкинъ всегда высоко цѣнилъ общеніе съ Вяземскимъ. «Признаюсь,—писалъ какъ-то Пушкинъ А. А. Бестужеву,— что ни съ кѣмъ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою и Вяземскимъ: вы одни можете меня разгорячить», а самъ Вяземскій объ этомъ же писалъ впослѣдствіи такъ: «Онъ *(Пушкинъ)* гдѣ то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ... Споры наши бывали большею частью литературные. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились: развѣ бывало иногда разномнѣніе въ такъ называемыхъ чисто русскихъ вопросахъ». О степени ихъ близости и потребности въ дружескомъ общеніи въ періоды разлуки свидѣтельствуетъ ихъ переписка, не только проникнутая глубокой симпатіей, интимностью, но и, можно сказать, насыщенная литературой. «Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма, — писалъ Пушкинъ Вяземскому въ 1825 году. — Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини». По числу писемъ, обращенныхъ къ нему, Вяземскій стоитъ на первомъ мѣстѣ среди корреспондентовъ Пушкина. Только письма поэта къ женѣ, числомъ 78, превышаютъ на 4 число писемъ къ Вяземскому. Вяземскій присутствовалъ при послѣднихъ часахъ своего великаго друга; самъ онъ пережилъ его на цѣлыхъ 40 лѣтъ.

◇ РИС. 140 и 141 ◇

484. П. Бѣлоусовъ, «Писательскія гнѣзда», 1930.

Поднявшись по внутренней лѣстницѣ во 2-й этажъ, пройдя по темному корридору, входишь въ довольно просторную, свѣтлую комнату съ итальянскимъ окномъ; въ ней 12 лѣтъ, начиная съ 1804 года, Карамзинъ писалъ 8 томовъ своей «Исторіи Государства Россійскаго». Постепенно въ этой комнатѣ были сосредоточены предметы, напоминающіе литературныхъ друзей кн. П. А. Вяземскаго, начиная съ Пушкина.

Всѣ стѣны комнаты увѣшаны портретами—современниками Пушкина — Жуковскаго, Державина, Баратынскаго, Тютчева, Гоголя, Крылова, Дениса Давыдова. Многіе портреты съ надписями. Есть портретъ Н. Н. Пушкиной, работы Гау въ 1843 г. Надъ входной дверью виситъ картина — «Пушкинъ въ гробу» художника Козлова — и тутъ же большая картина неизвѣстнаго художника, изображающая одну изъ литературныхъ субботъ у Жуковскаго въ 1834 году въ его кабинетѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. У окна, выходящаго въ паркъ стоитъ простой дубовый столъ на высокихъ точеныхъ ножкахъ; въ него врѣзана мѣдная дощечка съ надписью: «Столъ А. С. Пушкина 1837 г.». На столѣ лежатъ письменныя принадлежности и гладкая камышевая трость, сверху перевязанная шнуркомъ съ двумя кисточками; шелкъ уже выцвѣлъ и, вмѣсто коричневаго, сталъ свѣтло-сѣрымъ. Въ верхній конецъ трости вдѣлана золоченая пуговица съ мундира Императора Петра I. Эта пуговица была подарена Петромъ I Ганнибалу — прадѣду Пушкина, отъ котораго по наслѣдству перешла Александру Сергѣевичу. Тутъ же на столѣ находится деревянный ящикъ со стеклянной крышкой, на стеклѣ наклеенъ карандашный рисунокъ мѣста дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Въ ящикѣ лежитъ жилетъ А. С. Пушкина, снятый съ него послѣ дуэли. Жилетъ изъ чернаго недорогого сукна, двухбортный, съ воротникомъ; сшитъ такъ, что можно его сдѣлать открытымъ и можно застегнуть до верху наглухо. Одинъ бокъ жилета разорванъ и грубо зашитъ побѣлѣвшими нитками; видимо, это произошло тогда, когда жилетъ снимали съ Пушкина раненаго. Пуговицы у жилета роговыя, гладкія, черныя; спина у жилета — изъ простого чернаго коленкора — вмѣсто пряжки стянута шелковой тесьмой; воротникъ и подкладка подъ жилетомъ изъ бѣлаго коленкора—потертые и загрязненные.

Чтобы жилетъ не былъ подмѣненъ, П. А. Вяземскій пропустилъ шелковый шнурокъ въ петлю жилета и концы шнурка припечаталъ сургучемъ съ своей печатью ко дну ящика.

Тутъ же въ ящикѣ лежитъ перчатка, кора съ березы, подъ которой стоялъ Пушкинъ во время дуэли, и восковая обгорѣлая свѣча. Вмѣстѣ съ этими предметами лежитъ записка, писанная рукою П. А. Вяземскаго: «Для храненія въ Остафьевѣ. Жилетъ Александра Сергѣевича Пушкина, въ которомъ онъ дрался 27 января 1837 года. Перчатка моя; другая перчатка была брошена въ гробъ его Жуковскимъ. Александръ Тургеневъ былъ отправленъ съ гробомъ. Свѣча съ погребенія Пушкина 1 февраля 1837 г.». На окнѣ у стола подъ стекляннымъ колпакомъ стоитъ букетикъ высохшихъ полевыхъ цвѣтовъ. Этотъ букетикъ былъ собранъ Пушкинымъ на Остафьевскихъ поляхъ и подаренъ дочери Вяземскаго.

Изъ портретовъ, висящихъ на стѣнахъ этой комнаты, слѣдуетъ еще упомянуть о карандашномъ рисункѣ художника Мазера, изображающемъ Гоголя сидящимъ въ креслѣ; рядомъ портретъ баснописца И. И. Дмитріева; тутъ же литографія, изображающая партизана—поэта Дениса Давыдова и гравюра съ польскаго поэта Мицкевича, который былъ въ Остафьевѣ и написалъ тамъ одно изъ своихъ стихотвореній.

◇ РИС. 142 ◇

485. П. И. Бартеневъ, «Русск. Арх.», 1879.

Изъ Ревеля лѣтомъ 1826 года мать Пушкина послала новому Государю въ Москву письмо съ просьбой о дарованіи свободы ея сыну. Письмо это до сихъ поръ не найдено, но оно, конечно, подѣйствовало, отличаясь въ ряду всякихъ прошеній убѣдительнымъ краснорѣчіемъ искренняго сердца: его сочинялъ Вяземскій.

486. Пушкинъ — Кн. П. А. Вяземскому, 22 мая 1826 г., изъ Михайловскаго.

Твои стихи Къ Миимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата... Напиши жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

487. «О СТАТЬЯХЪ КН. ВЯЗЕМСКАГО», «Литер. Газета», 1830.

Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить.

488. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 11 апр. 1831 г.

Вяземскій везетъ къ Вамъ Жизнь Ф. Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все таки исключая Карамзина).

489. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Въ немъ *(кн. П. А. Вяземскомъ)* собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть. Онъ не поэтъ по призванію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ: «Біографія Фонвизина» обнаружилось еще видиѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ въ одно и то же время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ — всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ... Но отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ слышенъ разладъ.

490. Кн. П. А. Вяземскій. Запись 1859 года.

Пушкинъ былъ всегда дитя вдохновенія, дитя мимотекущей минуты. И оттого всѣ созданія его такъ живы и убѣдительны. Это—Эолова арфа, которая трепетала подъ налетомъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ и отзывалась на нихъ пѣсней. Разсѣкать эти пѣсни и анатомировать ихъ — и вообще созданія всякаго поэта—и искать въ нихъ организованную систему... значитъ не понимать Пушкина въ особенности, ни вообще поэта и поэзію.

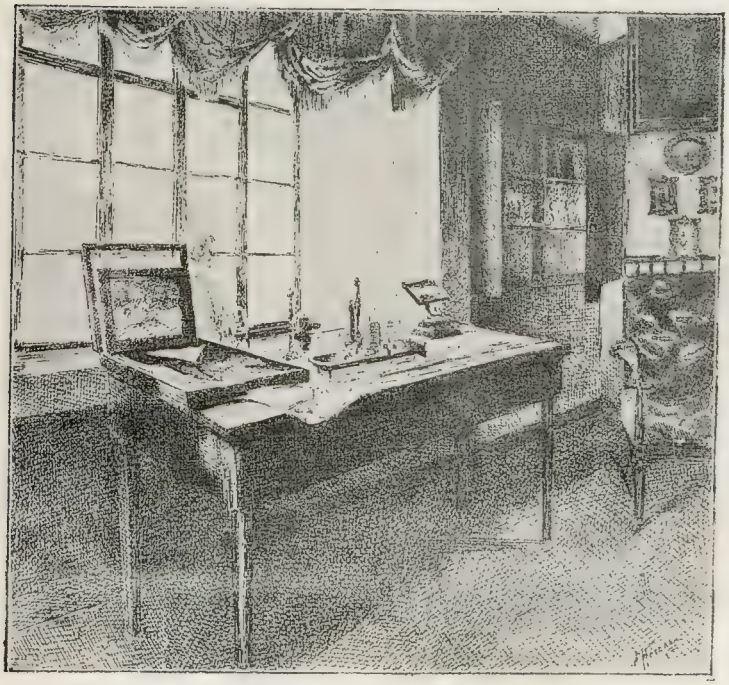


Рис. 143.

Филаретъ, митрополитъ московскій.

1782—1867.

Съ портрета, писаннаго масляными красками.
Историческій музей въ Москвѣ.

Знаменитый русскій іерархъ (въ міру Василій Михайловичъ Дроздовъ), свыше 50 лѣтъ служившій Церкви въ епископскомъ званіи и занявшій въ ней единственное по своему значенію мѣсто. «Очень маленькаго роста, весь изсохшій, онъ казался на видъ слабенькимъ ребенкомъ; но въ этой маленькой фигурѣ было какое-то величіе, поражавшее и державшее всѣхъ въ нѣкоторомъ страхѣ. На лицѣ, изможденномъ подвижничествомъ, съ глубокой печатью постоянной упорной работы мысли, блистали чрезвычайною силою проницательные живые глаза, взглядъ которыхъ трудно было вынести» (Е. Поселянинъ). Вліяніе его было громадно и въ обществѣ и у правительства. Имъ написанъ былъ по порученію Императора Александра I манифестъ о передачѣ престола Николаю Павловичу, помимо Константина Павловича. Имъ окончательно отредактированъ былъ составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Строгій аскетъ, онъ соединялъ въ себѣ обильныя дарованія: даръ управленія («онъ былъ какъ бы прирожденный архіерей», говорили о немъ), даръ слова (за нимъ утвердилась еще въ ранній періодъ его дѣятельности слава перваго русскаго проповѣдника), даръ писательскій (ясность, точность, образность его слога остается донынѣ непревзойденной). Одушевляемые необыкновеннымъ умомъ, эти дарованія вооружили митрополита Филарета для выполненія великаго дѣла его жизни, воплощеннаго какъ въ краткомъ, появившемся еще въ 1823 году, его катехизисѣ, такъ и во всемъ обиліи его духовнаго наслѣдія: установленія непреложнаго ученія Церкви, основаннаго на многовѣковомъ опытѣ православной церковной жизни и на твореніяхъ святыхъ отцовъ.

Личнымъ связующимъ звеномъ между митрополитомъ Филаретомъ и Пушкинымъ, помимо А. И. Тургенева, близкаго къ митрополиту, являлась Елизавета Михайловна Хитрово, дочь М. И. Кутузова-Смоленскаго, женщина недюжиннаго ума и добраго безхитростнаго сердца. Полюбивъ Пушкина, эта восторженная уже немолодая женщина, перенесла на него во всей полнотѣ ту «неизмѣнную, твердую, безусловную дружбу, возвышающуюся до доблести», о которой говоритъ, характеризуя Е. М., кн. Вяземскій. Найденныя не такъ давно (въ 1925 году) письма къ ней Пушкина свидѣтельствуютъ о глубинѣ и серьезности интересовъ, связывавшихъ его съ Е. М. Хитрово, и ставятъ ее въ ряды лучшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей поэта.

«Скептическіе» стихи Пушкина («26 мая 1828 года») появились лишь черезъ полтора года послѣ ихъ написанія, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». По указанію П. И. Бартенева, со словъ самого митрополита Филарета, эти стихи къ нему были привезены Е. М. Хитрово. Написанный митрополитомъ отвѣтъ на нихъ былъ переданъ Пушкину также черезъ нее, что видно изъ письма къ ней Пушкина, написаннаго въ январѣ 1830 года. Изумительна для подвижника-богослова и князя церкви та форма отклика на поэзію Пушкина, которую избралъ святитель: на стихи Пушкина онъ отвѣтилъ стихами же и тѣмъ вызвалъ у Пушкина замѣчательные его «Стансы», въ которыхъ выразились лучшія свойства души Пушкина. Показательно, что Пушкинъ, познакомившись со стихами митрополита Филарета, немедленно отвѣтилъ на нихъ и съ несвойственною ему поспѣшностью напечаталъ свои «Стансы» въ «Литературной Газетѣ» (25 февр. 1830 г.).

Въ процессѣ духовнаго созрѣванія Пушкина этотъ святой «откликъ» не могъ не сыграть великой и плодотворной роли.

Пушкинъ никогда не былъ невѣрующимъ. Онъ пережилъ эпоху сомнѣній, о которой самъ такъ сказалъ въ третьемъ лицѣ въ замѣткѣ 1824-1825 г. о стихотвореніи «Демонъ»: «Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе — чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія..?» Въ помѣщенной въ «Литературной Газетѣ» замѣткѣ «Анекдотъ о Байронѣ» (1830 г.) Пушкинъ разсказываетъ о томъ, какъ Байрону былъ подаренъ однимъ франциканскимъ монахомъ натѣльный крестъ, который онъ и носилъ, какъ величайшую святыню, и съ которымъ никогда не разставался. Приведя этотъ примѣръ въ видѣ доказательства мысли о религіозномъ характерѣ убѣжденій Байрона, Пушкинъ заканчиваетъ замѣтку слѣдующимъ разсужденіемъ, которое, какъ и вся замѣтка, также имѣетъ отчасти автобіографическій (это отмѣтилъ еще Анненковъ): «Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть, даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной».

Порывы религіознаго вдохновенія свойственны были Пушкину всегда, даже въ Кишиневскую эпоху. Не можетъ онъ почитаться ни въ одинъ періодъ своей жизни отпавшимъ отъ Церкви, даже среди самыхъ тяжкихъ грѣховъ противъ Нея. Но съ теченіемъ времени все большее и большее мѣсто начинаетъ занимать въ душѣ Пушкина идея Бога, и все ближе подходитъ онъ къ Священному Писанію, привычка къ чтенію котораго издавна у него сложилась. Характерно слѣдующее «признаніе», сдѣланное имъ А. О. Смирновой. «Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите ли, чтобы я сдѣлалъ вамъ

одно признаніе?.. Я какъ то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ... На другой день я былъ въ монастырѣ; служка попросилъ меня подождать въ кельѣ, на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу — это былъ Іезекіиль. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ Пророкѣ. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ... Іезекіиля я читалъ раньше; на этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ, я думаю, что я лучше понялъ его. Такъ всегда бываетъ съ Священнымъ Писаніемъ: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется».

Въ тѣхъ же Запискахъ А. О. Смирновой воспроизводятся многочисленныя бесѣды Пушкина и его друзей, относящіяся къ послѣднимъ пяти годамъ его жизни: среди нихъ чрезвычайно большое мѣсто занимаютъ темы религіозныя. Характерно и то, какое мѣсто удѣляетъ Пушкинъ этимъ темамъ въ «Современникѣ», имъ издававшемся: единственная статья, написанная самимъ Пушкинымъ въ библіографическомъ отдѣлѣ перваго номера «Современника» посвящена Георгію Конисскому, причемъ Пушкинъ дѣлаетъ подробныя выписки изъ религіозно-нравственныхъ поученій знаменитаго архіепископа Бѣлорусскаго. Пушкинъ пишетъ статью, посвященную «Словарю о святыхъ», а также статью «Объ обязанностяхъ человѣка» Сильвіо Пеллико», въ которой съ благоговѣніемъ говоритъ объ Евангеліи. Съ необыкновенною силою выразилась религіозная настроенность Пушкина въ «Странникѣ», который, конечно не есть, какъ то думаетъ Достоевскій, чисто литературная импровизація на тему пуританскаго проповѣдника Буньяна. П. В. Анненковъ говоритъ: «Религіозное настроеніе духа въ Пушкинѣ начинаетъ проявляться особенно съ 1833 года тѣми превосходными пѣснями, основаніе которымъ положило стихотвореніе «Странникъ»... Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣтельствуютъ многія послѣдующія стихотворенія, какъ «Молитва», «Подражаніе итальянскому»... Лучшимъ доказательствомъ постояннаго, опредѣленнаго направленія служатъ опять рукописи поэта. Въ нихъ мы находимъ, что онъ прилежно изучалъ повѣствованія Четьи-Минеи и Пролога, какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ, он выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное сходство съ самой пьесой «Странникъ».

И все же о Пушкинѣ, и въ жизни его, и въ творчествѣ, трудно говорить, какъ о правовѣрномъ и смиренномъ «сынѣ церкви». Показательно, что въ области молитвеннаго славословія геній его и въ эту эпоху оставался безсильнымъ. Справедливо отмѣчаетъ Н. Черняевъ по поводу стихотворенія «Молитва»: «Это, конечно, прекрасные стихи, но если сопоставить ихъ поэзію съ поэзіей молитвы св. Ефрема Сирина, они не выдержатъ сравненія и покажутся водянистыми и блѣдными. Сжатость и сила языка и замкнутость каждой изъ трехъ отдѣльныхъ частей молитвы св. Ефрема Сирина совершенно пропали въ пушкинскомъ переложеніи. Отступленія отъ подлинника, допущенныя поэтомъ, только обезцвѣчиваютъ его, ничего не прибавляя къ его красотѣ».

Подлинное сближеніе съ Богомъ обнаружилось у Пушкина лишь предъ послѣднею чертою, въ искупительныхъ страданіяхъ его прекрасной, исполненной мира смерти.

◇ *РИС. 143 — ЦИТАТЫ* ◇

491. «26 МАЯ 1828 ГОДА».

Даръ напрасный, даръ случайный.
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

492. Митрополитъ Филаретъ, «Не напрасно, не случайно», 1830.

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ.
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, Забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

493. «СТАНСЫ», 1830.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа томима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
В священномъ ужасѣ поэтъ.

---

* Дата дня рожденія Пушкина.

◇ *РИС. 143 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

494. Е. М. Хитрово — Пушкину, 18 марта 1830 г., изъ Петербурга. Приписка.

20 (марта). Я только что вернулась отъ Филарета — онъ разсказалъ мнѣ о недавно случившемся въ Москвѣ происшествіи, о которомъ ему сейчасъ сообщили. Онъ прибавилъ — р а з с к а ж и т е э т о П у ш к и н у. Я записала эту исторію на своемъ плохомъ русскомъ языкѣ такъ, какъ она мнѣ была разсказана. Посылаю вамъ ее, н е с м ѣ я е г о о с л у ш а т ь с я — слава Богу, говорятъ, вы счастливо пріѣхали въ Москву. Лѣчитесь, будьте благоразумны — какъ можно выбрасывать за окошко такую прекрасную жизнь.

495. «ОБЪ «ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА» ПОЛЕВОГО», 1830.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима; — исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его!

496. «О КНИГѢ А. Н. МУРАВЬЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВ. МѢСТАМЪ», 1832.

Съ умиленіемъ и невольною завистью прочли мы книгу Г-на Муравьева... Молодого нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ поѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя...

497. «СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО», «Современника», 1835.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна... Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей.

«Для молитвы постъ есть то же, что для птицы крылья.

«Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то іудейское *радуйся,* когда распинатели Христовы, ударяя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю іудейскій!* (Матѳ. 27,22). Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ (Евр. 6,6). Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъподъ ризы Своея изринетъ насъ.

«Душа безсмертная, отъ бреннаго тѣла, какъ птица изъ растерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его...»

«Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

«Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякій съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачъ». Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего или другой знакъ его монеты, то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ Вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно».

«Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ».

498. «ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА», СОЧИНЕНІЕ СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО». «Современника», 1836.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что, если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

499. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Мой мужъ повезъ меня смотрѣть Распятіе Брюллова. Мимоѣздомъ мы захватили Пушкина. Часовые, которыхъ поставили въ залѣ, гдѣ выставлено *Распятіе* Брюллова, произвели на насъ тяжелое впечатлѣніе; эти солдаты такъ не отвѣчаютъ сюжету картины. Пушкинъ говорилъ намъ: «Это меня оскорбляетъ, это язычество, я убѣжденъ, что это измышленіе діавола». Когда онъ уѣхалъ, мой мужъ сказалъ мнѣ: «Онъ правъ, тутъ одновременно оскорблено религіозное и артистическое чувство». Я отвѣчала ему: «Хочешь пари держать, что онъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай; когда что-нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе, ему надо излить его въ стихахъ».

Я выиграла пари, Пушкинъ назвался обѣдать съ Жуковскимъ, больше никого не было; послѣ обѣда онъ вынулъ изъ кармана стихотвореніе на Распятіе, охраняемое стражей; это истинный перлъ; я умоляла его дать мнѣ его для Государя, онъ отказалъ, сказавъ: «Слишкомъ рано, позже я вамъ его дамъ, но облегчился, написавъ эту вещь. Не могу вамъ выразить, какое впечатлѣніе произвелъ на меня тамъ этотъ часовой, я подумалъ о римскихъ солдатахъ, которые охраняли гробъ и препятствовали его вѣрнымъ ученикамъ приближаться къ нему».

Онъ былъ взволнованъ и, по своей привычкѣ, началъ ходить по комнатѣ; жена его заѣхала за нимъ, чтобы ѣхать на вечеръ. Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій сказалъ намъ: «Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство; онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я». Мы запротестовали. «Да, да, я правъ, говорилъ Жуковскій, это результатъ всѣхъ его размышленій, это дѣло

◇ *РИС. 143 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

не одного чувства, его сердце, его разумъ вмѣстѣ увѣровали; впрочемъ, онъ уже въ самой первой молодости написалъ Пророка».

500. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг. Высказыванія Пушкина о религіи.

«Ты (А. И. Тургеневъ) хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога? Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой нашелъ Пророка, во имя котораго, кажется, можно-бы и отпустить мнѣ мои грѣхи. Но мои добрые друзья и мои знаменитые критики, забывая о томъ, что я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о глупостяхъ риѳмоплетствовавшаго мальчишки».

«Кротость христіанина совсѣмъ не такая, какъ у язычника, который прощалъ изъ великодушія, душевнаго благородства и величія, но ни коимъ образомъ не изъ состраданія или доброты. Они не знали радости прощенія и смиренія, которыя божественно-человѣчны».

Затѣмъ Пушкинъ говорилъ о своей кавказской поэмѣ *Галубъ*. Онъ хочетъ изучить характеръ мусульманина, принявшаго христіанство. Онъ говоритъ, что единственное средство цивилизовать край, это ввести тамъ христіанство, такъ какъ вся война горцевъ съ нами ничто иное, какъ война религіозная... «Я теперь прочитываю коранъ, чтобы понять, *что* долженъ забыть мой Галубъ, чтобъ стать христіаниномъ».

Затѣмъ онъ говорилъ о Римѣ сперва идолопоклонническомъ, потомъ христіанскомъ, говорилъ также о Іерусалимѣ, причемъ я замѣтила, что онъ былъ взволнованъ. Глаза его приняли выраженіе, котораго я не видала ни у кого, кромѣ него, и то рѣдко. Когда онъ испытываетъ внутренній восторгъ, у него появляется особенное серьезное выраженіе: онъ мыслитъ. Я думаю, что Пушкинъ готовитъ для насъ еще много неожиданнаго. Несмотря на веселое обращеніе, иногда почти легкомысленное, несмотря на ироническія рѣчи, онъ умѣетъ глубоко чувствовать. Я думаю, что онъ серьезно вѣрующій, но онъ про это никогда не говоритъ. Глинка разсказалъ мнѣ, что онъ засталъ разъ его съ Евангеліемъ въ рукахъ, причемъ Пушкинъ сказалъ ему: «Вотъ единственная книга въ мірѣ: въ ней все есть». Я сказала Пушкину: «Увѣряютъ, что вы невѣрующій». Онъ расхохотался и сказалъ, пожимая плечами: «Значитъ, они меня считаютъ созершеннѣйшимъ кретиномъ».

«Вѣра, надежда и любовь — естественныя чувства для человѣка, но они сверхъестественнаго порядка, точно также, какъ и разсудокъ, совѣсть и память, хотя и животныя имѣютъ память, или скорѣе чутье; но я говорю о памяти, которая устанавливаетъ отношеніе между предметомъ и мыслью или чувствомъ. Все это безусловно сверхъестественно: я хочу этимъ сказать, что все это стоитъ внѣ опредѣленныхъ и правильныхъ законовъ матеріи и не зависитъ отъ нея, потому что матерія подвергается этимъ законамъ, а сверхъестественное — нѣтъ. Человѣкъ очень непостояненъ, измѣнчивъ, полонъ противорѣчій, но его нравственныя условія постоянно управляются его волею, у него есть выборъ дѣйствій. И онъ рожденъ съ инстинктомъ сверхъестественнаго, которое находится *въ немъ самомъ*, — вотъ почему народъ вездѣ склоненъ къ религіи. Я хочу этимъ сказать, что онъ чувствуетъ, что Богъ существуетъ, что Онъ есть высшее существо вселенной, однимъ словомъ, что Богъ *есть*... Я въ концѣ концовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ нашелъ Бога именно потому, что Онъ существуетъ. Нельзя найти *то, чего нѣтъ*, даже въ пластическихъ формахъ — это мнѣ внушило искусство... Нельзя выдумать и чувствъ, мыслей, идей, которыя не *прирождены* намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнымъ инстинктомъ, который и отличаетъ существо чувствующее и мыслящее отъ существъ, только ощущающихъ. И эта дѣйствительность столь же реальна, какъ все, что мы можемъ трогать, видѣть и испытывать. Въ народѣ есть врожденный инстинктъ этой дѣйствительности, то-есть религіозное чувство, которое народъ даже и не анализируетъ. Онъ предпочитаетъ религіозныя книги, не разсуждая о ихъ нравственномъ значеніи, онѣ просто нравятся народу. И его вкусъ становится понятнымъ, когда начинаешь читать Писаніе, потому что въ немъ находишь всю человѣческую жизнь... Англичане правы, что даютъ Библію дѣтямъ... Мои дѣти будутъ читать вмѣстѣ со мною Библію въ подлинникѣ.

Хомяковъ. По-славянски?

Пушкинъ. По-славянски; я самъ обучу ихъ ему. Сказки моей бабушки и Арины были скорѣе славянскія, чѣмъ русскія; нашъ народъ понимаетъ лучше славянскій, чѣмъ русскій, литературный языкъ.

501. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», 1845.

Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно какъ будто бы они побывали въ душѣ Пушкина; точно какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготовя себя къ тому глубочайшею святостью своей жизни... Я не могу даже понять, какъ могло придти въ умъ критику печатно, въ виду всѣхъ, взводить на Пушкина такое обвиненіе, что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта... Христіаннинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ въ двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что ясно, что было произведено имъ въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестію свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова:

«Но и тогда струны лукавой
«Мгновенно звонъ я прерывалъ,
«Когда твой голосъ величавой
«Меня внезапно поражалъ», и т. д.

Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получитъ смыслъ и сдѣлаетъ добро... Но какой теперь смыслъ критики?—спрашиваю я. Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? — Бездѣлица: выставить наиумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства, — человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового, сравнительно передъ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ пустить въ ходъ *подобную ложь*, и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опрозереніе въ своихъ же стихахъ.

Рис. 144.

Наталія Николаевна Пушкина.

1812—1863.

Съ акварельнаго портрета, писаннаго В. Гау (1844 г.).

«КРАСАВИЦА».

Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой, 1831.

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней Красоты.

Пушкинъ съ глубокою серьезностью отнесся къ своему браку: онъ въ полномъ смыслѣ слова начиналъ новую жизнь. «Участь моя рѣшена, — писалъ онъ въ «Отрывкѣ», которому съ полнымъ основаніемъ придаютъ автобіографическій характеръ. — Я женюсь... Та, которую я любилъ цѣлыхъ два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, — Боже мой! она почти моя. Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ — все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ». Въ стихахъ онъ писалъ:

«Кляну коварныя старанья
«Преступной юности моей,
«И встрѣчъ условныхъ ожиданья
«Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
«Кляну рѣчей любовныхъ шопотъ,
«И струнъ таинственный напѣвъ,
«И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
«И слезы ихъ, и поздній ропотъ»...

Чувства Пушкина двоились: онъ беззавѣтно любилъ свою невѣсту, но понималъ, что будущее сулитъ ему не однѣ «розы». Въ минуту тоски (10 февр. 1831 г.) онъ писалъ своему другу Н. И. Кривцову: «Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски: тебѣ и своей довольно». — Немало житейскихъ непріятностей доставляли Пушкину свойства характера его будущей тещи и денежныя затрудненія. Къ тому же, незадолго до свадьбы на него обрушилось личное горе — первая смерть, имъ по настоящему оплаканная: неожиданно скончался Дельвигъ. «Приготовьте Пушкина который вѣрно теперь и не чаетъ, что радость его возмутится такою горестью», писалъ Баратынскому Ор. М. Сомовъ, ближайшій сотрудникъ Дельвига по «Литературной газетѣ». Но Пушкинъ уже зналъ тяжелую новость, и она не могла не отразиться на его душевномъ состояніи, и такъ порою смущаемомъ дурными предчувствіями (см. на оборотѣ Разсказъ цыганки Тани).

Свадьба состоялась въ Москвѣ 18 февраля въ церкви Большого Вознесенія, у Никитскихъ Воротъ. Невольно вспоминается утвержденіе Пушкина о томъ, что въ его жизни особое мѣсто занимаетъ день Вознесенія. Онъ даже собирался построить въ Михайловскомъ церковь во имя Вознесенія Господня: «Ты понимаешь — говорилъ онъ одному, другу, — что это не можетъ быть дѣломъ одного случая». Во время бракосочетанія произошли явленія, смутившія суевѣрнаго Пушкина: кольцо его, при обмѣнѣ кольцами, упало на полъ, крестъ былъ задѣтъ Пушкинымъ и уроненъ имъ съ аналоя, свѣча его погасла... «Toutes les mauvaises augures!» — сказалъ Пушкинъ. Однако, всѣ непріятности потонули въ ощущеніи безграничнаго счастья, которое овладѣло Пушкинымъ, когда онъ почувствовалъ себя, наконецъ, мужемъ любимой женщины. «Я женатъ, — и счастливъ. Одно желаніе мое, — чтобы ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился», писалъ онъ черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія Плетневу со своей семейной квартиры, изъ дома Хитрово, на Арбатѣ. «Пушкинъ славный задалъ вчера балъ, — писалъ нѣсколько дней спустя А. Я. Булгаковъ своему брату. — И онъ, и она прекрасно угощали гостей своихъ. Она прелестна, и они, какъ два голубка. Дай Богъ, чтобы всегда такъ продолжалось».

◇ РИС. 144 ◇

502. Е. М. Хитрово — Пушкину, середина мая 1830 г., изъ Петербурга.

Прозаическая сторона брака—вотъ чего я боюсь для васъ! Я всегда думала, что геній поддерживаетъ себя полной независимостью и развивается только въ безпрерывныхъ бѣдствіяхъ, я думала, что совершенное, положительное и отъ постоянства нѣсколько однообразное счастье убиваетъ дѣятельность, располагаетъ къ ожирѣнію и дѣлаетъ скорѣе добрымъ, чѣмъ великимъ поэтомъ...

503. Пушкинъ — Е. М. Хитрово, между 19 и 24 мая 1830 г., изъ Москвы.

Что касается моего брака, то ваши размышленія о немъ были бы вполнѣ справедливы, если бы вы обо мнѣ судили менѣе поэтически. На самомъ дѣлѣ я просто добрый малый, который не хочетъ ничего иного, какъ заплыть жиромъ и быть счастливымъ. Первое легче второго.

504. Кн. П. А. Вяземскій—женѣ, 30 мая 1830 г., изъ Петербурга.

Развѣ Пушкинъ, женившись, пріѣдетъ сюда и думаетъ здѣсь жить? Не желаю. Ему здѣсь нельзя будетъ за всѣми тянуться, а я увѣренъ, что въ любви его къ женѣ будетъ много тщеславія. Женившись, ѣхать бы ему въ чужіе края, разумѣется съ женою, и я увѣренъ, что въ такомъ случаѣ разрѣшили бы ему границу.

505. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 31 янв. 1831 г., изъ Москвы.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему своими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго—съ нимъ толковалъ обо всемъ, «что душу волнуетъ, что сердце томитъ». Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.

506. Кн. Павелъ Вяземскій, «Собр. соч.».

Пушкинъ женился 18 февраля 1831 г. Я принималъ участіе въ свадьбѣ, и, по созершеніи брака въ церкви, отправился вмѣстѣ съ П. В. Нащокинымъ на квартиру поэта для встрѣчи новобрачныхъ съ образомъ. Въ щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями подъ лиловый бархатъ съ рельефными набивными цвѣточками, я нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана, собраніе стихотвореній Кирши Данилова.

507. Разсказъ цыганки Татьяны Дельяновны, въ передачѣ Б. М. Маркевича, 1885.

Тутъ еще вскорѣ холера первая сдѣлалась; не дай Богъ, что за время было,—вспомнить страшно... Къ зимѣ все прошло, опять стали мы пѣть, и опять Пушкинъ въ Москву пріѣхалъ — только рѣже сталъ ѣзжать къ намъ въ хоръ. Однако, нерѣдко я видала его попрежнему у Павла Войновича и Ольги. Сталъ онъ будто скучноватый, а все же, по прежнему вдругъ оскалитъ свои большіе бѣлые зубы да какъ примется хохотать. Иной разъ даже испугаетъ просто, право! Тутъ узнала я, что онъ жениться собирается на красавицѣ, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господинъ онъ добрый, ласковый, дай ему Богъ совѣтъ да любовь. И не чаяла я его до свадьбы видѣть, потому, говорили, все у невѣсты сидитъ, очень въ нее влюбленъ. Только разъ, вечеркомъ,—аккуратъ два дня до его свадьбы оставалось, — зашла я къ Нащокину съ Ольгой. Не успѣли мы и поздороваться, какъ подъ крыльцо сани подкатили и въ сѣни вошелъ Пушкинъ. Увидалъ меня изъ сѣней и кричитъ: «Ахъ, радость моя, какъ я радъ тебѣ! здорово, моя безцѣнная!» — поцѣловалъ меня въ щеку и усѣлся на софу. Сѣлъ и задумался, да такъ, будто тяжко, голову на руку оперъ, глядитъ на меня: «Спой мнѣ»,—говоритъ,—«Таня, что-нибудь на счастье; слышала, можетъ быть, я женюсь?»—«Какъ не слыхать,— говорю, — дай вамъ Богъ, Александръ Сергѣевичъ». — «Ну, спой мнѣ, спой»!— «Давай,—говорю, — Оля, гитару, споемъ барину»!.. Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мнѣ спѣть... Только на сердцѣ у меня у самой невесело было въ ту пору; потому у меня былъ свой предметъ, — женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ меня, въ деревнѣ заставила всю зиму съ собою жить,— и очень тосковала я отъ того. И думаючи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню, — она хоть и подблюдной считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

«Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
«Государыня, что такъ пыльно?
«Кони разыгрались... А чьи-то кони, чьи-то кони?
«Кони Александра Сергѣевича»...

Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосомъ то же передаю и ужъ какъ быть, не знаю, глазъ отъ струнъ не подыму... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за голову схватился, какъ ребенокъ плачетъ... Кинулся къ нему Павелъ Войновичъ:—«Что съ тобой, что съ тобой, Пушкинъ?» — «Ахъ,—говоритъ,—эта пѣсня всю мнѣ внутрь перевернула, она мнѣ не на радость, а большую потерю предвѣщаетъ!..» И недолго онъ послѣ этого оставался тутъ, уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простился.

— И что же, баба, видѣлась ты съ нимъ послѣ того?

Разъ,—разъ всего потомъ довелось мнѣ его видѣть. Мѣсяцъ, а можетъ и больше, послѣ его свадьбы, пошла я какъ-то утромъ къ Иверской, а оттуда въ городъ, по площади пробираюсь. Гляжу, богатѣйшая карета, новенькая, четвернею ѣдетъ мнѣ навстрѣчу. Я было свернула въ сторону, только слышу громко кто-то мнѣ изъ кареты кричитъ: «Радость моя, Таня, здорово»! Обернулась я, а это Пушкинъ, окно опустилъ, высунулся въ него самъ и оттуда мнѣ рукой поцѣлуй посылаетъ... А подлѣ него красавица писаная — жена сидитъ, голубая на ней шуба бархатная, — глядитъ на меня, улыбается. Ужъ и не знаю, право, что она объ этомъ подумала, только очень конфузно показалось мнѣ это въ ту пору... Старушка разсмѣялась, будто просіявъ вся отъ того воспоминанія.

Рис. 145.

Дача Пушкина въ Царскомъ Селѣ.

(Домъ Якова Китаева).

Рисунокъ М. Н. Орловой-Мочаловой.

Въ 1826 году, по Высочайшему повелѣнію, въ Царскомъ Селѣ было отведено три участка для постройки домовъ тремъ придворнымъ камердинерамъ. На возведеніе каждой усадьбы изъ кабинетскихъ суммъ было ассигновано по 30.000 рублей; чертежи фасадовъ были одобрены Государемъ. Подъ домъ камердинера Якова Китаева было отведено мѣсто на углу Колпинской и Кузьминской улицъ. Самъ Китаевъ вскорѣ умеръ, и ко времени проживанія тамъ Пушкиныхъ домъ принадлежалъ уже его вдовѣ. Домъ этотъ, въ которомъ значилось по плану восемь комнатъ (включая мезонинъ), былъ нанятъ для Пушкина П. А. Плетневымъ и обставленъ мебелью, взятой на время у Вяземскихъ. Пушкины поселились здѣсь въ концѣ мая 1831 года. Любимой комнатой поэта былъ кабинетъ, расположенный въ мезонинѣ.—Впослѣдствіи по фасаду дома — единственнаго по своей сохранности изъ всѣхъ домовъ, въ которыхъ жилъ Пушкинъ—Дворцовымъ Управленіемъ была прикрѣплена доска; на бѣломъ мраморѣ золотомъ значилось: «Въ этомъ домѣ жилъ А. С. Пушкинъ съ 25-го мая по 20-е октября 1831 года».

Рис. 146.

«Разбитая кружка».

Фонтанъ въ Царскосельскомъ паркѣ.

Этотъ знаменитый фонтанъ, воспѣтый Пушкинымъ въ стихотвореніи «Царскосельская статуя» (1830 г.), былъ построенъ въ Царскомъ въ 1810 году, по проэкту Бетанкура. Находится онъ недалеко отъ купальни, построенной еще при Императрицѣ Екатеринѣ II для ея внуковъ и позднѣе преподставленной лицеистамъ.

«Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
«Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
«Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
«Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ».

Рис. 147.

Видъ Царскосельскаго «спуска» постройки Ч. Камерона.

Картина С. Ѳ. Щедрина.

Съ высокой террасы, покрытой газономъ, клумбами цвѣтовъ и кустами сирени,— подобіе висячихъ садовъ Семирамиды,—на которой расположенъ павильонъ Агатовыхъ комнатъ, въ паркъ ведетъ мощная аркада пологого спуска. Его велѣла построить Императрица Екатерина I, не любившая, къ своимъ преклоннымъ годамъ, ходить по лѣстницамъ. Совсѣмъ близко отсюда находится высокая гранитная терраса, съ прекраснымъ видомъ на озеро и паркъ: здѣсь особенно любилъ бывать Пушкинъ. — Извѣстно, что, и живя въ Петербургѣ, Пушкинъ неоднократно ходилъ въ Царское пѣшкомъ.

Пребываніе Пушкина въ Царскомъ Селѣ съ молодою женою было счастливѣйшимъ временемъ его жизни. Семейная обстановка была безоблачною. «Пушкинъ мой сосѣдъ и мы видаемся съ нимъ часто, — писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу.—А женка Пушкина очень милое твореніе. C'est le mot. И онъ съ ней мнѣ весьма нравится. Я болѣе и болѣе за него радуюсь, что онъ женатъ. И душа, и жизнь, и поэзія въ выигрышѣ. Мнѣ же пришлось только повторять стихъ: «Чувствительна душа и внужѣ веселится». «Мой братъ и его жена проведутъ лѣто въ Царскомъ Селѣ... Они въ восхищеніи другъ отъ друга; моя невѣстка — очень очаровательная, хорошенькая, красивая и остроумная, къ тому же и очень славная», писала мужу Ольга Сергѣевна Павлищева. Покоемъ и счастіемъ исполнены и письма Пушкина. «Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ», пишетъ Пушкинъ Нащокину 11 іюня 1831 года. «Жена искренно благодаритъ васъ за строки, которыя вы изволили написать ей,—пишетъ Пушкинъ 11 сентября того же года старому своему другу П. А. Осиповой, въ Тригорское.—Это добрѣйшій ребенокъ, готовый любить васъ отъ всего сердца». Безмятежность пушкинскаго настроенія сказалась съ особенною силою въ письмѣ къ Плетневу отъ 22 іюля 1831 года. «Опять хандришь!—журитъ Пушкинъ своего нѣжно любимаго друга.—Эй, смотри, хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди—умрутъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомыхъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши—старыя хрычовки; а дѣти будутъ славныя, молодые, веселые ребята, мальчики станутъ позѣвничать, а дѣвочки сантиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на-дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы».

Когда пріѣхалъ дворъ, Пушкинъ получилъ возможность общаться съ Государемъ; какъ передаетъ Павлищевъ, Пушкинъ, гуляя съ женою, неожиданно встрѣтился съ Императорскою четою: Государь былъ къ Пушкину очень милостивъ. Въ томъ же письмѣ Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Кстати, скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): Царь взялъ меня на службу, но не въ канцелярскую или при-

дворную или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованіе, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: разъ онъ женатъ и не богатъ, надо, чтобы у него была каша въ горшкѣ. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ».

Пушкинъ много работалъ въ Царскомъ, строилъ планы. Тотчасъ по пріѣздѣ написалъ онъ частное письмо Бенкендорфу, выражая желаніе приступить къ изданію журнала. Особое мѣсто занядо увлеченіе народнымъ эпосомъ: между Пушкинымъ и Жуковскимъ состоялось своеобразное соревнованіе на этомъ поприщѣ. Пушкинъ написалъ тогда двѣ изъ своихъ сказокъ — «О Царѣ Салтанѣ» и «О попѣ и его работникѣ Балдѣ», а Жуковскій— «О Царѣ Берендѣѣ» и «Спящую Царевну». «Ксму принадлежитъ первая мысль этого замѣчательнаго турнира, мы можемъ только догадываться», говоритъ П. В. Анненковъ, склоняясь однако къ мысли, что инициатива исходила отъ Пушкина. «Жуковскій побрился, а Пушкинъ такъ и ходитъ въ армякѣ», оставилъ характерное замѣчаніе по этому поводу В. Д. Комовскій. Гоголь, проводившій тогда время также въ Царскомъ, писалъ А. С. Данилевскому: «есть у Пушкина сказки русскія народныя,—не то что «Русланъ и Людмила»,—но совершенно русскія».

Извѣстно, насколько былъ близокъ Пушкинъ къ народу. В. А. Нащокина въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Поэтъ въ путешествіи никогда не дожидался на станціяхъ пока заложатъ ему лошадей, а шелъ по дорогѣ впередъ и не пропускалъ ни одного встрѣчнаго мужика или бабы, чтобы не потолковать съ ними о хозяйствѣ, о семьѣ, о нуждахъ, особенно же любилъ вмѣшиваться въ разговоры рабочихъ артелей. Народный языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ и чрезвычайно скоро умѣлъ располагать къ себѣ сѣрую крестьянскую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили съ нимъ обо всемъ».

Существуютъ многочисленныя свидѣтельства о томъ, какъ Пушкинъ, одѣтый по простонародному, смѣшивался съ толпою на ярмаркахъ и богомольяхъ и тщательно прислушивался къ народному пѣсенному творчеству. Менѣе извѣстно, что Пушкинъ самъ, и въ Михайловскомъ и въ Болдинѣ, собиралъ пѣсни и принималъ участіе въ знаменитомъ начинаніи Петра Кирѣевскаго («Сборникъ русскихъ пѣсенъ»). «Вотъ эту пачку, — сказалъ какъ-то Кирѣевскій,--далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ:—«Когда-нибудь отъ нечего дѣлать разберитесь-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ». И сколько я ни старался разгадать эту загадку, — продолжалъ Кирѣевскій,— никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя». Такъ передаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, а самъ Кирѣевскій писалъ въ концѣ 1832 года Н. М. Языкову: «Пушкинъ былъ недѣли двѣ въ Москвѣ и третьяго дня уѣхалъ, онъ учится по-еврейски съ намѣреніемъ переводить Іова и намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много; я думаю ему послать копіи съ моего собранія, но для этого нужно напередъ твое соизволеніе».

Глубокое знаніе народнаго пѣсеннаго творчества, несомнѣнно, помогло Пушкину овладѣть тайною народнаго языка. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи Пушкинъ нашелъ замѣчательнаго продолжателя, котораго онъ со свойственнымъ ему великодушіемъ поддержалъ и ободрилъ. Мы имѣемъ въ виду П. П. Ершова. П. В. Анненковъ удостовѣряетъ, что всѣмъ извѣстные первые четыре стиха сказки П. П. Ершова «Конекъ-Горбунокъ»:

«За горами, за лѣсами,
«За широкими морями,
«Противъ неба, на землѣ,
«Жилъ старикъ въ одномъ селѣ»...

были написаны, по свидѣтельству Смирдина, Пушкинымъ, «удостоившимъ ее *(сказку)* тщательнаго просмотра». Молодой авторъ, представленный Пушкину вѣроятно Плетневымъ, впослѣдствіи говорилъ, что Пушкинъ остался очень доволенъ сказкою и замѣтилъ девятнадцатилѣтнему юношѣ: «теперь этотъ родъ занятій можно мнѣ и оставить». По другому свидѣтельству Пушкинъ сказалъ однажды: «Этотъ Ершовъ владѣетъ русскимъ стихомъ, точно своимъ крѣпостнымъ мужикомъ». Во всякомъ случаѣ, послѣ 1834 года, когда Пушкинымъ была просмотрѣна сказка Ершова (и къ каковому году относится пушкинская сказка о «Золотомъ Пѣтушкѣ»), Пушкинъ уже не пробовалъ своихъ силъ въ этомъ жанрѣ.

◇ *РИС. 145 — ЦИТАТЫ* ◇

508. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 26 марта 1831 г., изъ Москвы.

Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны, и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправлюсь въ Петербургъ. Знаешь ли что? мнѣ мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А дома, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также,—Петербургъ подъ бокомъ,—жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего кажется лучше... Женка моя прелесть не по одной наружности...

509. Пушкинъ — П. А. Плетневу; первая половина апрѣля 1831 г., изъ Москвы.

Ради Бога, найми мнѣ фатерку въ Царскомъ Селѣ — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше, но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище, а нужна кухня, да сарай. Вотъ и все.

510. Пушкинъ—Н. И. Гончаровой, 26 іюня 1831 г., изъ Царскаго Села.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позво-

◇ *РИС. 145 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

лять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, позидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить.

511. А. О. Смирнова, «Воспоминанія», «Русск. Арх.», 1871.

Въ 1831 году въ Царскомъ видались ежедневно. Пушкинъ съ молодой женой поселился въ домѣ Китаева, на Колпинской улицѣ... Жуковскій жилъ въ Александровскомъ дворцѣ, а фрейлины помѣщались въ Большомъ дворцѣ. Тутъ они оба взяли привычку приходить ко мнѣ по вечерамъ, то-есть передъ собраніемъ у Императрицы, назначеннымъ къ 9-ти часамъ. Днемъ Жуковскій занимался съ Великимъ Княземъ или работалъ у себя. Пушкинъ писалъ, именно свои сказки, съ увлеченіемъ; такъ какъ я ничего не дѣлала, то и заходила въ домъ Китаева. Наталья Николаевна сидѣла обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинетъ былъ наверху, и онъ тотчасъ насъ зазывалъ къ себѣ. Кабинетъ поэта былъ въ порядкѣ. На большомъ кругломъ столѣ, передъ диваномъ, находились бумаги и тетради, часто нешитыя, простая чернильница и перья; на столикѣ графинъ съ водою, ледъ и банка съ кружевниковымъ вареньемъ, его любимымъ. (Онъ привыкъ въ Кишиневѣ къ дульчецамъ). Волоса его обыкновенно еще были мокры послѣ утренней ванны и вились на вискахъ; книги лежали на полу и на всѣхъ полкахъ. Въ этой простой комнатѣ, безъ гардинъ, была невыносимая жара; но онъ это любилъ, сидѣлъ въ сюртукѣ, безъ галстуха. Тутъ онъ писалъ, ходилъ по комнатѣ, пилъ воду, болталъ съ нами, выходилъ на балконъ... Вечеромъ, въ 5 или 6 часовъ, онъ съ женой ходилъ гулять вокругъ озера, или я заѣзжала на дрожкахъ за его женою; иногда и онъ садился на перекладину верхомъ, и тогда былъ необыкновенно веселъ и забавенъ.

512. А. О. Смирнова, по записи Я. П. Полонскаго, «Голосъ Минувшаго», 1917.

Когда мы жили въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ каждое утро ходилъ купаться, послѣ чая ложился у себя въ комнатѣ и начиналъ потѣть. По утрамъ я заходила къ нему. Жена его такъ ужъ и знала, что я не къ ней иду.—«Вѣдь ты не ко мнѣ, а къ мужу пришла, ну, и поди къ нему». — «Конечно, не къ тебѣ, а къ мужу. Пошли узнать, можно ли войти?»—«Можно». Съ мокрыми, курчавыми волосами лежитъ, бывало, Пушкинъ въ коричневомъ сюртукѣ на диванѣ. На полу вокругъ книги, у него въ рукахъ карандашъ. — «А я вамъ приготовилъ кой-что прочесть», — говоритъ. — «Ну, читайте».—Пушкинъ начиналъ читать (въ это время онъ сочинялъ все сказки). Я дѣлала ему замѣчанія, онъ отмѣчалъ и былъ очень доволенъ. Читалъ стихи онъ плохо. Жена его ревновала ко мнѣ. Сколько разъ я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мнѣ? Право, мнѣ всѣ равны: и Жуковскій, и Пушкинъ, и Плетневъ, — развѣ ты не видишь, что ни я не влюблена въ него, ни онъ въ меня». — «Я это хорошо вижу, — говоритъ, — да мнѣ досадно, что ему съ тобой весело, а со мной онъ зѣваетъ».

Однажды говорю я Пушкину: «Мнѣ очень нравятся ваши стихи «Подъѣзжая подъ Ижоры». — Отчего они вамъ нравятся? — Да такъ,—они какъ будто подбоченились, будто плясать хотятъ. Пушкинъ очень смѣялся. — Вѣдь вотъ, поди-те, отчего бы это не сказать въ книгѣ печатно — «подбоченились», — а вотъ какъ это вѣрно. Говорите же послѣ этого, что книги лучше разговора. Когда сердце бьется отъ радости, то, по словамъ Пушкина, оно:

То такъ,
То пятакъ,
То денежка.

Этими словами онъ хотѣлъ выразить біеніе и тревогу сердца. Наговорившись съ нимъ, я спрашивала его (поутру у него въ комнатѣ): — Что же мы теперь будемъ дѣлать? — А вотъ что! Не возьмете ли вы меня прокатиться въ придворныхъ дрогахъ? — Поѣдемте! Бывало и поѣдемъ. Я сяду съ его женой, а онъ на перекладинѣ, и всякій разъ, бывало, поетъ во время такихъ прогулокъ.

513. О. С. Павлищева — мужу, 9 іюля 1831 г.

Моя невѣстка очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ. О ея наружности скажу, что она изъ такихъ красавицъ, какихъ встрѣтить рѣдко не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и Александръ совершенно правъ, называя ее Мадонной. Въ самомъ дѣлѣ: греческій, вполнѣ правильный профиль, ростъ гораздо выше средняго, стройный станъ, при нѣкоторой худощавости, безукоризненныя черты лица—все это, привлекая общее вниманіе, придаетъ внѣшности его жены какое-то величіе, а, главное, она предоброе дитя и, кажется, далеко не глупа...

514. О. С. Павлищева—мужу, августъ 1831 г.

Моя невѣстка очарозательна, я ужъ это говорила, но ты забылъ. Все Царское ею восторгается, а Императрица хочетъ, чтобы она появилась при Дворѣ. Она отъ этого въ отчаяніи, потому что она совсѣмъ не глупа; я не то хочу сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще нѣсколько застѣнчива, но это пройдетъ, и она поладитъ со Дворомъ и съ Императрицей, какъ прекрасная, молодая и любезная женщина.

515. Арк. Ос. Россетъ, «Русск. Арх.», 1882.

Лѣтомъ 1831 г. въ Царскомъ Селѣ многіе ходили нарочно смотрѣть на Пушкина, какъ онъ гулялъ подъ руку съ женой, обыкновенно около озера. Она бывала въ бѣломъ платьѣ, въ круглой шляпѣ, и на плечахъ свитая по тогдашнему красная шаль.

516. Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники».

Въ 1831 г., когда Пушкинъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, онъ посѣтилъ Лицей. Никогда не забуду восторга, съ которымъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдозъ», мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ со старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашизалъ о нашемъ бытѣ, пока-

◇ *РИС. 145 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

звалъ намъ свою бывшую комнату и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ.

517. Д. Н. Садовниковъ, «Отзывы о Пушкинѣ», «Историч. Вѣстн.», 1883.

В. Д. Комовскій 16 октября 1831 г. пишетъ, что Государь велѣлъ Пушкину написать исторію Петра Великаго и разсказываетъ по этому поводу даже, какъ это случилось. Пушкинъ встрѣтился съ Государемъ въ царскосельскомъ саду и на предложенный вопросъ: «почему онъ не служитъ?» отвѣчалъ: — «Я готовъ, но кромѣ литературной службы, не знаю никакой». Тогда Государь приказалъ ему сослужить службу—написать исторію Петра Великаго.

518. Пушкинъ — П. В. Нащокину, 21 іюля 1831 г., изъ Царскаго Села.

Я все къ тебѣ собираюсь, да боюсь карантиновъ... Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! Въ Царскомъ Селѣ все тихо; но около — такая каша, что Боже упаси. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики.

519. П. И. Миллеръ. «Встрѣча съ Пушкинымъ», «Русск. Арх.», 1902.

27-го іюля, въ 7-мъ часу вечера, я шелъ къ знакомому, жившему во дворцѣ. Не сдѣлалъ я двадцати шаговъ, какъ вышелъ изъ-за деревьевъ на ту же дорогу человѣкъ средняго роста, съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ шелъ мнѣ навстрѣчу скоро, большими шагами. Хотя онъ былъ еще далеко отъ меня, но по походкѣ и бакенбардамъ нетрудно было узнать въ немъ Александра Сергѣевича. Я рѣшился подойти къ нему. За нѣсколько шаговъ, снявъ фуражку, я сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ: «Извините, что я васъ останавливаю, Александръ Сергѣевичъ; но я внукъ вамъ по лицею и желаю вамъ представиться». — «Очень радъ, отвѣчалъ онъ, улыбнувшись и взявъ меня за руку, очень радъ». — Непритворное радушіе было въ его улыбкѣ и глазахъ. Я сказалъ ему свою фамилію. «Ну, что у васъ дѣлается въ лицеѣ? Если вы не боитесь усталости, — прибавилъ онъ, — то пойдемте со мною».. Изъ парка мы перешли въ большой садъ. — «Ну, а литература у васъ процвѣтаетъ?» спросилъ онъ. — «Что вашъ садъ и ваши палисадники? А памятникъ въ саду поддерживаете? Видаетесь ли вы съ вашими старшими? Выпускаютъ ли теперь изъ лицея въ военную службу? Есть ли между вами желающіе? Какіе теперь у васъ профессора? Прибавляется ли ваша библіотека? У кого она теперь на рукахъ?» На эти вопросы Александра Сергѣевича я едва успѣвалъ отвѣчать... Обойдя кругомъ озера, онъ сказалъ: «Вы раскраснѣлись, кажется устали?» — «Это не отъ усталости, а отъ эмоціи и удовольствія идти съ вами». Онъ улыбнулся и протянулъ мнѣ руку.

520. Пушкинъ — П. И. Миллеру, 6 августа 1831 г., Царское Село.

Сердечно благодарю васъ за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обѣщаніе — побывать у меня? Внукъ очень тѣмъ обяжетъ ему сердцемъ преданнаго дѣда.

521. Н. В. Гоголь — В. А. Жуковскому, 10 сент. 1831 г., изъ Петербурга.

Если бы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой-нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносный кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С... Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки.. Это чортъ надѣлъ на себя зелёный мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ... Это была радостная минута; она уже прошла... Осталось воспоминаніе — и еще кой-что... извѣстіе что сказка ваша уже окончена... И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе! Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи.

◇ *РИС. 147* ◇

522. «ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ», 1829.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!...
И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ!

523. М. Ѳ. Каменская. «Воспоминанія», «Истор. Вѣст.», 1894.

Въ царскосельскомъ саду, около самаго спуска безъ ступеней, было въ томъ году излюбленное царскосельскою публикою мѣстечко, что-то вродѣ каменной террасы, обставленной чугунными стульями, куда по вечерамъ тамошній бо-мондъ собирался посидѣть и послушать музыку. Въ одинъ прекрасный день на этой террасѣ собралось такъ много народу, что даже не достало стульевъ двумъ пожилымъ дамамъ. Я, какъ дѣвочка вѣжливая, сейчасъ же сбѣгала въ садъ, захватила тамъ еще такіе два стула и подала ихъ барынямъ. Папенька *(гр. Ѳ. П. Толстой)* съ Пушкинымъ въ это время стояли недалеко отъ террасы и о чемъ-то разговаривали. Вдругъ Ал. Серг. схватилъ отца моего за руку и громко воскликнулъ: — «Графъ, видѣли вы, что дѣвочка сдѣлала?» — Что она сдѣлала — «Да вотъ такіе два чугунные стула подхватила, какъ два перышка, и отнесла на террасу». Папенька позвалъ меня и представилъ Пушкину; я ему сдѣлала книксенъ и съ удивленіемъ стала смотрѣть на страшной длины ногти на его мизинцахъ...

Рис. 148.
Гусары при штурмѣ Варшавы 1831 года.
Акварель М. Ю. Лермонтова.

Рис. 149.
Марсово Поле.
Литографія гравера С. Ф. Галактіонова.

Патріотическая трилогія Пушкина, вдохновленная польскимъ возстаніемъ, начинается посвященнымъ Кутузову стихотвореніемъ «Передъ гробницею святой», написаннымъ въ началѣ іюня 1831 года и исполненнымъ тревоги за судьбы русскаго дѣла въ Польшѣ. «Теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году», говорилъ Пушкинъ гр. Е. Е. Комаровскому. «Народы такъ и рвутся, такъ и лаютъ, — писалъ Пушкинъ 1 іюня Вяземскому — того и гляди, назяжется на насъ Европа». «Здѣсь говорятъ о взятіи Вильны, — пишетъ онъ ему же 11 іюня, — и о повѣшеніи Храповицкаго. Ужасно во всѣхъ отношеніяхъ. Дай Богъ, чтобы это было ложное извѣстіе». Къ началу августа тревога Пушкина нѣсколько утихаетъ. «Кажется дѣло польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I, дѣло зѣло опасное», пишетъ Пушкинъ 3 августа. Понятно, почему мысли поэта обратились къ Кутузову, явившемуся спасителемъ Россіи въ 1812 году.

Вторымъ стихотвореніемъ трилогіи является «Клеветникамъ Россіи» (написано 2 авг. 1831 г.). «Въ виду смущенной Европы и укрощенія польскаго мятежа въ предѣлахъ самой Имперіи, Пушкинъ, — говоритъ П. В. Анненковъ, — возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи: съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ». Первыми слушателями поэта была царская семья: «Когда Пушкинъ написалъ эту оду, онъ прежде всего прочелъ ее намъ», разсказывалъ впослѣдствіи Императоръ Александръ II. Стихотвореніе это вызвало восторгъ одной части общества и враждебное недоумѣніе другой, къ которой принадлежали и ближайшіе друзья Пушкина (Вяземскій и Тургеневъ). Напротивъ, Чаадаевъ оказался на сторонѣ Пушкина. Онъ написалъ ему: «Вотъ, наконецъ, вы національный поэтъ; вы, наконецъ, нашли свое призваніе; особенно изумительны стихи къ врагамъ Россіи: я вамъ это говорю. Въ нихъ больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ... Не всѣ одного со мной мнѣнія, сами понимаете, но пусть ихъ говорятъ, а мы пойдемъ впередъ». Единомышленникомъ Пушкина оказался и восемнадцатилѣтній Михаилъ Бакунинъ, писавшій своимъ родителямъ: «Эти стихи, не правда ли дорогіе родители? Они полны огня и истиннаго патріотизма; вотъ каковы должны быть чувства русскаго!»

Третьимъ стихотвореніемъ является «Бородинская годовщина», въ день которой (26 августа) произошло взятіе Варшавы (стихотвореніе написано 5 сент. 1831 г.) — «Какъ огорчили меня эти стихи, — писалъ Вяземскій Е. М. Хитрово. — Власти, общественному порядку, часто приходится исполнять грустныя, кровавыя обязанности, но поэтъ, слава Богу, не обязанъ ихъ воспѣвать. Правительство, подчиняясь слѣпой и непоколебимой необходимости, можетъ подписать смертный приговоръ народу, какъ и отдѣльному лицу, противящемуся установленному порядку и неизбѣжнымъ условіямъ существованія, но поэзія, которая не должна быть помощницей необходимости, не должна вмѣшиваться въ эту прозу дѣйствительности».

Ода «Передъ гробницею святой» была сообщена Пушкинымъ дочери Кутузова, Е. М. Хитрово, уже послѣ взятія Варшавы, но не была предана гласности и оставалась неизвѣстной даже друзьямъ поэта до частичнаго опубликованія, пять лѣтъ спустя, въ «Современникѣ». Двѣ другихъ части трилогіи были опубликованы, вмѣстѣ съ патріотическимъ стихотвореніемъ Жуковскаго («Русская пѣснь на взятіе Варшавы»), подъ общимъ заглавіемъ «На взятіе Варшавы», съ молніеносною быстротою (14 сентября брошюра поступила уже въ продажу). «Скоро пришлю свои стихи, напечатанные вмѣстѣ со стихами Пушкина, чудесными, — писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу. — Насъ разомъ прорвало, и есть отъ чего». Но, если Пушкина и «прорвало», его стихи не были преходящимъ звукомъ момента. Самъ Вяземскій долженъ былъ признать впослѣдствіи, что «эти стихи не торжественная ода на случай: она изліяніе чувствъ задушевныхъ и мнѣній и убѣжденій, глубоко вкорененныхъ». Дойдя до слуха Мицкевича, стихи эти вызвали острое раздраженіе со стороны польскаго патріота: прозрачно намекая, онъ обвинилъ Пушкина и Жуковскаго въ продажности и желаніи выслужиться передъ Царемъ! Извѣстно, какимъ благородно-благостнымъ стихотвореніемъ отвѣтилъ Пушкинъ Мицкевичу лично. Менѣе извѣстно, что «Мѣдный Всадникъ» не только по идеѣ, но и въ рядѣ подробностей является предметнымъ отвѣтомъ польскому поэту. Въ частности, это надо сказать и объ описаніи парада на Марсовомъ полѣ:

МИЦКЕВИЧЪ — «ВОЙСКОВОЙ СМОТРЪ»,

«Но богатыри такъ похожи другъ на друга,
«такъ однообразны. Стоитъ мужикъ рядомъ съ му-
«жикомъ какъ рядъ коней, жующихъ въ стойлахъ,
«какъ колосья, связанные въ одномъ снопѣ, какъ
«въ полѣ зеленая конопля, какъ строки въ книгѣ,
«какъ борозды нивъ, какъ разговоры петербург-
«скихъ салоновъ...

«Шапки драгунъ, кирасы, каски; можно поду-
«мать, что какой-то шапошникъ выложилъ запасъ
«своихъ разныхъ товаровъ. Наконецъ полкъ вы-
«ѣхалъ: мужики, какъ глиняные кувшины окован-
«ные мѣдью, какъ рядъ самоваровъ»; —

ПУШКИНЪ — «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ»,

«Люблю воинственную живость
«Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
«Пѣхотныхъ ратей и коней
«Однообразную красивость;
«Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
«Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
«Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
«Наскозь прострѣленныхъ въ бою».

◇ *РИС. 148 и 149* ◇

524. «ПЕРЕДЪ ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ», 1831.

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай Царя и насъ,
О, старецъ грозный! На мгновенье
Язись у двери гробовой —
Язись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

525. «КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ», 1831.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.
. . . . . .
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?

526. «БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА», 1831.

Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Во проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

527. А. И. Тургеневъ — Н. И. Тургеневу, 2 сент. 1832 г.

Твое заключеніе о Пушкинѣ справедливо: въ немъ точно есть еще варварство и Вяземскій очень гонялъ его въ Москвѣ за Польшу...

528. «ДНЕВНИКЪ», 4 сентября 1831 года.

Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. — Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевичъ сказалъ: По крайней мѣрѣ я исполнилъ свой долгъ. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ Княземъ Свѣтлѣйшимъ... «Сколько въ Суворовскомъ полку осталось?» — спросилъ Государь у Суворова. —300 человѣкъ, Ваше Величество. — «Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ».

529. Пушкинъ — Е. М. Хитрово, послѣ 14 сентября 1831 г., Царское Село.

Эти стихи *(«Передъ гробницею святой»)* были написаны въ такой моментъ, когда можно было утратить бодрость. Слава Богу, этотъ моментъ миновалъ. Мы снова вернули себѣ то положеніе, которое не должны были терять. Конечно, оно уже не то, какимъ мы были обязаны князю, Вашему отцу, но все же достаточно хорошо... Полагаю, что мой братъ участвовалъ въ штурмѣ Варшавы: я не имѣю о немъ извѣстій. Но какъ пора было взять Варшаву! Вы читали, я думаю, стихи Жуковскаго и мои...

530. С. П. Шевыревъ — С. А. Соболевскому, 28 окт. 1831 г., изъ Рима. (При пересылкѣ собственноручно переписанныхъ стихотвореній «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина»).

Вотъ какія пожертвованія времени дѣлаются для тебя, недостойный. Еще ли будешь кричать? А славные стишки А. С. навалялъ! — Каково же? Первый голосъ политики у насъ выражается стихами. Это странно. Въ Россіи какихъ чудесъ не совершается. Эти пьесы весьма важны и составляютъ эпоху въ нашемъ словесномъ мірѣ.

531. А. О. Смирнова, «Воспоминанія», «Русск. Арх.», 1871.

Когда взяли Варшаву, пріѣхалъ Суворовъ *(внукъ генералиссимуса)* съ извѣстіями; мы обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ фрейлинскимъ столомъ. Изъ Александровскаго прибѣжалъ лакей и объявилъ радостную и страшную вѣсть. У всѣхъ были родные и знакомые; у меня два брата на штурмѣ Воли. Мы всѣ бросились въ Александровскій дворецъ какъ были, безъ шляпъ и зонтиковъ, и, проходя мимо Китаева дома, я не подумала объявить объ этомъ Пушкину. Что было во дворцѣ, въ самомъ кабинетѣ Императрицы, я не берусь описывать. Государь самъ сидѣлъ у ея стола, разбиралъ письма, писанныя наскоро, иныя незапечатанныя, раздавалъ ихъ по рукамъ и отсылалъ по назначенію. Графиня Ламбертъ, которая жила въ домѣ Олениной противъ Пушкина и всегда дичилась его, узнавши, что Варшава взята, увѣдомила его объ этомъ происшествіи. Когда Пушкинъ написалъ свои извѣстные стихи на Польшу, онъ мнѣ прислалъ экземпляръ и написалъ карандашомъ: «Графиня Ламбертъ возвѣстила мнѣ первая о взятіи Варшавы; надо, чтобы она и получила первый экземпляръ, второй для васъ.

«Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы.
«Вы были вѣстницею славы
«И вдохновеньемъ для меня.

Когда сыщу два другіе стиха, пришлю ихъ вамъ».

532. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Я только успѣла приказать горничной передать пріятную новость Пушкину... Когда я пришла къ себѣ переодѣться, я нашла стихи Пушкина — онъ мнѣ прислалъ ихъ съ импровизированнымъ четверостишіемъ; а послѣ вечера у Е. В. я застала у себя его самого. Онъ хотѣлъ знать подробности. Я разсказала ему, что городъ сдался безусловно. Завтра прибудетъ новый курьеръ. Я предупредила Пушкина, что при дворѣ будетъ молебенъ. Онъ обѣщалъ придти непремѣнно... Выходя изъ церкви (послѣ молебна), Его Величество увидалъ Пушкина, позвалъ его и поблагодарилъ за стихи, которые онъ нашелъ превосходными.

Пушкинъ сказалъ мнѣ, что его сосѣдка г-жа Ламбертъ уже раньше меня велѣла передать ему пріятную новость. Оказывается, что ямщикъ, который везъ Суворова (курьера), крича сообщалъ новость всѣмъ прохожимъ, когда пріѣхалъ въ Царское Село, и лакей графини Ламбертъ узналъ все на улицѣ.

Рис. 150.

Александра Осиповна Россетъ-Смирнова.

1809—1882.

Съ портрета проф. Реми.

Рис. 151.

Дворцовая Набережная въ Петербургѣ.

Картина М. Н. Воробьева.

Дочь французскаго эмигранта, Александра Осиповна Россетъ-Смирнова, была воспитанницею и фрейлиною вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, а послѣ ея кончины императрицы Александры Ѳеодоровны; вышла замужъ за камеръ-юнкера Н. М. Смирнова, занимавшаго впослѣдствіи должности Калужскаго и Петербургскаго губернаторовъ. Блестяще одаренная женщина, отличавшаяся феноменальною памятью и рѣдкимъ умомъ («олицетворенный умъ», по выраженію И. С. Аксакова), Смирнова собирала вокругъ себя лучшихъ представителей русскаго образованнаго общества. Ея друзьями и поклонниками были Жуковскій, Вяземскій, Тургеневъ, Пушкинъ, Гоголь и многіе другіе. Лучшіе поэты воспѣвали ее. Близкая ко двору, часто служила она посредницею между Государемъ и русскими литераторами. Не разъ оказывала Смирнова въ этомъ отношеніи существенныя услуги и Пушкину, очень съ нею дружившему и бывшему шаферомъ на ея свадьбѣ. Сохранились отрывки воспоминаній А. О., напечатанныя при ея жизни, а также записки, переработанныя ея дочерью, не во всемъ фактически достовѣрныя, но содержащія изложеніе исключительно интересныхъ и многочисленныхъ бесѣдъ съ Пушкинымъ. При жизни А. О. мемуаровъ не писала, хотя ее побуждалъ къ тому Пушкинъ и даже подарилъ ей для этого въ 1832 году альбомъ, озаглавленный имъ «Историческія Записки А. О. С.***». Нѣкоторыя бесѣды Пушкина и его друзей А. О., однако, записывала и даже давала на провѣрку Пушкину, который удивлялся ея «страшной» памяти и называлъ ее «прирожденной стенографисткой», а ея записи «протоколами литературнаго засѣданія». Однажды Пушкинъ сказалъ А. О.: «Вы попрежнему будете вести свои замѣтки, обѣщайте мнѣ, и когда мы состарѣемся, мы перечтемъ ихъ вмѣстѣ».

Пушкинъ находилъ живой интересъ въ бесѣдахъ съ А. О., читалъ ей свои произведенія, посвящалъ и ее и мужа ея въ свои дѣла. «Скажи это Южной ласточкѣ, смугло-румяной красотѣ нашей», пишетъ какъ-то Пушкинъ Плетневу по поводу одной шутки. «Она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ генеральшу Ламберъ и камеръ-лакея нѣмца въ совершенствѣ», читаемъ мы въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому.

«Она любила русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ, — пишетъ о Смирновой въ своей блестящей характеристикѣ Вяземскій. — Она угадывала (болѣе того, она вѣрно понимала) и все высокое и все смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были, какъ музыкальныя разнозвучія, которыя, подъ рукою художника, сливаются въ какое-то странное, но увлекательное созвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца. Были, можетъ быть, струны, которыя звучали пронзительно и просто непріятно; но это были звуки отдѣльные, обрывистые, мимолетучіе... Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ «академикомъ въ чепцѣ». Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ, не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы... Профессоръ Духовной Академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустомъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія»...

Пушкинъ любилъ бывать въ домѣ А. О. и говорилъ ей: «Ваши гостиныя, вашъ кабинетъ, вашъ будуаръ обставлены умно, можно двигаться, ничего не опрокидывая, на столахъ не слишкомъ много нагорожено вазъ и бездѣлушекъ, вездѣ книги, въ будуарѣ даже маленькая библіотека, есть письменные столы, на которыхъ дѣйствительно можно писать, пяльцы для вышиванія, растенія, альбомы, картины, простые, но удобные диваны и кресла и большой рояль со множествомъ нотъ. Словомъ, это комнаты женщины, которая любитъ жить у себя, вмѣсто того, чтобы жить вездѣ, кромѣ своего дома».

◇ *РИС. 150* ◇

533. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

Въ то время расцвѣтала въ Петербургѣ одна дѣвица, и всѣ мы, болѣе или менѣе, были всенощно-плѣнными красавицы. Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокую дѣвицу Donna Sol, главною дѣйствующею личностью испанской драмы Гюго («Эрнани»)...Жуковскій прозвалъ ее *небеснымъ дьяволенкомъ*.

534. «ЕЯ ГЛАЗА». 1828.

(Въ отвѣтъ на стихи кн. П. А. Вяземскаго, посвященные А. О. Россетъ — «Черныя очи, чудныя очи»).

Она мила, скажу межъ нами,
Придворныхъ витязей гроза, —
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!

535. Пушкинъ — П. А. Плетневу, вторая половина іюля 1831 г., изъ Царскаго Села.

Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Ж., что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Ж. отсовѣтовалъ, говоря: Онъ живъ, чего же Вамъ больше. Однако она поручила было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи.

536. А. О. Смирнова, «Воспоминанія». «Русск. Арх.», 1871.

Въ 1832 году Александръ Сергѣевичъ приходилъ всякій почти день ко мнѣ, также и въ день моего рожденія принесъ мнѣ альбомъ и сказалъ: «Вы такъ хорошо разсказываете, что должны писать свои Записки»; и на первомъ листѣ написалъ стихи: «Въ тревогѣ пестрой и безплодной» и пр. Почеркъ у него былъ великолѣпный, чрезвычайно четкій и твердый.

537. «ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТТИ», 1832.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Пустое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра;
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло.

538. «ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДѢТИ», 1833.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила *эти*,
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*...

539. А. П. Арапова, «Новое Время», 1907.

«А теперь пора къ Александрѣ Осиповнѣ на судъ *(обвѣявшій Пушкина по вечерамъ)*. — что-то она скажетъ? Угожу ли я ей сегодняшнимъ трудомъ?... Для меня *(она)* — другъ, товарищъ, опытный оцѣнщикъ, которому женскій инстинктъ пригоденъ, чтобы отыскать ошибку, ускользнувшую отъ моего вниманія, или указать что-нибудь, ведущее къ новому горизонту».

540. А. О. Смирнова, по записи Я. П. Полонскаго. «Голосъ Минувшаго», 1917.

Ни въ комъ не было такого ребяческаго благодушія, какъ въ Жуковскомъ. Но никого я не знала умнѣе Пушкина. Ни Жуковскій, ни князь Вяземскій съ нимъ спорить не могли, бывало забьетъ ихъ совершенно. Вяземскій, которому очень не хотѣлось, чтобы Пушкинъ былъ его умнѣе, надуется и ужъ молчитъ, а Жуковскій смѣется: «Ты братъ, Пушкинъ, чортъ тебя знаетъ, какой ты — вѣдь вотъ и чувствую, что вздоръ говоришь, а переспорить тебя не умѣю, такъ ты насъ обоихъ въ дураки и записываешь». Разъ я созналась Пушкину, что мало читаю. Онъ мнѣ говоритъ: «Послушайте, скажу и я вамъ по секрету, что я читать терпѣть не могу, многаго не читалъ, о чемъ говорю. Чужой умъ меня стѣсняетъ. Я такого мнѣнія, что на свѣтѣ дураковъ нѣтъ. У всякаго есть умъ, мнѣ не скучно ни съ кѣмъ, начиная съ будочника и до царя». И дѣйствительно, онъ могъ со всѣми весело проводить время. Иногда съ лакеями бесѣдовалъ.

541. Н. В. Гоголь — Н. М. Языкову, 5 іюня 1845 г.

Это *(А. О. Смирнова)* перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточно силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ однѣ истинно страждущія минуты и ея и мои узналъ ее. Она явилась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить.

542. И. С. Аксаковъ. «Некрологъ А. О. Смирновой», 1882.

Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами, — не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пытливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя, — искусства, поэзіи, знанія, — скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ свела ее съ Пушкинымъ, и скромная фрейлинская келія на четвертомъ этажѣ Зимняго Дворца сдѣлалась мѣстомъ постояннаго сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра. Она и предъ лицомъ Императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась представительницею, а иногда и смѣлой защитницей лучшихъ въ ту пору стремленій русскаго общества и своихъ непридворныхъ друзей.

Рис. 152.

Книжная лавка Смирдина.

Рисунокъ съ титульнаго листа второй книги «Новоселья».

Въ правомъ углу Пушкинъ разговариваетъ съ Вяземскимъ. За стойкой — приказчикъ Ножевщиковъ и самъ А. Ф. Смирдинъ; господинъ въ шинели — Семевскій. Несетъ книги—приказчикъ Цвѣтковъ.

Александръ Филипповичъ Смирдинъ (1795—1857), извѣстный книгопродавецъ-издатель, начавшій свою дѣятельность съ «мальчика» у московскаго книготорговца Ильина и получившій затѣмъ по завѣщанію Плавильщикова его книжную лавку въ Петербургѣ, въ которой работалъ приказчикомъ; былъ просвѣщеннымъ, добрымъ, честнымъ и не корыстнымъ человѣкомъ, заботившимся объ интересахъ писателя и объ удешевленіи книги. — Дѣловыя сношенія съ Пушкинымъ начались у Смирдина въ 1828 году и носили оживленный характеръ до смерти поэта. Гонорары, получавшіеся Пушкинымъ отъ Смирдина, составляли одну изъ основныхъ статей «оброка», сбиравшагося поэтомъ съ читателей. Въ «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина Пушкинъ получалъ за стихъ по червонцу, а за «Гусара» Смирдинъ заплатилъ Пушкину 1000 рублей! Не малую роль сыгралъ Смирдинъ и какъ издатель сочиненій Пушкина. — Начавъ съ сотрудничества съ Гнѣдичемъ, который не безъ выгоды для себя издалъ «Руслана и Людмилу» и «Кавказскаго Плѣнника», Пушкинъ потомъ, по общему правилу, выступалъ въ качествѣ издателя самъ, пользуясь безкорыстными услугами друзей — Вяземскаго, Соболевскаго и, главнымъ образомъ, Плетнева. Но прибѣгалъ Пушкинъ иногда къ услугамъ и Смирдина. Въ 1830 году Смирдинъ пріобрѣлъ на четыре года право переизданія ранѣе вышедшихъ сочиненій Пушкина, обязуясь уплачивать за это Пушкину по 600 руб. ежемѣсячно. Въ 1831 году Смирдину былъ проданъ за 10.000 руб. «Борисъ Годуновъ».

Въ 1832 году Смирдинъ перенесъ свое расширившееся дѣло на Невскій проспектъ, противъ Казанскаго Собора, — мѣсто, ставшее своего рода литературнымъ клубомъ столицы. На обѣдѣ, устроенномъ Смирдинымъ по случаю новоселья въ честь литераторовъ, послѣдніе, по предложенію Жуковскаго, рѣшили одарить Смирдина своими произведеніями; изъ нихъ составились три альманаха, названные: «Новоселье». Пушкинъ далъ «Домикъ въ Коломнѣ» и «Анджело». О размахѣ дѣятельности Смирдина можно судить по тому, что Бѣлинскій, въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», предлагалъ назвать текущій періодъ русской литературы «смирдинскимъ». — Подъ конецъ своей жизни Смирдинъ разорился и умеръ въ бѣдности.

Рис. 153.

Старое зданіе Императорскаго Московскаго Университета.

Архитекторъ Матвѣй Казаковъ (1733—1812).

Съ фотографіи.

Пушкинъ былъ въ Московскомъ Университетѣ всего одинъ разъ, 27 сентября 1832 года, когда онъ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, посѣтилъ лекцію профессора И. И. Давыдова, читавшаго Исторію русской литературы. Что переживали въ тотъ моментъ очевидцы, разсказалъ потомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, И. А. Гончаровъ, тогда еще двадцатилѣтній студентъ *(ц. 546)*. Давыдовъ читалъ о Словѣ о полку Игоревѣ; тутъ же присутствовалъ и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ того времени М. Т. Каченовскій, представитель «скептической» школы (онъ начиналъ свой курсъ русской исторіи только съ князя Владимира, считая все предшествующее «миѳомъ»). Каченовскій категорически оспаривалъ подлинность «Слова», и это явилось предметомъ внезапнаго горячаго спора между нимъ и Пушкинымъ. «Слово о полку Игоревѣ, — говоритъ С. П. Шевыревъ, — онъ *(Пушкинъ)* помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненіе. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ». Подготовляя изданіе «Слова», Пушкинъ собиралъ матеріалы, дѣлалъ замѣтки, входилъ въ общеніе со спеціалистами. Самостоятельная работа Пушкина выразилась въ помѣткахъ на экземплярѣ перевода «Слова» на русскій языкъ, сдѣланнаго Жуковскимъ, и на экземплярѣ «Слова», изданнаго А. Вельтманомъ въ 1833 году, а равно въ черновой незаконченной статьѣ и отрывочныхъ замѣчаніяхъ, написанныхъ на клочкахъ бумаги. Въ этихъ работахъ сказалось замѣчательное чувство и знаніе языка и глубокое пониманіе художественныхъ красотъ произведенія, которое, по замѣчанію Пушкина, «возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей древней словесности». Въ многочисленныхъ бесѣдахъ своихъ, посвященныхъ «Слову», Пушкинъ, конечно, высказалъ многое, что не сохранилось въ его черновыхъ замѣткахъ. «Съ мѣсяцъ тому назадъ, — писалъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Пушкина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» М. А. Коркуновъ (впослѣдствіи академикъ), — Пушкинъ разговаривалъ со мною о русской исторіи; его свѣтлыя объясненія древней «Пѣсни о полку Игоревѣ», если не сохранились въ бумагахъ — невознаградимая потеря для науки».

◇ *РИС. 152* ◇

543. И. И. Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», 1830—1839 гг.

Однажды, часа въ три, я зашелъ въ книжный магазинъ Смирдина, который помѣщался тогда на Невскомъ проспектѣ, въ бельэтажѣ дома Лютеранской церкви. Въ одно почти время со мною вошли въ магазинъ два человѣка: одинъ большого роста, съ весьма важными и смѣлыми пріемами, полный, съ рыжеватой эспаньолкой, одѣтый франтовски. Другой средняго роста, одѣтый безъ всякихъ претензій, даже небрежно, съ курчавыми бѣлокурыми волосами, съ нѣсколько арабскимъ профилемъ, толстыми выдавшимися губами и съ необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянулъ на послѣдняго, сердце мое такъ и замерло. Я узналъ въ немъ Пушкина, по извѣстному портрету Кипренскаго.

Я преодолѣлъ робость, подошелъ къ прилавку, у котораго Пушкинъ остановился, и началъ внимательно и въ подробности разсматривать поэта. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походившіе болѣе на когти. Выраженіе лица его показалось мнѣ очень симпатическимъ, а улыбка чрезвычайно пріятной и даже добродушной. Онъ спросилъ у Смирдина не помню какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился къ своему спутнику съ какимъ-то замѣчаніемъ. Спутникъ, заложивъ руку за жилетъ, отвѣчалъ громко и не смотря на Пушкина, и потомъ, съ улыбкой обратившись къ Смирдину, началъ съ нѣкоторою торжественностью:

«Къ Смирдину, какъ ни придешь»...

и остановился.

Смирдинъ заюлилъ и началъ ухмыляться. Пушкинъ взглянулъ на своего спутника съ полуулыбкой и покачалъ головою. Я думалъ, глядя на господина съ рыжей эспаньолкой: «какъ счастливъ этотъ господинъ, обращающійся съ великимъ человѣкомъ такъ небрежно и просто, тогда какъ у меня отъ одного взгляда на Пушкина замираетъ дыханіе. Кто же такой этотъ счастливецъ, такъ близкій Пушкину?»

Съ этимъ вопросомъ обратился я къ Смирдину, когда Пушкинъ вышелъ изъ лавки.

— Это С. А. Соболевскій, — отвѣчалъ Смирдинъ: — прекраснѣйшій человѣкъ и другъ Александра Сергѣевича. Онъ пишетъ на всѣхъ удивительнѣйшіе эпиграммы въ стихахъ-съ.

Послѣ я уже узналъ, что стихъ, произнесенный Соболевскимъ у Смирдина, былъ первый стихъ извѣстнаго экспромта Пушкина:

«Къ Смирдину, какъ ни придешь,
«Ничего не купишь,
«Иль Сенковскаго найдешь,
«Иль въ Булгаринѣ наступишь».

544. «Сѣверная Пчела», 1831, О переходѣ лавки Смирдина въ новое помѣщеніе.

Лѣтъ около пятидесяти передъ симъ для русскихъ книгъ не было даже лавокъ. Книги хранились въ подвалахъ и продавались на столахъ, какъ товаръ изъ ветошнаго ряда... Смирдинъ утвердилъ торжество русскаго ума и, какъ говорится, посадилъ его въ первый уголъ: на Невскомъ проспектѣ, въ прекрасномъ новомъ зданіи... Русскія книги въ богатыхъ переплетахъ стоятъ горделиво за стекломъ въ шкафахъ краснаго дерева, и вѣжливые прикащики, руководствуя покупающихъ своими библіографическими свѣдѣніями, удовлетворяютъ потребность каждаго съ необыкновенною скоростью.

◇ *РИС. 153* ◇

545. Пушкинъ — женѣ, 27 сент. 1832 г., изъ Москвы.

Сегодня ѣду слушать Давыдова... но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный.

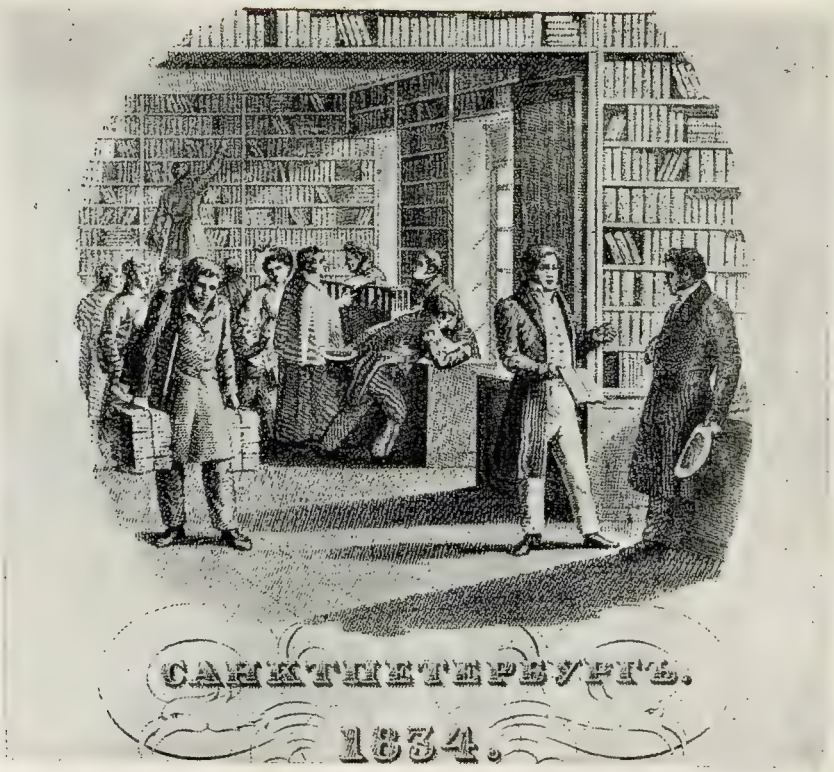
546. И. А. Гончаровъ, «Воспоминанія». Въ Университетѣ.

Когда Пушкинъ вошелъ съ министромъ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни — и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи — передо мной въ пяти шагахъ! Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы. — «Вотъ вамъ исторія искусства», — сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова — «а вотъ и самое искусство», — прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о «Словѣ о полку Игоревѣ». Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію послѣ Давыдова и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова о полку Игоревѣ», разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ. — «Подойдите ближе, господа, — это для васъ интересно,» — пригласилъ насъ Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и своихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе — видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязанія, — помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древне-русскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ, и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслышать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ. Средняго роста, худощавый, съ мелкими чертами смуглаго лица. Только, когда вглядишься пристально въ глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство въ этихъ глазахъ, которыхъ потомъ не забудешь. Въ позѣ, въ жестахъ, сопровождавшихъ его рѣчь, была сдержанность свѣтскаго, благовоспитаннаго человѣка. Лучше всего, по-моему, напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго. Во всѣхъ другихъ копіяхъ у него глаза сдѣланы слишкомъ открытыми, почти выпуклыми, носъ выдающимся — это невѣрно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорціональная лицу, голова съ негустыми, кудрявыми волосами.

547. Пушкинъ — женѣ, 30 сент. 1832 г., изъ Москвы.

На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому!..



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

Рис. 154.
Пушкинъ въ срединѣ 1830-хъ гг.
Картина И. Е. Рѣпина.

«Люблю тебя, Петра творенье;
«Люблю твой строгій, стройный видъ,
«Невы державное теченье,
«Береговой ея гранитъ»...

Рис. 155.
Павильонъ Адмиралтейства.
Архитекторъ А. Д. Захаровъ.
1761—1815.

«Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
«Съ подъятой лапой, какъ живые,
«Стоятъ два льва сторожевые».

Рис. 156.
Видъ Аничкова дворца со стороны Невскаго проспекта.
Старинная литографія.

Жизнь Пушкина въ Петербургѣ дѣлилась между семьею, друзьями, большимъ свѣтомъ и работою. Наталія Николаевна увлекалась выѣздами и своими свѣтскими успѣхами. Самъ Пушкинъ, хотя и чувствовалъ порою утомленіе, не утратилъ своего влеченія къ свѣту. Успѣхи жены доставляли ему и радости, и огорченія: онъ ревновалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбіе его страдало отъ того, что красота и привлекательность жены открывали ему двери, которыя передъ нимъ оставались бы, вѣроятно, закрытыми. Черезъ жену Пушкинъ вошелъ въ интимный, мало кому доступный кругъ Императорскаго Двора. «Съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Императора Николая I при дворѣ весьма часто бывали, кромѣ парадныхъ балозъ, небольшіе танцовальные вечера, преимущественно въ Аничкинскомъ дворцѣ, или, какъ онъ любилъ называть его, Аничкиномъ домѣ... На эти вечера приглашалось особенно привилегированное общество, которое называлось въ свѣтѣ: la Societé d'Anichkoff и котораго составъ, опредѣлявшійся не столько лѣстницей служебной іерархіи, сколько приближенностью къ царствующей семьѣ, очень рѣдко измѣнялся... Въ продолженіи многихъ лѣтъ принималъ участіе въ танцахъ и самъ государь, котораго любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина, и позже жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова» (Записки М. А. Корфа).

Такъ какъ Пушкинъ не могъ допустить, чтобы жена его бывала тамъ, куда ему самому нѣтъ доступа, то ему было дано придворное званіе. Чинъ Пушкина, очень малый вслѣдствіе перерыва въ его служебной карьерѣ, не позволялъ Государю отличить Пушкина иначе, какъ званіемъ камеръ-юнкера, обычно дававшимся людямъ въ самомъ началѣ ихъ вступленія въ свѣтъ. Со свойственною Пушкину впечатлительностью, онъ очень болѣзненно отозвался на это назначеніе, почитая себя оскорбленнымъ, а, главное, опасаясь насмѣшекъ. «Третьяго дня, — писалъ Пушкинъ въ «Дневникѣ» 1 января 1834 года,—я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Но Двору хотѣлось, чтобы Наталія Николаевна танцовала въ Аничковѣ». Мать поэта такъ описывала первое появленіе Наталіи Николаевны при Дворѣ, въ письмѣ къ дочери отъ 26 января: «Александръ, къ большому удовольствію жены, сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. Представленіе ея ко Двору въ среду, 17-го числа, увѣнчалось большимъ успѣхомъ. Участвуетъ на всѣхъ балахъ, только объ ней и говорятъ; на балѣ у Бобринскаго Императоръ танцовалъ съ ней кадриль, и за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея. Говорятъ, что на балу въ Аничковомъ дворцѣ она была положительно очаровательна». Пушкинъ не скрывалъ своего раздраженія и уклонялся отъ посѣщеній Аничкова. «Въ прошедшій вторникъ,—пишетъ онъ въ «Дневникѣ»,—званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости по фракахъ,—я уѣхалъ, оставя Наталію Николаевну, и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С. В. Салтыкову. Государь былъ недоволенъ, и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ:—онъ могъ потрудиться переодѣться во фракъ и воротиться, передайте ему мое неудовольствіе».

Впослѣдствіи, однако, Пушкинъ успокоился. Въ «Дневникѣ» Пушкинъ такъ описываетъ свое первое посѣщеніе Аничкова дворца, состоявшееся почти черезъ годъ послѣ пожалованія ему придворнаго званія. — «18-го декабря. Третьяго дня былъ я наконецъ въ Аничковомъ. Опишу всѣ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8 въ Аничковомъ: мнѣ въ мундирномъ фракѣ, Натальѣ Николаевнѣ, какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую гр. Бобринскую, которая всегда за меня лжетъ и выводитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ (не по формѣ: въ Аничковъ ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще не все). Гостей было уже довольно, балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ голознымъ уборомъ; Государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобринскій, замѣтя мою треугольную шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. — Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему».

◇ *РИС. 154, 155 и 156* ◇

548. Н. И. Куликовъ, «Пушкинъ и Нащокинъ», «Русск. Стар.», 1881.

(Авторъ съ П. В. Нащокинымъ, композиторомъ Эсауловымъ и пѣвцомъ Лавровымъ, пріѣхали въ Петербургъ и остановились въ гостинницѣ Демута). На другой день, 29 іюня *(1833 г.)*, рано утромъ, пѣшкомъ съ Черной рѣчки, первымъ явился А. С. Пушкинъ. Поздоровавшись съ нимъ, Павелъ Воиновичъ представилъ ему и насъ, артистовъ... Общая радость, веселый говоръ... Пушкинъ, пригласивъ Нащокина завтра обѣдать и слушать его новыя сочиненія, ушелъ...

Разъ утромъ, вставъ очень рано, переписывалъ я два письма въ стихахъ къ Ленскому и къ сестрѣ моей. Нащокинъ, застава меня врасплохъ, заставилъ прочесть ему, расхвалилъ, да и кончилъ такъ: «Очень радъ, очень радъ! Вотъ мы съ вами порадуемъ и Александра Сергѣевича. Онъ сейчасъ пріѣдетъ». Я ни за что не соглашался, онъ настаивалъ; заспорили... Входитъ Пушкинъ.

— Разсуди насъ, Александръ Сергѣевичъ, я къ тебѣ съ жалобой на сего юношу: во 1-хъ, онъ вчера первый разъ сбрилъ усы, во 2-хъ, влюбился въ Елену Яковлевну Сосницкую, а въ 3-хъ, сочинилъ хорошіе стихи и не соглашается прочесть тебѣ.

— Усы его собственность; любовь къ Еленѣ — грѣхъ общій: я самъ въ молодости, когда она была именно прекрасной Еленой, попался было въ сѣть, но взялся за умъ и отдѣлался стихами, а юношѣ скажу: берегись; а что касается до стиховъ, то въ сенъ грѣхопаденія онъ обязанъ покаяться передо мной!

Говоря это весело, въ pendant тону Нащокина, Александръ Сергѣевичъ взялъ меня подъ руку, ввелъ во вторую комнату, посадилъ на диванъ, самъ сѣлъ съ правой стороны, поджавъ по-турецки ноги, и сказалъ: «кайся, юный грѣшникъ»! По прочтеніи письма къ Ленскому, Александръ Сергѣевичъ сказалъ свое всегдашее словцо: «ну, вотъ и прекрасно, и очень хорошо»...

Въ это же утро собрались почти всѣ пріятели, а разговоры были натянутые, невеселые; все вертѣлось на злобѣ дня, т.-е. на безденежьи... Является Боголюбовъ и подаетъ Пушкину свертки золота *(онъ ѣздилъ искать для Пушкина денегъ)*. Поэтъ, развернувъ свертки и высыпавъ на столъ кучу блестящихъ монетъ, превратился въ совершеннаго ребенка: то пригоршней подниметъ золото, то вновь разсыплетъ его по столу, то хочетъ захватить одною рукой, да длинные ногти мѣшаютъ, тогда, опрокинувъ кисть руки и подсовывая ногти подъ кружки, собираетъ ихъ на ладонь и пересыпаетъ изъ одной въ другую, приговаривая: «люблю играть этой мелочью... но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю въ ходъ, ходячая монета!»

Въ полночь, всѣ, въ память любимыхъ поэтомъ прогулокъ въ свѣтлыя петербургскія ночи, согласились и эту ночь прогулять по площадямъ города и по набережной Невы. Всѣ гурьбой вывалили на Невскій. Но поэтъ, любитель свѣтлыхъ ночей, торопился на дачу, отвѣчая на приставанія друзей: «гуляйте, гуляйте, для васъ всегда время, а мое разгульное времячко прошло»...

549. Н. М. Смирновъ, «Изъ памятныхъ замѣтокъ», «Русск. Арх.», 1882.

Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ; это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы имѣть поводъ приглашать ко Двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто онъ сдѣлался искателемъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своею славою, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобъ ѣздить ко Двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованіе въ сіе званіе не можетъ лишить его народности, ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ чина его; что натурально Дворъ желалъ имѣть возможность приглашать его и жену его къ себѣ, и что Государь пожалованіемъ его въ сіе званіе имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при Дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полуубѣдили.

550. «ДНЕВНИКЪ», 1 января 1834 г.

Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ — а по мнѣ, хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

551. «ДНЕВНИКЪ», 8 апрѣля 1834 г.

Представлялся. Ждали Царицу часа три. Насъ было человѣкъ двадцать... Царица подошла ко мнѣ смѣясь: — Нѣтъ, это курьезно! Я ломала себѣ голову, что это за Пушкинъ будетъ мнѣ представленъ. Оказывается, это вы!.. Какъ поживаетъ ваша жена?... Я ужасно люблю Царицу, несмотря на то, что ей ужъ 35 лѣтъ, и даже 36.

552. С. Н. Карамзина — И. И. Дмитріеву, 1834 г.

Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественной красотой своей жены.

553. А. П. Арапова, «Новое Время», 1907.

Нѣкоторые изъ друзей Пушкина, посвященные въ его денежныя затрудненія, ставили въ упрекъ Наталіи Николаевнѣ ея увлеченіе свѣтскою жизнью и изысканность нарядовъ. Первое она не отрицала. Но всегда упорно отвергала обвиненіе въ личныхъ тратахъ. Всѣ ея выѣздные туалеты, все, что у нея было роскошнаго и цѣннаго, оказывалось подарками Екатерины Ивановны *(Загряжской)*. Она гордилась красотою племянницы; ея придворное положеніе способствовало той благосклонности, которой удостаивала Наталію Николаевну царская чета, а старушку тѣшило, при ея значительныхъ средствахъ, что ея племянница могла поспорить изяществомъ съ первыми щеголихами.

Рис. 157.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Монументъ Императора Петра Великаго въ С.-Петербургѣ.

Воздвигнутъ въ 1782 году.

Скульпторъ Морисъ Фальконетъ. (1716—1791).

Памятникъ Петру создавался Фальконетомъ десять лѣтъ. Идея памятника,—«Герой и его скакунъ, преодолѣвающіе символическій утесъ»,—принадлежитъ ваятелю. Уже въ Россіи въ руки Фальконета попалъ оттискъ старинной печати, на которой Петръ, по мысли его самого, былъ изображенъ в ы с ѣ к а ю щ и м ъ Россію изъ скалы, и въ этомъ «преодолѣніи символическаго утеса» ваятель видѣлъ общность своего замысла съ мыслію Петра. «Онъ *(Петръ)* не увидитъ свою статую, но если бы онъ могъ увидѣть ее — онъ, пожалуй, нашелъ бы въ ней отзвукъ чувства, которое его одушевляло», писалъ Фальконетъ. Выраженіе лица Петра на памятникѣ не удавалось ваятелю и схвачено было, наконецъ, его юною ученицею Маріею Колло.

Пушкинъ и Петръ Великій неразъединимы въ русскомъ національномъ сознаніи. Еще Герценъ сказалъ, что на «царскій приказъ образоваться Россія отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина». Петръ и Пушкинъ воспринимаются русскимъ національнымъ сознаніемъ какъ величайшіе и характернѣйшіе выразители Императорской Россіи. Мало того, самый образъ Петра, въ насъ запечатлѣнный, есть образъ, созданный Пушкинымъ.

Пушкинъ постоянно возвращается къ фигурѣ Петра. Въ 1827-1828 гг. онъ пишетъ первое большое прозаическое произведеніе, «Арапъ Петра Великаго», вводя монументальную и вмѣстѣ живую фигуру Преобразователя въ разсказъ о своемъ предкѣ Ганнибалѣ. Въ 1828 году онъ пишетъ «Полтаву», рисуя на фонѣ романтической поэмы могучій и вдохновенный образъ великодушнаго побѣдителя Карла и Мазепы. Въ 1831 году Пушкину открывается доступъ въ архивы. «Съ 1831 года — говоритъ П. А. Плетневъ, — Пушкинъ избралъ для себя великій трудъ, который требовалъ долговременнаго изученія предмета, множества предварительныхъ занятій и геніальнаго исполненія. Онъ приступилъ къ сочиненію Исторіи Петра Великаго... Преимущественно занимали его историческія разыскиванія. Онъ каждое утро отправлялся въ какой-нибудь архивъ, выигрывая прогулку возвращеніемъ оттуда къ позднему своему обѣду. Даже лѣтомъ, съ дачи, ходилъ онъ пѣшкомъ для продолженія своихъ занятій».

Глубоко задумывается Пушкинъ надъ дѣломъ Петра, надъ его двойственнымъ историческимъ смысломъ и надъ его судьбою. «Со страхомъ и трепетомъ» работаетъ Пушкинъ надъ исторіей Петра, все болѣе уясняя громадность и сложность предмета. «Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина, — пишетъ онъ Далю: онъ слишкомъ огроменъ для насъ, близорукихъ, и мы еще стоимъ къ нему близко, — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надо торопиться; надо освоиться и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ».

Поражаетъ Пушкина и двойственность образа Петра, которую онъ однажды формулируетъ такъ: «Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, написаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго—вторые вырвались у нетерпѣливаго самовластнаго помѣщика». Пушкинъ видитъ революціонный обликъ Петра: «Петръ I — одновременно Робеспьеръ и Наполеонъ (воплощеніе революціи)», пишетъ онъ въ 1830 году. Но, болѣе чѣмъ кому-нибудь, Пушкину ясно значеніе Петра, какъ созидателя, и онъ горячо защищаетъ дѣло Петра отъ нападокъ Хомякова. «Проблема Петра» во всю ширь развертывается Пушкинымъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ», историософская значительность котораго получаетъ особенный смыслъ, поскольку мы воспринимаемъ эту повѣсть, какъ отвѣтъ поэта Мицкевичу. Мицкевичъ, на слѣдующій день послѣ наводненія пріѣхавшій въ Петербургъ и получившій зрительное впечатлѣніе отъ этого бѣдствія, впослѣдствіи имъ описаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не быть пораженъ твореніемъ Фальконета. Въ поэмѣ «Дѣды» Мицкевичъ вспоминаетъ, какъ «два юноши стояли подъ однимъ плащемъ передъ величественнымъ памятникомъ въ ноябрьскій вечеръ 1827 года», а въ стихотвореніи «Памятникъ», въ заключительныхъ строкахъ, онъ бросаетъ скептическій вызовъ фальконетовскому истолкованію дѣла Петра:

«Царь Петръ коню поводья опускаетъ;
«И мчится онъ, и въ бѣгѣ попираетъ
«Все на пути своемъ; ужъ онъ вскочилъ
«На край скалы; не чувствуя удилъ,
«Конь бѣшено копыта поднимаетъ
«Надъ бездною, зубами сталь кусаетъ, —
«И кажется, несдержанный падетъ
«И всадника онъ на-смерть разобьетъ.
«И что жъ? Года идутъ своею чередою,
«И скачетъ царь, не падаетъ съ конемъ,
«Какъ водопадъ, надъ бездною крутою,
«Замерзшій вдругъ въ паденіи своемъ.
«Что жъ станется съ замерзшимъ водопадомъ,
«Весной, когда съ лазоревыхъ высотъ
«Свѣтило дня свободный лучъ пошлетъ
«И обожжетъ его горячимъ взглядомъ?»

Какъ бы принимая этотъ вызовъ, Пушкинъ рисуетъ свой образъ «М ѣ д н а г о В с а д н и к а»:

«Какая дума на челѣ!
«Какая сила въ немъ сокрыта!
«А въ семъ конѣ какой огонь!
«Куда ты скачешь, гордый конь,
«И гдѣ опустишь ты копыта?
«О мощный властелинъ Судьбы!
«Не такъ ли ты надъ самой бездной,
«На высотѣ, уздой желѣзной
«Россію поднялъ на дыбы?»

Во вступленіи же, какъ-бы нарочито заклиная слѣпыя разрушительныя силы, поднимающіяся противъ Петра, и соединяя судьбу Петербурга съ судьбою Россіи, Пушкинъ торжественно возглашаетъ:

«Красуйся, Градъ Петровъ, и стой
«Неколебимо, какъ Россія».

◇ *РИС. 157* ◇

554. Пушкинъ — М. П. Погодину, 1831 г.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его времена вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть его живописцемъ.

555. «О НИЧТОЖЕСТВѢ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ»; 1834.

Наконецъ явился Петръ. Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Но войны, предпринятыя Петромъ Великимъ, были благодѣтельны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и Европейское Просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы. Петръ не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности. Онъ бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, невзлюбилъ Татищева за легкомысліе и вольнодумство, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ в ѣ ч н а г о т р у ж е н и к а Тредьякозскаго. Сынъ Молдавскаго Господаря воспитывался въ его походахъ; а сынъ холмогорскаго рыбака, бѣжавъ отъ береговъ Бѣлаго моря стучался въ двери Заиконоспасскаго училища.

556. Леве-Веймаръ, «Journal des Débats», 1837.

Исторія Петра Великаго, которую по повелѣнію Императора Пушкинъ писалъ, была бы изумительной книгой. Пушкинъ посѣтилъ всѣ архивы Петербурга и Москвы, онъ разыскалъ всю переписку Петра, вплоть до его полурусскихъ, полунѣмецкихъ записочекъ къ генераламъ, и исполнителямъ его приказовъ. Его взгляды на основателя Петербурга отличались полной новизной и болѣе свидѣтельствовали о крупномъ и глубокомъ историкѣ, чѣмъ о поэтѣ.

557. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Говоря о Мицкевичѣ, Пушкинъ былъ взволнованъ, такъ какъ онъ считаетъ его чрезвычайно несчастнымъ, а порою и озлобленнымъ. Говоря о поэмѣ на наводненіе, онъ сказалъ: «Мицкевичъ думалъ, что лошадь ринется въ пропасть и разобьется, но я не такой дурной пророкъ, какъ онъ: она удержится, эта отлитая изъ мѣди лошадь. Пропасть насъ поглотитъ лишь въ томъ случаѣ, если мы не совершимъ того, о чемъ я мечтаю съ лицея — не освободимъ крѣпостныхъ, не возвратимъ имъ правъ гражданина и собственности. Остальные виды свободы придутъ потомъ, въ силу вещей».

558. Пушкинъ — женѣ, 29 мая 1834 г., изъ Петербурга.

Ты спрашиваешь меня о Петрѣ? — идетъ помаленьку: скопляю матерьялы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ.

559. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, 1835.

16-го Января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ Петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали, но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силъ кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь Сенатъ, весь Генералитетъ, члены всѣхъ Коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь Сунодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Царь повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу (кромѣ двухъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), для здравія Государя.

Тогда же данъ имъ указъ о рыбѣ и клеѣ (казенные товары).

Къ вечеру ему стало хуже, его мyропомазали.

27-го данъ Указъ о прощеніи неявившимся Дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ Военной коллегіи (кромѣ и пр.) просить — дабы молили они о здравіи Государевомъ.

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только сіе: о т д а й т е в с е... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла — но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи Псковскій и Тверской и Архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобы они его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и незнятнымъ голосомъ: с і е е д и н о ж а ж д у м о ю у т о л я е т ъ; с і е е д и н о у с л а ж д а е т ъ м е н я.

Увѣщезающій сталъ говорить ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: в ѣ р у ю и у п о в а ю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси и пр. Петръ произнесъ: в ѣ р у ю, Г о с п о д и, и и с п о в ѣ д у ю; в ѣ р у ю, Г о с п о д и! п о м о з и м о е м у н е в ѣ р і ю и с і е в с е, ч т о в е с ь м а д и в н о (сказано въ рукописи свидѣтеля), с ъ у м и л е н і е м ъ, л и ц о к ъ в е с е л і ю е л и к о м о г ъ у с т р о е в а я, г о в о р и л ъ; п о с е м ъ з а м о л к ъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ п о с л ѣ. Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно двигая правую свою руку — лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій Архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія приподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часовъ ночи. Тогда началъ онъ ослабѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской Архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28 января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины.

PETRO PRIMO
CATHARINA SECUNDA

Рис. 158.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ.
1798—1854.
Портретъ неизвѣстнаго художника.

Рис. 160.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
Съ портрета К. П. Мазера.

Портретъ Пушкина былъ написанъ К. П. Мазеромъ, по послѣднимъ даннымъ, не при жизни Пушкина, а лишь въ 1838 году, по заказу Нащокина, всю жизнь мечтавшаго имѣть портретъ Пушкина, но при жизни своего друга не сумѣвшаго выполнить этого желанія. На портретѣ Пушкинъ изображенъ въ окруженіи аксессуаровъ, взятыхъ изъ его рабочаго кабинета, одѣтымъ въ любимый свой архалукъ. По правдоподобной догадкѣ М. Д. Бѣляева, художникъ пользовался какъ натурщикомъ самимъ Нащокинымъ, что отразилось и на чертахъ портрета, имѣющаго сходство съ Нащокинымъ.

Нащокинъ былъ ближайшимъ другомъ Пушкина въ его холостой жизни. Онъ же оказался ближе всѣхъ къ Пушкину, когда тотъ сталъ человѣкомъ семейнымъ. Женился и Нащокинъ. Оба друга съ одинаковою серьезностью отнеслись къ новому своему положенію и еще больше породнились. Нащокинъ былъ крестнымъ отцомъ перваго сына Пушкина, Александра. Приглашалъ Пушкинъ Нащокина быть крестнымъ и второго сына, котораго онъ первоначально хотѣлъ назвать въ честь одного изъ своихъ предковъ Гаврилою, но по выбору жены назвалъ въ честь другого предка, Григоріемъ. Нащокинъ по болѣзни не могъ, однако, пріѣхать изъ Москвы въ Петербургъ.

«Ты не можешь вообразить, милый другъ, — писалъ Пушкинъ Нащокину послѣ его свадьбы, — какъ обрадовался я твоему письму... Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ... Наталья Николаевна нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоей Вѣрою Александровной и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ... Говорятъ, что несчастье хорошая школа: можетъ быть. Но счастье есть лучшій Университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ; какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно, мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбой своей — и надѣюсь, что Вѣра Ал. будетъ меня любить, какъ тебя любитъ Наталья Николаевна...» Въ слѣдующемъ 1835 году Пушкинъ пишетъ: «Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя, молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились».

Рис. 159.

Вѣра Александровна Нащокина.
† 1900.
Портретъ неизвѣстнаго художника.

Рис. 161.

Наталья Николаевна Пушкина.
Съ портрета К. П. Мазера.

Семейная жизнь Пушкина, конечно, не была безоблачной, но это была подлинная семейная жизнь, исполненная всѣми ея радостями и горестями, просвѣтленная самою нѣжною супружескою и отеческою любовью: любовь эта насыщаетъ письма Пушкина къ женѣ. Пушкинъ имѣлъ четырехъ дѣтей, и одного Наталья Николаевна выкинула. Первой была Марія (род. 18 мая 1832 г.); затѣмъ идутъ Александръ (род. 6 іюня 1833 г.), Григорій (род. 14 мая 1835 г.) и Наталія (род. 23 мая 1836 г.). Когда родилась первая дочь, Пушкинъ, по словамъ Нащокина, плакалъ при родахъ и говорилъ, что убѣжитъ отъ вторыхъ. Изъ писемъ видно, какъ онъ болѣзненно переживалъ всѣ беременности жены и какъ заботился о своихъ дѣтяхъ. Патріархальностью вѣетъ отъ этихъ писемъ. «Патріархальными» въ значительной мѣрѣ были и взгляды Пушкина на воспитаніе. «Если родители будутъ преувеличивать въ томъ смыслѣ, что ребенокъ восчувствуетъ свое значеніе, это будетъ зло, такъ какъ, быть можетъ, слишкомъ забудутъ пятую заповѣдь, станутъ читать ее наоборотъ: почитай сына твоего и дочь твою», говорилъ онъ А. О. Смирновой. Что касается характера Пушкина въ семейной жизни, то, по отзыву С. Н. Гончарова, характеръ этотъ былъ «самый счастливый: ни взысканій ни капризовъ. Однимъ могли разсердить его не на шутку. Онъ требовалъ, чтобы никто не входилъ въ его кабинетъ отъ часа до трехъ: это время онъ проводилъ за письменнымъ столомъ, или ходилъ по комнатѣ, обдумывая свои творенія и встрѣчалъ далеко не гостепріимно того, кто стучался въ его дверь. Его кабинетъ находился надъ моей комнатой, и въ часы занятія или уединенія Пушкина мнѣ часто слышался его мѣрный или тревожный шагъ».

Тутъ мы подходимъ къ больному мѣсту семейной жизни Пушкина: въ своемъ творческомъ дѣлѣ онъ въ женѣ не имѣлъ цѣнителя и не видѣлъ въ ней товарища. «Когда вдохновеніе сходило на Пушкина, — разсказываетъ А. П. Арапова, — онъ запирался въ свою комнату и ни подъ какимъ предлогомъ жена не дерзала переступить порога, тщетно ожидая его въ часы завтрака и обѣда, чтобы какъ-нибудь не нарушить приливъ творчества. Послѣ усидчивой работы онъ выходилъ усталый, проголодавшійся, но окрыленный духомъ, и дома ему не сидѣлось». — «Нѣтъ, Наташа, ты не обижайся, но это дѣло не твоего ума, да и вообще не женскаго смысла», — утѣшалъ Пушкинъ свою жену, покидая ее для бесѣды съ другими. «Не жужжи и не думай ревновать. Ты мнѣ куда милѣй съ своей неопытностью и незнаніемъ».

◇ *РИС. 158 — 161* ◇

560. В. А. Нащокина, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1898.

Познакомилась я съ Пушкинымъ въ Москвѣ, въ домѣ отца моего, А. Нарскаго. Это было въ 1834 году, когда я была объявлена невѣстой Павла Войновича Нащокина, впослѣдствіи моего мужа. Привезъ его къ намъ въ домъ мой женихъ.

Волненіе мое достигло высшаго предѣла. Своей наружностью и простыми манерами, въ которыхъ, однако, сказывался прирожденный баринъ, Пушкинъ сразу расположилъ меня въ свою пользу. Нѣсколько минутъ разговора съ нимъ было достаточно, чтобы робость и волненіе мои исчезли. Я видѣла передъ собою не великаго поэта Пушкина, о которомъ говорила тогда вся мыслящая Россія, а простого, милаго, добраго знакомаго.

Пушкинъ былъ невысокъ ростомъ, шатенъ, съ сильно вьющимися волосами, съ голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видѣла много его портретовъ, но съ грустью должна сознаться, что ни одинъ изъ нихъ не передалъ и сотой доли духовной красоты его облика, — особенно его удивительныхъ глазъ. Это были особые, поэтическіе, задушевные глаза, въ которыхъ отражалась вся бездна думъ и ощущеній, переживаемыхъ душою великаго поэта. Другихъ такихъ глазъ я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала. Говорилъ онъ скоро, острилъ всегда удачно, былъ необыкновенно подвиженъ, веселъ, смѣялся заразительно и громко, показывая два ряда ровныхъ зубовъ, съ которыми бѣлизною могли равняться только перлы. На пальцахъ онъ отращивалъ предлинные ногти.

Въ первое свое посѣщеніе Пушкинъ довольно долго просидѣлъ у насъ и почти все время говорилъ со мною одной. Когда онъ уходилъ, мой женихъ, съ улыбкой кивая на меня, спросилъ его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю! — отвѣтилъ Пушкинъ.

Въ объясненіе вопроса Нащокина и отвѣта Пушкина я должна сказать слѣдующее: дружба между поэтомъ и моимъ покойнымъ мужемъ была настолько тѣсная, что въ молодости, будучи оба холостыми, они жили въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ и во всѣхъ важныхъ вопросахъ жизни всегда совѣтовались другъ съ другомъ. Такъ, когда Пушкинъ задумалъ жениться на Н. Н. Гончаровой, то спросилъ Нащокина: что онъ думаетъ объ его выборѣ. Тотъ посовѣтовалъ жениться. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Нащокину предстояло сдѣлать то же, онъ привезъ своего друга въ домъ моего отца, чтобы поэтъ познакомился со мной и высказалъ свое мнѣніе...

Такого друга, какъ Пушкинъ, у насъ никогда не было, да такихъ людей и нѣтъ!.. Для насъ съ мужемъ пріѣздъ поэта былъ величайшимъ праздникомъ и торжествомъ. Въ нашей семьѣ онъ положительно былъ, какъ родной. Я какъ сейчасъ помню тѣ счастливые часы, которые мы проводили втроемъ въ безконечныхъ бесѣдахъ, сидя вечеромъ у меня въ комнатѣ на турецкомъ диванѣ, поджавши подъ себя ноги. Я помѣщалась обыкновенно посрединѣ, а по обѣимъ сторонамъ мой мужъ и Пушкинъ въ своемъ красномъ архалукѣ съ зелеными клѣточками. Я помню частые возгласы поэта: «Какъ я радъ, что я у васъ! я здѣсь въ своей родной семьѣ!»

561. А. П. Маркова-Виноградская (Кернъ) — П. В. Анненкову.

Я его встрѣтила съ женой у матери, которая начинала хворать; Наталья Николаевна сидѣла въ креслахъ у постели больной и разсказывала о свѣтскихъ удовольствіяхъ, а Пушкинъ, стоя за ея кресломъ, разводя руками, сказалъ шутя: «Это послѣднія штуки Натальи Николаевны: посылаю ее въ деревню». Она, однако, не поѣхала, кажется, потому, что въ ту же зиму Надеждѣ Осиповнѣ сдѣлалось хуже...

Потомъ я его еще разъ встрѣтила съ женою у родителей, незадолго до смерти матери, и когда она уже не вставала съ постели, которая стояла посреди комнаты, головами къ окнамъ; они сидѣли рядомъ на маленькомъ диванѣ у стѣны, и Надежда Осиповна смотрѣла на нихъ ласково, съ любовью, а Александръ Сергѣевичъ держалъ въ рукѣ конецъ боа своей жены и тихонько гладилъ его, какъ будто тѣмъ выражая ласку къ женѣ и ласку къ матери. Онъ при этомъ ничего не говорилъ... Наталья Николаевна была въ папильоткахъ: это было передъ баломъ. Я увѣрена, что онъ былъ добрымъ мужемъ, хотя и говорилъ, однажды, шутя, Аннѣ Николаевнѣ *(Вульфъ)*, которая его поздравляла съ неожиданной въ немъ способностью вести себя, какъ прилично любящему мужу: «это только лицемѣріе». Вотъ еще выраженіе вѣка: непремѣнно, во что бы то ни стало, казаться хуже, чѣмъ онъ былъ... Въ этомъ по пятамъ за нимъ слѣдовалъ и Левъ Сергѣевичъ.

562. О. С. Павлищева — мужу, 1832 г.

Невѣстка моя, Наташа, скоро сдѣлается матерью и будетъ, увѣряю тебя, самой нѣжной и примѣрной матерью. Жаль только, что теперь она не бережетъ здоровья. По ея словамъ, она принуждена чуть-ли не всякій вечеръ являться на спектакли и вечера, значитъ проводить безсонныя ночи. Александръ мечетъ противъ этого громы и молніи, но выбранившись хорошенько, всегда уступаетъ ея убѣжденіямъ, что выѣзжать необходимо и отправляется съ женой вмѣстѣ, зѣвая на балахъ всю ночь...

563. ПУШКИНЪ — ЖЕНѢ.

9 дек. 1831 г., изъ Москвы. Тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и, того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, Ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать... Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего.

15 декабря 1831 г. Тебя, мой Ангелъ, люблю такъ, что выразить не могу; съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я только и думаю, какъ бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя... Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги.

16 декабря. Письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что-нибудь съ собой да напроказишь.

22 сент. 1832 г., изъ Москвы. Не можешь вообразить, какая тоска безъ тебя... А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій *(докторъ)*? Ахъ, женка душа! что съ тобою будетъ!

25 сентября. Ради Бога, Машу не пичкай ни сливками, на мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю... Христосъ съ тобой и съ Машей.

21 авг. 1833 г., изъ Торжка. Пиши мнѣ о своей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье... Тебя цалую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машку и Сашку.

24 августа, изъ Москвы. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ имянинъ. Глядѣлась ли ты въ зеркало, и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ — а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица.

2 сентября, изъ Нижняго-Новгорода. Что если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи? — Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ.

2 сентября, изъ Нижняго-Новгорода. Ухъ, женка, страшно! Теперь слѣдуетъ важное признаніе. Сказать ли тебѣ словечко, утерпитъ ли твое сердечко? Ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и наспѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете. — Право? сказалъ я, и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью; и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну, это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго — они отстали на 3 или 4 станціи — и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вотъ то-то, что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю! — Уфъ, кончилъ! Отпусти и помилуй.

11 октября, изъ Болдина. Говоритъ ли Маша? ходитъ ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю.

21 октября. Что моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? Не ожидалъ я этого отъ него. — Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и крещу. Господь съ вами.

30 октября. Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами. — Благословляю и цалую васъ.

28 апр. 1834 г., изъ Петербурга. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровитъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не балозать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то не будетъ мнѣ отъ нея покоя. Съ отцомъ, пожалуйста, не входи въ близкія сношенія, и дѣтей ему не показывай: на его, въ его положеніи, невозможно положиться. Того и гляди, откуситъ у Маши носикъ.

15 мая. Мой Ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цалую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не имянинникъ... Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ!

16 мая. Такая тоска безъ тебя что, того и гляди, пріѣду къ тебѣ.

29 мая. Благодарю тебя, мой Ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло.

3 іюня. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы и каково перенесла она свои первые?

11 іюня. Прощай жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма.

19 іюня. Грустно мнѣ женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть.

30 іюня. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя, въ жизни моей утѣшенія нѣтъ — и жить съ тобою въ разлукѣ такъ же глупо, какъ и тяжело. Но что же дѣлать?

11 іюля. Если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что цалую тебѣ ручки и ножки.

14 іюля. Обнимаю тебя — дѣтей благословляю — тебя также. Всякій ли ты день молишься, стоя въ углу?

26 іюля. Цалую Машу и заочно смѣюся ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣстъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу.

3 августа. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ; но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсѣ мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цалую: благодаря тебя за то, что ты Богу молишься, на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ.

25 сентября, изъ Болдина. Прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула, и что тебѣ надобно себя беречь. Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ!

14 сент. 1835 г., изъ Михайловскаго. Прощай душа, цалую ручку у Маріи Александровны и прошу ее быть моей заступницей у тебя. Сашку цалуй въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ.

25 сентября, изъ Тригорскаго. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь?

29 сентября, изъ Михайловскаго. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? Какова дружба ея съ маленькой Музикой? и каковы ея побѣды?

2 октября. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи.

4 мая 1836 г., изъ Москвы. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства — недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась!.. Цалую и благословляю тебя и ребятъ.

14—16 мая. Что это женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила ли ты? Сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? Погоди до моего пріѣзда, а я уже собираюсь къ тебѣ.

564. Пушкинъ — П. А. Осиповой, 15 мая 1833 г., изъ Петербурга.

Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни гозори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такъ нѣжны, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданья.

565. Пушкинъ — Н. И. Гончаровой, конецъ августа 1834 г., Полотняные Заводы.

Поздравляю васъ со днемъ 26 августа (*день Ангела Наталіи*), и сердечно благодарю васъ за 27-е (*день рожденія жены Пушкина*). Жена моя — прелесть, и чѣмъ долѣ я съ ней живу, тѣмъ болѣе люблю это милое, чистое, доброе созданіе, котораго я ничѣмъ не заслужилъ передъ Богомъ.

566. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Пушкинъ и Жуковскій обѣдали у насъ, говорили о воспитаніи... Пушкинъ разсказалъ намъ, что онъ вчера страшно взбѣсился: кормилица его сына дала ребенку хлѣба, который сама сначала прожевала; онъ былъ въ ярости. Няня балуетъ дѣвочку, которая очень живая, ей спускаютъ всѣ ея капризы... Пушкинъ восхищается здравымъ смысломъ англичанъ... Затѣмъ онъ сказалъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать дѣтскую и народную литературу; онъ того мнѣнія что ее и создавать не надо, что есть только одинъ способъ найти ее — это изучить ту, которая существуетъ у всѣхъ народовъ; ребенокъ и крестьянинъ на одномъ уровнѣ, но надобно дать этой литературѣ большую обработанность, отбросивъ все грубое, но не посягая на присущіе ей умъ и истину. Онъ ненавидитъ дѣтскую литературу конца XVIII вѣка... Гулливеръ, Робинзонъ, наши сказки, сказки нѣмцевъ и англичанъ, Тысяча и одна ночь — ничто изъ этого не было написано для дѣтей, а это блаженство дѣтей и онъ считаетъ невозможнымъ написать что нибудь лучше. Онъ хочетъ писать сказки и легенды для своихъ дѣтей, приспособить уже существующія вездѣ, а также житія святыхъ, изложивъ ихъ хорошимъ доступнымъ русскимъ языкомъ.

567. О. С. Павлищева — мужу, 22 ноября 1835 года.

Александръ даетъ розги своему мальчику, которому только два года; онъ также тузитъ свою Машу; впрочемъ, онъ нѣжный отецъ.

568. Пушкинъ — П. В. Нащокину, 27 мая 1836 г., изъ Петербурга.

Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо.

Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю зачѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ Азя! дай мнѣ чаю — я просить не буду.

569. В. А. Нащокина, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1898.

Пушкина называли ревнивымъ мужемъ. Я этого не замѣчала. Знаю, что любовь его къ женѣ была безгранична. Наталья Николаевна была его богомъ, которому онъ поклонялся, которому вѣрилъ всѣмъ сердцемъ, и я убѣждена, что онъ никогда даже мыслью, даже намекомъ на какое-либо подозрѣніе не допускалъ оскорбить ее. Мой мужъ также обожалъ Наталью Николаевну и всегда, когда она выѣзжала куда-нибудь отъ насъ, онъ нѣжно, какъ отецъ, крестилъ ее. Надо было видѣть радость и счастье поэта, когда онъ получалъ письма отъ жены. Онъ весь сіялъ и осыпалъ эти исписанные листочки бумаги поцѣлуями...

Въ послѣдніе годы клевета, стѣсненность въ средствахъ и гнусныя анонимныя письма омрачали семейную жизнь поэта, однако мы въ Москвѣ видѣли его всегда неизмѣнно веселымъ, какъ и въ прежніе годы, никогда не допускавшимъ никакой дурной мысли о своей женѣ. Онъ боготворилъ ее попрежнему.

Возвратившись въ послѣдній разъ изъ Москвы въ Петербургъ, Пушкинъ не засталъ жену дома. Она была на балу у Карамзиныхъ. Ему хотѣлось видѣть ее возможно скорѣе и своимъ неожиданнымъ появленіемъ сдѣлать ей сюрпризъ. Онъ ѣдетъ къ квартирѣ Карамзиныхъ, отыскиваетъ карету Натальи Николаевны, садится въ нее и посылаетъ лакея сказать женѣ, чтобы она ѣхала домой по очень важному дѣлу, но наказалъ отнюдь не сообщать ей, что онъ въ каретѣ. Посланный возвратился и доложилъ, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцуетъ мазурку съ кн. Вяземскимъ. Пушкинъ посылаетъ лакея во второй разъ сказать, чтобы она ѣхала домой безотлагательно. Наталья Николаевна вошла въ карету и прямо попала въ объятья мужа. Поэтъ объ этомъ фактѣ писалъ намъ и, помню, съ восторгомъ упоминалъ, какъ жена его была авантажна въ этотъ вечеръ въ своемъ роскошномъ розовомъ платьѣ.

Пушкинъ былъ также внимательнымъ и любящимъ отцомъ. При свиданіи онъ часто разсказывалъ намъ о своихъ малышахъ и въ письмахъ нерѣдко подробно описывалъ какое-нибудь новое проявленіе самодѣятельности въ ихъ поступкахъ.

Рис. 162.

Пушкинъ.

Рисунокъ В. А. Сѣрова.

Рис. 163.

Пушкинъ у Михайловскихъ сосенъ.

Съ картины В. М. Максимова.

Рис. 164.

Уголокъ гостиной въ Тригорскомъ.

Съ фотографіи.

Пушкинъ, будучи женатымъ, не разъ посѣщалъ Михайловское. Его тянула туда осенняя привычка къ уединенному труду. Привлекала его и возможность посѣтить дорогія по воспоминаніямъ и по дружескимъ связямъ сосѣднія имѣнія, — Тригорское и Голубово (въ 16 верстахъ отъ Тригорскаго), принадлежавшее бар. А. В. Вревскому, женившемуся въ 1831 году на Евпраксіи Вульфъ. По преданію, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Голубово Пушкинъ принималъ тамъ дѣятельное участіе въ постройкахъ и въ устройствѣ сада, собственноручно насадивъ множество деревьевъ. Соблазняло Пушкина Михайловское и своимъ контрастомъ съ суетною и суетливою столичною жизнью. Пушкинъ не разъ серьезно задумывался даже надъ тѣмъ, чтобы совсѣмъ переселиться въ деревню. «Петербургъ мнѣ не подходитъ ни въ какомъ отношеніи; ни мои вкусы, ни мои средства не могутъ къ нему приспособиться. Но два или три года придется терпѣть», писалъ въ 1833 году Пушкинъ П. А. Осиповой. «Ты была удивлена пріѣздомъ Пушкина,—писала сестрѣ своей Е. Н. Вревская въ 1834 году изъ Петербурга,—и не можешь понять цѣли его путешествія. Но, я думаю, — это просто для того, чтобы проѣхаться повидать тебя и маменьку, Тригорское, Голубово и Михайловское, потому что никакой другой благовидной причины я не вижу. Пушкинъ въ восхищеніи отъ деревенской жизни и говоритъ, что это вызываетъ въ немъ желаніе тамъ основаться. Но его жена не имѣетъ къ этому никакого желанія, и потомъ — его не отпустятъ».

Дѣйствительно, Н. Н. воспринимала мысль о деревнѣ, какъ ссылку. Сохранился разсказъ дочери А. О. Смирновой о томъ, какъ отецъ ея приглашалъ Пушкина ѣхать въ Псковскую губернію вмѣстѣ съ нимъ на охоту и какъ это вызвало слезы Н. Н. и вынужденныя извиненія Смирнова. Очевидно, каждую осень поднимался вопросъ о деревнѣ и каждый годъ Пушкину удавалось вырываться туда лишь одному. Въ 1835 году О. С. Павлищева писала мужу изъ Павловска: «Вчера Александръ со своей женой посѣтили меня. Они уже больше не ѣдутъ въ нижегородскую деревню, какъ располагалъ Monsieur, потому что Madame и слышать не хочетъ объ этомъ. Онъ удовольствуется тѣмъ, что поѣдетъ на нѣсколько д н е й въ Тригорское, а она не тронется изъ Петербурга». Черезъ нѣсколько дней О. С. пишетъ уже, что Пушкинъ ѣдетъ на три мѣсяца. Сами родные Пушкина недоумѣвали по поводу этихъ иногда внезапныхъ отъѣздовъ. Мать Пушкина писала своей дочери весною 1835 года: «Александръ вчера уѣхалъ въ Тригорское и долженъ возвратиться прежде десяти дней, чтобы поспѣть къ родамъ Наташи. Ты подумаешь, быть можетъ, что онъ отправился по дѣлу — совсѣмъ нѣтъ; а единственно ради удовольствія путешествовать, да еще въ дурную погоду. Мы очень были удивлены, когда Александръ пришелъ съ нами проститься наканунѣ отъѣзда, и его жена очень опечалена; надо сознаться, что твои братья оригиналы, которые никогда не перестанутъ быть таковыми».—Послѣднее посѣщеніе Пушкинымъ Михайловскаго состоялось весною 1836 года. «Пишу къ вамъ изъ той стороны, «гдѣ вольные живали вы», — писалъ Пушкинъ Языкову изъ Голубова, — гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали наши стихи и бокалы съ ёмкой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ — и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ. Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловеласъ — по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. — Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, когда царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ напомнило всѣ, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ». Свои позднія впечатлѣнія о Михайловскомъ Пушкинъ высказалъ въ поэтической формѣ въ безсмертномъ отрывкѣ «Вновь я посѣтилъ».

◇ *РИС. 162 и 163* ◇

570. «ОСЕНЬ», 1830.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно:
Но мнѣ она мила, читатель дорогой;
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной
Къ себя меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной...

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса...

571. Пушкинъ — жент, 25 сент. 1835 г., изъ Тригорскаго.

Въ Михайловскомъ нашелъ я все по-старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, — иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Напримѣръ, вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей; хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю.

572. Бар. Б. А. Вревскій — А. Н. Вульфу, 4 октября 1835 г.

Я сдѣлалъ визитъ поэту, который вотъ уже три недѣли поселился въ Михайловскомъ и нѣсколько уже разъ былъ у насъ въ Голубовѣ. Я засталъ его въ часъ пополудни еще въ халатѣ, что-то пишущимъ, — можетъ быть свою исторію Петра Великаго, потому что вокругъ него были кипы огромныхъ рукописей. Въ Тригорскомъ и Голубовѣ мы играемъ въ шахматы, а такъ какъ я играю очень плохо, онъ мнѣ даетъ впередъ офицера. Однажды онъ намъ разсказалъ о счастливомъ времени, которое провелъ въ Твери, и это единственный разъ, когда я видѣлъ его такимъ разговорчивымъ.

573. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 11 окт. 1835 г., изъ Михайловскаго.

Такой безплодной осени отроду не выдавалось. Пишу — черезъ пень колоду валю. Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ.

574. «ВНОВЬ Я ПОСѢТИЛЪ ТОТЪ УГОЛОКЪ», 1835.

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ...

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна — поодаль, двѣ другія —
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я — и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять. Онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась.
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, — и вкругъ него
Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ унынь часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

◇ *РИС. 164* ◇

575. М. И. Осипова, въ передачѣ М. И. Семевскаго, 1866.

Какой онъ былъ живой! Ужъ впослѣдствіи, когда онъ пріѣзжалъ сюда изъ Петербурга, едва ли ужъ не женатый, сидитъ какъ-то въ гостиной, шутитъ, смѣется; на столѣ свѣчи горятъ; онъ — прыгъ съ дивана, да черезъ столъ и свѣчи-то опрокинулъ. Мы ему говоримъ: «Пушкинъ, что вы шалите такъ, пора остепениться», — а онъ смѣется только.

576. М. И. Осипова, въ передачѣ М. И. Семевскаго.

Кажется въ 1835 году — да, такъ точно — пріѣхалъ онъ сюда *(въ Тригорское)*, дня на два всего — пробылъ 8 и 9 мая, — пріѣхалъ такой скучный, утомленный: «Господи, — говоритъ, — какъ у васъ тутъ хорошо. А тамъ-то, тамъ-то въ Петербургѣ, какая тоска зачастую душитъ меня».

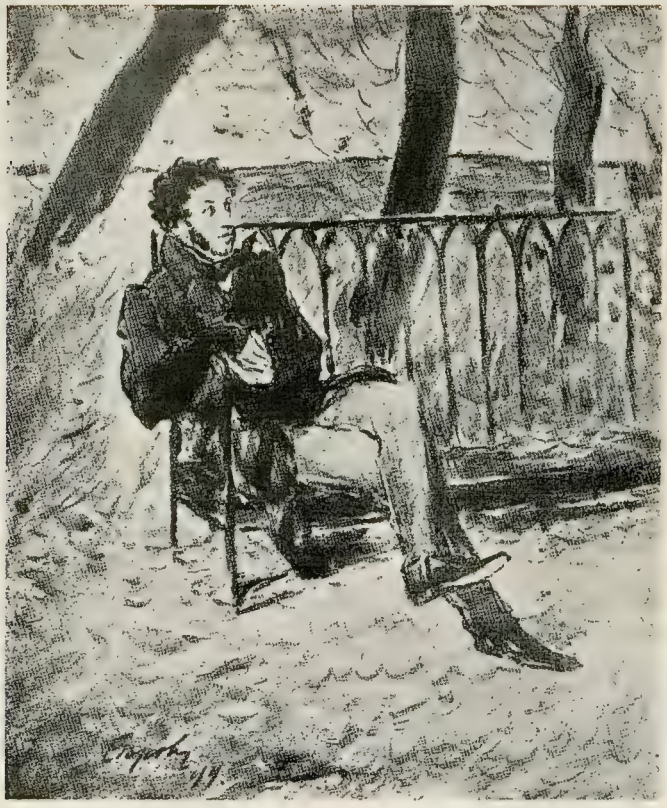


Рис. 165.

Пушкинъ.

Гравюра Райта (1837).

Портретъ предназначался Пушкинымъ для задуманнаго имъ изданія его сочиненій.

Рис. 166.

Пушкинъ.

Акварельный портретъ Павла Соколова.

Принадлежалъ Карамзинымъ.

Рис. 167.

Пушкинъ у Гоголя.

Картина акад. М. П. Клодта, грав. Ю. Барановскій.

Пушкинъ сыгралъ огромную роль въ жизни Гоголя. Трудно даже представить себѣ, чѣмъ былъ бы Гоголь, не ощути онъ благодѣтельнаго воздѣйствія пушкинскаго генія. Пушкинъ подсказалъ Гоголю темы главныхъ его произведеній. Существуетъ цѣлый рядъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ, изображающихъ сюжетъ «Ревизора» въ толкованіи Пушкина. Имѣется и одна собственноручная запись въ бумагахъ Пушкина, которая бросаетъ свѣтъ на пониманіе имъ этого сюжета. У Пушкина «Ревизоръ» является плутомъ, одурачивающимъ «честнаго дурака» губернатора и сватающимся за его дочь. Отмѣчаетъ при этомъ Пушкинъ и то живое лицо, которое мелькнуло въ его мысляхъ, какъ реальный прообразъ Хлестакова: П. П. Свиньина, живописца и романиста, историка и собирателя древностей, основателя «Отечественныхъ записокъ», человѣка и не плохого и отнюдь не невѣжественнаго, но болѣзненно лживаго, который, будучи посланъ въ Молдавію по важному дѣлу, выполнилъ его «по-хлестаковски» и на этомъ кончилъ свою административную карьеру.—Пушкину же принадлежитъ тема «Мертвыхъ душъ». Въ какой мѣрѣ Гоголь чувствовалъ себя зависимымъ отъ Пушкина въ дѣлѣ нахожденія сюжетовъ, видно изъ письма его къ Пушкину (1835 г.): «Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь, смѣшной или не смѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если же сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами... Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь — куда смѣшнѣй чорта. Ради Бога, умъ и желудокъ оба голодаютъ».

Но вліяніе Пушкина шло значительно дальше великодушнаго подсказа сюжетовъ. Пушкинъ былъ тѣмъ источникомъ свѣта и тепла, около котораго расправляла свои силы зябкая, больная и мнительная, страждущая «безсиліемъ любви» душа Гоголя. Значеніе для себя Пушкина Гоголь въ полной мѣрѣ уяснилъ, когда Пушкина не стало; онъ писалъ: «Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничего я не писалъ безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему... Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслію, какъ будетъ доволенъ онъ, угадызалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моей высшею и первой наградой». И это не было столь характернымъ для Гоголя преувеличеніемъ. Сынъ Карамзина, находившійся въ то время въ Парижѣ, писалъ своей матери: «У Смирновыхъ обѣдалъ Гоголь: трогательно и жалко смотрѣть, какъ на этого человѣка подѣйствовало извѣстіе о смерти Пушкина. Онъ совсѣмъ съ тѣхъ поръ не свой. Бросилъ то, что писалъ, и съ тоской думаетъ о возвращеніи въ Петербургъ, который совсѣмъ опустѣлъ для него». «Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ и тѣломъ, — пишетъ С. Т. Аксаковъ. — Я прибавлю, что по моему мнѣнію онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбой съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ».

Значеніе Пушкина въ исторіи русской культуры оцѣнено Гоголемъ въ слѣдующихъ ставшихъ знаменитыми словахъ: «При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ... Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русскій языкъ, русскій характеръ стразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла».

◇ *РИС. 167* ◇

577. Н. В. Гоголь — Пушкину, 21 авг. 1831 г.

Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей. Только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печати, очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни.

578. Пушкинъ — А. Ѳ. Воейкову, конецъ августа 1831 г., изъ Царскаго Села.

Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

579. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Когда Гоголь кончилъ свое чтеніе *(Тараса Бульбы)*, Пушкинъ взялъ его за голову, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «Пиши, пиши, думай, работай; все, что въ этой головѣ, должно изъ нея вылиться, не заглушай ничего, ни ума, ни сердца, ни воображенія, ни души. Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Западъ создалъ въ мірѣ искусства, ты уже понялъ искусство. Мнѣ очень понравились твои статьи объ искусствѣ, я завидую тебѣ, что ты можешь путешествовать».

580. Гр. В. А. Соллогубъ, «Воспоминанія».

Когда Гнѣдичъ получилъ мѣсто библіотекаря при Императорской Публичной Библіотекѣ, онъ переѣхалъ на казенную квартиру. Къ нему явился Гоголь поздравить съ новосельемъ. — Ахъ, какая славная у васъ квартира,—воскликнулъ онъ со свойственной ему ужимкою. — «Да,—отвѣчалъ высокомѣрно Гнѣдичъ: посмотри на стѣнахъ краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубецъ». Подивившись чудной краскѣ, Гоголь отправился къ Пушкину и разсказалъ ему о великолѣпіи голубца. Пушкинъ разсмѣялся своимъ дѣтскимъ звонкимъ смѣхомъ, и съ того времени, когда хвалилъ какую-нибудь вещь, нерѣдко приговаривалъ: — «Да, эта вещь не простая, чистый голубецъ».

581. Г. П. Данилевскій, «Знакомство съ Гоголемъ», 1886.

(Со словъ Якима, бывшаго камердинера и повара Гоголя). Бывало, снѣгъ, дождь и слякоть, а они *(Пушкинъ)* въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, сюда въ Мѣщанскую. По цѣлымъ ночамъ у барина просиживали, слушая, какъ нашъ-то читалъ имъ свои сочиненія, либо читая ему свои стихи.

По словамъ Якима, Пушкинъ, заходя къ Гоголю и не заставая его, съ досадой рылся въ его бумагахъ, желая знать, что онъ написалъ новаго. Онъ съ любовью слѣдилъ за развитіемъ Гоголя и все твердилъ ему: «пишите, пишите», а отъ его повѣстей хохоталъ и уходилъ отъ Гоголя всегда веселый и въ духѣ. Наканунѣ отъѣзда Гоголя въ 1836 году за границу, Пушкинъ, по словамъ Якима просидѣлъ у него на квартирѣ, въ домѣ каретника Іохима, на Мѣщанской, всю ночь напролетъ.

582. Н. В. Гоголь — Г. П. Данилевскому.

Стихи Языкова — любовь до брака: они эффектны, огненны и съ перваго же раза овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь —это поэзія Пушкина: она не вдругъ охватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе открывается она, развертывается и, наконецъ, превращается въ «величавый, обширный океанъ».

583. Н. В. Гоголь, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», 1843.

Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ... Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу... Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ... необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ... Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ, для меня самого, онъ бы точно содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!»

584. Н. В. Гоголь — М. П. Погодину, 30 марта 1837 г.

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ.

Рис. 168.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

1783—1852.

Съ портрета К. П. Брюллова.

Среди людей, оказавшихъ вліяніе на Пушкина, Жуковскій долженъ быть поставленъ по силѣ, по прочности и по благодѣтельности своего вліянія на первое мѣсто. Будучи человѣкомъ возвышеннаго душевнаго склада, онъ очень рано оцѣнилъ все хорошее, что было въ Пушкинѣ, и своей прямой задачей ставилъ воспитывать въ Пушкинѣ это хорошее, причемъ дѣлалъ это съ такою мягкостью, съ такимъ сочувствіемъ къ поэту и съ такимъ тактомъ, что неизмѣнно встрѣчалъ въ своемъ младшемъ другѣ, чье литературное первенство онъ открыто призналъ съ первыхъ же шаговъ, благодарную отзывчивость. «Всякій разъ,—говаривалъ Пушкинъ,—какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ и спрашиваю себя: что бы сказалъ Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь».

Жуковскій высоко ставилъ не только умъ и геній Пушкина, но и его душевныя свойства, а съ годами и его морально-религіозную устремленность. Показательно, что свои завѣтныя мысли о призваніи поэта Жуковскій на склонѣ дней выразилъ въ письмѣ къ Гоголю, въ 1848 году, отправляясь отъ вспомянутаго Гоголемъ изреченія Пушкина, высказаннаго имъ по поводу Державина: «слова поэта суть уже дѣла его». Жуковскимъ былъ приданъ этому изреченію смыслъ глубокій, опредѣляющій призваніе поэта. Это призваніе «есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе: поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія». Правда, «еще ни одинъ ангелъ не сходилъ съ неба играть передъ людьми на лирѣ и печатать свои стихотворенія у Дидота или Глазунова». Возвышенно должно быть устремленіе поэта, но это не значитъ, что ему надо ограничиться одними гимнами Богу. «Не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему —тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному оку, и что бы ни было это встрѣченное — высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное — все оно, прошедъ черезъ твою душу, пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго... поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе: что онъ самъ, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся»... Жуковскій указываетъ на Вальтеръ-Скотта и на Карамзина, какъ на образцы чистыхъ душою поэтовъ, и опредѣляетъ смыслъ поэзіи во вдохновенныхъ стихахъ, завершающихся знаменитыми словами:

«Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Само собою разумѣется, что съ этой возвышенной точки зрѣнія творенія Пушкина, даже предназначенныя самимъ поэтомъ къ опубликованію, не всегда вызывали полное сочувствіе Жуковскаго. Однако, Жуковскій, нѣжно любившій Пушкина со всѣми его слабостями, а отчасти, самъ склонный къ шуткѣ, и потакавшій этимъ слабостямъ, способенъ былъ, какъ никто иной увидѣть и полюбить въ великомъ поэтѣ его обращенность къ горнему, не только созвучную собственной душѣ Жуковскаго, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе углубленную и строгую.

Близость Пушкина и Жуковскаго особенно усилилась въ послѣдніе годы жизни Пушкина, послѣ женитьбы поэта, и сказалась во всей своей духовной красотѣ у смертнаго одра Пушкина. Являясь и раньше пѣстуномъ Пушкина въ его отношеніяхъ съ Государемъ, Жуковскій и здѣсь, предъ лицомъ смерти, остался посредникомъ между Царемъ и поэтомъ; онъ же былъ цензоромъ сохранившихся послѣ Пушкина бумагъ его и редакторомъ его сочиненій, изданныхъ на средства Государя. Смерть Пушкина описана Жуковскимъ въ знаменитомъ письмѣ его къ отцу поэта. Письмо это содержитъ въ себѣ свидѣтельство автора, какъ очевидца, и сводку всѣхъ другихъ, ставшихъ доступными Жуковскому, показаній друзей Пушкина, собравшихся у смертнаго одра. Въ этомъ письмѣ обнаружился во весь свой духовный ростъ тотъ Жуковскій, которому нѣсколько мѣсяцевъ спустя Тютчевъ могъ писать: «не вы ли сказали гдѣ-то: въ жизни много прекраснаго и кромѣ счастья. Въ этомъ словѣ есть цѣлая религія, цѣлое откровеніе»...

◇ РИС. 168 ◇

585. В. А. Жуковскій — Пушкину, 1 іюня 1823 г.

Ты увѣряешь меня, сверчокъ моего сердца, что ты ко мнѣ писалъ... Ты созданъ попасть въ боги—впередъ! Крылья у души есть, вышины она не побоится. Дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое — взятъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣетъ надеждою за тебя... Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца!

586. В. А. Жуковскій — Пушкину, осень 1824 г.

Ты имѣешь не дарованіе, а геній... Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ... По данному мнѣ полномочію, предлагаю тебѣ п е р в о е мѣсто на русскомъ Парнасѣ и какое мѣсто! если съ в ы с о к о с т ь ю г е н і я соединишь и в ы с о к о с т ь ц ѣ л и! Милый братъ по Аполлону! это тебѣ возможно!

587. В. А. Жуковскій — Пушкину, 1825 г.

Ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность. Теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедини къ нему и то, что лучше еще таланта достоинство!.. Дорога, которая передъ тобой открыта, ведетъ прямо къ великому.

588. В. А. Жуковскій—Пушкину, 23 сент. 1825 г.

Ты самъ себя не понимаешь; ты только бунтуешь, какъ ребенокъ, противъ несчастія, которое само не иное что, какъ плодъ твоего ребячества; а у тебя такіе есть способы сладить съ своею судьбою, какихъ нѣтъ у простыхъ сыновъ сего свѣта, способы благородные, высокіе. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

589. В. А. Жуковскій—Пушкину, 12 апр. 1826 г.

Ты знаешь, какъ я люблю твою Музу и какъ дорожу твоей *благопріобрѣтенною* славою; ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честію и драгоцѣнностію Россіи... Я люблю и тебя и твою Музу, и желаю, чтобы Россія васъ любила.

590. Пушкинъ — В. К. Кюхельбекеру, 1825 г.

Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Ж-го... Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты, если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально. Видитъ твое неуваженіе къ Ж. и рада.

591. Пушкинъ — П. А. Плетневу, 1826 г., изъ Михайловскаго.

Не смѣю надѣяться, но мнѣ сладостно было бы получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другого. Впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

592. П. А. Плетневъ, «Сочиненія», 1885.

Безвкусія или безпорядка онъ не могъ видѣть передъ собою. У него все было приготовляемо съ опредѣленной цѣлью, всему назначалось мѣсто, на всемъ выказывалась оцѣнка. Чистыя перья, карандаши, книги въ пріятномъ размѣщеніи ожидали руки его. Огромный высокій столъ, у котораго работалъ онъ стоя, уставленъ былъ всевозможными прихотями для авторскаго занятія. Куда бы онъ ни переселился, даже на нѣсколько недѣль, первая забота его была устроеніе такого стола.

593. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Когда онъ *(Пушкинъ)* увлекается и одушевляется, всѣ замолкаютъ, чтобы его слушать, даже Вяземскій и Тургеневъ, которые знали его ребенкомъ. Что же касается до Жуковскаго — онъ смотритъ на него съ нѣжностью, онъ наслаждается всѣмъ, что говоритъ его Фениксъ; есть что-то трогательное, отеческое и вмѣстѣ съ тѣмъ братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому — оттѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ. У него совсѣмъ другой тонъ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ, хотя онъ ихъ очень любитъ.

594. П. А. Плетневъ, «Сочиненія», 1885.

Куда спѣшили князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Пушкинъ, тамъ же, между гр. С. Румянцевымъ, Сперанскимъ, Олениннымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество разъ въ недѣлю, по субботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому... Здѣсь и Крыловъ являлся, какъ общій другъ... Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда послѣ онъ жилъ въ той части Зимняго Дворца, которая называлась Шепелевскимъ домомъ. На ней видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ...

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью Пушкина Жуковскій возобновилъ у себя литературныя субботы, на которыхъ нѣкогда его друзья въ первый разъ привѣтствовали у него вступленіе на горизонтъ блестящаго свѣтила поэзіи. Многіе изъ тогдашнихъ посѣтителей пѣвца «Свѣтланы» опять къ нему явились, но еще многочисленнѣе было молодое поколѣніе талантовъ. Они всѣ радушно были принимаемы добрымъ хозяиномъ. Имъ всѣмъ у него было равно весело и равно полезно. Живой, острый и окрѣпшій въ мышленіи умъ Пушкина блисталъ въ разговорахъ свѣтлостью идей, быстротой соображеній и вѣрностію взгляда.

595. П. И. Бартеневъ, со словъ П. В. Кирѣевскаго.

П. В. Кирѣевскій одинъ разъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ былъ у Пушкина. Кирѣевскій хорошо помнитъ большую комнату, со шкапами по бокамъ и съ длиннымъ столомъ по серединѣ, заваленнымъ бумагами. Пушкинъ говорилъ имъ, между прочимъ, о своемъ сильномъ желаніи совсѣмъ оставить Петербургъ и уѣхать совсѣмъ въ деревню, читалъ Жуковскому свое письмо къ Бенкендорфу, котораго просилъ о позволеніи выѣхать изъ Петербурга, гдѣ ему очень тяжело было жить. Разсказами своими о Петрѣ Пушкинъ удивлялъ Жуковскаго.

596. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Пушкинъ прочелъ намъ *Молитву Ефрема Сирина*, которую переложилъ на стихи, онъ все еще ею недоволенъ. Жуковскій пришелъ отъ нея въ восторгъ до такой степени, что поцѣловалъ Пушкина, сказавъ ему: «Ты, ты — мое неоцѣненное сокровище».

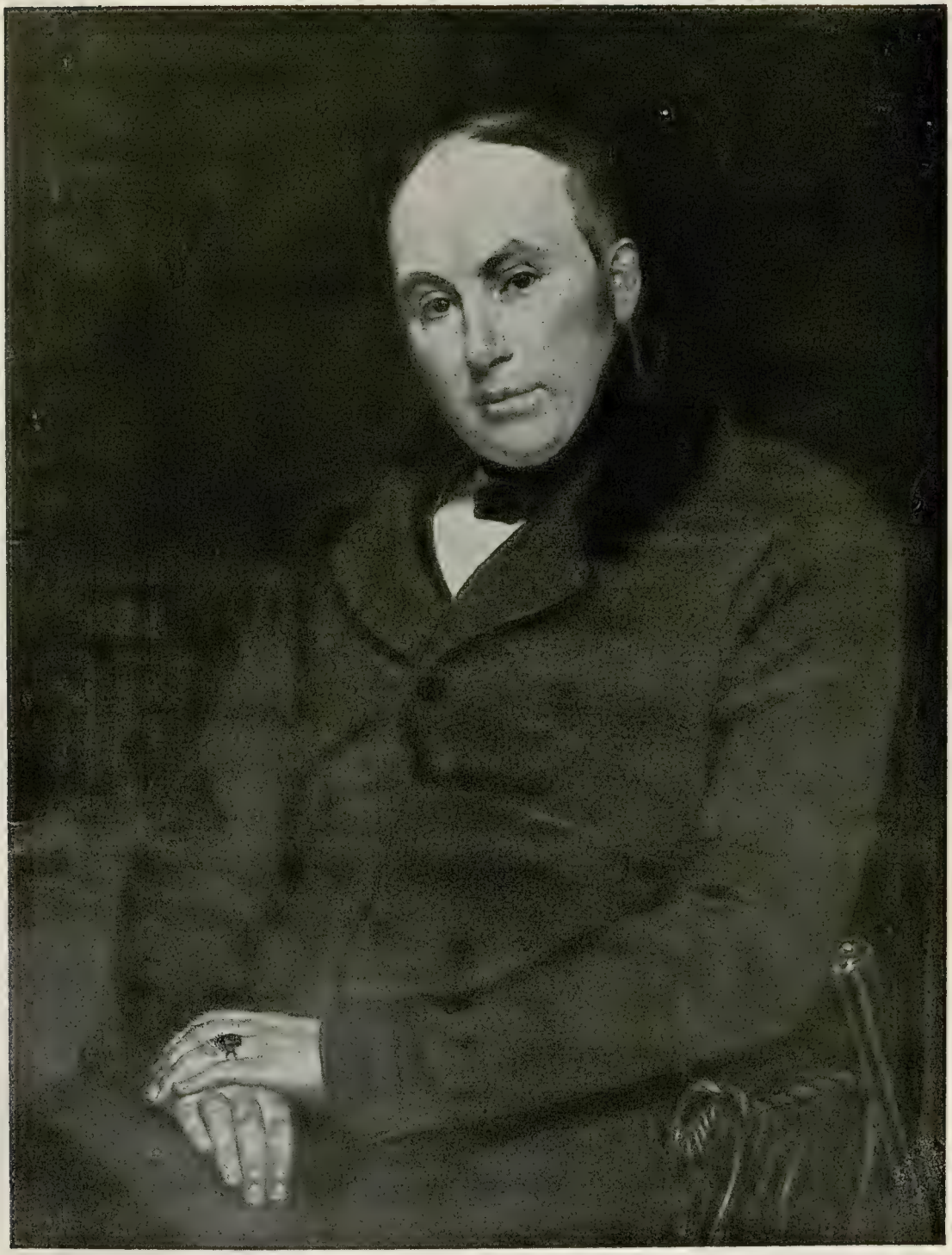


Рис. 169.

Николай Васильевичъ Гоголь.

1809—1852.

Съ портрета А. Г. Венеціанова.

Рис. 171.

Иванъ Ивановичъ Козловъ.

1779—1840.

Съ портрета А. Брызгалова.

Талантливый поэтъ пушкинской плеяды, ослѣпшій на сороковомъ году жизни и въ своей изумительной памяти и духовной сосредоточенности нашедшій пищу для интенсивнаго поэтическаго творчества. «Несчастье сдѣлало его поэтомъ, — писалъ о немъ Жуковскій. — Знавши прежде совершенно французскій и итальянскій языки, онъ уже на одрѣ болѣзни выучился по англійски и по нѣмецки — и все, что прочиталъ онъ на сихъ языкахъ, осталось врѣзаннымъ въ его памяти»... Зналъ онъ наизусть и все Евангеліе. Жизнь его, физически разрушенная, «была раздѣлена между религіей и поэзіей». Замѣчателенъ «послѣдній звукъ его арфы»:

«Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
«И духъ мой томный обнови;
«Дай мнѣ терпѣть мои мученья
«Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
«Не страшны мнѣ мои страданья,
«Они залогъ любви святой;
«Но дай, чтобъ пламенной душой
«Я могъ лить слезы покаянья.
«Взгляни на сердца нищету;
«Дай Магдалины даръ священный;
«Дай Іоанна чистоту;
«Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
«Подъ игомъ тяжкаго креста,
«Къ ногамъ Спасителя Христа».

Козловъ высоко цѣнилъ Пушкина. «Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами», писалъ Пушкину Плетневъ въ 1825 году. Пушкинъ съ своей стороны очень цѣнилъ слѣпого поэта и отмѣтилъ его, въ отвѣтъ на присылъ «Чернеца» и посланія «Къ другу В. А. Жуковскому», извѣстнымъ своимъ посланіемъ:

«КОЗЛОВУ», 1825.

Пѣвецъ! Когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,—
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.
А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, недаромъ Жизнь и Лира
Мнѣ были взѣрены Судьбой!

Рис. 170.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

1789—1852.

Писатель, пріобрѣвшій громадную популярность историческимъ романомъ въ стилѣ Вальтеръ-Скотта «Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году», появленіе котораго (1829 г.) составило эпоху не только въ жизни автора, но и въ исторіи русской литературы. Романъ Загоскина, разсказываетъ Гречъ, «читали вездѣ — и въ гостиныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ и при высочайшемъ дворѣ». «Впослѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ-то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ «Юрія Милославскаго» вся грамотная Русь... и читаетъ она его недаромъ, — писалъ И. С. Аксаковъ: — русскій умъ, духъ и складъ рѣчи впервые послышались на Руси въ этомъ романѣ». А. А. Шаховской въ письмѣ къ автору разсказываетъ, какъ встрѣтили романъ лучшіе русскіе писатели: «Пушкинъ восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ журналѣ; входитъ Крыловъ изъ дворца: разпросы о тебѣ и улыбательныя одобренія твоему роману; входитъ Гнѣдичъ: въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; наконецъ, является Жуковскій и, сказавъ два слова, объявляетъ, что не спалъ вчера всю ночь — отчего же? Все-таки отъ твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ прочесть кое-что и, не сходя съ мѣста и не ложась спать, не могъ не прочесть всѣхъ трехъ томовъ»... Впослѣдствіи, Загоскинъ написалъ еще нѣсколько историческихъ романовъ читаемыхъ до сихъ поръ. Одинъ изъ нихъ, «Рославлевъ», толкнулъ Пушкина на написаніе романа подъ тѣмъ же именемъ, оставшагося незаконченнымъ.

Рис. 172.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

1792—1869.

Съ портрета А. В. Тыранова.

Знаменитый романистъ, дѣлившій популярность съ Загоскинымъ въ области русскаго историческаго романа. Сынъ богатаго коломенскаго купца, давшаго будущему писателю прекрасное образованіе, Лажечниковъ всю жизнь совмѣщалъ литературную дѣятельность со службою, сначала гражданскою и военной, а впослѣдствіи административно-педагогической. Принималъ участіе въ Отечественной войнѣ. Въ бытность адъютантомъ графа Остермана-Толстого имѣлъ онъ случай познакомиться съ Пушкинымъ въ концѣ 1819 года въ Петербургѣ по поводу одной дуэльной исторіи и сумѣлъ охранить знаменитаго уже тогда автора «Руслана и Людмилы» отъ грозившей ему опасности. По выходѣ въ свѣтъ «Новика» и «Ледяного дома» Лажечниковъ послалъ ихъ Пушкину. Пушкинъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, частью критическимъ, вызвавшимъ мотивированную и рѣзкую, по отзыву самого Лажечникова, самозащиту. Пушкинъ не обидѣлся и въ 1836 году, проѣзжая чрезъ Тверь, хотѣлъ даже лично быть у Лажечникова, тогда директора тверской гимназіи, но не смогъ этого сдѣлать и ограничился любезнымъ письменнымъ привѣтствіемъ. Въ 1837 году Лажечниковъ, будучи въ Петербургѣ, заѣзжалъ къ Пушкину 24 и 25 января, но не засталъ его, а 29-го Пушкина не стало.

◇ *РИС. 170* ◇

597. Пушкинъ — М. Н. Загоскину, 11 января 1830 г., Петербургъ.

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобы сердечно поблагодарить васъ за присылку «Юрія Милославскаго», лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ «Лит. Газетѣ» будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта,— то-есть дай Богъ намъ многіе романы.

598. О РОМАНѢ ЗАГОСКИНА: ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ», 1830.

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увелекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя!.. Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются «Юрія Милославскаго». Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной Русской жизни... Но неоспоримое дарованіе Г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ,.. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма... Но сіи мелкія погрѣшности... не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху «Юрія Милославскаго».

◇ *РИС. 171* ◇

599. Пушкинъ — Л. С. Пушкину, начало апрѣля 1825 г., изъ Михайловскаго.

Подпись слѣпого пѣвца тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть; сердись онъ, не сердись, а «Хотѣлъ простить — простить не могъ» —достойно Байрона. Введеніе, конецъ прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы — по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами

600. И. И. Козловъ, «Къ другу В. А. Жуковскому».

Напрасно для меня, напрасно
И солнце міръ животворитъ,
И нѣгой дышитъ мѣсяцъ ясный,
И зыбь потоковъ серебритъ!
Не буду зрѣть полей зеленыхъ,
Лазури свѣтлой чистыхъ водъ,
Ни дня торжественныхъ красотъ,
Ни звѣздъ, во тьмѣ ночной зажженныхъ...
Ахъ, на жену и на дѣтей
Хотѣло сердце насмотрѣться!..
Смотрѣлъ на нихъ... но ужъ скрывался
Мнѣ милый видъ въ какой-то тьмѣ:
Онъ исчезалъ, сливался съ мглою.
И то, что есть, казалось мнѣ
Давно минувшею мечтою.
Угасъ, угасъ лучъ свѣтлый дня,
И сердце кровью обливалось:
И все въ грядущемъ для меня,
Какъ бездна гибели, являлось...
Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ! —
Ты не забылъ Свое твореньe!..
Хвала Тебѣ, мой страхъ исчезъ!..
Какъ Ангелъ мирный, благодатный...
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадный гласъ ловила, —
И вѣра, огненной струей,
Страдальцу сердце оживила...

Еще, мой другъ, два утѣшенья
Остались мнѣ: то легкихъ сновъ
И призраковъ ночныхъ явленья,
И васъ, взлелѣянныхъ пѣвцовъ,
Божественныя пѣснопѣнья.
Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
Въ замѣну истины мнѣ данъ;
Онъ жизни памятью остался...

◇ *РИС. 172* ◇

601. И. И. Лажечниковъ, «Знакомство мое съ Пушкинымъ».

Пріятель мой, которому я поручалъ передать Пушкину моего «Новика», писалъ мнѣ по этому случаю 19 сентября 1832 г.: «Благодарю васъ за случай, который вы мнѣ доставили увидѣть Пушкина. Онъ оставилъ самые пріятные слѣды въ моей памяти. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не вѣрилъ, какъ онъ могъ быть забіякой... На лицѣ Пушкина написано, что у него тайнаго ничего нѣтъ. Разговаривая же съ нимъ, замѣчаешь, что у него есть тайна, — его прелестный умъ и знанія. Ни блестокъ, ни жеманства въ этомъ князѣ русскихъ поэтовъ. Поговоря съ нимъ, только скажешь: «онъ умный человѣкъ. Такая скромность ему прилична».

602. Пушкинъ — И. И. Лажечникову, 3 ноября 1835 г., изъ Петербурга.

Позвольте, Милостивый Государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такой жадностію и такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи, Ледяной Домъ и выше Послѣдняго Новика, но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это со временемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ роль мученика. Его донесеніе Академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Рис. 173.

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

1783—1844.

При очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ лишь самое поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно... Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія и высшихъ взглядовъ». Такъ характеризовалъ графъ М. А. Корфъ шефа жандармовъ и главнаго начальника III Отдѣленія Соб. Е. Вел. канцеляріи, который стоялъ между Царемъ и Пушкинымъ и который столько крови испортилъ послѣднему мелочностью, а иногда и безтактностью своего надзора, выходившаго за предѣлы литературнаго цензорства. Въ цензорствѣ же Бенкендорфъ проявлялъ большую ревнивость и, когда Пушкинъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» напечаталъ «Анчара» только съ разрѣшенія общей цензуры, Бенкендорфъ счелъ нужнымъ сдѣлать Пушкину замѣчаніе. Когда же дѣло шло о предотвращеніи дуэли, т. е. о спасеніи жизни Пушкина, Бенкендорфъ проявилъ бездѣйствіе, вызвавшее запоздалый, но жестокій гнѣвъ Царя.

Рис. 174.

Николай Ивановичъ Гречъ.

1787—1867.

Съ рисунка В. Тимма.

Сынъ обрусѣвшаго чеха, воспитывавшійся въ Петербургѣ (Кадетскій корпусъ и Педагогическій институтъ); педагогъ по призванію и извѣстный составитель учебниковъ русскаго языка, вліятельный журналистъ, издатель «Сына Отечества» и участникъ многихъ періодическихъ изданій. Являясь соредакторомъ и компаньономъ Булгарина по «Сѣверной Пчелѣ», Гречъ смягчалъ отрицательныя его свойства, но и несъ на себѣ бремя общаго недружелюбія, вызываемаго Булгаринымъ. Впрочемъ, Гречъ и самъ раздѣлялъ это недружелюбіе, давъ ему волю въ своихъ старческихъ воспоминаніяхъ. Пушкинъ печатался у Греча въ «Сынѣ Отечества», но никогда не дарилъ его своимъ особымъ расположеніемъ. Не питая къ нему личной вражды и считая его умнѣе, честнѣе и выше Булгарина, Пушкинъ думалъ было одно время привлечь его къ сотрудничеству, отдализъ его тѣмъ отъ Булгарина. Гречъ не пошелъ на это, но сумѣлъ остаться съ Пушкинымъ въ корректныхъ отношеніяхъ. — Послѣ смерти Пушкина Гречъ писалъ въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-хлѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности». А когда Гречу, переживавшему въ тѣ дни смерть единственнаго уже взрослаго сына, было впервые передано о томъ, что Пушкинъ дрался на дуэли и будто бы уже умеръ, онъ отозвался на это извѣстіе, по разсказу В. П. Бурнашева, слѣдующими словами: «Велика, ужасна моя потеря, но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это — несчастіе нашей литературы. Это — народная утрата».

Рис. 175.

Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ.

1789—1859.

Съ рисунка В. Тимма.

Полякъ по происхожденію, сынъ политическаго ссыльнаго, получившій воспитаніе въ русскомъ Кадетскомъ корпусѣ и послѣ короткаго пребыванія на русской военной службѣ оказавшійся въ польскомъ легіонѣ Наполеона, а потомъ и въ его войскахъ, воевавшихъ съ Россіей въ 1812 году. Попавъ въ плѣнъ въ 1814 году, остался въ Россіи и сдѣлалъ быструю литературную карьеру, явившись редакторомъ и издателемъ различныхъ періодическихъ изданій, главнымъ изъ которыхъ была «Сѣверная Пчела», и популярнымъ писателемъ-романистомъ (лучшимъ его романомъ былъ «Иванъ Выжигинъ»). Обладая недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ, ловкій, дѣятельный и беззастѣнчивый, Булгаринъ занялъ вліятельное положеніе, ставъ во главѣ литературнаго «Тріумвирата» (Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій). Положеніе это, а равно и матеріальныя свои выгоды Булгаринъ отстаивалъ способами, вызывавшими моральное отталкиваніе современниковъ, переходившее въ презрѣніе. Однако, было бы несправедливо полностью отрицать за Булгаринымъ способность къ чувствамъ безкорыстнымъ: повидимому, таковыя питалъ онъ къ Грибоѣдову. Въ своихъ попыткахъ оздоровленія русской печати, Пушкинъ потратилъ не мало душевныхъ силъ и остроумія на полемическую борьбу съ Булгаринымъ и тѣмъ создалъ ему печальную славу.

Рис. 176.

Николай Алексѣевичъ Полевой.

1796—1846.

Сынъ иркутскаго купца; энциклопедистъ-самоучка, испытавшій свои незаурядныя силы во всѣхъ родахъ литературы; выдающійся историкъ и публицистъ. Прославился, главнымъ образомъ, какъ издатель «Московскаго Телеграфа», замѣчательнаго журнала двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, закрытаго въ связи съ неудачной, политически неблагопріятно для Полевого истолкованной рецензіей на патріотическую пьесу Кукольника. Пушкинъ никогда не былъ близокъ съ Полевымъ, но участвовалъ, обычно чрезъ посредство Вяземскаго, въ его журналѣ и не сразу порвалъ съ нимъ даже послѣ открытія «Московскаго Вѣстника». Лишь послѣ 1830 года, какъ вдохновитель «Литературной Газеты» Дельвига, Пушкинъ уже оказался въ разныхъ лагеряхъ съ Полевымъ. Расхожденіе Пушкина съ Полевымъ имѣло глубоко-принципіальный характеръ: Полевому претилъ консервативно-либеральный «аристократизмъ» Пушкина, Пушкина отталкивалъ политическій радикализмъ разночинца Полевого. Оселкомъ, на которомъ съ особою силою обнаружилось разномыслiе обоихъ, явился Карамзинъ, критикою на котораго явилась вся «Исторія русскаго народа» Полевого. Пушкинъ выступилъ противъ «Исторіи» Полевого въ «Литературной Газетѣ» съ обширною статьею.

◇ *РИС. 173* ◇

603. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг. Пушкинъ о Бенкендорфѣ.

Человѣкъ мнѣ наиболѣе враждебный — Бенкендорфъ... онъ обладаетъ педантичнымъ упрямствомъ нѣмецкаго совѣтника, онъ совершенно лишенъ идеала, воображенія и былъ бы превосходнымъ чиновникомъ въ Гессенъ-Касселѣ и всякой другой трущобѣ; онъ дѣйствуетъ въ странѣ, которой не знаетъ, онъ исполненъ тайнаго презрѣнія нѣмцевъ къ die Russen, онъ не любитъ Россіи, не любитъ Государя, такъ какъ совсѣмъ не понимаетъ его. Онъ вѣренъ, насколько можетъ быть вѣрнымъ — и въ этомъ все его достоинство... Не думайте, чтобы у меня было предубѣжденіе противъ Бенкендорфа; я признаю за нимъ нѣкоторыя достоинства: онъ усерденъ, честенъ, въ этомъ отношеніи онъ безупреченъ; но у него совершенно ложный взглядъ на русскій характеръ и на пріемы, съ какими можно исполнять его полицейскую должность.

◇ *РИС. 174* ◇

604. В. П. Бурнашевъ, «Изъ воспоминаній петербурскаго старожила», 1871.

(На четвергѣ у Греча). Вдругъ неожиданно и непримѣтно вошелъ въ комнату небольшого роста господинъ съ длинными, курчавыми, растрепанными темнорусыми волосами, съ блѣдно-темноватымъ лицомъ, окаймленнымъ огромными бакенбардами, падавшими внизъ. Господинъ этотъ былъ въ коричневомъ сюртукѣ и держалъ мягкую, измятую шляпу въ лѣвой рукѣ. Въ лицѣ его было что-то необыкновенное, будто напоминавшее наружность мулата: носъ нѣсколько приплющенный, губы очень красныя и широкія, а обнаруженные веселою улыбкою зубы — бѣлизны необыкновенной. То былъ Александръ Сергѣевичъ, котораго ожидалъ Гречъ.

605. Н. И. Гречъ — Пушкину, 12 окт. 1836 г., Петербургъ.

Этимъ стихотвореніемъ *(«Полководецъ»)*, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, позорій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи.

606. Пушкинъ — Н. И. Гречу, 13 окт. 1836 г., Петербургъ.

Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

607. Н. И. Гречъ, «Воспоминанія».

Если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, то есть, какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ... Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства.

◇ *РИС. 175* ◇

608. Ѳ. В. Булгаринъ, — В. А. Ушакову, 6 января 1828 г.

Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человѣкъ, какъ мнѣ его описывали, и каковымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скроменъ въ сужденіяхъ, любезенъ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицеѣ. Москва подбаловала, а несчастія и тихая здѣшняя жизнь его образумили.

◇ *РИС. 176* ◇

609. Н. А. Полевой, «Очерки русской литературы».

Стихъ русскій гнулся въ его рукахъ, какъ мягкій воскъ въ рукахъ искуснаго ваятеля; онъ пѣлъ у него на всѣ лады, какъ струна на скрипкѣ Паганини. Нигдѣ не является стихъ Пушкина такимъ мелодическимъ, какъ стихъ Жуковскаго; нигдѣ не достигаетъ онъ высокости стиховъ Державина, но зато въ немъ слышна гармонія, составленная изъ силы Державина, нѣжности Озерова, простоты Крылова и музыкальности Жуковскаго. Вся классическая чопорность съ него сбита совершенно.

610. «ОБЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА, ПОЛЕВОГО», «Литер. Газ.», 1830.

Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славой... первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется только вѣтреному невѣжеству...

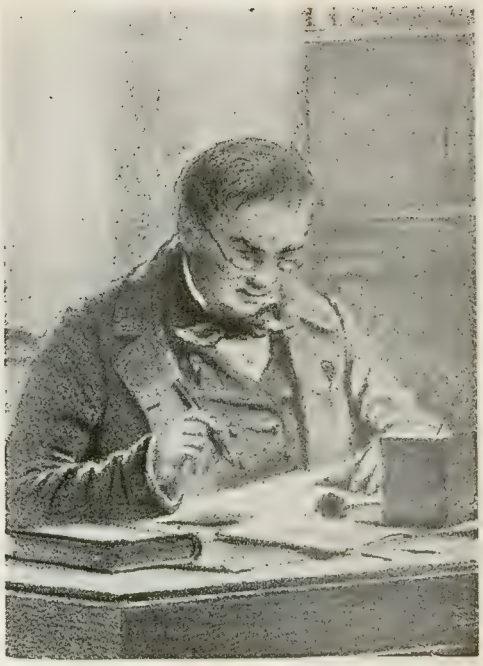
Несмотря на сіи недостатки, Исторія Русскаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ. (*NB.* Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ понятія новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ, недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

611. «ДНЕВНИКЪ», 7 апрѣля 1834 г.

Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что его запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

612. Кн. П. А. Вяземскій, «Записныя книжки».

Полевой у насъ родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина.



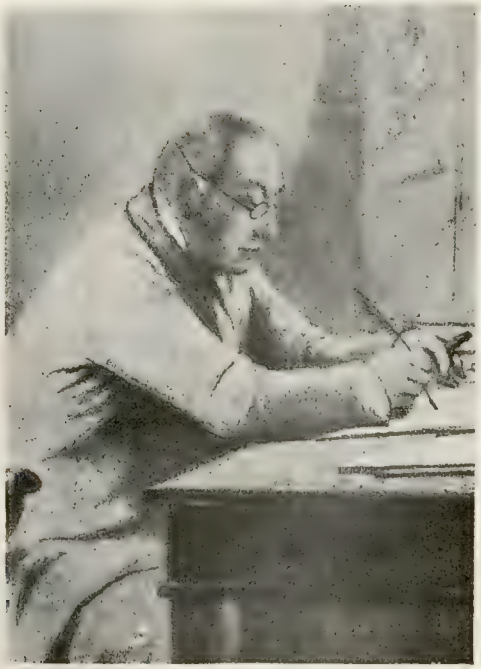


Рис. 177.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

1809—1842.

Съ портрета, писаннаго К. А. Горбуновымъ.

Сынъ воронежскаго прасола, ставшій замѣчательнымъ народнымъ поэтомъ, на стихотвореніяхъ котораго воспитывались всѣ послѣдующія поколѣнія, воспринимавшія сквозь кольцовскую поэтическую призму различныя стороны русскаго народнаго характера и крестьянскаго труда. По замѣчанію К. Леонтьева Кольцовъ былъ «вполнѣ русскій тамъ, гдѣ дышатъ нравственность и чистая вѣра, и вполнѣ русскій, гдѣ дышатъ разгулъ, тоска по разгулу и чувственность». Кольцовъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ. «Съ робостью явился онъ, — разсказываетъ П. В. Анненковъ, — къ знаменитому поэту и не встрѣтилъ ни тѣни благоволенія, ни тѣни покровительственнаго тона. Пушкинъ крѣпко сжалъ руку Кольцову въ своей рукѣ и заговорилъ съ нимъ какъ съ давнимъ знакомымъ, какъ съ равнымъ себѣ». На смерть Пушкина Кольцовъ отозвался своимъ знаменитымъ стихотвореніемъ «Лѣсъ».

Рис. 178.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

1807—1873.

Съ гравюры изъ собранія Д. А. Ровинскаго.

Сынъ губернскаго чиновника, самъ сдѣлавшій хорошую чиновную карьеру, В. Г. съ младыхъ лѣтъ посвящалъ служебные досуги поэзіи. На нѣкоторое время онъ привлекъ своими «гремучими напѣвами» вниманіе, будучи осыпаемъ похвалами всѣхъ критиковъ, кромѣ Полевого и особенно Бѣлинскаго, сразу предрекшаго кратковременность успѣха. «Бенедиктовъ,—говоритъ Я. Полонскій, — былъ своего рода литературный феноменъ, рѣдко повторяющійся. Онъ соединялъ въ себѣ лиризмъ самый возвышенный и самую пошлую прозу; чувство красоты и отсутствіе вкуса; самый искренній патріотизмъ и полнѣйшее невѣдѣніе русскаго народа; любовь къ природѣ и желаніе украшать ее, какъ-будто собственныхъ, ей вѣчно присущихъ красотъ, было ей недостаточно». Сложился спеціальный терминъ «бенедиктовщина», разумѣвшій способность писать легкіе и плоскіе стихи въ подобномъ стилѣ. Къ старости Бенедиктовъ, какъ поэтъ, оказался въ полномъ забвеніи, но продолжалъ неустанно писать, для удовлетворенія своей писательской потребности. О встрѣчахъ съ Пушкинымъ на «субботахъ» Жуковскаго В. Г. оставилъ стихотворное воспоминаніе.

Рис. 179.

Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

1803—1869.

Виднѣйшій русскій «любомудръ»-шеллингіанецъ, авторъ «Русскихъ ночей» и другихъ произведеній въ стилѣ Гофмана, музыкальный теоретикъ, филантропъ, популяризаторъ знанія въ народѣ, педагогъ и дѣтскій писатель (авторъ «Сказокъ дѣдушки Иринея»). «Когда я въ первый разъ былъ у него,—пишетъ И. И. Панаевъ,—онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Его привлекательная, симпатичная наружность, таинственный тонъ, съ которымъ говорилъ онъ обо всемъ на свѣтѣ, безпокойство въ движеніяхъ человѣка, озабоченнаго чѣмъ-то серьезнымъ, выраженіе лица постоянно задумчивое, размышляющее,—все это не могло не подѣйствовать на меня. Прибавьте къ этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленнаго необыкновенными столами съ этажерками и съ таинственными ящиками и углубленіями; книги на столахъ, на стѣнахъ, на диванахъ, на полу, на окнахъ—и притомъ въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ, съ писанными ярлычками на задкахъ; портретъ Бетховена съ длинными сѣдыми волосами и въ красномъ галстухѣ; различные черепа, какія-то необыкновенной формы стклянки и химическія реторты...» Съ Пушкинымъ В. Ѳ. общался по издательству «Мнемозины», гдѣ были напечатаны стихотворенія Пушкина «Демонъ» и «Къ морю». Задумавъ издавать «Современникъ», Пушкинъ привлекъ и В. Ѳ., но практически участіе послѣдняго свелось къ напечатанію немногихъ замѣтокъ и статей. Романтическая фантастика Одоевскаго, въ значительной мѣрѣ головная, была чужда Пушкину, который шутя называлъ В. Ѳ. «гофманской каплей».

Рис. 180.

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

1757—1835.

Писатель псевдо-классической школы, лишенный дарованія, но единственный этого не признававшій и находившій полное удовлетвореніе въ своемъ творчествѣ. «Люблю писать стихи и отдавать въ печать; не скрою и того: люблю ихъ и читать», писалъ онъ о себѣ. При исключительной своей плодовитости и полной нечувствительности къ своимъ самымъ иногда нелѣпымъ погрѣшностямъ языка былъ постоянною и легкою мишенью для русскаго литературнаго Олимпа, въ частности и для Пушкина («Ода» 1825 г.). Въ жизни былъ человѣкомъ незапятнанной репутаціи, сочетая служеніе музамъ съ добросовѣстнымъ и успѣшнымъ служеніемъ государству (умеръ членомъ Государственнаго Совѣта). По убѣжденіямъ былъ пламеннымъ патріотомъ и консерваторомъ, почему и былъ особенно тронутъ стихотвореніемъ Пушкина «Клеветникамъ Россіи», отвѣтивъ на него восторженнымъ посланіемъ «А. С. Пушкину, члену Россійской Академіи, 1831 года, при случаѣ чтенія стиховъ его о клеветникахъ Россіи». Свое восхищеніе поэтическимъ дарованіемъ Пушкина выразилъ пѣсенкою «Соловей въ Таврическомъ саду», положенною на музыку и любезно преподнесенною чрезъ Пушкина его женѣ. Пушкинъ отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, назвавъ лиру Хвостова «заслуженной и вѣчно юной».

◇ *РИС. 177* ◇

613. И. С. Тургеневъ, «Литературныя и житейскія воспоминанія», 1898.
Литературный вечеръ у П. А. Плетнева.

Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ. Одѣтый въ длиннополый двубортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платочекъ съ бантомъ, онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, не лицо у него было самое простое, русское — вродѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противность тому, что, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей; напротивъ, почти всегда носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья... Это былъ поэтъ Кольцовъ ..

Въ двѣнадцатомъ часу вечера, почти послѣ всѣхъ, я вошелъ въ переднюю вмѣстѣ съ Кольцовымъ, которому предложилъ довезти его до дому — у меня были сани. Онъ согласился и всю дороту покашливалъ и кутался въ свою худую шубенку. Я его спросилъ, зачѣмъ онъ не хотѣлъ прочесть свою «Думу»... «Что же это я стал бы читать-съ, — отвѣчалъ онъ съ досадой, — тутъ Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!» Кольцовъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ.

◇ *РИС. 178* ◇

614. И. И. Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», 1830-1839 гг.

Появленіе стихотвореній Бенедиктова произвело страшный гвалтъ и шумъ не только въ литературномъ, но и чиновничьемъ мірѣ .. О статьяхъ Полевого и Бѣлинскаго отзывались съ негодованіемъ и были очень довольны статьей профессора Шевырева, провозгласившаго Бенедиктова п о э т о м ъ м ы с л и. Жуковскій, говорятъ, до того былъ пораженъ, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ Бенедиктовскими звуками. Одинъ Пушкинъ остался хладнокровенъ.

615. Я. Полонскій, «Біографія В. Г. Бенедиктова».

Бенедиктовъ разсказывалъ въ одномъ домѣ, что, благоговѣя передъ Пушкинымъ, онъ послалъ ему книжку своихъ стихотвореній и затѣмъ хотѣлъ сдѣлать ему визитъ — но по пути къ нему встрѣтилъ его на улицѣ, и Пушкинъ, очень любезно поблагодаривъ его за стихи, сказалъ: «У васъ удивительныя риѳмы — ни у кого нѣтъ такихъ риѳмъ. — Спасибо, спасибо». Бенедиктовъ, конечно, былъ настолько уменъ, что понялъ ироническій отзывъ Пушкина и, быть можетъ, даже задумался. Не даромъ же въ стихахъ его, написанныхъ имъ экспромтомъ въ альбомъ г-жѣ К., онъ говоритъ: «мой с о м н и т е л ь н ы й вѣчецъ».

616. А. А. Фетъ, «Ранніе годы моей жизни».

Что стоитъ Бенедиктовъ? — спросилъ я приказчика. — Пять рублей, да и стоитъ. Этотъ почище Пушкина то будетъ. Я заплатилъ деньги и бросился съ книжкой домой, гдѣ цѣлый вечеръ мы съ Аполлономъ (*Григорьевымъ*) съ упоеніемъ завывали при ея чтеніи.

617. В. Г. Бенедиктовъ, «Воспоминаніе».
(У Жуковскаго). Помню я собранья
Подъ его гостепріимнымъ кровомъ, —
Вечера субботніе: рѣкою
Наплывали гости, и являлся
Онъ, — чернокудрявый, огнеокій,
Пламенный Онѣгина создатель,
И его веселый, громкій хохотъ
Часто былъ шаговъ его предтечей;
Мѣткій умъ сверкалъ въ его разсказѣ,
Быстродвижныя черты лица
Измѣнялись непрерывно; губы,
И въ молчаньи, жизненнымъ движеньемъ
Обличали вѣчную кипучесть
Зоркой мысли.

◇ *РИС. 179* ◇

618. В. В. Ленцъ, «Приключенія лифляндца въ Петербургѣ», «Русск. Арх.», 1878.
(У Одоевскаго).

Мнѣ захотѣлось по крайней мѣрѣ посидѣть около Пушкина. Я собрался съ духомъ и сѣлъ около него. Къ моему удивленію, онъ заговорилъ со мною очень ласково: должно быть, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Гофмана фантастическія сказки въ это самое время были переведены въ Парижѣ на французскій языкъ и, благодаря этому обстоятельству, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ. Тутъ во всемъ главную роль игралъ Парижъ. Пушкинъ только и говорилъ что про Гофмана; не даромъ же онъ и написалъ Пиковую Даму въ подражаніе Гофману, но въ болѣе изящномъ вкусѣ. Гофмана я зналъ наизусть; вѣдь мы въ Ригѣ, въ счастливые юношескіе годы, почти молились на него. Нашъ разговоръ былъ оживленъ и продолжался долго. «Одоевскій пишетъ также фантастическія піесы», сказалъ Пушкинъ съ неподражаемымъ сарказмомъ въ тонѣ. Я возразилъ совершенно невинно: «Его мысль къ несчастью не имѣетъ пола», и Пушкинъ неожиданно показалъ мнѣ весь рядъ своихъ прекрасныхъ зубовъ: такова была его манера улыбаться.

619. Гр. В. А. Соллогубъ, «Пережитые дни».

При встрѣчѣ на Невскомъ, Одоевскому очень хотѣлось узнать, прочиталъ ли Пушкинъ его книгу и какого онъ о ней мнѣнія. Но Пушкинъ отдѣлался общими мѣстами: «читалъ... ничего... хорошо...» и т. д. Видя, что отъ него ничего не добьешься, Одоевскій прибавилъ только, что писать фантастическія сказки чрезвычайно трудно. Затѣмъ онъ поклонился и прошелъ. Тутъ Пушкинъ снова разсмѣялся своимъ звонкимъ, можно сказать, зубастымъ смѣхомъ, такъ какъ онъ выказывалъ тогда два ряда бѣлыхъ арабскихъ зубовъ, и сказалъ: «Да, если оно такъ трудно, зачѣмъ же онъ ихъ пишетъ? Кто его принуждаетъ? Фантастическія сказки только тогда и хороши, когда писать ихъ нетрудно».

◇ *РИС. 180* ◇

620. Графъ Д. И. Хвостовъ, «Соловей въ Таврическомъ Саду».

Пусть голосъ соловья прекрасный,
Плѣняя, тѣшитъ, нѣжитъ слухъ,
Но струны лиры громогласной
Прочнѣе восхищаютъ духъ.
Любитель музъ, съ зарею майской,
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ-солозей.

Рис. 181.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій.

1788—1856.

Сынъ польскаго посланника при екатерининскомъ дворѣ, женившагося на русской и перешедшаго на русскую службу. «Графъ Віельгорскій прошелъ незамѣченнымъ въ русской жизни, — говоритъ о немъ гр. В. А. Соллогубъ, — даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и, несмотря на то, или, можетъ быть, именно потому, былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикуреецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья — онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума». Особое мѣсто онъ, наравнѣ съ братомъ Матвѣемъ, замѣчательнымъ віолончелистомъ, занималъ въ музыкѣ. Шуманъ называлъ его «геніальнымъ диллетантомъ». Домъ его былъ центромъ всего петербургскаго музыкальнаго движенія; здѣсь начали свое музыкальное поприще оба Рубинштейны. Съ Пушкинымъ М. Ю. познакомился, вѣроятно, еще въ періодъ «Арзамаса», къ которому былъ близокъ. Имъ написано на слова Пушкина нѣсколько романсовъ: «Пѣсня Земфиры», «Черная шаль», «Шотландская пѣснь». Осталась незаконченною его романтическая опера «Цыганы» на сюжетъ пушкинской поэмы. Віельгорскій былъ однимъ изъ друзей Пушкина, присутствовавшихъ при его кончинѣ.

Рис. 183.

Василій Андреевичъ Тропининъ.

1776—1857.

Автопортретъ.

Извѣстный живописецъ-портретистъ. Родился крѣпостнымъ человѣкомъ графа Маркова, который впослѣдствіи отпустилъ его на волю. Девятилѣтнимъ мальчикомъ былъ опредѣленъ своимъ господиномъ въ воспитанники Императорской Академіи художествъ, которую и окончилъ въ 1804 году; званіе академика получилъ въ 1824 году. Скромный и трудолюбивый Тропининъ сумѣлъ завоевать себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ художниковъ-портретистовъ. В числѣ наиболѣе замѣчательныхъ его произведеній значится и портретъ Пушкина, написанный имъ въ Москвѣ въ 1827 году, по заказу друга поэта, С. А. Соболевскаго. На немъ Пушкинъ изображенъ съ знаменитымъ перстнемъ-талисманомъ, подареннымъ ему въ 1824 году въ Одессѣ гр. Е. К. Воронцовою. Помимо этого «парадного» портрета (см. рис. 117) имѣется еще этюдъ, сохраненный Тропининымъ у себя, послѣ его смерти доставшійся Алексѣеву, у него купленный Н. М. Смирновымъ, а послѣ смерти послѣдняго подаренный Соболевскому. Этюдъ этотъ пріобрѣлъ извѣстность только въ самые послѣдніе годы.

«Парадный» портретъ имѣетъ также свою исторію *(ц. 626)*.

Рис. 182.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

1804—1857.

Величайшій русскій композиторъ, положившій начало русской національной самобытной музыкѣ и въ ней достигшій никѣмъ впослѣдствіи непревзойденныхъ вершинъ. Пушкинъ познакомился съ Глинкою, когда тотъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ братомъ его, Львомъ; встрѣчался затѣмъ съ Глинкою у Олениныхъ, у А. П. Кернъ, у Дельвига, у Жуковскаго; наконецъ, самъ бывалъ у ставшаго уже знаменитымъ музыканта. Глинка неоднократно клалъ на музыку стихи Пушкина. На грузинскій мотивъ, сообщенный Глинкѣ Грибоѣдовымъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Не пой, красавица, при мнѣ». Пушкинъ зналъ о желаніи Глинки написать оперу на сюжетъ «Руслана и Людмилы» и готовъ былъ для этой цѣли, какъ говорилъ композитору, многое передѣлать въ своей поэмѣ. Извѣстное участіе принялъ Пушкинъ, можетъ быть, и въ подготовкѣ той оперы Глинки, которая была поставлена подъ конецъ жизни поэта и которая писалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Жуковскаго. Пушкинъ былъ на первомъ представленіи «Жизни за Царя», 27 ноября 1836 года, и участвовалъ въ составленіи «канона въ честь М. И. Глинки», сочиненнаго по этому поводу на обѣдѣ у А. Всеволожскаго: одинъ изъ куплетовъ «канона» (который именно — вопросъ спорный) написанъ Пушкинымъ.

Рис. 184.

Орестъ Адамовичъ Кипренскій.

1785—1836.

Автопортретъ.

Портретистъ и историческій живописецъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ, когда-либо являвшихся въ Россіи. Побочный сынъ бригадира Дьяконова, родился въ семьѣ дворового человѣка Дьяконова — Адама Швальбе, былъ крещенъ въ Копорьѣ, отчего получилъ прозвище Копорскаго, позднѣе измѣненное въ фамилію Кипренскій. За свои способности къ рисованію былъ въ 1798 году отпущенъ Дьяконовымъ на волю и опредѣленъ въ воспитанники Императорской Академіи художествъ, которую окончилъ въ 1803 году, а въ 1812-мъ уже самъ получилъ званіе академика. Во время заграничной командировки, на счетъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, пріобрѣлъ въ Италіи такую извѣстность, что его портретъ, написанный имъ самимъ, по предложенію Флорентійской академіи, былъ помѣщенъ въ Уффици въ собраніи портретовъ знаменитыхъ художниковъ. Современники называли Кипренскаго «русскимъ Ванъ-Дейкомъ», но онъ, взявъ все лучшее какъ у своихъ русскихъ учителей, Угрюмова и Левицкаго, такъ и у знаменитыхъ иностранныхъ мастеровъ, создалъ свой собственный стиль.—Во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, до отъѣзда въ Италію, гдѣ Кипренскій и умеръ, онъ жилъ въ домѣ гр. Шереметьева на Фонтанкѣ. Здѣсь, по преданію, Пушкинъ позировалъ художнику для его знаменитаго портрета, въ 1827 году. Портретъ этотъ (см. рис. 133) особенно нравился современникамъ: о достоинствахъ его свидѣтельствовали такіе близкіе къ Пушкину люди, какъ отецъ и Пущинъ.

◇ *РИС. 181* ◇

621. Кн. П. А. Вяземскій — женѣ, 30 іюня 1836 г.

Сейчасъ разбудилъ меня Віельгорскій *(Мих. Ю.)*. Жена его все еще въ Дрезденѣ. Онъ сегодня крститъ у Пушкина *(дочь Наталья, родилась 23 мая 1836 г.)*. Развѣ для крестинъ покажется жена его, а то все еще сидитъ у себя наверху. Вижу и кланяюсь съ нею только черезъ окошко.

622. В. В. Ленцъ, «Приключенія лифляндца въ Петербургѣ», «Русск. Арх.», 1878.

Графы Віельгорскіе наняли на островахъ Кочубееву дачу... Здѣсь я видѣлъ картину, выступавшую изъ предѣловъ дѣйствительности и возможную развѣ въ «Оберонѣ» Виланда... Послѣ обѣда доложили, что двѣ дамы, пріѣхавшія верхами, желаютъ поговорить съ графами... На высокомъ конѣ, который не могъ стоять на мѣстѣ и нетерпѣливо рылъ копытомъ землю, граціозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; съ нею были ея сестра и Дантесъ. Графъ сталъ усердно приглашать ихъ войти. «Некогда!», былъ отвѣтъ. Прекрасная женщина хлестнула по лошади, и маленькая кавалькада галопомъ скрылась за березами аллеи. Это было словно какое-то идеальное видѣніе!

◇ *РИС. 182* ◇

623. В. А. Жуковскій — Пушкину, 1827 г.

У меня будутъ нынче ввечеру, часовъ въ десять, Глинка, Одоевскій и Розенъ, для нѣкотораго совѣщанія. Ты тутъ необходимъ. Приходи, прошу тебя. Приходи непремѣнно.

624а. М. И. Глинка, «Записки».

Около этого времени *(1827 г.)* я часто видѣлся съ извѣстнѣйшимъ поэтомъ нашимъ Алекс. Серг. Пушкинымъ (который хаживалъ и прежде того къ намъ въ пансіонъ къ брату своему, воспитывавшемуся со мною въ пансіонѣ) и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины.

624б. КАНОНЪ ВЪ ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ, 1836.

Пушкинъ.

Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Кн. Вяземскій.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея — Глинку —
Отъ Неглинной — до Невы!

Жуковскій.

Въ честь столь славныя новинки
Грянь, труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стаканъ.

Гр. Віельгорскій.

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь!

Текстъ этотъ былъ сообщенъ редакціи «Русской Старины» С. А. Соболевскимъ при слѣдующей замѣткѣ: «Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка почтовой бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ 13 декабря 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго».

625. А. О. Смирнова, «Записки», 1826—1845 гг.

Листъ обѣдалъ у меня съ Віельгорскими, Одоевскимъ и Глинкою. Онъ игралъ à livre ouvert партію оркестра изъ «Руслана и Людмилы», послѣ чего Глинка спѣлъ ему разбитымъ голосомъ пѣснь пѣснен. Я перевела стихи Пушкина. Листъ закрылъ рояль, говоря: «Послѣ этого нельзя ничего слушать, это перлъ поэзіи и музыки». Глинка былъ очень доволенъ, и мы вздохнули, думая объ Искрѣ.

◇ *РИС. 183* ◇

626. М. П. Погодинъ, «Дневникъ».

С. А. Соболевскій, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ Пушкину, заказалъ на память его портретъ Тропинину... Написанный портретъ долго красовался у него въ великолѣпной, золоченой рамѣ. Выѣзжая за границу, Соболевскій оставилъ портретъ вмѣстѣ съ библіотекой одному общему нашему пріятелю *(П. В. Кирѣевскому)*, имѣвшему собственный домъ. Этотъ пріятель, оставляя свой домъ, передалъ библіотеку и портретъ другому, также общему нашему пріятелю *(С. П. Шевыреву)*. У котораго-то изъ нихъ — перваго или второго — крѣпостной живописецъ (я помню, его звали Александромъ) выпросилъ портретъ для снятія копіи и возвратилъ не портретъ, а копію. Пріятелю тому и другому не пришлось взглянуть на возвращенный портретъ, и онъ остался у нихъ не на глазахъ. С. А. Соболевскій воротился черезъ пять лѣтъ изъ за-границы. Плутня объяснилась вскорѣ. Копію онъ бросилъ.

(Лишь въ 50-хъ годахъ портретъ неожиданно появился въ Москвѣ у антиквара и признанъ Тропининымъ за подлинный. Первоначально пріобрѣтенный М. А. Оболенскимъ, онъ въ 1909 г. поступилъ въ Третьяковскую галлерею).

◇ *РИС. 184* ◇

627. «ЛЮБИМЕЦЪ МОДЫ ЛЕГКОКРЫЛОЙ», (О. А. Кипренскому), 1827.

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ —
Ты вновь создалъ, волшебникъ милой,
Меня, питомца скромныхъ Музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но чудо: зеркало мнѣ льститъ,
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ, —
Оно гласитъ, что не унижу
Пристрастья чистыхъ Аонидъ...

628. П. А. Катенинъ — Пушкину, 1828 г.

Какъ твой портретъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» хорошъ и похожъ: чудо!

Рис. 185.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
1804—1860.

Съ портрета В. М. Васнецова.

Замѣчательный поэтъ и выдающійся богословъ; многосторонне одаренный и энциклопедически образованный человѣкъ; одинъ изъ основоположниковъ славянофильства. Ближе познакомился съ Пушкинымъ въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ, гдѣ въ присутствіи Пушкина читалъ своего «Ермака». Въ домѣ Хомякова было отпраздновано, при участіи Пушкина, рожденіе «Московскаго Вѣстника». Пушкинъ сочувственно слѣдилъ за творчествомъ Хомякова, но относился къ его драматическому дарованію критически. «Ермакъ» есть картина мозаическая, — писалъ Пушкинъ, — не настоящая, есть алмазы, но и много стеколъ. «Ермакъ» лирическое произведеніе юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Все въ немъ чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи». — Описаніе идейныхъ столкновеній славянофильствующаго Хомякова съ Пушкинымъ сохранилось въ Запискахъ А. О. Россетъ-Смирновой.

Рис. 187.
Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
1814—1841.

Съ копіи В. Г. Перова, писанной по оригиналу Заблоцкаго.

Великій русскій поэтъ, слава котораго родилась со смертью Пушкина. Пламенные бичующіе стихи Лермонтова «Смерть поэта», написанные имъ немедленно послѣ того, какъ вѣсть о трагической кончинѣ Пушкина разнеслась по городу, «возвѣстили, по слову графа В. А. Соллогуба, Россіи о появленіи новаго поэта». За дополнительныя строфы къ этимъ стихамъ, направленныя противъ петербургскаго свѣта, Лермонтовъ былъ сосланъ на Кавказъ.

«Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата!
«Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
«Онъ недоступенъ звону злата,
«И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
«Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью,
«Оно вамъ не поможетъ вновь,
«И вы не смоете всей вашей черной кровью
«Поэта праведную кровь!»

Встрѣчался ли Лермонтовъ лично съ Пушкинымъ? Освѣдомленный біографъ Лермонтова Висковатый утверждаетъ, что Лермонтовъ «благоговѣлъ передъ его геніемъ и весьма незадолго до дуэли познакомился съ нимъ лично. Поэты встрѣчались въ литературныхъ кружкахъ». Лермонтовъ любилъ Пушкина, «пожалуй, это даже единственный человѣкъ, котораго онъ такъ сильно любилъ, и смерть котораго была большимъ горемъ для Лермы», пишетъ А. О. Смирнова. Пушкинъ несомнѣнно знакомъ былъ съ стихотвореніями Лермонтова. По словамъ В. С. Глинки, Пушкинъ призналъ ихъ «блестящими признаками высокаго таланта». Та же А. О. Смирнова влагаетъ въ уста Пушкина слѣдующее любопытное утвержденіе его о Лермонтовѣ: «Если бы его сослали въ деревню, это бы принесло ему такую же пользу, какъ и мнѣ. Я сознаю, что мое изгнаніе сослужило мнѣ большую пользу. Онъ долженъ работать, очевидно, онъ не отдаетъ себѣ отчета въ своемъ талантѣ».

Рис. 186.
Александръ Ивановичъ Полежаевъ.
1805—1838.

Съ гравюры изъ собранія Д. А. Ровинскаго.

Даровитый, но незадачливый поэтъ, незаконный сынъ помѣщика Струйскаго, человѣка страстнаго и невоздержнаго, кончившаго жизнь въ ссылкѣ, въ Сибири. Получилъ хорошее образованіе, но университета не закончилъ, такъ какъ навлекъ на себя гнѣвъ Императора Николая за неприличную шуточную поэму «Сашка», въ которой Государь, по связи съ декабрьскимъ возстаніемъ, заподозрилъ и политическій характеръ. Полежаева спасъ прекрасный отзывъ министра народнаго просвѣщенія и онъ былъ отданъ унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Москвѣ, съ сохраненіемъ права на чинъ по образованію и на личное дворянство. Полежаевъ не смирился, ушелъ самовольно изъ полка, чтобы лично подать Государю просьбу о помиловніи; одумавшись, вернулся, но былъ разжалованъ въ солдаты; съ отчаянія запилъ и оскорбилъ фельдфебеля, за что ему грозило жестокое наказаніе, но онъ былъ помилованъ Государемъ. Попавъ съ полкомъ на Кавказъ, онъ участвовалъ въ военныхъ операціяхъ и за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. По возвращеніи въ Москву сблизился съ семьею помѣщика Бибикова и полюбилъ его дочь, но не могъ уже оторваться отъ губительныхъ привычекъ, вскорѣ тяжко заболѣлъ и умеръ отъ чахотки, получивъ передъ самою смертью производство въ офицерскій чинъ. Въ творчествѣ своемъ обнаружилъ большую неровность, свойственную характеру его, имѣвшему, однако, много плѣнительныхъ чертъ. На кончину Пушкина откликнулся двумя стихотвореніями: «На смерть Пушкина» и «Вѣнокъ на гробъ Пушкина».

Рис. 188.
Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.
1803—1873.

Геніальный поэтъ-мыслитель, начавшій свою литературную дѣятельность еще при жизни Пушкина. Хотя Тютчевъ и сложился подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Пушкина и его плеяды, онъ сумѣлъ, еще будучи семнадцатилѣтнимъ юношею, въ 1820 году, возвысить свой твердый, независимый и предостерегающій голосъ по поводу пушкинской «Оды на вольность». «Счастливъ — кто гласомъ твердымъ, смѣлымъ, забывъ ихъ санъ, забывъ ихъ тронъ, вѣщать сердцамъ оцѣпенѣлымъ святыя истины рожденъ. И ты великимъ симъ удѣломъ, о, музъ питомецъ, награжденъ. Воспой и силой сладкогласья разнѣжь, растрогай, преврати друзей холодныхъ самовластья въ друзей добра и красоты. Но гражданъ не смущай покою и блеска не мрачи вѣнца, пѣвецъ! Подъ царскою парчею смягчай, а не тревожь сердца». Чрезъ Вяземскаго собраніе стиховъ Тютчева, жившаго съ 1822 года заграницею, попало въ руки Жуковскаго и Пушкина, который помѣстилъ въ «Современникѣ» въ 1836 году 16 стихотвореній Тютчева подъ общимъ заголовкомъ: «Стихотворенія, присланныя изъ Германіи», помѣтивъ ихъ иниціалами Ѳ.Т.—На смерть Пушкина Тютчевъ отозвался стихотвореніемъ, являющимся, можетъ быть, самымъ значительнымъ изъ всего написаннаго подъ впечатлѣніемъ этого горестнаго событія.

◇ *РИС. 185* ◇

629. А. С. Хомяковъ — Н. М. Языкову, февраль 1837 г.

Причины къ дуэли порядочной не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнью, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ всякими мерзостями; самъ же онъ чувствовалъ себя униженнымъ и не имѣлъ ни довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ нимъ помириться...

Пушкина убили непростительная вѣтреность его жены (кажется, только вѣтреность) и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этого и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а пристalъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой высокій даръ и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся, если ему суждено было проснуться...

◇ *РИС. 186* ◇

630. А. И. Полежаевъ, «Вѣнокъ на гробъ Пушкина», 1837.

Тогда, тогда въ садахъ Лицея,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя,
Расцвѣлъ нашъ дивный корифей...
И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній,
Возсталъ, какъ новая стихія,
Могучъ, и славенъ, и великъ, —
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ.

Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,—
И вдругъ поражены невольнымъ содроганьемъ
И душу намъ наполнилъ страхъ.
Высоко надъ главой поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный,
И Пушкинъ — трупъ и Пушкинъ — прахъ!
Онъ прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробудимый!
Угасъ, и навсегда, мильонами любимый,
Державы сѣверной Баянъ!
Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды,
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!..

◇ *РИС. 187* ◇

631. А. О. Смирнова, «Записки», 1826-1845 гг. Пушкинъ о Лермонтовѣ.

Въ качествѣ добраго патріота я счастлива, когда нахожу талантъ и предвижу будущность у начинающаго собрата. Надѣюсь, что Лермонтовъ создастъ не мало шедевровъ, онъ обладаетъ всѣмъ, что нужно, чтобы сдѣлаться великимъ лирическимъ поэтомъ, у него бываютъ дивные стихи; только ему слѣдуетъ читать, размышлять, учиться, сосредоточиваться и не подражать болѣе Байрону, нежели того какъ онъ подражалъ Шиллеру. Жуковскій его лучшій руководитель, какъ былъ и моимъ.

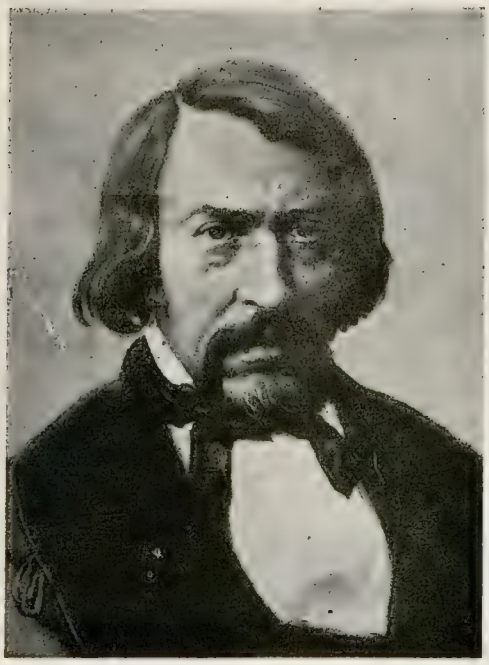
632. Н. Д. Юрьевъ, въ передачѣ В. П. Бурнашева, «Русск. Арх.», 1872.

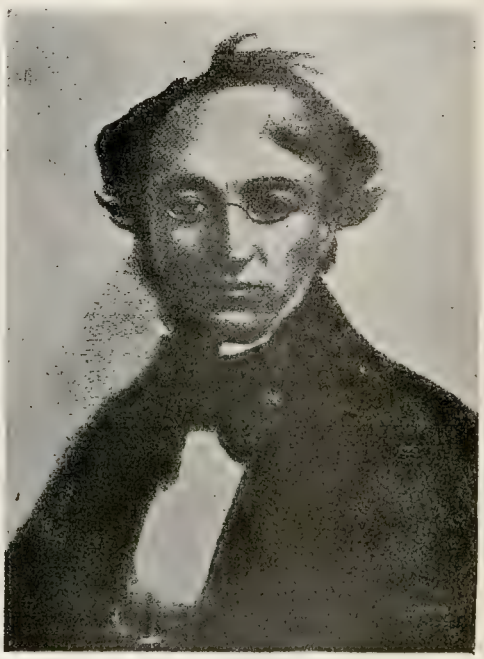
Какъ только Пушкинъ умеръ, Лермонтовъ... написалъ извѣстное теперь почти всей Россіи стихотвореніе на смерть Пушкина... Лермонтовъ не на шутку озлился, когда до него стали доходить слухи о томъ, что въ высшемъ нашемъ обществѣ, идутъ толки о томъ, что въ смерти Пушкина винить надо его самого... Лермонтовъ занемогъ даже. Бабушка испугалась... заѣхалъ Н. Ф. Арндтъ и, не прописывая никакихъ лѣкарствъ, вполнѣ успокоилъ нашего капризнаго больного своею бесѣдою, разсказавъ ему всю печальную эпопею тѣхъ двухъ съ половиною сутокъ съ 27 по 29 января, которые пострадалъ раненый Пушкинъ. Онъ все, все, все, что только происходило въ эти дни, часъ въ часъ, минуту въ минуту, разсказалъ намъ, передавъ самыя завѣтныя слова Пушкина. Нашъ другъ еще больше возлюбилъ своего кумира. Лермонтовъ находился подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда явился къ намъ нашъ родня Н. А. *(Столыпинъ)*... С. расхвалилъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина, но только говорилъ, что напрасно Мишель, апоѳеозируя поэта, придалъ слишкомъ сильное значеніе его невольному убійцѣ, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ того, что было между ними, не могъ не стрѣляться... «Майошка» нашъ его не слушалъ и, схвативъ листъ бумаги, что-то быстро по немъ чертилъ карандашемъ ломая одинъза другимъ и переломавъ такъ съ полъ-дюжины... Между тѣмъ С. собрался уходить и сказалъ Лермонтову: «adieu, Michel!», но нашъ Мишель закусилъ уже поводья... Онъ сердито взглянулъ на С. и бросилъ ему: «Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда»... Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій столько карандашей пока тутъ былъ С., и потомъ писавшій совершенно спокойно набѣло перомъ то, что въ присутствіи непріятнаго гостя писано имъ было такъ отрывисто, прочиталъ мнѣ тѣ стихи, которые начинаются словами: «А вы, надменные потомки».

◇ *РИС. 188* ◇

633. Ѳ. И. Тютчевъ, «На кончину Пушкина».

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ Высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.
А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о, тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И, осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тотъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь,
Тебя-жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!





РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА

Рис. 189.
Пушкинъ.

Портретъ И. Л. Линева.

Портретъ работы Линева былъ написанъ въ 1836 году, но въ теченіе пятидесяти лѣтъ оставался неизвѣстнымъ. Въ 1887 году былъ пріобрѣтенъ музеемъ Императорскаго Александровскаго Лицея, откуда въ 1917 году поступилъ въ Пушкинскій Домъ. — Портретъ выдѣляется своимъ исключительнымъ реализмомъ и совпадаетъ съ нѣкоторыми разсказами о наружности Пушкина; «такимъ былъ въ дѣйствительности Пушкинъ», — утверждаетъ С. Либровичъ, первый иконографъ Пушкина. Во всякомъ случаѣ, на портретѣ Линева отразился тотъ Пушкинъ, какимъ мы рисуемъ его себѣ въ тяжелыя минуты послѣднихъ лѣтъ его жизни, — измученнымъ и постарѣвшимъ.

Рис. 190.
Факсимиле Пушкина.

Изъ стихотворенія «ПАМЯТНИКЪ», 1836.

«Велѣнью Божію, о Муза будь послушна
«Обиды не страшась, не требуя вѣнца»...

Печать трагедіи лежала на союзѣ Пушкина съ Натальей Николаевной. «Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который ему и подходящъ. Жена его прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастья... Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ. У Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены — вся меланхолія отреченія отъ себя. Впрочемъ я видѣла эту красивую женщину всего только одинъ разъ». Такъ писала Вяземскому, тотчасъ по пріѣздѣ женатаго Пушкина въ Петербургъ (гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней въ ожиданіи устройства квартиры въ Царскомъ), графиня Фикельмонъ, дочь Е. М. Хитрово, женщина умная и наблюдательная. «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность», писала она же черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Наталья Николаевна была создана для семейнаго счастья и доказала это и жизнью съ Пушкинымъ и дальнѣйшею своею судьбою. Но она была молода, неопытна и такъ хороша, что какъ бы воплощала великій и страшный соблазнъ женской красоты. Въ условіяхъ свѣтской жизни этотъ соблазнъ необходимо оборачивался и противъ нея, увлекая на путь кокетства. Зашла ли она дальше, чѣмъ позволяла супружеская вѣрность? Нѣтъ основаній это предполагать. Ревность Пушкина была направлена противъ всѣхъ, кто къ его женѣ приближался, не исключая и Государя, но единственнымъ человѣкомъ, который дѣйствительно «смутилъ» ее, какъ это говорилъ и самъ Пушкинъ (il l'a troublé) былъ Дантесъ.

Если что и можно поставить въ упрекъ Натальѣ Николаевнѣ, то лишь, что она не сумѣла сама положить предѣлъ настойчивымъ ухаживаніямъ дерзкаго «шуана», не отказавшагося отъ мысли побѣдить ея сердце даже послѣ брака съ ея сестрою. «Бѣдная Натали не была ни хитрой ни тонкой кокеткой; она передавала Пушкину всѣ пошлости, которыя ей расточали, и это невыразимо мучило его; она воображала, что это верхъ чистосердечія, ей не приходило въ голову самой ввести дерзкаго въ приличныя границы», пишетъ А. О. Смирнова. «Сколько разъ мой мужъ,—продолжаетъ она,—просилъ ее не передавать Пушкину всѣхъ расточаемыхъ ей глупостей... она досадовала на него, не обращала вниманія на его совѣты». «Она,— писала о Наталіи Николаевнѣ Ек. Н. Мещерская,— увы, никогда не замѣчала, какъ страдалъ ея мужъ. Она безпрестанно заставляла его страдать, сама того не подозрѣвая, и, будучи на самомъ дѣлѣ безупречной, часто подавала поводъ къ разговорамъ... Она не поняла, что Пушкинъ не похожъ на тѣхъ снисходительныхъ мужей,—онъ не допускалъ, чтобы говорили объ его женѣ, хотя бы и невинной. Полетика говорилъ мнѣ вчера: «Пушкинъ, какъ Цезарь, не допускалъ даже разговоровъ о своей женѣ. И онъ былъ правъ». Что Наталья Николаевна была, въ сущности, жертвою, а не виновницею разыгравшейся драмы, видно лучше всего изъ того, что ближайшіе друзья Пушкина, какъ Нащокинъ и Вяземскій, продолжали дарить ее нѣжнѣйшею дружбою и послѣ смерти поэта. Скорбь еще возвысила и облагородила ея и внутренній и внѣшній обликъ. Вяземскій, чьимъ заботамъ обязаны мы прекрасными портретами Натальи Николаевны (въ томъ числѣ и портретомъ Гау) писалъ въ 1840 году: «Наталья Николаевна со дня на день прекраснѣе, милѣе и ненагляднѣе. Она и всегда была такая красавица, что ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать, но теперь нашла на нее такая тихая и свѣтлая благодать, что безъ умиленія на нее не взглянешь».

Пушкинъ погибъ, защищая честь жены, но эта катастрофа является развязкою сложнаго узла жизни, расплести который онъ былъ не въ силахъ. Пушкинъ думалъ и объ отставкѣ, и о переѣздѣ въ деревню, и о поѣздкѣ заграницу; однако, онъ чувствовалъ себя прикованнымъ къ Петербургу, къ «упоенью свѣта», къ отравленой столичной суетѣ, чары которой не утратили власти и надъ нимъ. Пусть внѣшнія условія его существованія не отвѣчали ни потребностямъ его духа, ни его имущественнымъ возможностямъ, пусть ихъ гнетъ былъ для него порою нестерпимъ — выхода онъ найти не могъ! Это и придаетъ катастрофѣ внутренній смыслъ: смерть явилась для Пушкина освобожденіемъ духа отъ путъ, которыя онъ не въ состояніи былъ разрѣшить на пугяхъ жизни...

Пушкинъ уже съ давнихъ поръ горько и сурово задумывался надъ своимъ прошлымъ: незабываемы сокрушенно-скорбныя строки «Воспоминанія» 1828 года; а черезъ два года онъ писалъ: «Многое я желалъ бы уничтожить, какъ недостойное даже и моего слабаго дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ совѣсти моей»... Все строже и строже относится Пушкинъ къ своему дару и подъ кончецъ жизни яснѣе становится ему, что выполненіе призванія поэта обезпечивается лишь однимъ:

«Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!»

Куда же звалъ этотъ повелительный зовъ? Много струнъ звучитъ въ душѣ «линевскаго» Пушкина...

Наступила послѣдняя въ жизни Пушкина лицейская годовщина. Онъ, какъ обычно, привѣтствовалъ ее стихами. Вотъ первыя ихъ строфы:

«Была пора: нашъ праздникъ молодой
«Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
«И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
«И тѣсною сидѣли мы толпой.
«Тогда, душой безпечные невѣжды,
«Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
«Мы пили всѣ за здравіе Надежды,
«И юности, и всѣхъ ея затѣй.

«Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
«Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился:
«Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
«Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
«Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
«Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
«И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
«И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

«Всему пора...»

Преданіе гласитъ, что Пушкинъ началъ и не кончилъ чтенія этихъ стиховъ, оборвавъ ихъ рыданіемъ.

Въ тоже время Пушкинъ жаждетъ жить и работать. За три дня до смерти онъ говоритъ Далю: «Я только что перебѣсился, я еще буду много работать». И онъ же не только провидитъ бурю, собирающуюся надъ нимъ, но въ тайникахъ души даже художественно ее вынашиваетъ, давая ей благостно-примиренное истолкованіе, столь свойственное его генію. Случайность ли, что Пушкинъ теперь даетъ Краевскому напечатать давно написанное имъ стихотвореніе «Аквилонъ»?

«Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
«Тростникъ болотный долу клонишь?

«Зачѣмъ на дальній небосклонъ
«Ты облако столь гнѣвно гонишь?

«Недавно черныхъ тучъ грядой
«Сводъ неба глухо облекался;
«Недавно дубъ надъ высотой
«Въ красѣ надменной величался.

«Но ты поднялся, ты взыгралъ,
«Ты прошумѣлъ грозой и славой:
«И бурны тучи разогналъ
«И дубъ низвергнулъ величавой.

«Пускай же солнца ясный ликъ
«Отнынѣ радостью блистаетъ,
«И облакомъ зефиръ играетъ,
«И тихо зыблется тростникъ».

Чудится что-то символическое въ томъ, что именно это стихотвореніе было послѣднимъ, напечатаннымъ при жизни Пушкина. И ужъ совсѣмъ не символически звучатъ послѣдніе написанные Пушкинымъ стихи—его знаменитое обращеніе къ женѣ:

«Пора мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ
«Летятъ за днями дни и каждый день уноситъ
«Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
«Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ.
«На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
«Давно завидная мечтается мнѣ доля,
«Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
«Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Многозначительна и конспективная приписка Пушкина: «О скоро-ли перенесу я мои пенаты въ деревню—поля, сады, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь etc.—религія, смерть».

Какого же покоя проситъ душа Пушкина? Опять таки, случайность ли, что Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи говоритъ словами своего же «Странника», «какъ рабъ, замысливший отчаянный побѣгъ?»—«Обитель дальняя», куда нынѣ Пушкинъ «замыслилъ побѣгъ» — на земныхъ путяхъ можно ли ее достигнуть?

Много струнъ звучало въ душѣ Пушкина, когда зрѣла его гибель. Пусть всѣ онѣ на короткое время умолкли, когда, обуреваемый страстью мщенія, Пушкинъ писалъ свое страшное письмо Геккерену. Но, какъ всегда бывало у Пушкина: бросивъ вызовъ смерти, онъ спокойно и мужественно пошелъ ей навстрѣчу. А потомъ, когда онъ взглянулъ ей въ глаза, уже наново зазвучали всѣ лучшія струны пушкинской души, впервые обнаруживъ такую красоту ея, какой не ожидали видѣть даже ближайшіе друзья великаго поэта.

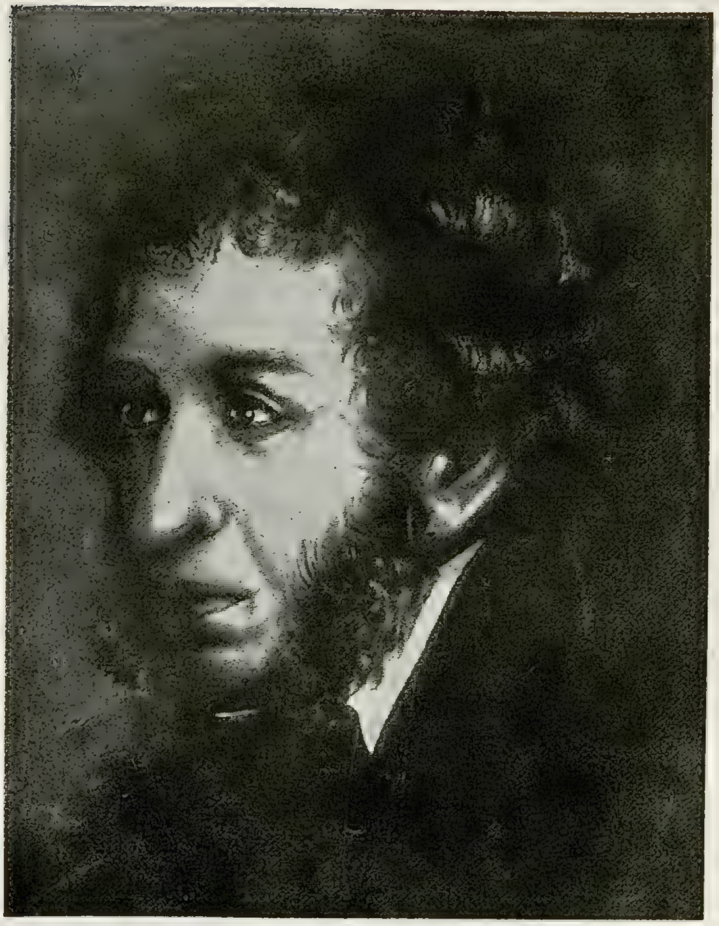
◇ *РИС. 189 — ЦИТАТЫ* ◇

634. ПУШКИНЪ — ЖЕНѢ.

8 ноября 1833 г., изъ Болдина. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу, — для чего? — Для тебя, женка; чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибазляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности...

29 мая 1834 г., изъ Петербурга. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ... Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. — Вотъ тебѣ и моралъ. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадочъ мнѣ? Что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?..

8 іюня. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя... Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя нещастливъ. Но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже,



Веленью божию
~~Призванью своему~~, о муза будь послушна
Обиды не страшась, не требуя венца,

опутать себя денежными обязательствами. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни...

13 іюля. Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка.

635. Н. М. Колмаковъ, «Очерки и воспоминанія», «Русск. Стар.», 1891.

(1834-1836). Въ числѣ гулявшей по Невскому публики почасту можно было примѣтить и А. С. Пушкина, но онъ, останавливая и привлекая на себя взоры всѣхъ и каждаго, не поражалъ своимъ костюмомъ, напротивъ шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его тоже была старенькая. Я не погрѣшу передъ потомствомъ, если скажу, что на его бекешѣ сзади на таліи недоставало одной пуговки. Отсутствіе этой пуговки меня каждый разъ смущало, когда я встрѣчалъ А. С-ча и видѣлъ это. Ясно, что около него не было ухода.

636. Пушкинъ — П. В. Нащокину, начало января 1835 г., изъ Петербурга.

Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни; ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобою увидѣться! много бы я тебѣ наговорилъ; много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ.

637. «О НИЧТОЖЕСТВѢ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ», черновой набросокъ, 1830-1834 гг.

Ничто не могло быть противоположнѣе Поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противу Господствующей Религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, озладѣлъ и стихами, какъ важною отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Эпопею, съ намѣреніемъ очернить Католицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица кстати и некстати выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта легкость казалась верхомъ поэзіи. Наконецъ, и онъ однажды въ своей старости становится поэтомъ, когда весь его разрушительный Геній со всею свободою излился въ циническої поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву Демону смѣха и іроніи, греческая древность осмѣяна, святыня обоихъ Завѣтовъ обругана...

638. «НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ», 1830.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая лапой пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

639. Н. М. Смирновъ, «Изъ памятныхъ замѣтокъ», 1882.

Познакомясь съ Пушкинымъ въ 1828 году и живя въ одномъ кругу, я съ нимъ очень сблизился и коротко его узналъ; поэтому я изъ числа тѣхъ людей, которые могутъ дать вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Я не встрѣчалъ людей, которые были бы вообще любимы, какъ Пушкинъ; всѣ пріятели его дѣлались скоро его друзьями. Онъ знакомился скоро и, когда ему кто нравился, онъ дружился искренно. Въ большомъ кругу онъ былъ довольно молчаливъ, серьезенъ, и толстыя губы давали ему видъ человѣка надувшагося, сердитаго; онъ стоялъ въ углу, у окна, какъ будто не принимая участія въ общемъ веселіи. Но въ кругу пріятелей онъ былъ совершенно другой человѣкъ: лицо его прояснялось, онъ былъ удивительной живости, разговорчивъ, разсказывалъ много, всегда ясно, сильно, съ рѣзкими выраженіями, но какъ будто запинаясь и часто съ нервическими движеніями, какъ будто ему неловко было сидѣть на стулѣ. Онъ любилъ также слушать, принималъ участіе въ разсказахъ и громко, увлекательно смѣялся, показывая свои прекрасные бѣлые зубы. Когда онъ былъ грустенъ, что часто случалось въ послѣдніе годы его жизни, ему не сидѣлось на мѣстѣ; онъ отрывисто ходилъ по комнатѣ, опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и протяжно напѣвая: «грустно! тоска!» Но веселый анекдотъ, остроумное слово, развеселяли его мгновенно; онъ вскрикивалъ съ удовольствіемъ: «славно» и громко хохоталъ. Онъ былъ самаго снисходительнаго, добраго нрава: обыкновенно онъ высказывалъ мало колкости, въ своихъ сужденіяхъ не былъ рѣзокъ; своихъ друзей онъ защищалъ съ необыкновеннымъ жаромъ; зато нѣсколькими словами уничтожалъ тѣхъ, которыхъ презиралъ, и людей, его оскорбившихъ. Но самый гнѣвъ его былъ непродолжителенъ, и когда сердце проходило, онъ дѣлался только хладнокровнымъ къ своимъ врагамъ.

640. А. О. Смирнова, «Записки», 1826-1845 гг.

Толковали мы о Пушкинѣ, который и его *(Жуковскаго)* также заботитъ, несмотря на свою доброту, на свое благодушіе, Жуковскій недоволенъ всѣми окружающими Пушкина, его семьей; онъ говоритъ, что отецъ его имъ гордится, но онъ не понимаетъ, что роль управляющаго не къ лиц

◇ *РИС. 189 — ПРОДОЛЖЕНІЕ* ◇

его сыну, что Пушкинъ въ этомъ ничего не смыслитъ и что это даже его раздражаетъ. онъ чувствуетъ, что ни до какихъ практическихъ результатовъ добиться не можетъ. Левъ Пушкинъ мальчишка, онъ обижаетъ брата, но совершенно безсиленъ, равно, какъ и Ольга Павлищева и мужъ ея, который не можетъ быть полезнымъ.

Сегодня утромъ я встрѣтила бѣднаго Пегаса въ англійскомъ магазинѣ, куда ѣздила купить себѣ дорожный мѣшокъ. Онъ сказалъ мнѣ: «Увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ, вашъ же бояринъ Николай меня соблазняетъ. Не далѣе какъ вчера онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить съ Государемъ, сообщить ему о всѣхъ моихъ невзгодахъ, просить у него заграничнаго отпуска. Но все семейство подниметъ гвалтъ. Я смотрю на Неву и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ... Еслибъ я это сдѣлалъ, что бы сказали? Сказали бы: онъ корчитъ изъ себя Байрона. Мнѣ кажется, что мнѣ сильнѣе хочется уѣхать, о ч е н ь, о ч е н ь д а л е к о, чѣмъ въ ранней молодости, когда я просидѣлъ два года въ Михайловскомъ, одинъ на одинъ съ Ариной, вмѣсто всякаго общества. Впрочемъ, у меня есть предчувствія, я думаю, что уже недолго проживу. Со времени кончины моей матери я много думаю о смерти, я уже въ первой молодости много думалъ о ней».

Я отвѣчала: «Что за пустяки, вы совершенно здоровы и проживете достаточно долго, чтобы осмотрѣть всю Европу, въ мельчайшихъ подробностяхъ».

Онъ улыбнулся очень, о ч е н ь грустно.

— А пока — во мнѣ сидитъ убѣжденіе, что какой-то рокъ удерживаетъ меня въ Петербургѣ, когда мнѣ именно теперь бы слѣдовало уѣхать съ женою въ деревню, по крайней мѣрѣ на годъ. Но это невозможно.

Послѣ этого онъ, по своему обыкновенію, началъ шутить, трунить надъ своими предчувствіями.

641. Гр. А. Д. Блудова, «Русск. Арх.», 1889.

Сколько тѣней возстаетъ около меня и роится въ моей памяти!... Вотъ и Пушкинъ, съ своимъ веселымъ, зализающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ — растерзанный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души.

642. В. П. Бурнашевъ, «Воспоминанія», «Русск. Арх.», 1872.

(4 декабря 1836 г. у Греча, на именинахъ его жены), Пушкинъ, какъ замѣтили многіе, былъ не въ своей тарелкѣ, на его впечатлительномъ лицѣ отражалась мрачная задумчивость. Пробывъ у Греча съ полчаса, Пушкинъ удалился. Гречъ самъ прозодилъ его въ прихожую, гдѣ лакей Пушкина подалъ ему медвѣжью шубу и на ноги надѣлъ мѣховые сапоги. — «Все словно бьетъ лихорадка, — говорилъ онъ, закутываясь, — все какъ-то вездѣ холодно и не могу согрѣться; а порой вдругъ невыносимо жарко. Нездоровится что-то въ нашемъ медвѣжьемъ климатѣ. Надо на югъ, на югъ!»

643. П. А. Плетневъ—Я. К. Гроту, 24 фев. 1842 г.

Написать записки о моей жизни мнѣ завѣщалъ Пушкинъ у Обухова моста во время прогулки за нѣсколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религіозное настроеніе. Онъ говорилъ со мною о судьбахъ Промысла, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благозоленія ко всѣмъ, видѣлъ это качество во мнѣ, завидовалъ моей жизни.

644. В. А. Жуковскій — гр. А. Х. Бенкендорфу, черновикъ, 1837 г.

Я перечиталъ всѣ письма, имъ *(Пушкинымъ)* отъ Вашего сіятельства полученныя: во всѣхъ нихъ, долженъ сказать, выражается благое намѣреніе. Но сердце мое сжималось при этомъ чтеніи. Во всѣ эти двѣнадцать лѣтъ, прошедшія съ той минуты, въ которую Государь такъ великодушно его присвоилъ, его положеніе не измѣнилось: онъ все былъ, какъ буйный мальчикъ, которому страшишься дать волю, подъ строгимъ мучительнымъ надзоромъ... Онъ написалъ «Годунова», «Полтаву», свои оды «Къ клеветникамъ Россіи», «На взятіе Варшавы»... а въ сужденіи объ немъ все указывали на его оду «Къ свободѣ», «Кинжалъ», написанный въ 1820 году и, въ 36-лѣтнемъ Пушкинѣ видѣли 22-лѣтняго... Подумайте сами, каково было бы Вамъ, когда бы Вы въ зрѣлыхъ лѣтахъ были обременены такою сѣтью, видѣли каждый шагъ Вашъ истолкованнымъ предубѣжденіемъ, не имѣли возможности произвольно перемѣнить мѣсто безъ навлеченія на себя подозрѣнія или укора. Въ Вашихъ письмахъ нахожу выговоры за то, что Пушкинъ поѣхалъ въ Москву, что Пушкинъ поѣхалъ въ Арзрумъ. Но какое же это преступленіе? Пушкинъ хотѣлъ поѣхать въ деревню на житье, чтобы заняться въ покоѣ литературою, ему было въ томъ отказано подъ тѣмъ видомъ, что онъ служилъ, а дѣйствительно потому, что не вѣрили. Но въ чемъ же была его служба? Въ томъ единственно, что онъ былъ причисленъ къ Иностранной коллегіи. Какое могло бы быть ему дѣло до Иностранной коллегіи? Его служба была его перо, его Петръ Великій, его поэмы, его произведенія, коими бы ознаменовалось нынѣшнее славное время. Для такой службы нужно свободное уединеніе. Какое спокойствіе могъ онъ имѣть съ своей пылкою, огорченною душой, съ своими стѣсненными домашними обстоятельствами, посреди того свѣта, гдѣ все тревожило его суетность, гдѣ было столько раздражительнаго для его самолюбія, гдѣ, наконецъ, тысячи презрительныхъ сплетней, изъ сѣти которыхъ онъ не имѣлъ возможности вырваться, погубили его... Вы дѣлали изрѣдка свои выговоры... а эти выговоры, для Васъ столь мелкіе, опредѣляли цѣлую жизнь его; ему нельзя было тронуться съ мѣста свободно, онъ лишенъ былъ наслажденія видѣть Европу, ему нельзя было своимъ друзьямъ и своему избранному обществу читать свои произведенія, въ каждыхъ стихахъ его, напечатанныхъ не имъ, а издателемъ альманаха съ дозволенія цензуры было видно возмущеніе. Позвольте сказать искренно. Государь хотѣлъ своимъ особеннымъ покровительствомъ остепенить Пушкина и въ тоже время дать его Генію полное развитіе; а Вы изъ сего покровительства сдѣлали надзоръ, который всегда притѣснителенъ сколь бы впрочемъ ни былъ кротокъ и благороденъ (какъ все, что отъ Васъ истекаетъ).

Рис. 191.

Баронъ Жоржъ Дантесъ-Геккеренъ.
1812—1895.

Выходецъ изъ Франціи, откуда долженъ былъ эмигрировать какъ легитимистъ, послѣ іюльской революціи. Въ Петербургѣ былъ встрѣченъ хорошо, принятъ въ Кавалергардскій полкъ и скоро сталъ баловнемъ высшаго общества, особенно женщинъ, которыхъ умѣлъ плѣнять остроуміемъ и смѣлостью обращенія. Не отличаясь никакими, въ глазахъ свѣта, отталкивающими свойствами, вызвалъ расположеніе и со стороны товарищей по полку. По несчастью, выборъ блестящаго повѣсы остановился на Н. Н. Пушкиной, которую онъ преслѣдовалъ ухаживаніями, лишь подзадариваемый ея твердостью. Ограждая честь жены, Пушкинъ вызвалъ Дантеса на дуэль, но она была предотвращена. Казалось, самая возможность ея повторенія была устранена тѣмъ, что Дантесъ породнился съ Пушкинымъ, женившись на Ек. Н. Гончаровой. Легкомысліе и беззастѣнчивость Дантеса вызвали, однако, новый взрывъ бѣшенства со стороны Пушкина, сдѣлавшаго дуэль неустранимой. Послѣ дуэли Дантесъ былъ разжалованъ, лишенъ дворянства и высланъ. Онъ прожилъ заграницею долгую и безпечальную жизнь, получивъ при Наполеонѣ III званіе сенатора и составивъ себѣ состояніе участіемъ въ различныхъ предпріятіяхъ Второй Имперіи. Бракъ Дантеса съ Е. Н. былъ счастливымъ, но жена его умерла рано (въ 1843 году), отъ родовъ четвертаго ребенка.

Рис. 192.

Баронъ Луи де-Геккеренъ.
1791—1884.

Съ портрета Крихубера (1843 г.).

Нидерландскій посланникъ при русскомъ дворѣ; игралъ въ свѣтѣ замѣтную роль, но не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ. Въ 1833 году, на пути изъ Голландіи въ Петербургъ, встрѣтился съ Дантесомъ, лежавшимъ больнымъ въ небольшомъ германскомъ городкѣ, остановилъ на немъ свое вниманіе, оказалъ ему поддержку, а впослѣдствіи, съ согласія роднаго отца, усыновилъ его. «Низенькій старичекъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся» (Арк. О. Россетъ), онъ сыгралъ зловѣщую роль въ судьбѣ Пушкина, по малопонятнымъ мотивамъ прилагая свой злой и острый умъ, вліяніе и связи на неустанное поддержаніе нездоровой атмосферы въ семейной жизни Пушкиныхъ. «Старикъ Геккеренъ всячески заманивалъ Наталью Николаевну на скользкій путь,—пишетъ, очевидно, памятуя разсказы матери, А. П. Арапова.—Едва ей удастся избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, какъ всюду, преслѣдуя ее, какъ тѣнь, вырастаетъ опять передъ ней, искусно находя случаи нашептывать ей о безумной любви сына, способнаго, въ порывѣ отчаянія, наложить на себя руки, описывая картину его мукъ и негодуя на ея холодность и безсердечіе». Пушкинъ умеръ убѣжденный, что авторомъ анонимныхъ писемъ, послужившихъ послѣднимъ толчкомъ къ катастрофѣ, былъ Геккеренъ. Ему и было написано Пушкинымъ предѣльно рѣзкое письмо, которое потребовало крови.

Рис. 193.

Константинъ Карловичъ Данзасъ.
1798—1870.

Тозарищъ Пушкина по лицею; въ выпускѣ одинъ изъ послѣднихъ, наряду съ Пушкинымъ и Брольо, любимый однокашниками, какъ весельчакъ, но оставившій память лишь своимъ прекраснымъ почеркомъ, коимъ переписывалъ лицейскіе журналы, носившіе помѣту: «въ типографіи Данзаса». Вышелъ въ инженерныя войска; участвовалъ въ Персидской и Турецкой войнахъ, гдѣ проявилъ выдающуюся храбрость; былъ раненъ. Если бы не участіе въ дуэли Пушкина, принадлежалъ бы къ наименѣе замѣтнымъ его лицейскимъ товарищамъ. Но Данзасъ съ такою самоотверженностью принялъ на себя миссію секунданта Пушкина (ему за это грозила суровая кара) и затѣмъ послѣ дуэли показалъ такую любовь и преданность къ умирающему товарищу, что вызвалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и расположеніе. Къ сожалѣнію, онъ оказался только вѣрнымъ исполнителемъ воли Пушкина, но не былъ способенъ помѣшать дуэли. «Онъ могъ только аккуратнѣйшимъ образомъ размѣрить шаги для барьера, да зорко слѣдить за соблюденіемъ законовъ дуэли, но не только не сумѣлъ бы разстроить ее, даже обидѣлъ бы Пушкина малѣйшимъ возраженіемъ», говорилъ о немъ потомъ Нащокинъ. Пушкинъ передъ смертью очень безпокоился за участь Данзаса, называлъ его своимъ братомъ, подарилъ ему на память кольцо. Независимый, прямодушный, весельчакъ по натурѣ, Данзасъ умеръ въ 1870 г., какъ и жилъ, холостякомъ и въ бѣдности, хотя и вышелъ въ отставку генераломъ, съ мундиромъ и пенсіей.

Рис. 194.

Пистолеты сохранившіеся отъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

По фотографіи, снятой на парижской выставкѣ 1937 года.

«Въ ящикѣ лежатъ пистолеты, бывшіе на мѣстѣ дуэли 27 января 1837 года,—пишетъ М. Л. Гофманъ:—два пистолета, шомполъ, молотокъ, пороховница съ порохомъ, съ тѣмъ самымъ порохомъ, бѣлыя свинцовыя пули...

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ...

Исторія этихъ ящиковъ такова: ихъ одолжилъ д'Аршіаку, секунданту Дантеса, графъ Барантъ, сынъ французскаго посланника, и послѣ дуэли они сохранялись въ семьѣ Барантовъ (въ настоящее время они принадлежатъ Л. Шательперону). Такую же пару пистолетовъ купили Пушкинъ съ его секундантомъ—Данзасомъ. Изъ какой именно пары были взяты пистолеты для дуэли, сказать невозможно (больше основаній думать, что Пушкинъ былъ убитъ однимъ изъ тѣхъ пистолетовъ, которые находились на парижской выставкѣ); единственное, что можно утверждать совершенно категорически, это то, что одинъ изъ выставленыхъ пистолетовъ былъ во всякомъ случаѣ въ рукахъ Пушкина: поэтъ былъ смертельно раненъ пулей Дантеса прежде, чѣмъ онъ самъ выстрѣлилъ, и такъ какъ въ дуло его пистолета забился снѣгъ, то Данзасъ перемѣнилъ ему пистолетъ, взявъ изъ другого ящика (иначе говоря въ рукахъ Пушкина были пистолеты изъ обоихъ ящиковъ)».

◇ *РИС. 191* ◇

645. Н. М. Смирновъ, «Изъ памятныхъ замѣтокъ», «Русск. Арх.», 1882.

Красивой наружности, ловкій, веселый, забавный, болтливый, какъ всѣ французы, Дантесъ былъ вездѣ принятъ дружески, понравился даже Пушкину, далъ ему прозваніе Pacha à trois queues, когда однажды тотъ пріѣхалъ на балъ съ женою и ея двумя сестрами.

646. «ДНЕВНИКЪ», 26 янв. 1834 г.

Баронъ д'Антесъ и Маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ Гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

647. А. Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина», 1863.

По словамъ Данзаса, Дантесъ «при довольно большомъ ростѣ и пріятной наружности, былъ человѣкъ не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то врожденную способность нравиться всѣмъ съ перваго взгляда... Дантесъ пользовался хорошей репутаціей и заслуживалъ ее, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ».

648. М. Ю. Лермонтовъ, «Смерть поэта», 1837.

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ... спасенья нѣтъ!
Пустое сердце бьется ровно, —
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Изъ далека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку поднималъ!..

◇ *РИС. 192* ◇

649. Бар. Ѳ. Торнау, «Воспоминанія», «Истор. Вѣстн.», 1897.

Геккеренъ, несмотря на свою извѣстную бережливость, умѣлъ себя показать, когда требовалось сладко накормить нужнаго человѣка. Въ одномъ слѣдовало ему отдать справедливость: онъ былъ хорошій знатокъ въ картинахъ и древностяхъ, много истратилъ на покупку ихъ, мѣнялъ, перепродавалъ и всегда добивался овладѣть какой-нибудь рѣдкостью, которою потомъ любилъ дразнить другихъ, знакомыхъ ему, собирателей старинныхъ вещей... Былъ Геккеренъ уменъ; полагаю, о правдѣ имѣлъ свои собственныя, довольно широкія понятія... Въ дипломатическомъ кругу сильно боялись его языка.

650. Н. М. Смирновъ, «Памятныя замѣтки», «Русск. Арх.», 1882.

Геккеренъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли.

651. Императоръ Николай Павловичъ — Вел. Кн. Михаилу Павловичу, 3 февр. 1837 г.

Порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно: онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривалъ жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался къ сестрѣ Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна.

◇ *РИС. 193* ◇

652. Г. Б. Сенечкина; Неизданныя воспоминанія.

Дядя Константинъ Карловичъ унаслѣдовалъ совершенно французскій характеръ, веселый, беззаботный, безпечный, любилъ шутить и изощряться въ каламбурахъ.

653. Г. И. Филипсонъ, «Воспоминанія», «Русск. Арх.», 1884.

Подполковникъ Данзасъ былъ отличный боевой офицеръ, свѣтски образованный, но крайне лѣнивый и, къ сожалѣнію, притворявшійся roué *(повѣса)*.

654. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ, Подлинное Военно-судное дѣло.

Генералъ-Аудиторіатъ *(Высшій военный судъ)*... достаточнымъ полагалъ: вмѣнивъ ему, Данзасу, въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца и послѣ того обратить попрежнему на службу.

655. В. А. Нащокина, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1898.

Незадолго до смерти поэта мой мужъ заказалъ сдѣлать два одинаковыхъ золотыхъ колечка съ бирюзовыми камешками. Изъ нихъ одно онъ подарилъ Пушкину, другое носилъ самъ, какъ талисманъ, предохраняющій отъ насильственной смерти. Взамѣнъ этого поэтъ обѣщалъ прислать мнѣ браслетъ съ бирюзой, который я и получила уже послѣ его смерти при письмѣ Натальи Николаевны, гдѣ она объясняла, какъ безпокоился ея мужъ о томъ, чтобы этотъ подарокъ былъ врученъ мнѣ, какъ можно скорѣе. Когда Пушкинъ послѣ роковой дуэли лежалъ на смертномъ одрѣ и къ нему пришелъ секундантъ Данзасъ, то больной попросилъ его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Изъ нея онъ вынулъ бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказалъ:

— Возьми и носи это кольцо. Мнѣ его подарилъ нашъ общій другъ Нащокинъ. Это — талисманъ отъ насильственной смерти.

Впослѣдствіи Данзасъ въ большомъ горѣ разсказывалъ мнѣ, что онъ много лѣтъ не разставался съ этимъ кольцомъ, но одинъ разъ въ Петербургѣ въ сильнѣйшій морозъ, расплачиваясь съ извозчикомъ на улицѣ, онъ, снимая перчатку съ руки, обронилъ это кольцо въ сугробъ. Какъ ни искалъ его Данзасъ совмѣстно съ извозчикомъ и дворниками, найти не могъ.

Рис. 195.
Конецъ дуэли.
Рисунокъ К. Чичагова.

Рис. 196.
«Послѣдняя дуэль Пушкина».
Картина А. А. Наумова.

27 января утромъ у Пушкина еще не было секунданта. «Я не имѣю никакого желанія вмѣшивать праздный петербургскій людъ въ мои семейныя дѣла; поэтому я рѣшительно отказываюсь отъ разговоровъ между секундантами. Я приведу своего только на мѣсто поединка... онъ *(Дантесъ)* можетъ самъ выбрать мнѣ секунданта... Что касается часа, мѣста, я вполнѣ къ его услугамъ», писалъ Пушкинъ представителю Дантеса виконту д'Аршіаку. Послѣдній отвѣтилъ, что Дантесъ настаиваетъ на соблюденіи правилъ. Вспомнилъ ли Пушкинъ о товарищѣ по Лицею Данзасѣ и поѣхалъ къ нему, или помогъ случай, но, по словамъ Данзаса, Пушкинъ, встрѣтивъ его на Цѣпномъ мосту, предложилъ ему быть свидѣтелемъ одного разговора. Тотъ согласился. Пушкинъ отвезъ Данзаса во французское посольство къ д'Аршіаку и введя его въ сущность дѣла, оставилъ вырабатывать условія поединка. Послѣднія оказались очень тяжелыми: десять шаговъ и по два выстрѣла. Пушкинъ ждалъ Данзаса въ кондитерской Вольфа: когда тотъ пріѣхалъ, Пушкинъ, даже не прочитавъ условій, согласился на все. Спокойствіе, проявленное Пушкинымъ въ этотъ день, было изумительнымъ. Съ утра онъ былъ необыкновенно веселъ, послѣ чая много писалъ, въ 11 часовъ пообѣдалъ, ходилъ по комнатѣ и пѣлъ; развернулъ книгу «Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей» А. О. Ишимовой и зачитался; написалъ ей послѣднее въ своей жизни дѣловое письмо, такъ ярко свидѣтельствующее содержаніемъ, формою и внѣшностью объ исключительной силѣ души его автора. А вотъ какъ онъ готовился къ поединку: «Началъ одѣваться; вымылся весь, все чистое; велѣлъ подать бекешь; вышелъ на лѣстницу. —Возвратился,—велѣлъ подать въ кабинетъ большую шубу и пошелъ пѣшкомъ до извозчика. — Это было розно въ 1 часъ», читаемъ мы въ конспективныхъ замѣткахъ Жуковскаго.

Около 4-хъ часовъ дня (дуэль была назначена въ пятомъ часу) Пушкинъ выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Данзасъ не помнилъ, вышелъ съ нимъ изъ кондитерской; сѣли въ сани и отправились по направленію къ Троицкому мосту. На Дворцовой набережной они встрѣтили Наталію Николаевну. Встрѣча эта могла поправить все. «Дѣти Пушкина въ четыре часа пополудни были у кн. Мещерской (дочери Карамзина) и мать за ними сама заѣзжала», писалъ потомъ А. И. Тургеневъ своей сестрѣ, А. И. Нефедьевой. Данзасъ узналъ Н. Н., надежда въ немъ блеснула. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону. Въ пути былъ Пушкинъ покоенъ, ясенъ и веселъ.

Къ Комендантской дачѣ, гдѣ была назначена дуэль, противники подъѣхали одновременно. Секунданты отправились отыскивать удобное мѣсто, которое они и нашли саженяхъ въ полутораста отъ дачи. Снѣгъ былъ по колѣна; надо было вытоптать площадку, чтобы противники могли стоять другъ противъ друга и сходиться. Секунданты и Дантесъ занялись этимъ, а Пушкинъ сѣлъ на сугробъ и съ большимъ равнодушіемъ, смотрѣлъ на роковыя приготовленія. Данзасъ спросилъ, находитъ ли онъ удобнымъ выбранное мѣсто. Пушкинъ отвѣтилъ: «мнѣ это рѣшительно все равно — только, пожалуйста, дѣлайте все это поскорѣе».

Шаги были отмѣрены, барьеры отмѣчены плащами, пистолеты заряжены. Противниковъ поставили; подали имъ пистолеты. Данзасъ махнулъ шляпою, и они начали сходиться. Пушкинъ, первый подойдя къ барьеру, началъ наводить пистолетъ, но въ это время Дантесъ, за одинъ шагъ до барьера, выстрѣлилъ. Пушкинъ, падая, сказалъ: «Кажется, у меня раздроблено бедро». Секунданты бросились къ нему. Дантесъ намѣревался сдѣлать то же, но Пушкинъ удержалъ его словами: «Подождите! Я чувствую въ себѣ достаточно силъ чтобы сдѣлать свой выстрѣлъ». Дантесъ возвратился на свое мѣсто, ставъ бокомъ и прикрывъ грудь правою рукою. Данзасъ подалъ Пушкину другой пистолетъ, такъ какъ при паденіи первый попалъ въ снѣгъ.

На колѣняхъ, полулежа, Пушкинъ цѣлился въ Дантеса въ продолженіи двухъ минутъ и затѣмъ выстрѣлилъ; пуля пробила руку Дантеса и ударилась въ металлическую пуговицу мундира, которая и спасла Дантеса. Отъ сильной контузіи Дантесъ упалъ. Пушкинъ бросилъ вверхъ пистолетъ и закричалъ: «браво»! Между тѣмъ кровь лила изъ раны Пушкина и онъ упалъ снова. Послѣ короткаго полуобморочнаго состоянія, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака: «Убилъ я его?» Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ, — вы его ранили. «Странно, — сказалъ Пушкинъ,—я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ... Впрочемъ, все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ»...

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извозчиковъ и съ помощью ихъ разобрали заборъ изъ тонкихъ жердей, мѣшавшій санямъ подъѣхать къ мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами Пушкина бережно усадили въ сани и Данзасъ приказалъ извозчику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней д'Аршіака. Дантесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними.

◇ *РИС. 195 и 196* ◇

656. П. И. Бартеневъ, со словъ кн. В. Ѳ. Вяземской, «Русск. Арх.», 1888.

Наканунѣ дуэли, вечеромъ, Пушкинъ явился на короткое время къ княгинѣ Вяземской и сказалъ ей, что его положеніе стало невыносимо, и что онъ послалъ Геккерену вторичный вызовъ. Князя не было дома. Вечеръ длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовскаго и графа М. Ю. Віельгорскаго дождаться князя и вмѣстѣ обсудить, какія надо принять мѣры. Но князь вернулся очень поздно...

657. А. И. Тургеневъ — Н. И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г.

Теперь узнаемъ, что Пушкинъ наканунѣ открылся одной дамѣ, дочери той Осиповой (*бар. Евпр. Ник. Вревской*), у коей я былъ въ Тригорскомъ, что онъ будетъ драться на дуэли. Она не успѣла или не могла помѣшать, и теперь упрекъ жены, которая узнала объ этомъ, на нее падаетъ.

658. Кн. П. А. Вяземскій — Вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г.

26-го на балу у графини Разумовской Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при Англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причины дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что-либо по этому поводу. Магенисъ отстранился.

659. А. И. Тургеневъ — А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г.

Я видѣлъ Пушкина *(26-го янв.)* на балѣ у гр. Разумовской, *(тогда-же)* провелъ съ нимъ часть утра; видѣлъ его веселаго, полнаго жизни, безъ малѣйшихъ признаковъ задумчивости: мы долго разговаривали о многомъ, и онъ шутилъ и смѣялся. *(Въ два предшествующихъ дня)* также провелъ съ нимъ большую часть утра: мы читали бумаги, кои готовилъ онъ для пятой книжки своего журнала. Каждый вечеръ видѣлъ я его и на балахъ спокойнаго и веселаго.

660. ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО ПУШКИНА.

Пушкинъ — А. О. Ишимовой, 27 января 1837 г., Петербургъ.

Милостивая Государыня

Александра Осиповна,

Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на Ваше приглашеніе. Покамѣсть, честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Cornwall — Вы найдете въ концѣ книги пьесы отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете — увѣряю Васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ Вашу Исторію въ разсказахъ, и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивая Государыня

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

661. А. Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», 1863.

День былъ ясный. Петербургское великосвѣтское общество каталось на горахъ и въ то время нѣкоторые уже оттуда возвращались. Много знакомыхъ и Пушкину, и Данзасу встрѣчались, раскланивались съ ними, но никто какъ будто и не догадывался, куда они ѣхали; а между тѣмъ исторія Пушкина съ Геккереномъ была хорошо извѣстна всему этому обществу.

На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя: не въ крѣпость ли ты везешь меня? — Нѣтъ, отвѣчалъ Данзасъ: черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога.

На Каменноостровскомъ проспектѣ они встрѣтили въ саняхъ двухъ знакомыхъ офицеровъ Коннаго полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкинъ и Данзасъ ѣхали на горы, Голицынъ закричалъ имъ: «что вы такъ поздно ѣдете, всѣ уже оттуда разъѣзжаются!?»

662. М. Н. Лонгиновъ, «Современная лѣтопись», 1863.

Графиня А. К. Воронцова-Дашкова не могла никогда вспоминать безъ горести о томъ, какъ она встрѣтила Пушкина, ѣдущаго на острова съ Данзасомъ, и направляющихся туда же Дантеса съ д'Аршіакомъ. Она думала, какъ бы предупредить несчастье, въ которомъ не сомнѣвалась послѣ такой встрѣчи, и не знала, какъ быть. Къ кому обратиться? Куда послать, чтобы остановить поединокъ? Пріѣхавъ домой, она въ отчаяніи говорила, что съ Пушкинымъ непремѣнно произошло несчастье, и предчувствіе девятнадцатилѣтняго женскаго сердца не было обманомъ.

663. А. О. Смирнова, «Записки», 1826-1845 гг.

Д'Аршіакъ разсказалъ намъ, что Пушкинъ во время дуэли поражалъ своимъ мужествомъ и спокойствіемъ, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ выказалъ чрезвычайный тактъ и рыцарскую простоту, исполненную достоинства. Онъ былъ очень серьезенъ, сосредоточенъ, какъ человѣкъ, рискующій жизнью; въ немъ не было ни тѣни притворной беззаботности, чтобы придать себѣ видъ храбрѣе. Д'Аршіакъ сказалъ въ заключеніе: «Это былъ великій характеръ. Я не знаю русскаго языка, не читалъ ни одной строки изъ его сочиненій, я только находилъ его остроумнымъ, даже въ поверхностномъ разговорѣ, и прекрасно воспитаннымъ. Де-Барантъ сказалъ мнѣ, что въ Россіи, кромѣ Императора, никто не заинтересовалъ и не поразилъ его въ такой степени, какъ Пушкинъ».

664. А. И. Тургеневъ, «Дневникъ», 30 янв. 1837 г.

Поведеніе Пушкина на полѣ или на снѣгу битвы д'Аршіакъ находилъ «parfaite» *(превосходнымъ)*. Но слова его о возобновленіи дуэли по выздоровленіи отняли у д'Аршіака возможность примирить ихъ.

665. А. М. Языковъ — А. А. Катенину, 1 февр. 1837 г.

Ужасъ сопровождалъ ихъ бой. Они дрались, и дрались на смерть. Для нихъ уже не было примиренія, и ясно видно было, что для Пушкина была нужна жертва или погибнуть самому.

Рис. 197.

Раненаго Пушкина привозятъ домой.

Акварель Борели.

Возвращаясь съ мѣста дуэли, участники ея у самой Комендантской дачи нашли карету, присланную, какъ оказалось, Геккереномъ-отцомъ. Дантесъ и д'Аршіакъ предложили отвезти въ ней Пушкина. Не сказавъ Пушкину, чья была карета, Данзасъ посадилъ его въ нее. Пушкинъ держался твердо, но уже началъ подозрѣвать опасность раны. Больше всего онъ безпокоился о томъ, чтобы по пріѣздѣ домой не испугать жену. Ѣхали медленно; нѣсколько разъ пришлось останавливаться, такъ какъ у раненаго начались обмороки; карету трясло, и это еще болѣе ослабляло силы Пушкина. У подъѣзда Пушкинъ попросилъ Данзаса послать людей вынести его изъ кареты и, если Наталія Николаевна дома, предупредить ее, сказавъ, что рана не опасна. Вотъ какъ этотъ моментъ описываетъ Жуковскій въ письмѣ къ С. Л. Пушкину: «Домой возвратились въ шесть часовъ. Камердинеръ взялъ его на руки и понесъ на лѣстницу. — Грустно тебѣ нести меня? — спросилъ у него Пушкинъ. Бѣдная жена встрѣтила его въ передней и упала безъ чувствъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ, находившійся въ кабинетѣ. Жена, пришедшая въ память, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: «n'entrez pas» *(не входите)*, ибо опасался показать ей рану, чувствуя самъ, что она была опасна. Жена вошла уже тогда, когда онъ былъ совсѣмъ раздѣтъ».

Между тѣмъ Данзасъ отправился за докторомъ. Не заставъ дома ни Арендта ни другихъ и оставивъ имъ записки, онъ, подъѣзжая къ Воспитательному дому, встрѣтилъ д-ра Шольца. Тотъ сказалъ, что онъ, какъ акушеръ, полезенъ быть не можетъ, но привезетъ другого доктора. Скоро Шольцъ пріѣхалъ съ хирургомъ Задлеромъ. Около раненаго они нашли жену, Данзаса и Плетнева, который заѣзжалъ за Пушкинымъ, чтобы увезти его къ себѣ, какъ это онъ и раньше не разъ дѣлалъ по средамъ.

Рис. 198.

Владиміръ Ивановичъ Даль.

1801—1872.

Получивъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ и въ Дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету, прошелъ огромный служебный стажъ, давшій ему возможность познакомиться всесторонне съ Россіей. «Гдѣ ни бывалъ онъ?—писалъ Бѣлинскій.—Онъ участвовалъ въ польской кампаніи и въ хивинской экспедиціи, онъ былъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; Новороссія съ Крымомъ знакомы ему, какъ нельзя больше, а Малороссія — словно родина его. Онъ знаетъ, чѣмъ промышляетъ мужикъ Владимірскій, Ярославскій, Тверской губерніи, куда онъ ходитъ на промыслы, сколько зарабатываетъ». Создавъ себѣ имя, въ качествѣ автора бытовыхъ повѣстей, подписывавшихся имъ «Казакъ Луганскій» (по имени роднаго города Луганска), онъ впослѣдствіи оказалъ Россіи неоцѣнимую услугу составленіемъ знаменитаго «Толковаго словаря живаго великорусскаго языка», начатаго имъ въ 1819 году. «Развѣ помру, а то кончу словарь свой», пишетъ онъ на слово «развѣ». «Богатствомъ матеріала трудъ Даля превышаетъ все, что было когда-либо у насъ сдѣлано силами одного человѣка», справедливо отмѣтилъ А. Н. Пыпинъ.

Познакомившись съ Пушкинымъ въ Оренбургѣ, когда тотъ ѣздилъ собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, Даль поддерживалъ съ нимъ литературную связь и заслужилъ уваженіе Пушкина, но тѣсно сблизился съ нимъ лишь у смертнаго одра. Находясь въ Петербургѣ и случайно узнавъ, днемъ 23 января, о смертельномъ ранѣніи Пушкина, Даль немедленно отправился къ нему. «У Пушкина,—писалъ онъ—нашелъ я толпу въ залѣ и въ передней,—страхъ ожиданія пробѣгалъ шопотомъ по блѣднымъ лицамъ. Д-ръ Арендтъ и д-ръ Спасскій пожимали плечами. Я подошелъ къ болящему, — онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: «Плохо, братъ!» Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ. Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ «ты». Я отвѣчалъ ему такъ же—и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра!»

Рис. 199.

Домъ на Мойкѣ (средній), въ которомъ умеръ Пушкинъ.

Съ фотографіи.

Пушкинъ во время подготовки къ дуэли проявилъ внѣшнее спокойствіе и невозмутимость. Онъ находился, однако, во власти чувства мщенія. Дантесъ сдѣлалъ свой роковой выстрѣлъ, не дойдя до барьера, движимый чувствомъ самоохраненія: онъ прочелъ въ исполненномъ ненависти взглядѣ Пушкина смертный приговоръ и, оробѣвъ, спустилъ курокъ, не сообразивъ, что, цѣлясь въ ногу, онъ попадетъ выше... Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ, по свидѣтельству Павлищева, Дантесъ, будучи уже старикомъ, В. Д. Давыдову, сыну знаменитаго Дениса. Страсть мщенія придала Пушкину, смертельно раненому, нечеловѣческую силу: онъ сдѣлалъ свой выстрѣлъ, и такъ мѣтко, что только случайность спасла жизнь Дантесу.

Душевный переломъ произошелъ послѣ этого выстрѣла. «Странно, — сказалъ Пушкинъ, узнавъ отъ д'Аршіака, что онъ не убилъ Дантеса,—я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ». Д'Аршіакъ хотѣлъ было попытаться примирить противниковъ, но въ это время Пушкинъ прибавилъ: «Впрочемъ, все равно... Какъ только мы поправимся, снова начнемъ». Эти слова не позволили д'Аршіаку выступить съ предложеніемъ примиренія, но въ нихъ — послѣдняя вспышка прежняго настроенія... «Другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго на дому его», говоритъ П. В Анненковъ. Этотъ внутренній переворотъ описанъ кн. Вяземскимъ, въ

письмѣ Вел. князю Михаилу Николаевичу: «Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освятила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью человѣческой слабости, обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенія у его памяти, я не считалъ его до такой степени способнымъ ко всему. Сколько было въ этой изстрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго скрытаго самоотверженія. Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью по истинѣ самаго возвышеннаго характера. Ни одного горькаго слова, ни одной рѣзкой жалобы, ни одного ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, кромѣ словъ мира и прощенія своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ».

Пушкинъ умиралъ христіаниномъ. Ек. Н. Мещерская-Карамзина сообщаетъ: «Онъ исполнилъ долгъ христіанина, съ такимъ благоговѣніемъ и такимъ глубокимъ чувствомъ, что даже престарѣлый духовникъ его былъ тронутъ и на чей-то вопросъ по этому поводу отвѣчалъ: — «Я старъ, мнѣ ужъ недолго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ». Эта высокая настроенность придала смерти Пушкина характеръ спокойнаго и возвышеннаго разставанія съ жизнью. «Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться со смертью, — повѣствуетъ Даль, — такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ. Плетневъ говорилъ: «Глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти». Больной положительно отвергалъ утѣшенія наши, и на слова мои: «Всѣ мы надѣемся, не отчаивайся и ты!» отвѣчалъ: «Нѣтъ, мнѣ здѣсь не житье; да, видно, уже такъ и надо...» Въ ночь на 29-е онъ повторялъ нѣсколько разъ подобное; спрашивалъ, напримѣръ, который часъ? и на отвѣтъ мой снова спрашивалъ отрывисто и съ разстановкою, «долго-ли мнѣ такъ мучиться? пожалуйста, поскорѣе». Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, почасту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялся своеручно — бралъ стаканъ самъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ снималъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки, и всегда еще приговаривая: вотъ и хорошо и прекрасно! Собственно отъ боли страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что нужно приписать воспаленію брюшной полости, а можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ, какая тоска!» восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался, — «сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку — и, не давъ кончить того, останавливалъ обыкновенно словами: «ну такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо!» Вообще былъ онъ, по крайней мѣрѣ въ обращеніи со мною, послушенъ и повадливъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ. «Кто у жены моей?» спросилъ онъ между прочимъ. Я отвѣчалъ: много людей принимаютъ въ тебѣ участіе, — зала и передняя полны. «Ну, спасибо, — отвѣчалъ онъ, — однакоже, поди, скажи женѣ, что все, слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ».

«Съ утра пульсъ былъ крайне малъ, слабъ, частъ, но съ полудня сталъ онъ подниматься, а къ шестому часу ударялъ 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже; въ то же время началъ показываться небольшой общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ д-ра Арендта наставленій, приставили мы съ д-ромъ Спасскимъ тотчасъ 25 піявокъ, и послали за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ, одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявки и неохотно допускалъ насъ около себя копаться. Пульсъ сдѣлался ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ, за соломинку и, обманувъ и себя и друзей, робкимъ голосомъ возгласилъ надежду. Пушкинъ замѣтилъ, что я сталъ добрѣе, взялъ меня за руку и сказалъ: «Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?» — Мы за тебя надѣемся еще, право, надѣемся! — Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, спасибо». Но, повидимому, онъ однажды только и обольстился моею надеждою; ни прежде ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпѣливо: а скороли конецъ, и прибавлялъ еще: пожалуйста, поскорѣе!..

«Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усильно, и на слова мои: терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего; но не стыдись боли своей: стонай, тебѣ будетъ легче, — отвѣчалъ отрывисто: «нѣтъ, не надо; жена услышитъ и смѣшно же это, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ!» Онъ продолжалъ попрежнему дышать часто и отрывисто; его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе.

«Пульсъ сталъ упадать и вскорѣ исчезъ вовсе, и руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 января, — и въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забытье на нѣсколько секундъ туманили мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ мнѣ руку, сжималъ и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше, ну, пойдемъ». Опамятовавшись, сказалъ онъ мнѣ: «Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ высоко — и голова закружилась». Раза два присматривался онъ пристально на меня и спрашивалъ: «Кто это, ты?» — Я, другъ мой. — «Что это, — продолжалъ онъ, — я не могъ тебя узнать!» Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать мою руку и, потянувъ ее, сказалъ. «Ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ». — Я подошелъ къ В. А. Жуковскому и гр. Вѣльгорскому и сказалъ: отходитъ! Пушкинъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пусть она меня покормитъ». Нат. Ник. опустилась на колѣни у изголовья умирающаго, поднесла ему ложечку, другую — и приникла лицомъ къ челу мужа. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ничего, слава Богу, все хорошо».

«Друзья, близкіе молча окружили изголовье отходящаго; я, по просьбѣ его, взялъ его подъ

мышки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» Я не дослышалъ и спросилъ тихо: что кончено? «Жизнь кончена», отвѣчалъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ» — были послѣднія слова его. Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу; руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни также; отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное, еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ, — и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его»...

«Когда друзья и несчастная жена устремились къ бездыханному тѣлу, — писала Ек. Н. Мещерская-Карамзина, — ихъ поразило величавое и торжественное выраженіе лица его. На устахъ сіяла улыбка, какъ-будто отблескъ несказаннаго спокойствія, на челѣ отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды».

◇ РИС. 199 — ЦИТАТЫ ◇

666. Докторъ И. Т. Спасскій, «Послѣдніе дни А. С. Пушкина», 1859.

(Въ началѣ восьмого часа вечера, 27 января).

Врачи, уѣхавъ, оставили на мои руки больного. Онъ исполнялъ всѣ врачебныя предписанія. По желанію родныхъ и друзей Пушкина, я сказалъ ему объ исполненіи христіанскаго долга. Онъ тотъ же часъ на то согласился.

— За кѣмъ прикажете послать? — спросилъ я.

— Возьмите перваго, ближайшаго священника, — отвѣчалъ Пушкинъ.

Послали за отцомъ Петромъ, что въ Конюшенной. Больной вспомнилъ о Гречѣ.

— Если увидите Греча — молвилъ онъ — кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.

667. Кн. П. А. Вяземскій — А. Я. Булгакову, 5 февраля 1837 г.

Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ ésprit-fort, по крайней мѣрѣ, не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ...

668. А. Н. Веневитинова — С. Л. Пушкину, со словъ Е. А. Карамзиной.

Данзасъ сказалъ ему, что готовъ отомстить за него тому, кто его поразилъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Пушкинъ, — миръ, миръ».

669. Д-ръ И. Т. Спасскій, «Послѣдніе дни А. С. Пушкина», 1859.

— Не уѣхалъ еще Арендтъ? Я сказалъ, что докторъ Арендтъ еще здѣсь. — Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мнѣ братъ. Желаніе Пушкина было передано д-ру Арендту, и лично самимъ больнымъ повторено.

670. А. Аммосовъ, «Послѣдніе дни Пушкина», 1863.

Подозвавъ Данзаса, Пушкинъ просилъ его записывать и продиктовалъ ему всѣ свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемныхъ писемъ. Потомъ онъ снялъ съ руки кольцо и отдалъ Данзасу, прося принять его на память. При этомъ онъ сказалъ Данзасу, что не хочетъ, чтобы кто-нибудь мстилъ за него, и что желаетъ умереть христіаниномъ.

671. А. И. Тургеневъ — неизвѣстному, 28 января 1837 г.

Ночью онъ кричалъ ужасно; почти упалъ на полъ въ конвульсіяхъ. Благое Провидѣніе въ эти самыя десять минутъ послало сонъ женѣ; она не слыхала криковъ; послѣдній крикъ разбудилъ ее, но ей сказали, что это было на улицѣ: послѣ онъ еще не кричалъ. — Теперь (въ полдень) я опять входилъ къ нему; онъ страдаетъ, повторяя: «Боже мой, Боже мой!» сжимаетъ кулаки въ конвульсіи.

Настоящаго воспаленія нѣтъ, но тѣмъ хуже. Пушкинъ самъ себѣ пощупалъ пульсъ, махнулъ рукою и сказалъ: «смерть идетъ».

672. В. А. Жуковскій — С. Л. Пушкину, 15 февраля 1837 г.

Когда поутру кончились его сильныя страданія, онъ сказалъ Спасскому: жену! позовите жену! — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать.

Потомъ потребовалъ дѣтей; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза, молча; клалъ ему на голову руку; крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ отъ себя.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго.

— Позовите, — сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ.

673. Кн. П. А. Вяземскій — А. Я. Булгакову, 5 февраля 1837 г.

Съ нами прощался онъ среди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ:

— Прости, будь счастливъ.

674. Ек. Н. Мещерская-Карамзина — кн. М. И. Мещерской.

Прощаясь съ друзьями, которые, рыдая, стояли у его одра, онъ сказалъ Тургеневу:

— А что же Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?

Тотчасъ же послали за матушкой *(Ек. А. Карамзиной)*, которая черезъ нѣсколько минутъ и пріѣхала. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ уже слабымъ, но явственнымъ голосомъ:

— Благословите меня!

Она благословила его издали; но онъ сдѣлалъ ей знакъ подойти, самъ положилъ ея руку себѣ на лобъ и, послѣ того, какъ она его благословила, взялъ и поцѣловалъ ея руку.

◇ РИС. 199 — ПРОДОЛЖЕНІЕ ◇

675. Ф. Г. Толь, со словъ кн. Е. А. Долгоруковой.

Пушкинъ просилъ сперва князя Вяземскаго, а потомъ княгиню Долгорукову, на томъ основаніи, что женщины лучше умѣютъ исполнить такого рода порученія: ѣхать къ Дантесамъ и сказать имъ, что онъ прощаетъ имъ.

676. П. И. Бартеневъ, «Русск. Арх.», 1908.

Трудъ ухода за Пушкинымъ, въ его предсмертныхъ страданіяхъ, раздѣляла съ княгиней Вяземской нѣкогда московская подруга Натальи Николаевны, Екатерина Алексѣевна, рожд. Малиновская, супруга лейбъ-гусара Ростислава Алексѣевича Долгорукова, женщина необыкновеннаго ума и многосторонней образованности, цѣнимая Пушкинымъ и Лермонтовымъ... Она слышала, какъ Пушкинъ, уже передъ самою кончиною, говорилъ женѣ:

— Носи по мнѣ трауръ два или три года. Постарайся, чтобъ забыли про тебя. Потомъ выходи опять замужъ, но не за пустозвона.

677. В. А. Жуковскій — С. Л. Пушкину, 15 февраля 1837 г.

Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Вѣльгорскимъ у постели въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были—свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало... Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ, что движеніе его груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывистымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно, ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, казалась мнѣ успокоеніемъ. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» «Кончилось» — отвѣчалъ мнѣ Даль.

678. П. А. Плетневъ — В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 г.

Передъ тою минутою, какъ ему глаза надобно было навѣки закрыть, я поспѣлъ къ нему. Тутъ были и Жуковскій съ Михаиломъ Вѣльгорскимъ, Даль и еще не помню кто. Такой мирной кончины я вообразить не умѣлъ прежде.

679. А. О. Смирнова, «Записки», 1826-1845 гг. В. А. Жуковскій о смерти Пушкина, въ 1844 г.

Какъ только рвота прекратилась, Пушкинъ потребовалъ священника, исповѣдался и причастился, и священникъ, выходя, сказалъ: «Я желаю всѣмъ такой христіанской кончины, онъ простилъ всѣмъ, его оскорблявшимъ». Священникъ былъ пораженъ его ясностью, спокойствіемъ, чистотою его совѣсти. Онъ сказалъ Екатеринѣ Мещерской: «Я рѣдко встрѣчалъ умирающихъ, говорящихъ такимъ образомъ, съ такимъ яснымъ умомъ, возвышенною душою и такимъ смиреніемъ въ 37 лѣтъ»...

Въ послѣднюю минуту онъ еще думалъ о Натали, и сказалъ ей, что хочетъ спать, — пусть и она пойдетъ отдохнуть. Потомъ онъ посмотрѣлъ на свои книги и прошепталъ: «Прощайте, друзья». Даль его приподнялъ. Онъ сказалъ громко, такъ что Жуковскій даже вздрогнулъ: «прощай, жизнь!» — и перешелъ въ царство тѣней. Когда я повторила Жуковскому «въ царство тѣней», то онъ покачалъ головою: «нѣтъ, ins Licht, вы въ этомъ убѣждены, такъ же какъ и я, дорогой другъ». Я отвѣтила: «мой другъ, я вѣрю ins Ewige Licht, но я такъ боюсь смерти». Жуковскій возразилъ: «потому что она далека еще, когда же она является, повѣрьте, желаніе жизни исчезаетъ»...

Жукъ мнѣ однажды показывалъ свой маленькій набросокъ съ мертваго Пушкина и говорилъ мнѣ: «Его лицо поражало строгою красотою, величественною и странною; въ немъ не было ничего земного; онъ преобразился!»...

Уходя, Жукъ сказалъ: «Сегодня вечеромъ мы дѣйствительно поговорили и все высказали: о царской фамиліи, о Пушкинѣ, поговорили по душѣ, вспомнивъ нашу старую, вѣрную дружбу. Со дня нашего пріѣзда, это для меня самый пріятный вечеръ: я люблю разговаривать съ вами наединѣ, какъ бывало прежде. Wir haben alles ausgesagt, и мнѣ было такъ полезно вспомнить Пушкина, его смерть, научившую меня многому о вѣчной жизни».

680. Кн. П. А. Вяземскій — А. Я. Булгакову, февраль 1837 г.

Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприкащикамъ, завѣщалъ священную обязанность; оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ жилъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего того, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ.

681. В. А. Нащокина, «Воспоминанія о Пушкинѣ», 1898.

Вечеромъ у меня внизу сидѣли гости; Павелъ Войновичъ былъ у себя наверху въ кабинетѣ. Вдругъ онъ входитъ ко мнѣ въ гостиную, и я вижу, на немъ, что называется, лица нѣтъ.

Это меня встревожило, и я обратилась къ нему съ вопросомъ: что случилось? — Каково это? — отвѣтилъ мой мужъ. — Я сейчасъ слышалъ голосъ Пушкина. Я слегка задремалъ на диванѣ у себя въ кабинетѣ и вдругъ явственно слышу шаги и голосъ: «Нащокинъ дома?» Я вскочилъ и бросился къ нему навстрѣчу. Но передо мною никого не оказалось. Я вышелъ въ переднюю и спрашиваю камердинера: «Модестъ, меня Пушкинъ спрашивалъ?» Тотъ, удивленный, отвѣчаетъ, что кромѣ него никого не было въ передней и никто не приходилъ. Я уже опросилъ всю прислугу. Всѣ отзѣчаютъ, что не видѣли Пушкина. — Это не къ добру — заключилъ Павелъ Войновичъ. — Съ Пушкинымъ приключилось что-нибудь дурное!..

Павелъ Войновичъ ушелъ въ клубъ страшно разстроенный, а возвратившись оттуда, въ ужасномъ горѣ, сообщилъ мнѣ, что въ клубѣ онъ слышалъ о состоявшейся дуэли между Пушкинымъ и Дантесомъ, что поэтъ опасно раненъ и едва ли можно разсчитывать на благополучный исходъ.

Съ этой минуты смятеніе и ужасъ царили въ нашемъ домѣ... На почту отъ насъ поѣхалъ Сергѣй Н. Гончаровъ, братъ жены Пушкина. Я первая увидала въ окно возвращающагося Гончарова. Не помню, что намъ говорилъ Гончаровъ, но я сразу поняла, что непоправимое совершилось... Съ Павломъ Войновичемъ сдѣлалось дурно. Его довели до гостиной, и тамъ онъ, положивъ голову и руки на столъ, долго не могъ придти въ себя... Безъ преувеличенія могу сказать, что смерть Пушкина была самымъ страшнымъ ударомъ въ нашей жизни съ мужемъ... Павелъ Войновичъ слегъ въ постель и нѣсколько дней провелъ въ горячкѣ, въ бреду. Я тоже едва стояла на ногахъ. День и ночь у насъ не гасились огни...

Рис. 200.

Императоръ Николай I.

1796—1825—1855.

Портретъ Ф. Крюгера.

Тяжелая атмосфера, сгущавшаяся вокругъ семейной жизни Пушкиныхъ, не могла укрыться отъ взора Государя. Въ свое время онъ даже счелъ нужнымъ предостеречь Наталью Николаевну. По разсказу гр. М. А. Корфа, Государь «какъ-то разговорился съ нею о коммеражахъ *(сплетняхъ)*, которымъ ея красота подвергаетъ ее въ обществѣ и совѣтовалъ ей быть какъ можно осторожнѣе и беречь свою репутацію». Государь предполагалъ, пишетъ Корфъ, что Наталія Николаевна разсказала объ этомъ мужу, такъ какъ Пушкинъ, встрѣтясь съ Государемъ, сталъ благодарить его за добрые совѣты женѣ. «Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другого?» спросилъ Пушкина Императоръ. «Не только могъ, Государь, — отвѣтилъ Пушкинъ, — но, признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за моею женой».

Освѣдомленъ былъ Государь и о первыхъ стадіяхъ столкновенія Пушкина съ Дантесомъ. «Послѣ женитьбы Дантеса, — передаетъ П. И. Бартеневъ со словъ П. А. Вяземскаго, — Государь, встрѣтивъ гдѣ-то Пушкина, взялъ съ него слово, что, если исторія возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ. Такъ какъ сношенія Пушкина съ Государемъ происходили черезъ гр. Бенкендорфа, то передъ поединкомъ Пушкинъ написалъ извѣстное письмо свое на имя гр. Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкинъ не рѣшился послать, и оно найдено было у него въ карманѣ сюртука, въ которомъ онъ дрался». Совершенно достаточно припомнить фигуру Бенкендорфа, чтобы не сомнѣваться, до какой степени трудно и даже невозможно было Пушкину рѣшиться дѣлать его какимъ бы то ни было посредникомъ. Такъ или иначе, дуэль состоялась, и съ такою поспѣшностью, что никто — ни друзья, ни власти не сумѣли ей помѣшать.

Николай I узналъ о случившемся, когда уже ничто спасти Пушкина не могло. Государь былъ глубоко огорченъ и озабоченъ. Одинъ изъ близкихъ къ нему сановниковъ, тогда членъ Государственнаго Совѣта, впослѣдствіи графъ П. Д. Киселевъ писалъ въ Парижъ, что онъ 28 января видѣлъ Государя и «былъ пораженъ его мрачнымъ и разстроеннымъ видомъ, — какъ сообщаетъ въ своихъ Запискахъ Смирнова. — Въ присутствіи Киселева принесли записку отъ Арендта съ извѣстіями о Пушкинѣ. Его Величество сказалъ Киселеву: «Онъ погибъ: Арендтъ пишетъ, что онъ проживетъ еще лишь нѣсколько часовъ, и удивляется, что онъ борется такъ долго. Что за удивительный организмъ у него! Я теряю въ немъ самаго замѣчательнаго человѣка въ Россіи». На лицѣ Государя отражалось такое огорченіе, что Киселевъ удивился, — онъ не думалъ, что Государь такъ высоко цѣнитъ Пушкина».

Связью между умирающимъ Пушкинымъ и Государемъ явились Арендтъ и Жуковскій. У Государя было двѣ заботы: чтобы Пушкинъ умеръ христіаниномъ и чтобы снята была съ него забота о судьбѣ близкихъ. Въ этомъ смыслѣ составилъ онъ наскоро записку Пушкину, которую и послалъ съ Арендтомъ, сообщая Пушкину о своемъ прощеніи. Позже, черезъ Жуковскаго Государь передавалъ Пушкину: «Скажи ему отъ меня, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ; они мои». «Когда я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ Государя», писалъ потомъ Жуковскій въ письмѣ къ С. Л. Пушкину, то «онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. Вотъ, какъ я утѣшенъ! — сказалъ онъ. — Скажи Государю, что я желаю ему долгого, долгого царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи».

Смерть Пушкина искренно опечалила Государя. «Съ тѣхъ поръ, — разсказывалъ впослѣдствіи Жуковскій Смирновой, — какъ я его видѣлъ и слышалъ во время агоніи Пушкина и послѣ его смерти, когда онъ въ разговорѣ со мною отвернулся, чтобы утереть слезы, я чувствую къ нему глубокую нѣжность». И все-таки отношеніе Государя къ Пушкину на смертномъ одрѣ было двойственнымъ. Государь понималъ личную драму Пушкина, но осуждалъ его поведеніе. Онъ писалъ своему брату: «послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ». Въ глазахъ Николая I, какъ Государя, Пушкинъ совершилъ преступленіе и ослушался его воли; Государь простилъ его, проявивъ къ нему отеческую заботу и въ духовномъ и въ матеріальномъ смыслѣ, но пониманіе величія смерти Пушкина, какъ торжества духа надъ страстями плоти, осталось чуждымъ Государю. «Для Пушкина я все готовъ сдѣлать, — говорилъ онъ Жуковскому, когда послѣдній обратился къ нему съ просьбою разрѣшить ему составить проекты указовъ о Пушкинѣ, какъ это было сдѣлано въ свое время о Карамзинѣ, — но не могу сравнить его въ уваженіи съ Карамзинымъ. Тотъ умиралъ какъ Ангелъ».

Отношеніе Государя къ Дантесу и Геккерену было недвусмысленно враждебнымъ. Дантесъ былъ разжалованъ въ солдаты и высланъ заграницу; «былъ посаженъ въ открытую телѣгу и отвезенъ на границу, какъ бродяга, безъ предупрежденія его семьи», доносилъ французскій посланникъ баронъ де Барантъ; Геккерену же пришлось покинуть свой постъ, при чемъ Государь отказался принять его въ прощальной аудіенціи.

◇ *РИС. 200* ◇

682. А. О. Смирнова, «Записки», 1826-1845 гг.

Въ ту минуту, когда Данзасъ привозилъ Пушкина, Григорій Волконскій, занимавшій первый этажъ дома, выходилъ изъ подъѣзда. Онъ побѣжалъ въ Зимній дворецъ, гдѣ обѣдалъ и долженъ былъ проводить вечеръ его отецъ, и князь Петръ Волконскій сообщилъ печальную вѣсть Государю (а не Бенкендорфъ, узнавшій объ этомъ позднѣе). Когда Бенкендорфъ явился во дворецъ, Государь его очень плохо принялъ и сказалъ: «я знаю все, — полиція не исполнила своего долга». Бенкендорфъ отвѣтилъ: «Я посылалъ въ Екатерингофъ, мнѣ сказали, что дуэль тамъ». Государь пожалъ плечами: «Дуэль состоялась на островахъ, вы должны были это знать и послать всюду». Бенкендорфъ былъ пораженъ его гнѣвомъ, когда Государь прибавилъ: «Для чего тогда существуетъ тайная полиція, если она занимается только безсмысленными глупостями». Князь Петръ Волконскій присутствовалъ при этой сценѣ, что еще болѣе конфузило Бенкендорфа.

683. Кн. П. А. Вяземскій — А. О. Смирновой, 1837 г., въ Парижъ.

Императоръ былъ великодушенъ и прекраснъ въ этомъ случаѣ... Арендтъ (лейбъ-хирургъ), оставляя Пушкина спросилъ его: «что прикажете сказать Государю?» — «Скажите, что умираю и прошу у него прощенія». Арендтъ вернулся нѣсколько времени спустя и принесъ ему записку, написанную рукой Императора и гласившую приблизительно слѣдующее: «Если Богъ не велитъ намъ уже свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся, я беру ихъ на свои руки».

684. А. И. Тургеневъ — Н. И. Тургеневу, 1837 г., въ Парижъ.

Въ первый день дуэли послалъ онъ къ Государю д-ра Арндта просить за себя и за его секунданта Данзаса (полковника) прощенія. Государь написалъ карандашемъ записку слѣдующаго содержанія приблизительно, и велѣлъ Арендту прочесть ему записку и возвратить себѣ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться на этомъ свѣтѣ, то прими мое прощеніе и освѣтъ исполнить долгъ христіанина, исповѣдуйся и причастись; а о женѣ и о дѣтяхъ не безпокойся: они будутъ моими дѣтьми, и я беру ихъ на свое попеченіе»...

685. А. И. Тургеневъ—неизвѣстному, 29 янв. 1837 г.

Прежде полученія письма Государя сказалъ: «Жду Царскаго слова, чтобы умереть спокойно», и еще: «Жаль, что умираю: весь его бы былъ», то-есть царевъ...

686. Императоръ Николай I, Своеручная записка о милостяхъ семьѣ Пушкина.

1. Заплатить долги. 2. Заложенное имѣніе отца очистить отъ долга. 3. Вдовѣ пенсіонъ и дочери по замужество. 4. Сыновей въ пажи и по 1500 р. на воспитаніе каждаго по вступленіе на службу. 5. Сочиненія издать на казенный щетъ въ пользу вдовы и дѣтей. 6. Единовременно 10 т.

687. Графъ Фикельмонъ, австрійскій посолъ, въ отчетѣ князю Меттерниху, 14 февраля 1837 г.

Императоръ призвалъ г. Жуковскаго, воспитателя Его Высочества Наслѣдника, бывшаго также другомъ и, такъ сказать, духовнымъ опекуномъ г. Пушкина, и сказалъ ему: «У Пушкина была горячая голова, у него бывали часто экзальтированныя мысли; я прикажу передать вамъ всѣ его бумаги; сожгите изъ нихъ тѣ, которыя захотите, меня это не касается, и оставьте только то, что вы сочтете нужнымъ».

688. Императоръ Николай I — А. О. Смирновой, февраль 1837 г.

Рука, державшая пистолетъ, направленный на нашего великаго поэта, принадлежала человѣку, совершенно неспособному оцѣнить того, въ котораго онъ цѣлилъ. Эта рука не дрогнула отъ сознанія величія того г е н і я, голосъ котораго онъ заставилъ замолкнуть. Признайтесь, дорогая Александра Осиповна, что правъ нашъ солдатъ, что пуля большая дура.

689. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ, Подлинное Военно-судное дѣло.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ *(Генералъ-Аудиторіата)* въ 18 день сего марта послѣдовала собственноручная Его Величества Высочайшая конфирмація: «Быть по сему, но рядового Геккерена, какъ не русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ заграницу, отобравъ офицерскіе патенты».

690. Графъ М. Лерхенфельдъ, баварскій посланникъ, въ донесеніи Королю Баваріи, 14 апр. 1837 г.

Голландскій посолъ г. Геккеренъ выѣхалъ третьяго дня, получивъ оскорбленіе въ видѣ отказа въ прощальной аудіенціи у Ихъ Императорскихъ Величествъ, и получивъ теперь же прощальную табакерку, несмотря на то, что онъ не представилъ отзывныхъ грамотъ и формально заявилъ графу Нессельроде, что Его Величество Король Голландіи не отозвалъ его, а только разрѣшилъ ему отпускъ на неопредѣленное время.

691. Баронесса Сесиль Фредерикс (другъ дѣтства Императрицы) — А. О. Смирновой, 1837 г.

Государь говорилъ: «*Его принудили*. Я видѣлъ письма, я все знаю теперь. Отъ меня хотѣли скрыть истину, но она часто выходитъ наружу. Знай я, что происходитъ, я отослалъ бы Дантеса въ 24 часа заграницу и просилъ бы отозвать Геккерена. Онъ осмѣлился просить у меня прощальную аудіенцію, но я отказалъ; я не принимаю людей, ищущихъ соблазнять молодыхъ женщинъ, ради забавы и удовлетворенія фатовству и тщеславію своихъ сыновей, и занимающихся *ремесломъ, назвать которое* затруднительно. Я узналъ, что жалѣютъ Дантеса; я еще поступилъ съ нимъ слишкомъ мягко, выславъ изъ Россіи съ воспрещеніемъ вернуться, тогда какъ имѣлъ право запрятать его на десять лѣтъ въ крѣпость; но я пожалѣлъ его молодую жену, которая, кажется, его любитъ. Онъ долженъ ей быть благодарнымъ, и нужно надѣяться, что онъ будетъ ей вѣрнымъ мужемъ».

Государь говорилъ горячо, онъ, который всегда такъ спокоенъ въ присутствіи Императрицы. Онъ глубоко чувствуетъ эту смерть; позеденіе части общества оскорбило и возмутило его своимъ равнодушіемъ къ человѣку, составляющему гордость Россіи, и отсутствіемъ нравственнаго чувства.

Рис. 201.

Пушкинъ въ гробу.

Картина масломъ А. А. Козлова (1837).

«Я вижу нѣкій свѣтъ, — сказалъ я наконецъ».

Пушкинъ скончался 29 января, въ 2 ч. 45 м. пополудни, послѣ тяжкихъ мученій, длившихся почти двое сутокъ. На лицѣ его не отразились перенесенныя страданія: оно, по свидѣтельству друзей, присутствовавшихъ при кончинѣ, было прекрасно какою-то особенною, необыкновенною красотою. Княгиня Вяземская говорила, что «нельзя забыть божественнаго спокойствія, разлившагося по лицу Пушкина» (Бартеневъ). «Если бы вы были здѣсь со Смирновымъ,—писала А. О. Смирновой въ Парижъ Ек. Н. Мещерская-Карамзина, — то были бы поражены, какъ и мы, величественною красотою его мертваго лица, несмотря на всѣ страданія. Оно было торжественно и въ то же время серьезно, на челѣ — мысль, на устахъ — чистота; они какъ бы говорили, что онъ отошелъ въ вѣчность съ великою исполнившеюся надеждою. И его смѣли обвинять въ безбожіи, въ безнравственности!» — «Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, — писалъ Жуковскій Сергѣю Львовичу, — и долго, одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти... Но что выражалось на его лицѣ, я сказать слозами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо! Это былъ не сонъ и не покой... Нѣтъ! Какая-то глубокая, удивительная мысль на немъ развивалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: что видишь другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я видѣлъ самое смерть, божественно тайную, смерть безъ покрывала. Какую печать наложила она на лицо его, и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну. Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видѣлъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала въ немъ и прежде. Но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина»...

Но вотъ окончены всѣ печальныя приготовленія. Снята маска. 29-го же января, въ 8 час. вечера, отслужена первая панихида. «Жена рзалась въ своей комнатѣ; она иногда въ тихой, безмолвной, иногда въ какомъ то изступленіи грусти», вспоминалъ объ этой панихидѣ А. И. Тургеневъ. «На другой день мы, друзья, — говоритъ Жуковскій, —положили Пушкина своими руками въ гробъ». Со дня смерти и до выноса тѣла въ Конюшенную церковь къ гробу шло какое-то сплошное паломничество лицъ, желавшихъ «поклониться праху великаго поэта». Современники насчитывали ихъ десятками тысячъ. По свидѣтельству А. О. Россета, «стѣну квартиры Пушкина выломали для посѣтителей», такъ какъ проходить къ тѣлу изъ-за большого количества народу было невозможно. — «Всѣ входившіе благоговѣйно крестились и цѣловали руку покойнаго» (Ф. А. Бюллеръ). В. П. Бурнашевъ, посѣтившій квартиру Пушкина 30 января, сообщаетъ: «Мы нашли темно фіолетовый бархатный гробъ съ тѣломъ Пушкина въ полутемной комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ и мерцающимъ огнемъ отъ нѣсколькихъ десятковъ восковыхъ церковныхъ свѣчей, вставленныхъ въ огромные шандалы, обвитые крепомъ... Гробъ стоялъ на катафалкѣ въ двѣ ступеньки, обитомъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами. Катафалкъ помѣщенъ былъ противъ входной двери, въ ногахъ былъ налой... Лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но нисколько не мрачно. Великолѣпные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушкѣ, а густыя бакенбарды окаймляли впалыя щеки до подбородка, выступая изъ-подъ высоко завязаннаго чернаго, широкаго галстука. На Пушкинѣ былъ любимый его темнокоричневый съ отливомъ сюртукъ...»

За полтора дня, въ теченіе которыхъ гробъ съ тѣломъ Пушкина стоялъ въ квартирѣ, Пушкина рисовали три художника и два писателя: А. П. Мокрицкій, Ф. А. Бруни, А. А. Козловъ, В. А. Жуковскій и А. Н. Струговщиковъ. Въ 1837 же году П. А. Вяземскій заказалъ молодому художнику А. А. Козлову,—одному изъ лучшихъ учениковъ Бруни,—картину масломъ. Въ основу картины Козловъ положилъ свой собственный рисунокъ, сдѣланный имъ на второй день послѣ смерти поэта, нѣсколько расширивъ его границы и увеличивъ количество аксессуаровъ. На картинѣ Пушкинъ изображенъ покрытымъ до груди золотымъ парчевымъ покровомъ. Большая восковая свѣча горитъ въ изголовьи гроба...

◇ РИС. 201 ◇

692. Статья о смерти Пушкина, появившаяся въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» А. А. Краевскаго.

Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Не ужь-ли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ у насъ Пушкина?.. Къ этой мысли нельзя привыкнуть!

29 Янв., 2 ч. 45 м. пополудни.

693. В. А. Жуковскій, «Покойнику» (А. С. Пушкину), 1837.

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ-будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ... И спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?..

694. В. А. Жуковскій—С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г.

Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось вглядѣться въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе Государя-Императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью.

695. П. И. Бартеневъ, «Русск. Арх.», 1899.

А. О. Россетъ переносилъ Пушкина съ дивана, на которомъ онъ умеръ, на столъ. Вспоминая о томъ, онъ прибавлялъ: «какъ онъ былъ легокъ!»

696. А. Н. Муравьевъ, «Знакомство съ русскими поэтами», 1871.

Случилась несчастная дуэль Пушкина; столица поражена была смертью любимаго поэта; народъ толпился около его дома, гдѣ сторожила полиція, испуганная такимъ сборищемъ; впускали только по одиночкѣ поклониться тѣлу усопшаго. Два дня сряду въ тѣсной его квартирѣ являлись, какъ тѣни, люди всякаго рода и званія, одинъ за другимъ благоговѣйно подходили къ его рукѣ и молча удалялись, чтобы дать мѣсто другимъ почитателямъ его памяти. Было даже опасеніе взрыва народной ненависти къ убійцѣ Пушкина...

697. А. О. Россетъ, по записи П. И. Бартенева, «Русск. Арх.», 1882.

Знать стала навѣщать умиравшаго поэта, только прослышавъ объ участливомъ вниманіи Царя.

698. И. И. Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», 1830—1839.

Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербургъ отъ апатіи. Весь Петербургъ всполошился. Въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ, у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ первомъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской), не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извощиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми.

699. В. П. Бурнашевъ, «Русск. Арх.», 1872.

Мы съ Глинкою, оба полные думъ о Пушкинѣ .. выйдя изъ воротъ *(дома, въ которомъ скончался Пушкинъ)*... пошли рядомъ, имѣя одну дорогу.

— У меня, въ карманѣ, — сказалъ Глинка, — любившій тщеславиться тѣмъ, что онъ достаетъ прежде многихъ различные стихи, пользовавшіеся рукописною славою, — прелестные стихи, которые вчера только ночью написалъ одинъ лейбъ-гусаръ, тотъ самый Лермонтовъ, котораго маленькая поэмка «Хаджи-Абрекъ» и еще кое-какіе стишки были напечатаны въ «Библіотекѣ для чтенія» и которые тотъ, чьи останки мы только что видѣли, признавалъ блестящими признаками высокаго таланта. Судьбѣ угодно было, чтобы этотъ Лермонтовъ оправдалъ слова безсмертнаго поэта и написалъ на его кончину стихи высокаго совершенства. Хотите, я вамъ ихъ прочту?

— Сдѣлайте одолженіе, прочтите, Владиміръ Сергѣевичъ, — сказалъ я — да только какъ же читать-то на морозѣ? А вотъ вѣдь мы въ двухъ шагахъ отъ кондитерской Вельфа, зайдемте туда...

Мы вошли въ кондитерскую, гдѣ встрѣтили двухъ-трехъ знакомыхъ.. Мы съ Глинкой удалились въ заднюю комнату, гдѣ намъ былъ поданъ кофе и гдѣ Глинка очень хорошо прочелъ мнѣ извѣстное, а тогда только что появившееся и расходившееся въ рукописи стихотвореніе на смерть Пушкина, оканчивавшееся тогда словами: «И на устахъ его печать».

Рис. 202.
Маска Пушкина.
Снимокъ съ маски, хранившейся въ Юрьевскомъ университетѣ.

Рис. 203.
Маска Пушкина.
Рисунокъ Элеоноры Жуковской. 1837 г.

Тотчасъ же послѣ смерти Пушкина, Жуковскій вспомнилъ о необходимости снять маску съ умершаго. П. А. Плетневъ отправился къ извѣстному скульптору С. И. Гальбергу, который и снялъ маску; по ней онъ выпѣпилъ потомъ извѣстный свой бюстъ Пушкина. Поэтъ былъ знакомъ съ Гальбергомъ, высоко цѣнилъ его, какъ художника, о чемъ свидѣтельствуетъ посвященное ему стихотвореніе «Художнику».

Рис. 204.
Видъ на Адмиралтейство отъ старой Исаакіевской церкви, гдѣ было назначено отпѣваніе Пушкина.
Гравюра Патерсона.

«Страшное несчастіе обрушилось на наши головы, какъ громовой ударъ, когда мы всего менѣе того ожидали», такъ характеризовалъ состояніе друзей въ моментъ смерти Пушкина Вяземскій. Наталія Николаевна билась въ конвульсіяхъ и долго не хотѣла вѣрить смерти мужа. «Наша няня, — писала впослѣдствіи А. П. Арапова, — не могла вспомнить безъ содроганія о страшномъ состояніи, въ которое впала мать, какъ только въ наступившей смерти нельзя было сомнѣваться. Безчувственную, словно окаменѣлую, ее уложили въ постель; даже въ широкооткрытыхъ неподвижныхъ глазахъ всякій признакъ жизни потухъ. «Ни дать, ни взять сама покойница», описывала она. Она не слышала, что вокругъ нея дѣлалось, не понимала, что ей говорили...»

По свидѣтельству Вяземскаго, въ домѣ послѣ смерти Пушкина осталось только 300 рублей. Всѣ расходы и хлопоты по похоронамъ взялъ на себя двоюродный дядя Н. Н. по матери, графъ Г. А. Строгановъ, родственно и дружески относившійся къ семьѣ Пушкина. Онъ хотѣлъ придать похоронамъ особую торжественность, предполагая пригласить митрополита и устроить отпѣваніе въ Исаакіевскомъ соборѣ. Приглашеніе на отпѣваніе гласило: «Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла въ Исаакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня». Нынѣшній Исаакіевскій соборъ тогда еще строился, а Исаакіевскимъ соборомъ называлась церковь при Адмиралтействѣ, куда Пушкины были прихожанами, живя на Мойкѣ.

Скорбь и негодованіе, охватившія общество, послѣ извѣстія о смерти поэта, выразились со стихійной силой. Шли слухи о публичныхъ манифестаціяхъ, о выраженіи враждебныхъ чувствъ Дантесу — вещь неслыханная въ николаевское время. Впервые въ исторіи столицы обнаружилось въ массовыхъ формахъ общественное мнѣніе. Растерявшіяся власти распорядились неожиданно даже для близкихъ, перемѣнить и время выноса и мѣсто отпѣванія, назначивъ его въ церкви Спаса при Дворцовомъ конюшенномъ вѣдомствѣ. Выносъ тѣла изъ квартиры въ церковь былъ совершенъ наканунѣ въ полночь, въ присутствіи только родныхъ и нѣсколькихъ ближайшихъ друзей подъ наблюденіемъ начальника штаба корпуса жандармовъ ген. Дубельта; къ сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты жандармовъ и полиціи. Утромъ 1 февраля многіе приглашенные на отпѣваніе и толпы желавшихъ отдать послѣдній долгъ Пушкину съ удивленіемъ находили двери Адмиралтейской церкви запертыми. А въ это время уже шло отпѣваніе въ Конюшенной церкви, но туда пускали только по билетамъ и должностныхъ лицъ. Но все же похороны Пушкина вышли и величественными и трогательными.

«Это были, дѣйствительно, народныя похороны. Все, что сколько-нибудь читаетъ и мыслитъ въ Петербургѣ—все стеклось къ церкви, гдѣ отпѣвали поэта», записалъ очевидецъ, цензоръ А. В. Никитенко. «Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью и торжественностью, и въ тоже время были необычайно трогательны», доносилъ саксонскій посланникъ, бар. Лютцероде, своему правительству. Отпѣваніе совершали архимандритъ и шесть священниковъ. «Прахъ Пушкина принялъ послѣднее цѣлованіе родныхъ и друзей. В. А. Жуковскій обнялъ бездыханное тѣло его и долго держалъ его безмолвно на груди своей», пишетъ П. А. Анненковъ. Очевидецъ М. А. Коркуновъ сообщалъ въ «Московскія Вѣдомости»: «Передъ церковью, для отданія послѣдняго долга любимому писателю, стеклись во множествѣ люди всякаго званія. Трогательно было видѣть выносъ гроба изъ церкви: И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, кн. П. А Вяземскій и другіе литераторы и друзья покойнаго несли гробъ»... — Впредь до перевезенія въ Святыя Горы, гробъ съ тѣломъ Пушкина былъ поставленъ въ склепъ Конюшенной церкви, гдѣ продолжались поклоненія ему. Нѣкоторые почитатели Пушкина провели въ склепѣ всю ночь.

◇ *РИС. 202* ◇

700. В. А. Жуковскій — С. Л. Пушкину, 15 февраля 1837 года.

Къ счастью, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты лица его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ.

◇ *РИС. 204* ◇

701. Кн. П. А. Вяземскій — Вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 г.

Въ день, предшествовавшій ночи, въ которую назначенъ былъ выносъ тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось человѣкъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы всѣ находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ?..

702. А. В. Никитенко, «Записки и дневникъ».

Февраль 1. Похороны Пушкина... Это происходило въ Конюшенной. Площадь была усѣяна экипажами и публикою, но среди послѣдней — ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ. Впускали въ церковь только тѣхъ, которые были въ мундирахъ или съ билетомъ. На всѣхъ лицахъ лежала печаль — по крайней мѣрѣ наружная. Я прощался съ Пушкинымъ: «И былъ страненъ тихій миръ его чела». Впрочемъ, лицо уже значительно измѣнилось: его успѣло коснуться разрушеніе. Мы вышли изъ церкви съ Кукольникомъ.

— Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что мы, все-таки, подвинулись впередъ,— сказалъ онъ, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ...

Въ университетѣ получено строгое предписаніе, чтобы профессора не отлучались отъ своихъ кафедръ, и студенты присутствовали бы на лекціяхъ. Я не удержался и выразилъ попечителю свое прискорбіе по этому поводу. Русскіе не могутъ оплакивать своего согражданина, сдѣлавшаго имъ честь своимъ существованіемъ! Иностранцы приходили поклониться поэту въ гробу, а профессорамъ университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайкомъ, какъ воры, должны были прокрадываться къ нему.

703. Либерманъ, прусскій посланникъ, въ донесеніи своему правительству, 2-14 февраля 1837 г.

Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта, — иноземнаго происхожденія. Громко кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній по греческому ритуалу, которыя имѣли мѣсто сначала въ квартирѣ покойнаго, а потомъ на торжественномъ богослуженіи, которое было совершено съ величайшею торжественностью въ придворной Конюшенной церкви, на которомъ почли долгомъ присутствовать многіе члены дипломатическаго корпуса. Думаю, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ перебывало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шелъ даже вопросъ о томъ, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу; наконецъ, демонстраціи и овраціи, вызванныя смертью человѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, приказала внезапно перемѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны и перенести тѣло въ церковь ночью.

704. А. И. Тургеневъ — А. И. Нефедьевой, 1 февраля 1837 г.

Австрійскій посолъ, неаполитанскій, саксонскій, баварскій, и всѣ съ женами и со свитами. Чины двора, министры нѣкоторые: между ними и *Уваровъ:* смерть — примиритель. Дамы красавицы и модницъ—множество; *Хитрово* — съ дочерьми, гр. Бобринскій, актеры: Каратыгинъ и пр. Журналисты, авторы, — Крыловъ послѣдній изъ простившихся съ хладнымъ тѣломъ. Кн. Шаховской. Молодежи множество. Служилъ архимандритъ и шесть священниковъ. Рвались — къ послѣднему цѣлованію... Всѣ товарищи поэта по лицею явились. Мы на рукахъ вынесли гробъ въ подвалъ на другой дворъ; едва насъ не раздавили. Площадь вся покрыта народомъ, въ домахъ и на набережныхъ Мойки тоже.

705. М-нъ, «Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ», «Русск. Стар.», 1881.

Многіе студенты сговорились вмѣстѣ идти на похороны Пушкина, но не знали, откуда будутъ похороны, — всѣ полагали, что изъ Адмиралтейской церкви. Оказалось, отпѣваніе было въ Конюшенной церкви. Толпами мы бросились сперва къ Адмиралтейской, а потомъ къ Конюшенной площади, но здѣсь трудно было протолкаться черезъ полицію, и только нѣкоторые счастливцы получили доступъ въ церковь. Я оставался съ другими на площади. На вопросъ проходящаго, кого хоронятъ, жандармъ ничего не отвѣтилъ, будочникъ, — что не можетъ знать, а квартальный надзиратель, — что камеръ-юнкера Пушкина. Долго ждали мы окончанія церковной службы... Гробъ вынесенъ былъ на улицу посреди пестрой толпы мундировъ и салоповъ, что мало соотвѣтствовало тому чувству, которое въ этотъ моментъ наполняло наши юношескія души. При томъ все это мелькнуло передъ нами только на одинъ мигъ. Съ улицы гробъ тотчасъ-же внесенъ былъ въ расположенныя рядомъ съ церковью ворота въ Конюшенный дворъ, гдѣ находился заупокойный подвалъ, для принятія тѣла до его отправленія въ Псковскую губернію. Живо помню, какъ взоры наши слѣдили въ глубину воротъ за гробомъ, пока онъ не исчезъ, — вотъ все, чѣмъ ознаменовалось участіе молодежи въ погребеніи русской гражданской славы!

Рис. 205.

Перевозъ тѣла Пушкина въ Святыя Горы.

Этюдъ А. А. Наумова.

Рис. 206.

Святогорскій-Успенскій Монастырь.

Съ фотографіи.

Начало Святогорскаго-Успенскаго монастыря относится къ московскому періоду прошлаго Псковской земли. Послѣ пожара, когда чудесно сохранились иконы, Царь Иванъ Грозный «повелѣ на той горѣ устроити церковь каменну и повелѣ быти обители». Съ XVII вѣка Святогорскій монастырь считался въ числѣ первыхъ трехъ десятковъ «старшихъ» обителей Россіи. Расположенъ на горѣ Святой, при озерѣ Тополенцѣ, Псковской губерніи.

Первоначально думали хоронить Пушкина, повидимому, или въ Петербургѣ или въ Михайловскомъ. Утромъ 30 января А. И. Тургеневъ писалъ сестрѣ, что неизвѣстно «здѣсь ли или въ Псковской деревнѣ его предадутъ землѣ... Лучше бы здѣсь, въ виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня можетъ быть продана, и кто позаботится о памятникѣ незабвеннаго поэта?» Въ 2 часа онъ прибавилъ въ томъ же письмѣ: «кажется, рѣшено, что его повезутъ хоронить въ дерезню». Но 1 февраля Тургеневъ уже рѣшительно сообщалъ о Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ Пушкинъ «желалъ покоиться».—Какъ только вдова и друзья вспомнили о Святыхъ Горахъ, то всѣ колебанія, очевидно, отпали. Тамъ покоились родители матери Пушкина, дѣдъ и бабка Ганнибалы. Тамъ же похоронена была, менѣе чѣмъ за годъ до кончины Пушкина, и сама Надежда Осиповна. И хороня ее, Пушкинъ не только выразилъ желаніе быть погребеннымъ тутъ же, но и указалъ мѣсто для своей могилы. Да и лично Пушкинъ былъ тѣсно связанъ съ монастыремъ, часто посѣщая его во время пребыванія въ Михайловскомъ и общаясь съ его иноками и настоятелемъ.—Графъ Строгановъ тотчасъ же обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Д. Н. Блудову, прося разрѣшенія «для свободнаго перевезенія тѣла» въ Святогорскій монастырь. «Покойный А. С. Пушкинъ, — писалъ онъ, — желалъ, видно, чтобы къ смерти тѣло его перевезено было для погребенія въ монастырь Святыя Горы, въ Псковской губерніи, въ Опочскомъ уѣздѣ. Тамъ погребены мать его и предки его». Нужныя распоряженія были въ тотъ же день, 1 февраля, даны петербургскому военному генералъ-губернатору, и тогда же посланъ былъ открытый листъ «на свободный пропускъ тѣла до мѣста преданія его землѣ».

По состоянію своего здоровья Наталія Николаевна не могла сопровождать тѣла мужа; она обратилась къ Государю съ просьбою позволить сопроводить тѣло до могилы Данзасу, мотивируя невозможность сдѣлать это лично своею тяжелою болѣзнью. «Я немедленно доложилъ Его Величеству просьбу г-жи Пушкиной,—писалъ гр. А. Х. Бенкендорфъ графу Г. А. Строганову,—дозволить Данзасу проводить тѣло въ его послѣднее жилище. Государь отвѣтилъ, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, дозволивъ подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемоніи при тѣлѣ его друга; что дальнѣйшее снисхожденіе было бы нарушеніемъ закона—и слѣдовательно невозможно; но онъ прибавилъ, что Тургеневъ, давнишній другъ покойнаго, ничѣмъ не занятый въ настоящее время, можетъ отдать этотъ послѣдній долгъ Пушкину, и что онъ уже поручилъ ему проводить тѣло».

«3-го Февраля, в десять часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ осталось отъ Пушкина, — писалъ впослѣдствіи Жуковскій отцу поэта; — отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись: при свѣтѣ мѣсяца я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро онѣ позоротили за уголъ дома, и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ». «3-го Февраля въ полночь, — писалъ Тургеневъ,—мы отправились изъ Конюшенной церкви, съ тѣломъ Пушкина, въ путь; я съ почтальономъ въ кибиткѣ позади тѣла; жандармскій капитанъ впереди онаго. Дядька покойнаго желалъ также проводить останки своего добраго барина къ послѣднему его жилищу, куда недавно возилъ онъ же и тѣло его матери; онъ сталъ на дрогахъ, кои везли ящикъ с тѣломъ, и не покидалъ его до самой могилы». Дядька этотъ былъ Никита Козловъ, не покидавшій Пушкина отъ колыбели до могилы. Жандармскій капитанъ Ракѣевъ, сопровождавшій гробъ по назначенію Бенкендорфа, говорилъ потомъ о немъ: «Человѣкъ у него былъ... что за преданный былъ слуга! Смотрѣть даже было больно, какъ убивался. Привязанъ былъ къ покойнику, очень привязанъ. Не отходилъ почти отъ гроба; не ѣстъ, не пьетъ».

Ночью печальный поѣздъ миновалъ Софію, Гатчино. Утромъ 4 числа прослѣдовали черезъ Лугу и въ 9 часовъ прибыли въ Псковъ, откуда, по выполненіи нѣкоторыхъ формальностей отбыли дальше въ часъ ночи. 5-го вечеромъ тѣло прибыло въ Тригорское и тотчасъ было направлено далѣе, въ монастырь.

Часто видалъ Святогорскій монастырь въ своихъ стѣнахъ живого Пушкина; теперь принималъ онъ его прахъ для послѣдняго успокоенія...

◇ *РИС. 205* ◇

706. А. Н. Мордвиновъ—А. И. Пещурову, псковскому губернатору, 2 февр. 1837 г., изъ Петербурга.

Милостивый Государь Алексѣй Никитичъ!

Г. Дѣйств. ст. сов. Яхонтовъ, который доставитъ сіе письмо Вашему Превосходительству, сообщитъ Вамъ наши новости. Тѣло Пушкина везутъ въ Псковскую губернію для преданія землѣ въ имѣніи его отца.—Я просилъ Г. Яхонтова передать Вамъ по сему случаю порученіе графа Ал. Хр. *(Бенкендорфа)*, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству волю Государя Императора, чтобы Вы воспретили всякое особенное изъявленіе, всякую встрѣчу, однимъ словомъ всякую церемонію, кромѣ того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребеніи тѣла дворянина. Къ сему не излишнимъ считаю, что отпѣваніе тѣла уже здѣсь совершено.

707. А. И. Тургеневъ, «Дневникъ», дополнено по письму А. И. Тургенева къ А. И. Нефедьевой отъ 9 февраля 1837 г.

4 февраля. Передъ гробомъ и мною скакалъ жандармскій капитанъ. Проѣхали Софію, въ Гатчинѣ рисовались дворцы и шпицъ протестантской церкви, в Лугѣ или прежде пилъ чай. Тутъ вошелъ въ церковь. На станціи передъ Псковомъ встрѣча съ камергеромъ Яхонтовымъ, который везъ письмо Мордвиноза къ Пещурову, но не сказалъ мнѣ о немъ. Я поилъ его чаемъ и обогналъ его, пріѣхалъ къ 9 часамъ въ Псковъ, прямо къ губернатору — на вечеринку. Яхонтовъ скоро и прислалъ письмо Мордвинова, которое губернаторъ началъ читать вслухъ, но дошелъ до Высочайшаго повелѣнія — о невстрѣчѣ—тихо показалъ только мнѣ, именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть бы изъ комедіи!

5 февраля. Въ 1 часъ пополуночи отправились сперва въ Островъ, за 56 верстъ, гдѣ исправникъ и городничій насъ встрѣтили и послали съ нами чиновника далѣе; оттуда за пятьдесятъ верстъ къ Осиповой — въ Тригорское, гдѣ уже былъ въ три часа пополудни. За нами прискакалъ и гробъ въ седьмомъ часу вечера; гробъ оставилъ я на послѣдней станціи съ почтальономъ и дядькой. Осипова послала, по моей просьбѣ, мужиковъ рыть могилу; вскорѣ и мы туда поѣхали съ жандармомъ; зашли къ архимандриту; онъ далъ мнѣ описаніе монастыря; рыли могилу; между тѣмъ я осмотрѣлъ, хотя и ночью, церковь, ограду и зданія. Условились пріѣхать на другой день и возвратились въ Тригорское. Повстрѣчали тѣло на дорогѣ, которое скакало въ монастырь. Гробъ внесли въ верхнюю церковь и поставили до утра тамъ. Напились чаю; я уломилъ спать жандарма и самъ остался мыслить вслухъ о Пушкинѣ съ милыми хозяйками; читалъ альбомъ со стихами Пушкина, Языкова и проч. Дочь (*Марья Ивановна Осипова*) плѣняла меня, мы подружились. Въ 11 часовъ я легъ спать.

6 февраля, въ 6 часовъ утра, отправились мы — я и жандармъ опять въ монастырь. — все еще рыли могилу; моимъ гробокопателямъ помогали крестьяне Пушкина, узнавшіе, что гробъ прибылъ туда; мы отслужили панехиду въ церкви и вынесли на плечахъ крестьянъ и дядьки гробъ въ могилу—немногіе плакали. Я бросилъ горсть земли въ могилу; выронилъ нѣсколько слезъ и возвратился въ Тригорское. Тамъ предложили мнѣ ѣхать в Михайловское, и я поѣхалъ съ милой дочерью, несмотря на желаніе и на убѣжденіе жандарма не ѣздить, а спѣшить въ обратный путь. Дорогой Марья Ивановна объяснила мнѣ Пушкина въ деревенской жизни его, показывала урочища, любимыя сосны, два озера, покрытыхъ снѣгомъ, и мы вошли въ домикъ поэта, гдѣ онъ прожилъ свою ссылку и написалъ лучшіе стихи свои. Все пусто. Дворникъ, жена его плакали.

708. Бар. Б. А. Вревскій—С. Л. Пушкину, 21 марта 1837 г.

Кто бы сказалъ, что даже дворня *(Тригорская)*, такая равнодушная по отношенію къ другимъ, плакала о немъ! Въ Михайловскомъ г. Тургеневъ былъ свидѣтелемъ такого же горя.

709. Рапортъ островскаго исправника Бородина псковскому губернатору; 9 февраля 1837 года. Секретно.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 4 сего февраля за № 557, донести честь имѣю, что тѣло умершаго въ С.-Петербургѣ камеръ-юнкера Александра Пушкина черезъ сей уѣздъ 5 числа и 6 по утру, весьма рано командированнымъ мною состоящимъ при занятіи дѣлами въ Земскомъ судѣ поручикомъ Филипповичемъ препровождено въ Опочецкій уѣздъ, въ находящійся близь имѣнія отца покойнаго Пушкина Свято-Горскій монастырь и предано по обряду христіанскому землѣ.

Подписалъ: земскій исправникъ Бородинъ.

◇ *РИС. 206* ◇

710. Л. И. Софійскій, «Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ».

Изъ Михайловскаго Пушкинъ любилъ ходить въ Святыя Горы, при чемъ, какъ передаютъ, всегда входилъ въ монастырь восточными воротами, обращенными въ сторону села Михайловскаго. * По преданію, ему въ монастырѣ отводилась келья, стѣны которой онъ испещрялъ своими стихами. Придя въ Св. Горы въ «Девятникъ», то-есть въ девятую пятницу по Пасхѣ, когда бываетъ тамъ ярмарка, Пушкинъ часто останавливался у святыхъ воротъ монастыря, выходящихъ на западъ по направленію къ слободѣ Тоболенецъ, и здѣсь онъ прислушивался къ пѣнію нищихъ, распѣвающихъ и доселѣ духовные стихи о Лазарѣ, объ архангелѣ Михаилѣ, о страшномъ судѣ и тому подобныя канты, а иногда и подпѣвалъ имъ и самъ.

711. П. М. Устимовичъ. «По пушкинскимъ мѣстамъ», «Историч. Вѣстн.», 1908.

Святогорскій монастырь называется Успенскимъ, и въ немъ хранится очень чтимая мѣстнымъ населеніемъ икона Одигитріи Божіей Матери. На главныхъ входныхъ воротахъ монастыря съ одной стороны имѣется надпись: «Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости Твоея». А на другой: «Возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя». Возлѣ этихъ воротъ, по преданію, Пушкинъ пѣлъ когда-то съ нищими Лазаря.

* Впослѣдствіи названы «пушкинскими».

Рис. 207.

Могила и надгробный памятникъ Пушкина.

Съ фотографіи.

«Два чувства дивно близки намъ,
«Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу —
«Любовь къ родному пепелищу
«Любовь къ отеческимъ гробамъ»...

Пушкина не разъ посѣщала мысль о смерти. Однажды, полушутя, полусерьезно, онъ сказалъ, что завѣщаетъ свои стихотворенія Жуковскому — «кормильцу юной моей музы», а на замѣчаніе Тургенева, что онъ «юноша» и ихъ переживетъ, возразилъ: «Тридцать лѣтъ. Хороша юность. Впрочемъ я имѣю предчувствіе, что умру молодымъ. Я имѣлъ предчувствіе, когда мнѣ не было еще 20-ти лѣтъ». Со свойственною ему образностью и конкретностью воображенія Пушкинъ задумывался и надъ тѣмъ, гдѣ ему придется лежать, и уже въ стансахъ 28 декабря 1829 года писалъ:

«И хоть безчувственному тѣлу
«Равно повсюду истлѣвать,
«Но ближе къ милому предѣлу
«Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать».

Насколько спокойно-дѣловито относился Пушкинъ къ вопросу своего погребенія, видно изъ слѣдующаго разговора его съ Нащокинымъ, вспомянутаго В. А. Нащокиной: «Помню также, какъ часто между моимъ мужемъ и Пушкинымъ совершенно серьезно происходилъ разговоръ о томъ, чтобы по смерти ихъ похоронили рядомъ на одномъ кладбищѣ, и одинъ разъ поэтъ, пріѣхавъ изъ своего любимаго имѣнія Михайловскаго, съ восторгомъ говорилъ Павлу Войновичу: «Знаешь, братъ, ты вотъ все болѣешь, можетъ, скоро умрешь, такъ я подыскалъ тебѣ въ Михайловскомъ могилку сухую, песчаную, чтобы тебѣ было не сыро лежать, чтобы тебѣ и мертвому было хорошо, а когда умру я, меня положатъ рядомъ съ тобой».

Пушкину выпало умереть раньше своего друга. По его желанію, похоронили его около матери, въ Святогорскомъ монастырѣ, «на просторѣ» русскаго сѣвера. Тутъ же потомъ похоронили позднѣе и отца его, Сергѣя Львовича. Такъ, на вершинѣ Святыхъ Горъ, недалеко отъ рѣки Великой, у подножія стариннаго ссбора, подъ сѣнью родныхъ деревъ, обрѣлъ свой «таинственный привѣтливый почлегъ» прахъ величайшаго русскаго поэта...

Нерѣдко заходилъ Пушкинъ при жизни своей на Святогорское кладбище... Не его ли и воспѣлъ онъ въ чудесныхъ стихахъ своихъ «Когда за городомъ задумчивъ я брожу», оставивъ намъ такимъ образомъ въ вѣчное воспоминаніе поэтическое описаніе мѣста своего собственнаго упокоенія?!

«Но какъ же любо мнѣ
«Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
«Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
«Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
«Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
«Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ.
«Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
«Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
«На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
«Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
«Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
«Колеблясь и шумя...»

◇ *РИС. 207* ◇

712. Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ,—М. Л. Яковлеву (оба —лицейскіе товарищи Пушкина), 14 февраля 1837 г., изъ Севастополя.

Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться ..

713. Л. С. Пушкинъ — С. Л. Пушкину, 19 марта 1837 г., съ Кавказа.

Со 2-го января до настоящаго времени я былъ безпрерывно въ дѣлахъ противъ чеченцевъ, и нашъ отрядъ не имѣлъ связи ни съ кѣмъ... Эта ужасная новость меня сразила, я, какъ сумасшедшій, не знаю, что дѣлаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я всѣ бы ихъ отдалъ, чтобы выкупить жизнь брата. Въ гибельный день его смерти я слышалъ вокругъ себя свистъ тысячъ пуль, — почему не мнѣ выпало на долю быть сраженнымъ одной изъ нихъ...

714. Е. А. Баратынскій—Кн. П. А. Вяземскому, 1837.

Пишу къ вамъ подъ громовымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во мнѣ и не во мнѣ одномъ ужасною вѣстью о погибели Пушкина. Какъ русскій, какъ товарищъ, какъ семьянинъ скорблю и негодую... Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясенъ глубоко и со слезами, ропотомъ, недоумѣніемъ, безпрестанно себя спрашиваю, зачѣмъ это такъ, а не иначе?

Въ какой внезапной неблагосклонности къ возникающему голосу Россіи Провидѣніе отвело око свое отъ поэта, давно составлявшаго ея славу и еще бывшаго (что бы ни говорили злоба и зависть) ея великою надеждою.

715. А. А. Бестужевъ — брату П. А. Бестужеву, 1837.

Меня глубоко огорчила трагическая смерть Пушкина, дорогой Павелъ, несмотря на то, что эта вѣсть была сообщена мнѣ прелестной женщиной. Всякое неожиданное несчастье не проникаетъ сразу до глубины сердца, сначала оно затрагиваетъ, такъ сказать, его поверхность. Но черезъ нѣсколько часовъ въ тиши и одиночествѣ ночи ядъ проникаетъ въ глубину и разливается тамъ. Я не смыкалъ глазъ всю ночь, а на зарѣ я уже ѣхалъ по скверной дорогѣ въ монастырь св. Давида, который ты знаешь. Пріѣхавъ туда, я зову священника и прошу его отслужить панихиду на могилѣ Грибоѣдова, могилѣ поэта, попираемой ногами толпы, безъ камня, безъ надписи. Я плакалъ тогда горькими слезами, какъ плачу теперь надъ другомъ, надъ товарищемъ по оружію, надъ самимъ собою. И когда священникъ произнесъ слова: «за убіенныхъ боляръ Александра и Александра», я задыхался отъ рыданій — эта фраза показалась мнѣ не только воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я чувствую это, моя смерть тоже будетъ насильственной, необычной, близкой. Слишкомъ горячая кровь кипитъ въ моихъ жилахъ для того, чтобы она могла съ лѣтами остывать.

Вы слишкомъ строго обвиняете Дантеса — его оправданіемъ, по моему, служитъ нравственность или, лучше сказать, безнравственность. Его преступленіе или его несчастье въ томъ, что онъ убилъ Пушкина,—и этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сдѣлать его вину непрощаемой въ моихъ глазахъ. Да будетъ же ему извѣстно (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не переживемъ нашей первой встрѣчи.

716. П. В. Нащокинъ—С. А. Соболевскому, 1838 г.

...я не могъ писать и не къ кому было писать. Смерть Пушкина—для меня—уморила всѣхъ, — я всѣхъ забылъ — и тебя — и мои дѣла и все — я долженъ былъ вспомниться, имѣя жену и дѣтей,— безъ нихъ—я бы вполнѣ предался съ наслажденіемъ печали—и къ моему плохому здоровью, вѣроятно, отправился туда же, куда и всѣмъ путь — непремѣнный—Ты не знаешь, что я потерялъ съ его смертью и судить не можешь — о моей потерѣ. По смерти — его, я самъ растерялся — упалъ духомъ, разслабъ тѣломъ.

717. И. И. Пущинъ—И. В. Малиновскому, 14 іюня 1840 г., изъ Туринска.

Послѣдняя могила Пушкина! кажется, если бы при мнѣ должна была случиться несчастная его исторія и если бы я былъ на мѣстѣ К. Данзаса, то роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я нашелъ бы средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи, хотя не всѣмъ его стихамъ поклоняюсь; ты догадаешься, про что я хочу сказать; онъ минутно забывалъ свое назначеніе и все это послѣ нашей разлуки...

718. Н. Н. Пушкина—П. В. Нащокину, изъ Михайловскаго.

Мое пребываніе въ Михайловскомъ, которое Вамъ уже извѣстно, доставило мнѣ утѣшеніе исполнить сердечный обѣтъ, давно мною предпринятый. Могила мужа моего находится на тихомъ уединенномъ мѣстѣ, мѣстоположеніе, однако, не такъ величаво, какъ рисовалось въ моемъ воображеніи; сюда прилагаю рисунокъ, подаренный мнѣ въ тѣхъ краяхъ — вамъ однимъ рѣшаюсь имъ жертвовать.

719. И. Щегловъ, «Новое о Пушкинѣ», 1902.

Во время обѣдни зашелъ на могилу Пушкина. Боже мой, какой это мирный уголокъ. Прямо отъ памятника видна старинная, обветшавшая отъ времени часовенка, за ней лѣса и поля, а изъ оконъ монастыря вмѣстѣ съ кадильнымъ еміамомъ несутся трогательные звуки «Херувимской»... Тишь да гладь, да Божья благодать... Много-много, если внизу, подъ горой, простучитъ телѣга мужика... Невольно припоминается отрывокъ, найденный въ черновикахъ Пушкина, очевидно, набросанный подъ впечатлѣніемъ осенняго святогорскаго кладбища:

«Стою печаленъ, на кладбище
«Гляжу кругомъ—обнажено
«Святое смерти пепелище
«И степью лишь окружено...

«И мимо вѣчнаго ночлега
«Дорога сельская лежитъ»...

КОНЕЦЪ

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПУШКИНѢ,
использованной при составленіи Альбома.

(Съ соблюденіемъ орѳографіи изданія. Курсивомъ выдѣлены имена авторовъ и названія періодическихъ и продолжающихся изданій).

А. С. Пушкинъ и его эпоха. Спец. номеръ. Изданіе журн. «Иллюстрир. Россія». Парижъ. 1937.

Белоусов, И. Писательские гнезда. М., Моск. т-во писателей. 1930.

Брюсовъ, В. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. Редакция Н. К. Пиксанова. 1929.

Бѣлградскій пушкинскій сборникъ. Бѣлградъ, Русск. пушкинск. ком-тъ въ Югославіи. 1937.

Вересаев, В. Пушкин в жизни. М., изд-ство «Недра». Вып. I-IV. 1927-1928.

Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2-3.

Вульф, А. Н. Дневники. Со статьей М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Редакция и вступит. статья П. Е. Щеголева. М., изд-ство «Федерация». 1929.

Вяземский, П. Старая записная книжка. Л., Изд-ство писателей в Ленинграде. 1929.

Гаррис. Уголок Пушкина. М.-Пг. 1923.

Гершензон, М. О. Исторія молодой Россіи. М.-Пг., Госуд. изд-ство. 1923.

Гершензон, М. О. Мудрость Пушкина. М. 1919.

Гершензон, М. О. Статьи о Пушкине. М. 1926.

Гессен, С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л., Academia. 1930.

Гофманъ, М. Л. Пушкинъ. Психологія творчества. Парижъ. 1928.

Гофманъ, М. Л., проф. Пушкинъ — Донъ-Жуанъ. Парижъ, Сергѣй Лифарь. 1935.

Губер, П. К. Дон-Жуанский список Пушкина. Петербург, изд-ство «Петроград». 1923.

Даль, В. И. Смерть А. С. Пушкиna. Полн. собр. соч. Т. 10. СПБ.-М. 1898.

Дневникъ А. С. Пушкина. (1833-1835 гг.). М.-Пг., Госуд. изд-ство. 1923. (Труды Гос. Румянцевск. музея. Вып. I).

Звенья. Сборники матеріалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.-Л., Academia. Т. I. 1932. Тт. III-IV. 1934.

Иллюстрированная Россія. Пушкинскій номеръ. 1837—1937. № 7 (613), 6 февр. 1937 г.

Императорскій Александровскій лицей. Памятная книжка на $189^{8}/_{9}$ учебный годъ. СПБ. 1899.

Кюхельбекер, В. К. Дневник. С предисл. Ю. Н. Тынянова. М. 1929.

Лажечниковъ, И. И. Знакомство мое съ Пушкинымъ. Полн. собр. соч. Т. 1. СПБ. М. 1899.

Лернер, Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., Прибой. 1929.

Литературное наследство. Т. 16-18. Александр Пушкин. М., Журн.-газет. объединение. 1934.

Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. Ред., вступит. статья и примечания Н. Л. Бродского. М.-Л., Academia. 1930.

Львовъ, Л. Парижскіе отклики въ 1837 году. Собралъ Лоллій Львовъ. Парижъ. 1937.

Милюковъ, П. Живой Пушкинъ. (1837-1937). Историко-біографическій очеркъ. 2-е изд. Парижъ. 1937.

Мякотин, В. А. А. С. Пушкин и декабристы. Берлин. 1923.

Общество изучения Московской области. Труды. Вып. 7. А. С. Пушкин в Москве. Сборник статей. М. 1930.

Письма женщин к Пушкину. Редакция Л. Гроссмана. М., «Современные проблемы». 1928.

Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827-1832. Труды Пушкинского дома. Вып. XLVIII. Л., изд-во Академии наук СССР. 1927.

Платонов, С. Ф. Далекое прошлое пушкинского уголка. Исторический очерк. Л. 1927.

Пушкин. Сборник второй. Редакция Н. К. Пиксанова. М.-Л., Госуд. изд-ство. 1930.

Пушкин. Статьи и материалы. Под. ред. М. П. Алексеева. Вып. I-II. Одесса. 1925.

Пушкинъ. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Тт. I-VI. СПБ., Брокгаузъ-Ефронъ. 1907-1915.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія и письма. Подъ ред. П. О. Морозова. Тт. 1-8. СПБ. 1906.

Пушкин и его друзья. Портреты и рисунки. Редакция и вступит. статья И. С. Зильберштейна. М., Гос. Литературный музей. 1937.

Пущин, И. И., декабрист. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографич. очерк С. Я. Штрайха. М. 1925.

Россия и Пушкин. Сборник статей. 1837-1937. Издание Русской академической группы в Харбине. Харбин. 1937.

Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.-Л. 1935.

Смирнова, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826-1845 гг). Ч. I-II. СПБ. 1895-97.

Соллогубъ, В. А., граф. Воспоминания. М.-Л., Academia. 1931.

Соловьевъ, В. С. Судьба Пушкина. Собр. соч. 2-е изд. Т. 9. СПБ. 1897.

Трошинъ, Г. Я. Пушкинъ и психологія творчества. Прага. 1937.

Тыркова-Вильямсъ, Аріадна. Жизнь Пушкина. Т. 1. 1799-1824. Парижъ. 1929.

Франкъ, С. Л. Пушкинъ какъ политическій мыслитель. Бѣлградъ. 1937.

Францевъ, В. А. Пушкинъ и польское возстаніе 1830 и 1831 гг. Прага. 1929.

Ходасевичъ, В. Ф. О Пушкинѣ. Берлинъ, Петрополисъ. 1937.

Ходасевич, В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. 1. Л., изд-ство «Мысль». 1924.

Цуриковъ, Н. А. Завѣты Пушкина. Мысли о національномъ возрожденіи Россіи. Бѣлградъ. 1937.

Шикъ, А. Женатый Пушкинъ. Берлинъ. 1936.

Широкий, В. Ф. Дача А. С. Пушкина в Царском Селе. Л., Пушкинское общество. 1936.

Широкий, В. Ф. Пушкин в Царском селе. Л. 1936.

фонъ-Штейнъ, С. Пушкинъ-мистикъ. Историко-литературный очеркъ. Рига. 1931.

Щеголевъ, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Пг. 1916.

Щеголев, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Изд. 3-ье. М.-Л., Госуд. изд-ство. 1928.

Centenaire de Pouchkine. 1837-1937. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris. 1937.

La Noblesse de Russie. Publiée par Nicolas Ikonnikov. Tome D. La Descendance de Ratcha. Paris. 1933.

Издатель: Михаилъ Николаевичъ Гордѣевъ, г. Харбинъ, Пекарная ул., № 93, кв. 3.
Составитель: Кириллъ Іосифовичъ Зайцевъ, г. Харбинъ, улица Тунъ-синъ, № 4.
Типографъ: Петръ Петровичъ Гаряевъ, г. Харбинъ, Проспектъ Да-Тунъ, № 5, кв. 16.
Издательство: Центральный Пушкинскій Комитетъ при Бюро по дѣламъ Россійскихъ Эмигрантовъ въ Маньчжурской Имперіи, г. Харбинъ, Биржевая, № 27.
Типографія: типографія «Заря», г. Харбинъ, Сквозная ул., № 7.
Напечатано: 5-го апрѣля 5 года Кан-Дэ. — Издано: 15-го апрѣля 5 года Кан-Дэ.